

В. А. Обручев

«ТЕРРА» - «TERRA»

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

В. А. Обручев

СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

Том второй

ЗЕМЛЯ САННИКОВА
роман

РУДНИК «УБОГИЙ»
роман

ТЕПЛОВАЯ ШАХТА
повесть

МОСКВА
«ТЕРРА» – «TERRA»
1995

ББК 84Р7
О-23

Иллюстрации художника
М. ПЕТРОВА

Обручев В. А.

О-23 Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2: Земля Санникова: Роман; Рудник «Убогий»: Роман; Тепловая шахта: Повесть. — М.: ТЕРРА, 1995. — 576 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 5-300-00117-1 (т. 2)
ISBN 5-300-00102-3

Владимир Афанасьевич Обручев (1863—1956), видный геолог и географ, академик, исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии, написал ряд научно-популярных произведений, самые интересные из которых включены в трехтомник.

Во второй том вошли романы «Земля Санникова», «Рудник «Убогий» и повесть «Тепловая шахта».

О $\frac{4702010201-163}{А30(03)-95}$ Подписное

ББК 84Р7

ISBN 5-300-00117-1 (т. 2)
ISBN 5-300-00102-3

ЗЕМЛЯ САННИКОВА
роман

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти половина Арктики, то есть части поверхности Земли, окружающей Северный полюс, прилегает непосредственно к северным берегам территории нашего Союза. В противоположность Антарктике, окружающей Южный полюс Земли и являющейся большим материком, Арктика представляет собой море.

Ледовитый океан усеян в области, примыкающей к материкам Европы, Азии и Северной Америки, многочисленными большими и малыми островами и лишен их в центральной области, вокруг полюса.

Вследствие холодного климата эти острова покрыты все время толщами льда и снега, и только немногие освобождаются от них в течение короткого полярного лета. Море вокруг островов также сковано льдом, большею частью неподвижным, а остальное пространство моря покрыто толстым многолетним льдом, движущимся в разных направлениях под влиянием течений и ветров.

Несмотря на трудные условия плавания и климата, отважные мореплаватели проникали в Арктику, постепенно открывая, изучая и иногда заселяя эти острова Арктики. Были даже попытки плавания (вольного и невольного) вместе с движущимися льдами для проникновения в те районы Ледовитого океана, которые никогда не представляли открытой воды, ради их изучения: измерения глубин, температуры разных слоев воды, ее состава, живущих в ней животных и растений, грунта морского дна, направления течений и т.п.

Открытия в Арктике новых островов продолжались до самого последнего времени: так, еще в 1881 году были открыты маленькие острова Жаннетта, Генриетта,

Беннетта к северу от Новосибирского архипелага; в 1913 году был открыт большой архипелаг Северной Земли к северу от Таймырского полуострова; еще позже — маленькие островки в Карском море. Но нельзя утверждать, что уже известны все острова Арктики, так как в области движущихся льдов океана могут еще быть такие острова, к которым по воде невозможно, а по движущимся льдам очень трудно добраться. Самолет является новым средством обследования с воздуха тех районов Арктики, которые были недостижимы по воде и по льду.

До сих пор не разгадана еще тайна двух островов, легенда о существовании которых передается уже около полутораста лет. Отважные промышленники, посещавшие ближайшие к берегам Северо-Восточной Сибири острова для добычи на них пушнины, диких северных оленей и мамонтовой кости, а также некоторые исследователи Севера видели издали, с высоких пунктов, в редкие на Севере ясные дни, эти неизвестные острова, но добраться до них не могли. Это Земля Санникова к северу от Новосибирского архипелага и Земля Андреева к северу от устья реки Колымы, названные первый — по имени промышленника Якова Санникова, а второй — по имени сержанта Андреева, впервые увидевших эти острова далеко на горизонте, среди льдов.

Настоящий роман и описывает попытку найти один из этих островов — Землю Санникова — и обследовать его. Роман назван научно-фантастическим потому, что в нем рассказывается об этой земле так, как автор представлял себе ее природу и население при известных теоретических предположениях.

Читатель получит представление о некоторых островах Арктики, об условиях путешествия через льды, о природе и населении неизвестной земли, какие могли бы быть, если бы она существовала там, и в таких условиях, как предполагает автор. В послесловии к этой книге читатель найдет ответ на некоторые вопросы, касающиеся гипотезы о Земле Санникова, и коротко ознакомится с новейшими открытиями советских ученых в Арктике, раскрывающими в какой-то мере тайну Земли Санникова.

«А ВСЕ-ТАКИ ОНА СУЩЕСТВУЕТ!»

Первая половина торжественного заседания ученого общества, посвященного сообщениям членов экспедиции, снаряженной для поисков пропавшего без вести барона Толля и его спутников, подходила к концу. На кафедре, у стены, украшенной большими портретами сановных покровителей и председателей общества, находился морской офицер, совершивший смелое плавание в вельботе[1] через Ледовитое море с Новосибирских островов на остров Беннетта, на который высадился барон Толль, оттуда не вернувшийся. Мужественное лицо докладчика, обветренное полярными непогодами, оставалось в полутени зеленого абажура лампы, освещавшей рукопись его доклада на кафедре и его флотский мундир с золотыми пуговицами и орденами.

За длинным столом перед кафедрой, покрытым зеленым сукном, заседали члены Совета общества — все видные ученые и известные путешественники, проживавшие в северной столице. В середине сидел председатель. Закрыв глаза, он, казалось, дремал под журчание голоса докладчика. Небольшой зал был переполнен.

Докладчик уже описал ход спасательной экспедиции, трудный путь с тяжелым вельботом, поставленным на карты, через торосы полярных льдов от материка на Новосибирские острова, летовку на берегу

---

[1] Вельбот — легкое гребное судно с одинаковыми остроконечными носом и кормой; его парусное вооружение состоит из разрезного фока; фок — нижний прямой парус на передней мачте корабля.

Котельного острова в ожидании вскрытия моря, борьбу со льдами при плавании вдоль берегов и отважный переезд через море к острову Беннетта. Он охарактеризовал этот угрюмый остров, скованный льдами целый год, и описал находку избушки Толля, оставленных им вещей и документа с описанием острова, заканчивавшегося словами: «Отправляемся сегодня на юг; провизии имеем на пятнадцать-двадцать дней. Все здоровы».

— Итак,— провозгласил докладчик, повысив голос,— двадцать шестого октября тысяча девятьсот второго года барон Толль, астроном Зееберг и промышленники якут Василий Горохов и тунгус Николай Дьяконов покинули остров Беннетта и пустились по льду на юг к Новосибирским островам. Но на последние они не прибыли,— наши поиски не обнаружили никаких следов. Куда же девались смелые путешественники? Нет никакого сомнения, что они погибли в пути. В конце октября в этих широтах дня уже нет, только два—три часа около полудня тянутся сумерки. Морозы доходят до сорока градусов; часты свирепые пурги. Но море еще не замерзло и богато полыньями. Путешественники, очевидно, попали во время пурги на полынью, едва затянувшуюся льдом, и провалились. Или погибли, выбившись из сил, от голода и холода в борьбе с торосами, потому что собак у них не было и они сами тащили нарты, нагруженные байдарками и всем имуществом. Или наконец, пытаясь переплыть на утлых байдарках в полярную ночь через незамерзшее море, они потонули во время бури. Так или иначе, но они нашли вечный покой на дне Ледовитого моря, а Земля Санникова, которую Толль искал так долго и тщетно, не существует.

Докладчик сошел с кафедры. Слушатели были охвачены жутким впечатлением от заключительных слов доклада. Вдруг из задних рядов раздался громкий возглас:

— А все-таки она существует!

В зале произошло волнение. Послышались вопросы.

— Кто это? Что это за чудак?..

Председатель обвел публику строгим взглядом, встряхнул колокольчик и, когда зал затих, сказал:

— Предлагаю общему собранию членов общества и

гостям почтить вставанием память погибших отважных путешественников: барона Толля, астронома Зееберга, промышленников Горохова и Дьяконова, положивших свою жизнь на поприще науки.

Все поднялись с мест.

— Объявляю перерыв на четверть часа.

Сидевшие вблизи дверей быстро устремились к выходу. Члены Совета обступили докладчика, а один из них, тучный академик Шенк, известный исследователь, организатор и советчик экспедиции барона Толля, стал протискиваться к задним рядам. Среди шума сдвигаемых стульев и говора толпы раздался его громкий голос:

— Я прошу лицо, которое так уверено в существовании Земли Санникова, поговорить со мной.

В ответ на это приглашение из среды толпившихся слушателей выделился молодой человек в черной блузе со смуглым лицом, изборожденным мелкими морщинами, которые летний зной, зимние стужи, резкие ветры накладывают на кожу. Пробравшись к Шенку, он заявил:

— Это я сказал и повторю еще раз, если нужно!

— Пройдемте в библиотеку! Здесь в толкотне невозможно беседовать! — произнес Шенк, окидывая смельчака проницательным взглядом из-под густых, нависших бровей.

Подхватив молодого человека под руку, Шенк увлек его через боковую дверь в задние комнаты библиотеки, в канцелярию общества.

В канцелярии было тихо и пусто. Академик сел за стол секретаря, пригласив жестом своего собеседника воспользоваться вторым стулом. Закурив папироску, он сказал:

— Я вас слушаю. Что знаете вы о Земле Санникова?

— Позвольте сначала объяснить, кто я,— ответил молодой человек.— Я прожил пять лет как политический ссыльный в селе Казачьем, в устье реки Яны. Живя в этом медвежьем, лучше сказать — беломедвежьем, углу, я познакомился с местными так называемыми промышленниками — грубыми, невежественными людьми с точки зрения столичной культуры, но людьми с добрым сердцем и смелой душой. Каждый год весной, когда дни становятся длинными, но

лед еще крепок, они совершают отважные поездки на Новосибирские острова за мамонтовыми бивнями, которых там много... Среди этих промышленников некоторые ясно видели Землю Санникова и твердо убеждены в ее существовании.

— Это неубедительно! — заметил Шенк.— Вы слышали в докладе, что горы, которые видели Санников и Толль,— не что иное, как огромные ледяные торосы, и что горы на этой воображаемой земле должны были бы достигать двух тысяч двухсот пятидесяти метров высоты, чтобы их можно было видеть с острова Котельного. Таких высоких гор среди Ледовитого океана не может быть.

— Это предположение, но не факт!

— Кроме того, Толль, до высадки на остров Беннетта, тщетно искал эту землю на своей яхте «Заря», которая проплыла вблизи того места, где предполагалась: земля.

— Это может доказать только, что земля находится севернее, а не так близко к Котельному острову, как думали Санников и другие, видевшие ее, но не точно оценившие расстояние,— возразил молодой человек.

— Вы правы! — сказал Шенк.— Но дело в том, что, кроме этих свидетельств, согласитесь — крайне шатких, мы не имеем ничего другого, вернее — ничего определенного, если не считать сведений о пролете птиц куда-то на север.

— Почему вы считаете это недостаточно определенным указанием? — удивился молодой человек.— Уже Врангель сообщил об этом, Майдель подтвердил, а население Севера вполне точно указывает, что летнее обилие птиц на северном берегу Сибири прерывается в двух местах побережья: во-первых, от реки Хромы до реки Омолоя; во-вторых, в пятидесяти километрах западнее мыса Якан и до мыса Рыркайпий[1]. В этих местах лов всегда незначителен, но зато виден пролет птиц на север.

— С западного участка птицы летят на Новосибирские острова, а с восточного — на остров Врангеля,— возразил Шенк.

— Так думали прежде, но это неверно. Остров

[1] Рыркайпий — чукотское название мыса Северного, теперь переименованного в мыс Шмидта.

Врангеля очень высок и скалист и почти все лето остается под снегом. Места для гнездования таких птиц, как гуси и утки, на нем слишком мало. Но для нас интересен западный участок.

— Да, с него птицы летят на Новосибирские острова.

— На этих островах, как оказывается, летует очень много птиц, а большая часть густыми стаями продолжает лететь на север. Это не раз подтверждали мне промышленники в Устьянске, Русском Устье, Ожогине, посещавшие острова; то же знал и Санников. Летят: белый гусь, гага, разные утки, кулики, щеглы и прочие — все питающиеся растениями или мелкими животными, живущими на счет растений. Отсюда следует, что на севере есть еще суша, достаточно обширная и покрытая растительностью.

— Да, эта суша — остров Беннетта,— заметил Шенк.— Из документа, оставленного Толлем, мы узнали, что на этом острове летуют два вида гаг, один вид куликов, снегирь, пять видов чаек...

— Ни гуси, ни утки не упомянуты! — рассмеялся молодой человек.— А они составляют большую часть перелетных птиц. Это характерно! А обратили ли вы внимание на слова того же документа, что Толль видел орла, летевшего с юга на север, сокола, летевшего с севера на юг, и гусей, пролетавших стаей с севера, то есть возвращавшихся в конце лета с этой неизвестной земли на материк.

— Совершенно верно! — подтвердил академик.

— И Толль прибавляет: вследствие туманов землю, куда пролетали эти птицы, так же не было видно, как и во время прошлой навигации Землю Санникова.

— Какая у вас хорошая память! — удивился Шенк.

— Я внимательно слушал доклад, и документ Толля подкрепил мою уверенность в существовании Земли Санникова и именно севернее, чем предполагали. Это и заставило меня высказаться так категорически. Что же касается Беннетта, то, как вы тоже слышали, этот остров слишком мал и слишком загроможден льдами, чтобы давать приют многочисленным птицам. Толль подтвердил это: снегири, кулики, чайки, два вида гаг — вот все его летние гости.

— Но земля, расположенная еще севернее, например под восьмидесятым градусом широты, должна

быть еще больше покрыта льдами; следовательно, также не может прокармливать много птиц.

— Куда же летят в таком случае эти глупые птицы? — рассмеялся молодой человек.

— Право, не знаю. Может быть, через Северный полюс в Гренландию, хотя это невероятно,— ответил Шенк, пожимая плечами.

— А нельзя ли предположить, что в силу каких-то особых условий Земля Санникова, несмотря на свое северное положение среди льдов полярного океана, пользуется более теплым климатом, чем острова Беннетта и Новосибирские, находящиеся южнее?

— Ну, это уже просто фантазия, прошу извинить! — возразил академик, немного рассердившись.— Для такого предположения, кроме пролета птиц, никаких оснований нет.

— Может быть, там находится вулкан, согревающий почву,— не унимался молодой человек,— или горячие ключи!

— Дым вулкана был бы давно замечен вашими же промышленниками и мореплавателями. Не забудьте, что и Нансен проплыл на «Фраме» во время своего дрейфа во льдах вблизи того места, где предполагалась эта таинственная земля, но ничего не видел.

— А известно ли вам о странном исчезновении целого народа онкилонов, жившего на Севере? Теснимые чукчами, они ушли куда-то с материка со всеми своими стадами, и больше о них никто не слышал, и где они — неизвестно.

— Да, помнится, о них собирали сведения Врангель, Норденшельд и Майдель. Но я этнографией не занимаюсь...

Звонок, громко прозвучавший в библиотеке, прервал слова академика. Шенк встал:

— Нужно идти слушать следующий доклад. Но ваши соображения все-таки заинтересовали меня — нам нужно еще поговорить. Приходите ко мне на дом через неделю, вечерком. Вот мой адрес.

Шенк достал из бумажника визитную карточку и, передавая ее своему собеседнику, прибавил:

— Я справлюсь в литературе об этих онкилонах. И позондирую в академии почву насчет новой экспедиции для поисков Толля, хотя сильно сомневаюсь в успехе. Во всяком случае, приходите.

ИСЧЕЗНУВШИЙ НАРОД

Шенк был старый холостяк, много путешествовавший в молодости; он производил исследования и в низовьях Енисея, разыскивая остатки мамонта на тундре, и в Забайкальской области, и на Амуре, и даже на Сахалине, вскоре после присоединения этого далекого края к России, изучая его геологию и флору. Вернувшись в столицу, он погрузился в обработку собранных материалов.

Жил он одиноко и крайне скромно, употребляя значительную часть своего академического жалованья на помощь начинающим ученым и на субсидии экспедициям в интересовавшую его Сибирь и в полярные страны. Немало денег его ушло на путешествие Толля, которого он высоко ценил как исследователя, и на поиски его следов.

Вернувшись с торжественного заседания, Шенк принялся за чтение сведений о загадочном племени онкилонов.

Несколько веков назад они населяли весь Чукотский полуостров, но затем были вытеснены чукчами к берегу Ледовитого океана. По телосложению, одежде, языку и образу жизни они сильно отличаются от чукчей, и ближайшими их родственниками являются алеуты острова Кадьяк.

Норденшельд во время своего плавания на корабле «Вега» вдоль берегов Северной Сибири в районе мысов Иркайпий[1], Шелагского и Якан в изобилии находил брошенные жилища онкилонов, представлявшие землянки своеобразного типа, до половины углубленные в почву и с кровлей из китовых ребер, присыпанных землей. При раскопках были найдены различные орудия из камня и кости — топоры, ножи, наконечники копий и стрел, скребки и проч., нередко даже еще с костяными и деревянными рукоятками, сохранившимися в течение веков благодаря мерзлоте почвы вместе с ремнями, которыми наконечники и топоры были прикреплены. Онкилоны не знали употребления железа и других металлов и были в полном смысле слова людьми каменного века.

---

[1] Иркайпий на карте Норденшельда соответствует мысу Рыркайпий, или Северному, русских карт.

По рассказам чукчей, собранным Врангелем, причиной ухода онкилонов с берегов Ледовитого океана была кровавая распря на почве родовой мести между их вождем, Крэхоем, и предводителем оленных чукчей. Спасаясь от преследования последнего, Крэхой с немногочисленными остатками племени сначала укрепились на скалах мыса Северного, затем перебрались на остров Шалауров и наконец на пятнадцати байдарах они уплыли на землю, горы которой видны вдали в Ледовитом океане с мыса Якан (то есть на остров Врангеля).

«Сведения довольно скудные и противоречивые,— подумал Шенк, закрывая последнюю книгу.— Во всяком случае, интересно: куда девался этот народец?»

В течение следующих дней Шенк, согласно «обещанию нащупать почву в академии», переговорил с некоторыми из академиков, наиболее заинтересованными в изучении полярных стран, но не встретил с их стороны сочувствия плану новой экспедиции для поисков Земли Санникова и следов барона Толля. Солидного ученого, которому могли бы быть поручены новые исследования полярных стран, не было в виду, а давать деньги какому-то фантазеру было бы неосторожно и выхлопотать таковые неудобно.

В конце концов Шенку пришлось подсчитать собственные финансы. Он решил, что тысячей-другой может рискнуть на это предприятие, но это казалось ему недостаточным.

«Ну что же,— подумал он,— инструменты ему достанем даром в разных ведомствах, а дольше года эта экспедиция продолжиться не должна. За это время он или найдет эту землю, и тогда дело можно повернуть совершенно иначе и средства будут, или убедится, что такой земли нет, и мы успокоимся».

ДЕЛО НАЛАЖИВАЕТСЯ

В условленный день и час молодой человек явился. Шенк ждал его.

— Я перечитал все, что известно об онкилонах,— сказал он,— и нахожу, что сведения противоречивы. Несомненно, что этот народ существовал и воевал с чукчами, оставил после себя жилища, каменное и ко-

стяное оружие. Но куда он исчез — неизвестно. Остается думать, что онкилоны или погибли на одном из островов вследствие слишком суровых условий жизни и недостатка промысловых животных, или остались на материке и вымерли давно от какой-нибудь эпидемии.

— Если бы они погибли на островах, там были бы найдены в изобилии их кости,— возразил собеседник.— Люди бесследно не исчезают. Если бы они вымерли на материке, об этом сохранились бы предания у их новых соседей — якутов, тунгусов, ламутов. Таких преданий нет совершенно.

— Так где же они наконец? — воскликнул Шенк.— Не на небо же они взяты живыми!

— Они, очевидно, на Земле Санникова,— там же, куда летят перелетные птицы, которые, вероятно, служили им проводниками.

— Да если бы люди могли летать, я бы этому охотно поверил. Но онкилоны летать не умели и должны были пробраться на эту землю или по воде, или по льду.

— По воде они не плыли, потому что взяли с собой свои стада, а это слишком тяжелый и беспокойный груз для байдар.

— А по льду они пройти не могли. По всем имеющимся сведениям, Ледовитый океан замерзает не на всем протяжении; на некотором расстоянии от берега всегда остается более или менее широкая полоса открытой воды. Поэтому ни один чукча — а они достаточно смелый народ — не побывал на острове Врангеля и ни один промышленник — они тоже не трусы! — не достигал острова Беннетта. И гибель барона Толля доказывает, что по льду пройти нельзя!

— Все это совершенно справедливо вообще,— спокойно возразил молодой человек горячившемуся академику.— Но вспомните, что климат не всегда одинаков, холодные периоды чередуются с теплыми в зависимости от солнечных пятен...

— Ну конечно, я это знаю! — заметил Шенк.

— Мы знаем, что онкилоны перебрались на Новосибирские острова — там тоже найдены их землянки и другие следы пребывания.

— Ну хорошо!

— Они нашли, что место это плохое для жизни,

мало зверя, птицы и год от году будет меньше в результате охоты. Перспектива голода должна была гнать их дальше, а птицы, пролетавшие большими стаями на север, показывали им, что там должна быть земля, гораздо более богатая дичью. Предположим, что как раз в это время был холодный период, выпало несколько особенно суровых зим и море замерзло. Ранней весной, когда дни уже длиннее, онкилоны благополучно перебрались на Землю Санникова.

— И вымерли там от холода и голода, потому что невозможно допустить, чтобы под восьмидесятым градусом широты была земля, удобная для жизни человека. Гуси, утки, может быть, находят себе пищу на оттаивающей тундре, а человек...

— Человек добывает этих птиц, моржей, тюленей, белых медведей, рыбу и живет в Гренландии и на островах к северу от Америки, на Шпицбергене и Новой Земле,— живет, даже любит эти полярные страны и скучает по ним, если попадет на юг.

— Я вижу, вы вполне убеждены в существовании Земли Санникова и на ней онкилонов.

— В первом я убежден, второе считаю единственно возможным объяснением их исчезновения.

— К сожалению, академия не разделяет этого мнения. Я наводил справки. Мои коллеги убеждены, что этой земли нет и что Толль погиб.

— Очень печально, если это так, потому что единственное место, куда мог спастись Толль,— это Земля Санникова. Я не утверждаю, что он там, но это возможно, и только там остается искать его следы.

— Едва ли найдутся теперь охотники искать эту землю и его следы после всего, что сделано, даже если бы нашлись деньги.

— Я бы поехал охотно и нашел бы среди ссыльных Якутской области и среди промышленников северного берега надежных спутников.

— Как бы вы организовали экспедицию, если бы нашлись деньги?

— У меня в виду два ссыльных, живущих тоже в Казачьем. Мы с ними часто обсуждали проект такой экспедиций, конечно платонически, потому что денег у нас нет, кроме скудного пособия, которое царское правительство очень неаккуратно выдает своим пленникам. Мы живем совсем как туземцы — охотой,

рыбной ловлей. Оба товарища — люди молодые и не опустившиеся в ссылке; работа поддерживает нас, и мы закалились. Кроме того, я бы взял двух промышленников, не раз бывавших на Новосибирских островах, имеющих собак и снаряжение, опытных в путешествии по льду.

— Правильно, без них вам не обойтись. А дальше?

— Ранней весной мы бы перебрались по льду на остров Котельный, устроили бы себе там базу и склад и попытались бы немедленно, пока лед крепок, идти дальше на север.

— А если море окажется не замерзшим, в чем едва ли можно сомневаться?

— На этот случай у нас будут две легкие байдары, поставленные на нарты. На них попробуем переплыть открытое пространство. Оно не может быть широко — близ земли всегда есть лед. Дальше пойдем опять на нартах до этой земли, исследуем ее, а в конце лета обратно тем же путем.

— Но тогда открытое море будет очень широко, и на ваших байдарах с тяжелым грузом вы погибнете, без всякого сомнения. В конце лета уже часты пурги.

— Если нельзя будет переплыть, останемся на зимовку на Земле Санникова и пойдем обратно ранней весной.

— А вы знаете, сколько корма нужно собакам на целый год? Этот груз задавит вас...

— Ну конечно. Но я не рассчитываю везти его с собой, а надеюсь на обилие дичи на земле. За лето мы наготовим запасы для зимовки и перехода обратно к базе.

— Но предположим, что вы никакой земли не найдете?

— В таком случае мы немедленно вернемся на Котельный, проведем на нем лето и осенью, как только море станет, переберемся на материк. И на этот случай, по моему убеждению маловероятный, нам нужен склад на Котельном, имея в виду возможность плохой летней охоты.

— Не подсчитали ли вы, во сколько может обойтись такая экспедиция?

— Я думаю — не так много. Мы трое не рассчитываем на заработок, лишь бы прокормиться. Двум промышленникам, конечно, придется платить, но они

люди скромные. Главный расход — собаки, их корм, нарты, байдары, ружья и припас к ним, одежда. Я уже прицениваился здесь и в Казачьем и думаю, что тысячи две, две с половиной нам хватит.

— Да, сумма небольшая!

— Нарты на севере неважные, дерево не очень прочное, а нам нужно иметь нарты наилучшего качества, чтобы не тратить время на частый ремонт. Я думаю, лучше заказать их здесь и увезти с собой. Точно так же ружья и припас к ним — здесь это лучше и гораздо дешевле. Все прочее — на месте.

— Ваш план мне нравится,— сказал Шенк.— И я думаю, что две с половиной тысячи рублей я вам найду. Но условие: с Земли Санникова привезти коллекцию горных пород и гербарий, если возможно — также мелких животных и записи о флоре, фауне и климате. Ну конечно, и об онкилонах, если таковые найдутся. Сможете ли вы с товарищами сделать это?

— Надеюсь, что справимся. Мы все, конечно, не заправские ученые, но подготовку имеем; один из нас немного геолог, другой ботаник, а я интересуюсь больше животными и человеком.

— Прекрасно! Инструменты для научных наблюдений — барометр, термометры, компасы и прочие — я добуду вам из академии. Вы понимаете, что очень важно будет определить широту и долготу нескольких пунктов этой земли, если вы ее найдете,— улыбнулся Шенк,— и сделать хотя бы грубую съемку ее очертаний и пути к ней.

— Разумеется. Съемку я могу взять на себя. Но определение широт и долгот? Этому мы не обучены.

— Ну, это не так трудно. С этим вас познакомят в Главной физической обсерватории. Я дам вам записку к директору. На подготовку понадобится две-три недели. Есть у вас время? Когда вы думаете выехать отсюда?

— Сейчас у нас конец ноября. Необходимо выехать через месяц, чтобы быть в Казачьем в конце февраля, а в половине марта двинуться на острова.

— Обыкновенно туда ездят в апреле.

— Совершенно верно, но нам нужно попасть раньше, чтобы в начале апреля уже идти через море к Земле Санникова, пока лед еще прочен.

— А в один месяц вы успеете заготовить и закупить все, что нужно?

— Да, я справлялся в мастерских. Нарты будут сделаны в две недели, закупить прочее я успею в это же время и вместе с тем могу посещать обсерваторию.

— Итак, дело устраивается здесь, но в Казачьем у вас будет еще много хлопот.

— Если дело решено, я сейчас же телеграфирую в Олекминск, почтой в казачье, чтобы товарищи начали готовиться — закупали собак, одежду, собачий корм.

— Но ведь денег у них на это нет?

— Им поверят в долг до моего приезда: нас в Казачьем знают.

— А сколько нужно вам сейчас на задатки при заказах и покупке?

— Рублей пятьсот пока хватит.

— Я дам вам эту сумму из своих денег, а через две-три недели добуду и остальные и инструменты.

Шенк написал чек на банк и рекомендацию директору обсерватории и, передавая их молодому человеку, сказал:

— Зайдите ко мне через две недели, в это же время, рассказать, как подвигается подготовка.

— Позвольте выразить вам мое восхищение таким быстрым решением вопроса! — воскликнул молодой человек, глубоко взволнованный.— Идя к вам, я сильно сомневался в осуществимости моей мечты. А тут вышло все так просто. Вы даете большую сумму совершенно неизвестному вам человеку, веря ему на слово.

— Я еще не разуверился в людях, несмотря на свои седые волосы,— добродушно ответил Шенк.— Я уже помогал не раз в научных предприятиях, и мое доверие очень редко бывало обмануто. Кроме того, я умею оценивать людей почти с первого взгляда. Но вы действительно напомнили мне, что я еще не знаю ни вашего имени, ни ваших товарищей, а для открытого листа, который вам необходим для администрации края и который я вам достану, это нужно знать. Итак, вас зовут? Я записываю.

— Матвей Иванович Горюнов, бывший студент Петербургского университета, административно высланный в Якутскую область. Товарищи мои — Семен Петрович Ордин и Павел Николаевич Костяков, тоже бывшие студенты, первый — университета, второй —

технолог. Мы все были высланы на пять лет за студенческие беспорядки в тысяча восемьсот девяносто девятом году.

— Чем же вы провинились, что вас выслали так далеко, точно опасных преступников?

— Мы были председателями сходок и потому причислены к коноводам. Нас хотели сдать в солдаты — помните, было такое распоряжение,— но мы отказались подчиниться. За это нас и отправили к белым медведям.

— А скоро ли кончается срок ссылки?

— Мой кончился, почему мне и разрешили выехать на родину в Вологодскую губернию под надзор полиции; в столицу я приехал, конечно, без разрешения. Товарищи освободятся через год.

— Я вижу, что для вас придется еще выхлопотать разрешение губернатора на выезд в Якутскую область.

— Ну, в этом, конечно, не откажут.

В ПУТЬ-ДОРОГУ

Через месяц Горюнов, снабженный деньгами и документами, выехал на восток, увозя инструменты и прочее снаряжение, в том числе три великолепные нарты и одну большую байдару, разбиравшуюся на части, которые в полчаса нетрудно было соединить друг с другом совершенно герметически. В ней могли поместиться четыре человека, три нарты с грузом и десять собак, что позволяло членам экспедиции совершить переезд через море в два приема.

От Иркутска начался уже санный путь на лошадях через Качуг вниз по Лене — длинный и скучный путь по занесенному снегом бесконечному коридору замерзшей реки между ее высокими, часто скалистыми берегами, вплоть до Якутска, жалкой столицы сурового края административной ссылки. Дальше путь шел через низовья реки Алдана и по диким ущельям угрюмого Верхоянского хребта, затем по холмам и равнинам обширного бассейна реки Яны до ее устья, где приютилось на краю света занесенное снегом до крыш село Казачье. Уже от Якутска дня почти не было, а за хребтом началась полярная зимняя ночь; только звезды, луна и споло-

хи — северные сияния — освещали путь, если не было пурги.

В конце февраля Горюнов с грузом прибыл в Казачье, где его товарищи подготовили все для экспедиции — тридцать собак, запас вяленой рыбы (юколы) для них, припасы для людей, полярную одежду, лыжи. Два опытных промышленника — якут Никита Горохов, брат пропавшего без вести спутника барона Толля, и казак Капитон Абрамович Никифоров согласились участвовать в экспедиции. Оба не раз побывали на Новосибирских островах, в последний раз с экспедицией, искавшей следы Толля и объездившей все берега. В существовании Земли Санникова оба были убеждены и утверждали, что видели ее в ясные дни с высот Котельного острова. Эта таинственная земля манила их не меньше, чем наших трех товарищей, и они были рады, что на их долю выпало счастье первыми посетить ее.

Село Казачье стоит на плоском холме правого берега реки Яны, выше начала ее дельты, под 71° северной широты и у северной границы леса. Несколько изб казаков и купеческих домов, несколько юрт якутов и небольшая церковь разбросаны в беспорядке по холму и почти до крыш занесены снегом. Только дымки, вьющиеся из труб избушек, да снопы искр, вылетающие из юрт, где топятся чувалы (камины), и облепленная снегом колокольня выдают зимой жилье человека, немаловажное для всего севера Приянского края, несмотря на свои малые размеры. К северу, востоку и западу расстилается бесконечная ровная тундра, зимой — белая равнина, покрытая застругами, то есть плоскими твердыми сугробами, созданными и уплотненными свирепыми пургами, разгуливающими на просторе. На юге чернеет полоса чахлого, редкого леса, а на горизонте в ясные дни видны округленные высоты хребта Кулар, которые как бы отрезают янское устье от остального мира.

За две недели были закончены все приготовления. И в половине марта, когда день уже продолжался часов одиннадцать, экспедиция тронулась в путь. Путешественников с их тремя нартами до Новосибирских островов сопровождали еще пять нарт с каюрами (вожаками), которые везли запас корма для собак, провизии и всякого снаряжения для людей, назначенного

для склада на островах и для прокормления всех по дороге туда.

Путь шел на северо-восток по одному из рукавов янской дельты, мимо брошенного поселения Усть-янск, оставленного людьми из-за частых наводнений. Теперь это селение исчезло бесследно. В два дня благодаря ровной дороге дошли до устья. Низменная равнина незаметно переходила в поверхность моря, такую же белую и ровную. Но вблизи и вдали над ней плоскими буграми поднимались острова, а справа — мысы выдвигавшегося далеко на север берега материка. В этом направлении держали путь, пересекая бухты и стараясь хоть через день ночевать у берега, чтобы иметь топливо из плавника — деревьев, принесенных Яной с юга и выброшенных морем.

Так миновали остров Ярок, мыс Манико с одинокой юртой, широкий Селяхский залив, мыс Туруктак, Ванькин мыс, мыс Дарычан. Отсюда до мыса Чуркина шли вдоль берега, затем пересекли Абеляхский залив и остановились в Гороховом стане, на южной стороне длинного мыса Святой Нос, которым кончается материк.

На весь этот путь, около двухсот километров от устья, ушло четыре дня, потому что ехали не торопясь, чтобы не утомить сразу собак. Торосы (то есть глыбы льда, поставленные стоймя или нагроможденные грудами при нажиме ледяных полей друг на друга, представляющие главную трудность при езде по морю) в этом мелком огромном заливе, вдающемся между дельтой реки Лены и выступом Святого Носа, были невелики и недлинны, так что их можно было объезжать. Погода стояла пасмурная, но тихая.

Горохов стан представлял две поварни, то есть избушки, выстроенные из плавника, конечно, без окон и без печей, но с чувалом — большим неуклюжим камином, который греет, только пока топится. В них по временам жили промышленники, добывавшие тюленей или моржей весной или осенью или охотившиеся на диких оленей и белых медведей.

В день приезда на стан небо к вечеру прояснилось, и все три путешественника поспешили подняться на плоские высоты Святого Носа, закрывавшие вид на открытое море и представлявшие в береговых обрывах черные скалы базальта, когда-то излившегося в этой

местности огненным потоком из земных недр. Карабкаясь с глыбы на глыбу, добрались до плоской поверхности мыса. Впереди белоснежной равниной расстилалось застывшее море, на котором то тут, то там тянулись неровные валы торосов, сильно занесенные снегом.

За этой равниной на горизонте, прямо на севере, чуть виднелся Большой Ляховский остров — плоский бугор с четырьмя вершинами; кое-где черные пятна на белом фоне выдавали скалы и обрывы. Это ближайший из Новосибирских островов, знаменитый обилием мамонтовых бивней, за которыми и ездят промышленники. До него по прямой линии было километров шестьдесят—семьдесят. Путь наших исследователей лежал мимо него.

Солнце зашло. С ледяной равнины потянул холодный ветерок, и наблюдатели поспешили спуститься засветло к стану, где в поварне уже пылал камин, клокотал подвешенный к огню чайник и котел с ужином. На дорожном ящике, заменявшем стол, были расставлены тарелки; ящички поменьше служили сиденьем. Горохов и Никифоров, сидя возле камина с трубками в зубах, с нетерпением ждали возвращения товарищей, чтобы приступить к ужину. Они успели уже все прибрать, распрячь собак, разложить спальные мешки. Из соседней поварни слышался говор и смех — там расположились каюры пяти нарт, сопровождавших экспедицию до островов.

На следующее утро с восходом солнца караван из восьми нарт, запряженных восемью—десятью собаками, покинул материк и, обогнув скалы оконечности Святого Носа, потянулся через море на север. По ровным участкам, хотя и изборожденным застругами, собаки тянули быстро, так что люди на лыжах едва поспевали за ними. Но там, где путь преграждался грядой торосов, движение очень замедлялось, так как, выбрав более низкое место для прохода нарт, приходилось каждую из них протаскивать отдельно, причем люди помогали собакам, одни подталкивая нарту сзади, другие направляя ее сбоку и поддерживая при помощи лыжных палок. Если среди глыб торосов не было удобного проезда, людям приходилось работать топорами, которые у всех были за поясом. Под ударами топоров лед, охлажденный зимними морозами до

30—40 градусов ниже нуля, разлетался на осколки со звоном, словно стекло. Во время этой работы собаки всех нарт, пользуясь остановкой, словно по команде, ложились отдыхать на снег, прекрасно зная, что стук топоров предвещает им четверть часа особенно трудной тяги.

Так подвигались вперед то быстрее, то медленнее — со средней скоростью около семи километров в час — и к полудню прошли половину расстояния до острова. Не распрягая собак, сделали привал для завтрака, состоявшего из холодного мяса, сухарей и горячего чая. Ради приготовления последнего огня, впрочем, не разводили. Горюнов привез из столицы термосы, чтобы при дневных остановках не терять времени на разведение огня и кипячение воды. Эти чудесные сосуды каждый раз при их употреблении возбуждали восхищение каюров, пивших чай, горячий без огня, с особым удовольствием, словно священный напиток. Они ни за что не хотели поверить, что дело обходится без колдовства, когда при морозе в 30 градусов из холодного на ощупь сосуда выливался чай, обжигавший губы. В день выезда из Казачьего, когда в первый раз сделали обеденный привал и каюры собрались разводить костер, Горюнов подшутил над ними, заявив, что вскипятит чай в снегу скорее, чем они на огне. Когда вниз повесили свой чайник на огонь, он достал термосы, зарыл их наполовину в снег и через пять минут стал наливать горячий чай изумленным якутам. Горохов и Никифоров, которые были посвящены в секрет, покатывались от смеха при инсценировке этой шутки, слушая восклицания и наблюдая лица каюров.

После завтрака двинулись дальше тем же порядком. Остров уже вырос в большую массу, закрывавшую северный горизонт и полого поднимавшуюся над белой равниной; видны были отдельные темные скалы среди снегового покрова и темные пятна в береговом низком обрыве. При закате солнца, преодолев последний торос, покатили во всю прыть — собаки прекрасно знали, что на земле будет отдых и корм, и при виде поварни, черневшей у подножия обрыва, завыли в восемьдесят голосов и пустились бежать, словно бешеные.

Но у берега им пришлось умерить свой пыл, пото-

му что осенние бури в начале морестава наворотили целый вал льдин, через который нарты перетаскивали опять по одной, прежде чем добрались до так называемого Малого Зимовья — избушки, построенной еще известным промышленником Санниковым, спутником и проводником Геденштрома, впервые описавшего острова в начале XIX века. Но столетняя избушка мало пострадала в этом холодном климате. Пропитанные морской солью стволы плавника только почернели и кое-где покрылись лишаями, а внутри были свежи. Немало промышленников находили приют в этой поварне по пути на остров или обратно, и все заботились об исправности ее двери, висевшей на кожаных петлях, и крыши, на которую нужно было время от времени подсыпать землю. Возле избушки была даже приготовлена куча плавника для топлива, что было очень кстати — не нужно было разыскивать его вдоль берега, выкапывая из-под снега.

Скоро запылал костер на площадке возле зимовья, и красные отблески осветили высокую ледяную стену, которая далеко тянулась в обе стороны.

КЛАДБИЩЕ МАМОНТОВ

Большой Ляховский, или Ближний, остров замечателен по своему геологическому составу. Его четыре плоские, но скалистые вершины, вернее — группы вершин, состоят из гранита, а вся остальная площадь — из мягких четвертичных отложений. Поэтому многочисленные ручьи и речки, стекающие с вершин и врезывающиеся глубоко в эти мягкие толщи, расчленили остров на множество холмов и холмиков, почти лишенных растительности. В течение короткого лета поверхность острова представляет глинистую моховую тундру с отдельными сугробами снега в более глубоких оврагах и долинах на склонах, обращенных к северу.

Те же мягкие толщи слагают берега острова, омываемые прибоем волн и потому представляющие длинные или короткие отвесные или даже нависающие обрывы, прерываемые долинами ручьев и речек. Эти толщи сверху донизу скованы вечной мерзлотой, оттаивающей летом на очень небольшую глубину. От-

таявшие массы или сами сползают в море, или обрушиваются, подмытые волнами снизу, и таким образом море постепенно разрушает остров. И если бы не было вечной мерзлоты, сильно задерживающей этот процесс размыва, остров давно был бы уничтожен, за исключением его гранитного ядра.

В мягких толщах в изобилии попадаются бивни мамонтов, а местами даже целые трупы этих животных и их современников — длинношерстного носорога, первобытного быка, канадского оленя, лошади и многих других,— трупы, сохранившиеся в неприкосновенности, с шерстью, рогами, внутренностями, благодаря вечной мерзлоте. Но вследствие оттаивания последней летом на некоторую глубину ручьи и речки вымывают из нее трупы, отдельные кости, бивни и выносят их к устью, на берег моря. Точно так же в береговых обрывах при их оттаивании и подмыве то тут, то там обнаруживаются трупы или кости вымерших животных, в конце концов также попадающих в море, которое хоронит их вторично под своими наносами. Только трупы эти зачастую уничтожаются хищными птицами и животными, не брезгающими мясом, пролежавшим десятки тысяч лет в замороженном виде.

Такой своеобразный состав Большого Ляховского острова и привлекает ежегодно весной промышленников с материка; они приезжают собирать на лайдах, то есть плоском побережье моря, в устьях и долинах ручьев и речек бивни мамонтов, освободившиеся за минувший год из мерзлой почвы и торчащие еще в оттаявшей земле или вынесенные на берег. Эти бивни, прекрасно сохранившиеся в мерзлоте, представляют такую же ценность, как и современная так называемая слоновая кость — бивни ныне живущих слонов. Их скупали у промышленников местные и приезжие купцы и увозили на ярмарку в Якутск, откуда они направлялись дальше в Сибирь и в Россию и употреблялись на разные изделия — гребни, запонки, разные шкатулки, бильярдные шары и т.п.

Другие кости ископаемых животных бесполезны для промышленников; они представляют интерес только для науки, которая по ним судит о животном мире прошлых времен. Только трупы, вытаивающие время от времени то тут, то там, обращали на себя

внимание, но большей частью гибли бесследно, так как промышленники не знали их значения и не умели ни обмерить и описать их, ни сохранить от порчи.

Горюнов и два его товарища уже раз побывали на острове вместе с промышленниками для сбора бивней и заинтересовались странным изобилием их именно здесь. Но объяснить это явление они не могли и в Казачьем, конечно, не нашли литературы по этому вопросу.

Теперь Горюнов не упустил случая познакомиться с литературой в столице, а кое-что привез с собой. Поэтому путешественники решили сделать на острове дневку, чтобы осмотреть береговые обрывы внимательнее, а кстати дать отдых людям и собакам.

На другое утро все трое в сопровождении Горохова отправились вдоль морского берега. Разрушительная летняя работа солнца и моря еще не начиналась, хотя низкое солнце, лучи которого падали отвесно на обрывы, уже кое-что сделало. Эти обрывы достигали двадцати—двадцати пяти метров вышины; с верхнего края огромными фестонами то выше, то ниже свешивались надувы плотного смерзшегося снега, подобно тем, которые свешиваются нередко с крыш домов после сильных метелей.

Но только здесь, где зимние пурги так часты и сильны, эти фестоны достигали четырех—шести метров длины и по двадцать—сорок метров ширины при толщине в один—два метра. Под этими надувами начиналась отвесная стена обрыва, состоявшая в верхней части то из сплошного льда, то из песчано-глинистого наноса. Лед по обрыву представлял сплошные массы различной ширины, как бы огромные ледяные стены, уходившие в глубь острова. Промежутки между этими стенами были заняты наносом, состоявшим из тонких чередующихся слоев глины, мелкого песка и льда. У верхнего края обрыва, там, где какой-нибудь фестон обрывался, можно было видеть, что и лед и наносы перекрыты слоем песка, глины или торфа, оканчивавшимися у поверхности земли слоем черной почвы тундры, покрытой еще толщей снега.

Нижняя часть обрыва была большей частью закрыта откосом из твердого снега, накопившегося под защитой берега за зиму. По этому откосу, достигавшему восьми—десяти метров в вышину, можно было взоб-

раться к самой стене обрыва и убедиться, что и ледяные массы, и толща наносов между ними лежали на сплошном льде, составлявшем таким образом основание острова вышиной над уровнем моря в двенадцать—пятнадцать метров.

Осмотр берега показал путешественникам, что кости животных находились не в ледяных массах, а в толщах наноса между ними. Это подтвердил и Горохов, бывший на острове много раз и видевший иногда и трупы; последние также находились в наносе.

Пройдя километров десять вдоль берега и убедившись, что его состав повсюду одинаков, путешественники вернулись к обеду в Малое Зимовье, захватив несколько найденных костей, в том числе череп носорога и бивень мамонта. В ледяных частях стены им удалось видеть также начало разрушительной работы солнца в виде ниш, выеденных во льду его лучами, украшенных свисавшими сверху ледяными сосульками, подобными сталактитам известковых пещер.

За обедом Горюнов рассказал товарищам, как объяснял Толль образование этого странного острова и причины его богатства трупами исчезнувших животных. По мнению этого ученого, льды острова, сохранившиеся ко времени великого оледенения, представляют остатки большого ледника. Поверхность ледника, сокращавшегося по окончании этого периода, была изрыта процессом таяния, работой ручейков талой воды, стекавших с более высоких частей острова; в этих ложбинах и рытвинах вода отлагала песок и ил. Остатки растений, найденные в этих наносах, показывают, что в то время здесь растительность была гораздо пышнее, чем сейчас, когда она состоит из лишаев, мхов и цветковых растений карликового роста; прежде же здесь росли целые рощи ольхи, достигавшей четырех—шести метров вышины, затем ивы и многочисленные злаки, несмотря на соседство ледяных масс. Очевидно, климат послеледникового времени был мягче современного, так как теперь подобные растения встречаются на материке только на несколько градусов широты южнее. Остатки пищи, найденные в желудках и в зубах трупов мамонта, показывают, что последний питался этими растениями, а положение трупов в толщах наноса между ледя-

ными массами доказывает, что он тут же и жил и погибал.

Почему же Большой Ляховский остров стал излюбленным приютом различных млекопитающих последникового времени?

Это можно объяснить тем, что в начале четвертичного периода суша Сибири простиралась значительно дальше на север, чем в настоящее время, и Новосибирские острова входили в состав этой суши. В конце последнего ледникового периода, когда в Сибири еще сохранились мамонты, длинношерстные носороги, первобытные быки и уже существовал первобытный человек, эта северная окраина Сибири начала разбиваться большими разломами и отдельные участки ее опускались и затоплялись морем. Более высокие участки постепенно освобождались ото льда и покрывались растительностью. Климат был тогда теплее современного, судя по остаткам флоры, найденным в отложениях вместе с костями. Животные, конечно, спасались от наступавшей воды на возвышенных участках суши. Одним из таких участков был нынешний остров Большой Ляховский, как и другие острова Новосибирского архипелага, и на нем собралось особенно много животных, бежавших инстинктивно на юг, именно потому, что он — самый южный из этих островов. Но он был уже отделен широким проливом от материка, то есть превратился в остров, и сухопутные животные, попавшие на него, уже не могли идти дальше. Этих животных скопилось на нем так много, что остров не мог пропитать их всех и сделался их кладбищем.

О том, сколько на нем жило мамонтов, можно судить по количеству мамонтовой кости, то есть бивней, которые промышленники доставляли в прежнее время на Якутскую ярмарку. По статистике видно, что ежегодно привозили от тысячи до тысячи четырехсот пудов, в среднем тысячу двести пудов. Пара бивней крупного мамонта весит восемьдесят килограммов, то есть пять пудов. Следовательно, на ярмарку ежегодно привозили бивни от двухсот сорока мамонтов. Большую часть их добывали на Большом Ляховском острове, где прибой моря подмывал ледяную стену, описанную выше, и освобождал изо льда и включенных в него залежей наносов бивни, которые

и попадались в большом количестве на прибрежье. Здесь их и собирали промышленники, потому что это было гораздо легче, чем выкапывать их из мерзлого наноса в ледяной стене.

Таким образом, некогда, в конце последнего ледникового периода, когда эта часть прежней суши уже превратилась в остров, отделенный от материка широким проливом, по нему бродили многие сотни мамонтов, мало-помалу погибавших на нем от голода. Одни попадали в грязевые потоки, образовывавшиеся при таянии льда летом; другие увязали в болотистой почве впадин, привлекавших их своей травой; третьи проваливались в трещины ледника, на поверхности которого спасались от докучливых комаров, слепней и оводов, и трупы их заносились потом песком и илом. Только такие трупы могли сохраниться в вечной мерзлоте, которая развивалась по окончании оледенения, тогда как трупы, лежавшие свободно на земной поверхности, уничтожались хищными зверями и птицами, и от них оставались только кости, также разрушавшиеся со временем, и более прочные бивни. Вот почему этот остров сделался главным хранилищем мамонтовой кости, привлекавшим промышленников всего северного побережья.

— Нужно заметить,— прибавил Горюнов по окончании своего объяснения,— что не все ученые разделяют взгляды Толля на происхождение ископаемого льда Ляховского острова. Например, Бунге, изучавший его одновременно с Толлем, полагает, что этот лед не остатки прежнего ледника, а позднейшее образование и что подобный лед создается и в настоящее время по всей Северной Сибири замерзанием воды, попадающей весной в глубокие трещины в мерзлой почве, образовавшиеся осенью от морозов и зимой заполненные снегом. Следовательно, этот ископаемый лед гораздо моложе того времени, когда жили мамонты.

— Как же тогда животные могли попадать в лед, если он гораздо моложе? — спросил Костяков.

— В том-то и дело, что трупы их лежат не во льду, а в почве тундры между ледяными массами. Это заметил и подчеркивает Толль.

— Следовательно, они разгуливали и гибли, увязнув в болотистой тундре? Разве эта тундра во время

их жизни была так болотиста? Мы слышали, что на ней росли порядочные деревья и хорошая трава,— заметил Ордин.

— По мнению Бунге, выходит как будто так,— ответил Горюнов.— Но я больше склоняюсь к гипотезе Толля и вот почему. Мы сегодня видели в обрывах, что не лед образует отдельные стены среди почвы тундры, а наоборот — эта почва заполняет впадины и расселины среди льдов.

— А имеются ли доказательства оледенения севера Сибири помимо Ляховского острова? — спросил Ордин.

— В том-то и дело, что имеются. Толль нашел старые морены, то есть глину и песок с валунами, оставленные ледниками при их отступлении, и на Таймырском полуострове, и на реке Анабаре, и на Котельном, и на острове Новая Сибирь. Миддендорф видел так называемые эрратические валуны, то есть валуны, принесенные льдом издалека и оставшиеся после его таяния по всей Таймырской тундре[1].

— Я читал как-то, что есть и другие способы образования ископаемого льда,— заметил Ордин.— Небольшие озерки на тундре нередко вымерзают до дна, и, если лед весной будет занесен слоем ила, который предохранит его от таяния, он превращается в ископаемый. Большие снеговые сугробы где-нибудь на склоне холма, под обрывом речного берега или в овраге тоже могут быть случайно занесены песком и илом и постепенно превратятся в лед, который будет существовать до тех пор, пока случайно его защита не будет уничтожена.

— Совершенно верно! — сказал Горюнов.— И я могу прибавить еще один способ — это наледи на берегах сибирских речек, иногда достигающие большой толщины, длины и ширины. Они весной также могут быть занесены илом и песком. В таких ископаемых наледях кое-где также были найдены трупы современников мамонта. Но нужно сознаться, что вопрос об ископаемом льде имеет еще много темных сторон, которые ждут новых исследований. До сих пор никто им специально и всесторонне не занимался.

---

[1] По новым данным, весь север Сибири до 60—62° северной широты подвергался очень сильному оледенению.

— Мне кажется, что и вопрос об условиях жизни и гибели мамонта и его современников тоже разъяснен недостаточно и заслуживает дальнейшего изучения,— заметил Ордин.— Ну, например, зачем они ходили по леднику или забирались на речные наледи?

— Это-то вполне понятно: они спасались от комаров, оводов и других жалящих насекомых, очевидно уже многочисленных в то время. И теперь северные олени летом поступают так же, спасаясь на уцелевшие снежные сугробы, наледи, ледяные поля на берегу моря; наевшись на моховых кормовищах, они стоят часами в этих холодных местах, дремлют или жуют свою жвачку. Но, помимо этого, в мамонтовом вопросе, конечно, достаточно неразъясненного. Вымирание этих животных объясняют ухудшением климата. Но последнее произошло не сразу, а тянулось целые века; следовательно, вымиранию должно было предшествовать вырождение, измельчание. Эта сторона совсем не освещена, нужно собрать огромные коллекции костей, чтобы проследить этот процесс.

— Не заняться ли нам этими вопросами? — сказал Костяков.

— Вернемся через год в Россию, кончим университет и...

МЕЖДУ ОСТРОВАМИ НОВОЙ СИБИРИ

На следующее утро чуть свет караван опять двинулся в путь. Километров пять шли на запад вдоль южного берега острова и имели возможность наблюдать такие же ледяные обрывы, как накануне. Затем начался перевал через длинный западный полуостров, вытянувшийся в море и оканчивающийся скалистой горой Кигилях — одной из четырех вершин острова. Ее странное положение среди моря всего лучше объясняется уничтожением части острова, которая окружала ее прежде, за исключением узкого и длинного перешейка. Через начало этого перешейка и нужно было перевалить, чтобы сократить себе дорогу километров на тридцать.

Горная группа Кигилях получила свое название от обилия скал в виде высоких столбов с фантастическими формами, созданными выветриванием гранита.

Воображение промышленников видит в этих столбах фигуры окаменевших людей (киги — человек, кигилях — человеческий); промышленники окружают гору суеверным уважением. Они, например, были крайне недовольны, когда Бунге отбивал молотком образчики горной породы от утесов, и говорили ему, что это кощунство не пройдет ему даром. Они говорили также, что на вершину взобраться нельзя, так как дерзкий путник будет немедленно окутан густым туманом и погибнет, свалившись в какую-нибудь трещину. Туманы действительно образуются здесь внезапно и очень быстро, так что предсказание суеверных людей легко может оправдаться. Спутники Бунге, которому так и не удалось взобраться на вершину, принесли горе в жертву медные и серебряные монеты.

Перевал через перешеек заставил путешественников изрядно попотеть: сначала пришлось втаскивать нарты по крутому оврагу, врезанному в обрыв берега, а затем после нескольких километров пути по холмистой поверхности так же круто спускаться на другую сторону.

После подъема каюры обратившись лицом к Кигиляху, кланялись ему, вымаливая себе счастливый путь и удачный промысел. Так как гора, возвышавшаяся со своими мрачными столбами, полузанесенными снегом, подобно огромной развалине, находится километрах в двенадцати от перевала, то каюры не могли пожертвовать ей монеты и ограничились щепоткой табаку, который сдунули с пальцев в ее сторону. Даже Горохов, более развитый и сознательный, чем его темные сородичи, хотя и не принял участия в обряде, но взглянул с укоризной на Никифорова, когда последний сказал с усмешкой:

— Ишь, сколько табаку зря истратили, суеверы!

После спуска направились на северо-восток по льду вдоль северо-западного берега острова, который в плане представляет неправильный треугольник со сторонами длиной около ста километров, вершиной направленной к северу. Путь был нетрудный, так как торосы шли большей частью параллельно берегу и можно было ехать по ровному льду между ними, изредка только пересекая поперечные гряды. Каюры поторапливали собак, часто поглядывая на небо. Погода, со времени выезда из Казачьего тихая и солнеч-

ная, начинала портиться: солнце светило в этот день сквозь какую-то дымку легких облаков, и с северо-запада по временам налетал порывами ветер. Нужно было торопиться, чтобы пурга не захватила в неудобном для ночлега месте. Топлива с собой не взяли, рассчитывая на плавник где-нибудь на берегу. Последний километров на двадцать от перешейка представлял те же ледяные обрывы. В одном месте Горохов указал путешественникам малозаметную промоину в обрыве, по которой когда-то стекала вся вода довольно большого озера Частного, прорвавшаяся в море. Это озеро было любимым местом пребывания диких гусей, летовавших на острове в период их линьки, а потому усердно посещалось в это время промышленниками, которые добывали ленных[1] гусей сотнями, убивая их дубинками. После исчезновения озера гуси нашли себе другие места, а промышленники лишились охоты, дававшей им и собакам провизию во время промысла.

За речкой Большое Зимовье берег острова сделался плоским, поднимаясь постепенно вглубь, где вдали виднелась центральная гора Хаптагай. От устья этой речки следовало бы постепенно отдаляться от берега, направляясь прямо к южному концу следующего к северу острова Малого Ляховского, уже чуть видневшегося вдали. Но каюры, взглянув на западный горизонт, предпочли ехать вдоль самого берега и еще пуще подгоняли собак.

— Им хочется до непогоды добраться до Ванькина мыса,— пояснил Горохов, обменявшийся несколькими словами с каюрами.— За мысом лучше укрыться от пурги, да и плавника там много.

После полудня, когда миновали устье речки Блудной, западный ветер налетал уже чаще, поднимая с торосов мелкую снежную пыль, которая неслась по воздуху прозрачными облаками и струилась змейками по поверхности снега. Низкое солнце уже было чуть видно сквозь пелену этой пыли.

Становилось холоднее. На ровных местах собаки бежали почти вскачь, и люди на лыжах едва поспевали за ними, отдыхая от бега только на торосах, где

[1] Гуси во время линьки теряют маховые перья и не могут летать, их называют ленными.

зато приходилось работать руками, помогая перетаскивать нарты.

Но вот впереди в те промежутки, когда ветер затихал и даль немного прояснялась, стал показываться темный профиль Ванькина мыса. Миновали устье речки Тирской и стали огибать мыс, далеко выдавшийся в море. И было время: небо на западе стало уже зловеще свинцовым, и при отдельных порывах ветра с трудом можно было держаться на ногах; снег слепил глаза, колол лицо тонкими иголками; собаки бежали, опустив головы и повернув их вправо.

С трудом обогнули мыс и сразу вздохнули свободнее: здесь, под его защитой, ветер чувствовался слабо. На высоте нескольких метров над головой небо было молочно-белое от несшихся тучами снежинок, а вниз падали немногие, вырванные случайно из этого потока. Хотя было еще рано, о дальнейшем пути нечего было и думать — за мысом сразу начиналась белая стена пурги, в глубь которой пришлось бы ринуться. Глубокая бухта, которая тянулась к востоку от мыса, также исчезала в белой мгле, так как мыс давал защиту только ближайшей к нему полосе. Никакого жилья здесь не было, и приходилось расставлять палатки у самого подножия обрыва, выбрав местечко поровнее среди байджарахов, то есть куч сползшей с обрыва за лето земли. Каюры, впрочем, выбрали иное: вооружившись топорами, они стали вырубать себе нишу в высоком снеговом надуве, примыкавшем к обрыву. Горохов посоветовал путешественникам последовать им примеру, потому что ветер мог повернуть к северу и мыс перестал бы быть защитой, а грот в снегу служил бы лучшим убежищем. Пурга могла ведь продолжаться сутки и двое суток.

Вырубить гроты в плотном снегу, который выламывался крупными глыбами, не потребовало много времени, глыбы складывались в стенку у входа, защищая последний на случай изменения направления ветра. Затем среди береговых торосов и сугробов стали откапывать плавник для топлива и только после этого разгрузили нарты и устроились хоть тесно, но уютно в обоих жилищах. Собаки давно уже лежали, свернувшись калачиками среди байджарахов, за торосами и нартами и отдыхали в ожидании своего ужина.

Костры развели не внутри снеговых гротов, а сна-

ружи, под защитой стенки из глыб, так как под влиянием лучистой теплоты огня гроты стали бы обтаивать и обдавать людей каплями воды.

Пурга бушевала всю ночь и затихла только к полудню следующего дня.

Как только ветер стал ослабевать и небо немного прояснилось, начали готовиться к отъезду. От Ванькина мыса взяли направление на северо-запад, на оконечность Малого Ляховского острова, которая отстояла километрах в десяти. Этот остров, гораздо меньше Большого, вытянут с севера на юг километров на сорок—пятьдесят и не имеет выдающихся вершин; это очень плоская и низкая, слегка всхолмленная возвышенность. Его обогнули с запада, придерживаясь берега, и остановились на ночлег, не доезжая северной оконечности. Укрытием от непогоды здесь могли служить только ледяные глыбы торосов, но, к счастью, было тихо.

На следующий день предстояла самая трудная часть пути — через широкий промежуток между Малым и Котельным островами, достигающий почти семидесяти километров. Трудность состояла в том, что здесь существует морское течение с востока на запад и осенью море долго не замерзает, а затем, замерзнув, нередко во время бурь вскрывается. Поэтому происходит частая подвижка ледяных полей и в результате сильная торосистость льда.

Запасшись топливом на очень вероятный случай ночевки в море, двинулись на северо-запад по направлению к мысу Медвежьему, самому южному на Котельном острове. Последний виднелся на горизонте в виде большой плосковыпуклой массы, напоминавшей опрокинутый чугунный котел, чем и объясняется его название; мало выдающаяся вершина горы Молакатын, высшей точки острова, поднимается над этим котлом.

Первые десятка два километров путь был довольно легкий, торосы нечасты и невелики, но затем в полосе течения и осенних полыней начались торосы, один другого хуже. Иные кучи ледяных глыб и даже отдельные глыбы, поставленные торчком, достигали двадцати метров в вышину. Приходилось работать топорами, выравнивая дорогу, и втаскивать нарты при помощи веревок (кожаных, сплетенных из ремней), по-

могая собакам, выбивавшимся из сил. Иные торосы требовали по полчасу, а то по часу времени.

Поэтому к закату солнца сделали только половину пути, правда худшую, и заночевали перед большим торосом, который не хватило сил преодолеть. Под защитой нескольких больших глыб расставили палатки и, наскоро поужинав, крепко заснули после трудного дня.

Около полуночи Горохов проснулся от громкого щелканья палатки над его головой.

— Неужели опять закрутило? — пробормотал он и хотел было повернуться на другой бок, как вдруг палатку так рвануло, что казалось, она вот-вот лопнет по всем швам. «Неладно, видно»,— подумал Горохов и, высвободившись из своего спального мешка, подполз к входу, с трудом отстегнул полотнище и выглянул. По лицу ударило жестоким холодом и залепило глаза снегом. Палатка трепетала, вздрагивала, словно собираясь вспорхнуть и улететь.

«Ничего не поделаешь! Надо будить всех и укрепляться,— решил промышленник,— не то худо будет».

Он растолкал спящих, и все пятеро выползли на четвереньках на волю и принялись забивать глубже в лед железные колышки, придерживавшие полы палатки. Затем все ползком подтащили груженые нарты, поставили их по одной с трех сторон палатки и, перекинув через последнюю веревку, привязали их к нартам. Все это требовало больших усилий: ветер валил с ног и захватывал дыхание, снег слепил глаза, тьма была полная и в трех шагах нельзя было разглядеть друг друга. Сквозь вой и свист ветра, вырывавшегося со стонами из щелей между глыбами тороса, слышался стук топоров у палатки каюров, стоявшей шагах в десяти. И там проснулись и укреплялись.

Сделав возможное, залегли опять спать, но долго не могли согреться, прозябнув на ветру, с набившимся в рукава и за воротник снегом. Когда стало светать, Горюнов, проснувшийся первым, убедился, что пурга не унимается. Но палатка почти не трепетала; нагруженные снаружи снегом полы ее выпятились внутрь, словно брюхо огромного животного, и угрожали лопнуть от тяжести. Приходилось опять вылезать и счищать снег. Горюнов не стал будить товарищей, а занялся этой работой при помощи лопаты.

Сквозь белесоватую мглу уже просвечивали ближайшие глыбы тороса; ветер как будто ослабевал, но валил густой и мягкий снег.

Заглушенный крик и затем стон заставили Горюнова повернуть в сторону палатки каюров. Раньше она чуть-чуть была видна, а теперь исчезла. Почуяв недоброе, он подбежал к ней, спотыкаясь почти на каждом шагу о собак, зарывшихся в снег. Оказалось, что палатка, достаточно старая и непрочная, не выдержала тяжести навалившегося снега, разорвалась вдоль конька и обрушилась со всей своей нагрузкой на спящих. Последние под своими одеялами, придавленные снегом, не могли пошевельнуться; они глухо стонали, задыхаясь от недостатка воздуха.

Горюнов вернулся к своей палатке, разбудил товарищей, а сам с лопатой побежал к каюрам и начал их откапывать из снежной могилы. Подошедшие вскоре Горохов и Ордин помогли ему потом стащить полы палатки вместе со снегом в сторону и освободить людей; одного, потерявшего уже сознание, пришлось приводить в чувство.

Пока возились, стало совершенно светло, а пурга, очевидно, кончилась: снег поредел, ветер налетал только порывами, на востоке чуть-чуть показалось солнце. Откопали собак, нарты, сварили чай и пустились в дальнейший путь. Свежий напавший снег несколько затруднял движение, так как выровнял неровности и собаки или нарты часто проваливались в глубокие впадины. Пришлось двоим идти на лыжах впереди, чтобы проминать собакам дорогу.

Впереди горб Котельного острова занимал уже четверть горизонта; теперь на нем различались и гряды плоских высот и береговые обрывы, в которых среди снегового покрова чернели отдельными пятнами скалы. Правее, за небольшим промежутком, тянулся более низкий Фаддеевский остров, чуть видный на горизонте.

К закату солнца, преодолев несколько гряд трудного тороса, добрались до мыса Медвежьего и затем быстро проехали еще пять километров до поварни на юго-восточном берегу. Последний не представлял таких ледяных стен, как берега Большого Ляховского острова, а состоял из твердых горных пород, то стоявших стеной надо льдом, то спускавшихся полого к морю и в этом случае скрытых сугробами снега.

ВДОЛЬ ОСТРОВА КОТЕЛЬНЫЙ

Поварня на берегу оказалась полуразрушенной. Промышленники реже посещают этот остров, на котором для них мало поживы, а добираться до него трудно. Поэтому поварни, возобновляемые только при научных исследованиях островов, годами не поддерживаются, крыши начинают протекать и проваливаться, стены рушатся. Тратить время на починку ради одного ночлега не стоило, и, так как погода была хорошая, расположились ночевать на льду. На рассвете все проснулись от собачьего концерта.

— Не иначе как медведь! — воскликнул Горохов и, полуодетый, выскочил с ружьем из палатки.

Остальные последовали за ним и увидели интересную картину. Шагах в десяти от собак стояли три белых медведя в нерешительной позе, так как все восемьдесят собак метались на своих привязях, вскакивая на задние лапы, беспрерывно лая вперемешку с визгом и воем. Концерт был ужасающий, способный разбудить мертвого. Медведи, вероятно, высматривали, которую из собак легче подмять, не подвергаясь нападению ближайших сбоку и сзади. Они уже направились к самой крайней упряжке, где несколько собак перепутали свои привязи и сбились беспомощно в кучу, не переставая лаять. Но тут раздались выстрелы от обоих палаток, и один медведь, пораженный разрывной пулей из ружья Ордина, рухнул на лед, а два других пустились наутек, оставляя за собой кровавые следы. Каюры, Горохов и Горюнов бросились вслед за ними и вскоре догнали одного, видимо раненного сильнее, и прикончили его. Третий скрылся за торосом.

Неожиданная охота дала хороший запас свежего мяса, необходимого людям и собакам, и возможность оставить бóльший запас юколы на складе, который собирались соорудить у северного конца острова.

Свежеванье туш и разделка их заняла немного времени, и вскоре караван двинулся дальше на север. Путешествие вдоль острова продолжалось еще четыре дня, потому что остров достигает ста восьмидесяти километров в длину, а вдоль берега — больше двухсот. Внутри весь остров гористый и представляет каменную тундру.

На последнем переходе вдоль берега, когда после полудня миновали устье реки Решетниковой, погода опять испортилась. Небо быстро покрылось тучами, задул свежий юго-западный ветер, и пошел снег. Но, несмотря на метель, шли вперед, так как мороз был небольшой, а до конечной цели — северного конца Котельного — было уже близко.

Этот конец представляет плоский мыс, вблизи которого экспедиция Толля построила поварню для склада на случай зимовки на острове. В этой же поварне Горюнов хотел устроить и свой склад — базу для той же цели и для обратного пути на материк.

Поварня оказалась в хорошем состоянии, и в ней неожиданно нашли даже некоторые припасы, оставленные за ненадобностью при ликвидации поисков — порядочный запас юколы, несколько ящиков с консервами, большую жестянку с медвежьим салом, несколько ящиков с сухарями и даже мерзлую тушу оленьего мяса. На островах летует довольно много диких оленей, которые ранней весной приходят с материка по льду и уходят поздней осенью, когда море только что замерзает. Они совершают это большое путешествие на север, небезопасное при осеннем возвращении, когда тонкий лед легко может быть взломан ветром, потому что на островах им привольнее, безопаснее от главного врага — человека; кроме того, нет докучливых насекомых, составляющих летний бич животных и людей на материке.

Переход оленей на острова уже начался — на снегу местами виднелись их следы возле Малого Ляховского — и должен был усилиться. Каюры рассчитывали поохотиться на оленей на обратном пути. Поэтому они, разгрузив нарты и пользуясь остатком дня, простились с нашими путешественниками и поехали налегке вдоль восточного берега Котельного, предполагая ночевать в удобном для охоты месте. С ними Горюнов отправил письмо Шенку с изложением хода экспедиции. Это была последняя весть, которую он мог послать, да и она должна была прибыть в столицу только к осени.

Не без тяжелого чувства путешественники распростились с каюрами и смотрели им вслед, пока те не скрылись за поворотом берега. Порвалась последняя нить, соединявшая их с остальным миром. Теперь

они остались одни, предоставленные собственным силам, на пороге неизвестной области, где не могли рассчитывать ни на какую помощь.

Желая рассеять грустные мысли, принялись за сортировку и укладку имущества, оставляемого в складе, чтобы на следующее утро, если позволит погода, спешить на север. Был уже конец марта, день длился более тринадцати часов, и в тихую погоду солнце могло греть и портить дорогу. Рассортировали и переметили ящики и сложили все в глубине поварни, в которой оставалось еще место для ночлега.

Но утихший под вечер ветер с полуночи возобновился со страшной силой, температура упала до 40 градусов, и закрутила пурга. Горохов и Никифоров, вышедшие на рассвете покормить собак, вернулись окоченевшие и заявили, что ехать невозможно. В такую погоду приходится буквально отлеживаться, потому что сидеть в поварне, полутемной и дымной от огня в чувале, мало удовольствия. Встают только для приготовления пищи, а потом опять на боковую.

На второй день невольного сидения из-за пурги Никифоров, растапливая чувал, нашел среди дров, запасенных в поварне, какое-то странное, тяжелое плоское полено с мелкоребристой поверхностью, слегка изогнутое и с одним острым концом. Он повертел его в руках и, усомнившись в его горючести, показал Горохову.

— Это, надо быть, коготь птицы эксекю,— сказал якут, осмотрев полено.

— Коготь? Да он только чуть короче моей руки! — удивился казак.— Эта птичка должна быть побольше нашей поварни, если имеет такие огромные когти. Где же эта птица живет?

— Она жила, старики говорят, на Котельном острове. Первые промышленники еще видели ее... Правда ли это, как полагаете, Матвей Иванович?

Горюнов осмотрел находку, рассмеялся и передал ее Ордину со словами:

— Это рог ископаемого длинношерстного носорога, современника мамонта. Я видел такие рога в Якутском музее и в Петербурге, в музее Академии наук.

— Почему же его считают когтем исполинской птицы?

— Потому что он по своей форме и ребристой по-

верхности действительно похож больше на коготь, и среди юкагиров, ламутов и тунгусов нашего края другого мнения нет. Мало того, сто лет назад некоторые ученые думали так же: Геденштром, первый исследователь Новосибирских островов, в своих «Отрывках о Сибири» упоминает об этих когтях в полном убеждении, что они принадлежат птице. Толль на Котельном острове посетил холм Эксекю близ речки Драгоценной, на котором, по уверению его проводников, эта птица жила. Они сказали ему, что она была так велика, что при полете заслоняла солнце. Когда первые промышленники, попавшие на Котельный, приблизились к холму, птица закричала «маук, маук» и улетела. На холме они нашли яичную скорлупу и огромные перья. Но птичку с тех пор никто больше не видел.

— Она имела две головы, говорят,— вставил Горохов.

— Да, да. Всего любопытнее, что двуглавый орел, изображенный на наших медных монетах, по мнению юкагиров, и представляет птицу эксекю. У них много курьезных преданий о птице, как упоминает Врангель. А черепа носорога, находимые иногда рядом с рогами, они считают черепом эксекю.

— О мамонте туземцы Сибири также рассказывают много небылиц,— заметил Ордин.

В этот день путешественники коротали время, расспрашивая Горохова и Никифорова о мамонте и других исчезнувших животных и передавая им то, что сами знали о них из книг.

ЧЕРЕЗ ЛЕДОВИТОЕ МОРЕ

Наконец пурга, державшая путешественников трое суток в плену, утихла. С раннего утра весеннее яркое солнце ослепительно засверкало по снегам необозримой равнины Ледовитого моря, расстилавшейся на запад, север и восток от северного мыса Котельного острова. Всем пришлось надеть снеговые очки, чтобы не получить мучительной болезни глаз, которой на Крайнем Севере многие подвергаются весной. Солнце стоит еще низко, бесчисленные снежинки равнин, особенно после выпадения свежего снега, отражают

лучи его миллионами крошечных зеркал своих ледяных пластинок, и получается такой яркий блеск, что глаза воспаляются. Человек слепнет на несколько дней и испытывает колющие боли, не дающие покоя. Даже самые темные очки недостаточны, если не дополнены густой сеткой, закрывающей с боков промежуток между лицом и стеклом. Туземцы носят самодельные очки, представляющие просто дощечку с узким прорезом, пропускающим минимум света, но и они не всегда спасают.

Пока Горохов и Никифоров откапывали занесенные сугробами нарты, приводили в порядок упряжь и распределяли груз, все три путешественника поднялись на невысокий холм, возвышающийся позади мыса, чтобы осмотреть местность и выбрать лучшее направление пути через море; ясная погода позволяла видеть вдаль на большое расстояние.

Снеговая равнина моря, где зимние пурги свирепствовали на полном просторе, в разных местах нарушалась более или менее широкими и длинными полосами торосов в виде очень неровных белых валов с торчащими то тут, то там глыбами льда, на которых снег не мог удержаться и которые просвечивали бледно-зеленым светом; иные сверкали, как зеркало, отражая солнечные лучи. Местами видны были темноватые площади среди белых; но это были не полыньи, а места, где снег был дочиста сметен с гладкого льда. Только вдали, километрах в сорока, полоса низкого белого тумана выдавала открытое море — полынью, которая тянулась по всему горизонту, так что обойти ее было невозможно; при пасмурном небе площади открытой воды узнаются по темному пятну, которое они обычно отражают на светло-серой пелене облаков.

Эта полоска тумана закрывала лежащую за полыньей снеговую равнину, но на самом горизонте на севере виднелось что-то темное, выдававшееся над туманом.

— Вот, кажется, виден остров Беннетта! — воскликнул Ордин, первый обративший внимание на это место горизонта.

Горюнов и Костяков взглянули в указанном направлении, и первый сейчас же взял засечку по компасу.

— Это не остров Беннетта,— сказал он.— Остров находится много восточнее и с Котельного не виден — он слишком далек. Если это не мираж, то мы видим Землю Санникова. По Толлю, она должна быть в этой стороне.

Двое вытащили бинокли, а третий — старую подзорную трубу, подарок Шенка «для поисков Санниковой Земли». Темные массы то исчезали за туманом полыньи, то появлялись. Тем не менее удалось рассмотреть, что это целая цепь довольно острых темных вершин, на которых белели полосы и целые поля снега, рассекавшие цепь на отдельные части. Эта цепь тянулась на некоторое расстояние, а затем быстро исчезала, понижаясь в обе стороны. До нее по прямой линии было не меньше ста двадцати—ста тридцати километров.

— Несомненно, земля!

— Почему же она не вся в снегах?

— Очевидно, склоны гор слишком круты, чтобы на них повсюду мог удержаться снег.

— Но на таких крутых горах не может быть места ни для гусей и уток, ни для онкилонов.

— Среди гор есть и долины.

— Во всяком случае, это не мираж, а Земля Санникова! — заявил Горюнов.— Она расположена в той части горизонта, где ее видели и Толль и сам Санников. Мираж не может быть всегда на одном и том же месте. Он образуется над полыньями, а последние меняют место, как мираж меняет свои очертания.

Подзорная труба оказалась лучше хороших биноклей, и Костяков, обладавший ею, заявил, что различает две гряды: переднюю пониже и почти сплошь белую, а заднюю выше, с черными скалами.

— А между грядами, несомненно, есть долина, и, может быть, очень широкая!

— И в ней онкилоны, живущие вне досягаемости! — заметил Ордин.

— А мы хотим нарушить их мирное существование своим появлением! — прибавил Костяков.— Трудно даже представить себе людей, которые несколько веков уже оторваны от всего мира.

Визг, вой и лай собак, донесшиеся на холм снизу, прервали беседу и напомнили, что пора отправляться в путь. Если нет пурги или жестокого мороза, то со-

баки с нетерпением ждут отъезда и по-своему выражают радость, когда видят, что все готово. Горюнов еще раз взял по компасу направление на таинственную землю, и все трое спустились к поварне.

— Однако землю сегодня видно? — встретил их вопросом Горохов.

— Отлично видно, никакого сомнения быть не может! — сказал Горюнов.

— Надо поглядеть! Пока вы пьете чай, я успею сбегать. Я ведь только раз видел, и то плохо.

Взяв у путешественников бинокли, оба промышленника отправились на холм. Собаки, заметив, что одни люди ушли в поварню, а другие на гору, затихли и улеглись в своих упряжках на снег.

Спустившись с холма, Горохов и Никифоров подтвердили, что Землю Санникова отлично видно и на том самом месте, на котором они наблюдали ее раньше.

Вскоре маленький караван спустился с мыса на море и пошел почти прямо на север. Собаки, отдохнувшие за три дня, везли бойко, несмотря на то что нарты получили добавочный груз в виде дров, запасенных на целую неделю. Хотя переход до земли можно было сделать дня в три, но пурга могла опять разразиться и задержать движение, ночевать же без возможности согреть чай и пищу при жестоком морозе очень тяжело.

Подвигались то быстро по ровным местам, то медленно, преодолевая торосы. К вечеру прошли километров сорок и остановились на ночлег среди широкой полосы торосистого льда, выбрав ровное местечко под защитой больших глыб. Быстро раскинули палатку, зажгли костер, сварили ужин и потом посидели часок у огня, который бросал красные отблески на зеркала льдин. Солнце исчезло на западе; на юге сквозь легкую пелену туч то показывалась, то исчезала прибывшая луна; на севере слабо играли сполохи — северное сияние — в виде желтоватых дуг и столбов, хорошо заметных, только когда луна скрывалась за тучей.

Перед тем как лечь спать, Горюнов вскарабкался на гребень тороса осмотреть горизонт. Показалась луна, и снеговая равнина, валы торосов и глыбы засияли мягким голубоватым светом. С юга тянул холод-

ный ветерок, и там на горизонте чернели тучи, на фоне которых плоским горбом чуть выделялся Котельный остров.

На следующий день погода была хмурая и южный ветер усилился. Горохов и Никифоров ждали пургу и подгоняли собак. Но лед стал очень неровным, широкие пояса торосов встречались чуть не на каждом километре, и вперед подвигались медленнее, чем накануне. На сером небе впереди с утра уже ясно выделилась темная полоса, указывавшая широкую и длинную полынью. К вечеру последняя была уже настолько близко, что можно было расслышать шум волн. С перевала через высокий торос наконец увидели в полукилометре отрытое море, покрытое беляками волн и отдельными плавающими льдинами; оно уходило на север, казалось, до горизонта. Назавтра предстоит переезд через него, если не помешает пурга.

Поэтому решили подъехать ближе к краю льда для более быстрого спуска байдары и удобной ее нагрузки; так как ветер дул с юга, то нельзя было опасаться, что море начнет ломать лед с этой стороны. На ночлег устроились среди льдин последнего тороса, шагах в полутораста от открытой воды, выбрав ровную площадку, на которой с трудом уместились нарты, собаки и палатка; с юга и запада эта площадка была защищена огромными отвесными и наклонными льдинами, и вообще этот торос изобиловал ими, свидетельствуя о том, что при последнем северном ветре здесь был страшный нажим ледяных полей друг на друга.

Под защитой льдин и с огоньком у входа в палатке было тепло и уютно. Между тем ветер к ночи усилился и пурга разразилась. При свете костра видно было, как в темном небе на пять-шесть метров над палаткой несутся целые потоки снежинок, сложенные из изгибающихся, переплетающихся, волнующихся струй и струек. Под напором ветра толстые льдины содрогались, а сквозь свист и гул по временам раздавались как будто резкие выстрелы.

— Это что такое? — испуганно воскликнул Костяков, когда такой выстрел послышался впервые.

— Во льду образовалась новая трещина,— ответил Горюнов.

— Лед трещит,— подтвердил Горохов спокойно.

— А наше убежище не может разломать?

— Если ветер повернет кругом и подует с севера, тогда пожалуй, потому что волна будет бить в край нашего ледяного поля и начнет поднимать и ломать его. А пока ветер с юга — опасаться нечего.

— А жутковато здесь, Матвей Иванович,— сказал Никифоров,— что ни говорите! Подумать только: сидим мы спокойно, трубочки потягиваем, калякаем, а под нами всего аршина два льду и бездонная, бездна! Там, промеж островов, все-таки спокойнее — море неглубоко, земля близко.

— Не все ли равно, сколько глубины под нами — двадцать ли, сто ли метров! — засмеялся Ордин.— И там и тут утонем, если лед провалится.

— Все-таки здесь страшнее, потому что моря и земли не видно.

— А ты залезь под шубу и засни, может, и увидишь! — пошутил Горохов.

— И то правда, заляжем-ка, проспим до утра, там на свету спокойнее будет.

Но спали все-таки тревожно, потому что, лежа на льду, слышали еще лучше, как то ближе, то дальше образуются трещины. Собаки также, против обыкновения, спали беспокойно, и то одна, то другая начинала ворчать или завывать. Горохов несколько раз вставал и выглядывал из палатки, чтобы убедиться, не меняется ли направление ветра. Когда рассвело и все проснулись, он успокоил остальных словами:

— Ни зги не видно, задувает по-прежнему, можете не вставать.

Провалялись до позднего утра, когда голод поднял всех. Развели огонь, поставили чайник. Горохов и Никифоров пошли кормить собак, сбившихся в кучу между двумя нависшими льдинами, где ветер совсем не чувствовался. Пурга начала менять свой характер — то затихнет минут на пять, на десять, так что небо начинает проясняться, то заревет с удвоенной силой. Во время одного затишья Горохов вскарабкался на высокую льдину, огляделся кругом, протяжно свистнул и закричал:

— Однако, паря, мы куда-то поплыли, кругом вода!

Все, перепуганные, полезли к нему на льдину и увидели, что на юге, откуда вчера пришли по льду, чернеет сквозь снежную мглу море; на севере тоже

чернела вода, а на запад и восток тянулся торос, но насколько далеко — нельзя было разобрать. Вглядываться долго не пришлось, потому что новый порыв ветра застлал все снегом и согнал их вниз. Пришлось вернуться в палатку.

— Я думаю,— сказал Горюнов,— что ледяное поле, на котором мы находимся, было слабо припаяно к остальным. Когда лед потрескался, напор ветра оторвал наше поле и погнал по морю.

— Но куда?

— Очевидно, на север, куда он дует.

— Но если в этой части моря есть течение, то нас может унести далеко на запад или на восток!

— Конечно, может.

— Что же нам делать?

— Ничего сделать нельзя. В такую погоду плыть на нашей байдаре опасно. Остается ждать, пока пурга не кончится.

— А если льдину еще разломает?

— Если ее до сих пор не разломало, то будем надеяться, что не разломает и впредь, по крайней мере, пока не натащит на другое поле или не прибьет к сплошному льду.

— На этот случай не мешало бы приготовить нашу байдару и сложить в нее все вещи.

— Правильно! — заявил Горохов.

Позавтракав, занялись разгрузкой нарт и соединением частей байдары. Потом сложили в нее груз и нарты, оставив только палатку и постели в ней, убрать которые можно было при первых признаках опасности. Время от времени, когда ветер затихал, лазили на льдину, но видели по-прежнему на севере и на юге море, от которого в обе стороны их отделяло расстояние метров по сто.

Так прошел день. Пурга свирепствовала по-прежнему. Поужинав, долго сидели при свете догорающего огня. Настроение было тревожное, по временам казалось, что лед колеблется под ногами. Но выстрелов, показывающих образование новых трещин, с утра уже не было слышно. Очевидно, оторвавшееся поле было достаточно прочно. Ночью дежурили поочередно на всякий случай. Ветер стал ослабевать, и по временам сквозь снежную мглу даже показывалась луна в виде тусклого, расплывшегося пятна.

Ордин, которому досталось последнее дежурство, на рассвете задремал и проснулся от солнечного луча, осветившего его лицо. С удивлением он увидел взошедшее уже солнце и над собой бледно-голубое небо. Ненастье кончилось, ветер дул сравнительно слабо, часто затихая; свежий снег начал ослепительно сверкать.

Быстро вскарабкался Ордин на льдину и увидел на юге до горизонта синеющее море с зайчиками на мелкой волне; на западе ледяное поле кончалось в полукилометре, на востоке — еще ближе. На севере, совсем близко за полосой воды, виднелся край сплошного льда, медленно приближавшийся. Ордин поспешил разбудить остальных. Все залезли наверх.

— Если бы восходящее солнце не показывало сразу, где у нас север, где юг, я бы подумал, что море к северу от нас, как и раньше! — воскликнул Костяков.

— Да, нам удивительно повезло! — заявил Горюнов.

— Вместо того чтобы плыть в байдаре и хлопотать с нагрузкой и выгрузкой, мы лежали себе спокойно в палатке, а пурга перевезла нас сама через море.

— Словно на плашкоте через речку переправились,— прибавил Горохов.

— И на казенный счет, ничего не заплатимши,— рассмеялся Никифоров,— по нашему открытому листу!

— Попугала нас пурга-матушка только немного для острастки, чтобы не баловались! — сказал Костяков.

— А что, причалит она нас к берегу или придется все-таки спускать байдару? — заметил Ордин.

— Будем надеяться, что причалит. Плыть уже немного, а ветерок задувает, и наш торос хорошо парусит.

— Пока что давайте завтракать и в путь готовиться,— предложил Горюнов.

Так как ветер был слабый, льдина, так удачно послужившая паромом для экспедиции, подвигалась вперед медленно. Успели позавтракать, разобрать байдару, уложить нарты и взобрались опять на торос, чтобы выжидать момент причала парома к краю неподвижного льда. Пришлось ждать около часа; наконец почувствовалось сотрясение всего поля, и на гла-

зах у наблюдателей вдоль линии соприкосновения начало крошить лед и вздымать обломки торосом. Но напор был слабый, торос вышел пустяковый, и паром успокоился.

— Причалили! — воскликнул Горохов.

Вооружившись топорами и лопатами для очистки дороги, путешественники подъехали к краю парома и, выбрав более ровное место, в короткое время переправились на неподвижный лед.

Никифоров с комической важностью поклонился покинутой льдине и крикнул:

— Спасибо, парень, за перевоз! Молодцом прокатил, что и говорить!

Предполагая, что ледяной паром не очень уклонился от направления маршрута, Горюнов повел нарты на север, рассчитывая с высоты более крупного тороса увидеть Землю Санникова и ориентироваться по ней. Путь сначала был очень труден, один торос сменялся другим, и к обеду едва сделали десять километров. Эти торосы совершенно закрывали вид вдаль. Наконец около полудня начался более ровный лед, и на горизонте сквозь дымку чуть показались острые вершины таинственной земли, все еще очень далекой.

— Третий день едем, а будто нисколько не виднее стала она! — сказал Горохов таким странным тоном, что Горюнов, стоявший рядом с ним, обратил на это внимание.

— Ты что-то нехорошее надумал, Никита,— сказал он.

— Верно. Сомнительно мне стало. Не к добру нас льдина так чудно через море перевезла, Матвей Иванович. И подумалось мне, что это не земля, а марево. Завлечет нас, все будет маячить вдали и манить. Заедем так далеко, что и вернуться нельзя будет.

— Ну, пустяки ты надумал! — рассмеялся Горюнов.— Вот увидишь, еще день-другой — и рукой подать будет до этой земли.

— А я полагаю, что если завтра ее не будет видно, так, чтобы не было сомнений, нам лучше повернуть назад, пока не поздно.

Горюнов прекратил разговор и взял направление на землю. Она оказалась уже на северо-востоке — очевидно, паром снесло ветром или течением порядочно на запад. Пришлось изменить направление

маршрута. Более ровный лед позволил двигаться быстрее, и к вечеру прокатили еще тридцать километров. Перед закатом горизонт совсем прояснился, и путешественники увидели уже совершенно ясно, без помощи бинокля, цепь остроконечных черных вершин, поднимавшихся над плоским белым горбом. Даже Горохов как будто успокоился.

Еще два дня шли в том же направлении, но из-за пасмурной погоды земли не было видно: тучи низко стлались по небу и, очевидно, скрывали ее. Наконец на третий день, вскоре после обеденного привала, торосы совсем прекратились, и снеговая равнина, покрытая застругами, начала заметно подниматься. Собаки сразу замедлился свой бег.

— Уж не земля ли под нами? — воскликнул Ордин.

— Подлинно земля! — подтвердил Никифоров.— В гору поехали, собачки ясно показали.

В это время сквозь рассеявшиеся на минуту тучи впереди, в нескольких верстах, показалась как будто высокая белая стена.

— Пока, кроме снега, ничего нет на этой земле! — проворчал Костяков.— Горы куда-то скрылись.

— Вот нетерпение! За белой стеной и горы увидим. А вот вам и кое-что, кроме снега! — Горюнов указал вправо, где что-то чернело в сотне шагов от каравана. Все трое устремились к этому месту. Ордин вынул из-за пояса молоток, готовясь вступить в рукопашную схватку со скалой, потому что это была плоская, гладкая скала, выдававшаяся бугром над снеговой равниной. Поверхность ее была отполирована снежинками, которые проносили по ней пурги. Но с помощью зубила, вставленного в трещинку, удалось выломать кусок породы. Ордин внимательно осмотрел ее и заявил:

— Это, пожалуй, базальт.

— Что и следовало ожидать,— заметил Горюнов.— Эта вулканическая порода, по-видимому, очень распространена на островах Ледовитого океана и свидетельствует, что здесь когда-то были громадные излияния лавы.

— Эх, и тепло было тогда здесь! Не то что теперь! — прибавил Костяков тоном сожаления.

Кусок базальта торжественно поднесли Горохову,

оставшемуся с Никифоровым у нарт. Это было лучшее доказательство, что под ногами земля, край таинственной Земли Санникова, на которую, может быть, впервые ступила нога человека.

Медленно поднимаясь вверх по уклону, караван часа через два очутился у подножия белой стены, которая оказалась тоже откосом, но более крутым. Она тянулась, насколько видно было сквозь легкий туман, окутавший местность, далеко в обе стороны, преграждая путь. Приходилось подниматься вверх, но не прямо, а наискось. Снег, уплотненный пургами, был настолько тверд, что даже полозья тяжелых нарт слабо врезывались в него.

НА ПОРОГЕ ОБЕТОВАННОЙ ЗЕМЛИ

Медленно, длинными зигзагами поднимался караван по белому склону все выше и выше, и казалось, конца не будет подъему; легкий туман, окутывавший склоны, не позволял видеть его гребень, и снеговой откос скрывался уже в сотне шагов в сероватой мгле.

— Вот так высокая гора! — воскликнул Горохов при одной из остановок на повороте, необходимых для отдыха собакам.

— Мы, вероятно, попали очень неудачно на склон одной из окраинных гор, вместо того чтобы пройти в долину,— предположил Ордин.

— Весьма возможно, что весь южный край земли таков,— заметил Горюнов.— Вспомните, что мы видел и впереди скалистой горной цепи высокий снежный вал, протянувшийся далеко; вот на него мы, очевидно, и поднимаемся.

— Странная земля! — сказал Костяков.— Вместо крутых обрывов и скалистых мысов, которые окаймляют острова Новосибирские и Беннетта, здесь такая ровная длинная покать.

— И даже нет ледников, сползающих сверху, а только снег,— прибавил Ордин.

— Да, это странно! Этот склон южный, и снег на нем должен стаивать за лето. Но над ним, как мы видели, поднимается более высокая цепь гор, с которых должны были бы спускаться ледники через этот склон к морю. А мы их пока не видели.

— Единственное объяснение этого странного факта, что за этим снеговым валом лежит глубокая долина и ледники спускаются в нее,— предположил Ордин,— а затем огромным ледяным потоком где-нибудь выходят к морю, как на Шпицбергене.

— Но где же тогда будут кормовища для птиц, прилетающих будто бы сюда, не говоря уже об онкилонах, в существование которых я, впрочем, не верю? — заявил Костяков.

— Потерпите же немного, товарищи, разгадка не за горами,— рассмеялся Горюнов.— Вперед, бодрее!

На следующей остановке барометр показал уже высоту в восемьсот метров над уровнем моря. Туман как будто стал гуще, и Горохов заявил:

— Как хотите, а нужно повернуть обратно.

— Это почему? — воскликнул Горюнов.

— Не видите, что ли? Лезем, лезем, словно на небо. Не может быть такой высокой горы.

— Ох-хо-хо! — рассмеялись все трое, и даже Никифоров присоединился к ним.

— А туман что значит? Вспомните гору Кигилях, которая пускает туман, чтобы люди не могли влезть на нее...

— Ну, Никита, я вижу, ты от каюров суеверия набрался. Туман на высокой горе — самая обыкновенная вещь, особенно в здешних местах. Не видали мы его, что ли?

— Ваша воля, делайте как знаете, а я вас предостерег. Потом не говорите, что Горохов вас в беду завел.

Потянулись дальше и еще через полчаса сквозь поредевший туман увидели наконец несколько темных скал среди снега, еще довольно высоко впереди. Все вздохнули свободнее и с новой энергией продолжали путь; снег стал рыхлее, и хотя уклон сделался пологим, но нарты погружались глубоко, и пришлось уминать дорогу для собак. Поэтому подъем замедлился, и последние полкилометра достались тяжело.

Солнце склонилось уже к закату, когда караван очутился наконец почти на гребне этого высокого снегового увала, где барометр показал девятьсот семьдесят метров. Туман белой пеленой стлался внизу, скрывая почти весь склон и подножие, но через него открывался далекий вид на торосистую равнину моря, расстилавшуюся до горизонта.

Оставив нарты у подножия плоской черной скалы, поднимавшейся невысоко над снегом, все пятеро поднялись на самый гребень и остановились в двух шагах от края огромного обрыва, которым оканчивался этот снеговой склон.

— Ну и чудеса! — воскликнул Никифоров, выразив этим всеобщее изумление перед развернувшейся впереди картиной.

Вместо сплошного снега и льда, которые нужно было ожидать на такой высоте, почти в тысячу метров над уровнем моря, под широтой в 79 или 80°, путешественники увидели перед собой картину пробудившейся весенней природы, хотя была только половина апреля, когда и под Якутском, на 15—17° южнее, весна еле намечается первым таянием снега.

Вниз от края обрыва мрачные черные уступы, на которых белел снег, уходили в глубь огромной долины, расстилавшейся на север до горизонта. На дне ее ярко зеленели обширные лужайки, разделенные площадями кустарника или леса, уже чуть подернувшегося зеленью первых листочков. В разных местах среди лужаек сверкали зеркала больших и малых озерков, соединенных серебристыми лентами ручьев, то скрывавшихся в чаще кустов, то появлявшихся на лужайках. Над более далекими озерками клубился белый туман — они словно дымились. На западе, за этой зеленой долиной, поднималась чуть не отвесной стеной высокая горная цепь, гребень которой был разрезан на остроконечные вершины, подобные зубьям исполинской пилы; на них полосами и пятнами лежал снег, тогда как ниже на обрыве его почти не было. Солнце уже спустилось за эту цепь, и вся долина погрузилась в вечернюю тень.

Цепь гор уходила на север за горизонт, скрываясь в тумане, покрывавшем отдаленную часть долины. Туда же, на север, насколько можно было видеть, тянулась и гряда, на гребне которой стояли наблюдатели и которая была ниже противоположной. На юге та и другая как будто соединялись, совершенно замыкая долину с этой стороны.

Безмолвное созерцание первых минут сменилось оживленным обменом впечатлений.

— Диво дивное, Матвей Иванович! — произнес Никифоров.

— Настоящая обетованная земля! — сказал Ордин.

— Совершенно непостижима эта зелень, эта растительность под такой широтой! — заявил Костяков.— Долина открыта на север, в сторону полюса, словно оттуда идет к ней тепло.

— И неудивительно, что сюда летят издалека птицы, пренебрегая нашим суровым побережьем. Вполне возможно, что сюда скрылись и онкилоны. Но как мы спустимся вниз по этим обрывам с нашими нартами? По ним и порожняком не сойдешь,— заметил Горюнов.

— А вот же звери спускаются! — воскликнул Ордин, указывая на несколько темно-бурых животных с огромными рогами, закрученными спиралью по бокам головы, которые появились на уступе под ногами путешественников.

— Эх, каменные бараны! Вот бы подстрелить парочку на ужин! — воскликнул Горохов.

Между тем животные, очевидно почуяв людей, остановились и в недоумении подняли головы вверх.

Бараны, по-видимому, все-таки были знакомы с человеком, так как, постояв минуту, резко повернули назад и скрылись за выступом скалы.

В это время Горюнов изучил при помощи бинокля гребень в обе стороны от места их стоянки; на северо-восток он повышался, на юго-запад как будто понижался и в этом направлении, может быть, представлял возможность спуска.

— Идем вдоль гребня на юго-запад,— заявил он.— Если есть спуск вниз, то скорее всего там.

— Может быть, придется окружить всю впадину,— заметил Ордин,— чтобы...

— ...чтобы убедиться, что спуска в нее для людей нет и что только для птиц она доступна,— подхватил Костяков.

— Ну, что же, придется удовольствоваться на первый раз открытием этой громадной впадины с богатой растительностью среди полярных льдов и немедленно вернуться на материк.

Пользуясь остатком дня, пошли на юго-запад вдоль гребня, который оказался неровным: он то понижался, и здесь снеговое поле южного склона доходило до самого края обрыва, то повышался и представлял скалы или острые грядки. При виде их Ордин

вспомнил про свой молоток и освидетельствовал несколько таких выступов.

Все они оказались состоящими из базальта, то плотного, то пузыристого или шлаковатого, представлявшего базальтовую лаву.

— Я начинаю думать,— сказал он, обращаясь к Горюнову,— что ваше предположение, высказанное академику Шенку, что Земля Санникова представляет остаток вулкана, оправдывается. Эта огромная котловина, окруженная кольцом отвесных обрывов, очень похожа на кальдеру[1] большого древнего вулкана, а базальты, встреченные нами внизу и здесь, на гребне, подтверждают это.

— Такое происхождение котловины объяснит нам и существование богатой растительности под этой широтой,— прибавил Горюнов.— Но не будем решать преждевременно, посмотрим, что будет дальше.

По мере движения на юго-запад гребень заметно понижался, но в сторону впадины обрывался так же круто. Сумерки сгущались, но почти полная луна уже поднялась и освещала путь. Прошел еще час.

Горюнов взглянул на барометр — он показывал уже только пятьсот метров над уровнем моря.

— Я думаю, нам придется заночевать на гребне. Луна не осветит спуска на ту сторону, а в темноте идти по неизвестной дороге опасно.

— Найдем ровную площадку и станем,— согласился Никифоров.

— Но если ночью поднимется пурга, нас может смести в пропасть,— заметил Костяков.

— Пурги не будет,— заявил Горохов,— небо чистое, ветра нет, солнце село некрасное. Вот разве шайтан захочет наказать нас...

— Будем надеяться, что он помилует,— рассмеялся Горюнов.

Выбрали более ровное и широкое место гребня в промежутке между двумя скалами, поставили палатку, поужинали, но спать не хотелось. Таинственная впадина была слишком близко и возбуждала любопытст-

---

[1] Кальдерой (испанское слово «котел») называют старые кратеры потухших вулканов, сильно расширенные и пониженные процессами размыва и имеющие форму обширного цирка. Среди кальдеры нередко расположен конус действующего вулкана.

во. Луна уже освещала более отдаленную часть ее, тогда как ближайшая оставалась в тени, в разных местах серебрились зеркала озер и ленты ручьев среди темного фона лугов и леса.

Усевшись на краю обрыва, все пятеро созерцали лежавшую у ног странную впадину; освещенные луной обрывы противоположного края казались теперь еще выше и круче.

Они поднимались над дном на тысячу пятьсот—тысячу шестьсот метров почти отвесно. И вдруг в ночной тишине из глубины раздалось сначала протяжное мычанье, а затем глухой рев.

— Эге-ге, там зверье есть, коровы мычат! — воскликнул Никифоров.

— А другой кто, который ревет? Уж не сохатый ли? — спросил Горюнов.

— Нет, не сохатый и не бык. Этот зверь словно трубит в большую трубу. И не медведь.

Погадали, какой это может быть зверь, но ни один из известных промышленникам не издавал таких звуков, и все остались в недоумении.

— А это что? — спросил Ордин, указав на засветившуюся вдали, среди впадины, красную точку, похожую на звезду; она то разгоралась, то почти потухала.

— Это, пожалуй, огонек на дне кратера этого вулкана, который, очевидно, не совсем потух,— засмеялся Костяков.

— А не костер ли это?

— На то похоже. Значит, здесь есть люди; может быть, это пропавшие онкилоны? — сделал предположение Горюнов.

Опять воцарилось молчание. Все следили глазами за этим новым загадочным явлением в странной впадине. И вот издалека чуть слышно донеслись звуки, напоминавшие барабанный бой.

— Не иначе, как бубен шамана! — заявил Горохов.— Стало быть, люди есть и огонь ихний.

— А если есть люди, то должен быть и спуск вниз,— заметил Горюнов.— Люди не могли слететь, как птицы, по воздуху.

— Спуск мог быть, но обрушился.

Прошло еще полчаса в молчании, и всех стало клонить ко сну. Но тут новое явление обратило на се-

бя внимание. Несмотря на поднявшуюся выше и ярко светившую луну, дальняя часть впадины стала неясной и скоро совсем исчезла в пелене тумана. Эта пелена медленно ползла на юг, и вскоре вся впадина превратилась в огромное белесоватое озеро слегка волнующегося тумана. Затем он стал подниматься выше и клочьями переползать через низкое место южной окраины, где находились путешественники.

С севера потянуло сырым, но тепловатым ветерком, и скоро гребень скалы, палатка очутились в густом тумане, через который едва была видна луна.

— Представление кончилось, занавес опущен, и пора уходить! — заметил Ордин.

— Уйдем от греха в палатку! — предложил Горохов.— И как вы себе хотите, Матвей Иванович, а все это — одно наваждение, марево, и земля эта, и леса, и луга, и звери. Вот увидите, завтра проснемся, ничего, кроме снега, не будет, и нам придется ворóчаться поскорее.

— Ну ладно, прорицатель, завтра увидим,— ответил Горюнов.

Легли спать, но спали тревожно, потому что собаки по временам поднимали лай и визг, вероятно чуя каких-то не очень далеких животных.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ЗЕМЛЕ САННИКОВА

Когда рассвело, туман еще не рассеялся; он был так густ, что в пяти шагах силуэт человека почти исчезал в молочно-белой мгле. Даже по соседству со стоянкой нужно было ходить очень осторожно, чтобы не свалиться с обрыва, находившегося в нескольких шагах от палатки.

Приходилось ждать возможности идти дальше по гребню в поисках места для спуска. Развели огонь последними дровами, взятыми с Котельного, накормили собак, не торопясь позавтракали.

Судя по часам, солнце поднялось уже больше часа, но туман совершенно скрывал его; он, казалось, переливался через гребень, словно жидкий кисель, переполнивший огромную чашу впадины и стекавший через выщербленный край.

— Это дымит ваш вулкан,— острил Костяков.—

Он действует по ночам: сначала загорелись огни, а потом повалил дым.

— Смейтесь, смейтесь, Павел Николаевич,— ответил Ордин.— А все-таки эта впадина — вулкан, и это открытие не менее важно, чем нахождение самой Земли Санникова.

— Но разве могут быть вулканы среди полярных льдов? — спросил Костяков.

— Почему же нет! В южной полярной области есть даже действующие вулканы Эребус и Террор и несколько потухших. А в Ледовитом океане мы находим вулканические породы разного возраста и в Гренландии, и на Шпицбергене, и на Земле Франца-Иосифа и даже на ближайшем соседе Земли Санникова — острове Беннетта.

— Но это все очень старые.

— Не все. А Исландия с ее грандиозной вулканической деятельностью?

— Ну, этот вулкан заткнет за пояс все остальные по своим размерам,— заметил Горюнов.— Вот что заставляет меня пока сомневаться в правильности вашей гипотезы...

— Он действительно очень велик; я полагаю, он имеет километров двадцать в поперечном и сорок—пятьдесят в продольном направлении.

— А каковы размеры самых крупных кратеров, известных на Земле?

— Насколько помню, кратер Мауна-Лоа на Гавайских островах имеет около четырех километров, а Гунунг-Тенгер на Яве немного меньше шести километров в диаметре.

— Ну вот видите! Этому впору быть на Луне, а не на Земле,— заметил Костяков.

— На Луне он был бы самым заурядным, потому что там есть кратеры в шестьдесят, восемьдесят, сто и больше километров в диаметре; например, кратер Птоломея имеет сто шестьдесят один километр, Лянгренус — сто пятьдесят восемь, а в семьдесят—девяносто километров имеется больше десятка. Всего же на Луне насчитывают около тридцати тысяч кратеров.

— Должно быть, красивое зрелище представляла Луна, когда все они действовали!

Пока наши путешественники беседовали о Луне, солнце делало свое дело — и туман быстро начал ре-

деть, поднимаясь вверх и превращаясь в тонкие пленки, которые постепенно таяли в воздухе. Скоро гребень настолько очистился, что можно было тронуться в путь, хотя впадина представляла еще молочно-белое море, поверхность которого медленно колебалась. Пошли дальше, уже на запад, согласно изгибу гребня, который продолжал понижаться. Наконец, незадолго до полудня, дошли до самого низкого места, за которым ясно было видно новое повышение.

— Если здесь нет спуска, то придется искать его далеко на северном конце впадины,— заявил Горюнов.

— Это будет очень печально,— заметил Ордин,— потому что дров у нас нет, а корма для собак хватит дня на три, не больше.

Подошли к краю обрыва, чтобы осмотреть его внимательнее. Барометр показывал только сто двадцать метров над уровнем моря, и можно было надеяться, что при помощи веревок удастся спуститься с уступа на уступ.

— Ну вот вам и спуск! — воскликнул Горюнов, указывая вправо.

Все взглянули туда. Там тянулся от гребня в глубь впадины длинный снеговой откос, огромный сугроб, нанесенный пургами, наметавшими снег со стороны моря через самое низкое место гребня и отлагавшими его под защитой обрыва. Он спускался довольно круто в виде двускатной крыши с широким коньком, поднимаясь до самого края обрыва; правее и левее его видны были еще подобные сугробы, но не доходившие уже до повышавшегося гребня, так что только он один давал возможность спуска. Попробовали плотность снега — она оказалась вполне достаточной: нога погружалась только на четыре-пять сантиметров.

Так как уклон доходил до 40°, нарты нельзя было спускать с упряжкой. Отстегнули собак, достали веревки и, привязав их по две к каждой нарте, стали спускаться, удерживая нарту вдвоем. Пока две нарты спускались, Костяков остался наверху с третьей нартой и с собаками. Когда Горохов и Никифоров поднялись обратно, Костяков повел все три потяга собак вниз: пустить их одних было опасно, так как они могли немедленно увлечься погоней за какой-нибудь дичью. Но вести тридцать собак вниз по уклону —

нелегкая задача; увидев внизу нарты и людей, собаки помчались так быстро, что Костяков не удержался на ногах, упал ничком и покатился на животе по всему откосу, вздымая тучу снежной пыли, к общему удовольствию зрителей вверху и внизу.

Закончив спуск, осмотрелись кругом. Почва вокруг подножия сугробов была совершенно обнажена. Сюда солнце начинало заглядывать в самые летние дни и со стороны севера, то есть собственно ночью, когда оно стояло низко и грело слабо. Снег, вероятно, долго не таял, и растительность не могла развиваться. Но шагах в тридцати от конца сугробов среди плит и обломков базальта, рассеянных по поверхности почвы, зеленел мох и карликовые цветы раскрывали свои первые лепестки. Немного дальше видны были стелющиеся кустики, еще обнаженные, а затем в полукилометре — более высокие и густые, чуть подернутые зеленью. За ними уже темнела стена невысокого леса.

За обедом или, вернее, за закуской с чаем, сваренным на остатке дров, найденных по нартам, обсуждали важный вопрос — как двигаться дальше. Байдара, нарты, собаки уже не были нужны, так как в котловине не было ни снега, ни достаточно больших рек для плавания.

Вести с собой тридцать собак и заботиться об их корме было слишком стеснительно для передвижения. Ввиду обилия дичи собаки доставили бы много хлопот, разбегаясь для ее преследования, а вести их на привязи значило бы все внимание уделять им и занять трех членов экспедиции этой непроизводительной работой. Запрячь собак в нарты и ехать на них по траве и по лесам — это значило стереть дочиста полозья нарт и сделать их негодными для обратного пути через льды, а также измотать собак трудной работой.

Единственным приемлемым решением казалось — оставить все лишнее имущество и собак под надзором одного человека тут же у сугробов; здесь было прохладно, а человек мог уделять все свое время на добычу пропитания себе и собакам посредством охоты. Остальные четверо пешком и налегке могли предпринять экскурсию по Земле Санникова, возвращаясь время от времени к этой базе для сдачи собранных коллекций. Горохов, знавший чукотский и ламутский языки, был необходим для сношений в случае встречи

с онкилонами, поэтому остаться сторожить вещи и собак приходилось Никифорову. Последнего несколько смущала необычная обстановка, но вообще он, как и все промышленники Севера, не боялся провести несколько дней или даже недель в одиночестве; свора собак представляла достаточную защиту от хищных зверей, а вместе с тем доставляла достаточно забот — так что скучать от безделья не приходилось.

Выбрали место между двумя сугробами, поставили палатку и употребили конец дня на сортировку вещей. Идя в глубь котловины пешком, нельзя было обременять себя большим грузом; приходилось брать только самое необходимое — небольшой запас одежды, белья и обуви, ружья и заряды к ним, котелок и чайник, рассчитывая питаться охотой и ночевать под открытым небом.

К вечеру небо покрылось тучами и пошел мокрый снег, иногда сменявшийся дождём, пришлось укрыться в палатке.

— Эта погода показывает нам, что нужно принять какие-нибудь меры, чтобы оставляемые вещи, нарты и байдара за лето не попортились и не погнили,— сказал Горюнов.

— Придется выстроить шалаш из кольев и корья,— заметил Ордин.

— Это будет плохая защита, да и за корьем придется далеко ходить,— заявил Горохов.

— А эти сугробы на что? В глубине они, наверно, не тают. Выроем в них пещеру и сложим там все вещи — будет и сухо, и холодно, и от хищников безопасно.

— А для собачек выроем другую,— прибавил Никифоров,— они жары не любят, да и запирать их на ночь можно будет, чтобы не разбегались.

— Не только на ночь. Пойдешь на охоту с двумя-тремя, а остальных запрешь. Не всю же свору с собой водить! Этак ничего не добудешь — они всех зверей распугают,— заметил Горохов.

— Совершенно верно, мысль прекрасная! — сказал Горюнов.— Завтра с утра мы ее претворим в дело.

В этот вечер в палатке было холодно и неуютно — дров не было, и ужин сварили кое-как на хворосте, набранном по соседству в полосе кустарника. Поэтому рано легли спать. Но доносившиеся из котловины

гораздо более близкие различные звуки — мычанье, блеянье, рев животных — часто тревожили собак, поднимавших лай и вой и будивших спящих.

— Не завидую я Капитону, который все время будет спать возле этих горланов! — проворчал Костяков во время одного из концертов.

— Когда он запрет их в снеговую пещеру, они будут спокойнее,— ответил Горюнов, поворачиваясь на другой бок.

Утром принялись за работу и при помощи топоров вырубили в сугробе, вблизи того места, где он примыкал к базальтовому обрыву, глубокую галерею. Под поверхностным слоем снега оказался сплошной лед, который, очевидно, лежал уже целые столетия, так что нельзя было опасаться, что он за лето растает. В грот сложили лишние вещи, байдару и две нарты, а вход заложили глыбами льда, чтобы вглубь не мог проникать теплый воздух и чтобы какой-нибудь хищник не мог в отсутствие Никифорова забраться внутрь. По соседству вырубили еще три грота, поменьше, каждый для одной упряжки собак.

Третью нарту оставили Никифорову, чтобы он мог подвозить к своему жилью дрова из леса и туши добытых животных. Никифоров, которому ледяные пещеры очень понравились, намеревался вырыть еще одну — для хранения мяса, а другую — для себя и палатку поставить внутрь последней, чтобы спать спокойно, не опасаясь нападений. В пещеру ночной незваный гость мог проникнуть только с одной стороны, а не со всех, как в палатку, и достаточно было положить пару собак у входа, чтобы чувствовать себя в полной безопасности.

Эти работы заняли почти целый день; успели только сходить на опушку ближайшего леса и нарубить дров для ночлега.

СТРАННЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Утро, хотя и хмурое, но без дождя и тумана, позволило начать исследование котловины. Четверо путешественников с котомками за спиной, с ружьями на плече двинулись на север. Они взяли с собой наиболее смышленых собак, вожатых упряжек; одна была

совершенно черная, другая почти белая; первую звали Крот, вторую — Белуха. Никифоров с третьим вожаком — Пеструшкой — провожал товарищей, чтобы добыть себе и собакам пропитание на ближайшие дни.

По мере отдаления от сугробов растительность становилась более обильной; мох сменила трава, затем пошли кусты полярной березы, ивы и ольхи, стлавшиеся по земле. Сюда ненадолго уже заглядывало полуденное солнце, и растительность пробуждалась к жизни. Чем дальше, тем выше становились кусты, и затем полярные виды уступили место представителям более умеренной полосы — появилась лиственница, белая береза, ольха, а среди травы пестрели первые цветы. Деревья достигали трех-четырех метров вышины, образуя небольшие рощи, перемежающиеся с полянами.

При проходе через одну такую рощу собаки, бывшие на привязи, обнаружили беспокойство, стали рваться вперед и ворчать. Приготовив ружья, путешественники осторожно подошли к опушке и увидели на поляне большое стадо пасшихся животных. Видны были черные спины с довольно большими горбами и пушистые короткие хвосты, напоминавшие большую кисть. Когда одно из животных подняло голову, то оказалось, что она похожа на бычью, но короче и круче и увенчана большими, загнутыми вперед и вверх рогами. Животное уже почуяло опасность и издало глухое мычанье, встревожившее все стадо.

Медлить было нельзя. Горюнов выстрелил из винчестера в ближайшего быка, который подскочил и упал на колени. Остальные в недоумении шарахнулись в разные стороны, но не убежали. У некоторых рога были короче и тоньше; видны были и телята разного возраста.

Спустив собак, охотники побежали к раненому быку. Стадо при виде людей пустилось наутек, но собакам удалось остановить теленка, который и был застрелен Никифоровым. Раненый бык при приближении людей поднялся и бросился им навстречу со свирепым ревом; наклонив голову и выставив огромные рога, он несся вперед, оставляя кровавый след. Но собаки, подбежавшие сбоку, обратили на себя его

внимание; он круто повернулся к ним и в это время получил еще две пули, которые его свалили.

Обступив жертву, охотники с удивлением рассматривали ее.

— Как хотите, это не мускусный бык, как можно было думать,— заявил Костяков.— У него и шерсть короче, и голова и рога другие.

— Да, он похож на тибетского дикого яка, которого я видел в зоологическом саду,— сказал Горюнов.

— Но здесь, на Севере, единственным представителем этого семейства является мускусный бык, *Ovibosmoschatus*,— заметил Ордин,— да и тот водится в Северной Америке, а не в Азии.

— Вы правы, но только это не овцебык, это бесспорно.

— Но как же мог тибетский як очутиться здесь, так далеко от своей родины, за десять тысяч километров?

— Это, очевидно, еще одна из загадок Земли Санникова, которую она задает нам,— заметил Костяков.— Может быть, онкилоны привели этих быков с собой и мы нарушим их право собственности?

— Нет, быки эти дикие,— заявил Горохов.— В нашей земле никогда таких не было.

— Для решения загадки нам придется сохранить и увезти с собой хотя бы его череп с рогами,— сказал Горюнов.— Мне помнится, что у яка рога загнуты на концах больше вверх и вообще тоньше, а хвост короче и гуще.

В это время Никифоров приволок добытого им теленка, имевшего только две-три недели от роду.

— Вот-то вкусное жаркое будет! — заявил он.— Много лет я не едал телятины.

— Возвращайтесь сейчас на стан, Капитон,— распорядился Горюнов,— и приведите нарту, а мы пока освежуем зверей.

Никифоров с Пеструшкой пошли назад, ориентируясь на снеговые сугробы, которые отлично выделялись на черном обрыве позади низкой полосы леса.

Остальные стали снимать шкуры с быка и теленка, причем Горюнов обмерил животных и записал их приметы. Над поляной уже кружили несколько крупных птиц, по-видимому грифов, которые рассчитывали, что люди оставят им часть своей добычи. Но их

надежды были обмануты, потому что Никифоров догадался привести всех собак, чтобы накормить их досыта на месте и облегчить груз мяса, который приходилось везти к стану. На прощанье ему было наказано сохранить черепа и шкуры всех животных, которых он добудет, сберегая их в ледяной пещере.

Четыре путешественника отправились дальше. По мере удаления от окраины котловины деревья становились выше, трава гуще; появились тополя, осина, черемуха, жимолость, шиповник и другие кусты; иные уже покрылись свежей листвой или зацветали. Горохов с изумлением разглядывал растительность, потому что в окрестностях Казачьего и по всему берегу ничего подобного не было, а южнее он бывал только в зимнее время. Остальных также немало удивило то, что здесь, под 80° широты, растут формы, которые в Сибири не переходят за Полярный круг.

По-прежнему чередовались луговые поляны и полосы леса, становившиеся более густыми; на двух полянах увидели пасущихся быков и с интересом наблюдали их. Но животные при приближении людей обратились в бегство. Это доказывало, что в котловине живут люди, охотящиеся за быками, но не имеющие огнестрельного оружия, так как выстрелы животных не пугали. На одной из полян, километрах в восьми от окраины котловины, кроме черных быков заметили каких-то бурых животных того же роста. Когда одно из них подняло голову, Горохов воскликнул:

— Смотрите, Матвей Иванович, ведь это же конь, надо быть!

— Похоже на то. Неужели домашний?

— Едва ли; все они одной масти, бурые, с черной полосой вдоль хребта, жидким хвостом и жидкой гривой, да и уши у них длинные,— заявил Ордин, рассматривавший животных в бинокль.

— Тогда они похожи на дикую лошадь, которую Пржевальский открыл в глубине Центральной Азии,— сказал Горюнов.

— Но здесь, среди полярных льдов? Еще одна загадка этой странной земли! — воскликнул Костяков.

— Попытаемся подойти к ним поближе.

Огибая поляну по опушке леса, охотники немного приблизились к лошадям. Они паслись отдельно от

быков. Один из коней, видимо старый жеребец, вожак табуна, постоянно поднимал голову, осматривая поляну, и, раздувая ноздри, нюхал воздух. Вдруг, заметив людей, он издал тревожное ржание, отчасти напоминавшее ослиный рев, и весь табун, штук двадцать взрослых и десяток жеребят, помчался прочь, подняв головы и изогнув хвосты.

— Эх, упустили дичь! — вздохнул Горохов.— Жеребеночка бы сварить, вкусные они.

— Ну зачем? Мясо у нас есть на сегодня, а нагружаться нам не к чему. Да и жаль убивать зря.

— А для коллекций? — заметил Ордин.— Разве это не редкость — дикая лошадь и, вероятно, особой породы?

— Просто одичавшие лошади,— предположил Костяков.

— Не может быть! Все кони у нас белые, редко когда серые или в яблоках,— заявил Горохов.

— И стать совсем другая,— прибавил Горюнов.— Очевидно, благодаря каким-то не выясненным еще условиям на Земле Санникова сохранились животные предшествовавшего геологического периода, вымершие в других странах.

— Вот как в Австралии сохранились дикая собака, кенгуру и другие странные сумчатые животные, примитивные млекопитающие, бескрылые птицы и тому подобные живые окаменелости, как их называют,— пояснил Ордин.

— Вы, пожалуй, скажете, что здесь проживает мамонт, длинношерстный носорог, пещерный медведь и другие современники первобытного человека! — засмеялся Костяков.

— Вполне возможно, если только человек не истребил их,— ответил Горюнов.

— И интерес, который представляет Земля Санникова по своему положению и форме, еще увеличится ее живыми окаменелостями,— прибавил Ордин.

— Подойдем к озерку, которое я вижу вот там среди поляны,— предложил Костяков.— Не увидим ли в воде бегемота?

— Бегемот не живая окаменелость,— поправил Горюнов,— а водится в большом числе в реках Африки, и здесь мы его не найдем.

Но добраться до озера не удалось: по мере прибли-

жения к нему почва становилась все более вязкой и наконец превратилась в трясину, колебавшуюся под ногами и поросшую болотными растениями. Очевидно, озеро прежде было значительно больше, но постепенно зарастало от берегов вглубь. Поэтому ни попробовать его воду, ни посмотреть, есть ли в нем рыба и какова она, не пришлось. О бегемоте, конечно, и речи быть не могло: его грузная туша провалилась бы в трясину при первых же шагах.

За этой поляной начался более густой и высокий лес с таким густым подлеском из молодых деревьев и кустов, что, не будь троп, протоптанных животными, движение было бы очень трудно.

Подвигаясь по такой тропе, путешественники слышали громкое весеннее пение разных птиц, воркование горлиц; в отдалении даже послышался зов кукушки. Замечены были сойки, сороки и галки, а в вышине плавали два орла, высматривая добычу на полянах.

— Положительно чудесная страна! — удивлялся Горюнов.— Можно подумать, что мы находимся где-нибудь в южной полосе Сибири, а не в десяти градусах от Северного полюса.

— Да, одно только низкое положение солнца, несмотря на полуденное время, показывает, что мы на Крайнем Севере,— заметил Ордин.

— А мне эти черные зубчатые вершины окраинного обрыва с их полосами снега напоминают мою родину — долину Иркута, вдоль которой тянутся Тункинские альпы такого же вида,— сказал Костяков,— а растительность и птицы увеличивают иллюзию.

На следующей поляне, также с озером посередине, заметили пасущихся быков и лошадей и решили остановиться на опушке, чтобы понаблюдать за ними, а кстати сварить обед. Ручеек, вытекавший из озера и пересекавший поляну, давал возможность набрать чистой воды. Расположились на самой тропе, у выхода ее на поляну среди кустов, быстро развели огонь, повесили чайник и котел для супа, нарезали шашлык из телятины и, нанизав на прутики, поставили жариться. Сами уселись в кустах возле тропы, откуда через просветы можно было видеть пасущихся животных.

Вдруг в глубине леса послышался тяжелый топот, быстро приближавшийся. Изумленные путешественники едва успели отпрыгнуть в кусты, как по тропе

промчалось огромное темно-бурое животное, издававшее глухой рев.

— Это что такое было? Что за чудовище? — шептал перепуганный Горохов.

— Заметили вы огромный рог у него на носу? — спросил Горюнов, не менее пораженный.

— И куцый поросячий хвостик? — добавил Костяков.

— А вот его следок,— сказал Ордин, указывая на отпечаток ноги на мокром месте тропы, где вылили лишнюю воду.

Этот след имел почти восемнадцать сантиметров в диаметре и оканчивался впадинами, оставленными несколькими копытами.

— Итак, мы видели еще одну живую окаменелость — ископаемого длинношерстного носорога! — сказал Ордин.

— А будь она проклята за ее живость, эта окаменелость! — воскликнул Костяков.— Она весь наш обед изгадила.

Действительно, носорог, пронесшийся ураганом по тропе, наделал беды: котел с супом был отброшен в кусты и, конечно, пуст, мясо валялось на траве, палочки с шашлыком растоптаны, чайник лежал на боку.

— Начинай сначала, повар! — усмехнулся Горохов, подбирая котел и чайник, чтобы идти за водой.

— Этакое неуклюжее чудище! — ворчал Костяков, собирая разбросанные кусочки мяса.— Мало ему было места на тропе!

— Другой раз будем умнее,— смеялся Горюнов,— и расположимся в сторонке от звериного тракта!

— Еще кто-то бежит! — крикнул Ордин и прыгнул в кусты; остальные последовали за ним.

Через несколько секунд по траве с таким же глухим ревом пробежали один за другим три носорога, которых успели рассмотреть лучше. Спереди был самец с огромным рогом на морде, позади которого возвышался второй рог, гораздо короче. За ним следовала самка с одним небольшим рогом, а в хвосте — детеныш, безрогий, еле поспевавший на своих коротких ножках за родителями. Все трое были покрыты редкой, но довольно длинной черно-бурой шерстью.

— Ну, ребята, берегитесь! — предупредил Горюнов.— Вероятно, они от какого-то хищника убегают. Приготовьте ружья!

Не успел он сказать это, как на тропе показался хищник, в котором нетрудно было узнать медведя, но огромной величины; он бежал, низко опустив голову и обнюхивая землю, слегка переваливаясь с ноги на ногу. Заметив догоравший и дымивший огонь у тропы, он сразу остановился, поднял голову, раскрыл пасть, показав свои огромные клыки и красный язык. Но тут его сзади атаковали собаки, и он круто повернул и побежал назад, издавая недовольное ворчанье.

— Ну, товарищи,— возгласил Горюнов,— переберемся-ка на поляну. Здесь, видно, звери не дадут нам не только что сварить обед, а даже съесть его спокойно.

— Матерой мишка! В жисть я таких не видывал...— сказал Горохов, вылезая из кустов.

— Огромный, да не очень храбрый, собак испугался! — смеялся Ордин.— А знаете ли, я уверен, что это не просто очень крупный бурый медведь, а ископаемый пещерный, современник носорога и мамонта. Вы заметили, каковы у него челюсти?

— Значит, еще одна живая окаменелость! Наша коллекция очень быстро увеличивается и становится слишком неправдоподобной,— сказал Костяков.

— Да, придется фотографировать всех этих ископаемых животных прямо на лоне природы, иначе нам никто не поверит,— заметил Горюнов.— Жаль, что у нас мало фотографических пластинок взято. Но кто же мог знать, что Земля Санникова — зоологический, или, вернее, палеонтологический, сад.

— Теперь вы можете, Никита, рассказать вашим приятелям-каюрам, что видели сами на голове носорога тот рог, который они считают когтем птицы эксекю.

— Да я же видел эту тварину и раньше.

— Где же это? Сегодня ночью, что ли?

— Нет, давно дело было. На реке Ачаде, что справа в Яну впадает, в весеннюю пору из берега такой же зверь вывалился и у воды лежал. Песцы уже объели у него морду и выели брюхо, когда он мне попался. Тогда наш исправник о нем губернатору докладывал,

а тот чиновника послал, чтобы зверя увезли. Да только к его приезду ничего не осталось: песцы мясо съели, а кости река схоронила.

— Так всегда бывает с этими находками,— пояснил Горюнов.— Пока их кто-нибудь случайно увидит, пока сообщит по начальству, а последние — в Петербург, академии, пока она командирует ученого для осмотра — проходят многие месяцы. А хищники и реки не дожидаются. И сколько редких находок уже пропало!

— Ну, мы с вами привезем кое-что получше! — сказал Ордин.— Шкуры, черепа и фотографии не дохлых, а живых ископаемых животных.

— Фотографии — пожалуй, но насчет черепов и шкур придется сильно экономить: они очень тяжелы и объемисты, а у нас всего три нарты,— заметил Костяков.

— А уж череп и шкуру мамонта не увезешь с нашими средствами передвижения! — рассмеялся Горюнов.

— Вы, кажется, рассчитываете, что мы увидим и живого мамонта? — спросил Костяков насмешливо.

— Почему же нет? Если здесь благоденствует и плодится носорог, то может жить и мамонт.

— Ну, ваши онкилоны давно истребили его, если застали здесь.

— А ради чего? Бивни им не нужны — продавать их некому; дичи и без мамонтов довольно, а добывать эту махину без огнестрельного оружия нелегко.

— Но ведь человек каменного века охотился на мамонта с еще более примитивным оружием.

— А я полагаю, Матвей Иванович,— вмешался в разговор Горохов,— что, если этот самый мамонт тут проживает, ему здешние люди поклоняются, как священному зверю, вроде птицы эксекю.

— Вполне возможно, Никита. И поэтому я надеюсь, что мы этого зверя увидим.

Собрав пожитки, перебрались на край поляны возле ручья и снова развели огонь. Поляна оказалась пустой — вероятно, носороги своим топотом и ревом испугали всех животных.

— И тут напакостили! — заметил Ордин.— А я надеялся, пока варится обед, подкрасться по опушке и сфотографировать быков и лошадей.

— Да, остались лишь птицы, которые интересны только как жаркое,— сказал Костяков, указывая на стаю уток, летавших над озером.

ПУЗЫРЯЩИЕСЯ ОЗЕРА

Без дальнейшей помехи пообедали, отдохнули и пошли дальше, придерживаясь берега ручья в надежде, что он приведет к озеру. Эта надежда оправдалась: хотя луг становился все болотистее, но вдоль ручья удалось пройти, и вскоре перед глазами открылась площадь воды до полукилометра в диаметре, окаймленная зеленью камышей. Большие кувшинки расстилали по воде свои листья вперемешку с мелкими листьями водяного ореха (*Trapa natans*) — растения, почти вымершего на Земле, а здесь существовавшего в изобилии. Дно озера, покрытое водорослями, медленно уходило вглубь, и среди подводной зелени сновали жуки и плавали стайки мелкой рыбешки. Дальше на озере плавали утки, гуси и чайки, а всплески в разных местах выдавали присутствие более крупной рыбы. Полуденное солнце, прорываясь через тучи, освещало косыми лучами эту мирную картину обильной жизни, невероятную для подобной широты.

— Ручей-то ведь течет не в озеро, а из озера,— заметил Горюнов.

— Что же из этого следует?

— А следует то, что воды котловины должны иметь какой-нибудь выход в море, то есть кольцо гор должно быть где-нибудь разорвано донизу.

— Допустим, что так.

— Нам важно выяснить это. Снеговые сугробы, по которым мы спустились, за лето сильно понизятся, и по ним уже нельзя будет подняться наверх. Стало быть, только разрыв в горах даст нам возможность выйти из котловины.

— Но его может и не быть,— сказал Ордин.— Вода может стекать по подземному каналу. В потоках лавы такие каналы бывают нередко. Вспомните дельфинов Гавайских островов из курса геологии.

— Это что такое? — спросил Костяков.

— Это длинные туннели в потоках лавы, которые тянутся от морского берега вглубь. Во время прилива

вода заполняет их и выбивается фонтанами через трещины. Отсюда и название.

— Неправильное, потому что дельфины не пускают фонтанов воды, как киты, а только разбрызгивают воду, играя,— заметил Горюнов.— Но для нас отсутствие разрыва будет неприятно — придется ждать конца зимы, когда сугробы опять нарастут.

— Ну что же, зимовка на Земле Санникова входила в наши планы, если окажется возможной. А теперь ясно, что зимовать здесь можно.

В это время Горохов, не спускавший глаз с озера, прервал беседу восклицанием:

— Смотрите-ка, что там творится! Какое-то чудище из воды лезет!

На середине вода медленно вздувалась большим плоским бугром или пузырем. Вдруг этот пузырь лопнул, и из него вырвался клуб белого пара, быстро рассеявшийся в воздухе. По всему озеру от этого места разбежались круговые волны, и плавающие птицы покачивались на них.

— Уж не кит ли живет в глубине или другой крупный зверь? — предположил Горохов.

— Киты в пресной воде не живут,— заметил Горюнов.— Но что за причина этого явления?

В это время Ордин вынул из футляра термометр и погрузил его в воду. Горохов рассмеялся — настолько бессмысленным показался ему этот способ узнать, кто живет в озере.

— Представьте себе, вода имеет двадцать пять градусов тепла по Цельсию! — воскликнул Ордин.

— Ранней весной под этой широтой — и двадцать пять градусов! Это непостижимо! — сказал Костяков.— Вы не ошиблись ли десятка на два?

— Смерьте сами, если не верите.

— Но как же объяснить это?

— Очевидно, озеро имеет подземный приток горячей воды или, скорее, даже пара, судя по тому, что мы только что видели. А это согласуется с моим предположением, что котловина — дно кратера старого вулкана, в глубине которого еще сохранилось достаточно тепла, выделяющегося время от времени по трещинам.

— Нужно подождать, не повторится ли это явление,— сказал Горюнов.

— Подождем. А пока я скажу, что если таких озер здесь много, то одна из причин теплого климата Земли Санникова найдена.

Круговые волны успокоились, и озеро снова стало гладким, как зеркало. Все с интересом смотрели на него в ожидании. Горюнов держал в руке часы.

Через тридцать две минуты после первого вздутия вода снова начала подниматься пузырем, который достиг примерно двух метров вышины, после чего лопнул с выделением пара.

— Ваше объяснение, очевидно, правильно! — сказал Горюнов.— Мы имеем периодическое выделение пара, или горячего воздуха, из недр Земли, которое непосредственно и через воду озера согревает котловину.

— А озер мы видели целый ряд, рассматривая котловину с высоты ее окраин.

— Я все-таки смекаю, что это кит пущает фонтан,— заявил Горохов, для которого явления вулканизма были непонятны.

— Ну как же мог кит пробраться в озеро, Никита? Не мог же он перелезть через эти горы.

— А как попали сюда носороги, быки и лошади, которые не могут лазить по отвесным обрывами? — спросил Костяков.

— Вы плохо знаете геологическую историю Новосибирских островов,— возразил Ордин.— В начале четвертичного периода они составляли еще часть материка, Сибири, и тогда этот вулкан, очевидно уже потухший, мог быть заселен животными; потом произошли разломы, и значительные площади опустились на дно моря, а остальные превратились в острова. Животным путь спасения на материк был отрезан, и в связи с ухудшением климата они вымерли на всех островах, кроме Земли Санникова, благодаря ее теплой почве.

— Но это не объясняет, как спустились крупные животные в эту яму!

— Во-первых, в то время могли существовать более глубокие разрывы в стенках кратера, позже завалившиеся. Во-вторых, мы видели только небольшую часть окраин, и где-нибудь дальше на севере может быть более или менее удобный вход.

— Я теперь не сомневаюсь, что мы откроем здесь

еще много неожиданного и интересного,— сказал Горюнов.— И я очень рад, что деньги, которые старый академик дал нам так доверчиво, не истрачены напрасно и наука получит такой ценный дар — рассадник вымерших животных.

— А может быть, и людей,— прибавил Ордин.

— Жаль только, что наша экспедиция так мало подготовлена для научных наблюдений. Мы не можем заменить опытных ученых и, наверно, многое прозеваем.

— Что же делать! Мы открыли эту чудесную землю и путь к ней. Академия, конечно, снарядит большую экспедицию из ученых разных специальностей, а мы будем их проводниками.

За время разговора среди озера вновь поднялся водяной бугор, и явление повторилось в точности.

— В этот раз я заметил точно время,— сказал Ордин.— Промежуток ровно тридцать три минуты.

— Но как же рыбы и птицы живут в горячей воде? — поинтересовался Горохов.

— А вы обратили внимание, что птицы не подплывают к середине озера? Вероятно, вода становится слишком горячей вблизи места извержения, и они ее избегают.

— И рыба тоже не держится там, а в стороне ей простора достаточно.

Налюбовавшись вдоволь озером, пошли дальше, обогнув поляну ближе к опушке. В одном месте наткнулись на ту же семейку носорогов, которая промчалась через их стоянку; папаша и мамаша, задрав головы, объедали молодые побеги на кустах, помахивая от удовольствия хвостиками, а детеныш то пощипывал траву, то резвился неуклюжими прыжками, на которые нельзя было смотреть без смеха; казалось, что это прыгает порядочная бочка, к которой ради шутки прилеплены четыре толстых столбика. Притаившись за кустами, путешественники долго любовались на эту семейную идиллию и увековечили ее на фотографической пластинке. Только Горохов взглянул на семью более прозаическими глазами, хотя и смеялся, глядя на прыжки носорожонка: он соображал, сколько пудов сала можно было бы добыть из этого «бочонка» и сколько хороших прочных ремней для нарт можно было бы нарезать из его кожи.

Он уже схватился за ружье, чтобы осуществить свои хозяйственные соображения, и Горюнов едва успел остановить его, шепнув:

— С ума сошел, Никита! Старики растопчут нас, если мы тронем их детеныша! С этими зверями шутки плохи.

Осторожно обогнув по лесу носорогов, вышли на тропу, пересекавшую следующую лесную площадь; деревья поднимались здесь уже до десяти метров, а густой подлесок не позволял подвигаться вперед без затруднений и шума. Тропа представляла опасность встречи с каким-нибудь крупным зверем, и, наученные опытом, путешественники держали ружья наготове, а вперед пустили Крота, который привык к безлесной тундре севера Сибири и в лесу не решался шнырять по чаще и отделяться от людей.

В лесу было много жизни. Кроме разных мелких птиц, видели рябчиков, посвистывавших на ветках; пестрых соек, перекликавшихся друг с другом; сорок, перелетавших с дерева на дерево и трещавших без умолку; слышны были голоса дроздов и других певчих птичек. Шорохи в кустах обнаруживали присутствие каких-то мелких млекопитающих. За одним поворотом, когда тропа показалась по прямой линии впереди, увидели вдали темную массу какого-то крупного хищника, по-видимому медведя, который медленно шел навстречу, обнюхивая землю. Заметив людей, он круто свернул с тропы и скрылся в чаще.

— Этих мишек здесь, видно, немало шатается,— заметил Горохов.

— Но только как будто трусливые,— сказал Костяков.

— На какого нападешь! Если голодный, полезет и на человека.

— Нужно принять за правило держать в половине наших ружей патроны с разрывной пулей на всякий случай,— заявил Горюнов.

В этот раз лес тянулся без перерыва километра два; за ним снова оказалась поляна с ручьем, окаймленным довольно крупными тополями, ивами, кустами черемухи, боярки, шиповника, из которых раздавался многоголосый птичий хор. Вдоль ручья добрались до озера, которое было еще больше и без топких берегов.

— А что, это озеро тоже пузырится, интересно бы знать? — спросил Ордин.

— Присядем, отдохнем и посмотрим.

Так и сделали и посидели с четверть часа, наблюдая птиц в разных местах; частые всплески обнаруживали обилие рыбы.

— Ну и благодать здесь, а не жизнь! — восхищался Горохов.— Дичи всякой, рыб — сколько хочешь, не то что на нашей бедной тундре!

— Теперь понятно, почему перелетные птицы стремятся сюда, не боясь перелета через льды и снега океана: здесь им приволье,— сказал Горюнов.

— Странно, что не все слетаются сюда, а многие остаются по всей северной тундре.

— При перелетах птицы руководятся только инстинктом, передаваемым из поколения в поколение,— пояснил Горюнов.— Сюда летят только те, которые родились здесь, а те, которые родились в тундре, остаются там и не летят дальше на север, хотя видят, что другие улетают.

— Да, кабы птицы были умнее, нам в тундре плохо стало бы жить. Пролетная птица и ленные гуси нас часто спасают от голодания, когда улов рыбы или промысел зверя плохой,— сказал Горохов.

— Замечено, что местами птицы не летят по прямой линии, а делают большой крюк только потому, что так летали их предки, огибая местности, неудобные для спуска на отдых, например покрытые ледниками или сплошными лесами, которые вырублены.

В это время среди озера вода медленно начала подниматься бугром, но не одним, а двумя — на некотором расстоянии друг от друга. Оба бугра выпустили по клубу пара и осели.

— Нужно подождать следующего извержения, чтобы определить периодичность,— предложил Ордин.

— Что ж, подождем, а пока сварим чай.

Выбрали удобное место, развели огонь и повесили чайник. Горохов, захватив двустволку, стал подкрадываться к стайке уток, плававших по соседству вблизи берега. Вскоре раздался выстрел, после которого утки взлетели, оставив двух на месте. Но затем послышался второй выстрел и вслед за ним крик Горохова:

— Скорее сюда, помогите!

Все трое, схватив ружья, побежали к месту проис-

шествия, но тростник и кусты задержали их немного, и когда они добрались, то увидели Горохова, лежащего на брюхе возле воды, по которой расходились большие круги, словно туда только что погрузилось крупное тело.

— Что такое? В чем дело?

— Эх, опоздали, милые! — огорченно сказал Горохов, поднимаясь на ноги.— Она ушла!

— Кто она? Рыба, что ли?

— Нерпа, настоящая нерпа! — со вздохом ответил промышленник.

— Не может быть! — заявил Костяков.— В пресной воде нерпа не живет. Это, вероятно, была речная выдра.

— Ну вот еще что скажете! — возмутился якут.— Мало я добыл нерп на своем веку!

— Где же она была?

— Вон здесь, между кочками. Когда я пальнул в уток, она приподнялась из травы и глядит на меня, словно очумелая. Я не утерпел и утиным зарядом в нее бухнул. Она завертелась — я к ней, навалился и заревел вам. Да покуда вы бежали, она вырвалась из рук — скользкий зверь ведь, не за что уцепиться.

— Что же, большая она была?

— Нет, поменьше наших: может быть, молоденькая.

— Как же очутилась нерпа в озере? — недоумевал Костяков.— Не верится мне все-таки.

— Вы ошибаетесь, Павел Николаевич! — сказал Ордин.— Вспомните, что в Байкале, тоже пресном, водится особый вид нерпы, *Phoca sibirica*. Говорят, что она живет и в озере Орон, составляющем расширение реки Витима между двумя его порогами. А здесь, так близко от Ледовитого моря, ее присутствие еще более понятно.

— Но как она могла проникнуть в это сравнительно маленькое озеро?

— Это доказывает, что озера Санниковой Земли прежде были больше и имели более свободное сообщение с морем. В то время нерпы и забрались сюда; может быть, вся эта земля представляла морской залив и имела соленую воду, а затем отделилась, и залив, превращенный в озеро, постепенно опреснился, так что нерпы мало-помалу, может быть в те-

чение целых поколений, приспособлялись к пресной воде.

Вернувшись к чайнику, который уже кипел, путешественники вскоре были свидетелями вторичного извержения пара в центре озера. Промежуток оказался в сорок минут.

После чая, огибая озеро по самому берегу, путешественники убедились в правдивости слов Горохова.

В одном месте они увидели высунувшуюся из воды голову небольшого тюленя, который глядел на людей своими бархатными круглыми глазами. Но собаки, узнав хорошо им знакомого зверя, представлявшего лакомую добычу, бросились с громким лаем к берегу, и тюлень, презрительно фыркнув, скрылся.

— Ваша правда, Никита, это, конечно, нерпа! — сознался Костяков.

ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ ЧЕЛОВЕКА

За поляной снова начался лес, в котором опять шли по звериной тропе, пустив собак вперед.

Среди леса вдруг послышался отчаянный лай последних. Приблизившись с ружьями наготове, путешественники увидели, что собаки остановили целый табун лошадей, бежавших, очевидно, к озеру на водопой. Собаки, поджав хвосты, лаяли и визжали, а лошади смотрели с изумлением на этих храбрых карликов, осмелившихся загородить им дорогу.

Они били копытами землю, храпели, но не решались двинуться вперед.

— Ну что нам делать? — недоумевал Костяков.— Путь загорожен.

— Придется стрелять,— предложил Горохов.

— Но только не пулей! — заявил Горюнов.— Мяса у нас достаточно. Стоят они неудобно, и раненый вожак бросится на нас, а за ним весь табун. Стреляйте утиной дробью — она щелкнет по всем ближайшим и испугает их.

Гром выстрела, прокатившийся по узкому зеленому коридору тропы, и мелкая дробь, осыпавшая передних лошадей, произвели удивительный переполох.

Дикое ржание огласило воздух, лошади взвивались на дыбы, поворачиваясь в тесноте, опрокидывая друг

друга и ломая кусты и молодые деревья по бокам тропинки. Сплоченной массой табун наконец повернул и помчался обратно.

— Теперь можно идти спокойно — никого не встретим в лесу,— сказал Ордин.

Дикая скачка табуна действительно распугала не только животных, но и птиц, которые на некоторое время замолкли. Беспрепятственно дошли до следующей поляны, на которой внимание немедленно привлек к себе снежно-белый холм, возвышавшийся в центре и резко выделявшийся на зеленом фоне луга и леса.

— Вот те раз, какой большой сугроб! — воскликнул Горохов.

— Скорее наледь, не успевшая растаять,— поправил Горюнов.

— Разве тарыны бывают такие высокие? — спросил Костяков.

— Нет, не бывают. Разве что это наледь очень сильного источника, образовавшегося вокруг его устья.

— Тогда что же это такое?

Миновав луг, путешественники убедились, что холм возвышается среди небольшого озера, так что предположение, что это наледь или сугроб, отпадало. Вблизи холм представлялся в виде поднимавшихся друг над другом уступов, и в бинокль можно было рассмотреть, что по ним струйками стекает вода.

С недоумением все рассматривали это странное возвышение, как вдруг из его вершины со свистом и шипением вырвался фонтан, сопровождаемый клубами пара; он поднялся метров на десять и рассыпался дождем по уступам. Интересное явление продолжалось не более одной минуты, по истечении которой холм принял прежний вид и только слегка дымился.

— Теперь все понятно! Это гейзер — горячий периодический источник, какие часто бывают в вулканических областях Земли,— сказал Ордин.

— Вы правы, а холм — отложение кремнистого туфа, осаждающегося из выбрасываемой воды, пока она стекает по уступам.

Смерили температуру воды в озере — она оказалась 35 градусов по Цельсию, и опущенной руке казалась горячей.

— Вот почему на озере не видно птицы,— сказал Костяков.

— Вероятно, нет и рыбы: всплесков нигде не видно,— прибавил Ордин.

Но озеро не было совершенно безжизненным. На дне его были видны странные красноватые водоросли, между которыми сновали массами мелкие ракообразные, очевидно чувствовавшие себя прекрасно в теплой воде. Но высшим животным она была не по вкусу — несколько уток, севших на озеро, с испуганным кряканьем снова поднялись, едва только коснулись воды.

— А не пора ли нам подумать о ночлеге? — спросил Горюнов.

— Да, солнце уже собирается сесть за горы, а впечатлений мы за день получили довольно,— согласился Ордин.

— И нужно выбрать удобное место, защищенное от хищников,— прибавил Костяков.

— Такое место мы не найдем — разве влезем на дерево и будем спать, сидя на ветках, как птицы, что едва ли будет приятно.

— Я думаю, что нужно спать не в лесу, а на чистом месте и поочередно караулить,— заявил Горохов.

— Конечно, и все время поддерживать огонь, который пугает хищных зверей,— сказал Горюнов.

Так как возле озера топлива не было, то прошли вдоль ручья, вытекавшего из него, к опушке леса, вблизи которой расположились под одиноким тополем. Засветло нарубили дров на всю ночь и разложили два костра; в промежутке между кострами и легли после ужина, разделив время на двухчасовые дежурства. Ночь прошла не совсем спокойно: по временам то ближе, то дальше раздавались разные звуки — мычание быков, ржание лошадей, рев носорогов, крики сов, а собаки отзывались на них ворчанием или лаем. С полночи туман начал окутывать поляну, и свет луны на ущербе еле пробивался; туман медленно полз на юг, по временам разрываясь, и луна на несколько минут ярко озаряла поляну, а белый холм среди озера иногда казался плавающим в молочном море. Его извержения повторялись каждые двадцать минут и также нарушали тишину легким свистом и шумом падающей воды.

На рассвете подул довольно сильный северный ветер, и туман быстро рассеялся. Солнце, поднявшееся над восточной окраиной котловины, имевшей вид черного острозубчатого хребта с полосами снега по уступам и морщинам, застало путешественников уже готовыми для работы. В этот день решили идти на восток до окраины котловины и вдоль нее вернуться на базу у сугробов, чтобы проведать Никифорова, сообщить ему о существовании крупных медведей и носорогов и посоветовать не охотиться на них.

Вскоре нашли узкую тропу, ведшую с поляны на восток через лес, который тянулся несколько километров, постепенно мельчая. Добыли несколько рябчиков и большого глухаря, которого собаки загнали на дерево, откуда он с удивлением разглядывал странных зверей, пока выстрел не сбросил его вниз. Поляна, которая сменила лес, оказалась очень мокрой, а середина ее представляла настоящее моховое болото, занявшее, очевидно, место прежнего озера.

Пришлось огибать ее по опушке, где собаки вскоре выгнали крупного оленя.

— Так и есть, сохатый! — воскликнул Горохов.

Но это был не сохатый, а олень того же роста, с гордо поднятой красивой головой, увенчанной огромными рогами, которые соединяли в себе особенности рогов как лося, так и изюбра (благородного оленя); на рога последнего они походили своими размерами, на рога первого тем, что оканчивались широкой лопаткой с зубцами. Эта великолепная дичь раззадорила охотников и, остановленная напавшими на нее собаками, пала жертвой разрывной пули.

— На сохатого похож и не похож,— заявил Горохов.— Что за зверь, не знаете ли, Матвей Иванович?

— Я думаю,— ответил Горюнов, рассмотрев животное,— что это исполинский ископаемый олень, *Cervus euryceros*, современник мамонта.

— Но не из крупных. Вероятно, молодой экземпляр,— прибавил Ордин.

— Нет, олень старый! — заявил Горохов.— Считайте, сколько отростков на рогах. По-моему, ему лет пятнадцать.

— Очевидно, это мельчающая порода,— предположил Костяков.

— И редкая, других зверей из живых окаменелостей мы видели много, а этого впервые встретили.

— Следовательно, нужно его обмерить и захватить с собой череп и рога,— заявил Горюнов.

— Рога слишком тяжелы, да и сохранить их нельзя — смотрите, они весенние, мягкие, налитые кровью,— заметил Костяков.

— Жаль! Ну, фотография хоть будет. Я успел его снять, пока он отбивался от собак,— сказал Ордин.

Не теряя времени, произвели обмер, затем вырезали лучшие части мяса, накормили собак досыта, отрубили рога и унесли голову для препарирования на базе.

— Мозг и язык на ужин! Это лакомое блюдо! — восторгался Горохов, вырезавший также кожу со спины для починки обуви.

За поляной снова пошел лес, который тянулся, постепенно редея и мельчая, почти до подножия окраинного обрыва. Вдоль последнего расстилалось метров на пятьсот богатое моховище: зеленый печеночный мох и беловатый олений покрывали толстыми подушками неровную почву, скрывая свалившиеся с обрыва обломки камня.

— Эх, благодатное место для оленей! Сюда бы пригонять их на лето,— вздохнул Горохов.

— А вы заметили, что на Земле Санникова, несмотря на обилие озер и болотистых лугов, почти нет гнуса? — спросил Горюнов.

— Да, да! Ни слепней, ни оводов, ни мошки и даже комаров совсем мало,— подтвердил Ордин.

— Словом, рай земной! Не то что наша страна, где летом жизни не рад от гнуса,— прибавил Горохов.

— А вспомните, Никита, что вы говорили недавно про марево и шайтанов! — засмеялся Горюнов.

— Может быть, все, что мы видим, только наваждение? — спросил Костяков.

Горохов смущенно улыбнулся и покачал головой. Все, что он видел за эти два дня, было необычайно, но на наваждение не похоже.

— А вот когда мы благополучно вернемся в Казачье, тогда я скажу, наваждение это или нет! — вывернулся лукавый якут.

На моховище заметили поблизости несколько пасшихся северных оленей, которые, увидев людей, быстро скрылись в кустах.

Ближе к подножию обрыва наткнулись на стадо каменных баранов, которые были скрыты огромной глыбой, завалившейся сверху. Они помчались сначала вдоль обрыва, а потом с изумительной ловкостью начали подниматься по узкому карнизу, перепрыгивая через широкие промежутки, разрывавшие его на части. На высоте метров ста они скрылись на более широком уступе.

Обрыв в виде мрачных черных стен с буро-красными подтеками и пятнами лишаев тянулся высокими уступами вверх; он состоял из базальта, слагавшего, очевидно, всю окраину этой замечательной впадины. У его подножия растительности не было; здесь тянулся хаос свалившихся обломков, подернутых лишаями; кое-где в ямах между ними белел снег. Нависшая скала обратила на себя внимание путешественников. Она защищала от дождя площадку в несколько квадратных метров, свободную от обломков, но всю истоптанную и загаженную каменными баранами. В глубине ее было нечто вроде естественной ниши, на стенке которой острый взор Горохова заметил налет копоти.

— Ой, тут были люди! — воскликнул он.

— Те, которые пасли каменных баранов? — засмеялся Костяков.

Все столпились возле ниши; в глубине ее оказалось несколько головешек, угли, зола, обгорелые кости. Осмотрев внимательно площадку, нашли несколько очень грубо обделанных кремневых орудий и осколки кремня.

— Люди каменного века! — заявил Ордин.— И даже не неолита, а палеолита, судя по примитивности обделки.

— Когда же они жили здесь? Может быть, тысячу лет назад? — подхватил Костяков.

— Нет, огнище довольно свежее. Оно на самой поверхности, не покрыто обломками скалы, а только пылью, которую, вероятно, поднимают бараны, топчась здесь.

— Следовательно, мы встретим где-нибудь на Земле Санникова дикарей каменного века — может быть, людоедов? — спросил Костяков.

— Обгорелые кости как будто человеческие,— подтвердил Ордин.

— Неужели это будут ваши онкилоны? — обратился Костяков, словно с упреком, к Горюнову.

— Онкилоны ушли из Сибири несколько сот лет назад. В то время северные инородцы не были уже людьми каменного века — они знали употребление железа.

— Да, наши прадеды уже добывали руду и ковали железные ножи, стремена, кольца, крючья,— подтвердил Горохов.

— Но рядом с этим широко применяли изделия из рога, кости, камня, изготовление которых уцелело у всех туземцев, оторванных от новейшей культуры и живущих в дебрях, куда тяжелый железный товар проникает с трудом. Но эти изделия сравнимы по своей отделке с изделиями неолита, а никак не палеолита,— пояснил Горюнов.

— Следовательно, это огнище не онкилонов?

— Конечно, нет! Очевидно, здесь уцелели люди древнего каменного века, современники мамонта, пещерного медведя и других животных конца ледникового периода.

— И если уцелели эти животные, как мы уже убедились, то, естественно, могли уцелеть и люди,— прибавил Ордин.

— Если только онкилоны, обладавшие высшей степенью культуры по сравнению с этими дикарями, не истребили последних,— сказал Горюнов.

— Огнище показывает, что они еще существуют или существовали очень недавно, может быть, единицами,— заметил Ордин.

— И увидеть дикарей каменного века будет крайне интересно,— прибавил Костяков.— Они живут, очевидно, в пещерах окраин котловины, и нужно предупредить Никифорова, потому что встреча с ними едва ли безопасна, если они людоеды.

Вернувшись к опушке кустарников, путешественники направились вдоль нее на юго-запад и к вечеру приблизились к своей базе.

Когда белые сугробы были уже недалеко, Горохов не удержался и подстрелил каменного барана, стоявшего в удобном положении на уступе.

В ответ раздался выстрел на базе, и вскоре навстречу вышел Никифоров, в сопровождении Пеструхи, которая, весело виляя хвостом, бросилась обнюхивать Крота и Белуху, отвечавших ей тем же.

Никифоров накануне доставил благополучно тушу

быка на стоянку, а в этот день добыл каменного барана и подвез запас дров. Он уже вырубил для себя грот в сугробе, поставил в нем палатку, огородил выход стеной из глыб льда с узким проходом, который на ночь также закладывал глыбами, и в обществе Пеструхи чувствовал себя в безопасности.

ВСТРЕЧА С ОНКИЛОНАМИ

Тихая погода следующего дня задержала путешественников до полудня на стоянке, так как только к этому времени рассеялся густой туман, очевидно составлявший характерную особенность климата Земли Санникова,— весной во всяком случае. Это не было удивительно: многочисленные теплые озера и ручьи давали много влаги воздуху, а обширная площадь снегов и льдов, окружавшая землю, обусловливала сгущение этой влаги в туман после заката солнца. Сырой климат земли объяснял также обилие мхов и лишаев в лесах; стволы всех деревьев были мшистые, а с ветвей спускались многочисленными космами серые лишаи.

Тот же туман, очевидно, был причиной того, что Землю Санникова, несмотря на высоту ее гор, так редко было видно с острова Котельного; весной туманы, вероятно, висели почти все время над ней, а позже, когда вскрывалось море, стоявшие над последним туманы застилали землю густой завесой.

Вторую экскурсию в глубь земли сделали на северо-запад. И в этом направлении леса чередовались с более или менее обширными полянами; среди последних большею частью были озера, ближайшие с юга уже зарастали, превращаясь в болота, более далекие еще не подвергались этой участи, но извержения паров были замечены у немногих и только в слабой степени. По-видимому, в этой стороне вулканизм котловины уже угасал. На полянах встречали быков и лошадей, но в меньшем количестве и более осторожных, очевидно хорошо знавших опасность близости человека. Носорогов видели только один раз издали. Зато здесь было много кабанов, населявших камыши вокруг озер, и один из них был добыт на ужин.

На ночлег остановились на опушке большой поля-

ны и, сложив котомки и ружья на траву, отправились в лес рубить дрова для костров. Вдруг собаки, оставшиеся у вещей, отчаянно залаяли. Горохов и Ордин, бывшие поблизости, выбежали на поляну и увидели огромного медведя, который обнюхивал их котомки,— запах свежего мяса, очевидно, раздразнил его аппетит. Собаки с лаем и визгом старались укусить его за задние ноги, но он ловко отбивался ими и сердито ворчал.

Что было делать? Ружья лежали возле котомок, которым угрожала опасность быть изорванными в клочья, несмотря, на усердие собак. Ордин, у которого в руках был топор, шепнул Горохову:

— Я подойду к нему сзади и ударю топором. Когда он повернется ко мне — хватайте ружья и стреляйте.

В это время медведь разорвал когтями одну из котомок и засунул в нее морду. Ордин быстро подскочил сзади и со всего размаха всадил топор до самого обуха в крестец медведя, а затем отскочил в сторону. Страшный рев огласил поляну; медведь встал на дыбы, но сейчас же опрокинулся навзничь, чуть не придавив Крота. У медведя был перебит позвоночник, и он катался с ревом по траве, размахивая передними лапами. Собаки вцепились в его неподвижные задние ноги, а Горохов, подхватив ружье, всадил разрывную пулю в левый бок медведя. Через несколько минут громадная туша лежала неподвижно, орошая траву потоками крови. Подошли Горюнов и Костяков с охапками дров. Все обступили медведя, удивляясь его величине: он был раза в полтора больше знакомого им бурого медведя, а клыки его имели более десяти сантиметров в длину.

— Мы дешево отделались в этот раз! — сказал Горюнов.

— Одна изодранная котомка и раненая собака, а могло быть хуже.

Действительно, медведь в агонии зацепил лапой бок Белухи, и он покраснел от крови. Собака уже зализывала свою рану, к счастью неглубокую.

— Впредь нам наука! Кто-нибудь должен оставаться у вещей с ружьем наготове,— сказал Ордин.— Не всякий раз удастся так ловко всадить топор в спину громадного зверя.

— Да, попадись ему в лапы — живым не

уйдешь! — заметил Горохов, принимаясь за сдирание шкуры.

Ордин обмерил медведя; фотографировать его было поздно — уже смеркалось.

Пришлось перенести вещи в другое место, потому что туша издавала неприятный запах, что не помешало собакам наесться до отвала. Ночь прошла неспокойно. Собаки все время ворчали, но густой туман, затянувший поляну к полуночи, не позволял видеть причину их беспокойства. Возле туши, оставшейся в сотне шагов в стороне, слышалась возня, чавканье, хруст костей; какие-то ночные хищники пировали над остатками. На рассвете Горохов нашел уже обглоданный дочиста скелет и видел двух крупных волков, быстро скрывшихся при его приближении.

В этот день туман благодаря ветру рассеялся раньше, и путешественники продолжали свой маршрут на северо-запад. Медвежью шкуру Горохов распялил между деревьями опушки, рассчитывая захватить ее на обратном пути. Миновали еще две поляны с озерами; во втором возвышался белый холм из туфа, но извержения, очевидно, давно не было, так как туф покрылся лишаями.

При выходе на третью поляну услышали голоса людней на противоположной окраине. Но собаки подняли лай — и голоса сразу замолкли. Через поляну шла хорошо утоптанная тропа, огибавшая небольшое озеро, вблизи которого на влажной почве легко было распознать следы человеческих ног, обутых в мягкие торбасы.

— Вот это уже не люди каменного века! — воскликнул Горюнов.— Те, наверно, ходят еще босиком.

— И раз люди обуты подобно нашим северным туземцам, они должны быть сродни последним, и нам нечего опасаться встречи с ними,— прибавил Ордин.

Когда обогнули озеро, камыши которого закрывали вид на противоположный край поляны, на последнем обнаружился зеленый холм, из вершины которого вился дымок. Возле холма стояли люди, а один, взобравшись на вершину его, очевидно, обозревал поляну. Заметив появление путешественников из-за озера, он сообщил об этом остальным, которые засуетились, и вскоре навстречу двинулся отряд, человек тридцать, рассыпавшийся цепью по лугу. Когда они

приблизились, можно было различить, что все вооружены; каждый держал в правой руке длинное копье, а в левой — лук; из-за плеча видны были перья стрел.

На расстоянии сотни шагов от путешественников цепь остановилась, и один, шедший по тропе — очевидно, предводитель,— поднял руку и что-то крикнул.

— Что он говорит? На каком языке? — спросил Горюнов Горохова.

— Похоже на чукотский,— ответил Никита.— Приказывает нам поднять обе руки, если мы мирные люди.

Путешественники подняли руки вверх. Немедленно цепь возобновила движение, но, сократив расстояние шагов до тридцати, снова остановилась по знаку предводителя, который спросил теперь:

— Что вы за люди, откуда и зачем пришли на нашу землю?

— Скажите, что мы белые люди и пришли с южной стороны, с Большой земли, чтобы посмотреть эту маленькую землю среди льдов,— распорядился Горюнов.

Горохов перевел сказанное.

— Приближайтесь, белые люди, но знайте, что нас много и что мы все вооружены,— сказал предводитель отряда.

Путешественники подошли под наблюдением тридцати пар глаз, зорко следивших за их движениями. Горюнов, выступив вперед, протянул предводителю руку. Последний сначала коснулся своей правой рукой лба, затем сердца и только после этого пожал руку пришельцу. Тот же жест он повторил с остальными. Цепь в это время, заходя с флангов, сомкнулась и окружила пришельцев кольцом; воины стояли плечом к плечу с оружием в руках и вполголоса обменивались впечатлениями по поводу одежды, обуви, котомок, топоров за поясом и блестящих палок на спине чужеземцев.

Все они были обнажены до пояса, одеты в мягкие кожаные штаны и обуты в торбасы из легкого меха. Лица, грудь и предплечья были покрыты татуировкой в виде волнистых линий, кругов и точек. На шее у каждого висело ожерелье из зубов, по-видимому волчьих, спереди с одним, двумя или тремя крупными медвежьими клыками. Черные гладкие волосы были

скручены на темени в узел, в который были воткнуты одно, два или три орлиных пера. Тело было мускулистое, смуглое, лица с мало выдающимися скулами, черными глазами и прямыми носами. Два верхних средних резца были выкрашены в красный цвет, что делало улыбку людей странной — рот при этом как будто раздваивался на два круглых отверстия. Предводитель отличался от остальных более могучим сложением и высоким ростом, ожерельем из медвежьих клыков, красной полосой вдоль лба и красными перьями в волосах. Племя, очевидно, было храброе и представляло опасных врагов, несмотря на примитивность вооружения: наконечники копий были из прозрачного камня, наконечники стрел — из кости; у многих за поясом засунут был каменный топорик с деревянной рукояткой. На спине, кроме колчана со стрелами, висел небольшой кожаный щит.

— Как зовут ваш народ и эту землю? — спросил Горохов по поручению Горюнова.

— Мой народ — онкилоны. И земля эта наша, завоеванная нашими предками. Меня зовут Амнундак. Я вождь онкилонов. А как зовут вас и вашу землю?

Получив ответ на этот и еще несколько вопросов, преследовавших ту же цель — узнать, зачем и каким путем белые люди пришли к ним, вождь произнес:

— Вы пришли издалека и в малом числе — будьте гостями онкилонов. Пойдем в мое жилище.

Он повернулся и пошел обратно по тропе, путешественники вслед за ним, а воины по сторонам и сзади. Они обращались к Горохову с разными вопросами, касавшимися одежды и оружия, пути через льды и жизни на Большой земле, о которой они кое-что знали по преданиям, передававшимся из рода в род. Горохов едва успевал отвечать, тем более что язык онкилонов, хотя близкий чукотскому, все же несколько отличался от него и собеседники не всегда понимали друг друга.

Зеленый холм оказался обширной землянкой — жилищем онкилонов. У ее входа в виде двери, завешенной шкурами, вождь остановился, поднял завесу и жестом пригласил гостей войти. Всем пришлось согнуться, так как дверь была низкая. В центральной части землянки горел костер, над которым на перекладине, подобной вертелу, висело несколько кусков

жарившегося мяса. Эта центральная часть представляла четыре толстых столба, поставленных по углам квадрата по шесть метров в стороне; вверху столбы были связаны толстыми перекладинами, поверх которых лежала крыша из более тонких бревен с квадратным отверстием, служившим и окном, и для выхода дыма. К каждой перекладине на верху квадрата были прислонены длинные бренна в виде ската, упиравшиеся нижним концом в землю. Каждый скат с боков был закрыт более короткими и тонкими бревнами, также поставленными наискось. Таким образом получилось жилище, имевшее в плане вид креста с округленными входящими углами. Три ветки креста служили спальнями, в четвертой была дверь и склад разного имущества; центральный квадрат являлся кухней, столовой и приемной. Снаружи весь остов был покрыт толстым слоем земли, которая поросла травой. В общем получилось обширное, теплое, но темноватое жилище.

Войдя в землянку, вождь повел гостей на сторону квадрата, противоположную входу, сел, поджав ноги, на медвежью шкуру и усадил остальных справа и слева от себя. Воины расположились по другим сторонам квадрата вокруг огня. Когда глаза путешественников освоились с полумраком землянки, они заметили, что в скошенных боковых частях толпились женщины и дети, с любопытством разглядывавшие пришельцев и постепенно подвигавшиеся к сидевшим воинам. Женщины были почти нагие; только узкая, в ладонь, повязка из темной кожи, по цвету почти не отличавшейся от смуглого тела, огибая бедра, проходила по нижней части живота. У молодых женщин повязка была украшена вышивкой из тоненьких черных, желтых и красных ремешков. Кроме этой повязки, на них были ожерелья из мелких белых, серых, зеленых и красноватых камней и такие же браслеты на предплечьях и запястьях. Нагота как бы скрадывалась татуировкой на груди, животе, спине, руках, ногах и лице в виде фантастических цветов и листьев, волнистых линий и кружков. Особенное внимание привлекала молодая жена вождя, у которой татуировка изображала двух змей, обвивавших кольцами ее ноги, извивавшихся по животу и бокам и оканчивавшихся головками, обращенными друг к другу — между грудями

и ключицами; две змеи поменьше обвивали ее руки и оканчивались на обеих лопатках. На смуглом теле эти черно-синие змеи производили жуткое впечатление.

Черты лиц женщин были мягче, чем у мужчин, и некоторых можно было назвать даже красивыми; телосложение их было стройное и формы пропорциональны.

Дети были совершенно голые, а подростки обоего пола носили такой же поясок стыдливости, как женщины, который у девочек также был вышит. У последних волосы были заплетены в мелкие косички, а у мальчиков закручены в узел на темени. У женщин волосы были заплетены в две косы, спускавшиеся на грудь и украшенные камешками; у девушек кос было четыре: две по бокам головы, спускавшиеся на грудь, и две сзади, падавшие на спину.

Амнундак сделал знак женщине со змеями, и она достала из сундучка, обитого кожей, небольшие деревянные чашки, наполнила их молоком из бурдюка, висевшего на столбе, и подала одну за другой вождю, который передал их гостям. Оставив последнюю себе, он, поднося ее к губам, красивым жестом предложил последовать его примеру. В чашках оказалось густое оленье молоко, немного кислое, но вкусное, во всяком случае для путешественников, которые давно уже не пили его. Чашки были наполнены еще раз, после чего женщина сняла с палки поджарившееся мясо, нарезала его костяным ножом на толстые ломти и в деревянном корытце подала вождю, который роздал по ломтю каждому из гостей. Пока последние ели мясо, запивая молоком, Амнундак обратился к населению землянки с речью, смысл которой Горохов не уловил, так как вождь говорил слишком быстро. Горюнов попросил вождя объяснить, что он сказал. Амнундак медленно, чтобы Горохов мог переводить каждое слово, рассказал следующее:

— Наш народ, онкилоны, много лет назад, измученный непрерывными войнами с чукчами из-за оленьих пастбищ, решил уйти от этих людей подальше. Сначала перешли по льду на близкие острова, вырыли землянки и стали жить спокойно. Но земля не понравилась: летом туман, зимой туман, весной туман, целый год туман. Люди стали умирать, олени стали умирать. И увидели люди, что птицы весной

летят дальше на север, а к осени возвращаются жирные. Надумали — пойдем сами туда, куда птицы летят. Пошли раз — море не пустило, пошли второй — море замерзло плохо, пурга поломала лед, много народа и оленей утонуло. Дождались самой холодной зимы, вперед послали разведку. Лед крепкий был. Все прошли и нашли эту землю. Немного осталось народа — человек пятьдесят было ли, нет ли, не знаю.

Вождем в это время был великий шаман, исцелявший все болезни, он указал народу путь на эту землю. Перед смертью он объявил, что спокойно жить на этой земле онкилоны будут до тех пор, пока к ним не придут белые люди с Большой земли. И сказал он, что в руках у белых людей будут громы и молнии, как у властителей неба, которые убивают издалека.

Когда мы увидали вас, первых белых людей, пришедших к нам с Большой земли, мы вспомнили слова старого шамана.

ЖЕРТВЫ И МОЛЕНИЯ

— Скажите вождю,— обратился Горюнов к Никите,— что мы самые мирные люди и зла никому не причиним. И нас привели сюда птицы, летящие на север. Мы захотели только посмотреть ту землю, где птицы проводят лето. Мы посмотрим ее и уйдем назад на нашу землю.

Горохов перевел эти слова.

— А есть у вас в руках громы и молнии, поражающие издалека? — спросил Амнундак.

При этом вопросе глаза всех присутствующих впились в чужеземцев в тревожном ожидании. Горохов в недоумении посмотрел на Горюнова, а последний сказал:

— А разве наши ружья не громы и молнии, поражающие издалека? Онкилоны так или иначе узнают про них. Так воспользуемся случаем и окружим себя еще бо́льшим уважением, чтобы нас считали посланниками богов и не делали нам зла.

— Да, у нас есть громы и молнии! — сообщил Горохов вождю.

Тревожный шепот пробежал по толпе. Сидевшие

ближе к путешественникам невольно отшатнулись. Вождь сказал:

— Покажите их нам, чтобы мы знали, что вы — именно те, кого послало небо. Но прошу вас — не убивайте онкилонов!

— Выйдем из жилища, чтобы молния не поразила людей,— сказал Горюнов.

Вождь торжественно поднялся и направился к выходу; за ним — путешественники и все население, державшееся от них почтительно на некотором расстоянии.

— Приведите жертвенного оленя! — распорядился Амнундак.— Пусть белые люди поразят его, чтобы принести в дар богам.

Несколько онкилонов побежали в лес за землянкой и вывели оттуда большого, почти белого северного оленя; животное, словно предчувствуя свою участь, упиралось и ревело. По указанию Горохова, его привязали к колышку в двухстах шагах от землянки. Путешественники, заменив в винтовках разрывные пули обыкновенными, дали залп — и олень упал, словно подкошенный. При громе выстрелов все онкилоны упали на колени и склонились перед могущественными чужеземцами.

Поднявшись, Амнундак произнес громким голосом, чтобы слышали все присутствовавшие:

— Мы знаем теперь, что вы — посланники неба, о которых говорил великий шаман. Будьте нашими гостями; все, что мы имеем — жилище, пища, одежда, олени,— ваше, распоряжайтесь им! Сегодня вечером шаман обратится к богам и будет молить пощадить онкилонов, которые приняли посланников неба как дорогих гостей.

Окончив речь, Амнундак приложил руку ко лбу, к сердцу и низко поклонился гостям; все онкилоны повторили его жест. В это время притащили труп оленя и положили к ногам вождя, который, указывая на четыре раны в боку животного, сказал:

— Все четыре молнии поразили жертву. Женщины, приготовьте мясо к вечернему молению!.. Воины, пригласите шамана в наше жилище!

По возвращении в землянку возобновилось угощение молоком и копченой олениной, к которой подали лепешки из муки, приготовленной из плодов водяно-

го ореха, и печеные луковицы сараны. Ни хлеба, ни чая, ни табака онкилоны не знали, и несколько сухарей и кусков сахара, которые путешественники достали из котомок, пошли по рукам, осматривались, обнюхивались и пробовались с большим интересом. Еще большее внимание возбудили трубки, которые Горохов и Ордин закурили после еды. С некоторым ужасом онкилоны смотрели, как белые люди глотают дым, который вызывал у соседей кашель и чиханье. Большой восторг вызвал медный чайник, повешенный над огнем; онкилоны имели только деревянную и глиняную посуду и варили в ней мясо, нагревая воду раскаленными камнями. Но чай без сахара, которого путешественники имели слишком мало, чтобы угощать всех, никому не понравился. Амнундак с трудом выпил предложенную ему чашку и заявил, что напиток онкилонов — он указал на бурдюк с молоком — вкуснее.

Топоры и охотничьи ножи также возбудили огромный интерес; их осматривали, гладили, пробовали и восторгались блеском, прочностью и действием сравнительно с каменными топорами и костяными ножами онкилонов. По знаку Амнундака женщина со змеями достала из сундучка железный ножик грубой работы, изъеденный ржавчиной, который хранился как реликвия.

Показывая его гостям, вождь сказал:

— Наши предки имели такие ножи, топоры, наконечники копий и стрел, которые выменивали у якутов, но сами делать не умели. И вот, когда они пришли сюда, эти вещи мало-помалу пришли в негодность, поломались, утерялись, и онкилоны снова стали делать каменные и костяные.

Крот и Белуха, приютившиеся у ног гостей, внушали онкилонам, не имевшим собак, сначала некоторый страх. Когда Горохов спросил, почему у них нет собак, Амнундак рассказал следующее:

— Из-за этих злых зверей началась война наших предков с чукчами. Наши предки были оленеводы и собак не держали, потому что собаки нападают на оленей. Наши предки жили на берегу моря оленеводством и ловлей рыбы, тюленей, моржей; жилища строили из леса, выброшенного морем. Но вот пришли чукчи; у них было много собак, но не было оле-

ней. Они начали теснить нас с рыболовных и звероловных мест; когда у них не хватало рыбы для собак, они отнимали у нас оленей. Из-за этого и началась война. Чукчей было много, нас было мало. Вот и пришлось уйти от них сюда.

— А сколько онкилонов живет здесь? — спросил Горохов.— Весь ваш народ здесь? — Он обвел рукой присутствующих.

Амнундак засмеялся:

— Таких жилищ у нас двадцать. В каждом живет один род, человек двадцать—тридцать.

— Где же другие жилища?

— В разных местах. Оленям нужны моховища. Нельзя всем жить близко — тесно станет и людям и оленям.

— В каждом жилище есть такой вождь, как ты?

— Нет, я главный вождь всех онкилонов! — гордо заявил Амнундак.— Мой род самый большой. Но в каждом жилище есть свой начальник, глава рода.

Действительно, население землянки, считая женщин и детей, доходило до шестидесяти человек. Горюнов подсчитал, что, если в остальных землянках живет в среднем по двадцать пять душ, всех онкилонов на Земле Санникова должно быть около пятисот тридцати человек.

В разговорах и угощениях время прошло до вечера. К закату солнца на поляну к землянке пригнали стадо оленей, и путешественники наблюдали сцену доения маток, в котором приняли участие все женщины и девочки, быстро перебегавшие с деревянными подойниками от одного животного к другому; стадо состояло из двухсот с лишним голов. На ночь оно оставалось на поляне и охранялось по очереди воинами от нападения хищников.

Когда наступили сумерки и все возвратились в землянку, явился шаман, который жил отдельно в нескольких километрах. Это был высокий, худощавый старик с впалыми щеками и проницательными глазами, глубоко сидевшими под нависшими бровями. Несмотря на сравнительно теплую, погоду, он был одет в длинную шубу мехом наружу, с воротника и пояса которой на ремешках свешивались медные и железные бляхи и палочки странной формы, сильно потертые, очевидно принесенные еще с материка и перехо-

дившие от шамана к шаману. В руке у него был небольшой бубен, украшенный кожаными красными и черными лентами и железными погремушками. Остроконечная шапочка, вроде скуфьи, с почти вылезшим мехом скрывала его волосы. Поклонившись с достоинством вождю и внимательно оглядев чужеземцев и их собак, которые при виде странно одетого человека глухо зарычали, шаман уселся отдельно у ярко пылавшего костра и, отложив бубен, протянул к огню свои костлявые руки, бормоча какие-то слова. По знаку вождя женщины подали шаману чашку с молоком, которое он выпил, предварительно брызнув несколько капель в огонь.

Над костром на длинных палочках жарилась нарезанная небольшими кусками оленина. Рядом варился суп, или, вернее, соус, из оленины и клубней сараны в цилиндрическом деревянном сосуде, в котором кипение воды поддерживалось при помощи раскаленных в костре небольших камней. Одна женщина то и дело вынимала из огня раскалившийся камень, пользуясь двумя палочками с наконечниками из каменных плиток, опускала его в сосуд с супом, а другой камень, уже остывший, вытаскивала и клала в костер.

Когда мелко нарезанное мясо сварилось, вождю, шаману и гостям подали по чашке мяса, облитого супом, и деревянные вилки довольно изящной работы. Но, попробовав суп, путешественники убедились в полном отсутствии соли. Онкилоны, подобно чукчам, не употребляли ее в пищу. Пришлось достать из котомок свою соль, чтобы посолить суп. Это вещество также пошло по рукам; его стали пробовать, предполагая, что это тоже сладкое, подобно сахару, но потом долго отплевывались и выражали недоумение, зачем белые люди портят этой гадостью вкусный суп и мясо.

После супа подали жареное мясо и лепешки из водяного ореха; ужин закончился чашкой молока. Когда посуда была убрана, прогоревший костер сдвинули совсем в сторону, чтобы очистить весь центральный квадрат для моления. В землянке воцарился полумрак, озаренный красным светом тлеющих углей.

Во время ужина Амнундак рассказал шаману, как появились белые люди на земле онкилонов, кто они,

что делали, как поразили оленя. Шаман слушал молча, кивая головой и изредка задавая вопросы. После ужина, перед началом моления, он потребовал, чтобы удалили собак из жилища. Когда это было исполнено, он уселся среди очищенной площадки, окруженной кольцом зрителей, затем достал из кожаного мешочка, привешенного к поясу, щепотку беловатого порошка, высыпал ее на ладонь и слизнул языком. Горохов сообщил путешественникам, что это сушеный мухомор, который камчадалы, коряки и некоторые другие народы употребляют в качестве наркотического средства, вызывающего своеобразное опьянение.

Посидев некоторое время молча, с взором, пристально устремленным в тлеющие угли костра, шаман взял бубен, провел по нему рукой — и тотчас раздались едва слышные звуки звенящей под пальцами туго натянутой кожи. Под их аккомпанемент, постепенно усиливающийся, он запел сначала медленно и вполголоса, гортанными звуками, затем все быстрее, пока пение и гудение барабана не слились в сплошной гул, из которого вырывались отдельные слова, словно вопли. Шаман сначала сидел, раскачиваясь взад и вперед, не спуская взора с огня, но затем, придя в исступление, вскочил и стал кружиться на одном месте все быстрее и быстрее, продолжая бить в бубен и завывая. Его длинная шуба и ремешки с бляхами и палочками при этом вращении начали отходить от туловища и наконец образовали три конуса, насаженных друг на друга и увенчанных конусом его шапки. Руки с бубном были подняты над шапкой и находились в беспрерывном движении; бубен вертелся, качался, плясал, издавая громкий гул.

Но вот песня резко оборвалась диким воплем, шаман опустился на землю и, раскинув руки и выронив бубен, впал как будто в беспамятство, которое никто не осмелился нарушить. Тонкая струйка пены стекала из угла рта по впалой щеке. Все зрители хранили молчание, и в землянке, только что оглашавшейся хаосом звуков, воцарилась жуткая тишина. Даже собаки, привязанные вне землянки, лай которых по временам врывался в песню шамана, замолчали.

Минут через пять шаман привстал, выпил поднесенную ему чашку молока и потом тихим голосом

произнес несколько слов, вызвавших среди слушателей волнение и перешептывание. Вождь повторил их громко, и Горохов перевел:

— Духи неба поведали шаману, что народу онкилонов предстоят великие беды.

Амнундак поднял руки к небу, но шаман остановил его жестом и произнес еще несколько слов. Радостный шепот пробежал по рядам зрителей, и вождь, опустив руки, провозгласил:

— Шаман говорит, что беды, может быть, не начнутся, пока чужестранцы будут жить на земле онкилонов. Так поведали духи.

Шаман медленно поднялся, отвесил вождю и путешественникам общий поклон и удалился в сопровождении двух вооруженных воинов. После его ухода в землянке поднялся оживленный говор. Путешественники также шептались. Результаты волхвования были для них несколько неожиданны. С одной стороны, они обеспечивали им безопасность пребывания среди онкилонов и всякую помощь, но зато связывали их с этим народом надолго в качестве своеобразной страховки от бед. В их планы входила зимовка на Земле Санникова, но не далее начала следующей весны. Отпустят ли их тогда онкилоны?

— Нетрудно догадаться,— сказал Горюнов,— что хитрый шаман придумал эту поправку к своему предсказанию, представляющему вариант их предания, нам уже известного. Старик сообразил, что люди, владеющие громами и молниями, будут очень полезны онкилонам в качестве их друзей, но могут быть очень страшны как враги.

— И если отпустить их,— прибавил Ордин,— они, зная дорогу в эту прекрасную землю, вернутся в большом числе и вытеснят онкилонов, как некогда чукчи.

— Совершенно верно! — заметил Костяков.— Ведь эти люди, оторванные столетиями от мира, не имеют понятия о том, что делается теперь, и живут воспоминаниями о старине.

— Во всяком случае, мы пока не должны заявлять им, что собираемся уйти в недалеком будущем,— сказал Горюнов.

— Да, они могут просто арестовать нас и держать взаперти,— прибавил Ордин.

— Или, в лучшем случае, постоянно сопровождать

нас и стеснять свободу передвижения,— заметил Костяков.

— Поживем с ними, познакомимся ближе и постепенно убедим, что все эти предсказания вздор и что им ничего не грозит в будущем.

Вождь все время прислушивался к беседе чужеземцев и наконец встал и произнес громко, чтобы слышали все жители, разговоры которых затихли сразу:

— Онкилоны, воины и женщины! Вы слышали, что сказал шаман, что поведали ему небесные духи. Пока белые пришельцы с нами — бед не будет. Так будем просить их остаться с нами!

— Да, да, будем просить! — раздались голоса со всех сторон.

Вождь повернулся к гостям и, склонившись, произнес:

— Белые люди, посланники богов, народ онкилонов просит вас остаться жить с ним. Вы спасете онкилонов от бед. Мы дадим вам все, что вы хотите — лучшее жилище, пищу в изобилии, теплую одежду, когда придет зима, самых красивых женщин,— чтобы вы не терпели недостатка ни в чем. Вы будете жить как наши вожди.

— Все, все дадим вам, только оставайтесь с нами! — повторил хор мужских и женских голосов, и со всех сторон к гостям потянулись руки в умоляющем жесте.

Горюнов встал и ответил:

— Хорошо, мы согласны остаться у вас как ваши гости, пока вы сами нас не отпустите. Но мы хотим осмотреть всю вашу землю, и вы должны показать нам ее.

Горохов перевел эти слова, и крики радости огласили землянку. Вождь вторично склонился перед гостями и пожал руку каждому из них, предварительно прикладывая свою руку ко лбу и к сердцу, что означало, как они узнали позже, «от чистого сердца и без задних мыслей». Потом он сказал:

— Скоро у нас будет весенний праздник, на который соберутся все молодые женщины и девушки племени, и вы сможете, если захотите, выбрать себе жен. Вы оставили своих жен там, далеко,— он махнул рукой на юг,— а жить человеку без женщины скучно.

— Вот мы и в женихи попали! — рассмеялся Горохов.

— Но это страшно стеснит нашу свободу! — заметил Горюнов.

— Ну, там видно будет! — философски заключил Ордин.

СВЯЩЕННЫЙ КАМЕНЬ

Когда онкилоны, шумно выражавшие свою радость по поводу согласия чужеземцев остаться у них, несколько успокоились, а женщины опять разожгли костер, Амнундак обратился к гостям:

— Вы сказали, что хотите осмотреть всю нашу землю. Но знаете ли вы, что это опасно? В лесах живут разные хищные звери.

— Мы их не боимся — наши молнии поразят каждого хищника прежде, чем он нападет на нас,— услышал он в ответ.

— Кроме хищных зверей, в лесах живут дурные люди, гораздо опаснее зверей.

— Это интересно! — сказал Ордин товарищам.

А Горохов спросил:

— Что это, тоже онкилоны? Почему они опасны?

— Нет, это не онкилоны. Это дикие люди, и мы постоянно воюем с ними. Они очень сильные, и один на один мы не можем бороться с ними. Мы называем их «вампу», что значит «голые люди».

— Где же они живут?

— Они живут дальше, на востоке нашей земли. Они прячутся в лесах, нападают иногда на наши жилища, когда воины на охоте, и убивают стариков и детей, а женщин уводят. Мы очень боимся их. И вы с ними не справитесь, если они нападут на вас из засады с большими дубинами, копьями и ножами.

— Разве их так много?

— Мы не знаем сколько. Когда наши предки пришли в эту землю, она вся была заселена этими дикими людьми. С ними долго воевали и вытеснили на восток.

— У них тоже есть жилища?

— Нет, они живут зимой в пещерах, а летом на деревьях, как птицы в гнездах...

— Вот чьи следы мы видели во время прошлой экскурсии! — заметил Горюнов.

— У них есть живые боги, огромные и очень злые,— продолжал Амнундак.— Они приносят им жертвы.

— Какие такие боги?

— Видели вы на нашей земле большого зверя с рогами на морде?

— А, носорога! Да, видели.

— Их боги еще гораздо больше. Но вместо рога у них на голове пятая нога или рука, длинная и гибкая. Этой ногой зверь ломает лес, схватывает людей, бросает их на землю и топчет остальными ногами.

— Вот так зверь! — удивился Горохов.

— У этого зверя из пасти торчат два длинных белых зуба, как клыки у медведя, но гораздо длиннее и толще.

— Очевидно, это слоны! — догадался Горшков.

— Уж не мамонт ли? — предположил Ордин.— Слонам на севере не место. Есть ли у него мех? — обратился он через Горохова к вождю.

— Да, он мохнатый, шерсть на нем красная.

— Разве у мамонтов шерсть была красная? — недоумевал Костяков.— Я думал, судя по картинкам, что она была черная.

— Это неверно,— заметил Ордин.— На трупах, найденных в Сибири, шерсть была красно-бурая или рыжая... Но неужели вампу удалось приручить мамонтов?

— Этими зубами,— продолжал вождь,— зверь роет землю и добывает корни, которые съедает, а зимой сгребает снег, чтобы найти траву. Эти зубы нам очень нужны, мы делаем из них самые лучшие ножи, копья, стрелы. Но нам редко удается убить этого зверя: дикие люди очень стерегут своих богов.

— Тем более интересно познакомиться с вампу и с их домашними мамонтами! — воскликнул Горюнов.

— Я все рассказал вам,— закончил Амнундак.— Вы знаете теперь, что вам одним к диким людям идти нельзя. Они убьют и съедят вас, а для онкилонов начнутся беды. Мы будем охранять вас; все воины пойдут с вами к диким людям. Мы начнем большую войну, чтобы их уничтожить. Ваши молнии помогут нам убивать вампу и их богов.

— Карательная экспедиция,— засмеялся Ордин,— и мы в роли палачей! Не особенно лестно.

Но онкилонам слова вождя очень пришлись по душе. Они, очевидно, имели веские причины, чтобы так ненавидеть вампу. Такие свирепые соседи, конечно, не могли быть приятны мирному племени, ушедшему из-за войн с материка.

Исчерпав тему о вампу, Амнундак заявил, что пора приготовить гостям место для ночлега. В занимаемой им с семьей скошенной части землянки против входа женщины очистили половину, разостлали на земле оленьи и медвежьи шкуры и положили даже подушки — валики из кожи, набитые оленьей шерстью. Эту половину отгородили от оставшейся для семьи вождя, расставив в ряд сундучки с домашним скарбом, и Амнундак предложил гостям ложиться спать. В двух остальных, боковых частях землянки онкилоны уже укладывались; мужчины раздевались донага и складывали одежду в изголовье, а оружие возле себя. Один воин остался на карауле у входа, а трое легли не раздеваясь у костра и в проходе, чтобы сменять его поочередно. Караульный поддерживал огонь, согревавший землянку, и время от времени выходил наружу за дровами. Менялись также воины, караулившие оленье стадо на поляне и перекликавшиеся друг с другом.

Ночь прошла спокойно. Онкилоны стали просыпаться на рассвете. Прежде всего поднялись женщины, усилили огонь и стали жарить мясо и калить камни для варки супа; другие побежали доить оленей и для этого одевались, потому что на дворе было свежо. Они надевали своеобразную кожаную одежду, в которой панталоны были соединены с курткой в одно целое с большим разрезом на груди. Женщина сначала просовывала ноги, а затем быстро поднимала одежду на туловище и засовывала руки в короткие рукава. Вернувшись в землянку, она легким движением плеч спускала куртку — и вся одежда соскальзывала к ногам.

Путешественники, лежа на своих шкурах, с интересом наблюдали, как быстро и легко одевались и раздевались женщины и как почти голые хлопотали по хозяйству у огня, ярко освещавшего их смуглые тела.

Путешественники обратили внимание на то, что

молодые женщины и девушки, которых легко было отличить от первых по их четырем косам, посматривают частенько в их сторону, перешептываются и хихикают. Легко было догадаться, что красавиц занимал вопрос, на ком из них остановится выбор могущественных чужеземцев, когда они станут брать себе жен на весеннем празднике.

Горохов подслушал, что онкилонок всего больше интересовали густые усы и бороды его трех товарищей и их светлая кожа.

У онкилонов растительности на лице почти не было, только у стариков вырастали жиденькие усы и тощая бородка. Горохов, как якут, в этом отношении был похож на онкилонов и имел такую же смуглую кожу, так что он онкилонок не привлекал.

Пока женщины хлопотали, мужчины не торопясь одевались, потом осматривали свое оружие. То из одного, то из другого угла землянки раздавались детские голоса, иногда плач младенца, на который спешила та или другая из женщин, чтобы покормить его грудью.

Мало-помалу все поднялись. И начался завтрак с тем же однообразным меню — жареным и вареным мясом; только вместо холодного молока из бурдюка дали горячее, разбавленное водой и слегка заправленное мукой из водяных орехов, нечто вроде супа, в котором плавали маленькие кусочки поджаренного сала. Суп оказался достаточно вкусным.

За завтраком спросили вождя, сколько лет онкилоны живут на Земле Санникова. Путешественники уже узнали, что у этого народа нет никакой письменности и все сведения о жизни предков передаются в виде преданий из поколения в поколение, может быть украшенные вымыслом. Но оказалось, что примитивная летопись у онкилонов имеется.

— Больше четырехсот лет,— ответил Амнундак, немного подумав.— Если хотите знать точно, то пойдем сейчас к шаману; возле его жилища есть камень, на котором каждый год отмечен.

После завтрака путешественники в сопровождении вождя и десятка вооруженных воинов отправились по широкой тропе через лес на запад. По дороге Амнундак указал гостям искусно скрытую западню на тропе — квадратную яму глубиной более двух метров, перекрытую тонкими жердями, ветвями и старой лист-

вой. В такие западни изредка попадали быки, лошади и даже носороги, которых онкилоны приканчивали копьями и стрелами.

— Таких ловушек довольно много на звериных тропах нашей земли, и вы можете тоже попасть в них, если будете ходить без проводника,— предупредил вождь.

— Впереди нас,— возразил Горюнов,— всегда бежит собака, которая умнее носорога и быка; она остановится перед западней и обнаружит нам ее.

— Онкилонам собаки были бы очень полезны,— заметил Ордин,— и для охоты, и для караула жилища, и при войне с дикими людьми.

— Вот ваши собаки размножатся у нас, и через несколько лет мы будем иметь сторожей! — сказал Амнундак с такой уверенностью, что собеседникам осталось только переглянуться с усмешкой.

Вскоре свернули с большой тропы в сторону и вышли на небольшую поляну с жилищем шамана; оно было того же типа, как землянка вождя, но гораздо меньше, потому что шаман жил только с одним учеником и старой женщиной, готовившей пищу.

Шаман, очевидно уже предупрежденный о посещении, ожидал гостей у порога землянки и ввел их на почетные места против входа. Внутренность жилища походила на своеобразный анатомический музей: на четырех столбах на перекладинах и под откосом боковых стен белели черепа жертвенных оленей, быков, лошадей, а над почетным местом красовался череп носорога с огромным рогом.

Как только гости уселись, старуха подала угощение, состоявшее из вареного мозга, языка и губ жертвенного оленя, которого чужеземцы убили накануне своими молниями. Эти лакомые части жертвенных животных всегда доставались шаману, как служителю божества.

Узнав от Амнундака желание гостей посмотреть камень, на котором записаны годы жизни онкилонов, шаман после завтрака повел их дальше на запад. Тропа вскоре вывела на окраину котловины. И здесь возвышалась высокая, неприступная стена того же черного базальта, вершина которой скрывалась в тучах, низко висевших в этот день над котловиной. У подножия обрыва, как и в других местах, лежали россы-

пи и глыбы свалившихся сверху камней, покрытых лишаями. Среди них выделялась огромная глыба в несколько сот тонн весом. Пространство вокруг нее было очищено от камней и выровнено в виде широкого круга. Перед этой глыбой совершали моления и приносили жертвы. Кости жертвенных животных лежали грядкой вдоль подножия глыбы, окаймляя черный камень зловещей белой полосой.

— Этот камень,— пояснил Амнундак,— упал с неба в год прихода наших предков на эту землю. Поэтому мы чтим его, как дар богов. Каждый раз, когда после зимней ночи солнце в первый раз показывается нам, здесь совершается большое моление и приносится жертва. Шаман отмечает это событие чертой на камне. Поэтому вы можете сосчитать, сколько лет мы уже живем здесь.

Он подвел гостей к южной очень гладкой стороне глыбы, на которой виднелись высеченные твердым орудием небольшие вертикальные черточки; каждая десятая была немного длиннее, так что легко было сосчитать их. Оказалось, что онкилоны провели на Земле Санникова уже четыреста двадцать четыре года.

— Когда Амнундак сказал, что этот камень упал с неба,— заметил вполголоса Ордин,— я подумал, что это огромный метеорит, и очень заинтересовался им. Но оказывается, что это просто базальт и упал он, конечно, с этого обрыва.

— Что он говорит? — спросил шаман.

Горохов перевел, что белый человек думает, что камень упал с горы, а не с неба.

Шаман укоризненно покачал головой и сказал:

— Великий шаман, который привел наших предков сюда, сам видел, как этот камень падал, и первый поклонился ему.

— С горы падают только маленькие камни,— прибавил Амнундак,— а этот больше наших жилищ. Под ним лежат пять оленей, которых он придавил как первую жертву богам от пришельцев на эту землю. С тех пор и стали приносить здесь жертвы. Это было знамение свыше.

Пока происходила эта беседа у подножия священного камня, Костяков, отойдя в сторону, незаметно успел сфотографировать его вместе с беседующими.

Потом Амнундак повел гостей к подножию обрыва

и показал им большую пещеру, в которой раньше жили вампу. Накануне падения камня у подножия была большая битва онкилонов с вампу, и онкилоны одержали здесь первую крупную победу, заставившую вампу отступить на восток. Это событие тоже связывалось с камнем.

В пещере валялись еще полуистлевшие дубины, поломанные копья с кремневыми наконечниками, гнилые остатки звериных шкур; видны были огнища и кучи обгоревших или расколотых костей.

В общем, эта пещера с костями, мрачная черная стена, терявшаяся в тучах, черный огромный камень, окруженный грудами костей среди голых россыпей, производили жуткое впечатление, и путешественники были рады вернуться в зеленый лес, лежавший на пути домой.

На поляне возле жилища Амнундака они застали начало кипучей деятельности — онкилоны приступили к сооружению землянки для своих гостей-пленников. Воины и женщины были заняты работой: одни копали ямы для четырех столбов остова, другие перерубали и обтесывали бревна, третьи приносили бревна из леса, где слышался стук топоров дровосеков; женщины нарезали дерн для крыши. Но, несмотря на усердие строителей, дело подвигалось медленно, потому что каменные топоры, костяные ножи и кремневые скребки с трудом справлялись с деревом.

Поглядев некоторое время, как медленно перерубалось толстое бревно для столба, Горюнов предложил товарищам:

— А ну-ка, покажем онкилонам, как работают белые люди!

— И то дело, покажем! — согласился Горохов.

Все четверо принесли свои топоры и взялись за работу; быстро полетели щепки, с каждым ударом топор врезывался глубже в дерево, и то, на что онкилону с каменным орудием нужно было полдня, железный топор делал в четверть часа. Когда топоры белых людей застучали по бревнам, онкилоны побросали свое дело и столпились вокруг них, глядя с восхищением, причмокивая и выражая разными возгласами свое удивление быстроте работы. Пока женщины успели вырыть четыре неглубокие ямы, ковыряя землю, к их счастью мягкую, ножами и выгребая ее руками,

четыре столба были отрублены, обтесаны и перекладины к ним приготовлены.

— Эх, жаль, нет бурава, чтобы просверлить дырку и запустить хороший клин для связи! — жаловался Горохов.

— Или стамески, чтобы посадить перекладину на столб шипом,— прибавил Горюнов.

— Да, это бы не мешало, потому что, если случится легкое землетрясение, накатник откосов легко может соскочить с места и придавить нас, как в ловушке,— сказал Ордин.

— Разве здесь может быть землетрясение? — поинтересовался Костяков.

— И даже очень! Ведь мы на дне кратера старого вулкана, еще не совсем угасшего, как доказывают горячие источники в озерах.

— А ну-ка, Никита, спросите, бывает ли, что земля трясется здесь,— предложил Горюнов.

Ответ получился утвердительный: онкилоны время от времени испытывали сотрясения земли, но большей частью легкие, не причинявшие вреда. Старики припомнили, что в давние времена случилось довольно сильное землетрясение, вызвавшее частичное разрушение почти всех жилищ; при этом было задавлено человек двадцать, не успевших выбежать наружу.

— Ну, мы на всякий случай подопрем накатник еще одной перекладиной, чтобы не мог соскочить! — придумал Ордин.

К обеду успели поставить четыре столба и связать их перекладинами. После обеда путешественники пошли с онкилонами в лес рубить тонкие деревья для накатника, потому что и это подвигалось медленно; над деревом в десять—двенадцать сантиметров в диаметре онкилон трудился больше часа, а под железным топором оно валилось через пять минут. К вечеру лес был приготовлен и перенесен на поляну.

За этот день весть о появлении белых людей со всеми подробностями успела распространиться по стойбищам онкилонов, и к вечеру начали прибывать отряды воинов из ближайших жилищ, желавших посмотреть на чужестранцев. Последние отдыхали после работ в землянке, где скоро стало тесно от набравшихся зрителей. Но посетители вели себя с достоинством, расспрашивали население землянки, рассмат-

ривали гостей и обменивались впечатлениями. По просьбе Амнундака топоры и ножи были пущены по рукам, так как разговор шел и о быстрой работе пришельцев, благодаря которой сооружение новой землянки, отнимавшее у онкилонов целую неделю, было почти закончено в один день.

Только после ужина жилище освободилось от гостей, которые расположились на ночлег вокруг костров на поляне.

Амнундак решил воспользоваться приходом многих воинов, чтобы устроить на следующий день охоту загоном на носорогов, надеясь на молнии белых людей. В ямы носороги попадали очень редко; копья и стрелы онкилонов не пробивали их толстую кожу. Последняя очень ценилась воинами как лучший материал для щитов, выдерживавших удары дубин вампу.

ОХОТА НА НОСОРОГОВ

На следующее утро благодаря многочисленным пришельцам в четверть часа остов новой землянки был закончен.

Предоставив женщинам крыть его дерном и устраивать внутри, все собравшиеся воины во главе с Амнундаком и чужестранцами отправились на охоту за несколько километров на восток, где накануне видели семью носорогов. Собравшиеся, в количестве более ста человек, быстро и без шума пробираясь по опушкам, оцепили небольшую поляну, на которой паслись животные. Вождь и путешественники встали вблизи тропы, по которой их должны были погнать.

Когда все заняли свои места, онкилоны по сигналу Амнундака подняли стук дубинками по деревьям, аккомпанируя громкими криками своей военной песни. Носороги, застигнутые врасплох, заметались по поляне, но повсюду встречали страшные звуки, издаваемые невидимым врагом. Наконец они очутились недалеко от поста охотников. Грянули четыре выстрела. Самец рухнул на колени, вскочил, пробежал до опушки и свалился. Самка с детенышем помчалась в противоположную сторону и встретилась с цепью онкилонов, вышедших после выстрелов из леса. Но теперь она видела врагов и, не обращая внимания на крики

и полетевшие в нее копья и стрелы, прорвала цепь, подбросив ударом головы подвернувшегося ей онкилона на воздух, и скрылась в лесу. Детеныш, по-видимому недавно родившийся, отстал от нее, и его остановили собаки, вцепившиеся в складки кожи на его боках. Но им, вероятно, пришлось бы плохо, если бы подбежавшие онкилоны не прикончили малыша копьями.

Вся охота кончилась в четверть часа, но стоила сломанной ноги у подброшенного человека, что, впрочем, нисколько не уменьшило торжества охотников. Раненого тотчас же унесли на быстро снятой с детеныша шкуре и двух жердях к шаману, занимавшемуся также и врачеванием. Оставшиеся занялись тушей старого носорога, от которой через полчаса остался только скелет и содержимое желудка и кишок; все остальное было срезано и унесено на стойбище.

Вернувшись к обеду, путешественники застали свое новое жилище почти готовым; недоставало только шкур для постелей и хозяек. Первые уделил Амнундак из своих запасов; вторых надлежало выбрать в день весеннего праздника, до которого оставалось еще трое суток. Путешественники решили воспользоваться этим временем, чтобы сходить на свою базу у сугробов — проведать Никифорова и принести некоторые вещи.

Но понадобились довольно длинные переговоры, чтобы убедить Амнундака отпустить их без огромного конвоя и ограничиться двумя воинами.

На следующее утро путешественники отправились, выбрав путь вдоль западной окраины котловины, чтобы познакомиться с ней ближе. Шли вдоль опушки из полярной березы, по которой пролегали многочисленные оленьи тропы. Здесь паслось стадо рода Амнундака под надзором пастухов на моховищах, тянувшихся полосой между россыпями камня и зарослями.

Северные олени являлись единственным домашним скотом онкилонов, доставлявшим им молоко, мясо и шкуры. Охота на зверей и птиц, рыбная ловля в озерах дополняли продукты стада, а водяные орехи и корни сараны, вылавливаемые из озер и выкапываемые женщинами на полянах, давали растительную пищу этому, в сущности, мирному племени, которое лишь соседство вампу сделало воинственным. Вампу

жили только охотой и истребляли много диких животных, тогда как онкилоны берегли их; поэтому животные держались больше в южной части котловины, где их меньше преследовали, а вампу делали охотничьи набеги в земли онкилонов и не щадили также домашних оленей. В этом была главная причина вражды онкилонов к вампу, заставившая их выработать военный уклад жизни. Кроме того, вампу при случае похищали молодых онкилонок, которые скоро погибали от грубого обращения и тяжелых условий первобытной жизни, если им не удавалось бежать из плена. Это обстоятельство, конечно, не способствовало миру между онкилонами и вампу, и война между ними не прекращалась никогда.

Окраина котловины и с этой стороны оказалась состоящей из базальта, слагавшего высокие уступы, недосягаемые для человека. В обрывах чередовались толщи, то пузыристые или даже шлаковатые, то плотные, разбитые на правильные шестигранные столбы различной в разных местах толщины и длины; местами чернели отверстия больших пещер или ниш, служивших приютом каменным баранам. Очевидно, гигантский вулкан, некогда занимавший место Земли Санникова, действовал очень долго, изливая потоки лавы во все стороны, прежде чем произошел колоссальный провал его центральной части, создавший котловину с ее горячими источниками — последними отзвуками угасшего вулканизма. Некоторые потоки лавы изобиловали миндалинами халцедона, агата, сердолика и полуопала, и онкилоны, сопровождавшие чужестранцев, сообщили им, что из этих потоков добывают цветные камни для женских украшений, а из более крупных миндалин делают наконечники для стрел и копий, хотя предпочитают костяные, более легкие для обработки.

После томительного перехода и только благодаря тому, что солнце заходило уже очень поздно и день был длинный, путешественники добрались до своей базы у сугробов, где застали Никифорова у костра, занятого поджариванием мяса. Отшельник с удивлением рассматривал двух онкилонов, пришедших с его товарищами, а они, в свою очередь, удивлялись палатке, поставленной в снеговом гроте, и человеку, предпочитающему жить среди снега вместо зеленого

леса. Их заинтересовали также гроты для собак, но нарты и байдару им не показали, чтобы не выдать средства своего передвижения через льды. Онкилоны остались в убеждении, что белые люди всю жизнь проводят среди снега, а собак употребляют в качестве вьючных животных.

На ночь онкилоны удалились в полосу леса, подальше от снега, а путешественники расположились в палатке. Перед рассветом собаки, спавшие у входа снаружи, подняли отчаянный лай. Никифоров, выглянув, увидел силуэт огромного медведя, который задними лапами отмахивался от трех досаждавших ему собак, а передними разбрасывал глыбы льда, закрывавшие вход в соседнюю ледяную кладовую, в которой хранились шкуры, черепа и запасы мяса. Казак разбудил товарищей и выскочил с ружьем. Густой туман, по обыкновению, окутывал котловину, и пришлось отозвать собак, чтобы не попасть в них. Но медведь, услышав голоса людей, встал на дыбы и направился к ним. В сумраке ночи и тумана он казался огромным, значительно выше человека. Всего два-три шага отделяли зверя от входа в палатку, когда две пули поразили его в грудь. Медведь покачнулся, рявкнул и обрушился прямо во вход грота. Никифоров едва успел отскочить в сторону, а Горюнов откинулся в глубь палатки, где Горохов и Ордин в темноте искали свои ружья. Глыбы льда разлетались в стороны под ударами лап бившегося в агонии зверя, собаки выли, и из гротов им вторили тридцать глоток. Положение в палатке становилось критическим; медведь, немного продвинувшись вперед, мог уже достать лапами сгрудившихся в глубине людей, которым некуда было податься. К счастью, Никифоров не потерял присутствия духа: заложив в ружье патрон с разрывной пулей, он улучил удобный момент и выстрелил почти в упор. Еще несколько судорожных движений — и туша замерла.

В это время на поднявшийся шум и выстрелы прибежали онкилоны с горящими головнями. Объединенными усилиями удалось вытащить медведя из входа в грот. Зверь оказался необычайной величины и возбудил удивление онкилонов. Последние охотились на медведей только большим отрядом, но такая охота редко обходилась без гибели или тяжелых ран одного-

двух человек. Поэтому медвежьи клыки ценились у них очень высоко, и не многие охотники имели их в своем ожерелье.

Начало уже светать, сон был испорчен, и все занялись снятием шкуры и разделкой туши. Никифоров получил большой запас мяса для собак, а шкурой путешественники решили украсить свое новое жилище. Поэтому они уговорили онкилонов нести ее прямо в стойбище вождя, обещая прийти вслед за ними. Они придумали этот план, чтобы избавиться на день от опеки и попытаться проникнуть в земли, занятые вампу, чтобы понаблюдать последних не в обстановке военного похода, который с этой целью предлагал им Амнундак.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ВАМПУ

Оставив Никифорова наедине с черепом медведя, который он должен был очистить и спрятать в складе, путешественники взяли направление на северо-восток вдоль окраины котловины. Миновав знакомые уже по первой экскурсии места, они после полудня вышли на поляну, на влажной почве которой вблизи озера заметили рядом со следами копыт быков и лошадей отпечаток босой ноги человека. Это не мог быть след онкилона, так как последние ходили в обуви; кроме того, след обращал на себя внимание величиной, сильным развитием пальцев, большим, сравнительно с нормальным, расстоянием между большим и вторым пальцем и длиной последнего.

Направив собак по следу, шедшему на северо-восток, путешественники миновали еще две поляны и приближались к третьей, когда услышали гул голосов. Собаки были взяты на привязь, а люди осторожно пробрались к опушке, с которой увидели на поляне вампу. Человек восемь исполняли танец вокруг темной массы, лежавшей на траве,— очевидно, добытого ими крупного животного. Вампу были совершенно нагие, с очень смуглой кожей или покрытые волосами. Спутанные космы волос свисали на плечи, небольшие бороды окаймляли лица. С короткими копьями в одной руке, дубинками — в другой, они плясали, то подпрыгивая на одном месте, то выбрасывая

ноги взад и вперед и размахивая руками. В такт движениям раздавались крики: «Ой-го-го!», «Ай-ду-ду!», повторявшиеся без конца.

Танец продолжался минут десять, после чего вампу собрались вокруг жертвы и начали снимать с нее шкуру.

Затем началось пиршество: каждый отрезал себе полоски теплого кровавого мяса и поедал их одну за другой. Утолив голод, вампу стали отрезать более крупные части туловища и пласты мяса, и, нагрузившись ими и шкурой, семеро пошли по поляне на восток, а восьмой остался у добычи, чтобы охранять ее от орлов, две пары которых уже кружили над местом охоты. Караульный, сидя на корточках, продолжал насыщаться и, погруженный в это занятие, не заметил, как четыре человека и две собаки потихоньку подошли к нему сзади. Ворчание Крота заставило его оглянуться. Он хотел вскочить, но, изумленный появлением невиданных людей, не похожих на онкилонов, с направленными на него блестящими палками и в сопровождении двух зверей, похожих на волков, он выронил нож и остался сидеть, дрожа от страха, с куском мяса в руке.

Над его маленькими, глубоко сидящими глазами низкий лоб выдавался двумя массивными дугами; в разинутом рту видны были крупные белые зубы с порядочно выдающимися клыками, а очень короткий подбородок придавал лицу дикое выражение. Нос был приплюснутый, с широкими ноздрями, полускрытыми длинной белой палочкой; уши большие, со вставленными в мочки круглыми пластинками белой кости, которые оттягивали их почти до плеч. Вокруг шеи спускалось ожерелье из клыков кабана и медведя. Туловище было покрыто густыми черными волосами, но на плечах и груди сквозь них просвечивала темная кожа.

Несколько минут вампу и путешественники рассматривали друг друга в молчании.

Человек вдруг, с силой оттолкнувшись ногами от земли, сделал большой прыжок через полуочищенную тушу быка в сторону, не загражденную врагами, и, круто наклонив корпус вперед, побежал по поляне.

— Эх, упустили! — воскликнул Костяков.— Нужно было связать ему руки и увести с собой.

— Так бы он и дался! — рассмеялся Горюнов.— Вы видели, какие у него мускулы и какие зубы? Мы бы вчетвером с ним не справились! Он свернул бы кому-нибудь из нас шею или прокусил бы горло.

— И что бы мы стали делать с ним? — спросил Ордин.

— Держать в плену и наблюдать, постараться выяснить его язык, психологию; ведь это же крайне интересно — психология и язык человека древнекаменного века! Взгляните на его оружие.

Вампу оставил свои копья и дубину на траве. Копье имело около метра в длину и представляло ровный ствол молодой березы, в конец которого, слегка расщепленный, был вставлен грубо оббитый длинный осколок кремня; тонкий сыромятный ремешок охватывал и стягивал дерево, не позволяя кремню вывалиться. Дубина представляла нижнюю часть ствола более толстого дерева вместе с началом корневой части, раздувавшейся до величины кулака.

Она имела сантиметров семьдесят в длину и в мускулистой руке являлась страшным оружием для рукопашной схватки; таким оружием легко было раздробить череп человека и оглушить лошадь или быка. Другая дубина, оставленная одним из ушедших ранее вампу, отличалась еще тем, что в ее утолщенный конец сбоку был вставлен острый осколок кремня, которым с размаху можно было пробить череп крупного животного.

Туша быка была совершенно очищена от мяса с одной стороны, передняя и задняя ноги были отрезаны. Но оставалась еще половина, лежавшая к земле, и голова. Люди, несомненно, должны были вернуться за своей добычей.

— Я думаю, они не вернутся сюда: беглец, наверно, напугает их своим рассказом,— предположил Горюнов.

— А может быть, именно вернутся, чтобы посмотреть на нас или даже поохотиться за нами,— заметил Костяков.

— Спрячемся и подождем, а потом выследим их стойбище,— предложил Ордин.

— А если они найдут нас по следам? Они, наверно, опытные следопыты,— сказал Горюнов.

— Пройдем прямо на запад, чтобы оставить следы,

а затем свернем по лесу и вернемся к поляне с другой стороны.

Оставив нетронутыми тушу и оружие, путешественники последовали этому совету и спрятались вторично на северной стороне поляны. Стойбище, очевидно, было недалеко, так как вскоре наблюдатели заметили, что на восточной окраине поляны зашевелились кусты и из них осторожно выглянула косматая голова разведчика. На туше уже сидели и клевали ее два орла, а два других трудились над брюшиной, лежавшей в стороне. Это сразу показало вампу, что на поляне людей нет, и сейчас же из кустов высыпала целая орда — человек тридцать, в том числе и десяток женщин,— и быстрым шагом направилась к туше. Орлы один за другим взлетели и начали кружить над поляной.

Вампу обступили тушу и, по-видимому, стали смеяться над беглецом, указывая на нетронутую тушу, на оставшееся оружие. Они, вероятно, говорили, что все ему почудилось, потому что онкилоны не только не оставили бы мясо, но прикончили бы и человека. Беглец оправдывался, показывая, где стояли странные люди, рукой отмечал рост собак и подражал их лаю. Тогда несколько человек стали осматривать землю вблизи туши и, очевидно, нашли следы, оставленные путешественниками, так как направились по ним. В это время остальные вампу снова занялись тушей, срезали мясо, выломали толстые мозговые кости, опорожнили брюшину. Женщины, тяжело нагрузившись этим, пошли назад к стойбищу, а мужчины побежали вслед за ушедшими по следам, чтобы догнать странных незнакомцев, напугавших их товарища. На поляне остался только позвоночник с ребрами, лопатками и тазовыми костями, на которых и орлам почти нечем было поживиться.

— Вот и отлично! — воскликнул Костяков.— Мужчины ушли, а мы сделаем визит женщинам на стойбище.

— С риском, что мужчины скоро вернутся и зададут нам перцу? — спросил Горюнов.

— Нам все равно нельзя идти вперед: они пошли по дороге, по которой и мы должны идти к стоянке онкилонов, и мы с ними должны встретиться. Мы посмотрим стойбище, а потом сделаем крюк на юг.

Желание увидеть жизнь стойбища преодолело опасения, и все четверо отправились по тропе на восток. Капли крови на земле выдавали путь женщин. Вскоре впереди послышались крики и смех, и, осторожно приблизившись, путешественники увидели стойбище среди небольшой поляны. Оно было временное или летнее, у подножия большого одинокого тополя. Здесь горел огонь, вокруг которого теснились женщины и дети разного возраста. Женщины были несколько ниже ростом, чем мужчины, немного стройнее и менее волосаты, особенно спереди. Зато волосы на голове были длиннее, но также спутаны в космы; лица имели бы менее дикое выражение, если бы не палочки, вставленные в ноздри, белые кружки, вставленные в нижнюю губу, оттопыренную вперед, и такие же кружки в ушах; на смуглых шеях белели ожерелья. О какой-либо одежде не было и помину. Дети были менее косматые и волосатые, чем взрослые.

Воткнув куски мяса на палочки, вампу слегка поджаривали их на огне и поедали. Вблизи костра лежал большой камень, на котором женщины ударами другого камня разбивали мозговые кости и с шумом высасывали из них мозг. Раздавались крики, смех — орда наслаждалась пищей.

Насытившись, женщины повесили оставшееся мясо на сук, а две из них, разостлав шкуру на земле, стали очищать ее кремневыми скребками от крови и сала. Другие растянулись на траве вблизи костра в сытой дремоте. Дети начали резвиться, бегая друг за другом; другие валялись на траве и визжали; некоторые с проворством обезьян полезли на дерево, и в его листве слышались их голоса.

— А если бы мы вышли к ним? — предложил Костяков.— Они, наверно, испугаются и убегут, а мы рассмотрим их стойбище поближе и возьмем коллекцию оружия и домашней утвари.

— А если они не убегут и начнут защищаться? Взрослых женщин больше двадцати, а силы у каждой побольше, чем у любого из нас,— возразил Горюнов.

— Выстрел в воздух, я думаю, заставит их убежать.

Мысль произвести этот опыт показалась заманчивой, и путешественники с ружьями наготове вышли из кустов и направились к стойбищу, а собаки с лаем бросились на бегавших на четвереньках детей, приняв

их за особую породу дичи. Впечатление получилось огромное. Женщины вскочили и столпились вокруг огня и дерева, глядя с открытыми ртами на подходивших странных людей, о которых уже слышали от беглеца. Дети пустились наутек от собак и попрятались за женщинами, издавая крики ужаса. Но женщины скоро пришли в себя и стали хватать копья и дубинки. Одна побежала на помощь к малышу, который лежал на земле между рычавшими собаками и визжал от страха. Горюнов поспешил отозвать собак прежде, чем женщина замахнулась на них копьем.

— Как видите, они не думают бежать, а поднимают уже копья, чтобы метнуть в нас,— предупредил Ордин.

— Придется стрелять, пока не поздно. Если мы теперь повернем назад, они подумают, что мы боимся, и нападут на нас сзади,— заявил Костяков.

— Да, затеяли игру, так нужно ее выиграть,— сказал Горюнов.— Два выстрела поверх голов женщин, а два будем иметь в запасе.

Костяков и Ордин выстрелили. Эффект получился неожиданный: женщины при виде огня и дыма из направленных на ним блестящих палок, при грохоте выстрелов и свисте пуль перепугались, упали на колени и, бросив копья и дубинки, с умоляющим жестом протянули руки и стали кланяться с воплями ужаса; дети ревели вовсю.

— Ну, вот чего я не ожидал! — воскликнул Костяков.— Я думал, они убегут и мы возьмем что нужно.

— Остается подойти к ним спокойно и разыграть богов,— предложил Ордин.

— Которые похищают дубинки и копья? Но сперва зарядим ружья на всякий случай.

Исполнив это, путешественники стали спокойно подходить к коленопреклоненным женщинам. Но когда оставалось только шагов десять, дети устроили панику — с воем они пустились через поляну в лес. Женщины одна за другой вскочили и последовали их примеру, кроме одной, которая лежала, уткнувшись лицом в землю, и дрожала всем телом.

Подойдя к ней, путешественники стали рассматривать внимательно. Ее спина была покрыта короткими негустыми волосами, подошвы и ладони были голые, и на первых кожа по своей твердости производила

впечатление рога; большой палец сильно отделялся от остальных; на руках и ногах волосы были гуще, чем на спине. Спереди она оказалась менее волосатой, а груди и лицо были совершенно чисты; но благодаря отсутствию бороды небольшая высота подбородка бросалась в глаза больше, чем у мужчин; зато надбровные дуги меньше выделялись, чем у последних. Но широкие скулы, впалые маленькие глаза, приплюснутый нос с палочкой, оттянутая губа с белой костяшкой — все это не способствовало красоте ее лица. Волосы, не знавшие ни мыла, ни гребня, были спутаны в космы, в которых видны были стебли травы, листья и всякий сор. Но мускулистость тела заставляла предполагать в женщине изрядную силу.

Наконец бедняжку оставили в покое, причем заметили, что одна ее нога привязана крепким ремешком к вбитому в землю колышку. Этим объяснялось то, что она не убежала вместе с остальными; очевидно, она была за что-то наказана.

Выбрав пару типичных дубинок с кремнем и без него, пару копий, скребков и грубую деревянную чашку, лоснившуюся от жира и бурую от крови, сняли с женщины ожерелье и собрались уже уходить.

— Знаете ли, ведь мы, в сущности, устроили форменный грабеж,— сказал Горюнов.— Напугали женщин до смерти, а затем берем часть их скудного имущества.

— Но ведь это для науки, а не с корыстной целью,— возразил Костяков.

— Все-таки нехорошо! Нужно оставить им что-нибудь взамен.

Порылись в котомках и нашли маленькое зеркальце, нитку стеклянных бус, сломанный перочинный ножик и жестяную коробочку от пилюль, прибавили две медные гильзы от патронов и положили все это возле руки женщины, продолжавшей лежать с закрытыми глазами. Затем тихонько ушли и, спрятавшись на опушке, стали наблюдать.

Некоторое время все было тихо. Потом женщина подняла голову, увидела, что странные люди удалились и ничего не сделали с ней, присела, оглядываясь кругом, и, положив два пальца в рот, издала резкий, продолжительный свист. В ответ из леса послышались свистки и голоса, и вскоре появились одна за

другой беглянки и дети. Пока они приближались, женщина заметила вещи, лежавшие на земле и обратившие ее внимание своим блеском. Сначала она не решалась тронуть их: то протягивала, то отдергивала руку, словно боялась, что они обожгут или укусят ее. Наконец любопытство преодолело страх, и она стала брать вещи одну за другой, осматривать, нюхать, испуская крики изумления. Подбежали остальные, и вещи стали переходить из рук в руки, вызывая возгласы и споры. Нитку бус женщина надела было на свою шею, лишившуюся ожерелья, но две другие схватились за нее, нитка лопнула, и бусы рассыпались по земле. Началась свалка, все стали подбирать бусинки и собранные прятать в рот.

— Наши подарки только беды наделают — подерутся бабы между собой! — засмеялся Горохов.

Но путешественники не стали ждать конца ссоры и дележа, а направились на юго-восток, чтобы не встретиться с вампу. Им пришлось ночевать на одной из полян, и только на следующий день к полудню они прибыли в стан Амнундака, который с утра уже разослал воинов на поиски по разным направлениям, опасаясь, что белые люди или заблудились, или изменили своему слову и скрылись. Увидев в руках гостей дубинки и копья вампу и узнав, что они проделали, он стал упрекать их за неосторожность и заявил, что онкилоны никогда бы не решились ходить только вчетвером по земле вампу.

Путешественники в этот день ночевали еще в землянке вождя, хотя их новое жилище было закончено за время их отсутствия. Со своей базы они в этот раз принесли запас белья, чая, сахара и посуду, чтобы устроиться немного удобнее и не жить совершенно по-онкилонски.

ПРАЗДНИК ВЫБОРА ЖЕН

На следующий день должен был состояться весенний праздник, которым онкилоны отмечали полное наступление весны, прилет перелетных птиц, отел северных оленей. С раннего утра на поляну стали прибывать отряды онкилонов из всех стойбищ, на которых оставались только старики, старухи, дети и оче-

редные оленьи пастухи. Прибывшие располагались по родам вдоль опушки, разжигали костры, женщины готовили обед, мужчины осматривали оружие, готовясь к состязаниям, переходили от костра к костру, обмениваясь новостями.

В землянку Амнундака поочередно группами приходили воины посмотреть на чужестранцев, владевших громами и молниями и согласившихся отсрочить своим присутствием беды, предсказанные онкилонам. Беседа шла теперь свободнее, чем в первые дни, так как Горохов припомнил свои познания языка чукчей и попрактиковался, а остальные также уже кое-что понимали и говорили. Из землянки было удалено ее обычное население, так что сразу являлся целый род во главе со своим вождем, размещался по трем сторонам центрального квадрата; мужчины садились спереди, женщины стояли сзади. Вождь подносил Амнундаку, шаману и чужестранцам, занимавшим почетные места против входа, какой-нибудь подарок — шкурку лисицы или куницы, зубы кабана или медведя, миндалины агата, сердолика или халцедона, каменный топорик — и получал взамен орлиное перо, которое тут же втыкал в свою прическу. По числу перьев можно было судить о возрасте каждого из вождей. Некоторые из них были уже седые, но, по-видимому, еще полные сил, и в их прическе можно было насчитать двадцать—двадцать пять перьев, образовавших целый веер.

Путешественники узнали из расспросов, что звание главы рода не было наследственным: род выбирал главу из числа своих членов за храбрость и удачу в охоте и войне пожизненно или до наступления дряхлости. Одряхлевший вождь сам отказывался и назначал выборы, оставаясь почетным лицом в своей землянке без обязанностей. В случае смерти вождя род немедленно выбирал нового. Равным образом звание вождя всех онкилонов не было наследственным: главы родов выбирали его из своей среды. Впрочем, это звание скорее всего было почетным; вождь управлял своим родом, как и другие главы, и только разбирал споры между родами и назначал общие для всех родов охоты или войны с дикарями; споры были очень редки и происходили из-за оленьих пастбищ и похищения девушек.

Каждый род, живший совместно в землянке, представлял небольшую коммуну, у которой главное имущество — жилище, олени и утварь — было общее. Женщины сообща готовили пищу, выделывали шкуры, шили одежду, собирали грибы, ягоды и коренья; мужчины пасли и охраняли стадо, изготовляли оружие, доставляли топливо, ходили на охоту, рыбную ловлю или на войну с дикарями. После того как все девятнадцать родов перебывали в землянке вождя и познакомились с чужестранцами, последние с Амнундаком вышли на поляну, и шаман своим бубном подал сигнал к началу праздника. Женщины, девушки, подростки и немногие старики ближайших стойбищ расположились вдоль опушки по обе стороны землянки. Мужчины выстроились отрядами по родам в стороне. Амнундак с гостями и шаман сидели у входа в землянку. По второму сигналу отряды прошли один за другим мимо вождя, исполняя военный танец, с копьями, щитами и луками в руках, колчаном стрел на спине. Танец состоял из прыжков, подбрасывания копий вверх и натягивания лука; движения были согласованны во всех отрядах, и картина получилась довольно стройная. Большой барабан в виде обрубка ствола толстого тополя длиной в два метра, внутри выдолбленного и с обоих концов обитого кожей носорога, по которой били колотушками, составлял военную музыку; он лежал на козлах и сверху имел ряд отверстий. Путешественники узнали, что такие барабаны имелись у каждого рода и посредством их важные и срочные известия передавались быстро по всему племени, словно по телеграфу. Глухой гул барабанов был слышен за несколько километров.

Во время этого танца путешественники могли сосчитать, что военная сила онкилонов достигала от четырехсот до четырехсот пятидесяти человек, так как в каждом роду было от двадцати до тридцати воинов. Присоединяя пастухов, стариков, женщин и детей, можно было определить численность племени от тысячи двухсот до полутора тысяч человек, то есть гораздо больше, чем они думали сначала, на основании слов Амнундака, что в каждом роду двадцать—тридцать человек; оказалось, что он имел в виду только воинов, а числа остальных даже приблизительно не знал.

После танца началось состязание в метании копий и стрельбе из лука; для первого натянули длинный кожаный аркан на двух высоких копьях. Один род за другим подходил, выстраивался в ряд на расстоянии сорока шагов от аркана, и затем все воины сразу метали по одному копью, стараясь, чтобы оно перелетело за аркан. Жюри, состоявшее из трех глав родов, считало все перелеты и недолеты. Род, получивший наибольшее число перелетов, считался победителем. Для состязания в стрельбе принесли и развесили на копьях шкуру дикой лошади; темная полоса вдоль хребта являлась целью для стрел. Каждый род выстраивался в ряд в пятидесяти шагах от мишени, и затем один воин за другим выпускал по одной стреле. Считались только стрелы, попавшие в темную полосу, и род, давший наибольшее число попаданий, объявлялся победителем, которого приветствовал барабан частыми ударами, а зрители — криками.

Далее последовала борьба. Поочередно два рода становились друг против друга и выделяли равное число борцов, конечно самых сильных; последние сходились попарно и в течение времени, определявшегося пятью—десятью равномерными ударами барабана, должны были положить друг друга на землю. Опять-таки род, положивший всего больше противников, объявлялся победителем.

По окончании борьбы жюри сообщило Амнундаку имена родов, одержавших победу по каждому из состязаний, и вместе с ним и главами всех родов установили перечень родов в порядке выявленных ими успехов. После этого роды выстроились по кругу, внутрь которого вошел Амнундак и огласил этот перечень; роды, занявшие первые десять мест, приветствовали объявления их имен громкими криками, тогда как остальные молчали, пристыженные. По возвращении вождя на место роды повторили военный танец, но шествуя уже в порядке перечня: победители во главе, побежденные в хвосте, и зрители приветствовали первых. Побежденные могли получить реванш только через год, и эти состязания заставляли воинов все время заниматься упражнениями тела и поддерживали в них воинственный дух.

После танца онкилоны расположились обедать в тени деревьев; женщины уже приготовили жареное

мясо, суп, лепешки. Главы родов собрались в землянку Амнундака как его гости и во время обеда все еще обсуждали результаты состязаний, а побежденные объясняли причину своих неудач. Чужестранцев попросили показать онкилонам после обеда громы и молнии.

Через два часа барабан опять загудел, призывая теперь молодых холостых воинов на состязание за первенство в выборе жены. Таких воинов в каждом роду было два или три, и они состязались уже не по родам, а все сразу. Сначала повторилось метание копий, причем каждый поочередно метал по три копья; потом состязались в стрельбе из лука, опять по три стрелы каждый. Жюри тщательно следило за порядком и отмечало попадания, после чего установило перечень соперников по их успехам; если два, три или более получали одно и то же место, то вопрос решался единоборством между ними. В конце концов перечень был составлен, и воины выстроились в ряд в этом порядке — их оказалось сорок семь.

Затем по новому сигналу барабана из рядов зрителей поднялись девушки, достигшие зрелости и желавшие получить мужа. Они явились на праздник, как и женщины, не в том минимальном костюме, который носили внутри жилища, а в легких кожаных панталонах, куртках и торбасах, красиво расшитых тонкими красными и черными ремешками. Свои косы они украсили воткнутыми в них цветами и на головы надели венки. Но теперь, выходя на смотрины, они сбрасывали с себя одежду, оставаясь только с поясом стыдливости, чтобы показать иным воинам красоту своей татуировки и, несомненно, также красоту форм своего тела. Они выстроились в ряд против жилища вождя, у которого заняли место и главы родов. Тогда Амнундак поднялся и, обращаясь к ним, сказал:

— Девушки! Вы слышали, что к нам явились белые люди, посланники богов, владеющие громами и молниями. Они согласились жить у нас, чтобы охранить онкилонов от бед, предсказанных нашим предкам. Мы должны дать им жилище, пищу и жен, чтобы они ни в чем не нуждались. Жен они сами выберут среди вас. И каждая, на которую падет выбор белого человека, должна быть довольна этим. Я сказал.

Девушек эти слова не поразили, потому что весть о предстоящем уже распространилась по стойбищам. И, явившись на праздник, все с любопытством рассматривали чужестранцев, женами которых четырем из них приходилось стать. Некоторые из них имели, впрочем, уже возлюбленных среди молодых воинов и были опечалены, но надеялись, что выбор падет не на них. Поэтому в ответ на речь Амнундака из ряда девушек послышался единодушный ответ:

— Пусть выбирают, мы все согласны!

— Неожиданное усложнение нашего пребывания на этом острове! — воскликнул Ордин.— Прикрепить себя к онкилонам выбором жен. Что же нам делать?

— Я полагаю,— заметил Горюнов,— что нам следует уступить, чтобы не обижать онкилонов и сохранить с ними самые дружелюбные отношения.

— И действительно выбрать себе жен? — спросил Костяков.

— Мы поступим так,— предложил Горюнов.— Мы скажем, что в нашей стране мужчина, желающий жениться, и девушка, согласившаяся выйти за него замуж, должны ближе познакомиться друг с другом, чтобы не было ошибки; поэтому они определенный срок, например полгода или год, живут в одном доме, близко узнают друг друга и, если по истечении этого срока общая жизнь им понравится, могут жениться.

— Отлично! Это хороший выход! — заявил Ордин.— Предложим это вождю и скажем, что мы выберем себе подруг согласно обычаям нашей страны.

Горохов рассказал Амнундаку, что порешили путешественники, и тот выразил свое согласие словами:

— Белые люди, я предлагаю вам выбрать себе девушек, которые вам нравятся как будущие жены.

Путешественники поднялись в понятном смущении: перед ними выстроились пятьдесят девушек, хорошо сложенных, в большинстве красивых, и выбор был нелегок. В сопровождении Амнундака они прошли вдоль ряда, и каждый из них колебался почти перед каждой из более красивых; один только Горохов сразу наметил себе, еще глядя издали, невысокую девушку. Подойдя к ней, он сказал, протягивая ей руку:

— Я хочу взять эту!

Девушка, закрыв лицо рукой и хихикая, вышла из

ряда и стала возле Горохова. Она оказалась первой избранной, и барабан приветствовал ее грохотом.

Остальные дошли до конца ряда и не сделали выбора.

Удивленный Амнундак спросил:

— Неужели наши женщины так дурны, что только одна понравилась вам, белые люди?

— Напротив,— возразил Горюнов,— среди них слишком много красивых — и выбирать трудно. Но, кроме того, мы боимся, что те, кого мы выберем, станут нашими женами против своего желания, по твоему приказу. У нас мужчина всегда получает согласие девушки, которую выбирает себе в жены.

— А-а, так вы хотите, чтобы девушки выбирали вас?.. Ну хорошо. Я вызову всех, которые согласны. Девушки, белые люди не могут решиться: все вы слишком красивы. Так пусть выйдут вперед те, которые сами хотят выбрать себе белых людей в мужья.

По ряду красавиц пробежали улыбки и смешки: некоторые переминались с ноги на ногу, не решаясь выдвинуться первыми.

— Ну что же! — воскликнул Амнундак.— Неужели никто из вас не хочет стать женой наших гостей? Они могут рассердиться на нас и уйти. А тогда бедствия постигнут наш народ!

Эти слова подействовали, и более половины девушек дружно выступили на шаг вперед.

Но во время этого замешательства путешественники уже сделали свой выбор. Горюнов и Ордин указали девушек из рода вождя, к которым успели присмотреться при совместной жизни в землянке, а Костяков выбрал маленькую стройную смуглянку, строившую ему глазки.

— Выбор сделан! — воскликнул Амнундак.— Теперь пусть выбирают воины онкилонов.

Вместе с путешественниками, за которыми следовали их избранницы, он отошел к своему месту. Девушки попросили позволения одеться и разбежались по своим родам, приветствуемые возгласами женщин. Очень скоро они вернулись, чтобы занять почетные места рядом с избравшими их чужестранцами.

Оставшиеся девушки сомкнули свой ряд. Барабан опять загудел. И из ряда молодых воинов, стоявших в стороне, отделился один, оказавшийся в состязании

первым, подошел к девушкам и стал медленно проходить вдоль их ряда. Его встречали шутками и смешками, и почти каждая говорила: «Возьми меня, возьми меня!», потому что быть женой первого из молодых воинов было очень лестно, и девушки откровенно добивались этого. Но юноша отвечал им тоже шутками, быстро придумывая для каждой иную причину отказа: «Ты слишком красива» (некрасивой), «Ты горбата» (прямой, как стрела), «Ты косишь», «Ты беззубая» и так далее, возбуждая протесты и смех.

Пройдя почти весь ряд, он сразу остановился против одной девушки, не предлагавшей себя и скромно опустившей глаза. Он ударил ее по плечу и воскликнул: «Ты мне нравишься!» Девушка вздрогнула, выскочила из ряда и помчалась, как стрела, по поляне, а юноша за ней.

— Что это значит? — спросил Горюнов у Амнундака.— Почему жена, которую он выбрал, убегает от него? Она не хочет его?

— Таков у нас обычай. Воин, выбравший девушку, получит ее, только если поймает.

— Новое состязание! — сказал Ордин.

— Это обычай,— пояснил вождь,— очень мудрый: девушка бежит нагая — ей бежать легко, молодой воин бежит в одежде, с копьем в руке. Немногие смогут догнать девушку, если она не хочет этого. Если выбравший ее ей противен или она любит другого, она не даст себя догнать.

— Корректив прекрасный,— заметил Ордин товарищам и, обращаясь к вождю, спросил: — Что же, воин, который не догнал девушку, остается без жены?

— Нет, он может повторить свой выбор, пока не поймает какую-нибудь.

— Сколько же времени девушка может бегать: целый день?

— Нет, только один раз по кругу, по кругу военного танца. Смотрите, он ее поймал!

Действительно, воин уже вел пойманную девушку за косу; девушка для виду упиралась и била его по руке. Женщины и остальные девушки приветствовали ее насмешками. Дойдя до места смотрин, воин и пойманная спокойно стали рядом в стороне.

Барабан опять загрохотал. И второй юноша подошел к девушкам; и он был еще желанным для мно-

гих, как второй победитель, и его встречали, как первого. Но он упорно молчал, медленно обходя ряд, прошел до конца и повернул обратно, вызывая негодующие возгласы девушек.

— Сколько же времени он может выбирать? — поинтересовался Костяков.

— Он может пройти три раза, не больше,— ответил Амнундак.— Это очень храбрый охотник, но он хочет помучить девушек. Смотри, как они сердятся!

Действительно, воин кончил второй обход и никого не выбрал. Девушки сердились, уже не предлагали себя, строили ему гримасы, кричали: «Можешь совсем уйти! Ступай к вампу, выбери себе мохнатую жену! Тебе голые не нравятся!» и т.п. Воин так же медленно и молча прошел и третий раз, не обращая внимания на насмешки, и вдруг, почти дойдя до конца ряда, резко повернулся и ударил по плечу одну из последних девушек. Последняя так растерялась от неожиданности, что, выскочив из ряда на поляну, не развила сразу достаточную скорость бега, и воин поймал ее в двадцати шагах.

— Вот какой хитрый! — заметил Горохов.— Он их заморил, чтобы не бегать далеко.

— Вот вам и корректив! — засмеялся Костяков.— Этак можно поймать и такую, которая не хочет.

— Пожалуй, оно так и есть в этот раз,— сказал Ордин.— Смотрите, она не сопротивляется, как первая, для виду, но не рада.

Девушка шла за воином, понурив голову, не отвечая на насмешки остальных.

— Сама виновата — не зевай! — сказал Горохов.

Третий воин быстро выбрал одну из первых девушек ряда, оказавшуюся великолепной бегуньей, далеко его опередившей. Но в самом конце круга она споткнулась и растянулась на траве, к всеобщему удовольствию зрителей; прежде чем она вскочила на ноги, ее коса была уже в руках догонявшего, который с торжеством повлек ее за собой. Но падение, очевидно, было умышленное — один из приемов согласия.

Четвертый воин прошел быстро три раза мимо девушек, никого не выбрав, затем подошел к вождю и молча поклонился.

— Ты не желаешь иметь жену? — спросил удивленный Амнундак.

— Нет, великий вождь! Но в соседнем с моим стойбищем есть молодая вдова, которая мне нравится, и я прошу дать мне ее в жены. Она согласна.

Глава рода этой вдовы подтвердил слова юноши, и Амнундак дал свое согласие.

Пятому воину пришлось бегать два раза, потому что первая, которую он выбрал, не дала себя поймать; вторая, в наказание за то, что он выбрал ее не первой, заставила его пробежать полный круг и сдалась только на последнем шаге, симулируя усталость. Шестой жених выбрал ту, которая убежала от пятого, и она дала себя поймать уже на половине круга. Когда он вел ее мимо девушек, ей кричали: «Как ты скоро устала, проворная!»

Так с разными вариациями выбор продолжался, и ряд девушек все сокращался. Ни им, ни зрителям эта игра, длившаяся часами, не надоедала. Девушки, несмотря на то, что стояли так долго на ногах, бегали проворно и редко сдавались быстро. Некоторым воинам пришлось бегать по два раза, а одному даже три. К концу, когда осталось только несколько девушек, выбор становился быстрее.

Последняя девушка, убежавшая уже от трех выбравших ее воинов, убежала и от последнего, к общему изумлению. Ее позвали к вождю, который сказал ей:

— Почему ты не хочешь получить мужа? Каждая девушка должна быть женой, чтобы давать племени новых воинов. Ты отвергла уже четырех! Что это значит?

— Хорошие воины меня не выбирали, а женой плохих я не хочу быть,— гордо ответила девушка.

— Что же, ты будешь ждать будущей весны?

— Я хотела бы быть женой вот этого белого человека! — неожиданно сказала гордячка, указывая на Ордина, пораженного изумлением.

— Но он уже выбрал! — возразил Амнундак.

— Он великий вождь — у него могут быть две жены,— не унималась девушка.— Я его выбрала по твоему слову, но он взял другую. Я буду у него второй женой.

Эта настойчивость и гордый вид девушки понравились Ордину, и он согласился, очень смущенный. Девушка быстро побежала за своей одеждой и, вернувшись, села рядом с ним.

В это время молодые пары при грохоте барабана продефилировали мимо Амнундака и родовых глав; девушки уже успели переплести свои четыре косы на две в знак замужества. Последний воин, оставшийся без жены, спрятался среди зрителей; ему приходилось ждать целый год.

Настала очередь путешественников показать онкилонам свои громы и молнии. За неимением лучшей мишени принесли и расставили опять лошадиную шкуру. Стрелки стали, к удивлению онкилонов, в двухстах шагах от нее — вчетверо больше полета стрелы. Онкилоны расположились полукругом по бокам, растянувшись почти до мишени, и с напряженным вниманием следили, как чужестранцы что-то проделали со своими блестящими дубинами, затем приложили их к щеке. Взвившиеся дымки и прокатившийся грохот заставили всех зрителей вздрогнуть. Затем все толпой, перегоняя друг друга, бросились к мишени и наперебой тыкали пальцы в дырки, оставленные пулями. Многие спрашивали в изумлении, где же самые молнии, пробившие кожу, и бросились искать их по поляне. Еще большее изумление вызвал Горюнов, подбросивший вверх свою шапку и на лету пронзивший ее пулей. Ордин в это время заметил, что на юге над лесом показался косяк гусей, летевших на север. Он быстро переменил патрон в ружье. И прежде чем онкилоны успели спросить, в кого он хочет бросить молнию, раздался выстрел — и гусь шлепнулся прямо на головы зрителей, пришедших в дикий восторг. Наконец Амнундак велел привести оленя, которого не привязали, а отпустили; испуганное животное помчалось обратно к лесу, но пуля Горохова положила его прежде, чем он отбежал двадцать шагов.

Этим закончилась демонстрация могущества чужестранцев. Провожаемые всем племенем, они прошли в землянку Амнундака вместе со своими избранницами, очень гордыми своей близостью к белый людям. На поляне в разных местах запылали костры, и началось приготовление ужина, в ожидании которого мужчины и девушки плясали вокруг костров.

После ужина вождь предложил путешественникам занять свое новое жилище:

— Теперь у вас есть подруги, и там вам будет просторнее и удобнее, чем здесь, где мы сами едва помещаемся.

Женщины быстро побежали вперед, чтобы развести огонь и приготовить пищу. Путешественники в сопровождении вождя немного помедлили на поляне, где онкилоны, выставив караульных, уже укладывались спать вокруг костров, каждый род отдельно, на шкурах, разложенных на земле. Амнундак проводил гостей до входа в их землянку.

Войдя в землянку, путешественники увидели горевший уже большой огонь, освещавший небольшое, чистое жилище, сильно пахнувшее смолой от стволов лиственниц, слагавших его стены. Вокруг огня сидели все пять девушек, уже в своем домашнем наряде, то есть в пояске стыдливости. Они оживленно беседовали, но замолкли, когда вошли их нареченные, немедленно встали и отошли в сторону. Землянка имела уже вполне жилой вид: на одном из столбов висели бурдюк с молоком, чайник и котелок; на полочке стояли дорожные кружки и деревянные чашки; на земле стояли два деревянных сосуда для варки супа и лежала кучка камней и палочки для жаренья мяса. Под откосами трех сторон землянки были отгорожены спальные места, где поверх слоя сухих листьев и свежих веточек лиственницы лежали мягкие оленьи и медвежьи шкуры, кожаные валики, набитые оленьей шерстью, одеяла из оленьих шкур. У входа был сложен запас мелко нарубленных дров и стоял сосуд с водой.

После переполненной людьми и закопченной землянки Амнундака путешественники свободно вздохнули в своей, просторной и чистой, и им захотелось посидеть еще у огня и выкурить трубку перед сном. Расположившись, они подозвали девушек и усадили их рядом. Немногие слова, которые они успели выучить, не позволяли вести оживленный разговор, и приходилось больше прибегать к жестам и мимике. Прежде всего каждый осведомился, как зовут его избранницу; у Горюнова оказалась Мату, у Костякова — Папу, у Горохова — Раку, а у Ордина первая Анну и вторая тоже Анну.

— Вот те раз! — воскликнул Ордин в смущении.— Навязали двух девушек да еще с одним и тем же име-

нем! Как же я буду звать их, чтобы обе не откликались сразу?

— Зовите их Анну-первая и Анну-вторая,— придумал Горохов.

— Как же это будет по-ихнему?

— Анну-эннен и Анну-нгирэк,— ответил Горохов.

И обе Анну закивали головой в знак согласия.

— Но это очень длинно, нельзя ли сократить? Я буду звать ее Аннуэн,— Ордин указал на первую, которая кивнула головой,— и Аннуир,— он взял вторую за руку, и та также выразила согласие.

— Вы можете звать их просто первая и вторая, они поймут,— заметил Горюнов.

— Зачем же, Анну — красивое имя, а нгирэк иной раз не выговоришь, не споткнувшись.

Горохов перевел эти слова, и женщины были польщены тем, что Ордин нашел их имя красивым. Они чутко прислушивались к русским словам, и видно было, что они уже кое-что понимали, о другом догадывались. «Через неделю-другую при постоянном общении взаимное понимание будет достигнуто»,— так подумал каждый из русских.

Наговорившись, стали распределять спальные места: навес против входа, более широкий, чем боковые, был разделен продольной низкой перегородкой из вбитых в землю кольев на две части — здесь поместились все мужчины; навесы слева и справа завесили шкурами и предоставили женщинам. Крот и Белуха, перекочевавшие с хозяевами, свернулись у входа. Женщины подбросили дров в огонь, и все разошлись по своим местам.

В землянке воцарилась тишина.

БИТВА С ВАМПУ

Рано утром путешественники были разбужены сильным шумом, который подняли онкилоны. Аннуир встревожилась, подошла к входу, высунула голову наружу, прислушалась и потом закричала жалобным голосом:

— Вампу напали ночью на жилище моего рода! Вождь объявил поход на них!

— Ну, товарищи, делать нечего! Надо одеваться: без нас поход, конечно, не обойдется,— заявил Горюнов, хватаясь за одежду.

— Прямо с помолвки на войну!..— смеялся Костяков.— Папу, неси мне щит и шлем, достань мою кольчугу и не забудь копье и меч булатный мой! Я еду на войну, как рыцарь молодой.

Папу, конечно, ничего не поняла из этой тирады и смотрела, полусонная, на своего суженого в недоумении. Но, заметив, что он смеется, расхохоталась и спросила, коверкая русские слова:

— Огне жигать, кушай варить?

— Совершенно верно! — рассмеялся Ордин, высовываясь из-под одеяла.— Она отлично понимает, что перед походом надо хорошо поесть... Аннуэн, Аннуир! Огонь, мясо, молоко!

Аннуир сидела у порога и плакала, закрыв лицо руками. Услышав голос Ордина, она встрепенулась и, сообразив, в чем дело, начала разгребать золу погасшего за ночь костра, добывая горячие угольки; остальные женщины тоже повылезали из постелей, надели прежде всего свои пояски стыдливости и стали помогать ей разводить огонь.

Огонь уже пылал, и мясо на палочках жарилось; путешественники оканчивали свой туалет, когда в землянку вошел Амнундак, поздоровался и, присев к огню, сказал:

— Белые люди, первая беда уже постигла наш народ! Этой ночью вампу напали на наше самое далекое жилище, перебили стариков и пастухов, унесли детей, угнали оленей.

Аннуир, услышав эти слова, принялась выть. Она была из этого стойбища, и вампу убили ее родителей, увели братьев и сестер.

— Кто же принес эту весть так скоро? — спросил Горюнов.

— Военный барабан. Один из пастухов остался жив и подал нам весть. Я объявил поход на вампу. Все воины здесь, и мы жестоко накажем вампу. Воины очень хотят, чтобы владеющие громами и молниями пошли с нами наказать наших врагов.

— Ну конечно, мы все пойдем с вами! — поспешил согласиться Горюнов.— Вот только позавтракаем наскоро.

Амундак поднялся, очень обрадованный, и, уходя, сказал:

— Я сейчас скажу воинам, что белые люди согласились,— они будут рады!

Через несколько минут эта весть была передана онкилонам, и поляна огласилась громкими криками радости. Женщины также, видимо, были довольны. Аннуир перестала плакать и, вытирая глаза руками, сказала Ордину:

— Я пойду с тобой в поход.

Пока жарилось мясо, путешественники почистили ружья, наполнили патронташи, собрали дорожные вещи в котомки — поход мог продолжиться несколько дней. Женщины с величайшим вниманием следили за всеми их действиями, и вследствие этого несколько палочек с мясом пригорели, за что Раку немедленно получила выговор от Горохова.

Наконец все было готово, завтрак съеден, в котомки положен запас лепешек, жареного мяса, и путешественники вышли из землянки. Их охватил густой туман, нависший, как всегда, над котловиной. Сквозь туман тускло видны были огни костров и двигавшиеся взад и вперед фигуры. Издалека доносились глухие удары барабана, продолжавшие сообщать подробности разразившегося несчастья. Амундак стоял уже в полном вооружении у входа в свое жилище и, увидев, что белые люди готовы, махнул рукой. Немедленно загремел стоявший поблизости барабан, возвещая выступление и передавая это известие соседним стойбищам. У костров люди засуетились и стали строиться по родам в колонны; впереди воины, сзади женщины с ношей и подростки, возвращающиеся на свои стойбища. Женщины рода Амундака, конечно, оставались дома; все они с детьми вышли из землянки посмотреть, может быть в последний раз, на своих мужей и сыновей. Прощание было очень короткое; женщины не плакали, а, обняв мужчину, терлись щекой о его щеку, что заменяло у них поцелуи. Под грохот барабана колонна тронулась в путь во главе с Амундаком и белыми людьми, сопровождаемыми обеими собаками, которые могли быть очень полезны при выслеживании вампу. Шли скорым шагом прямо к ограбленному стойбищу, до которого было километров двадцать пять. Леса сменяли поляны, и время от

времени партия женщин, попрощавшись со своими, отделялась от колонны, чтобы свернуть к своему жилищу. Туман постепенно рассеивался, проглядывало солнце и начинало припекать.

Задолго до полудня дошли до стойбища, представлявшего печальное зрелище. Землянка, подожженная вампу, выгорела внутри и обрушилась; из кучи побуревшего дерна местами шел дым и вырывались языки пламени; слышен был запах горелой кожи и шерсти. Трава на поляне была истоптана, местами залита кровью. В нескольких местах лежали трупы стариков и старух, которых вампу не пожелали унести с собой, но отрубили им головы в качестве трофеев. Валялись сломанные копья, стрелы, клочья изорванной одежды и щепки от поломанной утвари.

Женщины рода этого стойбища, увидев картину разрушения, огласили поляну воплями — у них были похищены дети, убиты близкие. Воины молчали, но по их мрачным лицам и сверкающим глазам видно было, что они будут мстить беспощадно. Амнундак велел сделать короткий привал для отдыха. Из леса появился уцелевший пастух оленей с перевязанной головой и рассказал подробности нападения.

Вампу, очевидно узнавшие, что на стойбище нет большей части мужчин, ушедших на праздник, около полуночи, окружив поляну, неожиданно напали на пастухов: двух убили дубинками, третьего только оглушили. Когда он очнулся, все было кончено: землянка пылала, олени угнаны, на поляне остались только трупы. Утром пастух выследил, в каком направлении ушли грабители. Он спасся потому, что стоял возле кустов и упал в чащу,— в темноте и тумане вампу не нашли его.

Оставив женщин пострадавшего рода на пепелище, колонна двинулась снова вперед, теперь на северо-восток, по следу дикарей и оленей. Собаки были пущены вперед, что позволило двигаться быстро, так как засада дикарей не могла быть пропущена умными животными. Теперь, не имея женщин с ношей в хвосте, воины шли еще быстрее, время от времени бегом; слышен был только легкий топот мягкой обуви и дыхание людей. Так прошло еще часа два, когда собаки остановились в виду большого тополя на краю открывшейся поляны и стали лаять, подняв головы.

— На дереве засада! — сказал Амнундак и шепотом передал распоряжение окружить поляну по лесу.

В это время Белуха завизжала — в нее попал камень, пущенный с дерева из пращи. Путешественники заметили движение листвы, и немедленно выстрелы огласили поляну, а стрелы онкилонов посыпались на тополь. В ответ с дерева раздался громкий рев, и две темные массы, ломая ветви, грохнулись на землю.

— Неужели там было только двое? — спросил Горюнов, заряжая ружье.

— Нет,— ответил Амнундак,— в их засадах меньше пяти не бывает, вы сейчас увидите.

Он отдал какой-то приказ, и несколько воинов нырнули в чащу. На дереве все было тихо. Вампу сообразили, что они выдают себя врагам, производя движение. Поэтому на стрелы, которыми часть воинов продолжала осыпать вершину дерева, никто не реагировал — вампу попрятались за ствол и толстые ветви. Но вот из ближайшей к дереву опушки выскочили несколько онкилонов с большими пучками хвороста; закрываясь ими от копий дикарей, они быстро подбежали к дереву, обложили хворостом подножие ствола и так же быстро скрылись; в хворост уже был заложен огонь, потому что кучи начали дымиться. Вампу, прятавшиеся в листве и наблюдавшие за действиями врагов, стрелявших в них с одной стороны, не заметили поджигателей. Но когда из хвороста повалил густой дым, поднимавшийся клубами в листву, с дерева опять раздался рев и несколько копий полетели в костер. Они только ухудшили дело — развороченный хворост запылал, и положение на дереве стало невыносимым. Вампу стали подниматься на самую вершину, но здесь листва была реже, сквозь нее показались темные фигуры, и еще один залп свалил двоих; один упал на землю, другой повис на ветвях головой вниз, совсем на виду; через минуту в нем сидел уже десяток стрел. Последний вампу перебрался на противоположную сторону, прополз на конец длинного сука и, ухватившись за него руками, согнул его и с высоты четырех метров спрыгнул на землю. Он помчался по поляне,— но онкилоны, уже обогнувшие ее, встретили его стрелами, и он упал, не добежав до опушки.

Амнундак подал сигнал звуками трубы, сделанной

из рога первобытного быка,— и из опушки поляны со всех сторон выскочили воины, сбегаясь к дереву, к которому уже подошел отряд с вождем и белыми людьми. Три вампу, упавших с дерева, не двигались: у них были пулевые раны, но онкилоны на всякий случай пригвоздили их копьями. Все они были похожи на того, с которым путешественники встретились при экскурсии: волосатые, мускулистые тела, звероподобные лица, космы волос. Но, очевидно, по случаю военных действий лица у всех были вымазаны красной охрой, что придавало им еще более отталкивающий вид. Один онкилон слазил еще на дерево, чтобы убедиться, что на нем никого не осталось. Он сбросил оттуда дубины и копья вампу, которые были свалены в догоравший костер.

Первая битва была выиграна без потерь для онкилонов. И отряд двинулся дальше по следам, продолжавшим идти теперь прямо на восток, к окраине котловины, где, очевидно, было стойбище. Засад больше не встретили; первая тоже скорее представляла наблюдательный пункт, который должен был дать стойбищу весть о приближении врагов, но, обнаруженный собаками, вероятно, не успел этого сделать.

Быстро прошли еще несколько километров. Низкорослость леса предупредила о близости окраины. Когда начались кусты, отряд остановился и прислушался — впереди были слышны крики и стук. Высланные разведчики подползли до опушки и сообщили, что стойбище — в пещере против тропы и вампу укрепляют его, наваливая глыбы камня перед входом. Получив эти сведения, Амнундак разделил онкилонов на три части: одна, с Ординым во главе, пошла на север по кустам, вторая, с Костяковым,— на юг. Отойдя с полкилометра, оба отряда должны были быстро перебежать безлесную полосу и затем двигаться с двух сторон к стойбищу вдоль подножия обрыва. Третий отряд прошел по тропе до опушки кустов и здесь, спрятавшись, стал выжидать подхода фланговых, чтобы сразу напасть на стойбище с трех сторон. Вампу усердно работали, сооружая стену из глыб, опоясывавшую вход в пещеру; понадеявшись на свою засаду, они не выставили караульных и не заметили приближения врагов. Стену возводили, очевидно, уже с утра, она достигла теперь до груди вампу. Человек двадцать

выбирали среди россыпи подходящие плоские камни и таскали их к стене, где другие их укладывали. Эти носильщики вдруг заметили перебегавших в отдалении через безлесную полосу онкилонов фланговых отрядов. Послышались тревожные крики; носильщики поспешили со своей ношей к стене.

— Нужно стрелять, пока они на виду,— сказал Горюнов.— Это произведет панику, и сопротивление будет менее ожесточенное при атаке.

От кустов до вампу было около четырехсот шагов. Горюнов и Горохов выстрелили. Вампу остановились, пораженные, так как слышали только гром и не видели вблизи врагов; они оглядывались во все стороны и обменивались криками со стоявшими за стеной. Другие в ужасе бросили камни и с дикими криками пустились бежать врассыпную: одни к стене, другие к кустам. За стеной раздавался звериный рев ужаса. Вампу, подбегавшие к кустам, попадали под стрелы онкилонов; часть упала, остальные повернули вдоль опушки. За ними погнались онкилоны.

За стеной никто не показывался, и, заметив, что фланговые отряды близко, Амнундак подал сигнал к атаке. Его отряд ринулся бегом, кроме нескольких, преследовавших беглецов через россыпи к стойбищу. Когда до стены оставалось шагов сорок, из-за последней появились плечи и головы вампу, и в нападавших полетели копья и камни; несколько онкилонов упали, но два выстрела с близкого расстояния снова поразили ужасом вампу, и они спрятались, растерявшись. В это время оба фланговых отряда ворвались через проходы, оставленные в стене у подножия обрыва, и у стойбища завязался рукопашный бой; фронтальный отряд, перебравшись через стену, присоединился к нему. Вампу защищались слабо, потому что револьвер Ордина постоянно возобновлял панику.

В несколько минут все было кончено: мертвые и раненые усеяли обширную площадку; десяток вампу, перескочивших стену и искавших спасения в бегстве, упали под выстрелами преследователей. В числе защитников пали и женщины, дравшиеся рядом с мужчинами.

Проникнув в пещеру, путешественники увидели в глубине ее сбившихся в кучу нескольких старух и десятка три детей, дрожавших от страха и испускавших

пронзительные вопли. Онкилоны стали растаскивать эту кучу, чтобы обнаружить своих похищенных детей, которых легко было отличить и по отсутствию волос на теле, и по более светлой коже, и по лицам; из барахтавшейся и визжавшей кучи вытаскивали детей одного за другим, причем дети вампу царапались и пытались укусить хватавшие их руки. Похищенные дети оказались в самой середине кучи, но в ужасном виде — с ссадинами, кровоподтеками, укусами, которыми их угостили «гостеприимные» хозяева. Нашли только семь девочек и двух мальчиков, а похищено было тринадцать — четырех мальчиков не хватало. Рассвирепевшие онкилоны вывели всех мальчиков вампу из пещеры и перекололи их; они хотели сделать то же со старухами и девочками, но путешественники упросили Амнундака прекратить избиение.

Осматривая все углы пещеры, обнаружили в самом тайном углу связанную по рукам и ногам женщину, покрытую кучей шкур. Когда ее вытащили на свет, оказалось, что это онкилонка, захваченная в самом начале весны вампу; несчастная едва не задохлась под шкурами, все тело ее было покрыто синяками и кровоподтеками от ударов ремнями и палками. Придя в себя, она рассказала, что ее били и истязали постоянно, особенно женщины, насмехавшиеся над ее голым, как у лягушки, телом. Когда началась атака на стойбище, старухи ее связали и спрятали под шкуры.

В пещере нашли также похищенное у онкилонов оружие, утварь, одежду и постели. Старух и девочек выгнали из пещеры, в которой сложили в кучу собранные на поле сражения дубины и копья вампу, и подожгли. За это время разведчики обнаружили в кустах поблизости от пещеры стадо похищенных оленей; вампу, не умея их пасти и не будучи в состоянии съесть всех сразу, привязали всех животных ремнями к кустам; не хватало только нескольких, которых могли потерять по дороге или успели съесть.

Уже под вечер онкилоны покинули наказанное стойбище, оставив трупы вампу там, где последних застала смерть; все раненые были приколоты сейчас же после взятия стойбища.

Уносся пятерых убитых и шестерых более сильно раненных, отряд онкилонов двинулся в обратный

путь; легко раненные шли сами, в том числе Ордин, получивший удар копьем в плечо. Они шли в середине отряда, где гнали также оленей, несли спасенных детей и возвращенное имущество, трупы и раненых на носилках. Двигались поэтому медленно и только к ночи вернулись на разграбленное стойбище, где женщины радостно встретили спасенных детей. Аннуир, увидев у Ордина руку на перевязи, подбежала к нему со слезами на глазах и стала его обнимать. Другой из новобрачных этого стойбища пришлось встретить своего мужа мертвым на носилках.

КЛАДБИЩЕ ОНКИЛОНОВ

Воины, расположившись вокруг костров, передавали друг другу и женщинам впечатления похода и битвы и обсуждали отдельные эпизоды, прославляя громы и молнии белых людей, благодаря которым удалось истребить целое стойбище вампу с такими небольшими потерями — по одному онкилону на десять вампу — и вернуть почти все похищенное. При прежних войнах соотношение бывало не такое — один онкилон на двух, в лучшем случае на трех вампу. Теперь последние долго не посмеют нападать.

Путешественники с Амнундаком, Аннуир и освобожденной женщиной сидели у отдельного костра. Горохов рассказывал Аннуир о походе.

Горюнов поинтересовался узнать кое-что о жизни вампу у онкилонки, выучившейся немного их языку. Она рассказала, что стойбище составляет как бы одну семью, потому что прочных связей между отдельными мужчинами и женщинами нет: все женщины принадлежат всем мужчинам, а дети считаются общими. Иногда мужчина убегает с женщиной, которая ему понравилась, в лес и живет отдельно; но остальные не мирятся с этим, и дело кончается убийством беглеца и возвращением женщины в пещеру. Жизнь мужчин проходит в охоте, еде и изготовлении оружия — дубин, копий, скребков; женщины собирают дрова, скоблят шкуры, делают ремешки, но дела у них тоже немного; они часами лежат у огня или на солнце и дремлют. Мясо едят обыкновенно сырым или чуть подпеченным на огне и наедаются после удачной охо-

ты до отвала; если нет мяса — голодают по целым дням или выкапывают какие-то корешки, собирают улиток, крупных жуков, лягушек. Спят вповалку вокруг костра, ногами к огню, на шкурах или прямо на земле, положив под голову камень. После удачной охоты и сытной еды пляшут вокруг костра до изнеможения или до драки из-за какого-нибудь пустяка. Боятся каких-то каменных, лесных и водяных духов и ночью ни за что никуда не пойдут в одиночку. Поклоняются медведю и какому-то большому зверю с пятой ногой на голове и огромными зубами, для которого женщины собирают грибы и корешки.

После ужина воины легли спать, женщины начали обряд оплакивания убитых; последних уложили рядом возле костра с копьем и луком в руках, щитом на коленях. Женщины распустили косы, сняли ожерелья и браслеты и, закрыв лицо руками, пели заунывные песни, в которых прославлялись доблести павших воинов; при пении они покачивались взад и вперед, сидя в головах покойников. Крот и Белуха вздумали было аккомпанировать этому пению своим воем, чем немало удивили онкилонок, которые подумали, что умные животные выражают людям свое сочувствие. Уняв собак, путешественники заснули под звуки этого заунывного пения.

День начался, как всегда, в густом тумане, сквозь который тускло светили костры. Женщины, закончив отпевание, готовили завтрак; чтобы накормить многочисленное войско, пришлось заколоть целый десяток оленей. Когда туман стал рассеиваться и проглянуло солнце, пришел шаман со своим учеником. Мертвых уложили на носилки, и весь отряд потянулся через лес на запад в глубоком молчании; только барабан на поляне провожал шествие редкими протяжными звуками, передавая по стойбищам весть о похоронах павших в бою. Женщины с детьми в шествии не участвовали.

В десяти километрах от стойбища дошли до западной окраины котловины, где среди каменной россыпи находилось главное кладбище онкилонов; оно представляло многочисленные могильные холмики, сложенные из камней; над каждым возвышалось копье, острием вверх. Более старые холмики уже осели над истлевшими трупами, копья покосились, иные

упали; на самых старых не было и этого знака, а камни покрылись густыми лишаями.

Положив покойников у опушки, воины занялись приготовлением могил: выбрасывая камни россыпи в стороны, они вырывали продолговатую яму не более метра глубиной. Когда могилы были готовы, к каждой поднесли покойника и положили его ногами на юг, с вытянутыми по бокам руками, с луком с одной и колчаном стрел с другой стороны; лица закрыли куском кожи, копье поставили в головах и затем заложили могилы вынутыми из них камнями. Детские черепа и кости, собранные в пещере вампу, сложили в одну могилу, ничем не украшенную.

Во время этих действий шаман, взобравшись на большую глыбу, лежавшую среди кладбища, бил в бубен и глухим голосом пел какие-то заклинания, очевидно отгоняя злых духов от свежих могил, чтобы они не нарушили покой мертвых. Воины, не участвовавшие в приготовлении могил, стояли большим кольцом вокруг, опираясь на копья. Когда могилы были закрыты, все воины, как один человек, подняли руки к небу, затем закрыли ими лицо и испустили протяжный вопль, хорошо знакомый путешественникам; но здесь, вырвавшийся из пятисот глоток и затем повторенный отражением от стены, он произвел потрясающее впечатление. Его повторили три раза, после чего отряд отошел к опушке и расположился на отдых.

Путешественники воспользовались случаем и осмотрели окраину котловины. Туман рассеялся, утреннее солнце ярко освещало черные скалы, круто поднимавшиеся уступами на головокружительную высоту; наверху видны были остроконечные вершины, в расселинах которых белели снега; от них по уступам местами скатывались тонкими струйками водопады. Иногда вверху от снежного поля отрывалась глыба подтаявшего снега и, скользя по обрывам, разбиваясь на комья, мягко шлепалась у подножия стены. В синеве неба медленно плавала пара орлов, высматривая на уступах неосторожного ягненка или на россыпях отставшего от оленей теленка. В воздухе царила полная тишина, и эти многочисленные холмики среди россыпи, покрытой зелеными, желтыми и красными лишаями, на грани между огромной черной стеной с

белыми зубцами и зеленой полосой леса под безоблачным небом вызывали торжественное настроение. Мертвые ушли из зелени лесов и лугов, где они жили, любили, воевали, в это убежище на рубеже земли, под сень черных скал, на которых фантазия невольно рисовала себе надпись огненными буквами: «Здесь царство вечного покоя».

В нижней части обрыва против кладбища путешественники заметили большую пещеру, вход в которую был защищен валом из камней. Амнундак рассказал, что в пещере прежде жила большая орда вампу и здесь произошло одно из крупных сражений, в котором пало много онкилонов. Орду истребили до последнего человека, а россыпь близ пещеры выбрали под кладбище, потому что оставшиеся в живых онкилоны могли унести только своих раненых. С тех пор всех воинов, павших в бою с вампу, хоронят на этом кладбище.

— Видите, белые люди,— закончил Амнундак, указывая на многочисленные могильные холмики,— сколько храбрых воинов нашего племени нашли смерть от руки вампу! Вы поймете теперь, почему мы их так ненавидим. Мы не можем жить спокойно, пока хоть один из них остается в живых на нашей земле.

В пещере повсюду валялись полуистлевшие человеческие кости и черепа; медведи, волки, орлы некогда устроили здесь обильное пиршество, когда онкилоны, одержав победу, ушли, оставив трупы вампу в пещере. Судя по состоянию костей, это произошло уже несколько веков тому назад: многие кости рассыпались в прах при прикосновении. Но кремневые наконечники копий, скребки, ножи, валявшиеся всюду, хорошо сохранились, и путешественники собрали целую коллекцию этих изделий первобытного человека. Таким образом, эта пещера представляла второе кладбище, но печальное, в сыром полумраке, под нависшими сводами, закопченными многолетними огнями.

Разглядывая пещеру, путешественники не могли не подумать, как мрачна была жизнь этих первобытных полулюдей-полузверей, боровшихся за свое существование самыми примитивными орудиями, то терпевших голод, то объедавшихся обильной добычей,

подобно хищникам; они укрывались от холода в мрачных убежищах, оспаривая их у свирепого медведя или пещерной гиены; в течение длинной полярной ночи они дрожали под жесткими, грубо выделанными шкурами и коротали время только едой, сном и оббиванием кремня для своих орудий. Бросалось в глаза, насколько выше стояли, счастливее и веселее жили онкилоны, тоже люди каменного века; но они имели одежду, утварь, родовые обряды и празднества, жили среди зелени лесов и лугов, в жилищах более светлых и теплых; они умели разнообразить свою пищу, обделывать кость и кожу; у них уже были стада домашних оленей. Сравнение форм тела онкилонов и вампу, особенно черепа, наглядно показывало, как далеко человечество ушло в своем развитии за десятки тысяч лет, отделявшие палеолитический век от неолитического.

В этой уединенной Земле Санникова, отрезанной льдами от остального мира, уцелели благодаря этому как животные, вымершие или истребленные повсюду, так и первобытный человек, остановившийся в своем развитии на низкой ступени вследствие оторванности от остальной земли, где все постепенно изменялось и совершенствовалось. Условия жизни вампу остались те же, как и в то отдаленное время, когда эта земля отделилась от материка и была окружена поясом льдов; климат остался тот же, пищи было довольно, и до прихода онкилонов не было побудительных причин для выработки более совершенного образа жизни.

От Амнундака путешественники узнали, что вампу уже заимствовали кое-что у онкилонов; раньше они не знали даже огня и проводили зиму возле горячих источников, где устраивали себе навесы из сложенных друг на друга камней. Научившись добывать огонь, они стали проводить и зиму в пещерах, лучше защищавших от стужи и снега. Они стали поджаривать мясо, хотя продолжали есть его и сырым; начали вырезывать из дерева грубые чашки и сшивать ремешками из шкур одеяла и плащи для холодного времени; делали также из кости наконечники копий, хотя предпочитали все-таки кремневые, более прочные.

На вопрос Ордина, откуда вампу берут кремень

для своих орудий, Амнундак не мог дать ответа: онкилонам это место не было известно; они употребляли или кость, или осколки более крупных миндалин халцедона, агата или сердолика, которые попадались в базальте окраин котловины. Выделка наконечников из этого материала требовала очень много времени и производилась только во время досугов длинной полярной ночи при свете костра в землянке. Кремня в базальте не было, и пришлось предположить, что где-то во владениях вампу в обрывах окраины находятся и другие породы, например известняк или мел, нередко содержащие кремень. Это побуждало совершить новую экскурсию, уже в глубь земли вампу.

Закончив осмотр пещеры, путешественники и Амнундак вернулись к отряду. Воины были распущены по домам, и часть разошлась по тропам; но часть, жившая южнее, вместе с Амнундаком пошла по дороге вдоль окраины котловины. Путешественники воспользовались случаем, чтобы познакомиться с новыми местами. При общем однообразии дорога представляла в разных частях известные особенности: то обрыв спускался с головокружительной высоты почти отвесной стеной, у подножия которой лежали кучи таявшего снега, время от времени возобновляемого падавшими сверху небольшими лавинами; то обрыв распадался на уступы разной высоты, представляя убежище для каменных баранов, бурые фигуры которых можно было наблюдать время от времени; то узкая расселина, мрачный коридор между нависавшими стенами, острыми выступами и скалами, изрезанными водой и ветром и напоминавшими фантастические фигуры людей и животных, тянулись снизу вверх. Но такая расселина была доступна только каменным баранам, а не людям, и подняться по ней наверх было невозможно. Местами, выдвигаясь вперед, нависали огромные каменные толщи, подобно выпяченному брюху какого-то чудовища, по которому отдельными струйками скатывалась вода. В одном месте, на высоте сотни метров, из отверстия в отвесной стене вырывался серебристой дугой водопад, питаемый снегами вершин, и, рассыпаясь в водяную пыль, падал на камни россыпи. Повсюду виден был тот же базальт — то почти плотный, то пузыристый в виде лавы, то шлаковый, то изобилующий красивыми миндалинами

разных цветов, которые так ценились онкилонами для женских украшений и для орудий.

В одном месте на высоте двухсот метров Горохов заметил каменного барана, который стоял на узком уступе, резко выделяясь на черном фоне стены; животное чувствовало себя в полной безопасности от двуногих, ползущих глубоко внизу.

— Кто из ваших воинов сможет пронзить стрелой этого барана? — спросил Горохов.

Амнундак покачал головой и сказал:

— Наши стрелы не долетят до него.

— А наши молнии долетят, и мы добудем себе баранину на ужин.

Амнундак смерил глазами расстояние и снова покачал головой.

— Ну, Никита, похвастал, так не ударь лицом в грязь перед онкилонами! — сказал Горюнов.

Горохов зарядил свою берданку, припал на колено и для верности положил ствол на развилину куста; баран казался небольшим бурым пятном, в которое попасть было нелегко. Амнундак и воины в ожидании столпились вокруг стрелка. Долго целился якут, наконец грянул выстрел, повторенный утесами несколько раз. Бурое пятно покачнулось, метнулось вперед и сорвалось с уступа. Баран летел вниз, ударяясь рогами о выступы скал и отскакивая от них подобно мячу; огромные рога и поджатые ноги мелькали в воздухе; наконец масса рухнула у подножия стены. Онкилоны закричали и побежали за добычей.

— Далеко бьет молния белых людей, никто не может спастись от нее! — сказал Амнундак.— Если бы у онкилонов было десять таких молний, то, прежде чем солнце скроется на зиму, не осталось бы ни одного вампу на нашей земле.

По дороге постепенно один отряд воинов за другим отделялся, сворачивая в лес к своим стойбищам; наконец свернули и последние, и, миновав землянку шамана, которому поднесли голову барана, путешественники вышли на поляну к своему жилищу. Аннуир все время сопровождала их, но на поляне помчалась вперед, чтобы встретить мужа на пороге землянки вместе с остальными женщинами, как полагалось по обычаю племени.

ОХОТА НА ОХОТНИКОВ

Путешественники провели больше недели в своей землянке, отдыхая от экспедиции к вампу и обучаясь языку онкилонов; в болтовне с женщинами это было нетрудно, и уроки вокруг пылающего костра с чашкой чаю в руках или трубкой в зубах превращались в часы веселья с шутками и смехом; женщины, в свою очередь, учились говорить по-русски, и к концу недели обе стороны уже достаточно понимали друг друга. Привлекаемый смехом, доносившимся из землянки, Амнундак нередко заходил к белым людям, но при нем женщины вели себя чинно, а путешественники также старались не уронить свое достоинство.

Было уже начало июня, и солнце не сходило с горизонта; но, опускаясь к полуночи к северной окраине котловины, оно постоянно скрывалось часа на два за какой-то завесой из белых туч или густого тумана, и наступали сумерки. Путешественники обыкновенно уже спали в это время, но как-то раз Горюнов, выйдя из землянки, заметил это явление и позвал своих товарищей.

Расспросив женщин, они узнали, что это наблюдается всегда, потому что в этой стороне «из земли идет большой пар, как из посуды, в которой кипит суп, или как из чайника»,— пояснили они. Это, конечно, очень заинтересовало путешественников, и они решили непременно проникнуть в землю вампу и выяснить, в чем дело.

Но сначала нужно было проведать базу и Никифорова. Эту экскурсию совершили все, кроме Аннуэн, оставшейся при землянке. Никифоров не скучал в одиночестве: кроме забот о собаках и их корме, он был занят заготовлением топлива и мяса на зиму и в солнечные часы вялил мясо, разрезанное на полосы и развешанное на ременных арканах. Но приходилось охранять это мясо как от собак, которых он днем отпускал на волю, так и от хищных птиц. Казак нередко забавлялся тем, что подстреливал слишком дерзкого орла, хватавшего мясо, и птица потом попадала на тот же аркан, так как годилась в качестве собачьего корма. Снеговые сугробы заметно оседали и с поверхности оледенели, так что подняться наверх нельзя было, не вырубив во льду ступеньки. Казак не поле-

нился сделать это и время от времени лазил на гребень наблюдать состояние моря. Последнее сильно изменилось за месяц, проведенный путешественниками на Земле Санникова: открытая вода расширилась и придвинулась так близко, что ее хорошо было видно. На ней часто висел туман, но в иные ясные и ветреные дни последний рассеивался, и вдали на горизонте чуть показывался остров Котельный, на котором все еще лежал снег и только кое-где чернели проталины.

Женщины, никогда не видевшие окрестностей земли, на которой жили, поднявшись наверх, пришли в ужас от ледяной и снеговой пустыни, которая предстала перед ними во всем своем удручающем величии, и жалели белых людей, которые живут среди снега большую часть года.

— Поэтому вы такие белые,— решили они.

— Ну как, Аннуир, ты пойдешь со мной туда, на юг, когда я уйду из вашей земли? — спросил Ордин.

Аннуир энергично потрясла головой:

— Нет, там слишком холодно, снег и лед, и больше ничего. Смотри, там у нас лето, тепло, а здесь зима.

— Тогда я уйду без тебя, и ты останешься вдовой.

— Нет, ты тоже не уйдешь! Вы все останетесь с нами, так сказал Амнундак. И вы обещали...

Наверху пробыли недолго; довольно резкий ветерок, веявший с ледяных полей, казался легко одетым женщинам очень холодным. И они были рады, когда очутились внизу у костра, вокруг которого провели и ночь. За эту экскурсию к снегам женщины были вознаграждены бусами и зеркальцами, которые путешественники разыскали в своей клади, оставленной на базе.

В этот раз забрали из нее и все подобные вещи, взятые на случай встречи с онкилонами, чтобы раздарить их на стойбище Амнундака; бусы, зеркальца, иголки, блестящие пуговицы, яркие ленты, медные кольца и серьги с фальшивыми камнями и коралловое ожерелье для жены вождя должны были возбудить восторг онкилонок, а несколько ножей, топор и ручная пила — удовлетворить мужчин и побудить Амнундака дать надежный конвой для экскурсии в глубь земли вампу.

Вернувшись в стойбище, прожили еще дня три и убедили Амнундака после долгих разговоров согласиться на их экскурсию в северную часть котловины.

— Хотя ваши молнии поражают наверняка и птиц, и зверей, и людей,— сказал он,— но вампу очень хитры и могут напасть на вас из засады или ночью среди тумана. Поэтому я дам вам в спутники двенадцать лучших молодых воинов, которые будут охранять ваш сон, нести ваши вещи и разведывать безопасную дорогу.

На следующий день отряд из семнадцати человек, хорошо вооруженных, отправился в путь. Аннуир упросила Ордина взять и ее с собой и тоже вооружилась копьем и луком со стрелами, несмотря на насмешки онкилонов и запугивание женщин. Но ей хотелось видеть новые местности, а Ордин думал приучить ее к путешествиям, чтобы потом увезти с собой на материк; она ему очень нравилась и со своей стороны горячо полюбила его.

В первый день дошли до разоренного вампу стойбища. Землянка была уже восстановлена, и жизнь брала свое: женщины хлопотали, дети шалили и резвились, не видно было только стариков и старух, истребленных вампу. Переночевав у стойбища, пошли дальше прямо на север. Поляны с озерами чередовались с лесами, но последние постепенно становились менее густыми, а диких животных встречали меньше. На ночлег остановились на поляне на берегу озера, которое в центре вскипало бугром через каждые десять минут и имело такую теплую воду, что путешественникам захотелось основательно помыться. Пока воины разводили костер и резали мясо для ужина, путешественники отошли немного от лагеря, быстро разделись и бросились в воду. Плеск воды обратил на себя внимание воинов, которые вскочили в ужасе. Хотя они не питали такого отвращения к воде, как, например, монголы, которые не мылись никогда, но, подобно другим народам Севера, где вода слишком холодна, они не знали купанья. Поэтому они подумали, что белые колдуны, порученные их попечению, хотят скрыться из земли онкилонов, превратившись в рыб или тюленей.

— Анну, смотри, твой муж и другие колдуны сейчас исчезнут — они ушли в озеро! — вскричал один.

Аннуир, занятая также стряпней, вскочила и побежала к берегу, за ней — все онкилоны. Путешественники были уже в воде и плавали, видны были только их головы.

— Вот они уже превратились в нерпу! Смотрите, смотрите! — кричали собравшиеся на берегу.

Но Аннуир, уже немного цивилизовавшаяся и кое-что знавшая, после первого испуга успокоилась — она узнала лицо Ордина и стала смеяться над онкилонами. Впрочем, последним пришлось удивиться еще больше. Когда путешественники вылезли на берег и, растирая себе тело и голову, стали покрываться чем-то белым, похожим на снег, воины, не имевшие понятия о мыле, были поражены.

— Вот смотрите, на этих колдунах вода замерзает и переходит в снег! — говорили они друг другу.

Опять Аннуир, которая уже узнала употребление мыла, объяснила онкилонам, в чем дело. Но они успокоились, только когда белые люди оделись и вернулись к костру, где все воины исподтишка внимательно осматривали их — нет ли какой перемены.

Пока все ужинали, Аннуир, захватив мыло, тоже побежала купаться, отойдя подальше от лагеря. Не умея плавать, она не пошла далеко в воду и мылилась у самого берега. Когда она вернулась, все воины подняли ее на смех.

— Ты натерлась снегом, чтобы стать белой, как твой муж! Не побоялась полезть в воду, где водяной дух мог схватить тебя за ноги и утащить в глубину. Но ты осталась такой же черной, как была! — так подсмеивались ее соплеменники.

Аннуир потом призналась Ордину, что в воде ей было ужасно жутко: ей все время казалось, что вот-вот кто-то схватит ее за ноги и утащит. Как все онкилоны, она верила в существование злых духов, живущих в воде, в лесах, в пещерах, в духов тумана и метели. И только желание во всем подражать ему заставило ее полезть в воду.

— В другой раз я пойду в озеро вместе с тобой. Но ты должен мне показать, как ты делаешь, чтобы плавать, как нерпа,— заявила она.

Во время ночлега два воина поочередно держали караул вместе с Кротом и Белухой, которые уже подружились с онкилонами, получая от них полуобгло-

данные кости и обрезки мяса. Бдительность собак стала цениться воинами, которые выражали сожаление, что их предки не захватили с собой несколько подобных животных.

— Отчего бы им не поймать и не приучить волчат? — спросил Горохов.

— Волк никогда не становится ручным,— пояснил ему Горюнов.— Разве что поймать волчицу и скрестить ее с нашими псами. У нас, к сожалению, в своре нет сук.

Онкилоны отнеслись с недоверием к этому предложению, но сказали, что поймать волка не так трудно.

Еще день прошел в пути на север. Леса становились все ниже и редели, трава на полянах была менее густая; быки и лошади попадались не часто и были очень осторожны — очевидно, преследования вампу выучили их не доверять человеку. Зато чаще попадались носороги, которые сами наводили ужас на вампу и не боялись копий и дубин.

Под вечер перед выходом на одну поляну разведчики, шедшие с собаками вперед, остановили отряд известием, что появились вампу. Спрятавшись в кустах опушки, стали наблюдать.

На поляне паслось несколько быков; один стоял немного поодаль и, очевидно, дремал, пережевывая жвачку. Сзади по траве к нему медленно ползли пять или шесть вампу.

Подползши шагов на двадцать к быку, передний вампу быстро поднялся и пустил одно за другим два копья; остальные, вскочив, забегали с боков, подняв копья и готовясь к нападению. Одно из копий попало в крестец и врезалось в кожу; бык взревел от испуга и боли и, заметив врагов, бросился на них, опустив голову и выставив вперед свои громадные рога; вампу успели вовремя отскочить, и животное пронеслось мимо, получив еще по одному удару копьем в каждый бок; но кремневые наконечники, очевидно, недалеко проникали сквозь толстую шкуру, так как копья сейчас же выпадали. Рассвирепевший бык повернул кругом, неожиданно настиг одного из охотников и взмахом головы подбросил его довольно высоко; но другие вампу снова метнули копья и отвлекли внимание быка от упавшего человека.

Увидев, что на него нападают с разных сторон, бык предпочел искать спасения в бегстве и помчался по поляне вслед за остальными. Вампу пустились за ним, но, несмотря на быстроту своих ног, сразу стали отставать. Несколько брошенных копий не произвели впечатления на мчавшееся во весь дух животное.

— Не удалась им охота! — сказал Горюнов.— Теперь подстрелим быка у них на глазах, но, конечно, не для них.

Бык бежал теперь шагах в двухстах от наблюдателей, а четыре вампу — шагах в тридцати позади; пятый остался на месте своего падения. Вампу бежали огромными шагами, сильно наклонив корпус вперед; их космы развевались по ветру; у каждого в руках осталось только одно копье. Они надеялись, что от потери крови бык ослабеет и даст себя догнать. И вдруг он на полном ходу рухнул на землю. В пылу погони вампу или не слышали выстрела, или не поняли, в чем дело. Издавая рев торжества, они подбежали к животному и принялись исполнять вокруг него свой танец победы.

— Придется попугать их,— сказал Ордин.— Иначе мяса нам не видать.

— Да и вообще нужно очистить себе дорогу дальше на север и заставить их улепетывать к пещерам.

Горохов поднял берданку и выстрелил. Вампу сначала оцепенели на месте, но потом, испуская вопли ужаса, помчались обратно по поляне; поднялся и помятый быком и, хромая, поплелся вслед за ними. Онкилоны немедленно выскочили на поляну и издали свой военный клич, чтобы выстрел в представлении вампу соединился с этим кличем в одно событие.

— Будем ночевать здесь! — заявил Горюнов.— Ужин готов, вампу не посмеют вернуться.

Пока онкилоны потрошили быка, путешественники разыскали среди поляны озерко, скорее прудок, не имевший стока, с чуть тепловатой водой; его берега отвесно уходили вглубь, и оно казалось очень глубоким. Возле него расположились на ночлег, принесли к нему пласты мяса, оставив лишнее на поживу орлам и волкам. Запылал костер, и все занялись приготовлением ужина. Ордин пошел с котелком к озерку; чтобы зачерпнуть воды, ему пришлось лечь на земля — так низок был уровень озерка. И вот, опуская

руку с котелком, он заметил, что вода как будто поднимается навстречу; он стал медленно поднимать котелок — вода следовала за ним, словно притягиваемая магнитом.

Выше и выше поднималась вода и наконец сровнялась с поверхностью берега.

— Вода выступает из озера! — воскликнул Ордин, вскакивая на ноги.

На этот возглас все сбежались к берегу и с удивлением смотрели на переполненное до краев озерко.

— Надо собирать вещи и уходить дальше,— заявил Костяков.

Онкилоны начали шептаться и с суеверным ужасом смотрели на воду в ожидании, что из нее покажется голова какого-нибудь чудовища. На лице Аннуир отражался попеременно страх и смех, так как, взглядывая на Ордина, она заметила, что он улыбается. Она уже усвоила мысль, что белые люди все знают, все могут и ничего не боятся.

Но прежде чем онкилоны приняли решение бежать, вода в озерке стала медленно понижаться и через несколько минут заняла свой первоначальный уровень. Горохов облегченно вздохнул.

— Ушел, ушел обратно вглубь, испугался, видно! — промолвил он.

Ордин, Горюнов и Костяков рассмеялись — они догадались, что это был новый вид озер с подземным питанием; на дне его, очевидно, было жерло, уходившее далеко вглубь и заполненное водой; время от времени пары и газы поднимали воду вверх, а затем находили себе выход по какой-нибудь боковой трещине, не вырываясь из воды, как в других озерах; в результате вода понижалась. Оставалось проследить периодичность этого явления, чтобы убедиться в правильности объяснения. Ордин вынул часы.

— Теперь я понимаю, как животные пользуются этим озером для водопоя,— сказал Горюнов.— Они выжидают, пока вода не поднимется до краев.

— Да, а я недоумевал при виде обрывистых берегов и отсутствия спусков к воде, вытоптанных животными,— подтвердил Ордин.

— А иной зверь, пожалуй, не успеет напиться, глядь — вода у него из-под носа ушла! Поди дожидайся, пока она поднимется.

Ждать действительно пришлось долго: успели сварить и сжарить ужин и съесть его, когда вода опять постепенно стала подниматься; промежуток оказался равным почти часу.

Едва солнце успело скрыться за завесу паров северной части котловины, как оттуда надвинулся густой туман, и сразу стало почти темно. Но на ночь дрова были запасены, и у костра было светло и тепло. Беседовали об озерах этой странной земли с их периодическими извержениями, которые онкилоны объясняли игрой водяных духов.

Они сообщили, что в северной стороне есть долина Тысячи Дымов, где из земли повсюду идет дым и где земля так горяча, что жжет ноги через обувь. Они сами не бывали там, но слышали об этом от стариков, которые в молодости участвовали в большом набеге на вампу, предпринятом дедом Амнундака.

В этой долине вампу прежде проводили зиму.

Разговор был прерван протяжным воем, донесшимся из леса; собаки ответили на него яростным лаем.

— Волки близко — почуяли падаль,— сказал Горохов.

— А вот и случай поймать волчицу или двух,— предложил Горюнов.

Онкилоны заявили, что это нетрудно, что они в зимние ночи охотятся на волков, тревожащих оленьи стада, облавой с огнем. Для поимки волчицы у них оказалась сеть, сплетенная из тонких ремешков и употребляемая для ловли ленных гусей. Стали готовиться к облаве. Из кучи топлива, заготовленного на ночь, выбрали смолистые стволы сухих молодых лиственниц, разломали их на куски в полметра длиной и привязали к копьям; такие факелы наготовили для всех участников и положили на костер. За это время волки собрались у остатков быка, откуда доносилось ворчанье, визг, хруст костей,— свора хищников пировала, пользуясь мглой.

Когда факелы разгорелись, онкилоны и путешественники с факелами в одной руке, копьем или ружьем в другой бегом окружили место пира и затем, наклонив факелы вперед, почти до земли, и размахивая ими вправо и влево, стали сходиться к центру, где были волки, окруженные огненным движу-

щимся кругом. Вскоре сквозь туман можно было разглядеть кучу серых хищников, столпившихся у трупа; поджав хвосты, оскалив зубы, они стояли, растерявшись, не видя лазейки для бегства в колеблющемся и все приближающемся страшном кольце. Звери завыли, начали метаться, прыгая друг на друга, и, наконец, обезумев, бросились по два и по три в разные стороны.

Но уйти удалось немногим: онкилоны ловко подкалывали их копьями или, ударив факелом по морде, отгоняли назад. Воин, имевший сеть, накрыл ею волчицу, пытавшуюся прорваться,— она сразу запуталась и повалилась. Оставшиеся в живых волки вернулись к трупу и, дрожа, прижавшись друг к другу, щелкая зубами, уже не пытались бежать; несколько выстрелов покончили с ними. Подняв факелы, онкилоны теперь добивали волков, лежавших в разных местах; среди раненых нашли еще волчицу, накрыли ей голову одеждой и, связав все четыре ноги вместе, унесли, подвесив на копье.

Подобрав всех волков, которых оказалось одиннадцать, вернулись к костру и занялись снятием шкур.

Для каждой из пойманных волчиц вбили в землю три колышка, к двум притянули ремнями передние и задние ноги, к третьему шею, так что животное не могло достать зубами ни один ремень. После этой оригинальной охоты улеглись спать вокруг костра, оставив, по обыкновению, караульных, которые должны были присматривать за волчицами и охранять их от Крота и Белухи; последние долго не могли успокоиться, выражая желание расправиться со своими беспомощными врагами.

ДОЛИНА ТЫСЯЧИ ДЫМОВ

За утренней едой среди густого тумана обсуждали вопрос, как увести с собой волчиц: одни предлагали нести их поочередно на плечах, другие — в носилках, устроенных из шкуры убитого быка. Всего проще было заставить их бежать на собственных ногах, но не было ни цепи, ни проволоки, чтобы сделать повод, который был бы недоступен их острым зубам.

Наконец догадались: сделали широкие кожаные ошейники и намордники; ошейники привязали к концам шомпола от берданки Горохова. Таким образом, волчицы шли рядом, как быки в ярме; один онкилон вел их за ремень, другой подгонял сзади. Сначала звери упирались всеми четырьмя ногами, ложились; но после того как на них пустили собак, которые стали покусывать их сзади, они смирились и поплелись, поджав хвосты, за людьми.

Как только туман поредел, пошли на север. Растительность становилась все более чахлой, попадались целые полосы засохшего низкорослого, но старого леса; на полянах площадки редкой травы перемежались с совершенно голыми, почва которых представляла выветрившийся базальт. Через несколько километров встретили расселину в почве, над которой поднимался легкий дымок.

Ордин, наклонившись, приложил руку к трещине, но быстро отдернул ее — так горяч был воздух, выходивший из глубины. Чем дальше, тем больше встречалось таких расселин и воздух становился горячее; путешественникам казалось, что они попали в хорошо натопленную баню, тем более что пары застилали всю окрестность подобно легкому туману. Онкилоны давно уже сбросили свои куртки и шли обнаженные до пояса; не выдержали и путешественники и последовали их примеру. Наконец и Аннуир спустила с себя кофту-панталоны и осталась в одном пояске, заявив с некоторым смущением, что жарко, как в жилище, когда горит хороший огонь.

Участок более густого тумана привлек к себе внимание: оказалось, что среди него из нескольких отверстий вырываются клубы пара с легким свистом или тяжелым дыханием.

— Вот уже настоящие фумаролы[1]! — воскликнул Ордин.

Чем дальше, тем больше становилось этих отверстий, рассеянных среди голой бугроватой поверхности черной лавы. Казалось, что вся земля тлеет в глубине

---

[1] Фумаролы представляют струи газов и водяных паров, выделяющихся на склонах и в окрестности действующих вулканов, а также из застывающих потоков лавы, нередко и в кратерах потухших вулканов.

и дымит; теплота почвы чувствовалась уже через обувь.

Когда прошли километр, другой по такой местности и остановились передохнуть и оглянуться, то нельзя было не удивиться представившейся картине. Со всех сторон то тут, то там из почвы вырывались клубы пара, поднимавшиеся в спокойном воздухе курчавыми колоннами вверх, где под косыми лучами солнца играли обрывки радуг. Можно было подумать, что дымят бесчисленные трубы невидимого города в ясный и тихий морозный день. В промежутках между белыми колоннами на западе, севере и востоке чернели высокие обрывы окраин котловины, которые отстояли здесь уже только в пяти-шести километрах. То тут, то там показывались очертания острых вершин с полосами или пятнами снега, ярко блестевшими под лучами солнца. Эти белые снега и белые столбы с одной стороны, черные обрывы и черная почва — с другой представляли редкое сочетание двух противоположных цветов.

Тишина нарушалась нередко то резким свистом, то гудением какого-нибудь отверстия.

— Черная дымящаяся пустыня! — воскликнул Горюнов.

— Вот она, долина Тысячи Дымов! — сказал Ордин.

— Обиталище злых духов! — заявил старший из онкилонов.— Это дымятся их костры в подземных пещерах.

С разными чувствами созерцали эту редкую картину люди отряда: белые — с интересом, смуглые — с суеверной тревогой. Более широкий столб пара впереди привлек внимание. Когда приблизились к нему, оказалось, что он поднимается из озерка диаметром всего метров в шесть, в котором вода клокотала, словно в большом котле.

Горюнов достал из котомки кусок сырого мяса, привязал его к концу ремешка и спустил в воду. Подбрасываемое струями кипящей воды, мясо вертелось, ныряло и в несколько минут сварилось.

— Прекрасное место для ночлега! — заметил Ордин.— Нет дров, но есть готовый котел, в котором можно сварить ужин и взять кипятку для чая.

На дальнейшем пути на север встретили еще не-

сколько кипящих озер разной, но небольшой величины. Самые маленькие — в один-два метра в диаметре — кипели спокойно, выделяя много мелких пузырей; большие кипели бурно, и вся поверхность их волновалась, вздымаясь ключами то тут, то там. Обратили внимание, что отвесные стенки над поверхностью воды и почва вокруг озер кое-где были покрыты белым налетом, словно снегом. Последний возле кипящей воды казался бессмыслицей. Наскребли пробу этого налета, и оказалось, что это какая-то соль, очень едкая и неприятная на вкус.

— Но если выделяется соль, вода тоже должна быть соленой и не годной для чая,— заметил Горюнов.

Попробовали воду — она оказалась не совсем пресной, но все-таки годной для питья.

Пробираясь между кипящими озерками и дымящими расселинами, уже недалеко от окраины котловины наткнулись на большую плоскую впадину диаметром сотни в две шагов и глубиной метров в пятнадцать—двадцать.

Дно плавно изгибалось, так что напоминало большую чашу, но воды не было. Всматриваясь через легкую дымку, стлавшуюся по дну, заметили, что в расселинах почвы то тут, то там вспыхивают синие огоньки. Ордин захотел осмотреть их поближе и спустился вниз, но через несколько шагов быстро повернул обратно, зажимая нос и рот. Он сказал, что начал задыхаться от паров серы и хлора, заполнявших горячий, как в печке, воздух.

В бинокль можно было различить, что на черной почве дна повсюду желтеют и белеют полосами и пятнами густые налеты, очевидно, серы и нашатыря.

— Ну, Павел Николаевич,— сказал Ордин Костякову, когда отдышался,— теперь и вы не станете отрицать, что Земля Санникова — кратер колоссального вулкана, еще не вполне потухшего.

— Конечно. Эти базальтовые обрывы со всех сторон, гейзеры и озера с пузырями — на юге, кипящие озера и фумаролы — на севере, эта ядовитая яма — все это не оставляет ни малейшего сомнения,— подтвердил Горюнов.

— Но ведь онкилоны живут здесь четыреста лет, вампу и животные гораздо дольше. В южной полови-

не густая растительность — следовательно, вулкан давно уже не действовал,— возразил Костяков.

— Несомненно; но ясно также, что он прекращал свою деятельность постепенно с юга к северу, потому что признаки здесь гораздо ярче. Может быть, в то время, когда вампу уже населяли южную часть, в северной еще выливалась лава.

— Онкилоны этого уже не застали,— подтвердил Ордин.— Они знают только о дыме «подземных духов».

— А не может ли вулкан в один прекрасный день проснуться от своей долгой спячки и натворить беды? — спросил Горюнов.

— Вполне возможно. Потухшими в полном смысле слова можно считать только вулканы, не действовавшие целые геологические периоды и уже более или менее разрушенные. За все прочие поручиться нельзя, и их правильнее называть заснувшими, потому что они могут проснуться. Мы знаем примеры, когда вулканы, считавшиеся потухшими, вдруг начинали действовать. Вспомните Везувий, в кратере которого, заросшем густым лесом, спасался Спартак, предводитель восставших рабов. Никто не считал эту гору вулканом, о ее деятельности не сохранилось даже преданий. И вдруг в семьдесят девятом году нашей эры она проснулась и уничтожила Геркуланум и Помпею и с тех пор действует до наших дней.

— А Лысая гора на Мартинике,— вспомнил Горюнов.— До половины восемнадцатого века она спала, и туземцы ничего не знали о ее прошлой деятельности. Потом стала просыпаться, но просыпалась полтораста лет, еле подавая признаки жизни, и только в начале двадцатого века произвела страшное извержение, в несколько минут погубившее целый город Сен-Пьер и тридцать тысяч жизней.

— И таких примеров можно привести еще много из обеих Америк, Зондских островов, Камчатки,— прибавил Ордин.

— Пробуждение этого вулкана было бы бедствием для онкилонов,— заметил Костяков.

— Смотря по тому, как и где возобновится деятельность. Если она ограничится северной частью котловины, которая и теперь бесплодна и не населена, и если будет не сильна, онкилоны будут спокойно

существовать недалеко от вулкана. Но если извержения начнутся в южной части, можно ждать самого худшего.

— Мне кажется,— ответил Ордин,— что это обилие фумарол, кипящих озер, гейзеров в котловине показывает, что вулканическая деятельность может возобновиться не сегодня-завтра — словом, в любое время, хотя такое состояние котловины тянется уже сотни лет, по словам онкилонов. Но ведь они очень редко посещают эту местность, и показания их ненадежны. Тут нужно правильное наблюдение.

— Ну, будем надеяться, что при нас ничего не случится и Земля Санникова с ее живыми окаменелостями просуществует еще столетия,— пожелал Горюнов.

Обогнув удушливую впадину, путники вскоре дошли до северной окраины котловины, представлявшей тот же отвесный или уступчатый обрыв из базальта, как и в других местах; он поднимался, на взгляд, не меньше чем на тысячу метров. Вследствие полного отсутствия растительности, даже лишаев, этот край производил еще более мрачное впечатление. Но, оглядевшись кругом, наблюдатель оказывался перед еще более поразительной картиной: на небольшом расстоянии от подножия черной стены тянулась белая стена долины Тысячи Дымов, в которую сливались издали столбы паров; эта стена не была неподвижна, а слегка волновалась, клубилась, и под лучами низкого солнца на ее волнистом гребне то тут, то там переливались радуги, перемещаясь с места на место.

В одном месте длинная белая полоса у подножия черной стены привлекла к себе внимание путников.

— Странно, неужели это снег, свалившийся сверху? — предположил Горюнов.

— Нет, это не снег, а выход какой-то белой горной породы,— сказал Ордин, взглянув в бинокль.— И она вся изрыта ямами, словно ее грызли. Уж не тут ли вампу добывают себе кремни?

Поспешили к этому месту. И оказалось, что здесь базальт лежит на снежно-белом рыхлом мраморе, выступавшем на три-четыре метра над дном котловины на протяжении двух-трех сотен метров. В мраморе были рассеяны то порознь, то гнездами и прослойками черные, серые и грязно-белые кремни; последние

и добывались вампу, которые наконечниками копий или скребками источили весь обрыв мрамора.

— Ну вот и открытие, которое было нужно нам, чтобы определить время образования вулкана,— сказал Ордин, обследовав белую стену.— Я нашел несколько, хотя и плохих, окаменелостей, показывающих, что это верхнемеловая толща. Следовательно, вулкан образовался не раньше третичного периода, когда на севере Сибири в разных местах изливались те же базальты. Нужно поискать еще — не найдутся ли получше.

С этими словами Ордин залез в одну из более глубоких ниш обрыва и стал работать молотком; остальные рылись в кучах белого песка, насыпанных у подножия; даже онкилоны приняли участие в поисках, когда им показали одну из найденных раковин и объяснили, что это такое. Но вот молоток перестал стучать, и вскоре Ордин вылез из ниши и сказал:

— А знаете, в глубине тут идет здоровая работа. Соблюдайте тишину и, приложив ухо к обрыву, слушайте. Всего лучше, конечно, в глубине ниши, где я был.

Горюнов и Костяков полезли в нишу и прижались ухом к стенке. Они услышали доносившиеся из глубины земли то короткие, то более продолжительные удары, словно там, где-то далеко, шла работа огромных кузниц; казалось, что тяжелыми молотами бьют по твердому металлу. Порода слегка дрожала, и можно было видеть, как от белой стены по временам отрывались отдельные кристаллы известкового шпата, составлявшего мрамор.

— Здорово работают там внизу! — сказал Горюнов, вылезши из ниши.

— Не пора ли нам удирать отсюда подобру-поздорову? — спросил Костяков с тревогой в голосе.

— Вы думаете, что это признак скорого пробуждения вулкана? — засмеялся Ордин.— Если бы мы бывали здесь раньше и этих звуков не слышали, это действительно было бы признаком усиления подземной деятельности. Но даже и в таком случае бояться нечего — пробуждение может продолжаться дни, недели, месяцы и годы.

— И даже столетия, как у Лысой горы! — прибавил Горюнов.

Онкилоны, узнав, о чем говорят чужестранцы, полезли один за другим в нишу и выходили оттуда встревоженные. Теперь они были убеждены более чем когда-либо, что здесь, под землею, обитают злые духи. Эти удары, содрогание стены, огоньки во впадине, тысячи дымов, кипящие озера, полное отсутствие растительности — все в совокупности до того пугало их, что они стали настойчиво просить, чтобы до ночи уйти из этой страшной местности.

Было уже поздно, солнце скрылось за высоким северным обрывом, и густая тень легла на эту часть котловины. Кроме того, с запада надвигалась большая черная туча, а туман должен был стать здесь особенно густым. В тумане и сумерках легко было потерять дорогу и попасть в расселину или в кипящее озеро.

Действительно, едва успели отойти на километр от обрыва, как все небо покрылось тучами и пошел мелкий дождь; вся местность окуталась туманом от многочисленных испарений, охлаждаемых дождем; стало совсем темно, и волей-неволей пришлось остановиться по соседству со зловещей впадиной и возле кипящего озерка, дававшего возможность сварить хоть ужин и чай, так как топлива никакого не было. Спокойствие чужестранцев подействовало и на онкилонов, и все, лежа на берегу озера, спускали на ремешках или концах копий куски мяса в воду, но говорили только шепотом. Горохов догадался даже сварить суп; он положил мясо в котелок, прибавил соли и крупы, зачерпнул воды и погрузил котелок до половины в озерко. Навар получился недурной, и, главное, мясо сварилось в соленой воде и было вкуснее, чем куски, варившиеся прямо в озерке. Чай также оказался достаточно вкусным.

После ужина онкилоны, сбившись в тесную кучу и укрывшись от дождя щитами, заснули, выставив караул. Для чужестранцев они устроили шалаш из бычьей шкуры и копий. Но последним захотелось посмотреть ночью на огни впадины, и они потихоньку, не будя никого, направились к ней. Благодаря теплу, исходившему из глубины, над впадиной не было тумана, и она представляла черную яму, дно которой было изборождено в разных направлениях линиями синих огоньков, местами перебегавших с места на место, то потухавших, то загоравшихся и

представлявших очень странное и занимательное зрелище.

Чтобы лучше видеть, все четверо прилегли на землю у края впадины и вдруг почувствовали резкие удары — земля задрожала под ними.

— Землетрясение! — воскликнул Костяков, вскакивая.

Но ему пришлось снова лечь, так как устоять на ногах не было возможности — почва колебалась слишком сильно. Слышался глухой гул, а во впадине огни дрожали и то потухали совсем, то опять вспыхивали. Со стороны окраины котловины доносился грохот: в разных местах отрывались и падали глыбы камня. Все эти звуки в темноте и тумане производили жуткое впечатление.

Со стороны лагеря, отстоявшего в какой-нибудь сотне шагов, послышались крики ужаса, вопли Аннуир, проснувшейся и заметившей, что Ордин и другие белые люди исчезли. Онкилоны подумали, что белые колдуны бросили их в стране ужаса и скрылись навсегда. Собаки и волчицы подняли вой, аккомпанируя людям, и концерт получился адский. Суеверные люди совершенно растерялись и не знали, что предпринять.

Когда колебания почвы ослабели и можно было встать на ноги, путешественники поспешили к лагерю, который легко было найти даже в абсолютной тьме по доносившимся крикам. Появление белых сразу успокоило всех, и, когда Горюнов объяснил, куда они ходили, онкилонам стало даже немного стыдно. Аннуир повисла на шее Ордина и спрятала заплаканное лицо на его груди. Это происшествие разогнало у всех сон. И Горюнов воспользовался случаем, чтобы расспросить онкилонов, бывали ли землетрясения раньше. Оказалось, что это явление им знакомо: иногда, обычно в зимнее время, они замечали, что земля слегка дрожит, бревна землянок поскрипывают и на головы через щели сыплется земля.

— Ну вот и сейчас то же самое! — сказал Горюнов.

— Нет, не то же самое! — возразили онкилоны.— Никогда не было того, чтобы земля так качалась, что нельзя устоять на ногах. Поэтому мы так испугались, а когда увидели, что вы исчезли, мы подумали, что вы нас бросили в этом ужасном месте и что подзем-

ные духи, которые колеблют землю, сейчас выскочат из трещин и увлекут нас в подземное царство.

Колебания почвы больше не повторились, и путешественники вернулись в свой шатер, который пришлось восстановить. От первого же толчка копья покосились и шкура упала на Аннуир, разбудила и перепугала ее. Онкилоны же не решились ложиться спать; отсутствие костра усиливало их суеверный страх, кроме того, над южной частью котловины разразилась гроза — очень редкое явление на Земле Санникова; там ослепительно сверкали молнии, гремел гром, многократно повторяемый отражением от высоких обрывов. Сбившись в кучу, храбрые воины бормотали заклинания, пока не стало совсем светло благодаря очистившемуся небу и ветру, разогнавшему туман. Только тогда они заснули.

БОГИ ВАМПУ

Отсутствие тумана в это утро, довольно прохладное после дождя и вследствие ветра, позволило пуститься в обратный путь раньше, чему онкилоны были особенно рады. Но перед тем пришлось еще раз воспользоваться кипящим озером, чтобы сварить мясо и подкрепиться на дальнюю дорогу. Перед тем как уйти, онкилоны бросили несколько кусков мяса в озеро и три раза поклонились ему.

— Воины благодарят подземных духов за то, что они ночью только попугали, но не причинили зла,— пояснила Аннуир.

Не останавливаясь у знакомых уже озер и трещин, отряд к полудню миновал долину Тысячи Дымов, и, когда началась первая растительность, лица онкилонов совершенно преобразились, стали такими же приветливыми и веселыми, какими были всегда. Видно было, что, сопровождая чужеземцев, по приказу вождя, в страшную долину, они принесли большую жертву и ждали самого худшего. Но им пришлось принести и другую жертву, войдя в полосу леса, эти чужеземцы вздумали воспользоваться случаем и проникнуть еще раз в страну вампу, чтобы посмотреть тех странных животных «с пятой ногой на голове», которым вампу поклонялись. По расспросам, эти жи-

вотные обитали где-то поблизости от страшной долины.

Волей-неволей отряд повернул на юго-восток; выслали вперед трех разведчиков с собаками. Снова потянулись знакомые картины: поляны с озерами и более или менее широкие полосы леса, который становился опять выше и гуще. Километров через шесть разведчики остановили отряд сообщением, что на ближайшей поляне пасутся «боги». Пробираясь осторожно по опушке леса, подошли к месту, ближайшему к животным. В сотне шагов от края леса видны были четыре крупных зверя, в которых нетрудно было узнать представителей рода слонов. Под лучами послеобеденного солнца они, наевшись, предавались отдыху, стоя неподвижно, опустив хоботы и изредка только взмахивая короткими хвостами или пошевеливая большими ушами. Их тело было покрыто довольно длинной, но редкой шерстью красновато-бурого света. Два были побольше, два поменьше; последние особенно отличались размерами бивней, которые были короткие и торчали прямо, тогда как у взрослых сильно загибались концами вверх и затем внутрь.

— Нет сомнения, что это мамонты,— сказал Горюнов.

— Хотелось бы посмотреть, как бегают эти чудовища на воле,— сказал Костяков.— Все мы видели слонов только в тесной загородке зоологического сада, где бегать негде.

— Это, конечно, интересно! Но как заставить их бегать?

— Я думаю, что они испугаются выстрелов.

— Сомнительно, потому что они незнакомы с действием огнестрельного оружия. И, кроме того, мы можем привлечь внимание караульщиков, которые живут где-нибудь поблизости.

— Ну, вампу испугаются выстрелов больше, чем мамонты, потому что они уже знакомы с их действием.

— Тише, легки на помине! — сказал Горюнов, указывая на противоположную опушку.

Оттуда вышли на поляну двое рослых вампу и один мальчик с какой-то ношей за плечами. Приблизившись к мамонтам, они спустили ношу на землю, затем стали сами на колени и несколько раз поклони-

лись животным до земли. Мамонты при их приближении очнулись от дремоты, подошли к вампу и начали размахивать хоботами и издавать звуки, напоминавшие громкое хрюканье. Кончив поклоны, вампу развернули свою ношу, оказавшуюся шкурами, наполненными какими-то корешками; они разложили их на траве перед мамонтами, которые немедленно начали схватывать хоботами по два и по три корешка сразу и отправлять их в свою пасть. Оказалось, что один из вампу — женщина; она развернула свою ношу перед двумя молодыми мамонтами, тогда как мужчина и мальчик угощали старых. Животные скоро покончили с корешками и громким хрюканьем требовали еще, протягивая хоботы к вампу; последние возобновили свои поклоны и вдруг, захватив шкуры, пустились бежать во всю мочь к опушке. Тут Костякову удалось увидеть то, что он желал: мамонты тяжелой рысью побежали вслед за вампу, вытянув и завернув хоботы крючком наверх, растопырив уши и подняв хвостики. Но это, по-видимому, была просто благодарность за угощение, потому что они могли бы догнать и растоптать вампу, если бы захотели; между тем они проводили последних только до опушки, а затем степенно повернули назад, издавая трубные звуки.

Весь отряд с интересом следил за этой сценой кормления и поклонения. Но когда вампу скрылись, онкилоны начали просить путешественников застрелить одного из мамонтов, толстая шкура которого высоко ценилась ими как лучший материал для щитов, а бивни — как такой же материал для наконечников копий и стрел и для ножей. Добывать мамонта им случалось крайне редко: вампу охраняли своих богов, поэтому устроить охоту на последних удавалось только во время больших войн с вампу, да и в этом случае старые животные были мало уязвимы для копий и стрел и успевали убегать. Теперь можно было воспользоваться случаем — в руках чужестранцев были страшные, смертоносные молнии.

Ордин поддержал просьбу онкилонов — ему хотелось рассмотреть животное вблизи и измерить его.

Костяков вспомнил прочитанные в детстве сведения, что хобот слона очень лакомое блюдо, и также присоединился к просящим.

— Но вампу будут мстить нам за убийство бога,— возразил Горюнов.— Караульщики соберут всю орду, которая нападет на нас.

— Я думаю, что они, услышав выстрелы, убегут подальше. Но ради науки и чтобы угодить нашим верным спутникам, можно даже рискнуть,— ответил Ордин.

— Этого колосса разрывной пулей не свалишь, а раненный, он рассвирепеет, и нам придется плохо.

— Пустим в него две или три пули — за этим дело не станет!

Горюнов с видимой неохотой согласился на это убийство редкого и почти ручного животного, но сам не стал стрелять. Онкилоны очень обрадовались и с громадным интересом стали следить за действием молний белых людей на бога вампу. Ордин и Костяков выстрелили одновременно в ближайшего старого мамонта, который стоял боком и снова собирался дремать. Животное пошатнулось, ринулось вперед, потом метнулось в сторону и, испустив глухой рев, упало на колени и затем рухнуло всей массой на бок. Остальные три мамонта, испуганные выстрелами, отбежали немного в сторону, остановились и повернулись назад, ожидая, что упавший почему-то товарищ поднимется и присоединится к ним; они призывали его громкими трубными звуками.

Охотники и онкилоны подошли к раненому мамонту, который еще шевелил судорожно хоботом и ногами; при виде подошедших людей он немного приподнял голову, но тотчас бессильно опустил ее, испустив тяжелый вздох. В его маленьких черных глазах как будто светился укор убийцам. Но скоро они остановились, и животное затихло. Ордин вынул рулетку и стал измерять мамонта. Костяков помогал и записывал, а онкилоны, окружив труп, с удивлением следили за этими манипуляциями, в которых они подозревали заклинания, производимые белыми людьми над убитым богом с целью умилостивить его дух. Собаки, не теряя времени, принялись лакать кровь, вытекавшую из большой раны и сбегавшую по брюху на траву.

Занятые работой, а также зрители не заметили, что остальные мамонты постепенно приблизились к ним шагов на сорок и остановились, рассматривая стран-

ных двуногих, которые окружили их товарища, не желавшего встать. Собаки первые почуяли их близость и с громким лаем бросились к ним. Люди оглянулись и замерли в нерешительности — бежать ли к опушке, не дожидаясь нападения мамонтов, или начать наступление. Собаки, не добежав шагов десяти до животных, надрывались от лая и визга, хотя поджали хвосты и не смели приблизиться. Звери с удивлением рассматривали этих дерзких карликов, которые осмеливались надоедать им своими звуками. Наконец им, видимо, надоело слушать лай, и они, повернувшись, величественно отошли к другому краю поляны, где стали кормиться, обрывая ветки деревьев.

Онкилоны успокоились и, когда Ордин кончил описание и измерение мамонта, приступили к снятию шкуры и срезанию мяса. В это время разведчики, посланные немедленно после выстрела по следам вампу, вернулись и сообщили, что на соседней поляне они нашли только что брошенное стойбище. Горюнову захотелось осмотреть его, и он позвал с собой Горохова и одного из разведчиков, предоставив остальным производить работу мясников.

Стойбище оказалось у подножия большого развесистого тополя, росшего среди небольшой поляны. Трава вокруг дерева была вытоптана, на земле лежали несколько звериных шкур, грубо вырезанные деревянные чашки, две тяжелые дубинки и несколько копий. Костер еще не совсем потух, и над ним склонились палочки с полуобгоревшими кусками мяса. Испуганные выстрелами, вампу бросили свой недоконченный ужин; повсюду валялись обглоданные кости, а на суке висела задняя нога лошади, судя по свежей шкуре, разостланной на траве.

Осмотрев стоянку, Горюнов собирался уже уходить, захватив одну из чашек в качестве образца изделий вампу, когда онкилон обратил его внимание на то, что на дереве находится «гнездо» вампу, в котором, может быть, спрятались караульщики богов. Но это предположение было неосновательно — вампу не оставили бы внизу свое оружие и палочки с мясом. Их воздушное жилище было, конечно, пусто. Поэтому Горюнов захотел осмотреть его, и все трое полезли наверх, что было не трудно, так как дерево было развесистое. Гнездо оказалось почти на вершине, где

главный ствол делился на несколько толстых сучьев, полого расходившихся в стороны; на сучья были положены тонкие бревна, а поверх сделана настилка из жердей, представлявшая грубый помост; часть последнего была защищена от дождя навесом, сплетенным из ветвей и тростника. Под ним лежали шкуры — постель и одеяла вампу. Пара дубинок, кожаная праща и куча голышей для метания, несколько копий составляли убогий инвентарь приюта, в котором первобытные люди укрывались от ночных хищников. Несколько просветов, проделанных в листве в разные стороны, служили для наблюдения за окрестностью, в том числе и за поляной, на которой паслись мамонты; часть ее была видна, и Горюнов мог различить группу онкилонов, копошившихся вокруг добычи.

Пока посетители осматривали гнездо и окрестности, на опушку поляны из кустов вышел вампу, осмотрелся и замахал рукой, вызывая своих попрятавшихся соплеменников. Тотчас же по соседству вылезли женщина и двое детей, и все четверо направились к дереву. В это время их заметил Горохов и прошептал несколько испуганно:

— Караульщики богов возвращаются! Что нам делать? Стрелять в них?

Онкилон уже достал из колчана стрелу и собирался натянуть тетиву лука, когда Горюнов остановил его движением руки.

— Посидим смирно и понаблюдаем, что будут делать вампу,— сказал он Горохову.

— А если они полезут наверх?

— Днем им тут делать нечего, а внизу их еда.

— Но как же мы уйдем отсюда?

— Испугаем их выстрелом! Ах, черт возьми, мое ружье осталось внизу.

— Вот те раз! Они его найдут и испортят.

— Не дадим, ваше ружье ведь здесь. А мое осталось по ту сторону ствола — они могут и не заметить.

Во время беседы застигнутые на дереве улеглись на шкуры вокруг выреза в помосте, с которого видна была площадка стойбища у подножия. Семья вампу, подойдя к дереву, уселась на корточках вокруг огнища; у женщины на руках был грудной ребенок; мальчик лет двенадцати имел уже украшение в виде палочки в носу, а девочка лет шести еще не была изуродована.

Увидев обуглившееся мясо, мужчина издал несколько отрывистых звуков, мало похожих на человеческую речь, но понятых мальчиком, который побежал к опушке и вернулся с охапкой хвороста. В это время женщина отгребла золу, освободила тлевшие еще угли и, покрыв их хворостом, вздула огонь. Девочка взяла палочку с мясом и стала отковыривать сгоревшую корку и поедать уцелевшее. Мужчина нашел среди валявшихся костей кусок кремня, служивший ножом, встал и стал отрезать от лошадиной ноги куски мяса, которые бросал женщине; небольшие обрезки он поедал сырыми. Женщина нанизывала мясо на палочки, откусывая время от времени кусочки, а мальчик втыкал палочки у огня и следил за ними. Вдруг младенец, лежавший на земле, запищал; женщина подняла его, зажала между коленями и сунула ему в рот черный сосок своей обвислой груди, после чего продолжала заниматься мясом.

Мужчина внезапно прекратил работу и стал прислушиваться, потом проворчал что-то, указав пальцем в сторону поляны мамонтов; женщина подняла голову, видимо встревоженная, дети вскочили. Очевидно, вампу услышали крики онкилонов, доносившиеся с поляны. Мужчина бросил кремень и обогнул дерево, намереваясь влезть наверх и посмотреть, что делается на поляне. Тут он увидел ружье Горюнова, висевшее на сучке. Он издал громкий крик изумления, женщина и дети подбежали: все с удивлением смотрели на эту странную блестящую дубину, каким-то чудом повисшую на их дереве. Видя, что предмет не змея, остается неподвижным и не издает никаких звуков, мужчина осмелел и протянул к нему руку, но женщина в испуге удержала ее, завязался спор; наконец вампу грубо оттолкнул жену, дрожащими руками снял ружье с сука и, держа далеко от себя, понес к костру, присел на корточки и стал рассматривать. Женщина и дети, убедившись, что странный предмет не кусается и лежит спокойно на коленях, приблизились. Постепенно вампу осмелел, стал гладить пальцами блестящий ствол, приклад, заглянул в дуло, даже дунул в него, потом стал трогать курок и собачку — и внезапно грянул выстрел.

Женщина с воплем откинулась на спину, младенец покатился по земле, попал ручкой в костер и завопил;

дети отскочили в сторону; мужчина отшвырнул ружье. Еще мгновение — и дети пустились бежать; женщина, подобрав ребенка и держась рукой за голову, вероятно контуженная, устремилась за ними, завывая. Вампу отбежал в сторону на несколько шагов и остановился.

Все было тихо, огонь спокойно горел, предмет, так испугавший их, лежал неподвижно на земле в нескольких шагах от дерева. Шаг за шагом вампу стал возвращаться назад — его ужин опять был прерван и мясо горело на огне. Он подошел к костру и протянул руку, чтобы убрать палочки с мясом,— как вдруг над его головой прогремел гром, что-то ударило в костер, угли и головешки разбросало в сторону.

Теперь и мужчина струсил не на шутку — с дикими воплями он побежал к опушке, где женщина и дети остановились и не знали, что делать. При виде бегства мужчины они тоже скрылись в кустах.

— Ну, теперь они долго не вернутся,— сказал Горохов, пустивший разрывную пулю в костер.— Теперь дерево у них будет заколдованное навсегда.

Онкилон хохотал до слез. Горюнов тоже смеялся. Все трое слезли с дерева, подобрали ружье; онкилон предварительно поджег гнездо, а внизу бросил дубины и копья в костер; Горохов воткнул палочки с мясом в кору дерева высоко над землей и, найдя среди костей человеческий череп, водрузил его на лошадиную ногу, которую снял с дерева и прислонил к стволу, на темя положил кремень, которым вампу резал мясо, а в глазницы засунул по угольку.

— Если они осмелятся прийти сюда вскоре,— сказал он,— то припишут все эти штуки колдовской силе и еще больше будут бояться наших выстрелов.

Возвращаясь на поляну мамонтов, шутники встретились с остальным отрядом, уже спешившим к ним на помощь. Услыша выстрел, потом другой и рев вампу, Ордин и Костяков подумали, что ушедшие подверглись нападению вампу, и оторвали онкилонов от свежевания. Узнав, в чем было дело, все много смеялись происшествию с ружьем.

На поляне уже были разведены костры, и Аннуир готовила ужин; хобот мамонта оказался превкусным блюдом, но бифштексы из филе были немного жестки, может быть, потому, что им не дали вылежаться.

Но мяса было столько, что можно было повторить опыт и позже.

Тяжело нагруженные шкурой, бивнями и мясом, на следующий день охотники направились уже прямо к стоянке Амнундака, которой достигли только вечером.

Вождь онкилонов уже снаряжал большую экспедицию для поисков пропавших чужестранцев. Землетрясение сильно напугало онкилонов, на памяти которых подобного еще не было. В некоторых землянках бревна навесов выскочили из гнезд и, упав вместе с дерном на просыпавшихся людей, многих ушибли и нескольких детей убили. Выскочив из жилищ, перепуганные онкилоны видели, как качались деревья, и слышали, как с грохотом падали глыбы камня с обрывов; подземные удары валили их с ног. Потом разразилась гроза, какой не запомнили старики, а потоки дождя мочили людей, не решавшихся вернуться в землянки; двери на последних размыло, и вода подмочила постели и одежду.

Сопоставляя это бедствие с недавним нападением вампу, онкилоны начали думать, что несчастия, предсказанные их предкам в связи с приходом белых людей, действительно начались, а эти люди как раз скрылись, и неизвестно, вернутся ли еще или исчезнут так же таинственно, как появились. Отряд, посланный по сигналу барабанов из крайнего стойбища на поиски в долину Тысячи Дымов, не нашел там никого, и Амнундак был сильно встревожен; приходилось искать пропавших во владениях вампу и для этого собрать всех воинов. Возвращение потерявшихся успокоило тревогу, а шкура, бивни и мясо мамонта увеличили радость племени.

Землянка путешественников благодаря лучшей конструкции почти не пострадала от землетрясения, и в ней жила два дня часть рода вождя, пока чинили его полуразрушенное жилище.

СВЯЩЕННОЕ ОЗЕРО

Шаман заявил Амнундаку, что по случаю благополучного возвращения чужеземцев, не покинувших онкилонов в дни бедствия, должна быть принесена жер-

тва богам у священного озера. Путешественники, узнав из расспросов, что в это озеро стекаются все воды котловины, были рады случаю посетить его и выяснить, куда же уходит эта вода. Жертва была назначена через два дня после их возвращения.

Воины всего рода во главе с Амнундаком и путешественники выступили рано утром на юго-запад; в хвосте отряда вели белого жертвенного оленя, по бокам которого шествовали шаман и его ученик, всю дорогу бившие в бубен и певшие заклинания. Миновав ряд полян и промежуточных лесов, часа через два дошли до небольшого озера, расположенного у самой окраины котловины. С двух сторон его берега состояли из крупных и мелких глыб черной базальтовой лавы, под которыми всюду слышалось журчание воды, стекавшей под россыпью к озеру; с двух других сторон непосредственно из озера отвесно поднимались базальтовые стены окраины на высоту нескольких сот метров, отражавшиеся в зеркале воды вместе с кусочком синего неба. В этот глубокий полуколодец солнечные лучи проникали даже летом только в течение двух-трех ранних часов, когда солнце находилось на северо-востоке; позже озеро все время лежало в глубокой тени. Черные стены, уходившие на головокружительную высоту, черные глыбы берегов, черная вода в совокупности производили угнетающее впечатление, и недаром онкилоны признали озеро священным.

Большая ровная плита, немного возвышавшаяся над остальными у самого края воды, служила жертвенником; на нее взошел шаман с учеником и втащил оленя. Амнундак, путешественники и воины расположились полукругом вокруг плиты. Подняв бубен, шаман стал медленно бить в него, и благодаря многократному отражению звуковых волн от отвесных скал по ту сторону озера получился целый хаос громких звуков. Не понимая, что такое эхо, онкилоны думали, что духи отовсюду отвечают теми же звуками. Помолившись, шаман вынул из-за пояса короткий, но острый нож из халцедона, тщательно выточенный и насаженный на костяную ручку, украшенную резьбой; по форме нож походил на кинжал и употреблялся только для кровавой жертвы. Ученик, схватив оленя за рога, пригнул его голову к земле, а шаман сильным

ударом в затылок нанес смертельную рану. Над телом умиравшего оленя возобновились удары в бубен, а в это время два онкилона принесли легкий плот, изготовленный из четырех сухих тонких бревен, и спустили его на воду у края плиты. С помощью онкилонов ученик сбросил оленя на плот и оттолкнул последний от берега. Шаман в это время продолжал бить в бубен; губы его двигались, шепча молитвы или заклинания, но из них не вылетало ни одного звука — говорить громко на берегу священного озера считалось кощунством.

Плот медленно поплыл к середине озера, увлекаемый незаметным течением. Наконец он доплыл почти до подножия обрыва и начал кружиться на одном месте.

В глубоком молчании вождь и воины следили за его движениями. И вдруг из черной воды послышался глухой шум, поверхность озера слегка заволновалась, и недалеко от плота стала образовываться плоская воронка, словно огромное чудовище, скрытое в глубине, начало всасывать в себя воду. Воронка постепенно углублялась, шум усиливался, послышалось сопение, и плот, схваченный водой, уходившей вглубь, исчез в пучине; мелькнули концы бревен, рога оленя, и воронка закрылась. Еще минуту или две видна была впадина в этом месте, а затем зеркало озера восстановилось и лежало перед зрителями такое же спокойное, как и прежде.

Как только плот исчез в черной пучине, шаман перестал бить в бубен и возгласил глухим шепотом:

— Священная вода приняла жертву!

Поклонившись озеру, он спустился с плиты, и весь отряд двинулся обратно. Путешественники могли теперь обменяться своими впечатлениями. Озеро наглядно показало им, куда уходят воды котловины: время от времени, накопившись в этом бассейне и преодолевая сопротивление, они всасывались в какой-то подземный канал, по которому и стекали в море.

— Почему озеро считается у вас священным? — спросил Горюнов у Амнундака на обратном пути.

— Так сказал шаман, приведший наших предков на эту землю. Он нашел озеро, и на его берегу духи беседовали с ним и открывали ему будущее. Перед

смертью он велел, чтобы его тело похоронили в этой священной воде. С тех пор всех шаманов хоронят здесь.

— Как же это делается?

— Умершего шамана кладут на такой же плот, как вы видели, с бубном в руках; в ногах ставят чашу с дарами, в головах — голову жертвенного оленя, а шкурой его покрывают тело. Новый шаман стоит на жертвенной плите и молится, воины всего племени присутствуют, плот носится по воде взад и вперед — шаман прощается со своим народом. Потом вода схватывает умершего и увлекает вглубь, как вы видели.

— И ничего не выбрасывает назад? Неужели не выплывает обратно шкура, бревно, бубен?

— Нет, все исчезает бесследно. И если бы вода что-нибудь выбросила, это был бы знак, что шаман чем-то не угодил духам или сделал что-то нехорошее в течение своей жизни.

— Как же делают, если шаман умрет зимой? Озеро ведь замерзает?

— Священное озеро не замерзает — снег лежит на камнях берегов, но вода не покрывается льдом.

Горюнов мог объяснить себе это явление только периодическим всасыванием воды в подземное жерло, при котором захватывается и тонкий лед, успевший образоваться на поверхности.

Возвратившись на стойбище, путешественники провели почти целый месяц в своей землянке, так как Амнундак не соглашался больше отпускать их в далекие экскурсии. Они обходили только ближайшие поляны и леса, всегда в сопровождении нескольких воинов, наблюдая жизнь животных и развитие растительности, принимая участие в небольших охотах или занимаясь рыбной ловлей на озерах, чтобы познакомиться с представителями этого класса позвоночных. Впрочем, и погода не благоприятствовала далеким экскурсиям: этот первый летний месяц был на Земле Санникова самым дождливым; небо часто застилалось тучами, моросил мелкий неприятный дождик. Но и в дождливые дни скучать не приходилось: пять молодых женщин в землянке заботились об этом. Знание языка онкилонов, постоянно совершенствовавшегося благодаря частым беседам с ними, позво-

ляло вести более свободно разговоры и собирать богатые сведения о нравах, обычаях, образе жизни и поверьях онкилонов.

У этого племени не было письменности, но много устных преданий и сказок можно было записать. Овладев достаточно языком, путешественники приглашали к себе стариков и старух из соседних стойбищ или сами посещали их для этой цели. Путешественников интересовали также религиозные воззрения племени, и в этом отношении шаман, как хранитель культа, мог бы им сообщить всего больше; но он категорически отказался от этого и вообще относился к чужестранцам со скрытой враждебностью. Онкилоны же имели в этом отношении довольно смутные и даже противоречивые представления, сводившиеся, в общем, к вере в существование добрых духов на небе и вообще в воздухе, в облаках, на небесных светилах и злых — в воде и под землей.

За это время один только раз двоим путешественникам удалось сходить проведать Никифорова, продолжавшего жить отшельником с собаками среди снегов, занимаясь охотой, вялением мяса и запасаясь топливом на зиму. Чтобы иметь возможность в случае крайней надобности быстро получить от него весть или послать ему таковую, к Никифорову отвели Белуху, а от него взяли Пеструху, которые и могли служить почтальонами. В случае крайней опасности он должен был развести большого костер на уступе над сугробом, дым и огонь которого легко могли быть замечены со стойбища.

Собираясь зимовать на Земле Санникова, путешественники, естественно, интересовались характером зимы и расспрашивали онкилонов. По словам последних, с начала сентября быстро наступает осень: солнце освещает котловину только в течение шести-семи часов, мало поднимаясь над южной окраиной. Листва желтеет и опадает. Онкилоны усиленно занимаются заготовкой топлива на зиму. Погода часто портится, и по временам идет снег. С начала октября солнце уже не проникает в котловину, но среди дня несколько часов еще светло. Южные ветры приносят снежные вьюги, северные — дождь и туман. Онкилоны заняты последней охотой для зимних запасов. С половины этого месяца дня уже нет, только час или

два длятся сумерки; учащается ненастье, заставляющее сидеть в землянках. С начала ноября и до конца января тянется полярная ночь, освещаемая только луной, когда небо ясно, и северными сияниями, которые онкилоны приписывают душам умерших. Южные ветры в это время приносят холод и ясную погоду, западные и восточные — пургу, а северные — оттепель и дождь. (Записав это, Горюнов прибавил: ясно, что это тепло зимой обусловлено кипящими озерами и фумаролами северной части котловины.) Благодаря этому снег не может очень накапливаться, и олени, а также дикие животные находят себе подножный корм на полянах. Всего больше снега накапливается на окраинах под утесами, где он лежит до поздней весны. Эти три темных месяца для онкилонов самые скучные: и в пургу и в дождь нужно сидеть в землянках. В лунные ночи выходят на охоту, особенно на волков, которые тревожат оленей.

С начала февраля на юге появляется свет, но солнце начинает заглядывать в котловину только в начале марта; день быстро прибывает, становится теплее, и с конца этого месяца дружно начинается весна: снег исчезает, появляется трава, природа оживает; к половине апреля леса начинают зеленеть.

ОХОТА НА ЛЕННУЮ ПТИЦУ

С начала июля молодая птица на озерах уже подросла, и начался период линьки гусей и уток, когда они теряют способность летать и прячутся в тростниках озер. Все северные туземцы пользуются этим временем для массовой ловли птицы, и онкилоны не составляли исключения. Каждое стойбище имело два или три озера в исключительном пользовании. Заблаговременно на берегах были устроены загоны, представлявшие изгородь из тонких жердей, воткнутых в землю на таком расстоянии друг от друга, чтобы утка не могла пролезть между ними; две стены изгородей начинались у воды на расстоянии сотни шагов друг от друга, но затем быстро сближались и превращались в узкий коридор, приводивший к площадке, огороженной более прочно со всех сторон.

В назначенный день члены всего рода, кроме груд-

ных и самых маленьких детей, вооружившись палками, окружили рано утром озеро и стали криком и стуком выгонять птицу, прятавшуюся еще в траве.

— Эй, гуси, утки! — кричал один.— Выходите, пора купаться!

— Вылезайте, ленивые, в воде червяки и рыбки ждут вас! — подхватывал другой.

— И наши палочки, чтобы погладить вас по головке! — голосил третий.

Стук, крики, визг детей, для которых этот день был величайшим событием, стояли невообразимые. Дети шныряли по траве, как собаки, колотя палкой вправо и влево. Перепуганная птица со всех сторон стремилась к воде, и впереди загонщиков повсюду видно было колебание стеблей травы и тростника, между которыми пробирались пернатые. Некоторые пытались взлететь, вспархивали над травой, но тотчас опять садились, хлопая крыльями. Кряканье уток, скрипучее гоготанье гусей сливались со стуком, визгом и криком загонщиков. Кулики, бекасы, чибисы, кроншнепы, турухтаны, вылинявшие раньше водяных птиц, взлетали порознь и стайками и носились с пронзительными криками над водой и над поляной, прорезая легкий туман, висевший еще над озером. Последнее скоро запестрело от стаек гусей и уток, когда загонщики дошли до самой воды. Только часть берега между обеими изгородями была свободна от людей. Так как берега были местами болотистые, загонщики, приближаясь к ним, надевали широкие лыжи из звериной шкуры шерстью наружу, натянутой на раму из гибких прутьев, служившие им зимой, облегчавшие хождение по топкой почве и вспугивание прятавшихся в траве птиц.

Окружив озеро, онкилоны вытащили в конце его, противоположном загону, приготовленные ранее четыре челнока, сшитых из березовой коры берестянки; в каждую из них сели по два человека: один с веслом, другой с колотушкой и ремнем в руках. Челноки быстро отдалились друг от друга, но через промежутки между ними были протянуты ремни, тащившиеся по воде. Люди на корме потихоньку гребли; люди на носу все время подбрасывали ремень, который шлепал по воде, производя плеск и брызги, пугая плававшую птицу, которая с кряканьем и гоготаньем постепенно

стремилась по воде к загону. По берегам озера продолжался адский шум и стук загонщиков; по воде двигалась стена плеска, сопровождаемая криками лодочников. Птица начала метаться; отдельные экземпляры, улучив момент, когда ремень опускался в воду, прорывались обратно; другие пытались выбраться на берег, но, когда они подплывали слишком близко, загонщики пускали стрелы — и пронзенные птицы бились на воде и увеличивали смятение.

Так мало-помалу сотни птиц были согнаны к концу озера. По мере движения челноков и загонщики перемещались по берегу; передние переходили уже к изгороди, но здесь переставали шуметь и прятались в траву. Когда конец озера был уже близко, лодочники удвоили рвение, так как от их ловкости теперь зависела удача загона,— птицы сгрудились на небольшой площади. Нужно было, чтобы ремень плескал непрерывно и сильно, иначе вся масса, улучив минуту, могла ринуться назад и пришлось бы начинать все дело сначала.

Но вот передние стайки, подплыв к берегу, стали вылезать в траву, пробираясь вперед; за ними последовала остальная масса, и сплошная волнующаяся река гусей и уток потянулась в глубь загона с кряканьем и гоготом. Как только последние вышли из воды, лодочники тоже выскочили на берег; к ним присоединились ближайшие загонщики и стуком и криком гнали птичку вперед. Наконец вся стая сгрудилась в тупике, где изгородь была прочнее, а трава вытоптана. Теперь загонщики, окружившие изгородь, а также вошедшие вслед за птицей, начали безжалостное избиение: со всех сторон десятки палок колотили по головам несчастных пернатых; крики разъярившихся людей, глухие удары палок, хлопанье крыльев, отчаянные кряканье и гоготанье слились в невообразимый шум. В воздухе беспрерывно мелькали окровавленные палки; груды убитых и трепещущих росли на глазах. Отдельным смельчакам удавалось прорваться между ногами загонщиков или через бреши изгороди назад к озеру или на поляну.

Наконец все перебиты, немногие спаслись, тупик наполнен кучами птицы. Шум сразу затих. Люди опрокидывают изгородь и начинают уборку добычи: связывая ремешками попарно ноги, перебрасывают

птиц через те же палки, служащие теперь носилками; два человека несут к стану две палки с тридцатью—сорока парами уток или же пятнадцатью—двадцатью парами гусей; дети тоже тащат на своих палках груз, но поменьше.

У стойбища все сваливают в кучу, и начинается новая работа — ощипывание перьев и потрошение; пух собирается в кожаные мешки, потроха сваливаются на пластины корья. Горят костры, калятся камни, приготовлены все деревянные сосуды — сегодня будет обильный суп из потрохов. Шум, говор, визг детей, усердно помогающих и мешающих всем, наполняют воздух. Вот возвращаются и лодочники и несут еще охапки птиц — они собирали по озеру подбитых стрелами загонщиков с берега.

После чистки, уже вечером, началось копчение птиц впрок: отсутствие соли и посуды не позволяло сохранить птицу долго в другом виде. Поэтому из корья устраивали шалаши; под их крышей на жердях подвешивали очищенных птиц, а на земле разводили дымокур, который нужно было поддерживать несколько дней. Поздно вечером кончились работа и еда, а на следующее утро нужно было повторить то же самое на другом озере, через день — на третьем. Медлить было нельзя, так как маховые перья быстро отрастают и птица начинает, хотя и плохо, летать. Тогда и изгородь не помогает.

Путешественники приняли участие в загонах, хотя и без особого удовольствия — им также нужны были зимние запасы; жены их, конечно, участвовали очень охотно. Но три дня этого промысла произвели на чужеземцев кошмарное впечатление: суета, шум, беспощадное избиение беззащитных существ, горы битой птицы, костры, объедение всех участников и их алчность, желание истребить побольше сливались в неприятное зрелище, и они были рады, когда охота кончилась.

При этих загонах на попадавшуюся иногда более крупную дичь не обращали внимания — ее время было впереди. В камышах у каждого озера жили в небольшом количестве кабаны; сжатые загоном, они собирались в кучу со старым свирепым самцом во главе и бросались напролом через цепь. Им давали дорогу, и только какой-либо поросенок, отставший от стар-

ших или бежавший в стороне, попадал под удар копья или дубинки. За кабанами охотились поздней осенью, когда они были жирнее и когда тростники блекли и валились от мороза, болота замерзали, а кабаны покидали эти убежища и паслись на опушках полян и в лесу. На них устраивали облавы и били копьями и стрелами из засады, защищавшей от клыков. Холода позволяли сохранять их мясо подвешенным на дереве в замороженном виде. Еще позже, уже по первому снегу, охотились облавами на зайцев, которых было много и на полянах и в лесах.

ТРЕВОЖНЫЕ ПРИЗНАКИ

С конца июля солнце стало заходить не только за гребень северной окраины котловины, но и за горизонт; начались темные ночи, которые быстро удлинялись. Появились и первые признаки осени: стрижи, гнездившиеся в обрывах скал, собирались в большие стаи; молодежь упражнялась в полетах, готовясь к дальнему путешествию. Уцелевшие гуси и утки также собирались в стаи и перелетали с озера на озеро. Ночные туманы стали гуще и утром дольше висели в котловине.

Путешественники еще определенно думали о зимовке на Земле Санникова и добывали охотой запасы на зиму, которые их жены коптили или вялили, а сало топили и собирали в мешки, сшитые из толстых кишок. Но в конце первой недели августа произошло событие, явившееся началом целого ряда других, имевших крупные последствия. В ночь на 8-е число путешественники были разбужены сильным подземным ударом; сначала спросонок им показалось, что кто-то изо всех сил ломится в дверь землянки; потом они расслышали глухой гул, словно от проходящего тяжелого поезда.

— Опять землетрясение! — догадался Ордин.

Землянка была тускло освещена потухавшим костром; при его колеблющемся свете видны были встревоженные лица поднявшихся с постелей мужчин и женщин.

Но вот удар повторился. Послышался треск и скрип балок, сверху посыпалась земля. Огонь костра

вздрагивал; предметы, висевшие на колышках стоек и под навесами, качались; из земли доносилось зловещее шипение.

— Хотя наша землянка построена прочнее других, все-таки надо уходить на волю! — сказал Горюнов, хватаясь за одежду.

Женщины дрожащими руками застегнули свои пояски и, схватив одежду в охапку, бросились к двери. Мужчины, одеваясь на ходу, последовали за ними.

Ночь против обыкновения была теплая и очень ясная благодаря значительному северному ветру, унесшему туман. Поляна была освещена луной, висевшей уже над западной окраиной котловины. Несмотря на гул ветра в листве близкого леса, то справа, то слева, то спереди слышен был грохот от глыб, валившихся с обрывов.

Из землянки вождя доносились крики женщин, плач детей, возгласы мужчин. Часть ее населения также выбежала уже на воздух и одевалась. Вскоре за ними последовали и остальные, и все сгрудились вблизи выхода, с тревогой глядя на небо и обмениваясь замечаниями. Амнундак подошел к путешественникам; он был сильно испуган.

— Опять трясется земля, белые люди! — сказал он с укором.— Правду сказал великий шаман, что с приходом белых людей начнутся бедствия онкилонов. С тех пор как вы пришли, земля тряслась два раза и вампу нападали на нас.

— Но вампу воевали с вами всегда и земля тряслась прежде тоже не один раз! — возразил Горюнов.

— Нет, никогда еще земля не тряслась так сильно! И вот, смотри, месяц какой красный! Это предвещает большую беду,— ответил Амнундак.

Новый сильный удар заставил его покачнуться; многие стоявшие попадали. Послышались крики женщин, плач детей. На глазах у всех один из откосов землянки Амнундака обрушился всей массой, и столб густой пыли взвился в воздух. Деревья закачались.

— Все ли вышли из жилища? — воскликнул вождь.

— Все, все! — послышалось в ответ.

— Нет, не все! — поправил женский голос.— Моя мать Мату, больная, осталась лежать. Она сказала, что ей все равно где умирать.

— Ну, так она умерла! — прибавил мужчина.— Навес обрушился на нее.

— Раскидайте землю и бревна и освободите женщину скорее! — приказал Амнундак.— Принесите огня и дров, разведите костер.

Но онкилоны боялись входить в жилище; с упавшего навеса они стали снимать дерн, опасливо поглядывая на соседние бревна. Аннуир храбро вошла в свою землянку и вынесла на доске кучу горячих углей. Ордин и Горюнов принесли дров. И вскоре запылавший костер внес некоторое успокоение, и весь род собрался вокруг него, кроме нескольких воинов, производивших раскопки. Удары продолжались, и при каждом они отбегали в сторону, хотя на них ничего не могло уже рухнуть. Земля все время гудела, деревья качались; все люди присели, потому что на ногах было трудно стоять. Грохот падающих камней не затихал.

— Великая беда пришла для онкилонов!..— шептал Амнундак, глядя на вздрагивавший при ударах костер.

Путешественники заметили уже не один косой, враждебный взгляд, брошенный на них тем или другим из воинов и особенно женщин.

Аннуэн, сидевшая возле Ордина, в промежутке между ударами встала и присоединилась к женщинам, сидевшим по другую сторону костра; ее примеру последовали избранницы Горюнова и Костякова, и только Аннуир и Раку остались на месте.

— Мы как будто становимся зачумленными! — вполголоса сказал Горюнов, обращаясь к товарищам.

— Ничего, солнце взойдет — все успокоятся и забудут ночные страхи! — беспечно ответил Костяков.

— А луна стала еще краснее,— заметил Ордин.— От обвалов, очевидно, поднялась сильная пыль.

Особенно сильный удар прокатился по котловине с громким гулом; подбросило даже дрова в костре, рассыпавшиеся в стороны. Снова послышались крики ужаса; некоторые люди, сидевшие на корточках, попадали. Собаки жалобно завыли. Землянка вождя с глухим треском рухнула вся, кроме центральных столбов, окруженных теперь облаком пыли. Работавшие воины попадали, а вскочив, разбежались.

— Мы погибаем, земля рушится, пришел конец нашему племени! — стонали мужчины и женщины; последние прижимали к груди плачущих детей; на всех лицах с расширенными глазами отразился ужас.

Когда затих грохот обвалов, жуткая тишина охватила поляну, потому что и ветер внезапно прекратился. Все стали невольно прислушиваться. И вот тишину нарушили далекие, но ясно различимые звуки бубна, магически подействовавшие на онкилонов.

— Шаман наш жив! Шаман призывает духов земли успокоиться! — послышались возгласы радости.

Этот сильный удар действительно оказался последним, и после него на более слабые уже не обращали внимания. Люди у костра начали дремать. Их разбудил гул военного барабана соседнего стойбища, то короткие, то длинные удары которого чередовались друг с другом и прекрасно доносились в ночной тишине; им вторили более далекие других стойбищ. Все встрепенулись и слушали с напряженным вниманием. Когда эта зловещая музыка затихла, Амнундак сказал Горюнову с укором:

— Много наших жилищ разрушено в эту ночь. Убито несколько женщин и детей, поломаны кости у многих, попорчена утварь и оружие. Большая беда постигла нас, белые люди! Вы не захотели отвратить ее. Вот ваше жилище цело, а мое развалилось.

— Потому что вы очень плохо строите свои жилища! — ответил Горюнов сердито.— Вот теперь постройте их попрочнее, и они не будут валиться и давить людей.

— Много поколений жило в наших жилищах, и никогда не бывало, чтобы они падали! — возразил вождь.— Нет, когда пришла беда, ничто не поможет,— мы не колдуны.

Он хотел прибавить «как вы», но воздержался. Путешественники, впрочем, поняли его вполне.

В это время успокоившиеся воины наконец разворотили обрушившийся первым навес землянки и вытащили старую Мату; она, конечно, была мертва. Ее дочь и две другие женщины развели отдельный костер в стороне, положили ее возле него и начали оплакивание по ритуалу, прославляя ее прижизненные добродетели. Остальные продолжали спокойно дремать у костра. По приказу Амнундака барабан разнес по стойбищам весть о разрушении землянки вождя и смерти одной женщины.

Приближался рассвет, и у путешественников глаза стали слипаться. Землетрясение, очевидно, кончи-

лось, и слабые удары ощущались все реже и реже. Землянка выдержала испытание, и в нее можно было вернуться. Когда путешественники, сговорившись, поднялись и направились к своему жилищу, их провожали завистливые и частью враждебные взгляды некоторых проснувшихся онкилонов. Амнундак дремал, уткнув лицо в колени. За белыми людьми последовали только Аннуир и Раку, остальные не двинулись с места среди других женщин, а Аннуэн еще раньше присоединилась к плакальщицам. Горюнов и Костяков оказались в роли покинутых.

После тревожной ночи все проснулись поздно; через щели двери пробивались уже солнечные лучи. Ярко пылал огонь, и три сбежавшие женщины как ни в чем не бывало хлопотали над завтраком. Во время последнего у них произошло объяснение с мужчинами. Они признались, что, когда земля начала так сильно трястись, они испугались и подумали, что вот-вот земля треснет и белые люди увлекут их в подземное царство. Поэтому они перешли к своим. Это было глупо, но правдоподобно, и Горюнову пришлось, в который уже раз, объяснять женщинам, что белые люди не колдуны и не подземные духи. Но по лицам трех беглянок видно было, что они не верят его словам.

Они сообщили также, что рано утром приходил шаман проведать Амнундака и рассказал, что по дороге от его землянки лопнула земля и что он с трудом перескочил через трещину. Его жилище не разрушилось — добрые духи охраняли своего служителя.

Это известие побудило путешественников заняться осмотром окрестностей; все воины были заняты раскопками и восстановлением землянки, и можно было обойтись без докучливого конвоя, особенно неприятного теперь, после ночного происшествия. Захватив ружья и оставив Горохова возле землянки для отвода глаз, трое остальных отправились прежде всего по тропе к жилищу шамана и вскоре наткнулись на трещину, протянувшуюся с востока на запад и достигавшую почти двух метров ширины; на дне ее виднелась осевшая земля с кустами и целыми деревьями; местами, где трещина проходила под толстым деревом, последнее было разорвано от корней на несколько метров вверх, и одна половина его стояла на одной сто-

роне трещины, другая — на другой, а выше обе половины соединялись, и дерево уподоблялось человеку, стоящему, расставив ноги, над рвом. Местами вблизи трещины почва была покрыта выброшенным из нее мокрым черным песком.

Отсюда повернули на юго-запад к священному озеру, чтобы осмотреть его без свидетелей. По пути туда встретили около тридцати трещин разной ширины; через одни можно было перешагнуть, через другие приходилось прыгать с разбегу. Одни были неглубоки, в других не видно было дна, но вглубь они постепенно суживались; брошенные камни показали, что на глубине нескольких метров в трещине стоит вода. Россыпь у подножия окраинного обрыва котловины была усеяна свалившимися ночью крупными и мелкими обломками; в одном месте нашли барана, очевидно сброшенного толчком с большой высоты и убившегося. Его, конечно, подобрали — он должен был оправдать перед вождем их экскурсию без конвоя.

Подойдя к берегу священного озера, путешественники остановились в изумлении — озеро исчезло. Вместо него видна была большая впадина вроде очень плоской и неправильной воронки, усыпанная крупными и мелкими обломками черной лавы, покрытыми какой-то слизью; под обломками местами журчала вода притоков озера, по-видимому сильно сократившихся. Осторожно перебираясь по скользким плитам, исследователи добрались до жерла, находившегося недалеко от подножия обрыва; оно имело два-три метра в диаметре и круто уходило наискось под обрыв; вода из-под глыб быстро стекала в него небольшим ручьем.

— Ну, что вы скажете по этому поводу? — спросил Костяков, когда все трое остановились на краю черного зияющего жерла, уходившего в таинственную глубь.

— Я думаю,— ответил Ордин,— что землетрясение уничтожило то препятствие в подземном канале, например какой-нибудь коленообразный изгиб, который позволял воде озера стекать только периодически, по мере накопления.

— А не является ли сильное уменьшение притока в озеро главной причиной его исчезновения? — спро-

сил Горюнов.— Вспомните, что сюда должна стекать вода всей котловины, и в прошлый раз мы видели целую речку, выходившую из леса и скрывавшуюся под россыпью. А теперь в жерло вливается небольшой ручей.

— Вероятно, трещины, образовавшиеся в почве котловины, перехватывают воду ручьев, прежде попадавшую сюда,— ответил Ордин.

— Если эти трещины не бездонны, они наполнятся водой, и потом могут восстановиться ручьи, а следовательно, и озеро? — спросил Горюнов.

— Возможно, что так.

— Это было бы желательно, и чем скорее, тем лучше, потому что, если онкилоны узнают, что их священное озеро исчезло, они будут перепуганы еще больше и припишут и это бедствие белым колдунам.

— Мы им, конечно, не расскажем!

— Но смотрите не проговоритесь женщинам, где мы были.

— Понятно! Даже Горохову не скажем. Ходили на охоту, добыли барана, видели трещину — и баста.

От озера направились обратно и шли некоторое время вдоль окраины по опушке. В одном месте большая куча белых глыб и обломков, лежавшая у подножия обрыва, привлекла к себе внимание. Когда подошли к ней, оказалось, что все это — лед, свалившийся от толчков с вершины обрыва; это показывало, что наверху местами есть хотя бы небольшие ледники. Но более интересно и важно было открытие трещины у самого подножия стены; она тянулась в обе стороны, насколько хватал глаз, то суживаясь, то расширяясь, и в ней на глубине пяти-шести метров стояла вода.

На дальнейшем пути вдоль окраины подходили к обрыву еще раза три и везде находили трещину у его подножия; по-видимому, на протяжении километров десяти, если не больше, дно котловины отделилось от ее западной окраинной стены.

Домой вернулись только после полудня, и на стойбище было уже замечено их отсутствие. Но вид каменного барана успокоил подозрительность онкилонов, и Амнундак пожалел, что оторвал нескольких воинов от работы, послав их на поиски чужестранцев. Развалины землянки были уже разобраны, место очищено, и онкилоны начали ставить остов из тех же

бревен. Пообедав, путешественники явились со своими топорами с предложением укрепить остов так, чтобы землянка не валилась при каждом землетрясении на головы своих обитателей. Но, к их удивлению, онкилоны решительно отказались от помощи чужестранцев.

— Наши предки научили нас строить жилища,— сказал Амнундак,— и мы жили в них спокойно целыми поколениями. Мы не будем строить их иначе. Вот лучше сделайте, белые люди, чтобы земля больше не тряслась, тогда и жилища наши не будут разваливаться!

Никакие уговоры не помогли, и пример землянки путешественников не подействовал.

— Если бы в вашем жилище жили не белые колдуны, а онкилоны, оно бы тоже развалилось! — послышался голос из толпы строителей, столпившихся вокруг чужестранцев при переговорах.

И все остальные закивали головами и закричали:

— Так, так! Верно!

Пришлось вернуться в свою землянку, но обсудить положение здесь не было возможности — женщины уже достаточно понимали по-русски, и в их присутствии нельзя было говорить свободно, так как все сказанное должно было стать известным онкилонам.

Но чтобы посмотреть, на чью сторону станут их избранницы, путешественники рассказали о своем предложении, о полученном отказе и его мотивах.

— Амнундак правильно рассудил! — воскликнула Аннуэн.

К ней присоединились остальные. Одна только Аннуир стала на сторону путешественников и принялась доказывать остальным на примере устройства их землянки, что глупо отказываться от помощи более умных людей.

— Они не умнее нас с тобой, а только колдуны! — в досаде воскликнула Аннуэн.— Пока они не пришли в нашу землю, наши жилища никогда не разваливались и земля не тряслась так. И если они только захотят, то земля больше не будет трястись.

Спор женщин впервые со времени их совместной жизни принял такой ожесточенный характер и три забывшиеся невежественные и суеверные противницы Аннуир стали говорить такие глупости, что мужчины

пожалели, что затеяли этот разговор. Впрочем, это имело и благие последствия, как мы узнаем далее.

Чтобы угомонить женщин, Ордин позвал Аннуир с собой собирать ягоды в лесу. Сейчас же и три другие заявили, что настала пора запасать ягоды на зиму, и, захватив туесы — цилиндрические сосуды из бересты с крышкой, которая вставляется очень туго и имеет ручку, за которую сосуд можно нести,— тоже отправились в лес, но в другую сторону. Три путешественника остались одни и воспользовались случаем, чтобы поговорить на свободе.

— Мне кажется,— сказал Горюнов,— что нам не придется зимовать здесь. Отношение онкилонов становится явно недружелюбным.

— Да,— подтвердил Костяков,— и, если произойдет еще что-нибудь скверное, например новое землетрясение, или буря, или нападение вампу, нам лучше уйти незаметно и поскорее.

— Ничего, обойдется, товарищи! — заявил Горохов.— Не всякий же день земля трясется. И зимовать будем!

— Никите здесь очень нравится,— насмешливо сказал Костяков.

— Конечно, нравится! Чем здесь не житье? Еды вволю, теплота! Скоро женимся, будут жены хорошие.

— Вот в чем дело!..— протянул Горюнов и замолчал.

Стало ясно, что Горохов в случае конфликтов, пожалуй, станет на сторону онкилонов или выберет нейтральную позицию. Наступило тягостное молчание. Вскоре Горохов встал и вышел из землянки.

— Я боюсь,— сказал Горюнов,— что, если нам придется бежать отсюда спешно и тайком, Никита не захочет с нами идти и, может быть, выдаст наши намерения.

— Ну что вы! С чего вы это взяли? — удивился Костяков.— Ведь он тоже колдун, как и мы, и если нам станет опасно оставаться, то и ему тоже.

— Не совсем так. Я заметил, что онкилоны отличают его от нас. Кожа у него смуглая, тип более близкий к ним, говорит на их языке. Белым его назвать нельзя, не так ли?

— Пожалуй! Но все-таки он пришел с нами, живет с нами, имеет те же молнии и громы и прочие диковинные вещи.

— И все-таки положение его — несколько иное. Мое внимание обратил на это Ордин, а ему сказала Аннуир. Во всяком случае, нам следует быть не вполне откровенными с Никитой.

— Вы правы! А вот что мне кажется: сегодняшняя свара женщин показала, что в Аннуир мы имеем союзницу.

— Да, она безумно любит Ордина, и через нее мы можем узнавать планы онкилонов. А это будет, может быть, очень полезно.

— Интересно знать, в случае если нам придется бежать, пойдет она с нами или нет? Один раз она отказалась. Помните, там, на гребне, когда мы смотрели на море?

— Ну, это было вначале. А теперь она, пожалуй, пойдет за Ординым на край света.

Возвращение Горохова заставило прекратить разговор.

Горюнов и Костяков вышли за дверь посмотреть, как идет постройка.

Оказалось, что остов уже поставлен, и женщины начали его обкладывать дерном, который частью набрали из развалин, частью нарезали свежий. К ночи род, очевидно, мог уже устроиться на новоселье.

К вечеру вернулись четыре женщины, набравшие полные туесы дикой малины и черники.

Потом пришли Ордин с Аннуир, у которой ягод было мало, а глаза заплаканы. При виде ее жалкого сбора остальные захихикали и стали спрашивать, что же она делала в лесу.

— Я ее бранил за то, что она ссорилась с Аннуэн! — заявил Ордин.

Аннуир в изумлении вскинула на него глаза и покраснела, насколько это было возможно при ее смуглой коже. Аннуэн, видимо, была польщена, и мир в землянке водворился.

Когда все женщины в сумерки пошли доить оленей, Ордин хотел было завести разговор о событиях дня, но Горюнов успел ему шепнуть, чтобы он пока воздержался, указав глазами на Горохова, сидевшего на своей постели.

ПОЛОЖЕНИЕ ОСЛОЖНЯЕТСЯ

Внезапно снаружи раздался знакомый всем протяжный вопль онкилонов, повторенный несколько раз, а затем загрохотал военный барабан. Встревоженные путешественники выбежали из землянки и увидели, что онкилоны собрались у жилища Амнундака вместе с женами и детьми. Сумерки и сгущавшийся туман мешали видеть, что они делают, а зловещий гул барабана — слышать что-нибудь. Они пошли было туда, но наткнулись на бежавшую к ним Аннуир, которая, задыхаясь, проговорила:

— Не ходите туда, вернемся в наше жилище, пока женщин нет.

Она побежала вперед, путешественники за ней. Когда они вошли в землянку, Аннуир рассказала, что воины, посланные на розыски путешественников, обнаружили, что священное озеро исчезло, и заметили также следы ног белых людей на плитах обсохшего дна. Отпечатки ног на мягком иле, покрывавшем плиты, не могли ускользнуть от внимания опытных следопытов. Они поспешили назад и сказали Амнундаку, что белые колдуны были у священного озера и высушили его. По этому поводу и был вопль, барабан передает эту страшную весть по стойбищам.

— Напрасно вы туда ходили без онкилонов! — укоризненно сказал испуганный Горохов.— Теперь они не поверят, что не вы высушили озеро.

— Что же они думают делать? — спросил Ордин.

— Они сами не знают, что предпринять; они перепуганы. Воины видели тоже, что вся земля полопалась,— ответила Аннуир.— Вождь послал уже за шаманом и велел пригнать жертвенного оленя.

— Значит, будет ночное моление и вопрошание духов! — сказал Горюнов.— И каково будет внушение, которое получит шаман от духов, неизвестно. Может быть, он скажет, что нас всех нужно принести в жертву духам, чтобы умилостивить их?

— Онкилоны не приносят в жертву людей,— заявил Горохов.— Этого нам бояться нечего. Я думаю, шаман скажет, что мы должны уходить поскорее отсюда.

— Ну, это бы еще не беда! Уйти можно, хотя еще не время идти через льды, море вскрывается все шире,— сказал Горюнов.

— Да, не время, и никуда нам уходить не следует,— прибавил Горохов.— Я с ними поговорю, может, дело уладится как-нибудь.

Он вышел из землянки. Аннуир, немного помедлив, шмыгнула вслед за ним, так как Ордин шепнул ей что-то на ухо.

Пользуясь отсутствием Горохова и женщин, Горюнов передал Ордину содержание дневной беседы относительно Никиты, а Ордин рассказал, что он действительно побранил Аннуир за то, что она слишком горячо стала на сторону чужеземцев и поссорилась с остальными женщинами. Он дал ей понять, что в интересах этих чужеземцев, чтобы она не ссорилась со своим племенем, иначе от нее будут все скрывать; а между тем им ввиду обнаружившегося враждебного отношения онкилонов необходимо иметь верного человека из их среды, который мог бы узнавать своевременно их намерения и планы.

Но плакала Аннуир не из-за этого выговора, справедливость которого она прекрасно поняла, а из-за предстоящего в близком будущем бегства чужеземцев. Она все еще колебалась, как ей поступить в этом случае: племенная связь была еще сильна, а мысль о чужой стране страшна.

— Теперь она хорошенько обдумает этот вопрос,— закончил он,— свыкнется с мыслью и пойдет с нами. Она меня очень любит, и я ее тоже, и расстаться с ней было бы мне очень тяжело.

— А Горохов, того и гляди, сам останется здесь! — прибавил Горюнов.— Ему эта сытая и спокойная жизнь очень нравится.

— Ну, если события будут развиваться дальше так, как я предполагаю, то о спокойной жизни на этой земле говорить не придется,— сказал Ордин.

— Что же вы предполагаете?

— Знаете, где мы были с Аннуир? Мы дошли до следующей поляны, где находится одно из пузырящихся озер с периодом в полчаса. Мы просидели возле него больше часа и не видели ни разу поднятия пузыря и выхода пара.

— Вот оно что!

— Сопоставляя это с исчезновением священного озера и с многочисленными трещинами в почве, нетрудно сделать вывод, что землетрясение сильно на-

рушило подземный режим этой котловины. И мне становится жутко...

— Как онкилонам! — прервал его Костяков со смехом.— Если одно озеро вытекло, а другое перестало пузыриться, то нам от этого ни тепло, ни холодно. Все прочее ведь осталось.

— Подождите смеяться. Нам может сделаться очень холодно,— продолжал Ордин серьезно.— Чем обусловлен чудесный теплый климат этой котловины среди полярных льдов? Исключительно подземным жаром, выделяющимся еще из недр погасшего вулкана. Без этого тепла котловина была бы погребена доверху под массами льдов из постепенно накопившихся снегов.

— А-а-а! — протянул Костяков, и лицо его стало серьезным.

— Да! И землетрясение, нарушив подземный режим, то есть замкнув трещины, выводящие тепло из недр, может обусловить в ближайшем же будущем резкое изменение климата котловины...

— И гибель всех животных, растений и людей! — прервал его Горюнов.

— Да, гибель всего живого уже в течение предстоящей зимы. Мы знаем, какая мягкая была здесь зима, позволявшая животным добывать корм из-под снега.

— Но ведь главный жар дает северная часть котловины, а не пузырящиеся озера. Там, может быть, все осталось по-старому?

— Сомневаюсь. Первое землетрясение мы испытали именно там. Возможно, что еще не все трещины, выводившие кипящую воду и пар, закрылись. В таком случае изменение климата будет не такое резкое. Но кто поручится, что следующее землетрясение не докончит эту работу?

— Знаете, нам необходимо еще раз посетить долину Тысячи Дымов и выяснить, что там произошло.

— Да, это было бы полезно. Но я боюсь, что Амнундак не пустит нас.

— Почему же?

— Потому что первое землетрясение случилось как раз, когда мы были там. При суеверии онкилонов...

— Понимаю. Ну, пойдем тайком — все равно дружба у нас испорчена, хуже не будет.

— Но без конвоя страшновато. Можем встретиться с вампу,— заявил Костяков.

— Они убегут от первого выстрела, а от засады и ночью нас уберегут собаки. Если идти налегке, можно обернуться в два дня и ночевать у последней воды. Очень далеко забираться в долину Тысячи Дымов и не придется — сразу будет видно, продолжается ли выделение паров и кипящей воды.

— Правильно! — решил Горюнов.— Завтра же в путь да пораньше. Горохова опять оставим здесь и женщин, конечно, также.

— Нет, Аннуир я хотел бы взять с собой.

— Зачем это? Она стеснит нашу свободу.

— Нисколько, ходок она прекрасный. И, кроме того, если мы пойдем одни, это возбудит подозрение онкилонов, через стойбища которых придется идти. Аннуир будет играть роль конвоя.

— Баба в качестве конвоя при трех мужчинах! — рассмеялся Костяков.

— Ну, проводника, соглядатая онкилонов — как хотите. На тех стойбищах еще не знают, что у нас отношения с Амнундаком испортились. Кроме того, она хорошо знает дорогу к последнему стойбищу, откуда она родом, и действительно будет проводником, сбережет нам время.

— Вы опять правы! Значит, решено: завтра чуть свет в путь! И велите Аннуир потихоньку приготовить нам провизии на дорогу.

— А Горохову ни слова! Приготовим сейчас наши котомки и ружья, пока никого нет.

Едва путешественники успели сделать это, как в землянку вбежала запыхавшаяся Аннуир.

— Никита много говорил Амнундаку и воинам,— сказала она торопливо,— говорил, что земля больше не будет трястись и лопаться и что священное озеро вернется назад и что все будет опять хорошо. Онкилоны сердятся, зачем белые люди делают это. «Мы им всё дали: и жилища, и пищу, и молодых жен, а они не хотят сделать нам доброе». А женщины кричат: «Отнимите у них громы и молнии, и пусть они идут туда, откуда пришли. Без них мы жили спокойно». И Никита опять им начал говорить, а они твердят свое. Амнундак решил — вот придет шаман, помолится; как скажет — так и сделаем.

— Никита неосторожно наобещал им то, что может и не случиться,— сказал Горюнов.

— И в конце концов дело решит шаман независимо от этих обещаний Никиты,— прибавил Костяков.

— Я думаю, что шаман тоже прислушивается к «гласу народа»,— заметил Ордин.— Это хитрый старик. Вспомните, когда он волхвовал в день нашего прихода, он заявил от имени духов, что бедствия, *может быть*, не начнутся, пока белые люди остаются у онкилонов. Он оставил себе лазейку и оказался прав.

Вошел Горохов и сказал:

— Я их немного успокоил, а сначала они очень сердились, а хуже всего бабы: «Гоните их, нас то есть, в шею! — кричат.— Мы им и жилище, и пищу, и посуду всякую дали, и лучших девушек своих не пожалели, а они вот что нам делают!» И голосят, и голосят!.. Насилу их Амнундак шаманом успокоил: придет, мол, и рассудит, как быть с ними. Сейчас пришел шаман, и мне велели уйти.

— А мы надеялись, что будем присутствовать при молении,— сказал Горюнов.

— Никак нельзя,— ответил Горохов.— Шаман, как подошел, увидел меня, и сказал Амнундаку, чтобы белых людей на молении не было.

— Значит, будет суд в отсутствии подсудимых! — усмехнулся Костяков.— А женщины могут пойти?

— Они уже все там. От них и узнаем прежде всего, что скажет шаман.

Горохов, очевидно, не заметил Аннуир, когда вошел в землянку, а она за его спиной тихонько шмыгнула за дверь, как только услышала, что пришел шаман, а ему велели уйти.

— А знаете ли, какой холод на дворе? — прибавил Горохов, присаживаясь к огню и протягивая к нему руки.— Я совсем околел, пока там разговаривал. Густой туман, и холодный, словно у нас в Казачьем.

Ордин многозначительно переглянулся с Горюновым, и оба вышли на воздух.

Их охватил такой холод, какого они давно не испытывали,— температура, наверно, была едва выше нуля. И тьма была такая, что в двух шагах нельзя было различить друг друга. Свет от костра, выходивший из дымового отверстия землянки, едва освещал висевший в воздухе густой туман.

Из жилища вождя уже доносился грохот бубна и глухой голос шамана.

Собаки, почуяв хозяев, подбежали и стали визжать и проситься в землянку.

— Эге, и они отвыкли от холода! — сказал Ордин.— Ничего, привыкайте, скоро вернетесь на холодную родину.

— Но завтра мы идем на север? — спросил Горюнов.

— Вот узнаем, что вымолит шаман у богов. Может быть, придется в эту же ночь, пользуясь туманом, бежать отсюда.

— Едва ли мы найдем дорогу ночью!

— А эти твари на что? Они поведут нас,— ответил Ордин, лаская Крота, вертевшегося у его ног.

Когда они вернулись в землянку, Горохов укладывался спать от нечего делать. Выждав, пока он захрапел, путешественники переговорили с Костяковым относительно возможного бегства ночью и отобрали пожитки, которые нужно было взять с собой. Затем уселись к огню в тягостном ожидании возвращения женщин с моления.

Наконец явилась Аннуир, присела к огню и, пристально глядя в него, сказала со слезами на глазах:

— Худо будет онкилонам, шаман говорит. Холод, вода, огонь. Сбывается предсказание предков. Белые люди пришли — бедствия начались. Белые люди уйдут — бедствия останутся. Если могут — пусть помогут. Будем молиться, жертвы приносить. Нехорошо говорил, нескладно говорил. Три раза начинал моление. Теперь лежит, как мертвый. Онкилоны сидят, ждут, не скажет ли лучше.

Но путешественники остались довольны результатами волхвованья. Их, по крайней мере, прямо не назвали виновниками бедствий, не требовали, чтобы они прекратили их, не изгоняли немедленно из своей среды. А если бедствия дадут передышку на целые недели или даже месяцы, онкилоны успокоятся, и можно будет мирно доживать свое время и уйти, когда это будет удобно.

— Аннуир,— сказал Ордин,— завтра рано-рано мы пойдем в долину Тысячи Дымов, и ты пойдешь с нами. Но другим ничего не говори.

— Зачем вы опять идете в это нехорошее место?

— Нужно посмотреть, что там делается, скоро ли кончатся бедствия онкилонов.

— Как вы узнаете это? Шаман не знает, а вы знаете!

— Пойдешь с нами — и ты узнаешь, мы тебе растолкуем. Пойдем через стоянку твоего рода. Ты знаешь самую прямую дорогу?

— Как не знать — сколько раз ходила.

— И в туман дорогу найдешь?

— Постараюсь. Для тебя все сделаю!

— Ну, тогда ложись спать, вставать нужно рано.

Только что они улеглись, как явились остальные четыре женщины.

При виде пустой землянки они сначала испугались, подумали, что белые люди тайком бежали, но сейчас же заметили спящих и, погревшись немного у огня, разошлись по своим местам, откуда вскоре послышался тихий говор. Путешественники наутро узнали, что шаман, очнувшись, сказал, что белые люди не должны уходить, а то будет хуже. Поэтому и женщины вернулись к ним.

ЧЕРНАЯ ПУСТЫНЯ

Чуть свет три исследователя и Аннуир, одевшись потеплее и захватив котомки и ружья, отправились в путь. Горохову они оставили записку, что пошли на осмотр озер и вернутся только на следующий день, а его оставили онкилонам в залог своего возвращения. Туман был очень густ, но Аннуир быстро нашла прямую тропу к дальним стойбищам и уверенно вела своих спутников. Холод заставлял их идти быстро. На траве повсюду лежал иней, и одно из озер, мимо которого прошла тропа, оказалось покрытым тонким льдом у берегов.

— Никогда еще у нас не было так холодно в это время! — заметила Аннуир при виде льда.

— Вот мы и идем в долину Тысячи Дымов, чтобы узнать, почему стало так холодно,— пояснил ей Ордин.

Туман рассеялся только к полудню, когда путники дошли до последнего стойбища, где сделали привал для обеда. Оно тоже развалилось при землетрясении,

но было уже почти восстановлено. Его население встретило белых людей дружелюбно — до него не дошли еще настроения и подозрения, развившиеся накануне в роде Амнундака. Они знали об исчезновении священного озера и были встревожены, но барабан не передал, что в этом винят пришельцев.

Присутствие Аннуир, которую ее родня любила, отстранило всякое подозрение, что белые люди бежали, а когда три воина, узнав, куда лежит путь, предложили себя в конвоиры и это не было отвергнуто, не осталось даже мысли об отлучке без согласия вождя.

Отдохнув, отправились дальше. Солнце уже пригревало, но день производил впечатление осеннего, а не летнего. Пошли кратчайшим путем на север и часа через три достигли пояса скудной растительности; а немного позже вступили в пустынную местность. Происшедшая в ней перемена была заметна уже за несколько километров — не видно было многочисленных столбов белого пара на горизонте, и вдали отчетливо рисовалась черная стена окраины котловины. Когда вступили в пределы долины Тысячи Дымов, все были поражены. Не осталось ни одного из тысячи столбов, оживлявших местность своими клубами и радугами; в кипящих озерах вода или исчезла, или стояла спокойно, хотя была еще горяча. Повсюду, насколько хватал взор, расстилалась голая, черная безжизненная пустыня из лавы с ее шлаковатой поверхностью, пересеченной в разных направлениях трещинами; от нее шел теперь сухой жар, и проносившийся по временам ветерок, подобный дыханию из огромной хлебопекарной или металлургической печи, вздымал черную пыль и крутил ее смерчами по мертвой равнине. Накаленный воздух струился по ее поверхности и становился непрозрачным, так как черные обрывы окраины казались плавающими на поверхности обширного озера и приобретали фантастические очертания. Казалось, что за озером на самом берегу его возвышался огромный город.

С изумлением все созерцали происшедшую перемену. Онкилоны были из тех, которые сопровождали путешественников в прошлый раз, и им стало жутко. Они перешептывались и наконец спросили:

— Где же тысячи дымов, которые мы видели

здесь? Где озерки, в которых мы варили мясо? Что это значит, скажите, белые люди? Почему подземные духи перестали варить и топить там, в глубине? Умерли они, или заснули, или ушли в другое место?

Горюнов объяснил им при помощи Аннуир, что все это — последствия землетрясения. Они поняли только наполовину и сделали вывод, неожиданный, но правильный:

— Значит, нам далеко, как прошлый раз, ходить не нужно?

Действительно, проникать в глубь черной пустыни не было надобности, да и было бы очень трудно. В накаленном воздухе было трудно дышать. В прошлый раз многочисленные столбы пара, испаряясь в атмосфере, несколько понижали температуру; было жарко, как в бане, но терпимо.

Бросив последний взгляд на мертвую пустыню и маячивший вдали фантастический город, повернули обратно и на закате остановились на ночлег у первого из озер в полосе растительности. Здесь было еще тепло — северный ветерок приносил жар из пустыни. Расположившись у костра и поджаривая мясо, стали обсуждать положение. Аннуир беседовала со своими родичами — и путешественники могли говорить свободно; они были встревожены.

— Какие выводы можно сделать из того, что мы видели сегодня? — спросил Горюнов.

— Мне кажется, очень серьезные,— ответил Ордин.— Мое предположение, что землетрясение сильно изменило подземный режим котловины, к сожалению, оправдалось полностью, и грелка Земли Санникова, как с полным основанием можно назвать долину Тысячи Дымов, испортилась. Почва в ней еще горяча, но она скоро остынет, и в ближайшее время начнется замерзание котловины, и этот оазис среди полярных льдов быстро исчезнет.

— И ничего другого ожидать нельзя? Это единственный возможный результат? — спросил Костяков.

— Нет, он был бы единственным, если бы послевулканическая деятельность, выражавшаяся в этих фумаролах, кипящих и пузырящихся озерах, умирала естественной смертью, постепенно ослабевая. Но тогда и гибель жизни в котловине шла бы очень медленно — может быть, целые десятилетия; зимы станови-

лись бы мало-помалу суровее и длиннее, животные, растения и человек долго боролись бы с этим ухудшением жизненных условий.

— А теперь они осуждены на гибель в течение одной зимы?

— Да, если не случится в ближайшие же недели или месяцы восстановления грелки.

— Почему же она может восстановиться?

— По-моему, не может, а должна. Землетрясение закрыло трещины, по которым выделения из потухшего или заснувшего — этого мы не знаем — вулкана в виде паров и газов, весьма обильных, прорывались на поверхность. Эти выделения не прекратились — им только отрезан путь вверх. В глубине они накапливаются и рано или поздно должны найти себе выход; чем позже это случится, тем катастрофичнее будет прорыв. Поэтому нужно пожелать, чтобы поскорее случилось еще землетрясение, которое откроет парам и газам старые или же новые пути вверх; это будет самый безболезненный способ разрешения кризиса, потому что, если пары и газы, накопившись до крайнего напряжения, начнут сами прокладывать себе выход, это может даже кончиться восстановлением вулкана, то есть гибелью населения, но уже не от холода, а от огня.

— Вот так история! — воскликнул Костяков.— Несчастные онкилоны, им все равно погибать — так или иначе!

— И единственное спасение — в новом землетрясении! — сказал Горюнов.— А они молят богов, чтобы земля больше не тряслась.

— Да, в новом и скорейшем. Так как если оно случится только будущей весной, то уже мало поможет: большинство животных не переживет зиму с морозами в сорок—пятьдесят градусов и многодневными пургами. Онкилоны в землянках могут ее пережить — дров здесь достаточно, но будущим летом они начнут вымирать от голода, так как вся крупная дичь исчезнет.

— А перелетные птицы, а водяные орехи, грибы, ягоды, корешки? Вы смотрите слишком мрачно.

— Ну, пожалуй. Все-таки питаться им придется меньше и хуже. Разве что займутся хлебопашеством, огородничеством, разведением рыбы, скотоводством.

Но для этого им нужно доставить семена, орудия и научить их.

— Следовательно, вернувшись домой, мы должны сказать шаману и Амнундаку, что нужно молить богов о скорейшем землетрясении? А если оно создаст новые пути в южной части котловины?

— Это, конечно, будет хуже, потому что погибнет более или менее крупный участок растительности, может быть, оленьи пастбища, поляны, землянки. Но все-таки это лучше, чем полная гибель от холода.

— А что делать нам? — спросил Костяков.

— Нам нужно протянуть время возможно дольше и уходить из котловины в крайнем случае,— ответил Ордин.

— Поживем — увидим, что будет дальше, как изменится погода, каково будет настроение онкилонов. Оставаясь, мы рискуем меньше, чем в случае преждевременного ухода,— подтвердил Горюнов.

Утомленные далеким переходом, путники скоро и спокойно заснули.

Онкилоны по очереди караулили.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

На следующий день путешественники, миновав последнее стойбище, довольно рано возвратились домой. Вокруг землянки вождя они увидели скопление онкилонов, окруживших воинов соседнего стойбища, которые только что привели пленного вампу.

Они рассказывали, что в этот день утром, отправившись на охоту, они наткнулись на пять вампу, повидимому разведчиков, высматривавших возможность похищения оленей. Их настигли недалеко от стада. Произошла стычка, во время которой двух вампу убили, два успели бежать, а одного раненого взяли в плен и привели в подарок чужестранцам. Воины знали, что последние собирают шкуры и черепа диких животных; во время последней экскурсии в долину Тысячи Дымов взяли череп и кости вампу, съеденного волками, и решили, что живой вампу еще лучше годится для той же цели. Пленник стоял с крепко связанными назад руками, покрытый кровью из нескольких ран от копий и стрел, и, по-видимому, едва

держался на ногах. Его обступили сплошным кольцом женщины и дети, которым приходилось видеть вампу очень редко. Теперь они могли вволю насмотреться на живого вампу.

Когда путешественники заявили, что вампу интересен для них, пока он живой, Амнундак распорядился, чтобы его привязали к дереву. Путешественники решили поторопиться сделать все измерения, которые их интересовали, снять фотографии, а затем попросить вождя отпустить вампу.

Пленник был еще молодой, мускулистый, как все эти первобытные люди. Измерениям черепа, конечно, мешала спутанная грива волос, наполненных многолетней грязью, и Горюнов решил остричь его. Когда он подошел к вампу с блестящими ножницами, последний подумал, что его собираются зарезать, и испустил дикий вопль. Операция стрижки производилась под взглядами целой толпы онкилонов, окружившей дерево,— им никогда еще не приходилось видеть подобное, и самый инструмент был им незнаком. Пленник принял это за прелюдию к каким-нибудь истязаниям и старался схватить своими крепкими зубами руку мучителя, так что пришлось завязать ему рот. Блестящие инструменты для измерения черепа привели его в трепет. Эти измерения, а также обмер тела он, конечно, счел за какие-то колдовские манипуляции, в результате которых с ним должно было произойти что-то очень скверное. Наконец, когда принесли и поставили перед ним на блестящем треножнике какой-то черный предмет и раздался щелк затвора, он закрыл глаза, вообразив, что сейчас его поразит молния. Поэтому, когда его наконец оставили в покое и с ним ничего не случилось, он, видимо, был удивлен.

Онкилоны с громадным интересом следили за всеми этими операциями; измерения головы и тела были им уже знакомы, так как сначала женщины, а затем некоторые воины и дети уже подвергались им, и всегда эти измерения заканчивались тем же черным предметом на блестящей треноге, значения которого онкилоны не могли понять.

Когда все было кончено, Горюнов попросил вождя отпустить пленника на волю, но получил решительный отказ.

— Сегодня вечером у нас опять будет моление, и шаман узнает решение духов, должен ли вампу умереть,— заявил Амнундак.— До сих пор мы пленных не отпускали никогда.

Уже смеркалось, и путешественники, утомленные далекой экскурсией и историей с пленником, были рады вернуться в свою чистую землянку и расположиться у пылающего огня. Туман уже сгущался и снова становилось холодно. От Горохова они узнали, что и накануне, и в этот день туман держался до полудня, а потом, несмотря на то что солнце было видно, все время было холодно, «как у нас в Казачьем в эту пору». В этот день был замечен отлет стрижей на юг, а гуси и утки также собирались к отлету, побуждаемые наступлением холода. После двух морозных ночей трава на полянах поблекла и легла, а листья на деревьях, не желтея, начали падать. Онкилоны были удивлены и говорили, что такие холода и туманы у них бывали только целым месяцем позже, а птицы улетают теперь также раньше обычного времени. По поводу холода в этот вечер и было назначено моление.

Когда стемнело, Горохов пошел узнать, не пришел ли шаман и могут ли белые люди присутствовать на молении. Он вернулся с известием, что в этот раз моление будет только в присутствии воинов, и даже женщины и дети будут удалены из землянки.

Ввиду холода Амнундак просил белых людей пустить женщин с детьми на это время в их жилище.

— Мне пришло в голову, что они затевают что-то недоброе! — сказал Ордин при этом известии.— Они удаляют всех женщин, чтобы мы не могли узнать ничего через них.

— Возможно,— ответил Горюнов.— Но помешать им мы не можем, и остается только быть настороже. А вот спросите Аннуир, бывают ли у них моления подобного рода.

Аннуир сообщила, что подобные моления бывают перед походами против вампу.

Вскоре землянка наполнилась женщинами и детьми, пришедшими коротать время своего изгнания у костра белых людей. Они и раньше бывали здесь в гостях, особенно во время отлучек чужестранцев; но теперь, явившись целым родом, были смелее, принесли

с собой палочки с мясом, лепешки и начали готовить ужин; их смех и шутки, взвизгивание детей, плач младенцев наполнили землянку. При взгляде на этих веселых и беззаботных людей, недавно еще предлагавших гнать в шею чужеземцев и винивших их в бедствиях, предсказанных предками, а теперь болтавших и шутивших с теми же чужеземцами, путешественники не могли не подумать о том, что видели накануне в черной пустыне и что грозило близкой гибелью этому первобытному племени, если положение не изменится.

— Я все думаю и не могу решить...— сказал Горюнов Ордину, уединившемуся с ним в углу землянки, когда смех и шутки женщин начали надоедать,— не могу решить, должны ли мы сказать онкилонам о грозящей им гибели и предложить им уходить вместе с нами на юг.

— Я тоже думал об этом,— ответил Ордин,— но решил, что это преждевременно. Сейчас море открыто и идти им, не имея лодок, некуда. А кроме того, неизвестно, оправдаются ли и в каком виде мои опасения. Если восстановится так или иначе грелка Земли Санникова, все может измениться к лучшему, может быть, на целые десятилетия.

— А если грелка не восстановится и на наших глазах начнет надвигаться зима?

— И все-таки говорить им ничего не придется. Куда они могут идти через льды в полярную ночь, без достаточно теплой одежды, без топлива, без оленей, которые погибнут от голода через несколько дней пути по льдам? Нет, эту зиму они кое-как переживут, а весной, когда увидят, что снега не тают, что животные погибли, сами могут додуматься до необходимости уйти отсюда.

— Верно! А весной мы можем вернуться сюда с большой экспедицией, которую пошлет академия, чтобы изучить землю и ее население, прежде чем снега окончательно заполнят котловину. Тогда легче будет устроить и исход онкилонов — они поверят в его необходимость.

— А теперь они будут только требовать от нас, чтобы бедствия прекратились!

После ужина женщины по просьбе Горохова устроили пляску. Детей со старухами рассадили по уг-

лам, а сами, разоблачившись, по обыкновению, донага, взявшись за руки, пошли хороводом вокруг огня. Пляска состояла в подпрыгивании, поднимании то правой, то левой ноги, в движениях рук, изгибах туловища в разные стороны под аккомпанемент припева простой мелодии. Такими плясками женщины развлекали себя и мужчин в долгую полярную ночь, когда надоедало однообразное сидение в землянке. Сначала припев и движения были медленные, словно плясали нехотя, но постепенно стали живее, и наконец женщины завертелись так быстро, что у зрителей зарябило в глазах и зазвенело в ушах от топота ног, хлопанья в ладоши и взвизгиваний. Смуглые тела извивались в бешеной пляске, косы развевались, ожерелья подпрыгивали на груди, запястья мелькали взад и вперед, глаза разгорелись, губы раскрылись, обнаруживая блестящие белые зубы. Наконец, дойдя до изнеможения, все попадали на землю и растянулись в разных позах вокруг огня, тяжело дыша и поправляя свои пояски. Черно-синие линии татуировки выделялись теперь особенно резко на покрывшихся потом телах, и можно было видеть прихотливые узоры, цветы, листья, солнца, головы, животных, изображенные фантазией первобытных художников — старух, занимавшихся этим делом на телах девушек в долгую полярную ночь и старавшихся превзойти друг друга в замысловатости этих украшений. Мы уже описали татуировку женщины со змеями — второй жены Амнундака. У Аннуир тело спереди было покрыто листьями и цветами разных фасонов, а сзади между лопатками сияло солнце, лучи которого расходились до шеи, плеч и поясницы; ниже последней были изображены две луны, обращенные рогами друг к другу. Раку была покрыта зигзагообразными линиями спереди и волнистыми сзади, причем на лопатках и ниже поясницы эти линии закручивались спиралями. Девушки щеголяли друг перед другом замысловатостью узоров на своем теле, а молодые воины на весеннем празднике также оценивали своих избранниц с этой точки зрения.

Отдохнув, женщины уселись большим полукругом позади огня, против путешественников, и затеяли игру: сидевшая на правом фланге шлепнула левой рукой соседку по спине с возгласом «первая»; та проделала

то же со своей соседкой слева с возгласом «вторая»; так волна шлепков прокатилась дальше до левого фланга; если какая-нибудь сбивалась в счете, ее тузили справа и слева при общем хохоте. С левого фланга волна шлепков, но другой рукой, пошла обратно, опять со счетом начиная с первой, но на половине полукруга скрестилась с новой волной, шедшей справа; таким образом легко было сбиться в счете, что давало повод к частым потасовкам ко всеобщему удовольствию. Когда эта забава надоела, перешли к другой: женщины присели на корточки и, вытянув вперед руки, одновременно протягивали к огню правые ноги, а затем, очень быстро подтянув их назад, протягивали левые; если которая-нибудь опаздывала или протягивала не ту ногу, соседки при общем смехе опрокидывали ее на спину, и обе ноги ее мелькали в воздухе. Эта игра так раззадорила женщин, что скоро они начали опрокидывать друг друга без всякого повода, и кончилось тем, что все они лежали на земле, ногами к костру и хохотали.

— Эти пляски и игры,— заметил Горюнов,— прекрасная гимнастика, чтобы размять отекшие от долгого сидения члены в долгую полярную ночь.

— Да, мужчины ходят на охоту, стерегут оленей, рубят дрова, а женщины обречены на домашние работы в землянке,— подтвердил Ордин.

— Первая игра называется у них «ожерелье», а вторая — «лягушки»; есть еще третья, «испытание», она спокойная,— сказал Горохов и прибавил, обращаясь к женщинам: — Покажите нам «испытание»!

Женщины присели по местам.

— А кто у нас с прошлой зимы остался терпеливой? — послышался вопрос.— Ты, Анну?

— Я! — заявила Аннуэн.

— И я тоже в своем роду! — заявила Аннуир.

— Ты здесь чужая, и тебя нужно сначала испытать, правда ли, что ты терпеливая. Ложись первая,— решили женщины.

Принесли шкуру, положили ее недалеко от костра среди полукруга, и Аннуир вытянулась на ней навзничь. Аннуэн взяла чашку, наполнила ее до краев водой и поставила на живот лежавшей, затем присела у ее ног и стала щекотать ей подошвы. Остальные женщины начали громко считать. Испытание состоя-

ло в том, что лежащая, несмотря на щекотанье, должна была лежать настолько смирно, сдерживая даже дыхание, чтобы из чашки не пролилось ни капли воды, пока не окончится счет до десяти. Хотя у онкилонов подошвы были огрубевшие от ходьбы босиком, но испытание, однако, выдерживали немногие, тем более что женщины нарочно считали очень медленно. Выдержавшая получала титул терпеливой и право щекотать подошвы всех нетерпеливых.

Аннуир в этот раз не выдержала — и на девяти захохотала; правда, ее соперница в любви щекотала очень сильно.

— Ну, вот ты и соврала! — заявила последняя злорадно.— Никогда ты не была терпеливой!

— Может быть, и ты не была! — запальчиво возразила Аннуир.

— Другие знают! А если не веришь, можешь испытать меня и даже большим терпением,— гордо заявила Аннуэн.

— Да, она может и это! — подтвердили другие.

— Ну-ка, покажи, Аннуэн! — сказал Ордин.

Аннуэн легла на место Аннуир, а последняя, наполнив чашку, поставила ее выше живота, под груди, и стала щекотать живот возле пупка — место самое чувствительное. Но Аннуэн лежала как каменная и выдержала испытание.

— Попробуй-ка выдержать это! — сказала она насмешливо, поднимаясь, и выплеснула воду из чашки прямо в лицо Аннуир.

Это была привилегия выдержавших большое испытание; Аннуир только обтерлась молча и отошла, пристыженная.

Одна за другой ложились женщины, и Аннуэн всех доводила до смеха: одних раньше, других позже, и основательно обливала водой прежде, чем они успевали подняться, к общему удовольствию остальных.

Не выдержавшие испытания потом сушились у костра и хохотали, глядя, как со следующими происходило то же. Выдержала только еще одна из женщин, и, когда все прошли через испытание, Аннуир пожелала подвергнуться ему вторично, но с тем, чтобы ее испытывала новая терпеливая. Аннуэн протестовала, но остальные, зная их соперничество, нашли, что Аннуир вправе требовать повторения, раз она прежде

была терпеливой. Аннуир согласилась даже на большое испытание и храбро выдержала его, но не воспользовалась своим правом облить водой ту, которая ее щекотала. О, если бы на месте последней была Аннуэн! Эта получила бы полную порцию!

— Ну, теперь у вас две сверхтерпеливые невесты! — поздравил Ордина Горюнов.

— И обе ревнивые! — прибавил Костяков.

— В полном порядке вещей,— рассмеялся Ордин, который был доволен, что Аннуир восстановила свою репутацию.

Посидели еще у огня, болтая, но скоро явился старик из жилища Амнундака и сказал, что женщины могут вернуться, так как моление кончено.

— Что сказал шаман? Что открыли ему боги? Что ожидает нас? — посыпались на него вопросы.

— Завтра узнаете, а теперь идите спать,— уклончиво ответил старик и вышел.

Женщины оделись, подняли детей, спавших по углам, и одна за другой покинули жилище белых людей. Снаружи раздались их возгласы: «Опять холодно! Ох как холодно! Какой туман! Держитесь друг за друга, чтобы не заблудиться».

Аннуир пошла с ними, чтобы постараться разведать что-нибудь о результате моления, но очень скоро вернулась и сказала:

— Амнундак и все воины куда-то ушли — провожать шамана, что ли; в жилище никого нет, кроме двух стариков,— один спит, а другой меня обругал за любопытство.

— Очевидно, и нам самое лучшее лечь спать. До завтра мы ничего не узнаем,— сказал Горюнов.

Если бы путешественники знали, что велели духи шаману и что онкилоны стали немедленно приводить в исполнение, они бы не могли лечь спокойно спать.

Тотчас по окончании моления от жилища вождя, несмотря на туман и холод, на юго-запад отправились все наличные воины, впереди шли несколько человек с факелами, за ними Амнундак и шаман с учеником, далее четыре воина несли на носилках пленного вампу, а остальные онкилоны замыкали шествие, все в полном вооружении и глубоком молчании. Слышался только легкий топот ног, постукиванье стрел в колчанах и поскрипыванье носилок. Уверенно находя до-

рогу в тумане, передовые с факелами вели этот странный кортеж через леса и поляны к священному озеру. На берегу последнего пленника, связанного по рукам и ногам, положили на жертвенную плиту, шаман стал у его головы, ученик — у ног.

Амнундак и воины окружили плиту сплошным полукольцом, открытым к озеру, в котором все еще не было воды. Все воины теперь зажгли факелы и подняли их над головой, шаман взял бубен, и началось моление перед жертвой. Многочисленные факелы бросали колеблющийся красный свет на черную плиту, на распростертого на ней нагого волосатого человека, на шамана в его странном наряде, с высоко поднятым бубном, издававшим глухой грохот, на полукольцо вооруженных людей с орлиными перьями в волосах, с суровыми лицами, поднятыми к шаману в благоговейном созерцании. Кругом висел и колыхался туман, по временам разрываясь, и тогда показывались черные обрывы, дно озера, покрытое камнем, и темное жерло. На онкилонов, да и на всякого человека это ночное моление в такой обстановке не могло не произвести глубокого впечатления. Пленник, очевидно догадавшийся об ожидавшей его участи, дико вращал глазами, и все тело его вздрагивало мелкой дрожью. После прелюдии на бубне, имевшей целью вызвать духов и обратить их внимание на себя, шаман опустил руки, поднял свое худощавое лицо, изборожденное морщинами, вверх и, устремив взор на волны тумана, глухим голосом начал молить духов.

— Оммолон, Амнунгем, Иргани! — взывал он многократно.— Властелины подземного царства, призываю вас! Мы принесли вам жертву — живого человека, жертву красной дымящейся крови. Примите ее, не трясите нашу землю, закройте щели, возвратите воды этого озера! Оммолон, Амнунгем, Иргани! Слушайте, мы призываем вас!

Называя имена духов, шаман повышал голос до крика, и эти странные имена несколько раз повторялись отражением от обрывов, окружавших озеро. Казалось, что это откликались подземные духи, повторяя свои имена. При последнем возгласе шаман внезапно выхватил из-за пояса свой каменный жертвенный нож и, быстро нагнувшись, вонзил его в грудь вампу, испустившего ужасный вопль, также повто-

ренный обрывами. Оставив нож в ране, шаман наступил ногой на лицо умирающего пленника и опять забил в бубен.

Когда тело перестало вздрагивать, шаман вынул нож, вытер его о волосатую кожу вампу и сказал:

— Унесите жертву и бросьте ее в глубь входа в подземное царство!

Шесть воинов осторожно подняли труп и понесли его, перебираясь по скользким и наклонным камням к жерлу, другие воины светили им спереди и сбоку. Когда они подошли к жерлу, раздался удивленный и радостный крик:

— Вода идет, вода показалась!

Действительно, жерло, только что зиявшее еще своей черной пустой пастью, уходившей вглубь, до краев заполнилось бурлящей водой.

— Жертва наша принята подземными духами! — возгласил шаман.— Вода возвращается в священное озеро... Привяжите камень к ногам жертвы и бросьте ее скорее в жерло! — распорядился он.

Опустив труп на камни, воины развязали его руки и привязали тем же ремнем большой камень к ногам. Потом подняли труп, раскачали его на руках и бросили в жерло, из которого вода выливалась уже на дно озера. Черные волны с дрожащими красными отблесками от факелов сомкнулись над головой дикаря.

— Приведите жертвенного оленя! — возгласил шаман.— Принесем жертву добрым духам неба!

Раздвигая ряд воинов с факелами, протискивались вперед два онкилона, ведшие за рога белого оленя. Его рога были украшены цветными кожаными лентами, а шерсть обрызгана пятнами красной охры. Животное, испуганное многочисленными огнями, упиралось и мычало. Его подтащили к плите, подняли на нее и повалили к ногам шамана.

Снова загудел бубен, и шаман начал призывать добрых духов неба, прося их вернуть онкилонам тепло, прекратить холода и сохранить оленьи стада. Снова сверкнул жертвенный нож, пронзивший затылок оленя,— алая кровь брызнула на белую шерсть, и животное растянулось без движения. Его оставили на плите, отрезав только голову, которую всегда получал шаман.

Вода в озере быстро поднималась, уже заливая глу-

бокую часть дна, когда шаман, поклонившись священным водам, возвращенным из подземного царства, спустился с плиты. В прежнем порядке, но с носилками, украшенными только головой оленя, весь отряд двинулся в обратный путь.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ У ОНКИЛОНОВ

На следующее утро путешественники с удивлением узнали два факта: ночью было землетрясение и восстановилось священное озеро. Последнее можно было объяснить первым, но почему же они его не почувствовали? По расспросам оказалось, что землетрясение почувствовали только те два старика, которые остались в землянке Амнундака после ухода прочих; они заснули и были разбужены довольно сильным ударом, выбежали на воздух, но так как все было спокойно, земля только чуть дрожала, они от холода скоро вернулись назад.

— Почему же мы ничего не чувствовали? — удивился Горюнов.— Не приснилось ли это старикам? Ни мы, ни наши многочисленные гости ничего не заметили.

— Постойте! — воскликнул Ордин.— Не случилось ли это тогда, когда наша землянка вся дрожала от топота плясавших женщин?

— Ну конечно, так! В это время легко было не заметить удар, очевидно не слишком сильный.

— Но который все-таки восстановил сообщение священного озера с...— Ордин замялся.

— С чем восстановил?

— Я хотел сказать — с морем, но спохватился, что ведь прежнсе озеро стекало в море и высохло не потому, что эта связь прекратилась, а потому, что сильно сократился приток воды из котловины.

— Знаете, это надо обследовать. Это очень важный вопрос, почему появилась вода. По рассказам онкилонов, она стала подниматься из жерла.

— Если мы пойдем туда и окажется, что вода снова исчезла, нас обвинят в новой беде и никаким оправданиям не поверят. Нет, лучше подождем и пойдем вместе с Амнундаком,— заявил Костяков.

И еще один факт, случившийся ночью, узнали пу-

тешественники. Пленный вампу сумел развязать веревку и бежал, воспользовавшись тем, что карауливший его воин задремал у костра.

Все эти вести принесла Аннуир, первая вернувшаяся с утреннего доения оленей.

— Когда же онкилоны успели узнать, что озеро вернулось, и даже увидеть, как поднималась вода? — удивился Ордин.

— Ночью было моление у священного озера. Амнундак, шаман и все воины ходили туда. Принесли жертву — белого оленя,— и сейчас же вода стала выходить,— сказала Аннуир с радостным видом, очевидно вполне веря в действенность моления и жертвы.

— Жертва была!..— протянул Горюнов и замолчал.

Он сопоставил таинственное жертвоприношение ночью, которому предшествовало удаление всех женщин и детей из жилища, и исчезновение пленника и заподозрил недоброе.

Позже, пользуясь отлучкой всех жен и Горохова, он сообщил свои подозрения двум товарищам.

— Непременно нужно узнать, верно ли мое подозрение,— закончил он.— Если они начали приносить в жертву людей, то, начав с вампу, они могут перейти и к нам, если бедствия не прекратятся.

Но узнать что-нибудь об этом факте не было возможности. Воины рассказывали охотно, что шаману на молении духи велели принести в полночь жертву, обычную жертву — белого оленя, на берегу священного озера, после чего вода начала выступать из жерла и залила на их глазах все дно. Они отрицали, что было землетрясение в эту ночь, очевидно, не заметили его на ходу к озеру или во время моления на берегу.

Прошло несколько дней; была только половина августа, но пахло глубокой осенью: каждую ночь были морозы, туман, иней; листья на деревьях, не успев пожелтеть, валились, трава на полях вся поблекла и полегла. Перелетные птицы исчезли, и озера опустели; за ночь они теперь замерзали целиком и едва оттаивали к вечеру. Солнце часто скрывалось за густыми тучами и еле грело. Женщины начали вытаскивать из мешков зимние одежды и спешно чинить их. Мужчины усиленно занялись заготовкой дров. Путешественники опять начали замечать недружелюбные

взгляды, которые бросали на них онкилоны при встречах, а женщины, кроме Аннуир, снова стали чаще отлучаться и проводить время в землянке Амнундака. По совету Ордина, Аннуир тоже начала уходить вместе с ними, чтобы не выделяться своей преданностью чужестранцам и поэтому легче узнавать замыслы онкилонов.

15 августа с утра подул северный ветер и началась настоящая пурга — валил снег при температуре в несколько градусов ниже нуля. К полудню снег прекратился, и, выйдя из землянки, путешественники могли видеть Землю Санникова в полном зимнем наряде; поляну, покрытую толстым слоем снега; оголенный лиственный и украшенный снегом хвойный лес. Онкилоны тоже вышли из землянки вождя и осматривались; женщины сейчас же побежали к ним.

В сумерки к путешественникам пришел Амнундак, что не случалось уже давно, со времени размолвки после землетрясения, разрушившего его жилище. Он присел к костру и, грея руки и уставившись взором в огонь, повел такую речь:

— Что же это будет с нами, белые люди? Зима пришла на целую луну раньше времени. Деревья даже не желтели, а замерзли. Птицы улетели, солнце не греет. Если снег будет все прибавляться, все наши олени погибнут. И быки, лошади, носороги тоже погибнут. Чем онкилоны будут питаться?

Путешественники слушали молча эти сетования; они знали причину преждевременных холодов и знали, что на улучшение нет надежды, пока не восстановятся подземные пути, дававшие котловине тепло. Но кто мог сказать, когда это случится? И чем они могли обнадежить Амнундака?

Не получая ответа, последний встал и, подняв руку с угрожающим жестом, сказал:

— И все это сделали вы! Вы пришли к нам из страны снегов и холодов и принесли сюда холод и снег, потому что вам они приятны, вы любите жить на белой земле, белые люди! Холодом и снегом вы хотите погубить всех онкилонов, чтобы занять нашу землю. Чукчи вытеснили наших предков сюда! Вы, могущественные белые колдуны, хотите погубить нас совсем!

Он круто повернулся и вышел из землянки. Путе-

шественники обменялись встревоженными взглядами, и, когда вождь удалился, Горюнов сказал:

— Теперь, я думаю, медлить уже нечего — нужно уходить завтра пораньше в путь; дует северный ветер, озера замерзли, тумана не будет, снег еще неглубок.

— Да, если он еще подвалит, нам без лыж трудно будет идти,— прибавил Костяков.

— И зимней одежды у нас здесь нет — все на складе,— заявил Ордин.

— Вы как знаете,— решительно сказал Горохов,— а я останусь у онкилонов. Этот холод скоро пройдет, и мы заживем по-прежнему. А вы во льдах пропадете, не добравшись до Котельного.

Его стали убеждать, но он упорно твердил, что здесь лучше, чем в Казачьем: жизнь сытая, спокойная, жена хорошая, землянка теплая,— нечего на судьбу роптать.

— А если вас, Никита, зарежут, как зарезали вампу, принесут в жертву богам, чтобы холод кончился? — спросил Горюнов.

— Пустяки говорите! Вампу убежал. Онкилоны людей не режут. Если бы резали, давно бы нас всех прикончили, не стали бы разговаривать, как вот Амнундак сейчас приходил. Просить будут нас, а не резать.

Воцарилось тягостное молчание.

Немного погодя Горохов поднялся и вышел, а через минуту вбежала Аннуир.

— Сейчас Амнундак пришел от вас к себе и сказал нам: «Белым людям больше женщин не дадим. Пока они не прекратят холод и снег, вы живите у меня, туда не ходите, а то вам худо будет». А все мужчины и женщины закричали: «Давно бы так, пусть они поживут без жен, без молока, без лепешек!» Я только попросила отпустить меня за моим одеялом. Он сказал: «Иди, но сейчас же возвращайся назад!»

Аннуир взяла свое меховое одеяло и сказала Ордину на ухо:

— Ночью, когда там уснут, я приду к тебе, расскажу, что узнаю,— дело, кажется, нехорошее.

Она убежала, оставив путешественников в угнетенном настроении.

— Да, завтра уходим чуть свет,— сказал Костяков.— Это, очевидно, первый шаг в цепи репрессий,

ожидающих нас, чтобы заставить отменить раннюю зиму.

— И если мы будем медлить, то дождемся, что к нам поставят в землянку караул, и тогда уйти будет не так-то легко,— прибавил Горюнов.

— Пока Горохова нет, приготовим все к отходу,— заметил Ордин.— Но интересно, куда он пошел,— не Амнундаку ли, выдать наши намерения?

Горохов и женщины в течение всего вечера не возвращались. Путешественники сами приготовили себе ужин, сварили чай, уложили котомки, затем еще долго сидели, обсуждая положение, наконец легли спать. Горохов, очевидно, остался ночевать у Амнундака.

Среди ночи Ордин был разбужен Аннуир.

— Уходить нужно вам скорее,— сказала она шепотом.— Воины говорят: вот подземным духам принесли в жертву вампу — они вернули воду в священное озеро; духам неба пожертвовали только оленя — они рассердились и прислали зиму. Нужно и им жертву получше. Не говорят, а я полагаю — на вас думают.

— А Никита слышал это?

— Нет, это было раньше. При нем не говорили. Он пришел и стал говорить, что хочет онкилоном сделаться, от вас уйдет, будет с нами жить, он им не хочет беды делать. Так весь вечер рассказывал, как худо жить в вашей земле. Теперь онкилоны поняли, почему вы сюда пришли: хорошую землю для своего племени ищете. А Амнундак и скажи: «Значит, они соглядатаи! Но мы их отсюда не выпустим, а то они вернутся с большим отрядом воинов, воевать с нами начнут своими молниями — тут онкилонам конец будет!»

— А Никита не сказал, что мы завтра хотим уйти?

— Нет, не говорил. Он все только про себя рассказывал. И Амнундак похвалил его и на ночь жену ему вернул. Потом приказал, чтобы завтра позвали шамана — вечером моление будет насчет вас, должно быть, и снега.

— Ну, Аннуир, завтра мы чуть свет уйдем. А ты как, пойдешь со мной?

— Пойду куда хочешь, если я там, в вашей земле, буду у тебя одной, первой женой,— ответила Аннуир.

— Да, ты будешь у меня не первой, а только одной, единственной.

Они еще долго проговорили, а потом, увидев по часам, что рассвет близок, разбудили товарищей и, наскоро позавтракав, едва начало светать, покинули свою уютную землянку навсегда. Горохову оставили записку с просьбой сообщить Амнундаку, что они пошли за своей теплой одеждой и вернутся через день. Если он хочет догнать их, то может это еще сделать: они будут ждать его двое суток на окраине котловины. Предупреждали его, что Земле Санникова грозит ужасная зима и что здесь будет не лучше, чем в Казачьем. Писали, что он может прийти позже с онкилонами и взять запасы мяса, наготовленного Никифоровым на зиму, так как им всего не увезти.

В землянке был оставлен костер, чтобы выходящий из нее дым до поры до времени показывал онкилонам, что она жилая; постели свои закрыли так, чтобы казалось, что в них спят люди, только Аннуир унесла с собой свою постель и всю одежду, какая у нее была.

Шел небольшой снег, который скоро мог скрыть их следы. Впрочем, погоню должен был предотвратить Горохов, во всяком случае до вечера. Ему оставили Пеструху, заперев ее в землянке.

Когда стало светло, они были уже в нескольких километрах от стойбища, на соседней поляне, которую с трудом узнали. Как изменилось все за четыре месяца! Тогда была новизна впечатлений, чудесная новооткрытая земля, полная тайн, ожидавших раскрытия, весенняя природа, молодая зелень. Теперь — оголенные леса, занесенные снегом поляны; бегство от невежественного народа; впереди скучный, опасный и долгий путь на материк; отсутствие одного товарища, до сих пор делившего с ними все труды, а теперь изменившего; опасения за его судьбу, наконец оставленные женщины, к которым успели привязаться. Только Ордин был веселее остальных — рядом с ним бодро шагала по снегу Аннуир, которая ради него бросила своих родных и привычные условия жизни, покидала родину и шла навстречу чуждому и страшному для нее новому миру, не оглядываясь с тоской назад.

К вечеру добрались до своей базы и очень обрадовали Никифорова, который давно не имел от них известий. У него все было в порядке, на зиму уже заго-

товлены большие запасы мяса и дров; собаки сыты и здоровы, не хватало только одной, задавленной на охоте медведем. Казак удивился решению немедленно уходить из этой благодатной земли.

— Пропали зря все мои труды! — сказал он с укором.— Для чего я старался, стрелял, возил, сушил, коптил? Для чего извел столько тварей? Для чего дрова готовил? Все останется одним медведям, будь они прокляты!

— Не горюйте, Капитон, не медведи, а люди съедят ваше мясо. Придет Горохов с онкилонами и заберет все к ним на стойбище.

— Как, а разве Никита не едет с нами домой? — воскликнул в изумлении казак.

— Да, он решил остаться. Полюбил тут женщину, говорит, здесь лучше, чем в Казачьем.

— Так и решил? Ах он, сволочь этакая! В Казачьем ведь у него жена есть, правда, старая и злющая баба.

— А здесь молодая и добрая. Он тут вроде князя будет.

— А кто же это пришел с вами? Провожает, что ли? — спросил казак, указывая на Аннуир.

— Нет, это моя жена, идет с нами на материк,— ответил Ордин.

— Вот оно что! — протянул Никифоров, с любопытством оглядывая смутившуюся женщину, которая недостаточно знала по-русски, чтобы понимать быстрый разговор, но поняла, что говорят о ней.

— Значит, вместо Никиты с нами пойдет баба здешнего племени! Не знаю, как мы с собаками управимся,— она Никиту не заменит, небось собачек не видывала даже, не то что нартой править. Эх, огорчение!

Долго еще Никифоров философствовал на эту тему у костра, вокруг которого расположились путешественники. Ловкость, с которой Аннуир справлялась с приготовлением ужина, несколько примирила его с этой заменой, и он в конце вечера сказал даже:

— А жинка у вас славная, работящая, Семен Петрович! И сильно любит вас, если решилась от своих в чужие края за море идти... А ваши, видно, не пожелали? — обратился он к остальным двум.

— Да, не пожелали...— ответил Горюнов и вкратце разъяснил Никифорову, как сложились обстоятельства, заставившие их спешно уходить из этой интерес-

ной земли.— Весной мы сюда вернемся,— закончил он,— если все будет благополучно.

Никифоров рассказал за ужином, что немедленно уходить из котловины нельзя, так как сугроб за лето порядочно понизился и уже не доходит до гребня обрыва, а только до верхнего уступа, над которым приходилось еще метров пятнадцать карабкаться по скалам. Для подъема нарт и груза необходимо было расчистить путь, сделать ступени. Сугроб также требовал подготовки: он сильно обледенел с поверхности, и нужно было вырубить по всей длине ступени.

— За день со всем этим, однако, не справимся,— сказал он.

— У нас есть два дня,— сказал Горюнов.— Мы обещали Никите ждать его двое суток. Авось он раздумает и придет.

НАВОДНЕНИЕ

Переночевав в палатке казака, все еще стоявшей в ледяном гроте, значительно увеличившемся за лето вследствие таяния, путешественники с утра принялись за прорубку ступеней вдоль гребня сугроба.

Все пятеро работали усердно и перед вечером очутились на площадке уступа. Она имела от четырех до десяти метров ширины и тянулась в обе стороны от сугроба метров на сто; далее же быстро суживалась, оставляя место только для прохода каменного барана. Над ней поднималась стена, имевшая в самом низком месте метров десять вышины; она не везде была отвесна, а распадалась на отдельные высокие и низкие уступы, по которым опытный альпинист мог бы взобраться наверх. Но для собак и для подъема груза уступы были слишком высоки, и нужно было сделать промежуточные, что при слоистости базальтовой лавы не представляло непреодолимой задачи. Работы, во всяком случае, хватало на день.

Осмотрев площадку, Горюнов сказал:

— Как вы думаете, не поднять ли нам весь груз и нарты сегодня же сюда?

— А зачем это? — спросил Костяков.— Внизу ночевать удобнсе: здесь можно спросонок и свалиться с обрыва.

— Ночевать мы можем внизу, но всю тяжесть лучше поднять сегодня, и вот почему. Сегодня вечером мы должны были вернуться на стойбище, что, согласно нашей записке, Горохов должен был сказать Амнундаку. Последний, видя, что нас нет, может послать вечером же погоню,— онкилоны дорогу знают. Погоня придет сюда завтра рано утром, и, если весь груз будет еще внизу, нас захватят — стрелять в онкилонов мы, пожалуй, не решимся. Если же груз будет уже наверху, мы сами быстро поднимемся и можем разрушить дорогу по сугробу, то есть будем в безопасности. Смотрите, срубить верхнюю узенькую часть гребня на протяжении десятка метров недолго, и тогда никто не решится лезть сюда.

— Пожалуй, вы правы! — согласился Костяков.

— Ну, а как же собаки? — спросил Никифоров.— Им на площадке будет тесно.

— Они тоже могут ночевать внизу в своих гротах. Им недолго взбежать порожняком наверх.

Приняв это решение, приступили к подъему груза, пользуясь остатком дня. Это оказалось не так легко. Поднимать сильно груженные нарты по крутому уклону, несмотря на вырубленные ступени, собаки сразу не могли, и пришлось сделать это в несколько приемов. Поэтому провозились до темноты, но в конце концов весь груз, запасы мяса, дров и нарты были сложены на площадке; внизу остались только спальные мешки и посуда для ужина и чая.

Обилие дров, заготовленных на зиму, позволяло не скупиться ночью на костры, чтобы отогнать медведей. По словам Никифорова, они посещали его за лето не раз, и только грот спасал его от объятий косолапых, а мясо, которое привлекало хищников,— от разграбления.

Благодаря бдительности Белухи он своевременно просыпался и, притаившись среди льдин входа в грот, стрелял в ночного гостя, пытавшегося разворотить ледяные глыбы, закрывавшие мясной склад.

За ужином он рассказал также, что во время двух землетрясений ему было очень страшно: он выбегал из грота, опасаясь, что свод рухнет. С обрывов по соседству камни сыпались, словно град, и в земле образовались трещины.

Утомленные работой, путешественники рано легли

спать на площадке между четырьмя кострами и крепко заснули под охраной Крота и Белухи. Но около полуночи их разбудил сильный подземный удар. Приподнявшись в испуге, они стали прислушиваться; из-под земли доносился явственный гул, словно там по неровной мостовой катились тяжелые возы; к нему очень скоро присоединился доносившийся уже по воздуху грохот, то близкий, то далекий, от падения глыб, срывавшихся с обрывов окраин; земля под лежавшими дрожала. Но все эти звуки скоро покрылись неистовым воем собак, запертых в ледяных гротах.

Так как путешественники лежали под открытым небом и достаточно далеко от подножия обрыва, то бежать куда-нибудь им не нужно было, и они продолжали полулежать на спальных мешках в понятной тревоге.

Скоро последовал еще один удар, более сильный; лежавшие почувствовали, как их слегка подбросило вверх; пламя догоравших костров подпрыгивало, головешки и угли рассыпались в стороны. Где-то поблизости что-то грохнуло, и Горюнов, лежавший против входа в грот, в котором стояла недавно палатка и в котором провели прошлую ночь, увидел, что из свода вывалилось несколько крупных ледяных глыб.

— Наше счастье, что мы ночуем здесь, а не в гроте! — воскликнул он.— Сейчас нас бы там придавило!

— А не может ли придавить и собак в их убежищах? — встревожился Ордин.

— Едва ли. Их гроты небольшие и расположены в самой высокой и толстой части сугроба.

— Если их выпустить, они разбегутся,— заявил Никифоров.— Привязать их не к чему — нарты наверху. Пусть сидят.

Но еще несколько сильных ударов, последовавших один за другим, заставили путешественников переменить свое решение. Собаки подняли такой отчаянный вой, очевидно предчувствуя опасность, что Никифоров с топором в руках, пошатываясь, словно на палубе корабля во время качки, побежал к гротам, выворотил ледяные глыбы, которыми закрывал вход, и выпустил животных. Последние вырвались на свободу, словно ошалелые, прыгая друг через друга, но сейчас же перестали выть и, отбежав только несколько шагов, сбились в кучу и, помахивая хвостами, смотрели

на своего каюра. Никифоров принес потяги, привязал к ним собак и развел все три упряжки в разные места, недалеко от костров, уложив их на землю. Потом он заглянул во все три грота и, вернувшись, сказал:

— Пёсики недаром беспокоились — лед треснул над их головами, руку можно просунуть в щель. Того и гляди, глыба вывалится.

— Ну, в эту ночь все землянки онкилонов, наверно, опять обрушились,— сказал Горюнов.

— Теперь они припишут это новое бедствие нашему уходу,— заметил Костяков.

— Или тому, что один из нас остался у них,— прибавил Ордин.— И Горохову трудно будет уйти, если он теперь захочет.

Аннуир слушала молча, но со слезами на глазах. Новое бедствие постигло ее род и все ее племя, и хотя она от него ушла, но его несчастия глубоко огорчали ее.

— Но, может быть, это землетрясение к лучшему,— постарался утешить ее Ордин.— Если оно восстановит подземные пути горячей воды и паров, то вернется тепло, и жизнь онкилонов пойдет по-прежнему, а землянки нетрудно восстановить.

Аннуир уже знала, почему наступили ранние холода, и предположение Ордина успокоило ее; она благодарно взглянула ему в глаза и потихоньку погладила его руку.

— И почему бы им не строить жилища так, как было построено наше? Оно, наверно, не завалилось,— сказала она наконец.

— Может быть, после нашего ухода они и начнут делать это. «Колдуны» ушли, а их жилище стоит и не валится,— заметил Горюнов.

— А не начнется ли теперь в северной части извержение? — предположил Костяков.

Все невольно взглянули на север. Но небо, покрытое густыми тучами, было черно, и нигде не видно было красноватого отблеска, который мог бы служить указанием, что где-нибудь выступила на поверхность лава. Удары время от времени повторялись, но гораздо слабее. И наконец усталость взяла свое — все задремали.

Но сон был тревожный, и то один, то другой просыпался, приподнимался на своем ложе и озирался в

испуге, а затем, убедившись, что все спокойно, сугробы не валятся, костры горят, опять опускал голову. Никифоров иногда вставал и подбрасывал дрова в костры. Так проходили часы этой жуткой ночи.

Но вот на востоке тучи посветлели, затем подернулись красноватым отблеском лучей невидимого еще солнца. На фоне туч слабо вырисовались гребень и вершины ближайшей части стены, и забелели на них полосы снега. На севере выступили очертания полосы леса; сугробы словно выросли и побелели, свет костров потускнел. Предрассветный холод разбудил дремавших.

— Не пора ли сварить чай, пока станет светло? — предложил Горюнов.— А потом наверх, за работу, пока не явилась погоня.

— И то правда! — сказал Никифоров, вскакивая.— Уходить так уходить вовремя!

— Но если восстановилась грелка Земли Санникова, то, может быть, и уходить не нужно? — подумал вслух Ордин.

— А вот за день увидим: если станет тепло и снег сойдет, ваше предположение окажется правильным. Но путь для ухода проложить нужно,— решил Горюнов.

Стало еще светлее. Разорвавшиеся тучи окрасились на востоке пышными красками. На севере черная полоса леса видна была уже резко. Обрывы котловины тянулись в обе стороны черной стеной и казались такими же, как всегда, хотя за ночь с них свалилось немало глыб.

Никифоров, поправив костер, взял чайник и пошел к концу сугроба, из которого сочился ручеек, собиравшийся в маленький бассейн, устроенный для черпания воды. Тотчас же оттуда послышался испуганный возглас казака:

— Батюшки, вода, вода везде!

Все бросились к нему мимо костров, огни и дым которых мешали видеть ближайшую полосу земли. Подбежали и замерли в изумлении. Там, где на сотни метров от конца сугробов прежде тянулась мелкая каменная россыпь, накануне сплошь покрытая снегом, теперь расстилалась гладкая поверхность мутной воды, которая уходила до опушки кустов, тоже залитых водой. Это новое озеро, возникшее за ночь, тянулось

в обе стороны, насколько хватал взор,— казалось, до подножия обрывов, и только южный угол котловины, где были сугробы, не был затоплен. Ручеек из-под сугроба, шагах в десяти от его конца, впадал, тихо журча, в это озеро, отрезавшее путешественников от остальной котловины.

— Вот те на, вместо лавы вода после землетрясения! — нарушил молчание Костяков.

— Но смотрите, вода как будто подбирается к нам! — воскликнул Ордин.— Она прибывает!

Все подошли к берегу и увидели, что вода подвигается вперед; на их глазах снег, устилавший землю, напитывался водой, оседал, расползался, и вода, наполненная оттаявшими комьями, занимала его место.

— Ну, товарищи, мешкать нечего! — воскликнул Горюнов.— Забираем вещи и айда наверх! Через полчаса нашу стоянку затопит.

— Но дальше хода нам еще нет! — возразил Костяков.— Мы попадем в западню.

— Неужели вы боитесь, что и уступ затопит? Пока это случится, мы успеем расчистить путь дальше — ведь уступ поднят метров на сто над дном котловины.

— Как хорошо, что вчера завезли груз наверх. Теперь бы не успели,— заметил Ордин.

Вернулись к кострам, быстро собрали вещи и подняли их на поверхность сугроба. Потом взяли из склада, которому тоже грозило затопление, порядочный запас мяса на всякий случай, навалили вдоль лестницы по сугробу побольше дров — все это можно было постепенно поднимать наверх. Последние поленья несли уже по воде, которая дошла до конца сугроба.

— Ну, поведем теперь собак! — сказал Никифоров.

Собаки уже беспокоились и порывались вскарабкаться вверх по крутому боку сугроба, но скользили, падали и выли. Никифоров, Ордин и Костяков взяли по одной упряжке и погнали их по лестнице наверх. Горюнов и Аннуир шли впереди с частью вещей. Добравшись до верха, они остановились в изумлении. Накануне еще поверхность снега была почти на одном уровне с площадкой уступа; теперь их разделял обрыв вышиной почти в метр. Очевидно, вследствие землетрясения или весь сугроб расползся и осел, или дно котловины опустилось. Приходилось карабкаться.

Первая упряжка собак остановилась перед этим обрывом и стала выть. Пришлось брать каждую собаку порознь в руки и подсаживать ее наверх. На площадке собаки начали резвиться, подбираться к сложенному на нарте мясу, и Никифорову стоило много труда переловить их и привязать к потягам в одном углу. Остальные мужчины спустились вниз за кладью, оставленной в начале сугроба, а Аннуир занялась приготовлением чая; площадка была покрыта чистым свежим снегом, дававшим запас воды.

Когда все вещи были доставлены наверх, путешественники в ожидании завтрака имели время осмотрсться. С высоты уступа видна была значительная часть котловины; насколько хватал глаз — везде стояла вода, все поляны превратились в озера, а леса тянулись между ними черными островами и перешейками. Под лучами проглянувшего солнца повсюду серебрилась вода, и картина не представляла ничего ужасного, даже наоборот: в черной раме отвесных обрывов, опоясанных белыми лентами уступов и увенчанных снеговыми вершинами, расстилалось огромное озеро с сетью темных островов и полуостровов.

Но при мысли, что на месте этого озера накануне еще жило целое племя людей и многочисленные четвероногие, становилось жутко. Неужели все они уже утонули? Люди могли еще найти временное убежище на деревьях, но надолго ли? Если вода будет еще прибывать, их затопит рано или поздно; но даже если она не поднимется, люди все равно погибнут от голода и холода. А животным и деваться было некуда — отвесные стены окраин доступны только птицам и каменным баранам. Земля Санникова превратилась в гигантскую западню.

Эти мысли бродили в уме наблюдателей на уступе, и при помощи бинокля они тщательно осмотрели даль в надежде разглядеть где-нибудь укрывшихся на деревьях людей. Вблизи их не было, а вдали полосы леса уже закрывали друг друга, да и расстояние было слишком велико.

— Знаете что? — воскликнул Ордин.— Ведь у нас есть байдара! Спустим ее на воду и поедем спасать Горохова и кого можно из онкилонов.

Едва он успел сказать это, как сзади его шею об-

вила мягкая рука, и Аннуир прижалась щекой к его щеке и шепнула:

— Да, да, поезжайте спасать наших, теперь они вам ничего не сделают худого.

— Но как мы проберемся на байдаре через леса? — спросил Костяков.

— Во-первых, всюду есть звериные тропы, теперь превращенные в каналы, а затем, смотрите, вдоль окраин, где была каменная россыпь, теперь широкая полоса чистой воды,— сказал Горюнов.

Наскоро позавтракали, затем сняли с нарт байдару, соединили ее части, сложили в нее руль, багор, весла, кучу копченого мяса, бутылку спирта, немного сухарей из своего скудного запаса, веревку, топор.

— Ехать всем, конечно, не к чему! — сказал Горюнов.— Достаточно двоих, иначе мы мало кого спасем. Один на руль, другой на весла, будем меняться. Кто хочет ехать?

Никифоров нужен был для присмотра за собаками, Аннуир не умела грести, выбирать приходилось только из троих. Решили оставить еще Костякова.

— Остающимся тоже есть работа,— заявил Ордин.— Вы должны за день проложить ступени с уступа наверх через скалы.

С помощью веревок спустили байдару по гребню сугроба на воду, глубина которой была уже около метра. Горюнов сел на руль, Ордин — на весла, и легкое судно полетело по мутным водам, покрывшим Землю Санникова.

ПЛАВАНИЕ ПО ЗЕМЛЕ

Легкая, быстроходная, мало загруженная байдара могла развить скорость до десяти километров в час, так что часа через три можно было добраться до стойбища Амнундака. Поехали по чистой воде окраины котловины, но придерживаясь опушки леса, а не подножия обрыва, так как здесь легко было напороться с разбегу на подводный камень и пробить тонкое дно. Быстро скользила байдара по мутной воде, по которой плавали в изобилии сухие листья, стебли, ветки, мертвые насекомые — весь многолетний сор, который покрывал почву и теперь всплыл наверх и замутил во-

ду. Время от времени Горюнов мерил багром глубину воды — она оказалась больше метра. Из этого следовало, что и более крупные четвероногие могли уже погибнуть, если не успели спастись в те части котловины, где воды было меньше или где ее вовсе не было, предполагая, что такие части были. Этот вопрос очень занимал путников.

— Я все ломаю себе голову: откуда пришла такая масса воды? — сказал Ордин.— Неужели временно задержанный подземный приток теперь сказался этим наводнением?

— А не проникла ли в котловину вода из моря? Море ведь близко, а сообщение в виде жерла священного озера есть,— предположил Горюнов.

— Тогда вода должна быть соленая. Попробуйте-ка.

Горюнов зачерпнул воды, глотнул и выплюнул.

— Вода горько-соленая,— сказал он,— но не такая, как в море.

— Это понятно: она смешалась здесь с водой озер и поглотила много снега. Но теперь ясно, что все дно котловины опустилось, если вода из моря могла проникнуть сюда.

— Но в таком случае она не может подняться высоко. Пожалуй, достигла уже высшего уровня.

— Это зависит от того, насколько дно котловины опустилось, и от соотношения диаметра жерла к площади котловины: жерло ведь узкое, котловина огромная, нужно много времени, чтобы вода поднялась здесь до уровня моря. А насколько опустилось дно, мы не знаем. Трудно думать, что дно осело сплошной массой, как лепешка; скорее всего, оно разбилось на полосы, которые могли опуститься на разную величину.

— Следовательно, некоторые полосы могли остаться на месте и на них спаслись люди и животные?

— Будем надеяться, что случилось именно так,— это было бы счастьем для населения Земли Санникова.

Байдара скользила сквозь кайму кустов, затопленных до вершины; справа они, повышаясь, переходили в лес; слева расстилалась гладкая поверхность воды до подножия обрывов, где местами над ней островками торчали более крупные глыбы. На уступах обрыва кое-где видны были каменные бараны, которые или

стояли спокойно, глядя вниз на воду, или метались взад и вперед. Этим животным грозила голодная смерть, потому что их корм — моховища и трава — был затоплен, а на уступах почти ничего не росло. На глыбах, торчавших из воды, видны были спасшиеся мелкие животные — пищухи, населявшие каменные россыпи, крысы, мыши; иногда среди них великаном возвышался заяц. Тесно прижавшись друг к другу, эти зверьки сидели в ожидании голодной смерти. Вблизи одной глыбы путники были свидетелями, как с высоты камнем упал орел, подхватил зайца и понес его вверх, причем часть приютившихся мелких животных с перепугу попадала в воду. Другие хищники также кружили в воздухе, высматривая легкую добычу на глыбах. Но надолго ли хватит ее, а потом и им грозит голодная смерть. На крупной глыбе заметили сгрудившихся волков и лисиц; одни лежали, другие стояли, провожая глазами проплывавших мимо людей.

Через два часа показалось характерное место священного озера, которое можно было узнать только по той выемке в обрыве в виде полукольца, которая окружила его с двух сторон. Приближаясь к этому месту, Горюнов, сидевший теперь на веслах, заметил, что стало труднее грести. Остановив байдару, убедились, что навстречу идет заметное течение, и вода оказалась более горько-соленой и чистой. У самого озера течение еще усилилось, и над прежним жерлом вода поднималась плоским бугром.

— Видите, приток еще есть, и достаточно сильный,— сказал Ордин.

Он опустил багор в воду и едва достал дно, а багор имел три метра в длину.

— Не видно даже жертвенной плиты,— заметил Горюнов,— а она возвышалась метра на два над уровнем озера.

Проплыв еще некоторое время вдоль окраины, путники заметили узкую полосу чистой воды, уходившую в глубь леса в нужном направлении, и направились по ней. Скоро канал сузился, и байдара пошла между деревьями. Странно было видеть этот затопленный лес: оголенные лиственные деревья, зеленые ели и пихты поднимались прямо из воды, покрытой листьями, ветвями и всяким мусором; попадались мертвые птички и мелкие животные. На ветвях де-

ревьев местами перепархивали птички с жалобным чириканьем; приютившись на развалинах сучьев, сидели мыши, крысы, хорьки, ласки, куницы — хищники рядом с грызунами, на которых они обыкновенно охотились. Солнце, часто прорываясь сквозь тучи, освещало эту необычную и жуткую картину.

По лесу пришлось плыть осторожно, чтобы не наткнуться на какую-нибудь корягу или острый сук. Но вот впереди стало светлее и показалась открытая вода на месте поляны. Выехав на нее, путники стали осматриваться — та ли это, где было стойбище. Очертания леса казались незнакомыми. Вдруг их внимание привлекло вздутие воды среди этого озера недалеко от них. Вода поднялась бугром, из которого вырвался клуб паров.

— Это не та поляна, где мы жили! — воскликнул Горюнов.— На той озеро не пузырилось.

— И я думаю, что не та, а соседняя к югу,— сказал Ордин.— Но теперь ясно, что топит не только море, но и восстановившийся подземный приток... А здесь вода должна быть пресная,— прибавил он и, желая напиться, погрузил руку.— Почти пресная и достаточно горячая,— заметил он, кое-как утолив жажду.

— Ну, нашей байдаре плавание по горячей воде вовсе не полезно! — сказал Горюнов.— Ее замазка и пропитка могут пострадать — нужно держаться подальше от пузырей.

Направились на север по узкому каналу и вскоре выплыли на поляну, на которой было стойбище; ее узнали по разреженному порубками лесу.

— А вот и наша землянка! — воскликнул Ордин.

На противоположном краю озера над водой едва возвышалась высшая, центральная часть землянки; на ней лежали еще остатки таявшего снега и пласт корья, которым на ночь закрывали часть дымового отверстия. Подплыли к ней. Ордин влез на этот островок и, наклонившись к отверстию, вскричал:

— Сколько здесь добра всплыло!

Он вытащил меховое одеяло, несколько женских курток с панталонами, подушку, деревянную чашку, черные головни. Все это всплыло вверх в пестрой смеси и пропитанное водой.

— Подушку и одеяло захватим — пригодится для Аннуир,— сказал он.— Только нужно их выжать.

Вытащив вещи, Ордин вернулся в байдару, и они поплыли к месту, где была землянка вождя. Здесь над водой виднелись только четыре центральных столба с частью крыши. Багром нащупали под водой кучу земли и придавленные ею бревна.

— Но нигде ни признака людей! Мы можем не видеть их среди деревьев, но они-то должны были заметить нас и закричать,— сказал Горюнов.— Давайте покричим сами!

Стали звать Амнундака, Никиту, женщин, имена которых знали. Но никто не откликался. Мертвая тишина царила кругом.

— Не могли же все утонуть. Кто-нибудь спасся бы на дереве, на крыше нашей землянки,— сказал Ордин.

— Очевидно, успели уйти отсюда. Нужно искать их дальше. Может быть, вода прибывала так медленно, что они могли спокойно отходить,— предположил Горюнов.

— Не совсем похоже на это,— возразил Ордин.— Если бы уходили не торопясь, не оставили бы одежду и одеяло — вещи самые нужные ввиду зимы.

Поплыли дальше по каналу, который вел к следующему стойбищу, отстоявшему километра на два. На поляне увидели землянку, правда полуразвалившуюся, но поднимавшуюся еще на половину своей высоты над водой. Горюнов смерил глубину, оказалось метра полтора.

— Ну, здесь уже люди утонуть не могли! — воскликнул он.— Очевидно, эта часть котловины погрузилась меньше.

Подъехав к землянке, заглянули через развалившийся бок внутрь: на воде плавали только мелкие предметы, тряпье, головни, сор, но одежды не было видно.

— Здешние обитатели успели все ценное унести,— сказал Ордин.

Осмотрели ближайшие деревья, опять покричали — им ответило только карканье стаи ворон, сгрудившейся на нескольких деревьях, вероятно, в ожидании спада воды.

Обследовали еще две следующие поляны со стойбищами; землянки были разрушены или полуразрушены, но людей нигде не было; глубина воды умень-

шилась уже до метра и меньше; местами байдара натыкалась в каналах на стволы упавших деревьев, и приходилось плыть осторожно.

— Я думаю, что мы можем прекратить наши поиски,— сказал Горюнов.— Все онкилоны спаслись, успели отступить в северную часть котловины, очевидно не погрузившуюся. Следовательно, подавать помощь некому, а если мы подъедем к сухой местности и встретим там онкилонов, то можем попасть в неприятное положение.

— А может быть, дальше глубина опять начнет увеличиваться и мы там найдем людей, застигнутых водой во время бегства и нуждающихся в помощи? — предположил Ордин.— Доведем поиски до конца, чтобы совесть не упрекала нас.

Горюнов уступил, и поплыли дальше. Но на следующей поляне байдара стала местами садиться на мель и из воды выдавались стебли травы, камышей, тростника вокруг прежнего озерка. В канале за поляной глубина была всего в полметра и меньше, а впереди видно было, что он еле покрыт водой.

— На следующей поляне можем наткнуться на онкилонов,— заявил Горюнов.

— Ваша правда. Вот виден даже дым костров над лесом, а это доказывает, что они на сухом месте,— подтвердил Ордин.— Пожалуй, услышим и голоса.

Он перестал грести и прислушался: с той стороны, откуда поднимались дымки, действительно по временам доносились человеческие голоса.

— В результате землетрясения и наводнения онкилоны переселились в северную половину котловины, где будут продолжать свой прежний образ жизни,— сказал Горюнов.

— А так как грелка восстановилась, судя по двум пузырящимся озерам, которые мы видели,— прибавил Ордин,— то нам беспокоиться о судьбе онкилонов нечего. Но вернуться к ним и в случае каких-либо бедствий опять подвергнуться подозрениям и риску сделаться пленниками будет неблагоразумно... Если море будет слишком открыто и не позволит нам переправиться, мы можем вернуться на уступ и дожидаться там холодов, имея вблизи топливо и корм для собак, но вдали от онкилонов, отделенные от них водой. Только вот Горохова оставляем на произ-

вол судьбы; теперь он, пожалуй, переменил свое решение.

— Горохов, может быть, уже на уступе,— возразил Горюнов.— Если наводнение поколебало его мнение о хорошей жизни здесь, он мог воспользоваться берестянкой и в суматохе поплыть к нам один или с женой. Он знает, где берестянка спрятана на озере, так как часто пользовался ею для рыбной ловли. До завтрашнего утра мы его будем ждать, как было условлено.

Во время этого разговора отдохнули и поплыли обратно, но для ускорения выбрались опять на окраину котловины, чтобы не путаться по полянам и каналам. Тем не менее обратный путь занял четыре часа. Проплывая мимо бывшего священного озера, убедились, что приток воды из жерла еще продолжался, но очень слабо,— очевидно, уровни почти выровнялись. Глубина в этом месте была более трех метров, багор не доставал дна. Возле сугроба во время их отсутствия вода сильно прибыла, и глубина была здесь больше двух метров.

Оставшиеся на уступе встретили товарищей у начала ледяной лестницы, чтобы помочь им высаживать спасенных.

— Вы никого не привезли? — воскликнул Костяков с удивлением.

— Только зря прокатились? — прибавил Никифоров.

— Все, все утонули? — прошептала Аннуир, побледнев.

Ордин, конечно, успокоил ее.

— Вот единственные утопленники, которых мы нашли,— пошутил Горюнов, вытаскивая из байдары женские костюмы и передавая их Аннуир.

Объединенными усилиями втащили байдару наверх; с подъемом ее на уступ пришлось возиться, так как за день обрыв над сугробом увеличился до двух с половиной метров, потому ли, что сугроб, омываемый водой, стал расползаться, или потому, что дно котловины продолжало медленно опускаться. Для более удобного сообщения казак устроил уже лестницу из ледяных глыб.

За обедом рассказали друг другу события дня. Трое оставшихся проложили тропу-лестницу на обрыв над

уступом и побывали уже наверху, видели довольно близко открытое море. Но неожиданно, вскоре после отъезда остальных товарищей, на сугроб с лестницей вылезли из воды два огромных медведя и стали подниматься наверх, очевидно рассчитывая спасаться от наводнения вместе с людьми на уступе. Такое соседство, конечно, было очень нежелательно, и пришлось встретить косолапых выстрелами: один упал на сугробе и скатился в воду, второго убили уже на уступе. Запас свежего мяса на дорогу оказался очень кстати.

В одеяле и женской одежде, выловленной Ординым из их землянки, Аннуир признала вещи Аннуэн.

КАТАСТРОФА

Перед закатом солнца Горюнов и Ордин поднялись на обрыв посмотреть, что делается вне котловины, стены которой стесняли их кругозор в течение всего лета. Покрытый сплошь снегами — словно лета и не бывало — южный склон Земли Санникова спускался полого к морю, все еще скованному льдами километров на пять от подножия. Но дальше видно было широкое, до южного горизонта, пространство открытой воды, по которой плавали льдины и целые ледяные поля. Для переезда в байдаре это море было слишком широко; байдара не могла вместить всех людей, груз и собак. Приходилось или ждать, пока осенние морозы скуют море и сузят открытую воду, или идти на восток в надежде, что там льды тянутся дальше на юг, а с другой стороны держатся вблизи острова Котельного и дадут возможность совершить переправу в два приема.

— Мы теперь словно потерпевшие кораблекрушение на острове,— сказал Ордин.— Сзади вода, спереди вода, а в середине огонь да беда; кажется, так говорится в сказке.

— Ну, пока еще огня нет, но воды и беды достаточно,— ответил Горюнов.— Оглянитесь назад.

Земля Санникова действительно имела вид огромного озера. В бинокль можно было различить фонтаны гейзеров, бивших в нескольких местах средней части котловины. Накануне еще в это время перед глазами лежали покрытые зимним саваном поляны и ле-

са; теперь снег был заменен водой, а теплый ветер, тянувший с севера, показывал, что грелка земли восстановилась.

— Лучшая часть земли все-таки погибла,— сказал Ордин.— И все население ее, двуногое и четвероногое, сгрудилось в северной части, половина которой бесплодна.

— Да, им будет там тесно, особенно людям,— прибавил Горюнов.— Онкилоны, наверно, начнут теперь войну с дикарями до полного истребления последних, чтобы не иметь таких опасных и близких соседей.

— И наши громы и молнии очень пригодились бы им теперь. Они пожалеют, что дали нам удрать.

— Ну, у Горохова осталось еще ружье.

— Вот что: теперь я вспомнил, что мы забыли в землянке наше запасное ружье, которое хотели оставить Амнундаку при расставании. Горохов может его поднести вождю в качестве подарка, чтобы задобрить онкилонов.

Когда солнце, спустившись к горизонту, скрылось, кроваво-красное, в полосе тумана, нависшего вдали над морем, наблюдатели вернулись на площадку и долго еще сидели у костра. Всем было грустно: они полюбили Землю Санникова и проводили теперь последний вечер в ее пределах. Поневоле вспоминался тот вечер, когда они впервые увидели эту таинственную землю с высоты окраинных гор, слышали доносившиеся снизу звуки, гадали о том, что предстоит им увидеть. Видели они гораздо больше, чем ожидали, открыли много чудесного, нашли целый своеобразный мирок вымерших животных и первобытных людей, замкнутый в этой странной теплой котловине среди полярных льдов. Результаты экспедиции были огромны, все участники целы и невредимы; но вместо радости и удовлетворения они испытывали тревогу, объяснимую разве только событиями последних дней, грозившими этой чудесной земле и ее населению преждевременной гибелью.

Ночь была довольно теплая — и, жалея дрова, не оставили на ночь костер, чувствуя себя в безопасности на этом высоком уступе, куда не могли забраться незаметно ни хищники, ни вампу, ни онкилоны, отрезанные огромной площадью воды. Еще днем одна нарта была совершенно уложена, покрыта шкурами и

завязана; она содержала все результаты экспедиции: коллекции естественноисторические и этнографические, фотографии, дневники; она была нетяжела, но объемиста и стояла поодаль от других, недалеко от края уступа. Возле нее улегся Костяков, чтобы оградить от покушений собак свежее мясо, разложенное на ней на ночь. Остальные две нарты, загруженные только отчасти, стояли ближе к собакам, поперек площадки, и возле них в своих спальных мешках улеглись остальные.

Горюнов проснулся уже за полночь от легкого толчка в бок. Ему показалось, что его будят,— он открыл глаза, увидел, что никого нет, и хотел опять задремать, когда его ухо уловило как будто отдаленный гром.

«Ну, дождь для нас теперь совсем некстати, палатку на голом камне не укрепишь!» — подумал он, поднял голову и осмотрелся. Небо было чистое, луна поднялась высоко и освещала всю котловину. Он опустил голову и теперь явственно расслышал глухой гул под собой. «Неужели подземная катастрофа еще не кончилась? — подумал он.— Днем все было тихо, казалось, что землетрясение окончилось оседанием дна котловины и прорывом воды. Или это была только прелюдия?»

Резкий удар подбросил Горюнова на ложе и прервал его мысли.

— Опять трясет! — послышался сонный голос Ордина.

Горюнов присел на мешке и стал смотреть на озеро, вид которого сильно изменился: вода, встревоженная подземным ударом, поднялась волнами, которые разбегались кругами, пенясь и опрокидываясь; склоны волн, обращенные к луне, сверкали длинными дугами, словно блестящая текущая ртуть. Слышался шум прибоя вдоль обрывов и всплески валившихся сверху глыб.

Еще несколько сильных ударов последовали один за другим. И вдруг Горюнов услышал резкий треск, словно выстрел, раздавшийся рядом с ним, и увидел, каменея от ужаса, не будучи в состоянии двинуть ни одним членом, как в нескольких шагах от него раскрылась черная щель и часть площадки уступа, на которой лежал Костяков возле нарты, слегка наклони-

лась, потом быстро повернулась круче и рухнула вниз. Отчаянный крик смешался с плеском воды, грохотом ломавшихся друг о друга глыб; столб пыли взвился в воздух. Все это было делом нескольких секунд. Еще некоторое время слышен был постепенно замиравший плеск волн, поднятых падением огромной массы.

Горюнов с трудом, дрожа всем телом, вылез из мешка. Голос отказывался ему служить — только дрожащие звуки вылетели из горла. В двух шагах от него чернела свежая ломаная линия отрыва, и на месте восточной части площадки зияла черная бездна. Он подполз к краю и глянул вниз — среди волновавшейся еще воды чернела масса глыб обвала; на сугробе с лестницей зияла широкая брешь, очевидно выбитая одной из глыб, отскочившей в сторону.

— Что такое, что случилось? — раздался голос Ордина, который спал так крепко, что только треск и грохот обвала привели его в чувство.

— Об... об... обвал... Костяков... нарта... свалились! — с трудом проговорил Горюнов, продолжая глядеть вниз.

Эта страшная весть сразу подняла Ордина на ноги.

— Так нужно же искать, помочь, вытащить! Скорее! — вскричал он, освобождаясь из мешка.— Эй, Никифоров, вставай, сюда! Где байдара?

— Невозможно! — сказал Горюнов с отчаянием в голосе.— Спустить байдару нельзя — сугроб снесен обвалом. А Костякова придавило.

— Да откуда вы знаете?

— Он в мешке и нарта соскользнули вниз, как только площадка наклонилась, и упали в воду раньше, чем вся масса рухнула; обвал упал прямо на них.

Ордин подошел к краю обрыва и стал смотреть вниз.

— Ничего не видно, кроме воды и глыб обвала. Костяков в спальном мешке всплыл бы наверх, как пузырь, если бы его не придавило.

— Какой ужас! — простонал Ордин.— На глазах погиб человек, и ничем помочь нельзя!..

Один взгляд на сугроб показал ему, что спуск без долгой подготовительной работы невозможен,— в гребне зияла брешь метров в пятнадцать ширины и десять глубины.

— Нельзя ли спуститься на веревке прямо с обрыва к воде? — предложил он.

— Достаточно прочных веревок у нас наберется едва на половину высоты — ведь здесь больше восьмидесяти метров,— ответил Горюнов.

— И не удержать нам вдвоем одного человека столько времени,— прибавил подошедший Никифоров.

— Но ведь, кроме Костякова, погибли все результаты нашей экспедиции! — вскричал Ордин.

— Да, погибли! — произнес Горюнов безнадежным голосом.

— Нужно хоть осветить место обвала — оно в тени и плохо видно. Может быть, Костякова отбросило в сторону и он лежит без сознания!

Никифоров принес из запаса дров большой пук хвороста, обвязал его куском веревки, поджег и, нацепив на багор от байдары, протянул над бездной. Ордин и Горюнов прилегли на краю, чтобы свет не падал им в глаза, и стали всматриваться вглубь. Хворост быстро разгорелся и осветил место обвала. Там, в промежутке между сугробом с лестницей и соседним, более низким, видна была только мутная, еще волновавшаяся вода и поднимавшаяся из нее куча нагроможденных друг на друга базальтовых глыб. Ни на них, ни на воде никаких признаков человека, обломков нарты, вещей. Обвал похоронил все под собой. Веревка у крюка перегорела, и пылающий пук полетел вниз, упал на кучу глыб и на несколько минут, догорая, осветил еще лучше все место, но ничего нового не показал.

Новый подземный удар заставил лежавших вскочить на ноги; на их глазах от края обрыва отделились еще несколько небольших глыб и рухнули вниз.

— Отодвинем нарты подальше отсюда! — распорядился Горюнов.— Как бы не повторилось несчастье!

Все трое с помощью Аннуир, молча присутствовавшей при описанной сцене, перетащили нарты, а затем и свои постели подальше от нового края обрыва, к месту спуска на сугроб. Последний своей ледяной массой всетаки поддерживал отвесную стену базальта, и казалось, что здесь более надежно. В глубине площадки, у подножия верхнего уступа, также было небезопасно — оттуда уже свалилось несколько камней.

Отдаленный грохот потряс воздух и заставил всех взглянуть на север. Там, над северной частью котловины, клубились столбы дыма или пара, местами озаренные зловещим красным светом: слышались частые и сильные взрывы, которые эхо окраин повторяло без конца. При каждом взрыве почва уступа слегка вздрагивала под ногами.

— Вулкан просыпается! — проговорил Ордин.

— А люди, несчастные люди, спасшиеся туда от наводнения! Что с ними будет? — вскричал Горюнов.— Наш товарищ только что погиб здесь, другой погибнет там, и снова мы ничем не можем помочь!

Аннуир прижалась к Ордину и смотрела вдаль; слезы текли из ее глаз, и она вздрагивала от сдерживаемых рыданий.

— Однако пришел конец этой землице? — недоумевающе спросил Никифоров.— Что там только деется: дым, огонь из земли, глядите-ка!

Там, на севере, не столб, а целая колонна столбов черного дыма и белого пара, смешавшихся друг с другом, поднялась много выше окраин котловины, то есть тысячи на три метров; то тут, то там ее прорезывали огненными дугами, словно ракеты, высоко взлетавшие раскаленные камни. Иногда туча паров, сопровождаемая рядом взрывов, словно артиллерийскими залпами, вырывалась в каком-нибудь месте и ширилась, вырастая вверх. Зарево на тучах колоннады разгоралось ярче — очевидно, где-то уже прорвалась раскаленная лава. Печальная луна, постепенно склоняясь к закату, освещала по-прежнему котловину и серебрила воды озера, которые все время волновались.

— Да, видно, конец Земле Санникова! — промолвил Ордин.— Мы ее открыли, и на наших глазах она погибает!

— Когда станет светло, посмотрим, нельзя ли спустить как-нибудь байдару и поехать на помощь гибнущим,— сказал Горюнов.

Сидя на своих мешках, они оба и Аннуир, жавшаяся все время к Ордину, провели время до утра, наблюдая развитие извержения и обмениваясь замечаниями о нем и о погибшем товарище. Никифоров, поглядев некоторое время, лег опять спать.

Наконец ужасная ночь кончилась, заалел восток,

становилось все светлее и светлее. Аннуир развела огонь и стала варить чай. Ордин и Горюнов могли теперь рассмотреть, что случилось с их площадкой ночью. Вся восточная часть ее исчезла, и вместо нее зиял крутым клином, обращенным острием вниз, отрыв обвала. Последний, очевидно, отделился по трещинам, существовавшим раньше, и толчок землетрясения дал только импульс, преодолевший инерцию массы, которая и опрокинулась частью на сугроб, частью в воду, распавшись при падении на глыбы. В громадной выбоине сугроба лед был покрыт черной пылью, осколками и глыбами; внизу, над водой, поднимался хаос глыб. За ночь муть в воде осела, и с высоты видно было дно; в бинокль можно было осмотреть его повсюду, но ничего, кроме черных глыб, не было заметно. Они похоронили навсегда и человека, и все достижения экспедиции.

Осмотр выбоины в сугробе показал, что для того, чтобы перебраться через нее, нужно вырубить во льду отвесной стены ступени вниз и с другой стороны вверх.

— Ну, к обеду мы это выполним,— сказал Горюнов.— Обе части байдары спустим на веревке вниз и там втащим наверх. Давайте поедим — и за дело!

На севере котловины извержение продолжало разыгрываться, скрытое в тучах паров и дыма, но выдавая себя взрывами, от которых вздрагивала скала площадки. Завеса пара и дыма скрывала от зрителей катастрофу. При дневном свете видно было только, что эта завеса протянулась поперек всей котловины. Вдруг в одном месте, впереди этой завесы, появился огонь и быстро стал распространяться в обе стороны. В бинокль можно было разглядеть, что это горит полоса леса.

— Кажется, дела онкилонов безнадежны! — сказал Ордин.— Теперь ясно, что извержение началось не в северном конце котловины, а в средней части ее, приблизительно там, докуда мы вчера доезжали, то есть там, куда люди спаслись от воды. Может быть, оно захватило и всю северную часть.

Оба вернулись к нартам; чай был готов. Никифоров понес собакам, привязанным в западном углу площадки, охапку вяленого мяса — и вдруг остановился.

— Подите-ка сюда! — крикнул он.— Здесь дело неладно!

Горюнов, Ордин и Аннуир, усевшиеся уже возле чайника, вскочили и побежали к казаку. Он стоял возле трещины шириной с ладонь, которая шла через площадку наискось от заднего края ночного отрыва к западному концу. Нарты и люди находились между этой трещиной и внешним краем площадки, собаки — по другую сторону.

— Вчера этой щели не было,— сказал Никифоров.

— Ну, дело дрянь! Подготовлен второй обвал,— заявил Горюнов.

— И достаточно еще одного хорошего подземного толчка, чтобы он рухнул,— прибавил Ордин.— Его, очевидно, подпирает сугроб, иначе он свалился бы уже ночью с нами.

— Видно, придется удирать отсюда, как это ни печально! — промолвил Горюнов.— Иначе мы очутимся там же, где лежит Костяков.

— Давайте перетащим вещи за трещину!

Сказано — сделано. Уселись наконец за завтрак; но все время поглядывали с беспокойством на трещину, черневшую в трех шагах от них, ожидая, что вот-вот она начнет расширяться и опять рухнет масса камня, в этот раз прямо на сугроб.

Поев, быстро принялись за работу: двое поднялись по ступенькам на верх стены, захватив веревки, двое остались внизу; одну за другой втащили обе нарты, байдару, вещи; затем отвязали и погнали наверх собак, кроме одной, которую ночью убило упавшим камнем.

Горюнов, уходя последним с злополучной площадки, подошел еще раз к краю, взглянул и прошептал прощальные слова погибшему товарищу.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НИКИТЫ

В день ухода товарищей Горохов проснулся довольно поздно; его разбудили голоса женщин:

— Где Аннуир? Она, видно, сбежала ночью к своему мужу, белому колдуну! Не послушалась запрета!..

— Идите и приведите ее сюда! — раздался голос Амнундака.

— Тащите ее за волосы, если не пойдет! — прибавил женский голос.

Тут Горохов вспомнил, что его товарищи собирались уйти в эту ночь, и ему стало тяжело. Он быстро начал одеваться, чтобы узнать, ушли ли они. Но раньше чем он кончил, вернулась Аннуэн и две другие женщины, посланные за Аннуир, и заявили огорченным тоном:

— Жилище пусто, нет Аннуир, нет белых колдунов, одна собака осталась!

— Хорошо ли вы смотрели? Они, верно, зарылись в одеяла и спят,— сказал Горохов.

— Мы хотели войти, но собака начала ворчать на нас. Мы покричали — никто не отозвался. Разве умерли?

— Ну, я посмотрю сам,— заявил Горохов, направляясь к выходу.

— Приведи Аннуир сюда! — крикнул ему вождь.

Горохов, идя к землянке, уже не сомневался, что товарищи ушли. Но он надеялся, что они оставили ему какое-нибудь указание, как объяснить онкилонам их поступок; во всяком случае, он хотел обдумать спокойно, что сказать Амнундаку, чтобы не ухудшить своего положения.

В землянке его встретила ласковым визгом Пеструха, которую уходившие заперли, чтобы она не увязалась за Кротом и за ними. Его взгляд сразу упал на бумагу, приколотую к одному из столбов. Он прочитал ее по слогам несколько раз, чтобы лучше запомнить, и вернулся в землянку Амнундака.

— А где Аннуир? — набросилась на него сейчас же Аннуэн.

— Постой! Дай сказать! Белые люди пошли на свое стойбище за теплой одеждой. Видишь — снег, холодно, а у них одежда там. И мне обещали принести. Завтра к вечеру вернутся.

— Откуда ты все это знаешь, если они ушли? — закричал Амнундак.

— А вот здесь написано, они мне оставили письмо. На, прочитай! — сказал Горохов, подавив смех и протягивая бумагу.

Амнундак повертел ее в руках, увидел на ней какие-то черные знаки и заявил:

— Пошлю это шаману — он узнает, правда ли, что ты сказал.

— А зачем Аннуир пошла с ними? У нее теплая одежда здесь! — не унималась ревнивая Аннуэн.

— Значит, она сильнее любит, чем ты! — отрезал Горохов.

— Вождь запретил мне любить его — я слушаюсь приказа вождя.

— Вот именно, а она не слушается, потому что больше любит его.

— Она только вторая жена, сама навязалась...

— Довольно, женщина! — прервал Амнундак.

Он сидел еще с бумагой в руках и не знал, что ему делать: послать ли немедленно погоню за ушедшими или поверить словам Горохова и подождать. В руках у него еще остался один из пришельцев, и ему казалось, что они не уйдут без своего товарища.

И вдруг у него мелькнула мысль: а не пошли ли белые колдуны к священному озеру, чтобы высушить его, как в прошлый раз, когда они Горохова тоже оставили дома?

Он оделся, вышел из землянки, вызвав с собой трех воинов, и велел им сходить к священному озеру и посмотреть, не там ли белые люди или не были ли там. Вернувшись, он сказал Горохову:

— Ты оставайся здесь, в моем жилище, пока не вернутся другие.

К обеду посланные вернулись и заявили Амнундаку:

— Белых людей на священном озере нет, но они были там — мы видели их следы на снегу: три больших следа и один поменьше.

— Вот видишь, ты солгал мне или они солгали тебе в своем письме!..— вскричал Амнундак, обращаясь к Горохову, а потом спросил воинов: — А священное озеро опять высохло?

— Нет, великий вождь, оно не высохло — оно стало даже больше, вода вышла из берегов, и к жертвенному камню нельзя подойти.

Амнундак нахмурился: он не знал, хороший ли это или худой признак, что озеро вышло из берегов. И, как всегда в затруднительных случаях, понадеялся на шамана.

— Идите и расскажите шаману, что вы видели... Постойте!.. Как вы узнали, что следы на снегу оставили белые люди? Вы знаете их обувь?

— Следы, собственно, были медвежьи,— ответил старший из воинов,— но мы думаем, что белые колдуны могли превратиться в медведей, чтобы мы не узнали по следу, куда они ходили.

Горохов расхохотался. Онкилоны с удивлением посмотрели на него, а Амнундак спросил сердито:

— Почему тебе так весело?

Горохов спохватился, что для него невыгодно разуверять онкилонов в могуществе белых, и ответил:

— Мне стало смешно, что они и Аннуир превратили в медведицу: ведь их трое, а следов воины видели четыре.

— Да, да, четвертый след поменьше — видно, женский! — подтвердили воины.

— Хорошо, идите к шаману,— решил Амнундак.

Вернувшись, посланные сообщили, что шаман сам хочет пойти к священному озеру, а потом придет сюда на моление, и велел приготовить жертвенного оленя.

Горохов, за каждым шагом которого, по распоряжению Амнундака, следили воины, лежал на своей постели и думал, хорошо ли он сделал, что остался один у онкилонов. Если случатся опять какие-нибудь несчастия, онкилоны начнут их приписывать ему, или уходу его товарищей, или и тому и другому. Могут потребовать от него то, что он сделать не может, начнут угрожать... Мало ли что могут придумать эти люди!

Не уйти ли тоже? Товарищи обещали ждать его двое суток. Только теперь его караулят, и уйти нелегко. А что еще намолит вечером шаман? Он совсем было приуныл, и только его жена Раку, подсевшая к нему, развлекла его своей болтовней.

В сумерки явился шаман, пошептался с Амнундаком, потом сел к огню погреть свои костлявые руки; он глядел упорно на пламя, и губы его беззвучно двигались. Потом поднял голову и сказал:

— Пора пришла!

— Женщины, берите детей и идите в жилище белых людей — оно пустое. Сидите там, пока вас не позовут! — распорядился вождь.

Горохову стало страшно. В последний раз женщин так же выслали из жилища на время моления, после которого последовала кровавая ночная жертва на бе-

регу священного озера. О ней он узнал впервые сегодня от своей жены, которая случайно проболталась.

Не задумал ли шаман и в этот раз ввести озеро в берега посредством жертвы? И этой жертвой будет он! Он похолодел, и сердце замерло в груди.

— Иди и ты с женщинами в свое жилище!..— обратился к нему Амнундак.— Женщины, смотрите, чтобы он никуда не уходил,— вы отвечаете за него!

Это немного успокоило Горохова. Если бы его хотели принести в жертву, то незачем было отпускать его из жилища с одними женщинами.

Если бы он знал, что Амнундак после его ухода велит двум воинам сторожить землянку снаружи, он не был бы так спокоен.

Женщины наполнили опустевшую землянку смехом и болтовней, живо развели огонь и расселись вокруг него. Горохов улегся на свою постель и сейчас же протянул руку к ружью, которое всегда лежало рядом, у стенки. Ружья не оказалось. Кто его унес? Неужели товарищи? Едва ли они отняли у него это могущественное оружие. Но они тогда взяли бы и патроны; Горохов пошарил в котомке и нашел целую пачку. Очевидно, онкилоны по приказу Амнундака сегодня обшарили его постель и унесли эту страшную палку, выбрасывающую громы и молнии, чтобы лишить его возможности защищаться. Дело совсем дрянь; они, несомненно, замыслили недоброе.

Горохов подозвал к себе Раку и под смех и болтовню женщин стал ее расспрашивать обиняками о намерениях онкилонов. Но она не могла сообщить ему ничего определенного, только разные глупые женские разговоры о могуществе и пагубном влиянии белых колдунов.

Вдруг Горохов вспомнил, что в последний раз, когда они ходили на свою базу, они принесли запасное ружье, совершенно новое, которое хотели на прощанье подарить Амнундаку. Не забыли ли его товарищи? Вот было бы счастье! Оно лежало в разобранном и запакованном виде в головах постели Горюнова, и онкилоны едва ли догадались, что этот сверток — тоже палка с молниями. Горохову захотелось сейчас же убедиться в этом. Ведь после моления ружье может очень понадобиться, чтобы защищать свою жизнь. Он отпустил Раку к остальным, а сам немного погодя пе-

решел на постель Горюнова, объяснив, что здесь почетное место и веселее, чем в его углу. Он прилег, стал осторожно шарить и в глубине изголовья под шкурами и слоем сена нащупал сверток. Но как его развернуть и собрать ружье, не обратив на себя внимания женщин? Чем бы занять их? А не проделать ли все у них на глазах в виде фокуса, который произведет впечатление? Пожалуй, это будет самое лучшее — они увидят, что из бумаги и кусков вырастает страшная палка.

Вытащив сверток, он сел на край постели, но не рядом с женщинами, и сказал, что покажет сейчас превращение «вот этой дубинки, взятой у людоедов, в палку, выбрасывающую громы и молнии». Некоторые женщины закричали: «Ой, не надо!», но любопытство большинства победило. Горохов начал развязывать сверток, упакованный еще в магазине в столице; развязав бечевки, он передал их женщинам, никогда еще не видавшим подобного. Бечевки пошли по рукам, и их разглядывали внимательно. Потом он развернул большие листы оберточной бумаги, также никогда не виданной онкилонами; и они пошли по рукам; женщины удивлялись «тонкой желтой коже». Когда один лист, поднесенный слишком близко к огню, вспыхнул ярким пламенем, раздались крики ужаса и удивления — кожа так не горела. Пока все взоры были устремлены на пылавший лист, Горохов быстро собрал ружье — это была двустволка центрального боя, с одним нарезным стволом для пули,— взял его на прицел и воскликнул:

— Вот и палка готова!

Ближайшие к нему женщины отшатнулись и взвизгнули, воображая, что сейчас же из блестящей палки вылетит молния. Но Горохов засмеялся и сказал:

— Не бойтесь, молния вылетит только в того, кто захочет сделать мне дурное, а вы все добрые женщины.

Фокус произвел сильное впечатление: некоторые женщины знали, что у «полубелого» колдуна — так звали Горохова онкилоны между собой ввиду его смуглой кожи, в отличие от трех остальных,— сегодня унесли страшную палку, чтобы сделать его беззащитным. И вот он у них на глазах превратил какую-то

дубинку в новую палку. Это нужно непременно рассказать мужчинам.

Пачку патронов, бывшую при ружье, Горохов спрятал в карман, чтобы зарядить, когда понадобится. Обладание ружьем успокоило его. К нему вернулось хорошее настроение, и, держа ружье в руках, он сказал:

— А теперь, женщины, потанцуйте, как в прошлый раз, когда вы были у нас в гостях! Я вам дарю вот эти ремешки и эту кожу, а вы потанцуйте, пока там шаман призывает духов.

Приходилось повиноваться колдуну, обладавшему палкой. Но женщины вообще плясали охотно, особенно в долгую зимнюю ночь, а сейчас ведь была уже зима — снег лежал и не таял. И те, которые еще не разделись, войдя в землянку, сделали это теперь. Начался танец, описанный уже прежде, вокруг весело пылавшего костра, а Горохов, полуразвалившись на постели Горюнова, с ружьем в руках, покуривая трубку, смотрел на пляшущих женщин.

Но в этот раз женщины не успели доплясаться до изнеможения — явился воин и сказал, что моление кончилось и можно вернуться в свое жилище.

— Раку останется здесь, у меня...— заявил Горохов.— Раку, слышишь!

— Амнундак сказал, чтобы и ты пришел в его жилище,— ответил воин.

— Скажи Амнундаку, что я буду спать в своем жилище и Раку останется со мной! — решительно заявил Горохов.

— Амнундак велел...— начал опять воин.

— Я не онкилон и не подвластен Амнундаку,— прервал его Горохов.— Он не может мне приказывать... Раку, иди сюда!

Одевавшиеся женщины удивленно переглядывались и перешептывались; воин был поражен. До сих пор белые колдуны ни разу не говорили таких слов и старались угождать вождю, хотя втайне вредили и создавали бедствия. А тут этот полубелый остался один и завел такую речь. Раку не знала, что ей делать: уходить ли с другими женщинами или остаться с Гороховым.

— Раку, тебе говорю, не одевайся, а иди сюда, ко мне! — крикнул Горохов.

Этот решительный тон подействовал, и Раку подошла к нему.

— Садись тут, Раку! Когда все уйдут, мы будем ужинать.

Женщины, забрав детей, одна за другой вышли из землянки; воин постоял в нерешительности и наконец ушел. Раку села и сказала:

— Амнундак будет очень сердит. Он меня накажет за то, что я осталась здесь.

— Не бойся, он не посмеет ничего сделать тебе. Вот увидишь! А теперь вари чай.

Спокойствие Горохова подействовало на женщину, и она вернулась к своим хозяйским обязанностям. Они спокойно поужинали и собирались уже лечь спать, когда дверь отворилась и вошли четыре вооруженных воина. Старший из них заявил:

— Амнундак сказал: ты не хочешь быть гостем в его жилище — оставайся здесь. Но он велел нам прийти к тебе, чтобы ты не оставался один без защиты. Мы будем здесь спать, место есть.

«Ишь, как вывернулся, мудрец!» — подумал Горохов и сказал громко:

— Очень хорошо придумал Амнундак! Ложитесь двое там,— он указал на постель Ордина,— и двое тут,— он указал на свое прежнее место.— А я буду на почетном месте, пока не вернутся другие белые люди.

Три воина легли не раздеваясь, а четвертый уселся у огня.

— Они пришли караулить тебя, чтобы ты не убежал тайком, как другие белые люди,— прошептала Раку испуганно.

— Они пришли защищать нас от вампу, медведей и подземных духов, глупая! — спокойно заявил Горохов, конечно вполне понявший намерения Амнундака.

Но на ночь он принял некоторые предосторожности: сам лег к стене и ружье положил за собой у стены, зарядив один ствол пулей, другой — картечью. Пеструху уложил в ногах постели. Горохов знал, что собака не пустит никого к спящему хозяину.

Ночь прошла спокойно. Воин, сидевший у костра, время от времени сменялся одним из спавших; он поддерживал огонь и дремал, прислонившись к стол-

бу и держа в руках свое копье. Горохов спал крепко, но Раку всю ночь ворочалась с боку на бок: ее все-таки тревожила мысль, что сделает завтра Амнундак.

Когда настало утро, воины ушли, но им на смену тотчас же явились Аннуэн и две другие женщины. Горохов еще спал, но Раку сейчас же вылезла к ним и стала расспрашивать, что поведали духи шаману, как отнесся вождь к отказу Горохова и ее неповиновению. Но женщины, очевидно получившие инструкции, ответили:

— Что поведали духи, мы не знаем. Амнундак выслушал воина и сказал то, что передали посланные в ваше жилище, а про тебя ничего не сказал.

Раку успокоилась, но Горохов, проснувшись и узнав результаты ее расспросов, не удовлетворился ими — ему важно было узнать, что наколдовал шаман. И в течение дня, который он провел в своем жилище и возле него на воздухе, Раку несколько раз ходила по его поручению в землянку вождя на разведку, но ничего не добилась. В первый раз она пошла с трепетом, думая, что ее женщины сейчас же схватят, разденут и высекут по приказу Амнундака: так обыкновенно наказывали за ссоры, лень, непослушание. Но Амнундак даже не обратил внимания на ее появление.

Вечером Амнундак пришел к Горохову, уселся у огня и сказал:

— Ты не хотел быть гостем у меня, а я вот пришел к тебе... Вот ты вчера сказал, что сегодня белые люди вернутся. Ночь уже пришла, а их нет. Что скажешь еще?

Горохов, уже обдумавший за день, что ему делать, ответил спокойно:

— Видишь снег на земле — идти трудно, лыж у них нет, потому и запоздали. Придут ночью или утром.

— Отчего не взяли лыжи у онкилонов? — спросил Амнундак и, помолчав, прибавил: — Подожду до утра. Если не придут, пошлю воинов искать их — не случилось ли что-нибудь с ними.

Он посидел еще немного, пожаловался, что снег лежит и не тает, зима наступила на целый месяц раньше времени, чем онкилоны встревожены. Потом поднялся и ушел. Вслед за ним собрались уходить и

жены отсутствовавших, проведшие весь день в землянке. Уходя, они сказали:

— Раку, иди возьми там свое молоко и лепешки.

Раку, захватив посуду, отправилась с ними, но не вернулась. Вместо нее снова появились четыре воина на ночлег. Горохов долго ждал Раку и решил, что ее не пустили. Обдумав за день свое положение, он нашел его рискованным и понял, что в одиночестве ему не удастся долго противиться Амнундаку, что силой или хитростью у него отнимут ружье и тогда сделают с ним все, что велит шаман. Он мог еще догнать товарищей, обещавших ждать его двое суток,— срок истекал завтра вечером. И он решил бежать в эту ночь.

БЕГСТВО

Еще в сумерки Горохов срезал дерн с наружной стороны землянки, против изголовья своей постели, и эту брешь засыпал снегом. Теперь было нетрудно без шума вынуть несколько тонких коротких бревешек, едва закопанных одним концом в землю, а другим прислоненных к длинным бревнам откоса и составлявших бока последнего. В эту дыру можно было перед рассветом, когда сон одолевает больше всего и караульный будет дремать, вылезть тихонько наружу. Горохов надеялся, что Раку пойдет с ним, убежденная примером Аннуир. Котомка была приготовлена. Раку уже ходила в зимней одежде. Побег заметят только утром, потому что постель останется на месте. Пеструха тоже,— она потом прибежит по следу; дыру снаружи заложат. Прежде чем спохватятся, они успеют отмахать десяток километров; две пары женских лыж были также приготовлены — зарыты в сумерки в снегу.

Невозвращение Раку огорчило Горохова — он привязался к ней и из-за нее главным образом остался у онкилонов. Но теперь приходилось уходить, и без нее. Впрочем, она, может быть, и не пошла бы и даже подняла бы тревогу.

Пожалуй, к лучшему, что ее нет.

Горохов рано лег спать и положил Пеструху к себе на постель; теперь ее можно было взять сразу же с собой. Укладываясь, он громко сказал, чтобы слышали воины, сидевшие еще у огня:

— Раку не пришла. Собака завтра меня разбудит и приготовит еду.

Около полуночи сильный подземный удар разбудил и дремавшего караульного, и Горохова. Заскрипели балки землянки, посыпалась земля через щели. Спавшие воины вскочили с постелей, присел и Горохов,— последний в сильной тревоге. Если удар повторится, все население землянки Амнундака выбежит и будет ночевать у костра под открытым небом; тогда уйти незаметно не удастся. Нужно уходить раньше, во время суматохи.

Пока он соображал, что делать, прокатился второй удар, и вся землянка заскрипела; одно бревно из крыши центральной части сорвалось с места и упало на костер вместе с кучей дерновин. Горохов стал поспешно одевать теплую куртку; воины с криком ужаса выскочили за дверь. Но когда волна сотрясения прошла и землянка осталась стоять, один из них вернулся и взял несколько головней из костра; они, очевидно, хотели развести огонь вблизи дверей, чтобы продолжать свои обязанности караульных.

— Ты бы лучше вышел из жилища,— обратился этот воин к Горохову, сидевшему на своей постели,— тебя может придавить, половина жилища Амнундака уже развалилась.

— Нет, я останусь здесь и буду спокойно спать,— ответил Горохов.— Мой угол не развалится.

Воин покачал головой и вышел. Это только и нужно было якуту. Он тотчас же взял из соседнего отделения одеяло Костякова, свернул его в трубку и положил вместо себя под свое одеяло, так что при первом взгляде казалось, что под ним спит человек. Затем быстро разобрал стенку у своей постели, выставил наружу котомку и ружье, вылез сам, крикнул Пеструху, заложил отверстие, засыпал его снаружи снегом и осторожно, под покровом тени от землянки, заслонявшей его от костра воинов, направился к ближайшему дереву на окраине поляны, стоявшему шагах в двадцати. Это был старый развесистый тополь, пощаженный онкилонами, так как он не годился ни на дрова, ни на постройку. Спрятав Пеструху и котомку в дупло, Горохов полез наверх и присел, прижавшись к стволу, на толстый сук. Отсюда ему было видно все, что делалось на поляне, а сам он был скрыт сучьями

и ветвями, хотя уже лишенными листвы. Он сообразил, что переходить сейчас через поляну нельзя: она была освещена кострами онкилонов и на белом фоне снега его черную фигуру сейчас же заметили бы бодрствующие люди. Нужно было выждать, пока они задремлют у костров. Огибать же всю поляну по лесу было слишком долго, и, кроме того, Горохов боялся, что из-за темноты попадет не на ту тропу, которая шла к базе, и заблудится.

Со своего наблюдательного пункта он видел, что часть землянки Амнундака уже развалилась; женщины суетились еще вокруг костров и вытащенных вещей и детей, воины торопливо выносили остальное имущество. Вскоре после того, как он уселся, по котловине прокатился новый удар; он почувствовал, как вздрогнул и закачался тополь; в землянке Амнундака рухнул еще один откос, вокруг костров люди закачались и некоторые упали; опять раздались крики и вопли, а с окраины котловины — грохот обвалов. И тотчас же он услышал где-то поблизости среди поляны сильный треск. Взглянув в эту сторону, он увидел среди белой снежной пелены, чуть выделявшейся на черном фоне леса, большое темное пятно, на котором быстро мелькали белые пятна.

«Лед разломало на озере! — подумал он.— Нельзя будет идти прямо. Вот напасть!»

Когда гудение земли и грохот обвалов затихли, Горохов расслышал шорох и плеск, доносившийся с черного пятна, которое быстро увеличивалось.

— Нешто вода из берегов выходит? Уж не затопит ли нас тут? Вот беда какая: костры зальет, люди в темноте останутся! Мне-то лучше будет бежать от них. А вот если на других полянах вода тоже выступила, как же идти-то? Ах ты, несчастье! И зачем я только здесь остался! Вот если бы лодка была!

И тут он вспомнил, что, когда озеро начало замерзать, онкилоны вытащили бывшие на воде две берестянки, с которых он не раз ловил рыбу, и зарыли их в снег на заднем откосе его землянки, оберегая от оленей, которые могли пробить днище, если оставить эти хрупкие лодки на земле. Это успокоило его — лодка совсем близко, только бы онкилоны не захватили раньше, чем он до нее доберется.

Между тем черное пятно быстро росло, и край его

был уже шагах в тридцати от костров; разливавшаяся вода пожирала снег и наступала все дальше и дальше. Тут ее заметили и онкилоны. Один подбежал к краю пятна, убедился, что оно движется, и закричал:

— Спасайтесь, вода идет, вода топит!

Поднялась невообразимая суматоха, крики, плач, суета. Одни кричали: «На деревья, на деревья!» Другие: «Где лодки?» Третьи: «Спасемся в землянку колдунов!» Воины хватали вещи, женщины — детей.

Амнундак подбежал к караульным воинам у костра перед землянкой чужеземцев и крикнул:

— Где белый колдун? Ведите его! Пусть он остановит воду — или мы его заколем тут же!

Но тут откуда-то с высоты раздался протяжный крик:

— Онкилоны, бегите скорее на север — там воды нет! Спасайтесь на север, на север! Я говорю вам — дух неба!

И тотчас перепуганные люди подхватили это внушение, повторяя:

— На север, бежим на север, скорее!

Толпа воинов, тяжело нагруженных вещами, и женщины с детьми вперемешку со стадом оленей беспорядочно двинулась к опушке леса. Вода уже тушила ближайшие к ней костры, с них валил едкий дым, шипя чернели головни и гаснул свет.

Амнундак еще стоял вблизи землянки чужеземцев. Воины, поспешившие внутрь, чтобы вывести Горохова, вернулись испуганные:

— Белый колдун исчез вместе с собакой, вылетел в дымовое отверстие, жилище пусто!

Так доложили они. И Амнундак, всплеснув руками, побежал вслед за своими подданными к северной опушке, сопровождаемый караульными. Когда поляна опустела, Горохов спустился с дерева, подбежал к землянке, стащил с откоса одну из берестянок вместе с привязанным к ней веслом, вытряхнул снег и перенес берестянку к тополю, посадил в носовую часть Пеструху, в середину сложил свою котомку и ружье, сам сел к корме, взял весло и стал ждать. Крики онкилонов уже замирали вдали, последние костры гасли, вода подступала к двери землянки.

«Эх,— подумал Горохов,— в лодке можно еще коечто увезти, ну хоть бы меховое одеяло! Поди, товари-

щи отдали мой спальный мешок Аннуир, да и плыть ночью холодно будет».

Он побежал к землянке, увидел, что вход в нее уже залит, быстро вернулся к своей заделанной дыре, разбросал бревешки, вытащил одеяло и, преследуемый по пятам водой, вернулся к берестянке.

«Так-то лучше будет»,— подумал он, усаживаясь на одну половину одеяла и закрывая ноги другой.

Вода уже шипела, пожирая снег вокруг берестянки; кругом становилось темнее, только землянка выделялась белой массой на черном фоне. Вот берестянка всплыла, и Горохов заработал веслом, отплывая в сторону озера.

— Прощай, наше жилище! — сказал он, проплывая мимо землянки.— Не довелось нам в тебе зимовать, да и никто не будет — все попортит вода!

Мерно загребало двухконечное весло то справа, то слева, и легкая посудина скользила по черной воде; глаза привыкали к темноте и различали уже стену леса, отступавшую назад, с двумя белыми горбами землянок, а впереди — простор, откуда с напором стремилась вода. Среди этого простора Горохов скоро различил плоский бугор и почувствовал, что стало труднее грести. Он догадался, что это вода поднимается пузырем среди озера, и стал объезжать его стороной, борясь с течением. Когда он его обогнул, течение начало помогать ему. И скоро он очутился у противоположной опушки. Теперь нужно было найти тропу, ведущую на юг; белевшие на фоне леса землянки помогли ему ориентироваться; он помнил, в каком направлении от них должна была быть тропа.

Вот он нашел ее и поплыл по узкому каналу между двумя стенами леса; стало темнее, и нужно было плыть очень осторожно, чтобы не пропороть тонкое дно берестянки каким-нибудь торчащим из воды сучком. Горохов перестал грести и предоставил течению нести легкую посудину. Но скоро течение ослабело, а потом началось обратное, и пришлось снова взяться за весло; смерив глубину, Горохов нашел, что она не выше колена.

Едва он начал загребать, как впереди послышался сильный шум, плеск, фырканье и мычанье — очевидно, по тропе двигались дикие быки, и встреча с ними представляла страшную опасность. Горохов недолго

думая задвинул берестянку в стену леса, в чащу, в двух-трех шагах от тропы, обхватил одной рукой ствол дерева, другой с веслом уперся в дно и стал ждать. Плеск и шум быстро приближались, и вот по тропе-каналу мимо его убежища, пыхтя, сопя, фыркая, начала двигаться темная масса крупных животных, напиравших друг на друга в своем поспешном бегстве от наводнения на север; они бежали тяжелой рысью, почти по брюхо в воде, разбрасывая фонтаны брызг и производя волны, расходившиеся в глубь леса. Если бы Горохов не держался за дерево и не уперся веслом в дно, берестянку неминуемо опрокинуло бы; якут провел несколько неприятных минут, пока стадо не пробежало мимо и вода не успокоилась.

Не успел он после этого проплыть и сотни метров, как снова послышался шум и плеск, быстро приближавшиеся; опять пришлось укрываться в чаще. На этот раз промчалось несколько носорогов, поднявших такую волну, что Горохов с трудом удержал равновесие лодки; его окатило целым фонтаном воды.

— Прокляты будьте, неуклюжие твари, язвило вас, окаянные! — ворчал он, отирая лицо.— Этак далеко не уедешь, а воду отливать нечем, да и темно.

Не успело улечься волнение, поднятое носорогами, как надвинулся табун лошадей, еще больше взволновавших воду; они бежали быстрее, чем быки, вставали на дыбы, стараясь обогнать друг друга, фыркали и ржали.

Не доезжая следующей поляны, Горохову пришлось укрываться еще раз: теперь бежали вперемешку быки и лошади, а вслед за ними еще десяток медведей. Наконец он выплыл на поляну-озеро и начал его пересекать, огибая среднюю часть, где вода поднималась бугром; когда он выплыл почти на середину, вода внезапно запенилась, поднялась, волнами его чуть не перевернуло. Грохот и плеск, донесшиеся с окраин, показали, что прокатился новый удар землетрясения. Борясь с волнами, Горохов добрался наконец до следующей опушки, нашел канал и поплыл дальше, но очень скоро остановился в недоумении: канал делился на три ветви, и ночью не было никакой возможности выбрать надлежащее направление — окраины котловины неразличимы, компаса не было, звезд не видно.

«Ничего не поделаешь, придется ждать рассвета,— решил Горохов.— Надо быть, уже недолго: сколько времени я мотаюсь по воде, а затрясло после полуночи».

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ ШАМАНА

Горохов свернул с канала подальше в чащу, куда волны с поляны и с канала могли доходить уже очень ослабленные; привязав берестянку к дереву, растянулся на дне ее, завернувшись в одеяло, и заснул, слегка покачиваясь на волнах.

Проснулся он поздно от воя Пеструхи. Раскрыв глаза, он увидел, что поднявшаяся за ночь вода прижала берестянку к ветвям дерева. Собаку так сильно сжало, что она не могла двинуться. Чтобы освободить ее, пришлось прибегнуть к ножу и срезать ряд веток, Горохов попробовал смерить глубину и не мог достать дна, а весло вместе с рукой было больше двух метров.

«Ну и наводнение же! — подумал якут.— Теперь уж зверья по пути не встретишь: которые не успели убежать — перетонули».

Пеструха, освобожденная из плена, обнюхивала котомку, виляя хвостом и умильно поглядывая на хозяина.

— Проголодалась, бедняга! — догадался последний.— И впрямь пора поесть, только еды-то у нас малость и чай варить нельзя. А дичи уже нет!

Он достал из котомки лепешку и копченого гуся, захваченного из обильного запаса, который был подвешен под крышей землянки; стал есть, отдавая собаке необглоданные кости и обрезки.

— Эх, последнего гуся едим, Пеструха! — обратился он к собаке.— Ведь наш запас уже затопило — никто не спас, жалость какая!

Этот запас напомнил ему про Раку, ее заботы о нем, и ему стало грустно. Вспомнил он Казачье и свою старую, сварливую жену, из-за которой он часто уходил из дому к соседям или нанимался каюром к купцам на длинные концы. И он подумал, что можно еще попытаться увезти Раку,— онкилоны, наверно, остановились на первой сухой поляне, спят после

ночной тревоги и бегства. Можно подплыть к ним, пробраться на опушку и выждать, когда Раку появится где-нибудь поблизости, окликнуть ее, забрать — и в лодку. По воде онкилоны не догонят. Его товарищи сегодня до вечера должны еще ждать, а если даже ушли, то в первый день далеко не пройдут, по следу их можно скоро догнать. Горохов сообразил, что за ночь он отплыл только до следующей поляны, то есть километра три-четыре, не больше,— значит, возвращаться недалеко.

Приняв это решение во время завтрака, якут отвязал берестянку и поплыл на север. Солнце уже давно взошло и по временам появлялось между тучами и пригревало. При дневном свете картина наводнения не производила такого жуткого впечатления, как ночью. Вода сверкала, струилась, стена леса отражалась в зеркале озера. Горохова удивило лишь обилие всякого мусора, который плавал на поверхности воды в лесу и на каналах; только на полянах, откуда вода растекалась во все стороны, поверхность ее была чиста. Добравшись быстро до поляны, где было стойбище, он решил подновить запас провизии — подплыл к землянке, затопленной выше дверей, влез на крышу и через дымовое отверстие снял несколько пар копченой птицы, подвешенной снизу; на радостях даже отдал целую утку Пеструхе, которой утром досталось очень мало. Собака, ворча от удовольствия, прилегла и стала грызть птицу.

Потом он поплыл дальше по направлению, по которому ночью ушли онкилоны. По каналу в лесу пришлось плыть среди пелены листьев, веток и всякого хлама, поднятого водой. Попадались мертвые птицы и мелкие четвероногие; на одном дереве он заметил притаившуюся куницу и, по охотничьей жадности, убил ее ударом весла.

— Хоть и летний мех, а на шапку годится, все равно с голода пропадет,— пробормотал он, подбирая добычу.

Подвигаясь на север, он заметил, что озера пузырятся меньше и вода не так глубока,— весло уже доставало дно.

— Эх, жаль, нет Матвея Ивановича — он объяснил бы мне, откуда столько воды прет из земли. Разверзлись хляби земные, как сказано в Писании, и начался

потоп. Слава богу, что хляби небесные еще не топят сверху, это было бы совсем худо.

После полудня вода в каналах и на полянах стала совсем мелкая,— видны были верхушки небольших кустов, а вокруг озер — на полянах камыши; пришлось плыть тихо, чтобы не напороться. Потом берестянка то и дело начала задевать за дно и наконец стала. Горохов вылез и побрел пешком, но тащил лодку за собой. Скоро пришлось высадить и Пеструху, а котомку надеть на себя, чтобы тащить почти пустую лодку по траве, еле покрытой водой. Наконец он выбрался на поляну, представлявшую мокрый луг; только кое-где во впадинах блестела вода. Поляна была наполнена четвероногими: стада быков, табуны лошадей, косяки оленей, несколько семей носорогов частью паслись, частью отдыхали, лежа на траве; в кустах хрюкали кабаны, роясь в мокрой земле.

«Ну и дивно их набралось тут! — подумал Горохов.— Намаялись, видно, бедняги, всю ночь по воде хлюпавши без отдыха... А вот и охотники!»

Он заметил, что вдоль опушки за кустами ползут на четвереньках вампу, подбираясь к ближайшему табуну лошадей. Животные вследствие своей многочисленности, очевидно, не были так настороже, как обыкновенно, и вампу были совсем близко от них. Горохов насчитал человек двадцать. Ближайший был шагах в сорока от куста, за которым он наблюдал, зажимая морду Пеструхе, чтобы она не лаяла.

«Эх, попугаю я их! Пусть знают, что молния и громы еще действуют!» — решил он и прицелился так, чтобы пуля пролетела над головами вампу. Когда рассеялся дым, вампу уже не было видно, только колебания кустов показывали, что они скрылись в лес, откуда доносился их крик, постепенно удалявшийся. На поляне выстрел также произвел замешательство,— лежавшие животные вскочили, одни стада бежали сюда, другие туда.

«Если вампу здесь, значит, онкилоны не так близко,— решил Горохов.— А хорошо, что я их пугнул, а то мог бы сам на них напороться!»

Он потащил берестянку дальше, но скоро стало совсем сухо, на тропе попадались камни — и можно было повредить дно. На опушке следующей поляны он заметил высокий, приметный издали тополь с раз-

двоенной вершиной и решил оставить лодку здесь; он поднял ее на развилину ствола, сложил туда же котомку и посадил Пеструху, привязав ее за ошейник к веревке берестянки; пошел дальше налегке. Километрах в двух далее он услышал впереди голоса и почувствовал запах дыма. Осторожно добравшись до опушки, Горохов стал наблюдать. В разных местах поляны горели костры, вокруг которых стояли, сидели и лежали онкилоны; на огне жарилось мясо, и запах его приятно щекотал ноздри якута. По-видимому, здесь собралось все племя или большая часть его из затопленной местности, и, как всегда, каждый род держался отдельно у своего костра. Наискосок от места наблюдения, вокруг одного из костров, толпилось особенно много людей, и Горохов решил, что там должен быть род Амнундака. Он подкрался по опушке поближе, очутился шагах в тридцати и различил Амнундака, окруженного предводителями других родов. Обсуждали вопрос, рассеяться ли по сухим полянам вплоть до бесплодной северной части котловины и приняться немедленно за постройку землянок ввиду близости зимы или же ждать спада воды, чтобы вернуться на старые привычные места.

«Вот дураки! — подумал Горохов.— Они еще надеются, что вода уйдет куда-то. Не знают, сколько там этой воды».

Тут якут обратил внимание на то, что на поляне совсем не было снега, как не было его и там, где кончилась вода. Очевидно, он уже успел растаять, потому что было совсем тепло — наводнение как будто вернуло лето в котловину.

По другую сторону костра сидели женщины и дети. Горохов различил Аннуэн и других женщин, но Раку не было видно.

«Не вернулась ли она в свой род, как вдова? — подумал он и стал всматриваться в женщин у других костров; у соседнего сидели люди рода, ближайшего к стойбищу вождя, откуда была и Раку; но и здесь ее не было.— Куда она запропастилась! Пошла куда-нибудь или спит? Подожду. Вот они скоро будут есть, тогда должны все собраться».

Немного погодя женщины крикнули, что мясо готово, все разошлись по своим родам и уселись вокруг костров; женщины стали раздавать палочки с мясом и

лепешки. Но Раку не явилась ни в род Амнундака, ни в свой. Это встревожило Горохова, и он подумал, не убили ли Раку онкилоны в наказание за ее непослушание приказу вождя. Ничем иным нельзя было объяснить ее отсутствие, разве что во время землетрясения Раку придавило в обрушившейся землянке.

— Незадача выходит! — пробормотал он.— Зря я проездился. Нужно скоро уходить — солнце уже склонялось к западу.

Тут его внимание привлекло появление десяти вооруженных онкилонов, вышедших из леса недалеко от того места, где он прятался. Они подошли к Амнундаку и сложили к его ногам несколько дубинок и копий вампу.

— Ты послал нас, великий вождь, обыскать место, откуда недавно раздался гром,— сказал старший.— Ты подумал, что вернулись белые колдуны. Но мы видели там много крупной дичи и нашли вот это,— он указал на дубинки.— Белых колдунов или следов их мы не нашли.

— А все-таки они бродят недалеко от нас! — сказал Амнундак.— У вампу нет громов. Все хорошо слышали гром.

«Хорошо, что у них нет собак! — подумал Горохов.— Не то меня бы уже выследили».

Но следующие слова вождя сильно встревожили его.

— Скажите предводителям родов, что нужно сейчас выслать всех воинов осмотреть лес вокруг нашей поляны. Белые колдуны близко и принесли нам новое бедствие.

Воины ушли обходить костры, разнося приказ. Горохов сообразил, что он не успеет уйти достаточно далеко, и решил переждать облаву по соседству, взобравшись на дерево. Он тотчас же отбежал немного в глубь леса, выбрал удобное дерево и влез высоко наверх; оказалось, что сквозь ветви видна вся поляна. Усевшись на развилине, он увидел, как от всех костров потянулись в разные стороны вооруженные воины и, дойдя до опушки, образовали цепь, которая проникла в лес. Правее и левее его дерева также прошли воины, но они искали на земле, лазили в чаще кустов и подлеска, даже шарили копьями, а посмотреть наверх не догадались. Впрочем, якут сидел высо-

ко, прижавшись к стволу и в темном платье; его скрывали ветви, хотя без листвы, но сквозь их сетку различить его можно было бы, только зная, что он наверху.

Облава продолжалась часа два, и солнце уже спустилось за горы, когда со всех сторон на поляну вернулись усталые воины и расположились у своих костров отдыхать. Горохов слез с дерева и прокрался опять на опушку вблизи рода вождя. Последний сидел рядом с шаманом; ему только что доложили о безуспешности поисков. Он был встревожен и недоволен, а шаман сказал:

— Вели сейчас собрать всех предводителей родов сюда на совет.

Амнундак дал распоряжение, и ко всем кострам побежали воины.

«Что еще задумал старый колдун? — подумал Горохов.— А Раку и теперь еще нет. Все женщины поднялись и отходят от огня, освобождая место; всех видно, кроме Раку. Не иначе, что они ее загубили, бедную!»

Когда все представители родов собрались и уселись вокруг костра, шаман встал и, подняв голову и протянув руки вперед, повел такую речь:

— Великие бедствия постигли наше племя. Сколько раз тряслась уже земля и рушились наши жилища с тех пор, как пришли белые колдуны на нашу землю, где мы раньше жили спокойно! Они пришли и увидели, что здесь хорошо жить, лучше, чем у них, где всегда лежит снег и солнце не греет. Они увидели, что здесь есть леса и всякие травы, хорошие пастбища и много диких зверей, а у нас много оленей. И задумали они истребить наше племя, чтобы завладеть нашей землей и стадами. Они высушили священное озеро, но мы вернули его кровавой жертвой. Они сделали так, что стало холодно, и зима началась на месяц раньше, и снег не таял. Они думали, что мы все замерзнем. Этого не случилось — мы держали огни в жилищах и согревали себя. Тогда они решили выгнать нас из жилищ потопом, опять затряслась земля, и вода хлынула из нее и затопила наши поляны и жилища. Мы спаслись: голос духов неба направил нас сюда, где воды нет. Но наши жилища разрушены, наши стада разбежались... Долго ли мы будем терпеть это?

Зима близко, мы все погибнем, и белые колдуны возьмут нашу землю. Они ждут этого. Они там, на краю снегов, сидят и ждут, а тот, который остался с нами, выслеживает, куда мы ушли. Он ходит здесь поблизости, но его не могут найти.

Шаман остановился и перевел дух; взоры всех были устремлены на него в напряженном ожидании.

— Нужно покончить с белыми колдунами. Мы приняли их как почетных гостей, дали им жилище, пищу и молодых женщин. Они заплатили нам неслыханными бедствиями... Верно ли все это, онкилоны?

— Правда, правда все это! — раздались голоса предводителей.

— Мы уже наказали ослушницу — одну из тех женщин, которых мы дали им и которая хотела изменить своему племени, как сделала та, которая убежала с ними к снегам. И белый колдун, ее муж, не защитил ее, а скрылся, хотя она звала его на помощь, когда тонула в воде, которую колдуны вызвали из земли. Теперь мы должны поймать всех колдунов и принести их в жертву добрым духам нашей земли. Завтра сто лучших воинов пойдут в поход к снегам. Они сделают плоты и поплывут через воду во главе с нашим вождем; у них есть копья и стрелы, а у него громы и молнии, которые мы взяли у белого колдуна. Теперь у нас равное оружие, и нас много, а их только четверо. Неужели сто воинов не одолеют их? Пусть половина падет в бою, но наша земля будет спасена, и мы будем жить как прежде. Вода не уйдет обратно в землю, наши жилища останутся разрушенными и наши стада рассеянными, пока белые колдуны не будут принесены в жертву. Я сказал!

— Ах ты, старый, подлый пес! — пробормотал Горохов, слушая речь шамана.— Ты утопил мою Раку и теперь хочешь переловить нас и зарезать, как оленей. Но сначала ты сам отправишься к предкам!

Он поднял ружье и прицелился в шамана, который стоял прямо против него за костром, ярко освещенный в наступивших сумерках, подняв руки и голову, в вдохновенной позе прорицателя. Грянул гром, и шаман упал ничком, лицом в огонь. Пораженный ужасом, Амнундак и предводители словно окаменели; меховая шапка шамана вспыхнула; женщины, стоявшие поодаль, заголосили. И вдруг, словно по внуше-

нию, все сидевшие вокруг костра подняли руки к небу, испустили протяжный вопль, взывая о помощи, затем закрыли ими лицо и трижды повторили этот трагический жест. Потом Амнундак встал и произнес торжественным тоном:

— Молния белых колдунов поразила нашего шамана за то, что он призывал нас сделать им зло! Они могущественны, и мы не можем бороться с ними. Так предсказал великий шаман, приведший наших предков на эту землю... Уберите мертвого из огня!

ЖУТКОЕ СОСЕДСТВО

После выстрела Горохов пустился бежать, рассчитывая на то, что онкилоны, растерявшись, не сразу организуют погоню, а наступившая ночь позволит ему скрыться — в крайнем случае, опять на дереве. По кустам он выбежал на тропу, по которой пришел днем, и не останавливался, пока не различил тополь, на котором оставил свое имущество и собаку. Если есть погоня, нужно влезть на это дерево, где котомка, одеяло и провизия позволяли провести ночь без лишений, так как двигаться дальше с грузом уже нельзя было так скоро, а до воды осталось еще километра два.

Он остановился и прислушался; сначала все было тихо, но затем послышались голоса и вдали замелькали огни; очевидно, онкилоны с факелами гнались за ним. Недолго думая Горохов влез на дерево и стал поднимать свое имущество выше. Всего больше хлопот доставила Пеструха, которая не могла сидеть спокойно на какой-нибудь развилине; пришлось наладить берестянку на двух толстых сучьях, а собаку и котомку положить в нее. Едва он справился с этим делом, как на тропе вблизи тополя появилось несколько онкилонов с факелами, а правее и левее видны были другие. Миновав дерево, онкилоны вскоре напали на ясный след, оставленный берестянкой на мокрой земле и траве, и с криками радости, подозвав к себе остальных, побежали по этому следу, надеясь догнать беглеца.

Горохов поужинал копченой птицей, накормил собаку, выкурил трубку, а онкилоны все не возвра-

щались с безуспешной погони. Его стало клонить ко сну, и он решил вздремнуть до восхода луны; привязал себя к стволу, у которого сидел на суке, и заснул.

Его разбудило сильное раскачивание дерева. Он чуть не потерял равновесие и, если бы не привязь, свалился бы вниз; пришлось держать обеими руками и берестянку с ее грузом. Горохов не понимал, что такое происходит: кругом все грохотало и гудело, а на небе светила давно поднявшаяся луна; видно было, как раскачиваются и все соседние деревья, а ветра не было. Наконец он догадался, что опять трясется земля. Оглянувшись случайно на север, он увидел, что там, где-то очень близко, происходит что-то ужасное: из-за леса появились клубы белого и черного дыма, поднимавшиеся к небу, и оттуда донесся такой грохот, что зазвенело в ушах, а потом пахнуло жгучим ветром, от которого захватило дыхание.

— Царица небесная, что там деется?! Земля рвется, огонь выходит! — взмолился Горохов.— Бежать, бежать надо на воду!

С трудом он стал спускать вниз по очереди котомку, берестянку и собаку, потому что дерево все время качалось. На земле едва можно было устоять на ногах. Шатаясь точно пьяный, Горохов потащил берестянку по земле, а затем и по мелкой воде. Время от времени то справа, то слева что-то падало в воду, ломая ветви деревьев. Грохот не утихал, воздух становился все горячее и удушливее.

Наконец вода позволила сесть в лодку, и беглец начал отдаляться быстрее от места катастрофы. Выехав на большую поляну, он увидел на севере зарево на фоне клубов дыма и красные молнии, прорезавшие последние то тут, то там.

«Пропадают, видно, бедные онкилоны в том аду! — подумал он.— И опять валят все на белых колдунов — убили шамана, а потом и весь народ губят».

Мелкая вода волновалась слегка, но чем больше становилась глубина, тем сильнее было волнение, и берестянку бросало из стороны в сторону. Проплыв с десяток километров, Горохов выбился из сил и решил искать где-нибудь приюта до рассвета. На краю большой поляны, на которой особенно шумели волны, он заметил вблизи остов землянки, поднимавшийся над

водой; землетрясение еще до потопа разрушило откосы, но центральные четыре столба с настилом крыши на них устояли, так как были закопаны в землю и связаны перекладинами. Эта платформа стояла почти на метр выше воды, и волны не заливали ее.

«Вот место для отдыха!» — подумал беглец и направил берестянку к платформе. С трудом он выложил имущество, высадил собаку наверх, вылез сам и вытащил свою легкую посудину. Разостлав одеяло на мокрый дерн крыши, он немедленно уснул, несмотря на грохот, доносившийся с севера, и на шум волн.

Он проснулся на рассвете и стал осматриваться, ориентируясь для продолжения плавания. За ночь вода успокоилась, и только мелкая рябь по временам подергивала зеркало озера. По соседству над последним поднимался второй островок, в виде зеленого холмика. По высокому тополю вблизи него Горохов узнал землянку свою и своих товарищей; на тополе он спасся в ночь бегства; сам он провел ночь на остатках землянки Амнундака.

Наскоро поев, якут спустил лодку на воду и позвал Пеструху, чтобы посадить и ее. Собака стояла возле дымового отверстия в середине этой платформы, смотрела в воду и визжала.

— Что ты увидел там, пес: рыбу, что ли? — спросил Горохов и подошел, чтобы взять собаку, не желавшую сходить с места.

Взглянув в дымовое отверстие, он вздрогнул: из воды были видны пальцы двух человеческих рук возле одного из столбов платформы.

— Господи святы, тут кто-то утоп! — воскликнул он.— Что же он не вылез по столбу наверх?

На одном из пальцев блестело серебряное кольцо, показавшееся Горохову знакомым. У онкилонов серебряных колец не было, и только жены белых получили от своих мужей такие кольца и очень гордились ими.

— Ох, палачи, да это Раку! Прочие женщины были там, а старый пес сказал, что они изменницу утопили.

Горохов спустился в лодку и подплыл к столбу, у которого были видны руки; оказалось, что кисти крепко привязаны ремнем к столбу. Он перерезал ре-

мень и потянул за окоченевшую кисть — над водой медленно поднялась рука, потом появились волосы и наконец лицо с раскрытыми глазами; эти глаза, как бы полные слез, смотрели на якута с укором. Он вскрикнул и отшатнулся; кисть утопленницы выскользнула у него из рук, и голова исчезла в мутной воде; но вслед за ней исчезла и рука — труп погрузился на дно.

«Несчастная! — подумал якут.— Они ее привязали на ночь к столбу, чтобы она не убежала ко мне, а потом, когда пришла вода, ее забыли в землянке или нарочно оставили, и она утонула».

Он представил себе, что должна была испытать Раку, когда вода ворвалась в землянку и стала подниматься все выше и выше по ее телу; как она извивалась и звала на помощь, а ответом был только плеск воды в жуткой темноте ночи; как вода поднялась до груди, до шеи, до рта и залила наконец горло, издававшее последний призыв. А он был сначала тут поблизости и свободно мог ее спасти, как только онкилоны ушли. Но она, вероятно, начала кричать, только когда вода проникла в землянку, а он в это время уже плыл по озеру.

Ему захотелось вытащить тело и похоронить его где-нибудь; но багра у него не было, да и хоронить пришлось бы разве в снегах за котловиной. Удрученный, он посадил Пеструху, теперь повиновавшуюся зову, взял вещи и поплыл на юг. Он греб усиленно, надеясь еще догнать товарищей, и берестянка летела стрелой по спокойной, глубокой воде озер и каналов.

Вот впереди показалась окраина котловины с выделявшимися на черном фоне утесов белыми сугробами. А на севере все время клубились белые и черные тучи, и по временам оттуда доносился грохот взрывов.

Наконец лес кончился. Горохов выплыл на чистую воду окраины, омывавшую сугробы. И здесь все затоплено. Где товарищи? Ушли? Утонули? На площадке над сугробами никого не видно!

Но вот высоко на гребне обрыва на светлом фоне неба появился темный силуэт человека. Горохов громко заорал, замахал веслом, Пеструха залаяла.

Его заметили — он спасен!

Он подплыл к подножию сугроба, высадил своего

пассажира и кладь, тяжело нагрузился и поднялся по ступеням наверх.

Вдруг перед ним развернулся провал — дальше ходу не было. А за провалом стояли уже Горюнов и Ордин.

— Ох, успел-таки догнать вас! — воскликнул Горохов, сбрасывая свою ношу на лед.— Ну и натерпелся я всякого!

— Придется тебе долго ждать, пока мы вырубим во льду спуск и подъем,— ответил Горюнов.

— Вот так ямина! От погони вы, что ли, отгородились?.. Да, перебраться тут нелегко,— сказал Горохов, осматривая брешь, окаймленную отвесными ледяными стенами в несколько метров вышины.— А прорубаться долгонько... Вот что: несите веревку и бросьте ее мне.

Веревка была уже захвачена на всякий случай, и конец ее, к которому привязали камень, перебросили Горохову. Он перетянул веревку к себе и начал спускать свою кладь на дно бреши, сложив веревку вдвое; когда кладь была внизу, он отпускал один конец, тянул за другой, и веревка возвращалась наверх, а кладь оставалась. Так он спустил котомку, одеяло и наконец Пеструху, пропустив веревку под ошейник. Собака, повешенная за шею, задыхалась и барахталась в воздухе, но спуск произошел так быстро, что она не успела задохнуться. Теперь нужно было спуститься самому. Недалеко от края обрыва лежала глыба базальта, прочно врезавшаяся в лед. Якут обернул ее веревкой и спустился вдоль ледяной стены, а внизу отпустил один конец, потянул другой — и веревка упала к его ногам.

Подъем не представлял затруднений, так как вверху были два человека, которые вытащили якута, собаку и вещи,— первого с трудом, так как он был тяжел. Выскочив наверх, он бросился в объятия товарищей:

— Слава богу, добрался! А я уже полагал, что не застану здесь никого!

Действительно, если бы Горохов выплыл из леса только на несколько минут позже, он не увидел бы своих товарищей. Обе оставшиеся нарты были уже на южном склоне гребня, где Никифоров заканчивал их увязку. Горюнов и Ордин в это время вернулись еще на гребень, чтобы бросить последний взгляд на кот-

ловину Земли Санникова, которой они отдали столько недель труда и которая на их глазах погибала под потоками воды и лавы вместе со своими двуногими и четвероногими обитателями. Им удалось собрать много ценных наблюдений, но результаты их трудов так внезапно погибли вместе с одним членом экспедиции в последние часы их пребывания, а другой товарищ добровольно остался в котловине и, конечно, как они думали, тоже погиб.

Под лучами низко стоявшего солнца серебрилось обширное озеро котловины в черной раме обрывов и со щетиной островов и кос темного леса, а на севере, за колеблющейся стеной из клубов пара и дыма, разыгрывался последний акт драмы Земли Санникова и племени онкилонов. Ордин запечатлел эту печальную картину на последней уцелевшей еще фотографической пластинке — картину едва открытого для науки и уже погибающего мирка с последними мамонтами, носорогами и представителями первобытного человечества. Сделав снимок, он пошел укладывать аппарат, а Горюнов остался еще на минуту и увидел выплывающий из леса челнок Горохова.

Не будь этой счастливой случайности, якут не скоро догнал бы своих товарищей.

Поднимаясь наверх, Горохов увидел зиявшую трещину, услышал о гибели Костякова и понял, как счастливо он отделался.

— В сорочке, видно, я родился, Матвей Иванович,— сказал он, останавливаясь на гребне.— За эти два дня я сколько раз был на краю могилы, да вот жив и здоров, а бедная Раку, из-за которой я, собственно, и остался, утонула по моей вине. Вечная память ей и Павлу Николаевичу!

Он снял шапку и трижды поклонился в сторону Земли Санникова, ставшей могилой стольких людей.

В этот день путешественники отъехали недалеко и остановились у подножия южного склона земли. Экскурсия по льду в сторону открытого моря показала, что лед слишком непрочен и может быть взломан первой бурей. Нужно было идти на восток в поисках более надежного места.

ЧЕРЕЗ ЛЬДЫ И ПО МОРЮ

Целую неделю путешественники двигались на восток в поисках надежного места для переправы; но везде лед был непрочен; хотя лето кончалось и теплые дни постоянно чередовались с морозными, но последние не могли еще не только сковать море, но даже закрепить старые ледяные поля, разрыхленные таянием. Приходилось ждать начала зимы, а это было возможно только на острове Беннетта, где была избушка, построенная Толлем, и где по берегу можно было собирать плавник для топлива, а также подновить запас провизии охотой на медведей и северных оленей. К счастью, лед между Землей Санникова и этим островом в это лето не был разломан, и путешественники, сделав только небольшой крюк к северу, добрались на десятый день до острова. И было пора: корм для собак, взятый из запасов Никифорова, кончался; три дня уже обходились без дров.

Угрюмый, скалистый, почти бесплодный остров Беннетта после веселой Земли Санникова произвел на путешественников безотрадное впечатление. Но они рады были тесной избушке Толля, находившейся на восточном берегу, в устье небольшой долины с ручейком пресной воды, откуда можно было подняться на плоскую возвышенность, занимающую весь остров. Плавника было довольно, но надежды на охоту не оправдались: оленей не оказалось, а медведи не попадались. Пришлось начать убивать собак для корма остальных; ввиду гибели одной нарты была лишняя упряжка, которая и пошла на съедение.

Так прожили десять дней, но положение не изменилось; лето все еще держалось, несмотря на начало сентября, и лед продолжал таять и разрушаться. Приходили к концу и запасы пищи для людей. Все четверо, оставляя Аннуир охранять избушку и собак, каждый день ходили на охоту, исколесили и осмотрели остров по всем направлениям — он имеет километров шестнадцать в длину и восемь в самой широкой восточной части,— но приносили только изредка ворону или чайку.

— Вот что, товарищи,— сказал однажды Горюнов,— ждать дольше нельзя — мы останемся без собак к тому времени, как море замерзнет, то есть когда

они именно нужны. Барометр уже несколько дней стоит замечательно высоко, море спокойно и бури ждать нельзя. Вещей у нас, кроме теплой одежды и ружей, очень мало, собак осталась половина; если их сократить еще, оставив только пять-шесть лучших, мы все поместимся на байдаре. Пользуясь тихой погодой, в день-два переплывем на Котельный; там у нас есть запас корма для всех, и там можно выждать зиму, если погода переменится; если нет, поплывем и дальше вдоль берега Котельного и к материку.

Обсудив этот план, пришли к выводу, что он вполне целесообразен: день был еще достаточно длинный — более двенадцати часов; меняясь на веслах, можно было переплыть семьдесят миль через море до мыса Высокого на острове Новая Сибирь, ближайшем к Беннетту, в день, в крайнем случае — в два, переночевав на одном из ледяных полей, которые плавали среди моря. Конечно, внезапно налетевший шторм мог потопить байдару; но то же грозило бы и позже, при переправе через едва замерзшее море, с той разницей, что тогда, в октябре, день длится только часа два-три, а ветры, ломающие лед, бывают гораздо чаще.

Итак, было решено, что если к вечеру барометр не упадет, убить лишних собак, накормить остальных до отвала, а на рассвете тронуться в путь, оставив все лишнее имущество в избушке. С этой целью груз был тщательно пересмотрен.

К вечеру барометр поднялся еще немного, и несколько собак, служивших верой и правдой, с тяжелым сердцем были принесены в жертву. Крот, Белуха и Пеструха, конечно, остались в числе живых. Чуть свет путешественники покинули гостеприимную избушку, протащили байдару по льду километра два до открытого моря и затем на восходе солнца отчалили, держа курс прямо на юг. Так как байдара была тяжело нагружена, то плавание шло не так быстро, как надеялись, и до заката проплыли немного больше половины. В середине моря стали чаще попадаться плавающие льды, и продолжать путь ночью было рискованно. Пришлось причалить к ледяному полю, на котором и расположились ночевать. При закате Высокий мыс был уже ясно виден на горизонте.

На рассвете поднялись и продолжали плавание. Когда рассвело, Никифоров и Горохов, всматриваясь в даль, одновременно воскликнули:

— Вот так штука — за ночь нас здорово отнесло в сторону!

— Куда же? Куда? Земли не видно? — спросил Ордин.

— Земля-то видна, да не та, что была вчера.

— Куда же нас могло унести?

— Или на восток, тогда мы видим восточную часть Новой Сибири, или на запад, тогда перед нами Фадеевский или даже Котельный остров,— сказал Горюнов.

— Даль неясна,— заявил Горохов,— нельзя еще разобрать, какая земля.

— Все равно, какая бы ни была, плывем к ней; барометр за ночь начал падать, нужно поторопиться! — заметил Ордин.

Когда солнце поднялось выше и рассеялся легкий туман над морем, Горюнов взял бинокль, посмотрел на землю и спросил:

— А ну-ка, Никита — зоркие глаза! Какая земля перед нами?

Горохов всмотрелся, прикрыв глаза от солнца, и сказал:

— Котельный остров!

— Верно! И льдина за ночь избавила нас от плавания по очень скверным местам вдоль островов. Теперь мы причалим прямо к нашему складу.

Действительно, к полудню уже не оставалось сомнения, что в виду остров Котельный,— все узнали его очертания, исчез только почти весь снег, покрывавший его весной.

Под вечер причалили к ледяному поясу, окаймлявшему остров, и на протяжении пяти километров пришлось вспоминать весенние дни, перетаскивая нарты через торосы. В сумерки добрались до поварни у подножия северного мыса.

В складе не все было цело — очевидно, летом промышленники, охотившиеся на острове, пользовались провизией, особенно юколой. Но для небольшого числа уцелевших собак корма осталось довольно.

На следующий день погода была еще яснее, но барометр сильно падал и предстояла резкая перемена.

Не следовало испытывать слишком часто судьбу, и решили выждать. Действительно, вечером началась буря, а утром повалил снег, грянул мороз и сразу началась зима. Пурга с короткими перерывами длилась до конца сентября, но корма для собак, провизии для людей и топлива было достаточно, и путешественники отсиживались и отсыпались в поварне. Путь домой был еще далек, но главное препятствие — открытое море — было уже пройдено.

В один из случайных ясных дней все поднялись на высоты над мысом и смотрели на еле видневшиеся на горизонте вершины Земли Санникова. Что делалось там? Кончилось ли извержение? Ушла ли опять вода из котловины? Или все живое погибло, и через несколько лет исчезнет в воде или в снегах и лес — последнее доказательство богатой жизни среди льдов севера. Все смотрели с грустью на эту далекую землю, где каждый из них оставил нечто дорогое, особенно Аннуир. Последняя страдала от непривычных для нее сильных холодов, хотя носила теплую одежду Костякова, пришедшуюся ей по росту. Она часто грустила по покинутой родине, привычным условиям жизни и по погибшим соплеменникам. Она не раз спрашивала остальных:

— Неужели и там, где ваша земля, все такой холод и ничего, кроме снега и льда?

В начале октября установившаяся зимняя погода позволила продолжать путь, конечно, на нартах. Более тяжелую нарту тащили собаки, более легкую — по очереди двое людей. Дни были короткие, и приходилось идти и ночью, если светила прибывавшая луна. В поварне на мысу Медвежьем пришлось переждать пургу, взломавшую лед, и потом с большим риском идти по тонкому льду до Малого Ляховского. На Большом Ляховском дважды пережидали пургу. Собачий корм был на исходе, провизия также, зато нарты стали легче и двигались быстрее. Только в последних числах октября путешественники, сильно утомленные, с тремя оставшимися в живых собаками, прибыли в Казачье.

ОПЯТЬ У АКАДЕМИКА

Целую неделю в избе Никифорова путешественники отдыхали от трудов и лишений длинного пути; они просыпались, только чтобы поесть, и снова ложились спать. Впрочем, полярная зимняя ночь и жестокие морозы не располагали и остальное население печального края к усиленной деятельности.

На наивную Аннуир жалкое Казачье с его двумя десятками избушек, занесенных снегом, произвело впечатление большого селения; она впервые видела дома с крышами, печи с трубами, окна, столы, стулья, кровати, впервые узнала, что можно спать и сидеть не на земле и есть не с колен; все это были диковины, к которым приходилось привыкать, хотя иное казалось ей смешным или ненужным.

Собственно, прибытием в Казачье экспедиция, давшая такие открытия, но закончившаяся гибелью одного участника и всех коллекций и записей, могла бы считаться завершенной, и Горюнов мог бы остаться где угодно, послав академику Шенку подробный письменный отчет. Но слишком велико было уважение Горюнова к этому ученому, доверившему крупную сумму и инструменты неизвестному человеку на почти фантастическое предприятие. Ему хотелось явиться лично и подтвердить свой рассказ показаниями второго участника. Кроме того, нужно было сдать инструменты и деньги, вырученные при продаже нарт, байдары, ружей, палатки и прочего. Большую часть этого имущества приобрели Горохов и Никифоров, очень ценившие хорошие нарты и ружья.

Собрав около тысячи рублей, включая и остаток денег, выданных Шенком, Горюнов, Ордин и Аннуир выехали через Верхоянск в Якутск. Но здесь встретились препятствия: срок ссылки Ордина еще не кончился, и губернатор не соглашался его отпустить, а Аннуир одна не хотела ехать, так как дальний путь зимой ее страшил. Ордину было разрешено остаться в Якутске, который произвел на Аннуир уже впечатление огромной столицы с массой диковинных вещей, начиная с кошек, коров и запряженных лошадей и кончая бальными платьями и граммофоном.

Горюнову пришлось поехать одному и удовольствоваться фотографией Аннуир в ее домашнем костю-

ме, то есть татуировке и пояске стыдливости, небольшой коллекцией горных пород с Земли Санникова и острова Беннетта и последней фотографией Земли Санникова, снятой с гребня при отъезде. В конце декабря он прибыл в столицу и тотчас явился к Шенку.

Последний знал из короткой телеграммы только об открытии Земли Санникова и возвращении участников и с понятным нетерпением ждал приезда Горюнова, которого хотел представить академии и ученым обществам для публичных докладов о замечательном путешествии. Но Горюнов попросил выслушать сначала наедине его устный доклад.

И вот в один вечер в той же комнате, как и год назад, за тем же столом Шенк выслушал рассказ Горюнова. Когда дело дошло до мамонтов, носорогов, быков и других «живых окаменелостей», он весь просиял и воскликнул:

— Конечно, вы их измеряли, фотографировали и привезли хоть что-нибудь в доказательство этого замечательного открытия!

Существование онкилонов и палеолитического человека также поразило его, равно как и сведения об их жизни и нравах.

Перед тем как изложить тяжелые воспоминания о последних днях Земли Санникова и ее обитателей, Горюнов сделал паузу. Шенк принял это за окончание рассказа и сказал:

— Вы ведь привезли дневники, фотографии, может быть, даже черепа и шкуры животных, утварь онкилонов и дикарей? Вот так доклад мы устроим и поразим всех Фом неверующих!

— Да, все это было у нас... но все, все погибло!

— Ну что вы говорите! Так-таки все, все?

С волнением выслушал Шенк конец рассказа, рассмотрел фотографию и горные породы и сказал:

— Итак, мы знаем теперь, по свидетельству четырех очевидцев, что Земля Санникова существует, находится на север от острова Котельного примерно в ста километрах, представляет огромный кратер вулкана, недавно возобновившего свою деятельность. Вот на основании этих данных я попытаюсь в недалеком будущем побудить академию снарядить экспедицию, достаточно снабженную средствами и научными силами, чтобы достигнуть этой земли и поскорее изу-

чить то, что еще осталось от ее населения. Вы оба, конечно, примете в ней участие, чтобы своей опытностью обеспечить успех предприятия.

— О, разумеется! Но как теперь с докладом в академии и ученых обществах? — спросил Горюнов.

— Сейчас он только испортил бы дело,— сказал Шенк.— Согласитесь, что все, что вы мне рассказали, так необычайно, так чудесно и неправдоподобно, что нужны убедительные доказательства, а то, что вы можете предъявить слушателям, слишком недостаточно. Эта фотография татуированной женщины — скажут, это эскимоска или чукчанка, они ведь в жилищах ходят также раздетыми и татуируются, а тип у них такой же. Вот этот базальт с гребня Земли Санникова — чем вы можете доказать, что он взят не с острова Беннетта или с Святого Носа? А эта фотография котловины с озером и извержением вулкана — на ней почти ничего не видно! Почему вы не фотографировали больше и лучше после гибели нарты с результатами?

— Потому что мы израсходовали весь запас пластинок в котловине на фотографии людей, животных, природы и случайно осталась только одна в кассете. Эту женщину я фотографировал уже в Якутске.

— Обидно! Если бы хоть были снимки земли с гребня, а также острова Беннетта, то это были бы доказательства. А так никто не поверит вам.

— Неужели и вы не верите мне? — воскликнул удрученный Горюнов.

— О нет, я вполне верю! — поспешил успокоить его Шенк.— Выдумать все, что вы рассказали, невозможно... Но другие люди, более недоверчивые, скажут: вот старый глупый человек, дал деньги каким-то неизвестным ссыльным, наговорившим ему турусы на колесах. Они эти деньги прокутили и потом сообща сочинили поучительный рассказ для маленьких детей о фантастической земле и ее чудесном населении, который и преподнесли доверчивому Шенку для оправдания расходов. Нет, лучше пока помолчим!

— Пока? До каких пор?

— Пока новая экспедиция с вашим участием не посетит землю, не найдет этот огромный кратер, затопленные леса, новый вулкан, кости животных и людей. Тогда и вы выступите со своим докладом, ко-

торый, подтвержденный документами и участниками новой экспедиции, уже встретит полное доверие и сохранит для науки сведения о жизни и гибели населения злополучной Земли Санникова...

— Да, вы правы! — сказал Горюнов.— Это будет более целесообразно. Дискредитировать вас и себя мы, конечно, не хотим.

— Но,— продолжал Шенк,— время течет и сглаживает воспоминания. Необходимо на свежую память теперь же составить описание — для меня лично — всего путешествия. Я его сохраню до благоприятного момента.

— Конечно, я сделаю это обязательно, это мой священный долг. Кое-что я записывал на острове Беннетта и во время сидения в поварнях и в Якутске. Теперь я все это изложу систематически и представлю вам через две-три недели. А вот и наш денежный отчет и остатки так щедро отпущенных средств.

Шенк посмотрел отчет, но деньги вернул Горюнову.

— Я вижу, что вы не положили ни себе, ни Ордину никакого вознаграждения. Это неправильно — всякий труд должен быть оплачен.

— Но ведь мы не привезли вам почти ничего, кроме фантастического рассказа и двух десятков камней, поэтому не заслуживаем никакого вознаграждения.

— Вот то, что вы вернули мне часть денег и не поленились приехать из Казачьего, за десять тысяч километров, чтобы представить эти остатки и свой рассказ, уничтожило бы последнее сомнение в вашей правдивости, если бы таковое у меня было. Нет, вы выполнили очень трудную задачу, и не ваша вина, что результаты погибли. Это случалось уже не раз; тонут корабли, везущие коллекции и отчеты, и сами участники едва спасают свою жизнь. И с вами случилось кораблекрушение. Гибнут коллекции, пересылаемые по почте. Нет, нет, вы должны быть вознаграждены. Кроме того, вы будете писать для меня отчет, будете жить ради этого здесь, а жизнь в столице дорога. Возьмите деньги хоть как гонорар за этот отчет.

Горюнову пришлось взять деньги, чтобы не обидеть Шенка. Вскоре он представил отчет, а затем поступил в университет, чтобы лучше подготовиться к предстоящей новой экспедиции.

К сожалению, она не состоялась до сих пор. Разразилась война с Японией, и академия не могла получить необходимые средства. А по окончании войны Шенк умер, едва сделав первые шаги для осуществления проекта. Не стало ходатая за исследования Северной Сибири, и о ней забыли надолго. Горюнов и Ордин тщетно ждали извещения от Шенка и занялись другими делами. Но отчет, сохранившийся среди бумаг Шенка в архиве академии, послужил материалом для этой книги. Может быть, она возбудит интерес к таинственной Земле Санникова в ком-нибудь из нового поколения и побудит отправиться на поиски ее среди ледяных просторов Северного моря.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Молодой читатель, познакомившись с описанием приключений Горюнова и его спутников на Земле Санникова, имеет право спросить автора: существует ли вообще эта земля, затерянная среди Северного полярного моря? Ведь эта книга — научно-фантастический роман, придуманный автором для поучения и развлечения юношества.

На этот вопрос читателя автор отвечает: путешествие на эту неизвестную землю действительно придумано.

Вопрос, существует ли в настоящее время Земля Санникова, решен новыми советскими исследованиями Арктики так: эта земля существовала, может быть, более ста лет, как показали наблюдения Санникова и Толля, но не так давно исчезла. В пределах восточной части Ледовитого океана, изучаемого нашими полярными исследователями, обнаружены плавучие острова. Новые исследования советских ученых подтвердили вывод адмирала С. О. Макарова, сделанный еще в 1899 году, о существовании в Ледовитом океане дрейфующих ледяных островов. Плавая в августе к северу от большого острова Шпицберген, Макаров увидел среди морского льда неизвестный остров. Спутники адмирала нашли на острове валуны и мелкие камни, а лед острова оказался не морским, а пресноводным. Макаров установил, что это был огромный айсберг, очевидно сползший с Шпицбергена, где он составлял конец ледника.

В Ледовитом океане известно довольно много больших гористых островов, имеющих ледники, сползающие в море. Образующиеся айсберги попадают в

морские воды и переносятся течениями с места на место во время летнего вскрытия льда. Так, в 1939 году севернее острова Генриетта заметили два крупных айсберга, а в 1946, 1948 и 1950 годах советские летчики открыли в высоких широтах три дрейфующих ледяных острова значительной площади; они видели ледяные холмы и горы, речки и озера, возникающие при таянии льда и снега, и огромные валуны — морены ледников. Советские ученые установили, что айсберги откалываются от ледников Земли Франца-Иосифа, Северной Земли и Канадского архипелага и переносятся морскими течениями даже несколько лет, пока не растают.

Можно думать, что и Земля Санникова представляла такой ледяной остров — айсберг, отколовшийся от какого-нибудь ледника Северной Земли. К северу от Новосибирского архипелага он, очевидно, сел на мель в мелком море и простоял более семидесяти лет, ибо Яков Санников заметил этот остров к северо-западу от острова Котельного в 1811 году, а Эдуард Толль в 1886 году при совершенно ясной погоде видел на том же месте четыре плоскоконические столбовые горы с примыкавшим к ним с востока низким предгорьем. Но возможно, что оба наблюдателя видели не один и тот же остров, а разные, севшие на мель приблизительно на одном и том же месте в разные годы своего образования.

Такие плавучие ледяные острова, конечно, не могли дать приют онкилонам, бежавшим от чукчей с северных берегов Восточной Сибири. На плавучих островах не может быть никакой растительности. Такие острова не могли привлекать и птиц для гнездования. Можно думать, что птицы, прилетающие с юга на лето в северные страны, искали себе более надежные места для высиживания птенцов, которых было достаточно на архипелагах островов Ледовитого океана.

Молодым читателям этого романа будет интересно узнать следующее о недавнем прошлом области Ледовитого океана: Северный Ледовитый океан вообще очень богат большими и малыми островами во всей его области, окаймляющей берега Европы, Азии и Америки. На этих островах встречаются нередко молодые вулканические породы, а на некоторых, например на острове Исландия, находятся действующие

вулканы. Это доказывает, что предположенный мною в романе большой вулкан, составляющий Землю Санникова, не является чем-то малоправдоподобным в этой области Земли. Геологические исследования уже обнаружили, что восточная часть Ледовитого океана на всем протяжении от Таймырского полуострова до острова Врангеля и на север до 80° северной широты представляла собой в начале четвертичного периода сушу, северную окраину Сибири. Это доказано остатками крупных млекопитающих — мамонтов, носорогов, быков, лошадей, найденных в почве островов. Они не могли бы находиться здесь, если бы эти острова не составляли прежде одно целое с Сибирью еще в начале четвертичного периода. Исследования показали также, что на некоторых островах еще сохранились толщи льда — остатки ледников, прежде покрывавших более высокие участки суши.

На острове Большом Ляховском, составляющем часть Новосибирского архипелага, в этом ископаемом льду схоронены многочисленные бивни мамонтов, которые добывались промышленниками, приезжавшими ранней весной с материка, чтобы собирать бивни, вымытые морским прибоем изо льда. В старое время на ярмарку в Якутске ежегодно привозили одну-две тысячи пудов бивней; это доказывает, что на бывшей суше в начале четвертичного периода жили сотни этих крупных животных. Такое обилие мамонтов на маленьких островах можно объяснить тем, что на островах, составлявших высокие части прежней суши, мамонты скопились в большом количестве в то время, когда началось погружение бывшей суши под уровень Ледовитого океана и животные спасались от воды, заливавшей низменные площади. Итак, мы имеем доказательства существования на этой бывшей части суши севера Сибири вулканов, больших стад мамонтов и ледников и можем определить время опускания этой суши под уровень моря. Это опускание случилось во время или в конце последней ледниковой эпохи. Нахождение изображений мамонтов, сделанных первобытными людьми, доказывает существование в это время и этих людей.

Таким образом, предположение моего романа, что на уединенном большом острове среди Ледовитого океана, представлявшем когда-то вершину и кратер

большого вулкана, благодаря теплу последнего сохранились с конца ледниковой эпохи мамонты и первобытные люди, не представляется совершенно неправдоподобным. На том же благодатном острове среди полярных льдов могли найти приют и онкилоны, выходцы из Аляски и родственные племенам индейцев Америки, отступавшие под напором чукчей на острова Ледовитого океана.

Вопросом об исчезновении онкилонов следовало бы заняться Институту истории материальной культуры или Институту истории Академии наук СССР, чтобы выяснить историю этой народности севера Сибири, существовавшей триста или четыреста лет назад. На островах Новосибирского архипелага находили остатки их жилищ своеобразного типа, доказывающие, что представители этого племени некоторое время проживали на этих островах, но больше о них ничего не известно. Полярные исследователи XIX века их на островах не нашли. Вымерли ли все онкилоны от какой-нибудь эпидемии или погибли при попытке переплыть на байдарах или перейти по не окрепшему еще молодому льду с одного острова на другой?

Остается неясным также вопрос о пролете птиц весной на север и возвращении их осенью на материк, о чем встречаются иногда сообщения в печати. Для решения этого вопроса нужно:

1. Тщательно опросить население всего северного берега Сибири, начиная от устьев рек Оленека и Лены на западе до устья реки Колымы на востоке, а также зимовщиков на островах Новой Сибири и Врангеля относительно того, продолжаются ли перелеты птиц на север весной туда и осенью обратно, а если продолжаются, то в каком количестве и в каком составе, то есть какие породы птиц наблюдаются в пролетающих стаях и какие из них преобладают.

2. Если пролеты птиц еще продолжаются, то самолеты, совершающие ежегодные разведочные полеты над льдами океана, чтобы изучить их количество и движение в связи с вопросами успешной навигации по Северному морскому пути, должны постоянно иметь в виду существование неизвестной земли среди льдов и вести наблюдения, чтобы наконец обнаружить ее размеры, рельеф и все особенности. Пролет птиц на север, замеченный еще в 1938 году зимовщи-

ком на острове Генриетта, доказывает, что в этом году какая-то земля, удобная для летовки и гнездования, на севере среди льдов существовала. Но восточное положение этого острова позволяет сомневаться в том, что эти птицы направлялись на Землю Санникова, которая должна была находиться (если существовала в 1938 году) западнее. Следовательно, среди льдов к северу от архипелага де Лонга еще в 1938 году должна была быть какая-то земля, годная для летовки птиц. Может быть, кто-нибудь из молодых читателей, сделавшись полярным летчиком, поставит себе задачей решить загадку этой земли, откроет ее под пеленой тумана среди льдов, спустится на нее, обследует и поведает нам, что эта земля представляет в настоящее время.

Не следует ли в заключение вспомнить о существовании в Ледовитом океане к северу от Таймырского полуострова архипелага Северной Земли, который был впервые обследован в 1930—1932 годах экспедицией из четырех человек, в составе которой был геолог Урванцев, описавший эту экспедицию и ее открытия в хорошей книге. Но изучение архипелага этой экспедицией оставило еще много нерешенных вопросов, и повторение ее для более полного изучения этого архипелага очень желательно в ближайшие годы.

В. Обручев

РУДНИК «УБОГИЙ»

роман

Часть I
В ОЖИДАНИИ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

I

На далекой окраине Сибири, у самой монгольской границы, среди отрогов Яблонового хребта, в глубокой долине речки Хамары затерялся золотой рудник «Убогий», принадлежащий потомственному почетному гражданину Мишурину.

Рудник получил название «Убогий» тогда, когда Мишурин совсем не рассчитывал на его богатство. Он занял этот отвод только для того, чтобы не иметь слишком близких соседей, у которых его рабочие могли бы обменивать краденое золото на спирт. Но по мере того, как разработка россыпи подвигалась вверх по долине Хамары, содержание золота становилось все большим и большим, и, наконец, на самой вершине, на склоне горы случайно был открыт и источник россыпного золота — богатая жила, первая во всей этой местности.

Газеты печатали восторженные статьи о русской Калифорнии, обнаруженной в диких горах Яблонового хребта. Сам Мишурин и другие золотопромышленники поспешили занять своими заявками всю окрестность и соседние долины. Несколько лет сряду казенный отводчик отмеривал и отводил площади под рудники и прииски с громкими именами: «Миллионный», «Богатый», «Клад», «Золотой сундук», «Драгоценный», «Обещающий», «Желанный» и т.п. Счастливый владелец рудника «Убогого» прогремел на всю Сибирь своими кутежами и безумными тратами денег.

Был конец мая 1908 года, лучшее время года в этой местности. Горы оделись от макушки до подола свежей, сочной зеленью, и аромат молодых листьев

березы смешивался со смолистым запахом нежных, мягких игл лиственницы. Осина стояла еще в зелено-буром наряде не вполне развернувшейся листвы, а в более затененных местах покачивала только красными сережками своих цветов. Волнистый ковер молодой зелени рощиц и перелесков чередовался яркими пятнами с темно-розовыми полосами, заросшими кустарником уже отцветавшего багульника, даурского рододендрона. Отдельные розовые мазки местами прорывались среди зелени перелесков.

Погода стояла сухая и теплая; природа зеленела, цвела и ликовала под яркими лучами весеннего солнца. В это время года и людям на руднике «Убогом» жилось лучше и дышалось легче. Весенний воздух и надежды на то, что наступающим летом будет открыто богатое золото, туманили головы и заставляли усиленно биться сердца.

Было утро Духова дня; все работы на руднике вторые сутки стояли. Возле амбаров и конторы было совершенно тихо и безлюдно, в домах служащих жизнь только что просыпалась, а с рабочей улицы уже доносились резкие звуки гармоники и пьяное пение.

Около фабрики, где главная улица поселка переходила в дорогу к горам, по мелкому камню громко застучали лошадиные подковы, и показался всадник — бурят, скакавший курцгалопом. Он был одет в синий ватный халат китайского покроя; длинные рукава, постепенно суживаясь, скрывали руки. Ноги всадника, обутые в неуклюжие монгольские сапоги с загнутыми вверх носками и маленькими, острыми каблучками, били по бокам лошади в такт ее скока. Из-под жесткой черной китайской поярковой шляпы с поднятыми вверх полями и красной шелковой кистью выбивалась косичка и несколько прядей грубых черных волос. Быстрая езда не отразилась на буряте; его смуглое лицо с выдающимися скулами и узкими глазками оставалось совершенно бесстрастным и невозмутимым. Толстая нагайка, висевшая из правого рукава халата, по временам поднималась и слегка, больше для видимости, ударяла по крупу низкорослой, но крепкой пегашки.

Подскакав к большому дому, стоявшему в самом начале улицы, наискосок от фабрики, и круто осадив лошадь, бурят ловко, несмотря на длинный халат, со-

скочил с седла. Сдернув узду через голову пегашки, он привязал ее к столбу у крыльца. Подвернув полы халата и засунув их за пояс, чтобы не оступиться на крутой лестнице, бурят поднялся тяжелыми шагами на крыльцо, с усилием открыл массивную дверь и прошел в квартиру управляющего рудником.

Управляющий Николай Константинович Репиков, высокий и плотный мужчина с большой лысиной, широкоскулым красным лицом и длинными, седыми баками, которыми очень гордился, сидел за письменным столом и набивал себе дневной запас папирос. На стене, как раз за его спиной, красовалось чучело большой совы с полураскрытыми крыльями. Посетителю, входившему из сеней в кабинет, на первый взгляд казалось, что птица сидит прямо на голове управляющего. Служащие рудника острили: Репиков нарочно укрепил сову так, чтобы все видели, как эмблема мудрости постоянно витает над его головой.

Управляющий недавно встал и занялся папиросами в ожидании чая с горячими мясными пирожками — традиционной «прикуской», принятой на сибирских приисках если не ежедневно, то, во всяком случае, по четвергам, воскресеньям и праздникам. По случаю праздничного дня и чудной весенней погоды Репиков был в отличном настроении, улыбка блуждала на его толстых губах, пальцы проворно работали палочкой и ватой, так что кучка готового курева быстро росла.

— Здраст, Миколай Кискинтинович! — промолвил бурят, вваливаясь в комнату и снимая шляпу.

— А, Хамигадай, здравствуй! — кивнул управляющий, не прерывая своего занятия.— По какому делу приехал к нам?

— Нарочным прибежал! Твоя доверенный посылал, шибко понадобись, говорит, письмо Миколаю Кискинтиновичу вези.

— Письмо привез, говоришь? Ну, подавай его сюда!

— Погоди, однако, распоясать надо. Я, почитай, весь ночь бежал, только в юрте Малахая на Бырце-речке мало-мало заснул, покедова свежего коня имали.

Управляющий немного встревожился. Почта приходила на «Убогий» рудник из Кыринского караула регулярно два раза в неделю, за исключением осенней

и весенней распутицы. Экстренные распоряжения получались по телеграфу через более близкую станицу Мангут. Доставка писем из Кыры с нарочным случалась очень редко и вызывалась лишь чрезвычайной надобностью.

Нарочный распустил свой пояс, представлявший кусок дабы — узкой синей материи аршин в восемь длиной, и извлек из него довольно толстое письмо. Он подал его Репикову со словами:

— Ответ дожидать надо будет?

— Да, да, подожди! Ступай на кухню, спроси себе чаю.

Бурят тяжелыми шагами вышел в сени, а Николай Константинович разорвал конверт и погрузился в чтение письма. Некоторое время в кабинете царила такая тишина, что сквозь стену можно было слышать тиканье стенных часов в соседней комнате.

Письмо было от Мишурина из Петербурга. Владелец рудника писал, что уменьшающаяся из года в год добыча золота на «Убогом», еле покрывающая расходы, не говоря уже о процентах на затраченный капитал, заставляет его или закрыть дело, или попытаться продать его. Надо воспользоваться тем, что сейчас иностранные капиталисты проявляют повышенный интерес к сибирским приискам. Находятся уже и покупатели — представители английского общества. Они хотят послать своих экспертов для изучения рудника. Необходимо показать экспертам все дело с лучшей стороны, товар лицом, так как от их отзыва зависит не только самая возможность продажи, но и цена. Поэтому Мишурин просил управляющего принять экстренные меры, чтобы к прибытию экспертов все было приведено в порядок. Он предписывал останавливать работающие забои, как только пробы покажут в них хорошее содержание золота, чтобы затем демонстрировать их в благоприятном состоянии экспертам. На фабрике следовало прекратить пока переработку богатой руды и накапливать ее, чтобы снова начать перемол в присутствии экспертов.

«Я ожидаю от вас и от служащих полнейшего содействия и обещаю всем, кто поможет показать предприятие в самом выгодном свете, наградные после продажи. Экспертов нужно принять с распростертыми объятиями, кормить и поить до отвала, всячески уб-

лажать и развлекать, потому что, чем меньше времени будет у них, чтобы вникать в суть дела, тем лучше. Будьте сами гостеприимнейшим хозяином и призовите на помощь всех приисковых дам, пусть они используют свои женские чары. Если у вас в амбарах плохо насчет вин и закусок,— закажите немедленно все нужное в Чите, не стесняясь расходами. Вкусные обеды и ужины с хорошими винами в обществе красивых женщин смягчают и самых придирчивых людей, и расходы на угощение вполне окупятся в случае продажи».

«Но если продажа не состоится, осенью придется прикрыть рудник, на россыпях оставить только старателей, а всех служащих и рабочих уволить. Пусть эта печальная перспектива удвоит энергию всех ваших подчиненных. До приезда экспертов не разглашайте о предполагаемой продаже дела, чтобы не подорвать раньше времени моего кредита. Посвятите в мои намерения только старших служащих, а остальным скажите, что рудник приводится в порядок к приезду хозяина, что ли. Эксперты прибудут в конце июня или в начале июля, времени остается немного, и вам нужно торопиться».

Так заканчивал Мишурин свое письмо, к которому было приложено официальное извещение на бланке Лондонского Соединенного Общества разработки руд (London Unifed C° of ores exploitations, lim.), С.-Петербургская контора (телеграфный адрес: Лунидор). В этом извещении сообщалось, что экспертами для изучения рудников и приисков Мишурина назначены великобританский горный инженер Яков Григорьевич Борк, специалист по обработке золотых руд, и русский горный инженер Иван Петрович Грошев, специалист по рудному делу и геологии. Они приедут с лаборантом Марком Наумовичем Фернером, который будет анализировать пробы руды на месте.

Прочитав письмо и приложение, Репиков задумался. Дело, которым он управлял уже лет десять, перестало давать барыши потому, что толстая и богатая жила, доставившая громкую славу руднику, была почти выработана, а продолжение ее в длину и в глубину постепенно становилось все тоньше и беднее. С каждым годом добыча золота падала, и становилось все труднее сводить концы с концами. А между тем Ми-

шурин, наживший миллионы в счастливый период, охладел к предприятию, редко приезжал, не давал денег на поиски и разведки новых жил. В интересах самосохранения приисковому управлению приходилось экономить решительно на всем, и постепенно на «Убогом» руднике выработалась особенная скаредность, прекратился всякий ремонт машин, крепей, построек, кроме самого неотложного. В амбары и лавку выписывались припасы и товары худшего качества и только самых ходовых сортов, чтобы ничего не залеживалось. Все больше и больше нанимали дешевых китайских рабочих, а рассыпное золото добывали исключительно старательскими работами.

Было ясно, что дело в таком виде долго не протянется: еще пять-шесть лет, и все начнет рушиться и валиться; придется остановить изношенные машины, закрыть подземные работы из-за постоянных обвалов. Но все надеялись, что вот-вот найдется опять богатое золото, и тогда будут деньги на все. Только этой надеждой «Убогий» рудник и жил из года в год, вот уже лет восемь.

Николай Константинович озабоченно почесал наморщенный лоб, спрятал письмо в карман, наполнил портсигар папиросами и через спальню, примыкавшую к кабинету, прошел в столовую, где у окна сидела его дочь и читала книжку. На столе шипел самовар.

Репиков лет семь вдовствовал, и хозяйство его вела единственная дочь, кончившая гимназию в Чите и порывавшаяся на высшие курсы, но пока вынужденная жить на руднике, потому что отец из года в год просил ее отложить поездку, ссылаясь на свое одиночество и отсутствие денег.

— Вот найдем богатое золото, дело поправится, мне прибавят жалованья и дадут отпуск на полгода, тогда мы поедем вместе,— говаривал он.

Но богатое золото все не находилось, год проходил за годом, и недавно Лидии минуло уже двадцать три.

— Как ты сегодня долго, папочка! Что-нибудь неприятное получил с нарочными? — спросила девушка, взглянув на озабоченное лицо отца.

— Да, хозяин решил продать рудник, а если это не удастся, то осенью закрыть его,— ответил Репиков, принимая от дочери стакан чаю.— Только ты никому

не говори,— спохватился он.— Это известие пока секретное.

— А если рудник закроется, ты, значит, лишишься места? — спросила Лида.

— Конечно, останусь на бобах! И скоро ли найду другую службу? В мои годы это не так-то легко, особенно теперь, когда ищут управляющих ученых, инженеров...

Николай Константинович не имел никакого образования, а выслужился из конторских мальчиков. Он прошел все должности приисковой службы, был и конторщиком, и табельщиком, и материальным, и смотрителем разреза, и становым и, наконец, достиг места управляющего на «Убогом» руднике, хотя о ведении подземных горных работ имел очень смутное представление. С тех пор как его дочь подросла, он постоянно прибегал к ее помощи для исправления орфографии и стиля в своей служебной переписке.

Лида вздохнула: опять ее поступление на курсы отодвигалось в неизвестное будущее. Чтобы не дать отцу заметить слезы, навертывавшиеся на ее глазах, она быстро встала и взяла тарелку с пирожками, промолвив:

— Пирожки остыли, я сейчас принесу тебе горячих.

Вернувшись с полной тарелкой свежих, дымившихся пирожков, девушка сказала:

— На кухне ждет нарочный и спрашивает, будет ли ответ.

— Нет, милая, скажи, что ответ пошлю с очередным почтарем.

Окончив завтрак, Репиков решил созвать старших служащих и посвятить их в дело; без их деятельной помощи нельзя было бы провести меры, необходимые для того, чтобы показать экспертам плохое дело в хорошем виде. Обещанная награда — с одной стороны, перспектива увольнения — с другой заставят их постараться.

Николай Константинович вытребовал к себе конторского сторожа и послал его с короткими записками к штейгеру, становому и химику, приглашая их немедленно по экстренному делу.

II

От ближайшей казачьей станицы Мангут до «Убогого» рудника считалось больше тридцати верст. Дорога пролегала сначала по широкой, приветливой долине реки Онона, окаймленной слева лесистыми горами, расположенными уже в пределах Монголии, а справа — степными отрогами Яблонового хребта. У подножия этих отрогов дорога пересекала холмы, их оконечности и затем врезывалась все глубже в горы, идя вверх по долине речки Хамары по почти безлюдной местности. Только кое-где в устьях боковых долин (падей) попадались отдельные бурятские юрты. Вокруг них по степи паслись небольшие стада баранов, рогатого скота и лошадей. Покой сонных степей изредка нарушался стуком копыт одинокого всадника, мычанием скота или заунывной песнью, доносившейся из юрты.

Верст за десять до рудника горы, окаймлявшие долину Хамары, становились выше и склоны их делались круче; на дне появлялись березовые рощицы и вместе с тем признаки золотопромышленных работ: старые разрезы в виде широких канав, из которых были добыты золотоносные пески. Борта разрезов, впрочем, уже осыпались и заросли травой и кустами, а дно нередко было затоплено водой. На этих искусственных озерках можно было иногда вспугнуть пару диких уток или красно-белых турпанов; вспугнутые турпаны долго носились взад и вперед по долине, оглашая воздух своим пронзительным криком, напоминающим карканье ворон.

Вблизи разрезов местами тянулись плоские и широкие насыпи — отвалы, в которых были свалены торфа, то есть слои почвы, прикрывавшие золотоносные пески; эти отвалы также поросли мелким березняком и разными травами, тогда как галечные и эфельные отвалы, состоявшие из речной гальки и гравия, оставшихся после промывки золотоносных песков на машине, только чуть подернулись зеленью.

Благодаря этим старым земляным работам, дно долины оказывалось неровным, и речка то быстро журчала по гальке, окаймленная кустами тальника, то впадала в озерко разреза, и шепот ее замолкал. Вместо лугов, занимавших дно долины в ее низовьях,

здесь везде были бугры, ямы, кочки, отвалы; траву вытеснили разный бурьян, иван-чай и жгучая сибирская крапива.

Местами попадались остатки жилья: землянки, вырытые в бортах старых разрезов, уже с провалившейся кровлей; ряды обгоревших столбов и кучи кирпича, оставшиеся от казарм; иногда покосившаяся избушка с черными отверстиями окон и двери, похожая на череп мертвеца, брошенный среди леса. Кое-где чернели столбы с перекладинами, оставшиеся от приисковой кузницы или промывальных устройств.

На несколько верст протянулись эти следы прежней деятельности человека, жадно изрывшего дно долины в поисках крупинок желтого металла и затем бросившего ее, изуродованную и опустошенную. Но людей все еще не было видно, хотя издали уже доносились какой-то гул и равномерное пыхтенье паровой машины.

Наконец, за резким поворотом долины, дно которой носило здесь более свежие следы земляных работ, открывался вид на «главный стан» рудника «Убогого». Еще верста извилистой дороги между ямами и отвалами, разрезами и кучами мусора,— и путник въезжал в пределы стана.

По пологому косогору правого берега речки, выше свежих разрезов, ям и отвалов, вытянулись длинной улицей домики рабочих, сколоченные из кривого и тонкого леса. Они стояли в беспорядке, то ближе, то дальше, то фасадом, то боком к дороге; лишь немногие из них были окружены изгородью. Местами позади них или рядом красовались еще более жалкие строения — амбарчики, навесы или стойки из досок с многочисленными щелями и дырьями. Эти избушки составляли собственность семейных рабочих и перепродавались из рук в руки по дешевой цене, когда их владелец покидал рудник. А так как состав рабочих менялся довольно часто, то временные владельцы мало заботились о прочности и уюте своего жилья. Печи дымили, в стенах то и дело обнаруживались дырья и щели, в окнах часть стекол была заменена пузырем или бумагой.

Вокруг избушек не было нигде даже жалкого деревца или палисадника; повсюду валялись кости, бумажки, клочья сена, ржавые жестянки от консервов,

грязное тряпье. Оборванные и замазанные ребятишки разного возраста и пола лежали, сидели, ходили и бегали, оглашая воздух ревом, свистом и криком.

Кроме ребят, вокруг домишек всегда видны были и телята; одни были привязаны к изгороди и время от времени жалобно мычали; другие бродили по улице, волоча за собой кусок узловатой старой веревки, привязанной к ноге или шее; они толкались между детьми, обнюхивали кости и тряпки, подбирали соломинки. По ночам место телят занимали полуголодные собаки; днем они блуждали по окрестностям, охотясь за полевыми мышами и бурундуками, а к ночи возвращались домой, чтобы освидетельствовать помойные ямы и мусорные кучи на задворках.

Вечером вид улицы менялся: ребята и телята исчезали; одних укладывали спать, других загоняли на ночь в стойку к корове, пришедшей с пастбища и выдоенной. У избушек на низких завалинках или на ступеньках крыльца сидели горняки, вернувшиеся из шахты, разреза или фабрики: после ужина они пользовались коротким вечерним отдыхом, дышали свежим воздухом, калякали с соседями и с бабами, обсуждая дневные происшествия.

Днем на рабочей улице редко видно было мужчину. Большинство семейных рабочих было занято в дневной смене, и так как шахта и разрезы находились далеко от стана, то на обед не приходили домой. Бабы и девки или старшие дети носили им обед — завязанный в платок горшок щей с мясом или кашей и краюху хлеба. Рабочие же, занятые в ночной смене, днем спали где-нибудь на чердаке или под навесом.

Рабочая улица оканчивалась у площади, узкой и длинной, также вытянутой по пологому косогору вдоль долины. С нагорной стороны площади красовался ряд двухэтажных, почерневших от времени, но солидно построенных амбаров, где хранились всякие припасы, материалы и товары. По временам то у того, то у другого амбара выгружали или нагружали возы; тут же толпились бабы и свободные рабочие, пришедшие за припасами. Во время таких скоплений народа цепные собаки, охранявшие имущество, хрипли от лая, тщетно стараясь сорваться с привязи.

С другой стороны площади, ближе к речке, тянулись казармы для холостых рабочих, большинство ко-

торых составляли китайцы; только одна казарма была отведена для русских, да и та часто наполовину пустовала. Возле казарм было гораздо тише и чище, чем на рабочей улице; здесь не было ни телят, ни ребят и гораздо меньше отбросов. Возле китайских казарм по вечерам можно было видеть отдыхающих желтокожих. Сидя на корточках вдоль стены или кружком, они курили свои длинные трубочки и оживленно разговаривали на непонятном гортанном языке, дополняя слова жестами небольших мозолистых рук. Их костюм был смешанный: у одних — матерчатые синие туфли на толстой подошве и ватные чулки, у других — мягкие сибирские чирки или стоптанные русские сапоги; рядом с синей ватной кофтой с длинными рукавами можно было видеть вылинявшую ситцевую рубашку. Только шапочки у всех были китайские; у более франтоватых, не работавших под землей,— маленькие черные ермолки с красной шишкой, у других — серые войлочные колпаки с наушниками, подогнутыми внутрь или безобразно торчавшими по бокам.

Между русскими и китайцами существовала затаенная вражда. Китайцы работали дешевле, никогда не пьянствовали, праздновали только один-два дня в месяц, и в конце концов их менее напряженный труд оказывался для хозяина выгоднее, чем труд русских рабочих. Последние были заняты по преимуществу на более ответственных работах — у машин, на фабрике, при амбарах, в конторе; большинство же забойщиков и откатчиков в подземных выработках были китайцы.

Из семейных русских многие были только старателями, то есть на свой риск и страх добывали рассыпное золото. Свою добычу они сдавали в контору по определенной цене, а из амбаров получали по таксе припасы и инструменты. Управление рудника зарабатывало с них главным образом на припасах и особенно на спирте, так как за золото им приходилось платить почти нормальную цену, чтобы не было искушения продавать его на сторону. Часть китайцев также была старателями, но работала отдельно от русских.

Взаимная вражда между китайцами и русскими изредка разряжалась погромом. Если осенью при расчете оказывалось, что китайцы заработали больше, или

если на зимние работы несколько мест, занятых русскими, замещались китайцами, подгулявшая толпа иногда устраивала потасовку: китайцев били, рвали им платье, ломали инструменты. Китайцы убегали из стана в лес, и этим все дело кончалось, так как бить стекла и ломать нары и двери в китайских казармах управление не позволяло. Если во время погрома случалось увечье или убийство, то китайцы, наученные горьким опытом, не ждали защиты от русской юстиции. Они расправлялись с обидчиками сами: обыкновенно спустя некоторое время где-нибудь в лесу или в старом разрезе обнаруживалось мертвое тело убийцы-погромщика.

За площадью улица продолжалась в том же направлении, но имела несколько иной характер; ее составляли дома служащих, контора и невзрачная церковь, почти скрывавшаяся среди елей и берез на углу площади.

Холостые служащие жили по несколько в одном доме, семейные занимали, смотря по своему положению, целый дом или половину его. Нагорную сторону Конторской улицы составляли три длинных дома, разделенные садами и отличавшиеся более солидной постройкой. Сначала тянулся дом рудничной конторы, выходивший узкой стороной на площадь, а длинной — на улицу против церкви; с каждой стороны было по крутому крыльцу и несколько столбов для привязывания лошадей. Второй дом такого же типа вмещал больницу и приемный покой, а третий — квартиру управляющего и посетительскую, то есть комнаты, назначенные для приезжавших на рудник окружного инженера, горного исправника, акцизного, доктора, священника из Кыринского караула, обслуживавшего и рудничную церковь, и т.п.

За домом управляющего улица выходила на дровяную площадь, где зимой стояли поленницы дров для фабрики, конторы и домов, а к началу лета оставались только щепье и мусор. Между этой площадью и речкой располагалось двухэтажное здание фабрики, где измельчалась и промывалась руда для извлечения золота; фабричные отбросы — эфеля и ила — красовались беспорядочными грудами на берегу речки и время от времени перерабатывались еще на иловом заводе. Этот завод находился на краю леса на другом

берегу речки, подальше от жилья, так как во время работы на нем получались ядовитые газы.

За фабрикой, которая ритмическим дыханием паровой машины и гулом тяжелых бегунов оживляла весь стан, начинался уже сплошной лес, сильно порубленный, и мелкий березняк. Здесь и было единственное место для прогулок жен и детей служащих.

Разрезы, в которых теперь добывалось рассыпное золото, шахты и штольни, доставлявшие руду, находились совсем в стороне от стана; первые — в низовьях боковой долины, открывавшейся ниже стана в долину Хамары, вторые — в верховьях той же долины на горе. Главный разрез тянулся широкой и глубокой канавой и оканчивался тремя уступами, на которых копошились русские старатели. Мужики откалывали ломами или кайлами глыбы земли и лопатами наваливали ее в двухколесные таратайки или на торфяной отвал в сторону, или к бутарам на речке, где пески промывались. Полные таратайки ехали шагом, пустые возвращались рысью, с грохотом и гиком, и возницы развлекались, перегоняя друг друга и щеголяя уменьем лихо съехать с откоса в разрез и круто осадить коня в нужном месте на уступе.

III

Весть о приезде нарочного с какой-то экстренной вестью успела уже разойтись из кухни управляющего по домам служащих и вызвать толки и догадки. Поэтому вызываемые на совещание не заставили себя долго ждать.

Первым в кабинет Репикова явился химик Михаил Петрович Пузиков, заведовавший фабрикой, иловым заводом и лабораторией. Это был мужчина средних лет, рыжеватый, с неприятным лицом, обрамленным коротко подстриженной бородой и торчащими вверх усами; его преждевременная лысина тщательно скрывалась зачесанными с боков волосами. Он был одет по случаю праздника в светлую пару и надушился майским ландышем так, что от него разило за десять шагов.

Почти вслед за ним пришел становой Поликарп Иванович Седых, грузный человек лет пятидесяти пяти,

с багрово-красным обветренным лицом, небольшими усами, бородкой клинышком и бритыми обвисшими щеками. Он признавал только один костюм, состоявший из темно-серой блузы, подпоясанной ремнем, из широких шаровар и сапог бутылками; в праздники блуза заменялась темно-малиновой рубашкой.

Сегодня малиновая рубашка туго обтягивала его солидное брюхо и груди, выпуклые и обвисшие, как у пожилой женщины.

Но человек он был неглупый и добрый и, несмотря на свою толщину, расторопный и деятельный.

— Мое почтение, Николай Константинович и Михаил Петрович! — просопел он, пожимая руки, после чего осторожно присел на просиженный клеенчатый диван, который так сильно затрещал, что химик вздрогнул.

Последним пришел штейгер Василий Михайлович Бубнов, родом с Урала, брюнет, высокого роста, с пышными усами и эспаньолкой на лице, слегка попорченном оспой; темные глаза глядели немного исподлобья.

Управляющий солидно крякнул, откашлялся и начал:

— Господа, я получил от нашего хозяина письмо, в котором он предупреждает, что к нам на рудник едут...

— Ревизоры! — перебил Михаил Петрович, выпрямляясь на диване и протягивая руку вперед.— Я так и думал.

— Не прерывайте меня, пожалуйста, Михаил Петрович,— поморщился Репиков, любивший говорить маленькие речи, но терявший нить, когда его прерывали.— К нам едут не ревизоры, а эксперты. Три эксперта разной специальности. Хозяин решил продать рудник, и эксперты командированы покупателями для осмотра. Мы должны принять все меры, чтобы дело понравилось экспертам и рудник был продан. В противном случае хозяин решил закрыть рудник осенью, а нас отпустить на все четыре стороны. Как видите, дело серьезное.

Это известие произвело на слушателей различное впечатление.

Михаил Петрович торжествующим тоном воскликнул:

— Ну, я же был прав, эксперты — те же ревизоры или даже еще хуже!

Становой, раскуривший во время речи Репикова свою неизменную носогрейку, спокойно попыхивал из нее и сказал только:

— Тарантас нужно отправить в починку.

Бубнов вскочил со стула, взволнованный, и выпалил, разводя руками:

— Продать такое дело или закрыть его! Да он, право же, рехнулся, наш почтенный хозяин! Продать этот клад! Он забыл, сколько миллионов взял из него!

Он сел опять на место и прибавил спокойнее:

— Уж если выбирать одно из двух зол, то, конечно, лучше продать, чем закрыть.

Штейгер был влюблен в рудник и был убежден, что в нем таятся еще огромные богатства, и нужно только суметь найти их. Он знал рудник как свои пять пальцев и в случае продажи мог надеяться, что новые владельцы оставят его на службе. Закрытый же рудник нуждался бы только в простом стороже для охраны от хищников.

— Не мучьте нас, Николай Константинович, расскажите все подробно,— волновался Пузиков.

— Я прочитаю вам целиком письмо Мишурина.

Управляющий достал письмо из кармана и прочитал его с чувством, повышая голос в местах, казавшихся ему особенно важными.

Узнав имена экспертов, Пузиков заметил презрительно:

— Англичанин Борк, ну, этот не страшен, наверно не знает по-русски, и ему нетрудно будет втереть очки. Иностранные эксперты обыкновенно отзываются очень хорошо о русских предприятиях. Они считают, что мы просто не умеем вести дело и что в их руках оно непременно будет выгодно.

— Вот только нехорошо, что они везут своего химика и сами будут делать пробы,— вставил Николай Константинович.

— Ну, что же, пускай делают! — заявил Бубнов.— Богатые забои у нас будут приготовлены...

— А много ли у вас этих богатых забоев? — запальчиво перебил химик.— Я что-то мало видел их, а пробы делаю вам, слава богу, уже четыре года.

— Когда нужно будет — и богатые забои окажут-

ся! — улыбнулся Бубнов.— Мы тоже с усами, знаем, что надо делать.

— Вы, Василий Михайлович, на это не очень надейтесь,— отозвался Пузиков.— Про Грошева я слыхал, что это дока, собаку съел и моськой закусил, он ваши махинации живо разоблачит. Вот разве моя жена отвлечет на себя его внимание, и он будет проводить больше времени возле нее, чем возле ваших забоев.

— Господа, вы слышали, что хозяин просит не разглашать раньше времени о предполагаемой продаже? — обеспокоился управляющий.— Поэтому я должен взять с вас обещание ничего не говорить женскому сословию. Иначе дело не останется тайной. Ведь женщина не в состоянии молчать: одна другой на ушко, и через два дня будут знать уже в Мангуте и Кыре. Убедительно прошу вас — никому ни слова, пока я не сниму запрета.

— Ну, что же, помолчим! — заявил Седых, набивая новую трубку.

— Вам это нетрудно, тестюшка! — засмеялся штейгер, женатый на дочери станового.— Вы цыкнете на Надю, и она оставит вас в покое. А вот мне с Михаилом Петровичем придется выдержать бучу, наши супруги не привыкли, чтобы от них скрывали важные новости.

— Привыкли или не привыкли, все равно. Придумайте что-нибудь, далекое от истины, и поднесите им,— посоветовал Репиков.

— Попробуем! — со вздохом согласился химик.

— А теперь обсудим план кампании.

— Первое — тарантас в починку! — опять заявил Седых.— Он совсем расхлябался, того и гляди рассыплется по дороге. А экспертов надо везти с шиком, иначе первое же впечатление будет неблагоприятное.

— Конечно! Завтра же отправьте его в Мангут в кузницу. Ну, раз вы начали, продолжайте по части ремонта конного двора и построек на стану.

Становой доложил свои соображения, затем то же сделали и остальные; управляющий наскоро записывал, внося свои замечания и поправки. Всякого ремонта накопилось очень много, и совещание затянулось почти до полудня.

— А наша маевка? — спохватился Бубнов, взглянув на часы.— Отменяется, конечно?

— С какой стати! — возразил Репиков.— Сегодня все равно праздник и начинать ничего нельзя. Кутнем в последний раз, а завтра дружно примемся за работу. Тем более что у нас на Хаверге делишко есть: сегодня в полночь освобождается площадь рядом с «Миллионным», и хозяин велел ее занять.

— Одно продает, а другое занимает! Как будто не к чему теперь,— заметил Пузиков.

— Его дело! Отмены распоряжения не было, значит, нужно исполнить. Итак, господа, идите себе обедать. В половине второго лошади будут поданы. Прошу не опаздывать.

IV

Возвратившись от управляющего по домам, штейгер, химик и становой действительно были засыпаны вопросами со стороны «женского сословия», сгоравшего от нетерпения. Приезд нарочного, экстренное и продолжительное совещание у управляющего представляли события, которые не могли не взволновать.

Штейгер, боявшийся запутаться в противоречиях, не захотел прибегать к выдумкам и на вопросы Анны Поликарповны ответил, что ничего не может сказать, так как от сохранения тайны зависит будущность рудника. И он упорно отмалчивался, несмотря на вкрадчивые просьбы жены и клятвы «всеми святыми» не говорить никому ни словечка. Убедившись в тщете своих усилий и зная твердый характер своего мужа, Анна Поликарповна закусила губы и вышла в кухню распорядиться насчет обеда, надеясь выведать секрет у своего добродушного отца. Но ей было обидно, что она узнает новость позже других, так как была убеждена, что химик не сумеет скрыть ее от своей жены.

В этом отношении она ошиблась, хотя Пузикову пришлось выдержать жестокую сцену. Марина Львовна, молодая и красивая женщина, привыкла к тому, что за ней ухаживали все служащие рудника; пользуясь этим, она часто вмешивалась в дела, и от ее словечка зависели разные льготы, получение лошадей для поездки в станицу, в лес за ягодами или на прогулку, даже отмена штрафов и размеры праздничных наград. Поэтому многие заискивали перед ней, а за

глаза называли командиршей. Репиков таял от ее улыбок, размокал от ее просьб и в награду получал право целовать ее ручки, унизанные кольцами.

Занимая такое влиятельное положение на «Убогом», Марина Львовна не могла себе представить, чтобы в серьезном вопросе могли обойтись без ее совета. Она все время, пока муж был в отсутствии, просидела у окна в своей гостиной, откуда было видно крыльцо дома управляющего. Совещание тянулось так долго, что она два раза посылала свою прислугу на кухню Репикова, чтобы узнать, не вышли ли заговорщики по черному ходу. Когда Михаил Петрович прибежал наконец запыхавшись домой, она встретила его словами:

— Ну-ка, выкладывай, что там у вас стряслось!

— Ничего не стряслось,— попробовал было увильнуть Пузиков.— Просто насчет маевки совещались.

— Не ври, особенно так неумело! Насчет маевки мы,— она подчеркнула слово «мы»,— с Николаем Константиновичем все решили еще в субботу. Какие вести привез нарочный?

— Это страшный секрет, Риночка! Я дал слово никому не говорить,— признался Михаил Петрович.

— Никому постороннему, а жена в счет не идет. Я тоже могу дать слово, что никому не передам.

— Женские слезы — вода, женские слова — ветер! — отрезал Пузиков.

— Какой ты несносный, Михаил Петрович! Все шуточками, а дело, наверно, серьезное, и я могла бы помочь вам, посоветовать.

— Все уже обдумано и решено, милая!

— И наверно, какой-нибудь промах сделали. Ну, в чем же дело?

— Да нельзя же говорить женщинам, такова воля начальства.

— Затвердил одно — нельзя говорить! Неужели мобилизация? Опять война с Японией?

— Нет, война мужчин с женщинами на «Убогом»...

— С тобой сегодня разговаривать невозможно!

— И не разговаривай, мне же легче будет.

— Ну, голубчик, Миша, скажи мне! Я совсем изнервничалась в ожидании. Я сохраню секрет, как могила.

Но Миша только махнул рукой и забегал взад и

вперед по комнате. Марина Львовна просила, умоляла, потом грозила всякими карами вплоть до отлучения от супружеского ложа, но Пузиков не сдался.

Убедившись, что ничто не помогает, Марина Львовна решила вооружиться терпением и прибегнуть к хитрости. Она сделала вид, что примирилась с отказом открыть ей тайну.

Всего легче отделался становой. Жены у него не было, и хозяйство вела вторая дочь Надежда, некрасивая, но веселая девушка. На ее вопрос отец ответил совершенно спокойно, что хозяин вскоре приедет на рудник и велел привести все в полный порядок. Становой не напускал на себя вида заговорщика, как остальные участники совещания, почему и не возбудил подозрений у дочери. Но когда Надя забежала после обеда к сестре и рассказала ей, что привез нарочный, жена штейгера высмеяла ее и назвала наивной дурочкой, которую легко обмануть. Подошла и Марина Львовна, и все трое решили, что во время маевки нужно действовать сообща и так или иначе заставить мужчин проговориться.

V

Местом маевки в этот раз был избран старый прииск «Миллионный», расположенный в соседней долине речки Хаверги в десяти верстах от «Убогого» рудника. Это место привлекало потому, что там сохранился еще хороший, приятный для прогулок лес, и, кроме того, тут можно было повеселиться на берегу старого разреза, превратившегося в большой проточный пруд.

Тотчас после полудня на конном дворе главного стана началась суета; конюхи подбирали сбрую, подвязывали колокольцы к дугам, мазали экипажи. Все средства передвижения, за исключением, конечно, таратаек, в которых возили руду, были мобилизованы, как равно и все лошади, способные бежать рысью.

Для дам приисковой аристократии — Лидии Николаевны, Марины Львовны, Анны Поликарповны и Надежды Поликарповны — запрягали тарантас, довольно расхлябанный, гремевший и звеневший на ухабах, но поместительный и мягкий на ходу. В та-

рантас впрягли лучшую тройку малорослых бурятских лошадок буланой масти; в их гривы и хвосты были вплетены разноцветные ленточки, а челки приподняты между ушами султаном и также обвязаны лентой. В таком наряде маленькие, косматые и полудикие лошади имели препотешный вид. Но кучер, бурят с лепешкообразным лицом более чем смуглого цвета, был в восторге от своей тройки и грозился оставить все остальные экипажи «у чертовой матери».

Для остальной публики запрягали две трехшпанки — деревянные тележки на длинных дрогах, легкие и довольно мягкие, употреблявшиеся для разъездов служащих, и двухколесные сидейки, в которых можно было поместиться двоим, но без кучера, а ехать надо было, крепко уцепившись друг за друга и за поручни и тем не менее рискуя на хорошем ухабе при быстрой езде вылететь ракетой на дорогу. В трехшпанки запрягли по паре лошадей, а в сидейки — по одной. Наконец, простая четырехколесная тюменка дополняла обоз маевки; запряженная парой, она назначалась для прислуги и корзин с провизией.

Когда, после довольно долгой возни, пререканий и ругани конюхов из-за лошадей и сбруи, все было готово, обоз с гиком и звоном покатил полной рысью через площадь и по Конторской улице к дому управляющего, месту посадки. Быстро собрались, уложили корзины, ковры, матрацы и кошмы и начали рассаживаться. Тарантас с четырьмя дамами укатил первый; разукрашенная тройка подхватила с места в карьер, так что дамы зажмурили глаза и завизжали. Глядя, как он летел, качаясь и подпрыгивая на ухабах, можно было поверить, что кучер-бурят действительно оставит «у чертовой матери», но только не остальные экипажи, а свой собственный. Вслед за ним тронулись и остальные. Лес по долине Хамары огласился звоном и шумом вытянувшегося длинной лентой обоза.

Постепенно подъем становился круче, и экипажи поехали шагом. Публика стала перекликаться, подшучивать друг над другом, над повозками и лошадьми. На перевале в долину Хаверги остановились. Здесь был крутой, с резким поворотом спуск, так что приходилось надеть тормоза. Большая часть седоков предпочла спуститься пешком напрямик по лесу; при

этом собирали цветы и бросали друг в друга мелкими шишками лиственниц.

Спустившись, быстро покатили дальше вниз по долине Хаверги или Каверзы, как ее прозвали золотоискатели за то, что из целого ряда приисков, работавшихся по этой долине, ни один не оправдал надежд и все были заброшены; золото попадалось только отдельными гнездами среди пустых пространств. Но встречавшиеся кое-где свежие ямы показывали, что хищники до сих пор посещают эту долину в надежде, что им «пофартит», то есть удастся напасть на богатое гнездо.

Через час пути экипажи подкатили к бывшему стану покинутого «Миллионного» прииска, принадлежащего тому же Мишурину. После прекращения работ часть построек была разобрана и перевезена на «Убогий», но наименее ценные остались и стояли без окон и дверей на площади среди леса. Эта площадь уже успела зарасти густой травой и представляла прекрасную лужайку. Тут-то и расположились приехавшие.

Кучера быстро выкосили часть лужайки в тени старого развесистого тополя и разостлали ковры и кошмы, а траву унесли лошадям. Прислуга занялась раскладкой посуды и провизии и раздуванием самоваров, а господа пошли к пруду через лес. Мишурин, очень надеявшийся на этот прииск и избравший его своей резиденцией, запретил рубку. Поэтому здесь и уцелела роща высоких тополей, старых развесистых берез и больших лиственниц, причудливо раскинувших свои кривые ветви.

Это было излюбленное место для пикников жителей «Убогого», привыкших видеть только мендач и чапыжник (мелколесье) на много верст во всей окрестности.

Пруд, занявший место разреза, был окаймлен густыми кустами тальника и черемухи. Сквозь прозрачную воду можно было не только различить, но и сосчитать на дне черные, белые и пестрые, крупные и мелкие голыши. Над ними то быстро скользили, то висели неподвижно в воде серебристые тела рыбок, проникших из речки и быстро размножившихся на просторе и в покое. Глубина пруда была немного меньше двух аршин, и только в одном месте находилась яма, в которую можно было уйти с головой. В

этой яме когда-то был найден фунтовый самородок золота, возбудивший надежды Мишурина на прииск.

Дамы занялись на поляне хозяйством, стали готовить чай, а мужчины отправились на пруд купаться. Вскоре послышались плеск воды, фырканье, крики, шлепки по голому телу. Штейгер переплывал на пари несколько раз взад и вперед вдоль пруда, а Пузиков нырял и кувыркался в золотой яме, выставляя из воды то ноги, то голову, то спину, словно играющий дельфин, и уверял Репикова, что на дне опять лежит большой самородок, который слишком тяжел, чтобы его достать из воды.

— Мы непременно должны показать его луидорам! — сказал подплывший к нему штейгер, всматриваясь в дно ямы.

— Каким луидорам? А, понял! — рассмеялся Пузиков, вспомнив телеграфный условный адрес Лондонского соединенного общества «Лунидор».

— Вы прекрасно придумали, Василий Михайлович; мы теперь можем пользоваться этой кличкой при непосвященных, и никто нас не поймет.

Насладившись вдоволь, мужчины вернулись на поляну, где уже дымились самовары, распространяя смолистый аромат горящих шишек. На коврах были расставлены стаканы, чашки, баночки с вареньем, сдобное печенье, бутылки с коньяком и ромом. Дамы, сговорившись между собой, во время купанья мужчин заняли отдельный ковер. Когда Пузиков и Бубнов, подошедшие первыми, хотели пристроиться тут же, Марина Львовна встретила их словами:

— Можете располагаться на другом ковре, господа мужчины. Угощение приготовлено, а от компании просим нас избавить. У вас свои секреты, а у нас свои.

Пузиков, любезник и ловелас, проводивший все свободное время возле какой-нибудь юбки, вознегодовал:

— Заговор дам, скажите пожалуйста! Они желают наказать нас за то, что мы не разбалтываем деловых секретов. Это, конечно, ваша идея, милейшая супруга?

С этими словами он попытался втиснуться между Лидией Николаевной и Надеждой Поликарповной, которые подняли крик.

— Не пускайте его! — командовала Марина Львовна.— Намажем лицо этому нахальному субъекту вареньем. Или лысину маслом, может быть, волосы начнут расти.

К лицу химика, зажатого между двумя девушками, потянулись ложки с вареньем и ножи с маслом. Он вертелся и мотал головой, выкрикивая:

— Что за странные шутки... я только что выкупался... испачкаете платье!

Но, получивши несколько сладких и липких мазков по щекам и лысине, Михаил Петрович убедился, что с ним не шутят, и, бесцеремонно оттолкнув державшие его ручки, вскочил с ковра. Отираясь платком, при общем хохоте дам, он сказал обиженно:

— А все-таки вы не узнаете нашего секрета и ночью не будете спать, сгорая от любопытства.

Мужчинам пришлось самим разливать чай, резать булки, накладывать себе варенье. Враждующие лагери перебрасывались остротами и добродушными шутками.

— Вы что же это, хотите провести настоящее отлучение от стола и постели? На сколько времени? — спрашивал Михаил Петрович.

— Пока вы не перестанете скрытничать! — хором ответили дамы.

— Это неслыханное давление на нашу совесть! — заявил Репиков.— Но вы им ничего не достигнете, мы будем непоколебимы, как скала, и неумолимы, как рок.

— А мы будем тверды, как сталь, и холодны, как лед! Посмотрим, кто дольше выдержит характер,— многозначительно ответила Марина Львовна.

После чая дамы отправились купаться, запретив мужчинам приближаться к пруду. Оставшиеся расположились вздремнуть на коврах, некоторые пошли в лес.

Пузиков, убедившись, что одни заснули, другие заняты, достал из сидейки, на которой приехал, фотографический аппарат и направился к пруду, с которого доносились уже плеск воды, веселый смех и женские взвизгиванья.

Бубнов сейчас же после чая взял под руку маркшейдера Кузьмина и предложил ему прогуляться вниз по долине. Он хотел иметь с ним разговор такого

свойства, который требовал полной уверенности в отсутствии нескромных ушей. Когда они отошли около версты от старого стана, Василий Михайлович, взяв с маркшейдера честное слово в абсолютном молчании, рассказал ему о приезде экспертов и спросил, не согласится ли он взять на себя щекотливое дело — подзолотить забои, из которых эксперты будут брать пробы.

— Я бы сам сделал это,— сказал он в заключение,— но мне и неудобно, и некогда будет. Я буду ходить с экспертами, показывать им все, так что и на обычные обязанности еле времени хватит. Поэтому бывать в руднике в другое время мне не придется. Да и рабочие могли бы заметить, что штейгер повадился ходить по штрекам в неурочные часы и как раз перед тем, как эксперты являются брать пробы. Пошли бы пересуды, и, того и гляди, эксперты заподозрили бы неладное, выследили бы меня,— и скандал готов. На всю Сибирь мы бы себя ославили.

— Это вы правильно говорите, Василий Михайлович, но ведь и я могу попасться,— заметил недалекий и смирный Кузьмин.

— Вы другое дело, Григорий Ефимович. С экспертами вы ходить не будете, а в штреках вы бываете именно в неурочное время, когда там никого нет, чтобы съемку свою делать без помехи. Поэтому никто не обратит внимания, если вы раз-другой обойдете выработки ночью, например, и подзолотите, где нужно.

— Откуда же я буду знать, где именно нужно?

— От меня узнаете все в свое время.

— Нехорошее это дело, Василий Михайлович. Боюсь я, как бы чего не вышло. Все-таки обман.

— Обман, в сущности, невинный. Наш рудник заведомо богат,— вы же знаете, что я это всегда говорил,— и заминка у нас временная по вине самого Мишурина, который не дает денег на разведки. Скаредом он стал и из-за скупости продает богатое дело. Покупатель внакладе не будет, я готов биться на что угодно. Так вы согласитесь, Григорий Ефимович? Всем поможете и сами награду получите.

Кузьмин колебался. Это был добросовестный, но ограниченный и застенчивый человек, пуще всего боявшийся крутых перемен в жизни. При закрытии руд-

ника ему пришлось бы лишиться насиженного места и искать новое, попасть, может быть, в худшие условия, в незнакомую среду, где-нибудь на Амуре, на Лене. В случае продажи он мог надеяться остаться на «Убогом» как старый служака, хорошо знавший не только новые выработки, но и все лабиринты старых. Если покупатели не оставят его на «Убогом», то награда от теперешнего хозяина даст ему возможность выбора новой службы; можно будет выжидать и не цепляться за первое попавшееся место.

— Ну, так и быть, я согласен,— заявил он, обдумав дело.

— Большое спасибо, Григорий Ефимович. Вы нас всех выручаете. Но, смотрите, никому ни слова.

— Это и есть тот секрет, который дамы так добиваются узнать?

— Он самый. Вы дам особенно остерегайтесь! Станут подъезжать к вам,— вы отвечайте, что не посвящены.

— Я от дам всегда держусь подальше, Василий Михайлович.

Это была правда. Кузьмин был холостяк и женщин почти боялся. Это качество Кузьмина, между прочим, входило в расчеты штейгера при выборе помощника.

Побеседовав еще о некоторых деталях задуманного дела, Бубнов и Кузьмин повернули назад к стану «Миллионного» прииска.

VI

На лужайке было еще тихо. Кучера и горничные продолжали чаевать за домом, пользуясь отсутствием господ. Лошади не торопясь жевали траву, изредка пофыркивая. На одном из ковров в тени мирно почивал Репиков, слегка всхрапывая. На его голову какой-то шутник надел венок из розового багульника, желтых огоньков и красного мака; управляющий походил на старого фавна, утомившегося в погоне за дриадами и уснувшего в лесу.

Штейгер предложил Кузьмину покататься на лодке. Но, опасаясь, что дамы еще не оделись, он послал на разведку к пруду свою горничную Настю.

Настя, поступившая только весной на «Убогий»,

была молоденькая краснощекая казачка с льняными волосами и большими голубыми глазами, удивленно глядевшими на мир. Когда она возвращалась с пруда по тропинке, напевая и собирая цветы, ей навстречу из кустов вышел казачий урядник Иван Миронович Мокрых, который перед тем выслеживал купающихся дам. Настя вскрикнула от неожиданности, выронила цветы и прижала руки к сердцу.

— Не пужайтесь, Анастасия Павловна,— любезно произнес урядник, покручивая свои большие фельдфебельские усы, на которые заглядывались многие бабы и девки «Убогого» рудника.— Давно уже ищу случая побеседовать с вами по душам, потому и подкараулил вас, как медведь.

Он ловко подхватил Настю под руку и направил ее по тропе в сторону, противоположную старому стану.

Настя забыла об ответе, который несла своему барину. Она зарделась и опустила глаза, в которые Иван Миронович старался заглянуть, нагибая голову вперед. Он, действительно, уже не раз заговаривал с ней при случайных встречах на улице и всегда был очень любезен. Наивной девушке эти подходы первого кавалера из среды низших служащих рудника очень льстили. Она еще не знала, с кем имеет дело.

Урядник Мокрых имел на «Убогом» руднике вполне заслуженную репутацию бабника, которого сильно побаивались мужья молодых и красивых женщин. Будучи горнополицейским начальством, наблюдавшим за порядком и благочинием на руднике и ведавшим все паспортное дело, Иван Миронович имел полную возможность прижать рабочего, жена которого приглянулась ему. И нередки были случаи, что баба, выручая мужа, становилась кратковременной любовницей урядника, рослого и привлекательного субъекта, уже немного разжиревшего от сытой и спокойной жизни. Иван Миронович, служивший раньше в Чите при штабе казачьего войска, любил щегольнуть перед «мужичьем» своей образованностью, выражался витиевато и употреблял кстати и некстати мудреные слова.

— О чем же вы хотите беседовать со мной, Иван Миронович? — робко спросила Настя.

— О делах деликатного качества, Анастасия Павловна! Ведь вы уже девица на возрасте, можно сказать — невеста. Позвольте поинтересоваться, думали

ли вы уже о собственном домострое или, как говорится, о семейном гнезде?

— Нет, еще не думала, Иван Миронович.

— Неужели? И ни на кого еще вы не обращали взора своего благосклонного внимания? Ни по ком еще ваше сердце девичье не трепетало? — продолжал допрашивать урядник.

— Ни по ком, Иван Миронович, сказать вам правду-истину.

— Так разрешите же мне быть тем претендентом, о котором вы будете мечтать, тем рыцарем, который ваше сердце похитит.

Настя зарделась пуще прежнего, но подняла глаза на урядника, который нагибался к ее лицу, впиваясь в него своими карими, замаслившимися глазами.

— А вы не смеетесь надо мной, сиротой? — промолвила она.

— Боже меня сохрани! — воскликнул урядник, прижимая руку к груди.— Разве я принял бы на душу такой грех: смеяться над честной девицей в таком интимном положении? А то, что вы почти сирота, потому что мачеха за мать почитаться никогда не может, это мне особенно драгоценно.

— Почему так, Иван Миронович?

— А потому, Анастасия Павловна, что никто не вправе запретить вам предоставить мне свою руку и свое сердце, некому будет интриговать вашу семейную жизнь и давать вам указки... Доложу вам по секрету, что у меня и некоторый капиталец имеется для обеспечения семейного состояния.

— Да, я слыхала, Иван Миронович, что служба ваша доходная, и что вы с китайцев много денег берете,— простодушно сказала Настя.

— Не беру, милая, а они сами подносят.

— И много вы с них получаете?

— По три рубля с паспорта в полугодие, а за другие надобности — по соглашению. Я их не обижаю, и они довольны, потому что я у них как бы мандарин, которому на родине они обязаны платить за попечение.

Он победоносно расправил свои великолепные усы и продолжал:

— Так вот, избранница моего сердца, капиталец у меня есть, а доходов на пропитание семьи хватит.

Было бы только с вашей стороны согласие на вступление в брачные отношения.

У Насти голова закружилась от неожиданного счастья. Бедная девушка, выросшая у мачехи, имевшей собственных двух дочерей и сына, и недавно лишившаяся отца, она не могла надеяться на хорошую партию в своем поселке. За нее уже сватался пожилой и вдовый казак, небогатый и нетрезвый, с кучей малолеток, искавший к ним няньку. А тут ей предлагали стать урядничихой, жить самостоятельной хозяйкой, не имея ни свекра, ни свекрови, ни чужих детей, и жить не в бедном поселке, а на руднике, где ее муж — начальство, а потому и ей также — почет и уважение.

Она благодарно взглянула на урядника, который физически давно произвел на нее впечатление, хотя она еще побаивалась этого могучего самца, льнувшего к ней.

Мокрых, увлекая Настю все дальше от места маевки, рассказывал ей, как они обставят свою квартиру, какие у нее будут наряды, кольца и ожерелья. Горячее дыхание урядника, говорившего на ухо девушке нежные слова, туманило ей голову, а сильная рука все крепче и крепче обнимала ее стан. Тропинка, по которой они шли, исчезла, приведя их к полянке в две-три квадратных сажени. Белые стройные березки, красные трепещущие осинки обступили полянку тесным кольцом, словно скрывая ее от нескромного взора; второе, более низкое кольцо составляли кусты багульника, усыпанные розовыми цветами, и среди них оставалась площадка, заросшая пышной травой, не больше широкой кровати, так и манившая на отдых.

Иван Миронович опустился на траву и привлек Настю к себе на колени. Его пышные усы, пахнувшие табаком и фиксатуаром, коснулись лица девушки, щекоча ей нос и щеки. Она зажмурила глаза и, запрокинув голову, полулежа на руках урядника, отдалась жгучему и жуткому удовольствию первого поцелуя. Этот поцелуй лишил ее силы сопротивления, а урядника побудил добиваться немедленно конечной цели предпринятого им обхаживанья девушки.

Они целовались и шептались, и опять целовались, пока отдаленный выстрел не заставил их вспомнить о времени. Урядник взглянул на часы.

— Однако, седьмой час на исходе. Надо быть, это

созывают господ к ужину,— сказал он.— Пора нам идти назад.

Оправив платье и прическу, Настя побежала по тропинке, которая так неожиданно и коварно привела ее в объятия урядника. Иван Миронович шел за ней, но, не доходя стана, свернул в сторону, чтобы выйти из леса на лужайку не следом за Настей, а с другой стороны.

VII

На лужайке публика действительно собиралась ужинать. Над потухавшим костром в двух котлах бурлила похлебка, а на воткнутых в землю палочках поджаривались шашлыки, распространяя запах горелого сала. На коврах и кошмах, освещенных косыми лучами солнца, спускавшегося уже к гребню горы, были расставлены тарелки, разные закуски, краснели и желтели бутылки с винами и водками. Дамы образовали цепь вокруг своего ковра, чтобы не пустить на него мужчин, возвращавшихся с пруда.

Когда прислуга доложила, что суп и шашлыки готовы, Николай Константинович предложил дамам переменить гнев на милость и ужинать совместно. Но, получив в ответ требование рассказать, что привез нарочный, он беспомощно развел руками и сказал:

— Я могу сообщить вам только, что все дело в луидорах.

— Луидорах? Это что значит?.. Это нам ничего не объясняет!.. Они сговорились морочить нам головы! — послышались удивленные или негодующие голоса.

— Объясните, в чем дело, или мы не прекратим наложенного на вас отлучения! — твердо заявила Марина Львовна.

— Если мои слова для вас непонятны, я извиняюсь, но ничего больше сказать вам не могу,— рассмеялся Репиков.

— Садимся ужинать! — скомандовала Марина Львовна, поворачиваясь спиной к мужчинам.

Тогда Михаил Петрович заявил громко:

— Mesdames, я должен предупредить вас, что мне удалось сфотографировать вас всех во время купанья в разных позах...

— Какой нахал!.. Бесстыдник!.. Ну, он все врет по обыкновению! — раздались возгласы дам.

— Нет, это правда! И если вы не прекратите этого странного бойкота, я отпечатаю интересные снимки нимф и буду раздавать их по стану... А чтобы доказать вам, что я не вру, я расскажу одну сценку из тех, которые я сфотографировал. На лужайке на берегу пруда стояли вы, Марина Львовна, вы, Лидия Николаевна, и вы, Анна Поликарповна, обнявшись и, понятно, совершенно голенькие,— лицом к Надежде Поликарповне, которая, очевидно, играла роль Париса и должна была присудить одной из трех нагих богинь приз красоты.

Дамы переконфузились, покраснели,— такая сцена действительно происходила. Но смущение быстро уступило место негодованию.

— Отнимем у него аппарат! Разобьем его вдребезги! — закричали дамы, наступая на Пузикова, который, пряча свою камеру за спиной, ретировался со смехом в кружок мужчин. Хотя некоторым из них выходка химика не была приятна, но из чувства солидарности они не протестовали и укрыли Михаила Петровича, сомкнувшись в ряд.

Дамы очутились лицом к лицу с улыбавшимися или хохотавшими мужчинами, а через плечо низкорослого Кузьмина химик показывал своей супруге длинный нос. Начались переговоры.

— Я все равно дома найду кассеты и перебью все пластинки! — грозилась Марина Львовна.

— Так и найдете их, сударыня! Я домой их и не принесу, а спрячу в надежное место,— смеялся Пузиков.

— И все-таки вы соврали, потому что Парисом была не я, а Анюта! — объявила Надежда Поликарповна.

— Пластинка не соврет, на ней все три богини сняты рядом, и каждый узнает их,— возразил Михаил Петрович и запел фальшиво:

Три богини спорить стали
На заре в вечерний час.

Убедившись, что до химика им не добраться, дамы отступили и стали совещаться вполголоса. Замужние

стояли за продолжение бойкота, так как фотографирование их скрытых прелестей не очень смутило их, и они хотели настоять на своем. Но девушки просили прекратить бойкот, уверяя, что секрет гораздо легче будет выманить добром, что через день-другой кто-нибудь проговорится и что им стыдно будет смотреть в глаза мужчинам, если по рукам будут ходить снимки купальных сцен. Замужние, наконец, сжалились и уступили.

— Мы прекращаем бойкот,— заявила от имени всех Марина Львовна,— но при непременном условии, что Михаил Петрович сейчас же выдаст нам все снятые пластинки.

— Какая жалость, такие редкостные снимки! — скулил Пузиков.

— Ну, решайся скорее, нам хочется ужинать! — торопила его жена.

С видимой неохотой химик протянул Марине Львовне через плечо маркшейдера три кассеты, из которых молодая женщина на глазах у всех извлекла одну за другой шесть пластинок, бросила их на землю и раздавила каблуком на мелкие кусочки.

Всем было очень весело: пикантное приключение подняло настроение. Мужчины расспрашивали химика, что было снято на разбитых пластинках, а он рассказывал, фантазируя, о борьбе голых амазонок, беге их взапуски, катаньи на лодке нимф, одетых только в распущенные волосы, и т.п. Дамы краснели, смеялись, отрицали, хотя кое-что соответствовало истине.

Ужин прошел очень оживленно, и мужчины к концу его изрядно опьянели. Потом пили еще чай, пели хором песни под аккомпанемент балалайки урядника и гитары бухгалтера и, наконец, в сумерки стали собираться домой. Но несколько человек оставались на месте пикника для исполнения поручения, данного управляющим.

Долина Хаверги уже погрузилась в зеленый весенний сумрак, когда тарантас, трехшпанки и сидейки увезли большую часть веселой компании.

Дорога шла узким коридором между двумя стенами молодых деревьев, неподвижно стоявших в вечерней тишине и распространявших благоухание. Утомленные едой, напитками и воздухом, седоки примолкли. Крутой конец подъема пришлось пройти пешком,

что было далеко не так приятно, как утром. Уставшие дамы повисли на руках мужчин и радовались в душе, что примирились с ними, так как иначе им пришлось бы взбираться на гору самим.

На перевале полюбовались картиной бесконечных волнистых грив, освещенных уже поднимавшейся почти полной луной. Широкие долины были еще погружены в темноту и местами подернуты легкой пеленой тумана. Но свежий ветерок, тянувший с далеких гольцов Яблонового хребта, покрытых снегом, заставил забраться в экипажи. Вниз покатили во всю прыть, хватаясь друг за друга на ухабах и камнях горной дороги.

VIII

Оставшаяся на «Миллионном» компания — химик, маркшейдер, бухгалтер, два десятника и урядник — развела большой костер и уселась возле него, сняв пиджаки и распустив животы. У каждого в руках была рюмка, а бутылка передавалась по кругу из рук в руки до тех пор, пока в ней оставалось вино. Затем она летела в огонь, где лопалась с треском под звуки известной песни, которую пели хором.

Отсутствие дам позволило развлекаться скабрезными анекдотами, рассказывать которые особенно умел и любил Михаил Петрович. С ним состязался Иван Миронович, специальностью которого являлись солдатские и казацкие похабные рассказы. Рассказчикам доставляло особенное удовольствие то обстоятельство, что в самых пикантных местах, когда слушатели разражались грубым смехом, скромный маркшейдер опускал глаза, краснел и смущенно улыбался, точно девушка.

За анекдотами последовало пение; урядник был запевалой солдатских песен нецензурного содержания. Под веселые звуки бутылки с вином все быстрее и быстрее совершали свой круговорот и все чаще летели в костер.

Спустилась ночь. На небе заблестели редкие звезды. Луна, уже поднимавшаяся за горами, не позволяла воцариться полной темноте. Костер бросал резкий и колеблющийся свет на красные, потные лица шести

собутыльников, на ряд старых построек, сиявших черными оконными и дверными отверстиями. С другой стороны поляны темной стеной стоял лес, и в редкие минуты, когда замолкали дикие песни, сквозь эту стену ясно доносился плеск речки по валунам русла.

Когда луна поднялась немного выше и залила мягким светом долину, Михаил Петрович взглянул на часы и сказал, обращаясь к маркшейдеру:

— Однако пора и за дело. Уже начало двенадцатого, как бы не опоздать.

— Не опоздаем,— успокоил Григорий Ефимович заплетающимся языком,— тут близенько, и двух верст не будет.

— Не в этом дело, а в том, что часы могут быть разные, кто их тут проверяет? Понимаешь, Григорий Ефимович?

— Мы по своим часам будем ставить столб.

— Экой недогадливый! Мы по своим, а благовещенские по своим. Надо ехать!

Оставив слишком пьяных и клевавших уже носом бухгалтера и одного десятника под надзором урядника у костра, Пузиков, Кузьмин и второй десятник, еще державшийся на ногах, направились к телеге, положили на нее заступ, кайлу и привезенный с «Убогого» столб, на стесанной стороне которого маркшейдер днем еще вырезал ножичком какие-то буквы и цифры, затем отвязали лошадей и покатили легкой рысью по дороге в сторону, противоположную той, откуда приехали на маевку. Дорога шла по густому и высокому лесу нижней части отвода «Миллионного» прииска. На дорогу ложилась густая тень высоких лиственниц, тополей, берез и осин, и только кое-где, прорываясь через листву, падали блики лунных лучей, то порознь, словно большие светляки, то целым кружевом, обнаруживая корни, кочки и колдобины полузаросшего травой и мало наезженного полотна, заброшенного со времени остановки работ на прииске.

Местами приходилось ехать шагом. Десятник вздумал с пьяных глаз затянуть какую-то заунывную песню, но при первых же звуках Михаил Петрович хлопнул его по плечу и цыкнул:

— Да ты что это, ослиная голова, рехнулся, что ли! Не знаешь, зачем мы едем?

— Виноват, Михаил Петрович, забылся.

Наконец высокий лес сменился мелким березняком, как возле «Убогого» рудника. Когда проехали еще сажен пятьдесят, Кузьмин остановил лошадей и сказал:

— Здесь станем, чтобы не шуметь. Осталось шагов сотни две.

Неделю тому назад он приезжал сюда по поручению управляющего, тщательно осмотрел местность, выяснил межу и конечный пункт старого прииска, измерил шагами расстояние до него от стана «Миллионного» прииска и от границы леса.

Лошадей привязали к березке, десятник взвалил на плечи столб, химик взял кайлу, а маркшейдер — заступ, и все потихоньку в молчании пошли дальше по дороге.

Вскоре открылась большая поляна, напоминавшая при свете луны на первый взгляд запущенное татарское кладбище; виднелись большие и малые могильные насыпи, отчасти заросшие мелкими кустами и травой; на них кое-где торчали столбы и большие камни. Местами зияли ямы, словно вырытые и брошенные могилы. В стороне стоял покривившийся маленький дом, два окна которого, без рам и стекол, чернели словно глазницы черепа. Это было место беспорядочных старательских работ, когда-то давших довольно много золота Игнатову, прежнему владельцу прииска «Обещающего», благодаря чему рядом с ним и был занят Мишуриным «Миллионный» прииск.

Игнатов вскоре разорился и отпустил «Обещающий» прииск в казну. На торгах его не купил никто, потому что интерес к приискам в Ононском районе упал. Но в последнее время несколько удачных открытий на соседних речках снова обратили внимание золотопромышленников на свободную золотоносную площадь, и можно было думать, что некоторые из них только дожидаются срока, когда прииск по закону станет свободным для новых заявок. Этот срок наступал сегодня в полночь, и тот, кто первый успел бы поставить заявочный столб на грани старого прииска, имел бы право на возобновление отвода в свою пользу.

Кузьмин шел впереди, пробираясь по опушке. Не доходя шагов двадцати до русла речки, он остановил-

ся возле небольшой ямы, заросшей травой, рядом с которой виднелся почерневший и немного покосившийся старый заявочный столб.

— Вот здесь,— сказал он шепотом своим спутникам.

Десятник опустил свою ношу на землю, взял у Михаила Петровича кайлу и стал копать яму в двух шагах от старой; Кузьмин помогал ему, отбрасывая заступом разрыхленную почву.

Быстро выкопав узкую яму в три четверти аршина глубины, приискатели вставили в нее новый столб, обращенный затесанной стороной с надписью в сторону поляны, засыпали оставшееся пространство, утоптали землю, а затем перед столбом, немного отступя, вырыли более широкую, но неглубокую ямку.

— Дело в шляпе,— произнес Пузиков, утирая пот после усиленной работы.

— На чаек с вашей милости! — пошутил десятник.— С новым отводом вас, копать — не перекопать, мыть — не перемыть!

Михаил Петрович взглянул на часы,— было только без четверти двенадцать.

— Поторопились,— заметил он.— Но сойдет, конкурентов пока не слышно.

Только что он произнес эти слова, как на противоположной стороне поляны послышался ясный скрип колес по гальке.

— Кто-то едет,— шепнул Кузьмин,— черт его несет не вовремя!

Химик быстро перевел свои часы на двадцать пять минут вперед и велел маркшейдеру сделать то же. У десятника часов не было. Заговорщики отошли на несколько шагов в сторону и притаились за ближайшей березкой.

Через пять минут, ныряя между отвалами и задевая за кочки и камни, к тому же месту подъехала телега, запряженная одной лошадью; на ней сидело два человека. Они остановились шагах в десяти от столбов, один из них соскочил и подошел к старому столбу.

— Потрафили, паря! — послышался хриплый голос.

— Тащи столб и лопату.

В это время его взгляд упал на стоявший рядом

новенький столб, блестевший при лунном свете словно полированный.

— Тьфу ты!..— скверно выругался приезжий.— Упредили нас с тобой какие-то сукины дети, язвило бы их душу!

— Однако мы не опоздали, дядя,— послышался молодой голос второго.— Полночи еще нет. Без пяти минут,— прибавил он, посмотрев на часы.

— Ну, значит, незаконно поставили, сволочи! Тащи столб, мы ихний выдернем и увезем, а свой поставим на его место.

Он подошел к новому столбу и старался разглядеть надпись, но последняя была в тени.

— Все равно, чей бы ни был, к черту его!

Взявшись обеими руками за новый столб, он начал его расшатывать, но в это время из-за куста выскочили спрятавшиеся служащие «Убогого» рудника.

— Столбы вырывать! — кричал Михаил Петрович.— Это что за фокусы, под суд не хотите ли?

— Вас под суд, черти! — огрызнулся приезжий, опуская руки.— Потому вы свой столб незаконно поставили раньше времени. Сейчас еще полночи нет, а он уже стоит, нате вам, готовенький, и приямок вырыт!

— Неправда! — горячился химик.— Мы начали ставить его ровно в полночь. А если у вас не часы, а старые калоши, то мы тут ни при чем.

— Калоши! — обиделся молодой, также подошедший к спорщикам.— За них тридцать целковых в Чите плачено. А неделю тому назад я их в Мангуте на телеграфе проверял.

— Неделю, говоришь! За это время они и отстали на полчаса, калоши эти самые. Я свои сегодня на телеграфе поставил, нарочно туда ездил для точности,— вмешался Кузьмин.

— Вот смотрите,— кричал Михаил Петрович, вынимая часы.— Видите, уже четверть первого, и у Григория Ефимовича столько же.

— Часы не трудно и переставить,— догадался первый незнакомец.— Мы заявим исправнику и окружному.

— А мы заявим, что вы хотели наш столбик самовольно выдернуть! Мы за березкой стояли, когда вы подъехали, и все слышали.

— И заявим, что вы приехали вдвоем, а не втроем, как полагается по закону,— прибавил Кузьмин.— Кроме доверенного, должны быть два понятых. Не знаете, что ли!

— Тьфу, будьте вы прокляты! — проворчал приезжий в замешательстве.

— А вы не ругайтесь, а отправляйтесь лучше, откуда приехали, пока целы! — вскипел Михаил Петрович.

— Кто будет цел, мы увидим! Берись, паря, за одного, а я с двоими справлюсь...

— Берегитесь, у нас револьверы, предупреждаю! — крикнул химик, отступая назад.

— Ну их к черту, дядя! — вмешался молодой.— Прозевали уж, делать нечего. Айда домой, спать охота.

С этими словами он направился к телеге. Старик, ворча, пошел за ним.

— Скатертью дорога! — закричали оставшиеся у столба.

Телега запрыгала опять по камням и кочкам. Выждав, пока стук ее колес не затих в отдалении, служащие «Убогого» рудника вернулись к своей телеге и поехали рысью к месту маевки.

Здесь костер пылал по-прежнему, поддерживаемый урядником. Рядом, на кошме, обнявшись, спали бухгалтер и второй десятник.

Приехавшие, прозябшие от ночной прохлады и возбужденные столкновением с конкурентами, торопливо подошли к костру.

— Дело кончено благополучно! — заявил химик, поворачиваясь к огню то лицом, то спиной.

— Выпить надо бы с устатку и на радостях по поводу удачи! — заметил десятник.

— Если только Иван Мироныч оставил нам что-нибудь! — прибавил Кузьмин.

— Что вы, господа! — обиделся урядник.— За кого вы меня принимаете? Нешто я не понимаю, что вам после прогулочки погреться захочется? Вот, пожалуйте, я вам кое-что от этих пьяниц припрятал.

Он вытащил из-под кошмы почти полную бутылку коньяку.

— Молодец Иван Мироныч! Хвалю! Давайте ее сюда, милашку! — посыпались возгласы.

Попойка возобновилась. Выпивая, собутыльники обменивались впечатлениями по поводу маленького приключения. Иван Миронович дрожал от хохота, восторгаясь находчивостью химика, одурачившего конкурентов переставленными часами.

— Ох-хо-хо! Отъехали не солоно хлебавши, ротозеи,— радовался он.— В другой раз будут умнее!

Когда коньяк был допит и тема беседы исчерпана, Михаил Петрович, как старший, подал сигнал к отъезду. Костер раскидали по поляне, чтобы разрозненные головни скорее потухли, затем подвели телегу и сидейку. На первую положили кошмы и погрузили обоих пьяных; рядом с ними уселись урядник и десятник; химик с маркшейдером взобрались на сидейку. Отдохнувшие и прозябшие лошади, торопившиеся домой, в теплое стойло, быстро понеслись по лесной дороге...

IX

С следующего утра на «Убогом» началось горячее время. Было объявлено, что должен приехать хозяин — довольно редкий гость за последние годы,— и все служащие и рабочие были заняты чисткой и уборкой. Повсюду кипела работа. На фабрике чинились шлюзы и чаши, в окна вставлялись выбитые стекла, подгнившая местами крыша перешивалась. Перемол руды был остановлен и все руки заняты ремонтом.

Михаил Петрович сидел с раннего утра в лаборатории, прибегая на фабрику только время от времени, чтобы накричать здесь, припугнуть там, подбодрить в третьем месте. В лаборатории он вел пробы руды, доставляемые из забоев рудника, так как важно было остановить работу каждого забоя на более богатом месте, чтобы предъявить экспертам товар лицом.

На стану везде чистили, прибирали мусор и отбросы, копившиеся месяцами, ремонтировали крыши, возобновляли глиняную обмазку жилых домов, потрескавшуюся за зиму и начавшую отваливаться с наступлением тепла. Обыкновенно эту операцию производили в начале осени, чтобы иметь к зимним холодам более теплое жилье; но теперь пришлось сделать это немедленно, так как свежеобмазанные и затем

побеленные постройки имели и более нарядный, и более солидный вид.

На конном дворе конюхи перебирали и чистили сбрую, чинили и красили экипажи. В амбарах подсчитывали остатки товаров и припасов, а всякую заваль и гниль, которую обыкновенно сбывали китайцам и золотышникам, прятали подальше. Всем распоряжался становой, который, несмотря на свою толщину, поспевал всюду, семеня на коротких ножках, посапывая носогрейкой. Голос его был слышен по стану с утра до позднего вечера, и домой он возвращался, только чтобы наскоро закусить, промочить глотку рюмочкой-другой и набить табаку в кисет.

Работа шла и в конторе; кроме очередных дел, производился пересмотр старых книг. Вытащили из-под спуда и поставили на видное место книги с записями производительности фабрики и выходов золота за те давно минувшие годы, когда рудник только что открылся и гремел на всю область своим богатством. Книги за последние годы, период упадка рудника, Николай Константинович брал к себе на дом на просмотр. Кое-где можно было подчистить, кое-что подправить, но, в общем, с этими старыми книгами нельзя было сделать много; плохие годы оставались плохими, и плачевные записи нельзя было превратить в хорошие. Репиков после ряда вечеров, проведенных над книгами, с грустью убедился в этой истине и, вернув книги в контору, велел запрятать их подальше, чтобы они не попались на глаза экспертам.

Но на случай, если эксперты потребуют все-таки и эти книги, он, благодаря тщательности их изучения, приготовил разные подходящие объяснения.

Но самая важная работа шла под землей, в выработках рудника, так как там находились суть и будущность всего дела, и от того, в каком виде предстанет жила в глазах экспертов, прежде всего зависел успех продажи. Все остальное — службы, жилища, фабрика, конный двор, амбары — несмотря на ремонт и чистку, могли только немного увеличить или уменьшить продажную цену предприятия, но при отсутствии хорошего золота в жиле все это годилось только на слом.

Под землей подготовительные работы шли не торопясь, а с оглядкой. Николай Константинович, с

штейгером и маркшейдером, посвятил два дня обходу всех подземных работ. При этом обходе он убедился, как запущен рудник благодаря скаредности хозяина в последние годы, как плоха вентиляция, как попортились крепь, лестницы, рельсовые пути. Многое можно было исправить, замазать, скрыть, если эксперты окажутся недостаточно опытными.

После этого обхода началась подготовка рудника. Каждый день тщательно брали пробы во всех забоях в присутствии Василия Михайловича или Кузьмина и сдавали их в лабораторию. Некоторые выработки по жиле, давшие очень плачевные результаты, совсем не должны были попасться на глаза экспертам. Поэтому их или совсем заваливали, или, если это было слишком дорого и долго, их маскировали — возводили перегородку, которую скрывали штабелем глыб пустой породы.

В работавшихся выработках подправляли крепи, лестницы, подновляли освещение, протягивали дальше вентиляционные трубы. В шахте переменили несколько лестниц с ненадежными от старости ступенями. Конечно, в старых выработках, которые еще не заплыли льдом или не обвалились, подновить крепь было бы и слишком дорого, и слишком долго. Эксперты должны были непременно побывать в этих выработках, потому что это была знаменитая «золотая кладовка», работавшаяся первые годы и составившая славу рудника. Но пришлось только подправить и прочистить наиболее опасные или неудобные для прохода места.

В руднике распоряжался Василий Михайлович, но и маркшейдер посещал его чаще обыкновенного, исправлял и пополнял съемку подземных работ, не только, чтобы блеснуть перед экспертами точным планом рудника, но и ввиду предстоявшего ему ответственного поручения, о котором ему говорил штейгер на маевке.

Так в лихорадочной работе не только в будни, но и по воскресеньям проходили дни за днями. Наконец, от хозяина из Москвы была получена телеграмма о выезде экспертов с сибирским экспрессом. Через десять дней они должны прибыть на рудник.

Хотя все уже долго готовились к приезду таинственных гостей, но это известие заставило удвоить

энергию. В оставшийся короткий срок надо было все кончить, проверить, просмотреть в последний раз. Теперь уже нельзя было скрывать дольше от служащих и рабочих цель, ради которой приезжали гости. Чтобы повысить энергию всех причастных к делу, пришлось также объявить о вероятном закрытии рудника, если продажа не состоится.

Это известие вызвало наибольший переполох и уныние среди мелких служащих, так как рабочие гораздо скорее могли найти себе занятие, чем горные десятники, конторщики и прочий люд. Из рабочих приуныли только владельцы избушек, так как при закрытии рудника нельзя было надеяться на перепродажу их, и приходилось бросать недвижимое имущество на произвол судьбы.

X

Узнав, наконец, от мужа о предстоящем приезде экспертов и неминуемом закрытии рудника в случае, если продажа его не состоится, Марина Львовна Пузикова задумалась.

Супруга химика вышла замуж совсем не по любви. Дочь маленького чиновника в Петербурге, обремененного многочисленным семейством при скудных доходах, она с трудом кончила шесть классов гимназии и сейчас же поступила на службу, чтобы снять с отца заботы о своей особе и даже вносить кое-что в семейную кассу за свой стол и квартиру. Она устроилась машинисткой в горном департаменте, надеясь, что со временем среди многочисленных чиновников и горных инженеров, с которыми ей приходилось встречаться на службе, найдется подходящий для нее муж. Вот тут-то и подвернулся Пузиков.

По делам приисков Мишурина ему пришлось побывать несколько раз в департаменте, и он, как любитель женского пола, сейчас же заметил хорошенькую машинистку и нашел способ познакомиться. Он предложил ей переписать в свободные часы отчет о деятельности фабрики, проект и смету переустройства ее; по поводу переписки отчета, обиловавшего непонятными техническими терминами, написанными неразборчивым почерком, Марине Львовне пришлось

несколько раз приходить в гостиницу, где жил Михаил Петрович. Химик угощал ее чаем, пирожными, конфетами, рассказывал, сильно привирая, о своих связях, жалованье и перспективе сделаться в недалеком будущем главным химиком крупной компании на Урале с местом жительства в Екатеринбурге и частыми командировками в столицу. Марина Львовна повела свою игру так ловко, что Пузиков влюбился в нее. Когда попытка химика просто овладеть девушкой кончилась неудачей, ему пришлось вести ее к венцу, чтобы удовлетворить свою вспыхнувшую страсть.

Но уже вскоре после бракосочетания молодые разочаровались друг в друге. Марина Львовна узнала, что ее мужу уже за сорок лет, что он большой враль, что его жалованье не так велико, как он рассказывал; а когда он привез ее на «Убогий» рудник и она увидела, в каком обществе и в какой обстановке ей придется жить, она совсем приуныла. Михаил Петрович скоро понял, что жена его совсем не любит, а так как она оказалась еще довольно взбалмошной и капризной женщиной, то и он скоро охладел к ней и возобновил свои похождения со всеми смазливыми и доступными бабенками на руднике.

Теперь, в связи с приездом экспертов, вспыхнула надежда на то, что кончится скучное существование в медвежьем углу. В случае продажи рудника Михаил Петрович получит крупную награду, а он обещал жене за ее содействие продаже переселиться в столицу. Если же продажа не состоится и рудник будет закрыт,— все равно придется уехать, но тогда предстояла стесненная жизнь, потому что в связи мужа Марина Львовна давно уже не верила и даже узнала, что он вообще не пользуется репутацией дельного работника и едва ли скоро найдет себе новое место.

Поэтому молодая женщина решила приложить все усилия, чтобы продажа рудника состоялась. А если даже нет,— мелькала в глубине ее красивой головки коварная мысль,— то не пригодится ли ухаживанье за экспертами и в ином смысле? Не окажется ли один из них более подходящим мужем, чем Михаил Петрович?

Марина Львовна начала деятельно готовиться к приезду экспертов: во-первых, пересмотрела свои наряды и занялась подновлением их; во-вторых, заставила мужа посвятить ее в положение дел на руднике,

была с ним на фабрике и в подземных работах, познакомилась с главными техническими терминами, чтобы понимать деловые разговоры мужчин и быть в состоянии вставить при случае и свое слово. Михаил Петрович сначала протестовал, находил это совершенно лишним, полагая, что его жена должна действовать на экспертов «женскими средствами». Но Марина Львовна возразила:

— Глазки глазками и улыбки улыбками, но показать себя круглой дурой в деле, которому служит мой муж, я не хочу. Понимая суть дела, я могу просить у экспертов разъяснения по тому или другому вопросу, и это сделает для них беседу со мной более интересной, а также позволит мне при удобном случае и выпытать у них кое-что полезное для нас.

Михаил Петрович вынужден был признать, что его жена судит правильно. Она оказалась понятливой ученицей, и Пузиков даже увлекся своей ролью учителя, благодаря чему отношения между супругами, довольно холодные в последнее время, несколько улучшились. Пользуясь этим, Марина Львовна взяла с мужа торжественное обещание предоставить ей полную свободу действий по отношению к экспертам и не мешать ее флирту с ними, какие бы формы он ни принял.

— В интересах дела ты должен быть мужем слепым и глухим и держаться подальше от меня, когда я буду ухаживать за экспертами или они за мной!

XI

В день ожидаемого приезда экспертов главный стан рудника с утра принарядился: улицы были еще раз выметены и политы, более грязные места посыпаны песком. Конюхи надели новые красные рубахи, а многие бабы — праздничное платье; ребята сидели смирно по завалинкам, а играть уходили на задворки; телята были загнаны в стойки, откуда по временам раздавалось их жалобное мычанье; только с собаками ничего нельзя было сделать, и они бродили, уныло опустив хвосты и морды, в тщетных поисках отбросов, которых в этот день вокруг домов — увы! — не было.

Вскоре после полудня из последней станицы на Ононе, откуда дорога сворачивала к руднику, прискакал нарочный с известием, что «гости» приедут около пяти часов вечера. Поэтому Николай Константинович распорядился готовить ужин, к которому пригласил старших служащих с их дамами, чтобы сразу представить их экспертам.

С каждым получасом нетерпение ожидания в главном стане росло. По почину станового, обещавшего угощение в виде пряников и конфет, дети рабочих и мелких служащих в возрасте от восьми лет организовали «сигнализацию»; они расположились цепью «махальщиков» по склону долины, откуда можно было видеть большую дорогу на несколько верст. Самый дальний махальщик, завидев экипажи, должен был подать сигнал второму, второй — третьему и т.д., так что весть о приближении гостей должна была долететь до стана со скоростью оптической телеграммы.

Термин «эксперт» не был понятен ни рабочим, ни детям. Придуманная штейгером кличка «луидоры» получила предпочтение. В последние дни и на рабочей улице, и в разрезах, и на руднике так и говорили: «луидоры приедут, луидоров ждут, луидорам покажем».

Томительное ожидание, наконец, кончилось: дальний махальщик неистово замахал с вершины сопки белым флажком, и сигнал быстро пролетел по цепи до стана. Здесь толпа ребят, собравшаяся у последней избы, завидев сигналы, пустилась в карьер по рабочей улице с воплями: «луидоры едут, луидоры, луидоры!» И по всему стану прокатился этот крик: «луидоры едут!»

Вот вдали послышались колокольцы, перезвон их становился все яснее и яснее, и, наконец, из-за опушки леска у поворота дороги вырвалась первая тройка и в карьер понеслась к стану, за ней на некотором расстоянии вторая. Коренники мчались, задирая головы под колокольцы, языки которых били их по ушам; пристяжки скакали, загибая головы колесом в бок и брызгая пеной с удил; мелкие камни летели из-под копыт во все стороны; колокольцы словно захлебывались и хрипли от напряжения.

В тарантасах, с откинутым верхом, сидели какие-то запыленные серые субъекты, по два в каждом.

Экипажи бешено промчались по рабочей улице,

затем по площади, мимо амбаров, где собаки встретили их концертом, затем мимо домов служащих, обитатели которых высыпали на крылечки. Наконец ямщики круто осадили лошадей у крыльца дома управляющего.

Репиков стоял уже на крыльце вместе со становым; ради столь важного случая становой сменил свой обычный костюм. Он был очень комичен в сюртуке, который морщил на спине и страшно резал под мышками; воротничок немилосердно давил шею, подпирая жирный подбородок и заставляя багроветь лицо.

Для гостей были приготовлены все три комнаты «посетительской», находившейся в том же доме, через сени от квартиры управляющего. Для украшения посетительской Лидия Николаевна употребила много стараний, а довольно скудная и старая мебель была заменена лучшей, позаимствованной частями у многих служащих. Обстановка получилась довольна разношерстная, но цветы на окнах и угловых столиках, кисейные занавески, трюмо и большой ковер в первой комнате, служившей приемной, коврики у кроватей и над кроватями, разные безделушки на стенах и столах придавали помещению жилой и уютный вид.

Приехавшие вылезли из тарантасов, сбросили с себя пыльники и, снимая перчатки, поднялись на крутые ступени крыльца, где Репиков представился сам и представил станового. Эксперты назвались. Мистер Борк был сухопарый мужчина средних лет, высокого роста, темный блондин, с длинным лицом, под большим прямым носом коротко подстриженные усы; голубые глаза смотрели пристально из-под пушистых, запыленных бровей, а красиво очерченные губы обнаруживали при разговоре великолепные крупные зубы. Он говорил по-русски почти без иностранного акцента, но медленно, словно отчеканивая каждое слово, так что речь его выходила торжественной.

Горный инженер Грошев, его помощник, был несколько моложе, брюнет с окладистой черной бородой, загорелым лицом и живыми серыми глазами, немного ниже ростом, слегка сутуловатый и довольно полный.

Невысокий и худощавый инженер-химик Фернер имел ярко-рыжие волосы, прыщеватое лицо с крюч-

коватым носом и клочковатой бородкой; говорил пискливым голосом.

Четвертый приезжий был служитель Матвей Колчеданов, взятый в помощь Грошеву и Фернеру для опробования забоев и анализа проб.

После взаимного представления Николай Константинович провел экспертов в приготовленные комнаты, предложил им отдохнуть с дороги и пожаловать в семь часов к нему на ужин.

XII

У Репикова уже с половины седьмого начали собираться приглашенные служащие с дамами: Василий Михайлович с Анной Поликарповной, Михаил Петрович с Мариной Львовной, бухгалтер, маркшейдер и младшая дочь станового; сам становой отказался присутствовать, не желая сидеть целый вечер в тесном сюртуке и крахмальной сорочке. Собравшиеся передавали друг другу свои впечатления от экспертов, в общем, конечно, еще весьма неопределенные.

В семь часов появились и эксперты, «умытые, напомаженные, в помятые сюртуки наряженные», как шепнул Пузиков бухгалтеру. Репиков представил служащих и, не затягивая неприятного ожидания, сейчас же пригласил за стол. Сначала было очень скучно и церемонно. Борк держал себя замороженно, отвечая односложно на вопросы о длинном пути. Грошев был словоохотливее, и его соседки Марина Львовна и Надежда Поликарповна сумели завязать с ним разговор. Фернер расспрашивал химика о лаборатории рудника.

Но постепенно разговор оживился, и когда перед сладким в бокалы было налито шампанское, хозяину стоило некоторого труда, чтобы добиться внимания. Поднявшись с места, он произнес тщательно обдуманную и заученную маленькую речь, которую закончил так:

— Я поднимаю бокал за наших гостей, удостоивших своим посещением этот рудник, затерянный среди гор и лесов на монгольской границе. Я искренне желаю, чтобы гостям здесь понравилось и чтобы они решились превратить свое временное пребывание в постоянное. Хотя нам, старожилам, и будет тяжело

расставаться с любимой местностью, но мы прежде всего желаем процветания нашему руднику. За здоровье господ экспертов, ура!

Бокалы зазвенели, все спешили чокнуться с приезжими.

После короткой паузы мистер Борк выразил благодарность за прием, а также надежду на то, что господа управляющий и служащие будут способствовать успеху работы экспертов. Он предложил выпить за здоровье любезных хозяев. Михаил Петрович в длинной и несколько запутанной речи выразил пожелание, чтобы все работы экспертов протекали без помех со стороны стихий и людей и чтобы каждая проба, взятая ими из жилы, обнаружила хорошее содержание золота. В заключение он поднял бокал за того, кто всего больше будет трудиться над этими пробами, именно за Фернера.

Приезжий химик ответил с явной иронией. Он сказал, что блестящий результат проб, конечно, очень желателен, но только в том случае, если стихии и люди не будут улучшать то, что уже создала природа (при этих словах штейгер и маркшейдер почувствовали себя неловко и невольно переглянулись); поэтому он предложил тост за Пузикова, лаборатория которого даст возможность добиться таких желанных результатов.

Василий Михайлович счел долгом выразить пожелание, чтобы экспертам рудник полюбился так же, как ему, и поднял бокал за здоровье Грошева. Грошев, в свою очередь, ответил, что он искренне желает, чтобы рудник совершенно не оправдал своего печального названия «Убогий», и пил за здоровье Бубнова, который сам давно бы перекрестил рудник в «Богатый» или «Удалый», если бы был его владельцем.

Наконец, мистер Борк предложил еще тост за цветник прелестных дам, который они, путешественники, совершенно неожиданно нашли на этом далеком руднике; одно присутствие этого цветника делает рудник не убогим, а интересным.

Дамы были очень польщены этим тостом, совершенно неожиданным в устах чопорного англичанина. Марина Львовна, как самая бойкая из них, сочла долгом ответить, что и они, жены и дочери служа-

щих, желают экспертам успеха в их тяжелой работе и постараются дать им в часы отдыха веселое общество и развлечение.

Тосты оживили настроение хозяев и гостей, сблизив их друг с другом. Даже церемонный мистер Борк сделался разговорчивее и оказался интересным собеседником. Он рассказывал о жизни на золотых рудниках Трансвааля, где он провел несколько лет.

Это дало повод Марине Львовне, его соседке справа, описать англичанину в ярких красках жизнь, которую они ведут на «Убогом». Сидевший напротив Василий Михайлович попытался было внести поправку в чересчур фантастические, как ему казалось, рассказы, но, получив молниеносный взгляд прекрасных серых глаз молодой женщины, понял, в чем дело, и даже начал поддакивать и давать ободряющие ответы на некоторые вопросы Борка.

Грошев, сидевший по другую сторону супруги химика, слушал ее с видимым восхищением, но в уголках его глаз пряталась веселая насмешка. Англичанину, как-никак мало знакомому с русской жизнью, Марина Львовна могла рассказывать турусы на колесах, но русский горный инженер, видавший разные виды, конечно, сразу почувствовал фальшь. Он только сначала не мог понять, является ли эта красивая дама просто врушей по природе или же она лжет с определенной целью. Поэтому он обратился к своей соседке справа, Надежде Поликарповне, и ловко поставленными вопросами сумел поймать простодушную дочь станового и выяснить себе кое-что относительно положения дел.

«Эге,— подумал он,— нам нужно будет держать ухо востро и смотреть в оба, чтобы не попасть впросак».

Николай Константинович беседовал на другом конце стола со своими соседями, Михаилом Петровичем и Фернером, о пробах и приспособлении лаборатории к нуждам экспертов. Но когда эта тема была исчерпана, он, как и остальные за столом, стал вслушиваться в разговор, который шел между англичанином и Мариной Львовной, и понял, что она повела рискованную игру. Конечно, он не стал ее опровергать, но воспользовался тем, что часы пробили десять, встал и, поднимая рюмку ликера, заявил:

— Господа, как нам ни приятно общество столичных гостей, столь редких на нашем убогом руднике, но мы не должны забывать, что эти гости совершили далекий и утомительный путь. Им, несомненно, хочется отдохнуть перед началом своих работ, но они из любезности сидят, чтобы не расстроить веселой компании. Выпьем же последнюю рюмку за их здоровье и пожелаем им спокойной ночи!

Марина Львовна была не особенно довольна тем, что ее рассказ о летних пикниках был прерван на самом интересном месте, но все встали, и ей пришлось замолчать. Она была утешена тем, что Борк при прощании дважды поцеловал ее ручку и заявил, что он очарован сегодняшним вечером и своей прелестной собеседницей. Когда эксперты удалились в свою половину, Репиков удержал сослуживцев на некоторое время за столом, чтобы обсудить «начало кампании», как он выразился. Лидия Николаевна увела дам в гостиную, а мужчины еще долго оставались в столовой. При этом Николай Константинович улучил минуту, чтобы попросить Михаила Петровича несколько умерить восторженность Марины Львовны, которая могла навредить делу.

Часть II

ЛУИДОРЫ НА РАБОТЕ

I

На следующий день, хотя это был четверг и не праздник, в честь гостей на кухне управляющего уже с раннего утра готовились пирожки. Эксперты явились к чаю в рабочем костюме — высоких сапогах и парусиновых куртках. За чаем разговор шел о деятельности фабрики; вытребовали Михаила Петровича, вместе с которым явилась и Марина Львовна, выпросившая накануне у Борка разрешение присутствовать при осмотре, сославшись на то, что в обычное время женщин на работы не пускают.

— А с знатными иностранцами всюду можно пройти и все увидеть! — мило улыбаясь, заявила она.

Узнав об этом разрешении, Лидия Николаевна также выразила желание принять участие в обходе фабрики. Она боялась, что супруга химика, будучи единственной дамой, завладеет англичанином, продолжит свои фантастические рассказы о жизни на глухом руднике и дискредитирует ее отца в глазах экспертов.

Напившись чая, вся компания направилась через площадь и поднялась на помост, по которому телеги с рудой въезжали в верхний этаж амбара при фабрике. Обыкновенно этот помост был покрыт толстым слоем пыли, щепок и кусочков кварца; теперь весь мусор был убран и старые, измочаленные бревна посыпаны желтым песочком. Грошев сразу заметил эту декорацию и улыбнулся под своими нависшими усами.

В верхнем этаже рудного амбара были навалены кучи руды — глыбы кварца, то чистого, белого и мелкозернистого, как сахар, то пестрого, с ржавыми налетами и пятнами, то совсем желтого и грязного,

словно изъеденного. Белый кварц лежал отдельными кучами. Николай Константинович объяснил экспертам, что охристого кварца в руднике добывается мало, потому что работы ушли глубоко; он попадается только вблизи большой трещины, обрезавшей жилу.

— А вот и золото! — воскликнула Марина Львовна, указывая пальчиком на зерна желтого блестящего металла, кое-где вкрапленные в белый кварц.

— Если бы все это было золото,— усмехнулся Грошев,— ваш рудник стоил бы миллионы! К сожалению, это только серный колчедан, правда содержащий в себе некоторое количество благородного металла.

Разговор был прерван грохотом пущенной в ход дробилки, измельчавшей руду на кусочки. В отверстие этой небольшой машины, имевшей вид простой железной коробки, рабочий-китаец спускал одну глыбу кварца за другой; дробилка жадно хватала руду своими стальными челюстями и с страшным скрежетом раздробляла ее на кусочки, которые выплевывала непрерывным потоком через нижнее отверстие; эта струя по железному желобу скатывалась в нижний этаж амбара. Покрытый желтовато-белой пылью с головы до ног, похожий скорее на мельника, китаец методически исполнял свою работу, и глыба за глыбой исчезала в пасти дробилки. Казалось, что происходит процесс кормления какого-то чудовищного зверя, который грызет и глотает глыбы кварца, словно кусочки сахара. Движение стальных планок с зубцами совершенно напоминало работу челюстей, а звуки, издаваемые рудой, попавшей между зубцами, походили на звуки, издаваемые гигантской собакой, грызущей кость.

Говорить приходилось, крича друг другу на ухо; кроме того, из пасти дробилки вылетала пыль, которая забиралась в нос и горло посетителей, заставляя их чихать и кашлять. Китаец смотрел на них, улыбаясь одними глазами: рот и нос его были скрыты под маской респиратора.

Спустившись назад по помосту, посетители вошли в нижний этаж амбара. Сюда по желобу ссыпался кварц, прожеванный дробилкой. Высокие кучи его напоминали груды грубо наколотого сахара. В одной из длинных стен амбара зияли четыре небольших

окошечка, через которые двое рабочих лопатами перебрасывали руду в помещение самой фабрики. Оттуда доносились равномерные гул, стук и скрип. Эксперты осмотрели кучи раздробленной руды, приготовленной для размола, и взяли наугад несколько кусков из разных мест для пробы. Михаил Петрович просиял: в этот день была пущена в обработку нарочно накопленная богатая руда.

Выйдя опять на улицу, посетители через другую дверь попали в главную часть фабрики — обширное, но довольно низкое помещение с земляным полом и широкими окнами под потолком. Вдоль задней стены вертелись четыре пары бегунов — больших и тяжелых чугунных колес в два метра диаметром. Каждая пара бегала в отдельной чаше, похожей на огромный таз из листового железа; одно колесо как будто старалось догнать другое, но никогда не могло этого сделать. По дну чаши металась мутная вода, а бегуны катились по воде и давили своей тяжестью кусочки кварца, которые рабочий подбрасывал лопатой. Под тяжестью глухо стонавших чугунных чудовищ кварц скрипел и визжал, рассыпаясь в песок.

Глухой гул от восьми быстро катившихся колес, визг и скрип раздробляемого кварца, плеск и журчание воды — все это сливалось в шум, напоминавший сильный морской прибой.

В последние годы, вследствие недостатка богатой руды, на фабрике работала одна, много две пары бегунов. Но к приезду экспертов в амбаре накопили груды хорошей руды и теперь пустили все четыре пары. Но экспертов трудно было ввести в заблуждение; они сразу заметили, что две пары бегунов сильно покрыты ржавчиной и, значит, давно уже бездействовали.

Из каждой чаши через отверстие, закрытое сеткой, мутная вода толчками выливалась в длинный и широкий желоб. На дне каждого желоба лежали медные листы, покрытые слоем ртути, блестевшей, словно матовое серебро, сквозь тонкий слой струившейся мутноватой воды. Эта ртуть улавливала мельчайшие частицы золота, увлекаемые водой, поглощая их и превращаясь в соединении с ними в амальгаму.

У Марины Львовны от всех этих звуков и бега чугунных махин начала болеть и кружиться голова.

Кроме того, в таком шуме нельзя было болтать с англичанином. Поэтому она собиралась увлечь экспертов поскорее в другие части здания. Но Николай Константинович предложил устроить сейчас съемку золота. Он знал, что все четыре пары бегунов работали уже без перерыва с вечера, и так как была пущена богатая руда, то можно было рассчитывать на хорошую съемку и произвести благоприятное впечатление.

По свистку механика рабочие перестали подсыпать руду под бегуны, колеса постепенно начали замедлять свое кружение и, наконец, остановились. На фабрике воцарилась непривычная тишина. Рабочие, вооруженные метлами, начали выгонять в желоба истолченный кварц, остававшийся еще в чашах. Затем приток воды был остановлен, и со дна чаш и желобов рабочие стали собирать особыми деревянными и резиновыми скребками золотую амальгаму, отделявшуюся от ртути, не поглотившей еще золота. Амальгаму унесли в комнатку, отгороженную от фабрики, где эту матово-белую рыхлую массу, похожую на серебряную кашицу, клали порциями на замшу. Закручивая замшу в руках, выжимали из амальгамы лишнюю ртуть, не соединившуюся с золотом. Серебристые капли жидкого металла выступали росинками на поверхности замши, соединялись друг с другом и стекали в подставленный тазик. Выжатая амальгама стала сухой и имела вид густого серебряного теста, из которого можно было лепить фигурки. Ком этого теста взвесили и затем положили в чугунную реторту, вставленную в топившуюся уже железную печку. Здесь в течение нескольких часов вся ртуть должна была отделиться от золота и собраться в приемнике.

Но эксперты не стали ждать конца этой операции, собираясь прийи еще раз, чтобы посмотреть, когда будут взвешивать полученное золото. Они перешли в котельное отделение фабрики, где воздух был чище, а шум бегунов, возобновивших свою работу, слышен слабее. Но зато, несмотря на настежь открытые двери и окна, температура напоминала жарко натопленную баню.

— Ого,— сказал Грошев,— тут у вас не прозябнешь.

Репиков объяснил, что котлы уже старые, жрут

массу дров и дают мало работы; но хозяин не желает менять их до выяснения судьбы рудника.

— Так и запишем,— заметил инженер,— котлы негодные, на слом.

— Ну, зачем же? — вступился Михаил Петрович.— Все-таки, худо ли, хорошо ли, а работают. А вы сейчас — на слом.

— А позвольте спросить, оба котла у вас постоянно в работе?

— В последние годы нет, они работают по очереди. Добыча руды была сокращена, из бегунов действовали одна-две пары, и в обоих котлах надобности не было.

— Вот то-то же. А если оба будут беспрерывно работать, их хватит не надолго.

Борк с Мариной Львовной несколько отстали от остальной компании. Пузикова, вся раскрасневшаяся от жары, слушала, как англичанин объяснял ей азбуку парового хозяйства, а затем спросила с наивным видом:

— Не правда ли, Яков Григорьевич, наша фабрика в отличном состоянии и образцово устроена? Мой муж ее ужасно любит и все время отдает ей.

Борк, уже заметивший кое-какие крупные дефекты и в машинной, и в котельной, был немного смущен этим вопросом, но удачно вывернулся:

— О, да! Принимая во внимание отдаленную местность и старую систему обработки руды, можно сказать, что фабрика организована недурно.

Марина Львовна бросила ему благодарный взгляд из-под полуопущенных век, обрамленных темными, длинными ресницами. Поймав этот взгляд, Борк продолжал:

— Вы, должно быть, очень любите своего супруга и гордитесь им как инженером?

Молодая женщина сразу сообразила, что от удачного ответа на деликатный вопрос зависит дальнейшее поведение главного эксперта. Она чувствовала, что уже произвела на Борка хорошее впечатление и что нужно поощрить его на более серьезный флирт.

— Видите ли, Яков Григорьевич,— ответила она с смущенной улыбкой,— мне неловко говорить это, но я лгать не умею. Я уважаю Михаила Петровича как хорошего человека и работника, но совсем не увлечена им как своим мужем. О хорошей же постановке

дела на фабрике я слышала от управляющего; сама ничего не понимаю и поэтому и спросила ваше мнение как компетентного человека.

«Если он не совсем дурак,— подумала Марина Львовна,— он должен теперь понять, что за мной можно ухаживать».

Англичанин, конечно, был не совсем дурак и к тому же — любитель красивых женщин. Он сообразил, что в этой глуши скучно; работу можно будет скрасить флиртом с очаровательной дамой. Поэтому он сейчас же повел разговор на такую тему, где можно было касаться чувства, и стал расспрашивать Марину Львовну о ее жизни до замужества. На случай таких вопросов у Пузиковой была уже придумана история, несколько несогласная с прозой действительности, но зато возбуждавшая сочувствие в собеседнике.

Из котельной перешли в лабораторию, где производились пробы руды; здесь столы были заставлены стеклянными приборами, склянками с разными реактивами, а на стене красовалась большая таблица химической системы Менделеева, которую Пузиков изготовил специально ради гостей, чтобы произвести на них впечатление. Но Грошев и Фернер обратили внимание не на эту таблицу, а на то, что лабораторию трудно было изолировать от фабрики. Между тем экспертам необходимо было помещение совершенно обособленное, которое можно было бы запирать и окарауливать. Михаилу Петровичу, наоборот, обособленное помещение очень затруднило бы проведение некоторых задуманных им планов. Он горячо убеждал экспертов, что лаборатория великолепно расположена, что она в их полном распоряжении и что в другом помещении им будет несравненно хуже. Но его доводы не помогли, и Грошев заявил прямо, что если другое помещение не найдется, то они будут посылать контрольные пробы на Урал, что сильно затянет экспертизу.

Только после этого Пузиков повел посетителей в отдельный домик, стоявший против фабрики, где у него помещался склад посуды, реактивов, ртути, медных листов. Эксперты нашли, что в двух комнатах домика можно будет устроиться недурно.

Пока обсуждали, что и как устроить, Марина Львовна простилась с экспертами и ушла домой. В

этот день Пузиков, как хозяин фабрики, угощал экспертов обедом, и его жене нужно было переодеться и приготовить стол.

II

Через час то же общество, штейгер и становой с дамами собрались в маленькой квартире химика, состоявшей из трех комнат — кабинета, заменявшего и гостиную, столовой и спальни. Все помылись, переоделись и были в веселом настроении.

Хозяйка, одетая в белое кружевное платье с глубоко вырезанным на спине и груди лифом и с короткими рукавами, была очаровательна и старалась обворожить всех мужчин. Даже застенчивый в обществе становой смотрел на нее с восхищением, тем более, что она разрешила ему прийти в блузе.

Его дочь, застенчивая, милая блондинка Надежда Поликарповна, была очень похожа на свою сестру Анну, жену штейгера, но только последняя была темнее и приобрела уже солидность семейной женщины. Обе были одеты почти одинаково и довольно просто, потому что давно не были в городе и шили свои наряды сами.

Сам хозяин и Фернер замешкались в лаборатории, и за ними пришлось посылать. Михаил Петрович получил за это публичную головомойку от супруги, боявшейся за свой обед.

Места за обеденным столом Марина Львовна распределила сообразно своим планам: у своего конца она справа посадила англичанина, а слева станового, который не мог помешать ей ухаживать за главным экспертом; с другой стороны, рядом с Борком, она посадила Надежду Поликарповну, тогда как Лидия Николаевна очутилась подальше от хозяйки, между Грошевым и Фернером, которые должны были всецело занять ее внимание.

Перед обедом была предложена закуска у отдельного столика с батареей бутылок различной формы и разнообразного содержания. Хотя эксперты и отказывались, ссылаясь на то, что рабочий день еще не кончен и им нужно сохранить свежесть голов, но хозяйка была так очаровательна и просила так убедительно,

что уговорила всех. Михаил Петрович, несмотря на внушения своей супруги, сделанные еще утром, счел долгом, как хозяин, чокаться и пить со всеми, так что сел за стол уже сильно подогретый. Марина Львовна с тревогой следила за ним, опасаясь, что он, очень запальчивый в нетрезвом виде, сцепится с Грошевым вместо того, чтобы, согласно программе, ухаживать за ним. К счастью, Пузиков сейчас же заспорил с управляющим о достоинствах разных водок, и занимать Грошева пришлось Лидии Николаевне, что ненаходчивой девушке было очень трудно.

Зато Марина Львовна отлично занимала Борка, смотревшего на нее внимательными и уже немного влюбленными глазами. Англичанин, человек бывалый и незастенчивый, только немного чопорный с малознакомыми людьми, легко поддерживал разговор, обращаясь не только к хозяйке, но и к Надежде Поликарповне, так что к концу обеда очаровал простенькую дочь станового.

Перед сладким, мороженым из облепихи, которым хозяйка думала удивить гостей, конечно, подали шампанское. Михаил Петрович, получивший соответственное наставление, поднялся и сказал немного заплетающимся языком:

— Господа! Вчера я заметил, что многочисленные тосты утомляют наших дорогих гостей. Сегодня они нарушили бы веселую беседу, которая, к удовольствию хозяев, ведется за этим столом. Поэтому я предлагаю ограничиться только одним тостом — за здоровье господ экспертов и успех их трудов. Ура!

Тост и предложение были встречены общим сочувствием. Но, конечно, гости не могли промолчать, и Борк, попросив слова у хозяйки, поднялся с бокалом и сказал:

— Вполне разделяя мнение Михаила Петровича относительно тостов, я не намерен предлагать таковые ни за хозяина дома, хотя это невежливо, ни за других наших хозяев, ни за благоденствие их рудника и фабрики, а в виде исключения предложу выпить за здоровье очаровательной хозяйки и остальных прелестных дам, украшающих нашу трапезу. И я уверен, что мое предложение будет принято более восторженно, чем предыдущее.

Дамы действительно были восхищены этой любез-

ностью, и все чокнулись с англичанином, а хозяйка позволила ему даже поцеловать свою ручку.

Немного погодя Николай Константинович, очень любивший произносить витиеватые речи, постучал по своему стакану, встал и уже произнес: «Милостивые...», но единодушный протест заставил его умолкнуть. Он опустился на стул, немного обиженный, расправляя свои пышные баки, и, нагнувшись к Пузикову, тихо спросил:

— Что за новую моду вы придумали, Михаил Петрович? Парадный обед — и без речей, это неслыханно!

— Таков приказ начальства, Николай Константинович.

— Какого начальства? Я ведь...

— Мое ближайшее начальство — Марина Львовна. И в таких делах я всецело повинуюсь ей, она это тонко понимает.

Репиков повел плечами и удивленно взглянул на хозяйку, которая оживленно, слегка раскрасневшись, беседовала с наклонившимся к ней Борком.

«Пожалуй, она права,— подумал управляющий.— Этого эксперта она, во всяком случае, обработает, а тосты помешали бы ей, несомненно».

Гости не засиделись; они хотели еще присутствовать при взвешивании золота, полученного из амальгамы, а затем осмотреть контору, амбары и конный двор. Они простились с хозяйкой и в сопровождении Михаила Петровича и Репикова ушли на фабрику.

III

Так как в конторе рудника не нашлось геологической карты окрестностей, а управляющий и штейгер не могли дать никаких указаний и вообще не имели представления о значении геологии для рудного дела, то следующие дни Борк и Грошев занялись обследованием окрестностей рудника. Они облазили все гребни и сопки на версту в окружности, уходили утром с завтраком в кармане и возвращались только под вечер. В первый раз их сопровождал Бубнов, знакомивший их с местностью, но потом они ходили уже одни и брали с собой только китайца в качестве носильщи-

ка. Таким образом, парадные обеды, на которые рассчитывал Репиков, пришлось заменить ужинами. На них неизменно присутствовали Пузиков и Бубнов с женами; Марину Львовну сажали рядом с Борком, тогда как Грошев имел в качестве соседки Лидию Николаевну; Фернеру приходилось довольствоваться обществом жены штейгера. Но эксперты, вопреки желанию хозяина, не засиживались за ужином и под предлогом усталости после дневной работы скоро уходили к себе. Впрочем, увлечение англичанина Мариной Львовной делало явные успехи. Борк не раз выражал сожаление, что спешность работы не позволяет ему проводить больше времени в ее обществе.

Ретивость экспертов приводила Репикова в смущение; он начал сомневаться в успехе всех мер, предпринятых с целью показать товар лицом.

— Я особенно боюсь Грошева,— заявил на совещании сотрудников Михаил Петрович.— Борк, очевидно, увлекся моей женой, и она сможет повлиять на него. Но Лидия Николаевна мало подвинулась в отношении Грошева. За столом, когда она бывает его соседкой, она больше молчит, чем разговаривает.

— Да, она у меня не из бойких,— согласился Репиков.

Результатом этой беседы было то, что Репиков обратил внимание своей дочери на успех ухаживания жены химика.

— Но я вовсе не желаю подражать ей! — возмутилась Лидия.— Она чуть ли не вешается на шею англичанину.

— Марина Львовна, может быть, немного пересаливает, но очаровательна, и Борк, например, при осмотре фабрики больше интересовался своей спутницей, чем рудой, машинами и золотом.

— Да разве это хорошо, папочка, отвлекать экспертов от их обязанностей, мешать им делать наблюдения?

Репиков немного смутился; он не посвятил свою дочь в детали «плана кампании», и она не знала, что все должны по мере сил и возможностей помогать продаже рудника.

— Это не значит мешать им,— нашелся Николай Константинович.— Они будут еще изучать фабрику и рудник без нашего участия. Но важно поддерживать в

них хорошее расположение духа, развлекать их, чтобы они не придирались к мелочам. И тебе следовало бы быть более внимательной и любезной со своим соседом, а ты часто имеешь такой вид, точно недовольна их приездом.

— Если так, я постараюсь, папочка. Но только кокетничать я совсем не умею.

Через несколько дней, когда Борк и Грошев закончили изучение окрестностей, а Фернер почти наладил свою лабораторию, был назначен общий осмотр рудника. За утренним чаем Лидия Николаевна угостила экспертов особенно вкусными пирожками и очень старалась быть любезной.

За чаем, кроме экспертов, присутствовал и Василий Михайлович, дававший разъяснения и облегчавший Лидии Николаевне ее трудную роль. Но молодая хозяйка была рада появлению Марины Львовны, которая впорхнула в сопровождении своего мужа, уже одетая для обхода рудника: она была в мужских сапогах, нешироких шароварах и легкой облегающей блузке; это был костюм, в котором она обыкновенно ездила на прогулку верхом, но в руднике поверх блузы можно было еще надеть брезентовую куртку. Маленькая красная шелковая дорожная шапочка удивительно шла к лицу Марины Львовны.

Борк рассыпался в комплиментах по поводу этого костюма, в котором красивое телосложение молодой женщины выделялось особенно ярко.

Звонко поцеловавшись с хозяйкой, Марина Львовна не отказалась от кофе и пирожков и не преминула восторженно похвалить их, рекомендуя экспертам особенно пирожки с вареньем, как специальность хозяйки. С появлением милой болтуньи разговор сделался очень оживленным, и время летело незаметно, пока наконец Грошев не заявил:

— Николай Константинович, если вы не желаете, чтобы мы опоздали к обеду, то разрешите нам отправиться!

— Экипажи уже поданы! — сказал Репиков, вставая из-за стола.

Фернеру в руднике нечего было делать, и он пошел с химиком устраивать свою лабораторию. Грошев и Борк на минуту удалились, чтобы надеть рудничные сапоги и непромокаемые куртки. Для Марины Львов-

ны принесли новую куртку из амбара, выбрав самую маленькую, но все-таки она потонула в ней до колен и кончиков пальцев.

— Все ваши прелести теперь скрылись от наших глаз,— тихо сказал ей Борк, помогая застегивать куртку.

— Потерпите, вы опять увидите их за обедом.

В осмотре рудника захотела принять участие и Лидия Николаевна. Она также надела мужской костюм, так как ходить в юбке по узким ходам и лестницам было неудобно и небезопасно. Но ее костюм не был очарователен: широкие шаровары, большие сапоги и мужская вышитая рубашка не делали девушку более грациозной. К ее рослой фигуре с широкими бедрами, полной грудью и большими ногами гораздо больше шло женское платье. Когда она, переодетая, вышла к экспертам, ожидавшим на крыльце, Грошев даже поморщился,— его эстетическое чувство было оскорблено.

Поданы были две трехшпанки и сидейка, украшенные коврами и запряженные лучшими лошадьми, в гривы которых были вплетены разноцветные ленты, а челки подвязаны султанами; кучера надели бархатные безрукавки поверх красных кумачовых рубах. Грошев при виде этого парада ядовито улыбнулся и тихо сказал что-то по-английски Борку, который засмеялся, ответив:

— Very charming, my dear!

В одну трехшпанку сел Борк с Мариной Львовной, в другую — Грошев с Лидией Николаевной, а штейгер и управляющий поместились в сидейке. Экипажи понеслись во всю прыть по стану. В конце улицы свернули с тракта вправо и поехали по дороге к руднику, сильно избитой таратайками, возившими руду на фабрику. Так как тряская трехшпанка сильно подскакивала на ухабах и камнях, Борк любезно обнял свою спутницу, чтобы она не вылетела из экипажа.

В километре от стана въехали в устье небольшой долины, в верховьях которой находился рудник; подъем сделался круче, и лошади замедлили ход. Дорога шла по мелкому березняку, объеденному пасшимся скотом рабочих. С обеих сторон поднимались крутые склоны гор; на них кое-где чернели разведочные канавы и белели глыбы кварца. Вблизи дороги попада-

лись старые шурфы, затопленные водой, сквозь которую виднелись бревна крепи, покрытые зеленой слизью.

Но вот впереди показались огромный серый отвал и убогое здание рудничной конторки, где находился дежурный нарядчик, отпускавший таратайки с рудой, отмечавший вход и выход рабочих. Экипажи подкатили к крыльцу. Все вышли и направились к черневшему над отвалом устью главной Павловской штольни; на отвале прошли мимо будочки, в которой сидел дежурный казак, обыскивавший выходивших рабочих.

Кузьмин с пуком стеариновых свечей встретил посетителей у устья штольни. Из ее черного отверстия пахнуло холодом и сыростью. Середину полотна занимал узкий рельсовый путь для вагончиков, вывозивших руду, по бокам оставалось только небольшое пространство; приходилось идти друг за другом между рельсами, шагая по шпалам, между которыми были довольно глубокие впадины, выдавленные ногами откатчиков. Первые сто шагов было еще достаточно светло, но потом мрак стал сгущаться. Остановились и зажгли свечи.

Все вытянулись гуськом, со свечами в руках, словно процессия в склепе. Желтый свет свечей еще боролся с белым дневным, проникавшим из устья. После жаркого июльского утра в штольне сразу показалось довольно холодно и сыро, как в погребе; на крепях блестели кристаллы изморози, а почва между шпалами была мерзлая...

Но вот штольня круто повернула влево, и последние отблески дневного света угасли. Процессия начала растягиваться: привычный Василий Михайлович шагал впереди быстро, Николай Константинович уже отставал от него, а эксперты и дамы, не знакомые с дорогой, замедлили шаг, то спотыкаясь на шпалах, то скользя в ямах между ними. Хотя штольня была достаточно высока, но все шли, немного согнувшись, опасаясь стукнуться головой о крепь. Колеблющееся пламя свечей бросало странные тени; шедший впереди закрывал своим телом свечу, и его тень то двигалась по потолку, то перескакивала на стены. Все молчали, и только шаги гулко отдавались в мертвой тишине подземного мира.

Вскоре штольня вышла из разрушенной и разрых-

ленной породы поверхности склона горы и врезалась в крепкую породу ее недр; крепь прекратилась, галерея сделалась выше и шире, но более мрачной. Свет уже не отражался от влажной крепи, а поглощался темными и неровными массами камня, стоявшими с обоих боков и нависавшими сверху. Непривычному глазу казалось, что вот-вот рухнет на голову выдавшаяся из потолка глыба; некоторые глыбы торчали из стен, у подножия которых по сторонам рельсового пути то лежали кучи обломков, то стояла лужами грязная вода.

Грошев поднял на ходу свою свечу к своду штольни, где среди массы черного неправильно-слоистого камня белела, словно ленточка, тонкая жилка известкового шпата; при приближении огня кристаллы его заблестели, словно алмазы.

— Видите, Марина Львовна, как красиво,— сказал шедший сзади Борк, наклоняясь к уху молодой женщины.— В подземном мире много интересного.

— Я только один раз была в руднике с мужем, который сам боялся и меня все пугал. Поэтому я не знаю подземного мира, и вы указывайте мне, на что обращать внимание. С вами я не боюсь.

Немного дальше передовые остановились; штейгер показывал Грошеву ненадежное место, где штольня пересекала на протяжении нескольких метров полосу породы, совершенно передавленной при движениях каменных масс. Крепкий сланец, стоявший рядом без крепей целые годы, здесь был превращен в черную, мягкую массу, которую можно было ковырять пальцем. Из него капала, сочилась вода, отражавшая искрами огни свечей; штольня была здесь закреплена особенно прочно, потому что рыхлая масса садилась и давила.

За этим опасным местом опять пошла прочная порода, но кое-где видны были пояса такого же раздробления, впрочем, очень узкие, в несколько сантиметров и потому не закрепленные; среди давленой массы обыкновенно белели ленточки шпата, и из нее всегда капала вода. Приходилось остерегаться, чтобы капля не попала в огонь, так как свеча сейчас же начинала трещать, гасла, и разжечь ее вновь было трудно.

Но вот далеко впереди среди мрака показался желтый огонек и послышался глухой гул.

— Вагончик едет,— объяснил Василий Михайлович.— Нужно посторониться, господа, и стать к самой стенке, чтобы не задело.

Огонек быстро приближался и гул усиливался. Штейгер крикнул:

— Эй, ходя, тише кати, люди есть!

Все сошли с рельс, выстроились, кто справа, кто слева прижавшись к влажной стенке. С гулом вагончик пробежал мимо; на его передней стенке была прицеплена свеча, освещавшая путь и служившая сигналом для встречных; сзади в темноте шел рабочий китаец, нагнувшись, упираясь руками в вагончик, а ногами в шпалы. Он знал уже наизусть все неровности дороги, все повороты штольни, и свеча нужна была ему только на случай схода вагончика с рельс, что бывало нередко ввиду изношенности давно не ремонтированного пути.

Шествие возобновилось. В одном месте пришлось прятать свечи под полы курток, потому что со свода лились целые струйки из пояса раздавленной породы; вблизи нее неровная поверхность утеса, постоянно обрызгиваемого водой, блестела, словно покрытая лаком.

Но вот штольня начала вилять крутыми изгибами то вправо, то влево.

— Это что такое? — изумился Грошев.— Что за удивительные повороты?

— А видите ли,— объяснил управляющий,— прежде у нас не было маркшейдера; эту штольню вели с двух сторон навстречу, от устья и от гезенка. Мы сходились по стуку и при этом повиляли немного.

Грошев и Борк переглянулись с улыбкой. Сколько лишней работы и денег было затрачено на эти изгибы, портившие главную штольню рудника.

— А это что за выработки? — спросил Грошев, указывая на черневшие справа и слева боковые галереи, отходившие от штольни.

— Это квершлаги, которыми искали потерянное продолжение жилы за главным сбросом,— ответил Василий Михайлович.

— И не нашли, очевидно?

— Не нашли, потому что остановили их слишком рано.

При этом заявлении штейгера Репиков почувство-

вал себя неловко, потому что эти поиски были остановлены по его распоряжению из-за экономии, которую нагоняли последние годы во всем.

Еще один поворот, и штольня уперлась в какую-то крепь и кончилась. Здесь стоял вагончик под устьем люка, через который ссыпалась руда.

— Это гезенк N 2,— объяснил Василий Михайлович.— По нему нужно лезть вверх, но берегите головы, господа, местами очень низко.

Гезенк круто шел вверх, и подниматься приходилось по простым лестницам-стремянкам из одного отделения в другое, местами протискиваясь между балками крепи. Одолев одну лестницу, нужно было вылезать через узкий люк на помост и переходить к следующей. От ног рабочих, прошедших здесь бесчисленное множество раз, ступени покрылись липкой грязью и были скользки; у поднимавшихся одна рука была занята свечой, а другой нужно было хвататься за эти ступени и осторожно переставлять ноги, чтобы не оступиться и не полететь на два—четыре метра вниз. Все лезли молча, сосредоточенно, и слышны были только шуршание ног и учащенное дыхание. После пятой лестницы сделали передышку. Здесь открывался в одну сторону штрек — горизонтальная галерея, шедшая вдоль жилы. Между темными массами породы тут местами еще уцелели глыбы белого кварца.

Столпившись в устье штрека вокруг штейгера, развернувшего план рудника, эксперты задавали вопросы и узнали, что на этом горизонте жила оказалась тонкой и недостаточно богатой, почему хозяин не велел развивать работы. Здесь все остановлено, а добыча руды сосредоточена в других частях рудника.

Полезли дальше и одолели еще пять лестниц, таких же скверных. Грошев сказал Борку по-английски, что гезенк устроен отвратительно и вместе с тем неэкономно, заложено много лишних крепей, только стесняющих проход.

Конец его слов был заглушен грохотом, внезапно раздавшимся где-то рядом, за дощатой стеной, вдоль которой шли лестницы. Дамы вскрикнули от неожиданности.

— Это спускают руду сверху, через люк, в вагончик, который мы видели в штольне,— успокоил их Грошев.

— Пока я не вижу особых прелестей в подземном мире,— сказала Марина Львовна Борку, остановившемуся возле нее перед последней лестницей.— Темно, тесно, грязно. Хорошо, что я надела перчатки, а то бы пришлось хвататься голыми руками за эти грязные ступени.

— Подождите, Марина Львовна,— успокаивал Борк.— Имейте терпение. Под землей, конечно, не салон для прогулки, но интересного много.

— И вы находите, что наш рудник заслуживает внимания, устроен хорошо?

— Я еще слишком мало видел его, чтобы высказать свое мнение. Главное — работы по жиле — ведь еще впереди.

IV

Мучительный подъем, утомивший всех, наконец кончился. Посетители направились теперь по штреку второго этажа. Горизонтальная, довольно узкая галерея была сплошь закреплена, потому что выше и ниже ее кварцевая жила была уже выработана и оставшаяся после нее пустота заложена глыбами пустой породы и обрубками крепей. Штрек был низкий, приходилось идти согнувшись; с крепи местами сочилась вода и висела на бревнах каплями, сверкавшими, точно алмазы; пахло гнилью, по стенкам грязно-белыми пятнами раскинулась плесень.

В конце штрека могильная тишина, царствовавшая в осмотренной части рудника, уже нарушалась различными звуками: слышались глухие голоса, скрежет лопат, стук кайл, удары тяжелого молота.

— Вот здесь богатый забой! — заявил штейгер, указывая на черную дыру, открывшуюся справа над головами.

— Надо посмотреть его,— сказал Грошев.

— Только осторожно, тут и скользко, и грязно, и низко! — предупредил Бубнов.

Поднялись в дыру по лестнице, но дальше нужно было карабкаться круто вверх, согнувшись, почти на четвереньках, прямо по неровной поверхности камня — лежачему боку жилы,— скользя по черной глине ее оторочки, хватаясь за столбики, поставленные для

поддержки нависшей породы висячего бока, и протискиваясь между ними. Вверху виднелся тусклый красноватый свет.

Этот неудобный ход,— «седьмой восстающий», назвал его штейгер,— оканчивался вверху тупиком, упираясь в стенку белого кварца, представлявшую не вынутую еще часть жилы, около метра вышиной. Кварц тускло блестел при свете свечей и был испещрен черными гнездами — включениями боковой породы — и ржаво-желтыми пятнами и подтеками охры. У подножия стенки, скорчившись, словно гномы, сидели два китайца; свечу они подвесили к ближайшему столбику, и она слабо освещала их работу. Один держал обеими руками бур — кусок круглого железа с стальным острием, а другой ударял тяжелым молотом по этому буру; после каждого удара первый немного поворачивал бур вокруг его оси. Так, удар за ударом, бур въедался в твердый кварц и долбил цилиндрическую дыру для динамитного патрона, который должен был раздробить часть жилы на куски. Время от времени бурильщик вынимал бур и выскабливал круглой железной ложечкой, прикрепленной к проволоке, скопившуюся буровую муку в виде белого кварцевого порошка.

Китайцы были в грубой парусиновой одежде, совершенно черной от грязи; головы у них были обвязаны по-бабьи грязными платками, скрывавшими подвернутую косу; плоские лица с выдающимися скулами и косыми глазами также были покрыты слоем грязи.

Когда посетители насмотрелись на работу бурильщиков, Василий Михайлович крикнул им:

— Эй, ходя, погоди, смотреть надо!

Китайцы отстранились от забоя, и штейгер, осветив жилу, показал экспертам и дамам тоненькую желтую полоску, шедшую прерывисто вдоль жилы и похожую по цвету на горчицу.

— Вот это самое богатое место,— сказал он.— Отдельные пробы дают больше фунта золота, которое часто видно простому глазу.

Он указал пальцем на маленькое ярко-желтое зерно, тускло блестевшее среди белого кварца.

Грошев отметил в записной книжке положение этого богатого забоя, который нужно было осмотреть подробнее и взять пробу.

— Теперь обратно в штрек! — сказал Василий Михайлович.— Но советую съехать на собственных салазках, держась за подпорки.

Дамы смущенно засмеялись. Но штейгер не шутил. Чтобы спуститься вниз по крутому и скользкому скату, нужно было или пятиться, нащупывая ногой выступы, или же сесть и съезжать вниз, хватаясь за встречные столбики, чтобы не раскатиться слишком быстро. Штейгер подал пример, и все, один за другим, съехали благополучно, испачкав только свои штаны на грязном скате в несколько метров длиной.

— Ну, вот видите, летом, а на салазках прокатились! — пошутил Борк, принимая Марину Львовну у начала лестницы в свои объятия и ставя на ноги.

— Интересно, но жутко было! — сказала Марина Львовна.— Ехать вниз, в черную бездну, в одной руке свечка, точно ведьма по трубе. Но воображаю, как я теперь хороша сзади!

Вернувшись в штрек, пошли дальше. У следующей подобной же дыры стоял вагончик, в который скатывалась руда, добытая в жиле,— глыбы и осколки того же кварца. Этот забой не стали осматривать, как и пять следующих, где, по словам штейгера, везде шло хорошее золото.

По мере приближения к концу штрека оттуда все явственнее доносился шум, по временам смолкавший.

— Это работает наш единственный перфоратор,— пояснил Николай Константинович.

— Почему же единственный? — поинтересовался Грошев.

— Не успели еще завести, хозяин скупится.

— Но ведь они не так дорого стоят.

— Сам-то недорого, но нужно ставить компрессор или большую электрическую станцию. А нашей маленькой машине только один перфоратор и под силу. И то, когда он работает, лампы почти гаснут от недостатка энергии.

Штрек вдруг кончился тупиком, уперся в неровную стену породы. Эксперты вскрикнули от изумления: до сих пор он шел по достаточно толстой жиле, и вдруг конец.

— Это большой сброс,— сказал управляющий.

— Здесь жила оборвана вот по этой трещине,— штейгер показал на узкую полосу раздробленной и

смятой породы в потолке штрека недалеко от его конца.— Жила оборвана и передвинута на десять сажен в сторону. Мы теперь ведем квершлаг за сбросом в сторону жилы, чтобы соединить в этом этаже работы обоих склонов горы.

Действительно, влево от конца штрека под прямым углом шла другая галерея; это и был квершлаг, то есть поперечный штрек, в котором работал перфоратор, чтобы пробиться через сплошную пустую породу опять на сброшенную часть золотоносной жилы. Перед забоем квершлага стояла неуклюжая машина, состоявшая из нескольких закрытых коробок; из одной коробки высовывался, словно жало, длинный бур, направленный в забой. Машину можно было поднимать выше и ниже, передвигать влево и вправо, наклонять вверх и вниз, так что жало могло вонзаться в камень на любом месте и под любым углом. Обслуживавшие перфоратор машинист и его помощник только что переменили притупившийся бур на свежий, когда к ним подошли посетители. Грошев объяснил дамам устройство машины и предупредил:

— Он страшно стучит, и нервные люди не могут долго слушать эту адскую музыку.

Машинист улыбнулся и, повернув какую-то рукоятку, замкнул электрический ток. Немедленно бур пришел в движение и начал бить по камню, делая сотню ударов в минуту; его острие быстро вонзалось в твердый камень все глубже и глубже, высверливая скважину, из которой сыпалась белая буровая мука и вылетали искры.

Борк нагнулся к уху Марины Львовны и крикнул:

— Как вам нравится эта адская машина?

Но она ничего не расслышала и, смеясь, трясла головой.

К счастью, перфоратор скоро остановили, машинист осадил бур назад, и его помощник начал вычищать из скважины накопившуюся муку. В течение нескольких минут работы бур врезался в камень на десять сантиметров.

— Эта машина заменяет двадцать бурильщиков,— объяснил Грошев.— За то время, что два человека вручную, как мы видели в восьмой восстающей, сделают одну скважину, перфоратор сделает их десять, а

его обслуживают также два человека, так что производительность труда возрастает в десять раз.

— Но как работающие при этой стучалке могут выдерживать ее шум? — спросила Марина Львовна.

— К чему человек не привыкает! Затыкают уши ватой. Пожалуй, вреднее каменная пыль, вылетающая из скважины.

— Теперь нам нужно подняться выше, чтобы перейти в главные работы за сбросом,— предложил штейгер.— Впрочем, они главные по прежним размерам жилы, но не по своему нынешнему развитию.

— Почему же это так?

— Потому что осталось уже мало руды в разведанной части жилы.

— А почему не разведывали глубже?

— Хозяин не дает денег на разведку.

— А как туда перебраться?

— Скоро, недели через две-три, стучалка пробьет прямой ход. А пока нужно лезть по первой восстающей.

Прошли немного назад и начали подниматься по ряду лестниц, как и в гезенке. Но здесь лестницы были в лучшем состоянии, и над каждой тускло горела электрическая лампочка. Поднявшись на пять лестниц, посетители очутились на двадцать метров выше по жиле, в следующем этаже повернули по этажному штреку, прошли опять до большого сброса и за ним по узкому квершлагу вышли в главную, старую часть рудника.

Но и в этой части, как и в новой, большого оживления не было. Добыча руды шла еще глубже, ниже по жиле, а верхние этажи давно уже были выработаны, и здесь было тихо, темно и пусто. Только один наклонный гезенк, служивший для спуска вниз, к работавшейся еще части жилы, был оборудован лестницами и освещен.

Теперь нужно было спускаться на целых шестьдесят метров, одолеть пятнадцать лестниц и столько же люков. Всем надоело переставлять ногу за ногу вниз, нащупывая следующую ступень, пролезать в люки и держать свечу.

— Неужели придется лезть еще назад по этим бесконечным лестницам? — в ужасе спросила Марина Львовна, когда все остановились отдохнуть после десятой.— У меня руки и ноги уже не действуют.

— Нет, мы выйдем через шахту, а там только пять лестниц,— успокоил ее Николай Константинович.

— Как я жалею вас, Яков Григорьевич,— обратилась молодая женщина к Борку,— что вам ежедневно придется проделывать это утомительное путешествие!

— Что же делать, Марина Львовна, такова наша служба. Кроме того, лазить придется обыкновенно не мне, а Ивану Петровичу, рудник больше по его части.

— А вы что же будете делать?

— Я буду изучать работу фабрики в натуре и по старым книгам и отчетам, осматривать амбары, конный двор, постройки.

— Ну, это все-таки легче и интереснее.

— Легче — может быть, но не интереснее. В подземных работах много интересного, нужно только привыкнуть лазить по лестницам. Вас нужно сводить в брошенную часть рудника, там вы увидите настоящую красоту подземного мира.

— А вы туда собираетесь?

— Непременно, мы должны осмотреть все, пролезть всюду, где только можно.

— Тогда вы и меня возьмете с собой, обещаете?

— Охотно обещаю.

— Но только не завтра! Завтра я не буду в состоянии шевельнуть ни рукой, ни ногой после этой прогулки.

— Завтра мы и не собираемся. Только когда Иван Петрович подробно изучит новые работы, мы полезем в старые.

Наконец, одолели и последние пять лестниц и очутились в штреке, который вел к шахте западного склона горы. Вниз от этого штрека по жиле работали еще на тридцать метров, тогда как вверх руды уже почти не осталось. В штреке посетителей встретил дежурный нарядчик и сказал штейгеру:

— Василий Михайлович, с нижних горизонтов народ уже ушел обедать. Там сейчас палить будут; пожалуй, не успеете спуститься.

— Мы немного запоздали, господа,— обратился Бубнов к экспертам.— Если непременно хотите спуститься в нижние забои, нужно остановить пальбу. В буровые скважины уже заложены динамитные патроны и их собираются взрывать,— пояснил он, обраща-

ясь к дамам.— Это делается всегда во время перерыва, когда рабочие уйдут.

— Я думаю, не стоит задерживать пальбу, а? — спросил Борк.

— Да, мы эти горизонты увидим в другой раз,— согласился Грошев.— А сейчас наши спутницы слишком утомились, не правда ли? — спросил он с улыбкой Марину Львовну.

— Ну, еще бы! — ответила она со вздохом.

— Значит, можно палить? — спросил нарядчик.

— Валяйте, а мы послушаем.

— Разве можно оставаться здесь, когда начнутся взрывы? — спросила Пузикова в ужасе.

— Здесь-то можно, палить будут на пять или десять сажен ниже,— успокоил штейгер.— А сколько шнуров будет? — обратился он к нарядчику.

— Три забоя. В одном пять, в другом восемь и в третьем три шнура, всего шестнадцать.

— Ну, запаливайте!

Нарядчик исчез в люке лестницы, уходившей вглубь. Посетители, по совету штейгера, отошли на несколько шагов в сторону от этого люка и остановились в штреке в ожидании. Управляющий и Бубнов развернули план рудника и показывали Грошеву, в каких горизонтах идет сейчас работа и где будут взрывы. Марина Львовна и Борк присели на кучу крепей, наваленных вдоль стенки штрека, а Лидия Николаевна прислонилась к крепи немного в стороне от них, разговаривая с маркшейдером.

Прошло минут пять в напряженном ожидании. И вот где-то внизу и довольно далеко глухо прозвучало «бум», и легкий порыв ветра пронесся по штреку, колебля пламя свечей. Через секунду бухнуло опять и потом еще и еще. Штейгер громко считал взрывы. После восьмого все стихло.

— Это самые дальние, в пятнадцатом горизонте,— пояснил Бубнов.— Там нужно было подорвать...

Он не успел кончить фразу, так как бухнуло уже гораздо ближе и так сильно, что все невольно вздрогнули. Воздух метнулся по штреку так стремительно, что задул все свечи, кроме одной, которую Кузьмин успел закрыть рукой. За первым взрывом последовали еще два.

— В десятом кончилось,— заявил Василий Михай-

лович.— Не стоит зажигать свечи,— прибавил он, заметив, что Лидия Николаевна протянула свою свечу к маркшейдеру,— все равно опять потушит, в пятом будет еще сильнее.

— Мне становится страшно,— прошептала Марина Львовна, хватаясь за руку Борка,— ведь и нас может взорвать.

— Или штрек обрушится на нас от сотрясения,— раздался иронический голос Грошева,— нужно спасаться, пока...

Совсем близкий удар прервал его слова. Зазвенело в ушах. По штреку пронесся порыв урагана, и последняя свеча потухла. Воцарился полный мрак, так как электрические лампочки на время обеденного перерыва тоже были потушены.

Марина Львовна вскрикнула и хотела вскочить, но чья-то сильная рука охватила ее стан, к ее щеке прижалась бритая щека, и ее губы, пытавшиеся протестовать, были зажаты поцелуем, на который она бессознательно ответила. Раз за разом прогремели еще четыре взрыва.

— Кончено! — раздался голос Бубнова.

Послышалось чирканье спички. Когда вспыхнул огонек и одна за другой начали зажигаться свечи, Марина Львовна протянула и свою Борку. Ее лицо горело от волнения. Лидия Николаевна пристально посмотрела на нсе и усмехнулась: она что-то слышала в темноте.

Направились дальше по штреку и вскоре очутились у шахты, по которой руда, добытая в этой части рудника, поднималась на поверхность. Шахта была старая, тесная, грязная, и ремонт, произведенный ради экспертизы, не мог ее существенно улучшить, а только подлечил некоторые изъяны. Вытертые ступени лестниц, сгнившие доски были заменены новыми, грязь и многолетний сор удалены. Но светлые заплаты на темном фоне еще резче оттеняли ветхость всего сооружения.

По шахте поднимались медленно, потому что дамы устали; пришлось одолеть пять лестниц, чтобы наконец очутиться на поверхности земли. После многочасового пребывания под землей при слабом свете свечей сияние яркого солнечного дня ослепило всех и заставило жмурить глаза.

— Уф! — облегченно вздохнула Марина Львовна, выходя из шахты.— Все-таки наверху куда лучше, чем под землей.

— Никто не станет спорить! — подтвердил Репиков.

— Нет, я буду спорить! — заявил Василий Михайлович.— Мне под землей больше нравится, я влюблен в подземный мир с его обычной торжественной тишиной, редкими таинственными звуками, бесконечными галереями, лесом крепей, каменными сводами, растениями и животными.

— Даже животными,— прервала его Лидия Николаевна.— Крысами и мышами, что ли?

— Нет, мелкими мошками, которые живут только под землей, всегда во мраке; они такие нежные, прозрачные, словно сотканные из паутины.

— Э, вы — поэт рудника! — воскликнул Грошев.

— Да, внизу меня охватывает всегда особенное чувство мира и спокойствия. Жизнь земной поверхности с ее мелочной суетой, дрязгами, сплетнями, завистью и злобой остается позади, и там над вами господствуют совсем другие интересы: как вести штрек, где ставить крепь, куда девалась жила, какая проба будет сегодня.

— Наш штейгер действительно влюблен в рудник,— подтвердил Николай Константинович, улыбаясь.— Он проводит в нем больше времени, чем дома, и Анна Поликарповна даже ревнует его и жалуется мне.

Надышавшись свежего воздуха, казавшегося особенно сухим и горячим после сырости и холода подземного мира, посетители оглянулись. Оказалось, что они вылезли из маленькой будочки в промежутке между толстыми столбами; рядом с ней висел большой, грубый ящик с железными скрепами и крючьями, весь вымазанный черной глиной. Ящик почти касался крыши ларя, составлявшего устье того отделения шахты, по которому он двигался вверх и вниз. Толстый стальной канат, на котором висел ящик, был перекинут через блок, тянулся горизонтально к большому барабану, обвивался вокруг него несколько раз и возвращался к шахте, скрываясь в другом отверстии того же ларя. Барабан был надет на вертикальное бревно, а под ним шли в две стороны перекладины, к

концам которых впрягалось по две лошади. Бегая по кругу, они вертели барабан и таким образом спускали и поднимали ящик по шахте.

Вокруг шахты, на пологом склоне горы, рос молодой лес из березы, осины и лиственницы, сильно разреженный порубками. В промежутках между деревьями зеленели высокие заросли иван-чая, уже покрытого ярко-розовыми султанами цветов, качавшимися при легких порывах ветра. Ниже шахты склон был изрыт шурфами, канавами, завален старыми отвалами, на которых также уже выросли березы и краснел иван-чай. Этот склон уходил далеко вниз ко дну долины, где серебрилась лента речки и вдали серели разрезы и отвалы какого-то старого прииска. За долиной поднимались одна за другой волнистые гряды гор с зеленеющими лесами. Под лучами яркого летнего солнца все жило и наслаждалось; звонко трещала кобылка в траве; в лесу перекликались птички, а над вершиной рудничной горы кружилась пара черных даурских галок, оглашая воздух своим резким криком.

— Не правда ли, какая красивая местность? — обратилась Марина Львовна к Борку, делая широкий жест рукой.

— Да, места здесь красивые, но очень пустынные,— ответил англичанин,— и долго жить здесь, должно быть, скучно, особенно зимой.

— Нет, зима здесь отличная,— вмешалась Лидия Николаевна.— Масса солнца, на припеке тепло, если нет ветра. Все горы покрыты неглубоким снегом, и оголенный лес стоит как очарованный. Все чисто, бело, и на душе легко и радостно.

— Словом, настоящая Аркадия,— засмеялся Грошев.— Почему же вы хотите продать рудник и расстаться с ней?

— Это не от нас зависит,— заметил Николай Константинович.— Мы бы с удовольствием не продавали дело и остались здесь. Но такова воля хозяина.

— Однако, господа, пора ехать домой, обед простынет,— напомнил Бубнов, обещавший жене привезти гостей к половине второго и взглянувший на часы.

К шахте были поданы те же экипажи, объехавшие кругом горы по рудовозной дороге; они стояли в сто-

роне, и лошади нетерпеливо позвякивали бубенцами и колокольчиками, отмахиваясь от мух и слепней.

— Ах, как жарко! — пожаловалась Марина Львовна, спускаясь под руку с Борком от шахты к экипажам:

— Отчего же вы не снимете эту толстую брезентовую куртку? Позвольте вам помочь,— предложил Борк.

Пузикова расстегнула куртку, на которой чернели, желтели и белели полосы и пятна грязи, набранной при ходьбе по лестницам и штрекам. Борк стянул куртку с плеч молодой женщины. Марина Львовна осталась в блузке, плотно облегавшей ее плечи. Наклонившись к ее уху, англичанин шепнул комплимент по поводу ее красивого бюста.

— Я тронута вашим вниманием! — ответила она, бросая Борку красноречивый взгляд своих лучистых серых глаз.

Англичанин подсадил ее в трехшпанку, стоявшую последней; остальные уже усаживались по своим местам, и экипажи тронулись. Приходилось ехать осторожно, потому что рудовозная дорога вилась, полого поднимаясь, по крутому косогору и была узка и ухабиста. Борк обнял Марину Львовну, она слегка прижалась к нему, и оба смотрели друг на друга влюбленными глазами, боясь нарушить разговором охватившее обоих сладостное настроение. Колокольцы под дугой и бубенцы на хомутах и шлее лошадей нервно звякали, кучер покрикивал «но, но». Прозрачной зеленой стеной стояли деревья по обеим сторонам дороги, и через просветы слева по временам открывался на секунду-другую вид на глубоко лежащую долину и на дальние горы. Легкие тени ложились на обнявшуюся парочку, по временам гибкие ветви берез низко свешивались на дорогу и заставляли седоков наклоняться. Борк пользовался этим, чтобы крепче прижимать к себе гибкий стан Марины Львовны. Она была без корсета, и рука англичанина ощущала теплоту ее тела.

Но вот дорога поднялась на более пологий и широкий верх горы, и экипажи покатились быстрее, громко зазвенели колокольцы и застучали колеса, можно было говорить, не опасаясь, что кучер услышит.

— I love you,— тихо сказал Борк и, спохватившись, перевел: — Я люблю вас.

— Я немного понимаю ваш родной язык,— ответила Марина Львовна.— И потом, нетрудно догадаться, о чем вы говорите, после вашего поведения в руднике.

— А что же вы скажете мне на это?

— Яков Григорьевич, я ведь замужняя женщина, «я ведь другому отдана».

— Сильная любовь одолевает всякие препятствия,— дипломатично сказал Борк, который пока еще не задумывался о возможных последствиях начавшегося флирта, быстро становившегося серьезным.

Но и Марина Львовна считала еще несвоевременным обсуждать будущее, пока положение оставалось недостаточно определенным. Пока ей нужно было увлечь эксперта настолько, чтобы он обещал ей хороший отзыв о руднике. А там будет видно. Поэтому она воскликнула:

— Не будем говорить о препятствиях. Солнце светит так ярко, природа ликует, и на душе у меня так легко, так хорошо, так хочется жить и наслаждаться жизнью.

— Но вы мне не ответили на слова: I love you! Я повторяю их.

— Я не могу дать на них ответа. Пока еще не могу,— поправилась она.— И вы не настаивайте, Яков Григорьевич. Познакомимся ближе, будем видеться каждый день, беседовать. И со временем я дам ответ.

— Какой я педант! — воскликнул англичанин.— Ведь я уже получил ответ, предварительный, если хотите, но достаточно красноречивый. А хочу непременно, чтобы ставили точку над i.

— Как так, что вы подразумеваете?

— Насколько помню, вы ответили в темноте на мой поцелуй. Или мне это только показалось? — прибавил он с легкой иронией.

— Вам это только показалось, мсье Борк,— рассмеялась Марина Львовна.— Мало ли что в темноте подземного мира может почудиться, когда рядом гремят взрывы. Мне, например, показалось, что ваш коллега Грошев очснь нежно целовал мои руки. Но я об этом умалчиваю.

— Этот мсдведь целовал ваши прелестные руч-

ки! — засмеялся Борк.— Никогда я этому не поверю; он терпеть не может женщин вообще, а таких очаровательных, как вы,— в особенности.

— Мерси! Но Грошев, наверно, тоже не поверит, если ему рассказать, что солидный, серьезный мистер Борк воспользовался темнотой, чтобы попробовать поцеловать замужнюю женщину на шестой день после знакомства с ней.

— Попробовать поцеловать, ха-ха-ха! — смеялся англичанин, которому нравилась эта игра Марины Львовны.— Да я и не думал, не решился бы!

— Вот то-то же! Вы и не думали, а взвели напраслину на бедную, скромную женщину.

Экипажи достигли перевала через гору, и впереди открылся вид на такие же мягкие, волнистые гривы, убегавшие на северо-восток до горизонта, а на юго-востоке плавно спускавшиеся к широкой долине Онона; приближаясь к последней, они становились безлесными и уже пожелтели от жары, вытягиваясь, словно длинные, исполинские змеи, между долинами, ярко зеленевшими своими лугами. Спуск сначала был крут, и ямщики сдерживали лошадей; коренники почти садились на круп.

Но затем дорога повернула по пологому степному склону широкой долины, ярко залитой солнцем, и экипажи понеслись почти в карьер — колеса гремели на небольших камнях; дух захватывало от этой езды. Борк крепко обнял Марину Львовну, и оба молча наслаждались жутко-бешеной ездой. Мелькали отдельные деревья, кусты, старые шурфы и разрезы. Торопливо сторонились рабочие, шедшие на рудник, заблаговременно сворачивали с дороги таратайки, ехавшие за рудой. Слышны были только ровный гул и скрип колес по мелко-каменистой дороге, фырканье лошадей, грохот бубенцов, перезвон захлебывавшихся от торопливости колокольцев и, по временам, взвизгивание ямщиков-бурят, погонявших лошадей.

В стане, у квартиры химика, Борк ссадил свою спутницу, которая хотела еще переодеться к обеду.

— До скорого свидания! — весело сказала Марина Львовна, скрываясь в дверях.

V

Пузикова быстро разделась, окатилась с головы до ног холодной водой, чтобы освежиться, и затем уже начала одеваться. Она выбрала юбку китайского шелка нежно-персикового цвета и такую же блузку с большим вырезом спереди и красными отворотами, хорошо оттенявшими ее несколько загоревшую шею, плечи и верхнюю часть груди; широкие рукава на красной подкладке давали возможность показывать красивые руки. На правой руке выше локтя вился тонкой змейкой золотой браслет, на пальцах блестели кольца, в ушах маленькие бриллианты, а шею охватывала нитка светло-розовых кораллов. В темные волнистые волосы она вколола две пунцовые полураспустившиеся розы. Серые глаза вызывающе сверкали под длинными ресницами.

Любуясь собою в зеркале, Марина Львовна имела полное право воскликнуть: «Сегодня вы обворожительны, мадам Пузикова, и ваши планы начинают осуществляться». И тут же, произнеся свою неблагозвучную фамилию, она подумала, что переменить ее на миссис Борк будет, по-видимому, не слишком трудно. Первый шаг в этом направлении был уже сделан.

— Нужно только позаботиться, чтобы за обедом сидеть опять возле англичанина. Как бы только глупая Анна Поликарповна не вздумала посадить меня, для разнообразия, возле Грошева или даже Фернера.

Марина Львовна, захватив зонтик и сумочку с платком, зеркальцем и духами, отправилась через площадь к штейгеру.

Квартира Бубнова была несколько больше квартиры химика, так как у штейгера было двое детей. Марина Львовна оказалась первой, если не считать Надежду Поликарповну, которая помогала сестре накрывать на стол.

Хозяйка сама затронула вопрос, ради которого Марина Львовна поторопилась прийти.

— Как вы сегодня нарядны и обольстительны, милая Марина Львовна! Вы будете настоящей царицей общества. Возле кого же посадить вас, дорогая?

— А вы как думали, Анна Поликарповна?

— Мы с Надей ломаем себе головы, кто из экспер-

тов старше, и следует ли посадить этого старшего справа от хозяина или от хозяйки.

— Оба они старше! — воскликнула Пузикова со смехом.— Иначе говоря, они равны, каждый имеет только свою специальную задачу.

— Как же посадить их?

— Вчера за нашим обедом Грошев сидел справа от мужа, а Борк справа от меня. А вам советую сделать наоборот, именно, чтобы показать, что мы знаем их взаимное положение.

— Значит, посадить Грошева справа от себя?

— Да, да, а Борка справа от Василия Михайловича.

— А вас справа от Грошева?

— Нет, лучше посадите возле Грошева Лидию Николаевну. Они вчера очень мило разговаривали друг с другом. А Борк больше интересуется фабрикой, с которой ваш муж мало знаком. Поэтому подходящей соседкой с другой стороны буду я, чтобы выручать Василия Михайловича в затруднительных случаях.

— Как вы любезны, Марина Львовна!

— Мы все должны помогать друг другу, чтобы экспертам не было скучно и чтобы самим не попадать впросак. Поэтому слева от себя посадите моего мужа, на выручку, если Грошев заговорит о фабрике, а рядом с Михаилом Петровичем — Николая Константиновича на случай общих вопросов. Тогда наш конец будет обеспечен силами.

— А конец моего мужа?

— Я же буду там. Слева от Василия Михайловича посадите сестру и возле ее отца. Вчера эксперты осматривали стан, и соседство станового будет полезно на случай вопросов англичанина.

План Марины Львовны был принят без споров. Вскоре начали собираться остальные гости. Наряд Пузиковой вызвал общее внимание. Она была лучше всех, и Борк выразил ей свое восхищение.

Обед прошел очень оживленно. Посещение рудника, осмотр амбара и конного двора дали достаточно тем для разговоров, и даже Грошев был доволен своей соседкой, которая в женском платье нравилась ему гораздо больше, чем в мужском. Марина Львовна была особенно в ударе, и ее флирт с англичанином сделал успехи; Борк не спускал с нее глаз, и она сама

должна была шепнуть ему, чтобы он не демонстрировал так явно своего увлечения ею.

Николай Константинович, опасавшийся, что и в этот раз тосты будут упразднены, упросил Василия Михайловича еще до обеда предоставить ему первое слово. С бокалом в руках он начал торжественно:

— Вчера, господа, вы единодушно лишили меня возможности поздравить наших дорогих гостей с началом их трудных работ. Поэтому сегодня я, с любезного согласия хозяина, восполняю этот пробел и прошу вас благосклонно выслушать мою маленькую речь, после которой вы будете иметь возможность опять отказаться от всяких тостов.

Он проговорил витиевато и запутанно не менее пяти минут и внес такую скучную ноту в общее веселое настроение, что все облегченно вздохнули и приветствовали аплодисментами окончание речи.

Репикову кратко ответил Грошев, а затем Борк предложил «последний» тост за дам, украшающих жизнь всех, кому приходится работать в подобных заброшенных местах.

— А лучшим украшением этого медвежьего угла являетесь вы, Марина Львовна,— сказал англичанин, чокаясь с соседкой.— Поэтому будет крайне обидно, если, благодаря нашей работе, угол лишится этого украшения.

— Вы правы, Яков Григорьевич, ваш приезд, во всяком случае, будет иметь своим последствием наш отъезд!

— Как, неужели и в том случае, если дело не будет куплено компанией, пославшей нас?

— Да, и в этом случае. Скажу вам откровенно, что у нашего хозяина нет средств на ведение дела.

— Это я знаю, потому-то и возникли переговоры о продаже.

— Но вы, вероятно, не знаете, что хозяин решил закрыть рудник, если не удастся его продать. Михаил Петрович лишится места, и мы должны будем уехать отсюда.

«Вот в чем дело! — подумал Борк.— Карты понемногу раскрываются. Все служащие заинтересованы в продаже дела, а не наоборот, как говорил владелец. Это нужно иметь в виду. И не в этом ли причина моего быстрого успеха у моей соседки? Но зачем же она выдала этот секрет?»

Англичанин задумался. До сих пор ему казалось, что молодая женщина искренне расположена к нему, а теперь ее поведение становилось немного подозрительным. Он решил быть осторожнее.

— Что же вы молчите, Яков Григорьевич? Я выдала вам важную тайну, а вы даже не поблагодарили меня за это доказательство моего расположения к вам.

— Вы меня извините, Марина Львовна, если узнаете, что я совсем не подумал о том, что можно извлечь материальную выгоду из ваших слов, а соображал, как помочь вам, раз ваш супруг, во всяком случае, теряет место благодаря нашему приезду.

— Я тронута и извиняю. Но что же вы надумали?

— Принять участие в дальнейшей судьбе Михаила Петровича, если изучение дела покажет, что он — хороший работник.

— Благодарю вас от души! Зная работоспособность мужа, я теперь уверена в вашем содействии.

«Одно обещание я уже получила,— подумала Пузикова,— хотя оговорка «если» мне не очень нравится и дает лазейку для отказа».

Вести этот разговор, не предназначенный для посторонних ушей, собеседники могли потому, что после скучной речи управляющего все словно старались наверстать потерянное время в оживленной болтовне.

— Общие обеды, вероятно, кончились? — спросил англичанин, когда подали кофе и ликеры.— Или, может быть, становой окажет нам еще эту честь?

— Нет, становой вам этой чести не окажет,— засмеялась Марина Львовна.— Впредь вы будете обедать у Николая Константиновича и наслаждаться только обществом его дочери,— прибавила она с легкой насмешкой.— Разве изредка, для разнообразия, будут приглашать и нас, бедных.

— Когда же и где мы увидимся?

— Это зависит главным образом от вас. Мой муж торчит с утра до позднего вечера в лаборатории и на фабрике, так что я вообще свободна, кроме времени обеда и ужина. Но вы, конечно, будете постоянно работать вместе с Грошевым?

— Нет, мы разделимся с завтрашнего дня; я буду изучать фабрику и контору, а он — рудник. Поэтому я могу иногда встречаться с вами.

— Приходить ко мне в отсутствие Михаила Петровича будет не особенно удобно!.. А в его присутствии...

— Не особенно интересно?

— Приходить же к вам в посетительскую еще менее удобно! Нужно подумать. Можно будет уговорить управляющего устраивать иногда ужины в более тесной компании, какой-нибудь пикник, что ли! Наконец, мы можем встречаться как бы случайно на прогулке. Ведь вам же нужно гулять, например, вечером, после долгого сиденья в конторе или на фабрике?

— Конечно! Но я боюсь, что в таких случаях Николай Константинович будет предлагать мне свое общество.

— Без этого не обойдется! Но иной раз вы можете уйти, не видавшись с ним, прямо из конторы или фабрики. А я буду уже там в лесу, вверх по долине.

— Чтобы не привлекать посторонних в наш сговор, давайте условимся, что вы будете гулять ежедневно от шести до семи перед ужином, в лесу, а я буду туда приходить, если мне не помешают.

— Отлично!

Вскоре гости распрощались и ушли, кроме Марины Львовны, которая осталась у штейгера поболтать с сестрами Поликарповнами и полакомиться ликерами и кофе. Потом она подбила их на вечернюю прогулку в лес, во время которой тщательно изучала все тропинки, чтобы знать наиболее отдаленные от стана и проезжей дороги.

VI

С следующего дня началась напряженная работа экспертов. Борк с Николаем Константиновичем и Михаилом Петровичем отправился на фабрику и изучал самым подробным образом ее состояние и работу, записывая все в толстую тетрадь. До полудня он не отдыхал ни минуты и совершенно замучил своих спутников, не привыкших к такому интенсивному труду. Грошев с штейгером уехал на рудник и производил там такое же тщательное и всестороннее изучение новых работ.

В половине первого оба эксперта вернулись домой, обедали у управляющего, отдыхали полчаса и потом с той же энергией продолжали свою деятельность до шести вечера. Николай Константинович совсем приуныл; он не ожидал, что эксперты будут входить во все детали, совать нос во всякую щель, как он выразился про себя, и задавать столько щекотливых вопросов. Он понял, что напряженная работа последнего месяца, предпринятая для того, чтобы ввести экспертизу в заблуждение, мало поможет.

Несмотря на некоторую усталость, Борк решил исполнить обещание, данное Пузиковой, и, возвращаясь с фабрики, предложил управляющему освежиться перед ужином прогулкой по лесу. Но Николай Константинович устал и вместо себя предложил англичанину в спутницы свою дочь.

Через полчаса Борк и Лидия Николаевна отправились в мелкий лес, тянувшийся по долине выше стана. Англичанин навел беседу на тему о будничной жизни рудника и понемногу, ловко поставленными вопросами, выпытал у простодушной девушки достаточно материала для оценки людей, с которыми ему теперь приходилось иметь дело. Он узнал, между прочим, кое-что не особенно лестное для Пузикова; узнал, что жена химика имела большое влияние на управляющего и вмешивалась в его хозяйственные и административные распоряжения.

На дороге собеседники увидели впереди какую-то женщину, также, очевидно, гулявшую. Лидия Николаевна стала гадать, кто бы это мог быть.

— Не Марина ли Львовна? — предположил Борк.

— Едва ли! Она больше любит гулять по стану, наводить порядок на конном дворе, на фабрике, у амбаров,— иронизировала девушка.— Или же ездить верхом с кем-нибудь, если лошади не заняты.

Но когда гуляющие подошли ближе, оказалось, что это действительно Пузикова, одетая в простенькое темное платье. Лидия Николаевна удивилась, как это Марина Львовна решилась уйти одна так далеко от стана.

— А что? Денег и драгоценностей на мне нет, платье дешевое. Я бы, конечно, предпочитала гулять с кем-нибудь,— прибавила она,— но компаньона редко найдешь, один занят, другому лень.

— А вы не позволите ли мне иногда, когда я рано кончу работу, быть вашим спутником? — спросил англичанин.— Вот сегодня, если бы я знал, что вы хотите гулять, я бы не оторвал Лидию Николаевну от ее хозяйских забот.

— Я всегда к вашим услугам, Яков Григорьевич,— заявила Марина Львовна.— Мои хозяйственные заботы немногосложны, мне ведь не приходится кормить избалованных столичных гостей.

Борку оставалось только поблагодарить. На обратном пути Пузикова вывела своих спутников через лес прямо к главному заводу и показала здесь еще одну полузаросшую дорогу, шедшую по более густому лесу вдоль левого склона долины.

— Эта дорожка для любителей уединения,— сказала молодая женщина, многозначительно взглянув на Борка.— Она очень близка от стана, но совершенно не видна с него, и я часто гуляю здесь, когда мне хочется подышать свежим воздухом.

Лидия Николаевна удивлялась познаниям, которых она совсем не предполагала в жене химика. Она, конечно, не могла знать, что с местностью Пузикова так хорошо познакомилась только накануне, гуляя с дочерьми станового, выросшими на руднике и действительно отлично изучившими его окрестности.

За обедом на следующий день Фернер заявил обоим экспертам, что новая лаборатория уже почти готова. Николай Константинович немедленно сделал вывод, что теперь должно начаться взятие проб из разных забоев рудника. Поэтому управляющий после обеда улучил минуту, чтобы разослать записки. Маркшейдеру он писал:

«Действуйте сегодня же. Н. Р.».

Штейгеру:

«Распорядитесь прекратить на предстоящую ночь всякие работы в руднике. Н. Р.».

VII

Под вечер этого дня маркшейдер Кузьмин вышел из дома с охотничьей сумкой и двустволкой. Насвистывая мотив какой-то незамысловатой песенки, он прошел мимо конторы и фабрики, направляясь в лес,

выше стана, очевидно на охоту. Вскоре оттуда раздался выстрел, потом другой, а следующие были слышны уже гораздо дальше.

Когда солнце скрылось за горой, Кузьмин повернул в верховьях долины на запад и начал подниматься по мелколесью на гору. Он шел не торопясь, часто останавливался, перекладывал сетку с настрелянными куропатками с одного плеча на другое и вообще совсем не производил впечатления человека, желающего до наступления ночи вернуться домой. Поднимаясь все выше, он выбрался на гриву водораздела и присел на пень отдохнуть, покурить и полюбоваться видом на верховья двух долин, расстилавшихся у его ног. Отдохнувши, он встал и пошел потихоньку по гриве, но не к стану, а к руднику.

Начало уже смеркаться, когда Кузьмин очутился на плече рудничной горы возле отвалов старых разведочных шахт. Внизу видна была площадка у устья Павловской штольни, из которой еще выходили запоздавшие рабочие; серели конторка и отвалы. Спрятавшись за березкой, маркшейдер выждал, пока последний рабочий не скрылся из вида, и затем медленно начал спускаться к устью Мокрой штольни, ведшей в старые работы; он старался, чтобы у него из-под ног не скатывались камни и не выдали его присутствия. Его одежда была грязно-зеленого цвета и на зеленом фоне горы совершенно не выделялась в сгустившихся сумерках. На небе уже загорались звезды; легкий ветерок проносился по гривам гор и шумел в березках, осинах и лиственницах.

Спустившись к устью штольни, Кузьмин отпер замок, открыл решетчатую дверь, стараясь, чтобы ржавые петли не скрипели, вошел и закрыл дверь, а замок с ключом засунул за крепь. В штольне было уже совершенно темно, но зажженный огонек мог бы обратить на себя внимание нарядчика, жившего в конторке, или сторожа на отвале. Поэтому маркшейдер зажег свечу, лишь пройдя шагов сто.

Мокрая штольня была заброшена лет десять, с тех пор, как работы в руднике ушли глубже и к ним была проведена Павловская штольня от подножия склона. Мокрой пользовались очень редко, когда нужно было попасть в старые работы по верхней части жилы; чтобы хищники не могли пробраться по ней в рудник, ее

постоянно держали на запоре, но ради вентиляции дверь была решетчатая.

Засветив огонь, Кузьмин пошел быстрым шагом по неровной почве штольни, с которой рельсы и шпалы давно были сняты; вслед за ним по стенам и потолку ползла, качаясь, его длинная тень. Шаги гулко отдавались в совершенно пустой галерее среди абсолютной тишины подземного мира. Но полное одиночество не смущало маркшейдера: он привык часто бывать по целым часам один в руднике.

Вскоре на крепи показался лед и почва стала мерзлой; постепенно ледяная кора делалась толще, суживая галерею все больше и больше. Кузьмину пришлось нагнуться, а затем даже ползти на четвереньках; ему очень мешало ружье, однако он не оставил его у устья штольни, а почему-то тащил с собой.

Но вот галерея впереди настолько сузилась, что пролезть в свободное пространство могла разве только кошка.

Кузьмин присел на корточки, закурил трубку и, пуская клубы дыма вокруг себя, проговорил:

— Экая незадача! Ведь еще только месяц тому назад свободно можно было пролезть. Придется, видно, возвращаться обратно.

Отдохнув, он вернулся, запер за собой дверь на замок и потихоньку начал спускаться по склону к Павловской штольне.

В окне конторки виднелся свет, тускло озарявший ближайший кусочек отвала; в будке же у рельсового пути было темно. Ввиду приказа управляющего о прекращении всяких работ в руднике на эту ночь, караульный, очевидно, ушел, а штольню запер на замок. Но у Кузьмина был второй ключ, и он, прислушавшись в нескольких шагах от устья, убедился, что все тихо, и подошел к двери.

Кузьмин тихонько открыл дверь, притворил ее за собой и даже ухитрился, просунув руку через решетку, наложить пробой и навесить замок, чтобы нарядчик в случае ревизии не заметил, что кто-то вошел в штольню.

Добравшись до первого из забоев, назначенных штейгером, маркшейдер вынул из патронташа патрон, снарядил им один ствол своего ружья и, отойдя от забоя шагов на сорок, прицелился в кварцевую жилу и

выстрелил. Выстрел гулко прокатился по штреку, отдавшись эхом в противоположном конце.

Спускаясь по лестницам из штрека в штрек, самой глубокой части рудника, где шла главная добыча руды, Кузьмин посетил целый ряд забоев и у каждого проделал то же самое: снаряжал ружье и стрелял в кварцевую жилу, словно в зайца или куропатку.

Эти действия маркшейдера показались бы случайному свидетелю бессмысленными и вызывающими сомнение в здравом уме странного охотника по забоям. Но человек, знакомый с тайнами золотого дела, догадался бы, что в ночной тиши перед взятием проб экспертами производится «подсаливанье» золотоносной жилы.

В патронах, которыми стрелял Кузьмин, вместо дроби было насыпано мелкое золото, золотой песок. Силой выстрела золотинки разбрасывались по кварцевой жиле, внедряясь в разных местах в массу кварца; часть их, несомненно, должна была попасть в куски кварца, которые эксперты собирались исследовать в лаборатории.

Окончив свою работу на самом глубоком горизонте рудника, Кузьмин начал подниматься наверх, довольный успехом, посвистывая и даже подплясывая; ему предстояло еще слазить в две восстающие за большим сбросом, где последние пробы Пузикова показали убогое содержание золота. Еще четыре патрона — и все плохие забои подсолены, можно идти домой и лечь спать.

Поднявшись в главный штрек, маркшейдер повернул по нему к сбросу и вдруг остановился и в испуге прислушался. Из зиявшего над его головой черного отверстия одной из восстающих сыпались мелкие камни и слышался шорох, словно кто-то в темноте лез вверх.

У Кузьмина тревожно забилось сердце; очевидно, кто-то подстерег его в руднике, видел его подозрительную деятельность, которая, следовательно, могла получить огласку.

Может быть, это был соглядатай, посланный экспертами?

Кузьмин, недолго думая, полез по лестнице в восстающую, освещая своей свечой попеременно то ту, то другую сторону, где чернели уходившие в темноту

выработки. Но если беглец так хорошо знал галереи, что ходил по ним без огня, догнать его было невозможно; он легко мог укрыться или за крепью, или за глыбами камня, мог перебегать с одного места на другое. Преследователь в этом подземном лабиринте был в худшем положении, потому что шел со свечой, и его было видно издали.

Кузьмин остановился и крикнул:

— Слушай, ты там, который прячется от меня. Рудник будет заперт пять дней, и ты тут подохнешь с голоду! Лучше выходи сейчас!

Голос гулко раздавался по выработкам, а затем все стихло; никто впереди не шевелился во тьме и не отзывался.

— Худо будет, пропадешь тут! — крикнул еще раз маркшейдер и направился вниз к главному штреку, потом повернул к сбросу.

Проходя мимо люка в нижние горизонты работ, Кузьмин остановился опять в изумлении; снизу доносился слабый стук, и опытное ухо служаки сразу узнало, что это стучит кайла по камню. Очевидно, кто-то забрался к забоям и воровал золото.

— Вот пакостники! — проворчал маркшейдер.— Обчистят еще забойчики, которые я приготовил для экспертов! Нужно бы изловить мерзавцев!

Он осторожно полез опять в нижние выработки, из которых недавно только выбрался. Спустившись на третий горизонт, он увидел вдали у правого забоя красный огонек; там и работал хищник, и стук его кайлы слышался совершенно ясно.

Хотя вор был занят своей работой, но идти к нему прямо по штреку маркшейдер не решился; хищник мог внезапно оглянуться, заметить приближающегося, потушить свечу и в темноте ускользнуть в следующий вниз горизонт, люк которого находился ближе к забою, чем люк вверх. Поэтому Кузьмин сам спустился на четвертый горизонт, по другой лестнице, ближе к левому забою, тихонько прокрался вперед, останавливаясь, как только стук кайлы прекращался. Во время этих перерывов в работе вор, очевидно, осматривал забой, чтобы найти крупинки самородного золота, и выбивал их потом кайлой вместе с окружающим кварцем.

Поднявшись по лестнице обратно в третий гори-

зонт, маркшейдер очутился уже только в тридцати шагах от забоя. Высунув голову из люка, он огляделся: при свете огарка над забоем, в который недавно был пущен снаряд золотинок, работал полуголый китаец. Опустившись на колени, он долбил кайлой по кварцу, из которого сыпались искры и летели мелкие осколки. Кузьмин потушил свою свечу, положил ее в карман, вылез в штрек, взял на прицел ружье и шаг за шагом начал подвигаться к забою. Когда он подошел на пять шагов, китаец внезапно обернулся и, увидев целившегося в него служащего, замер на месте с поднятой кайлой в руках.

— А-а, разбойник,— проговорил сквозь зубы Кузьмин, ружье которого не было заряжено, так что он хотел только испугать китайца и заставить его молчать.— Так вот кто у нас золото крадет! За это я в тебя сейчас стрелять буду!

Китаец выронил кайлу, протянул руки вперед и закричал жалобным голосом:

— Ой, господина, не надо, стреляй не надо!

И вдруг он, задев рукой свой огарок, подвешенный в проволочном подсвечнике к забою, и потушив его, с кошачьей ловкостью ринулся вперед, ударился плечом со всего размаха в ногу маркшейдера и скрылся в темноте.

Кузьмин упал тяжело на спину, прямо в лужу воды, скопившуюся в углублении почвы; ноги его очутились выше головы, и он должен был повернуться на бок, чтобы подняться. Бормоча проклятия, он встал и привычным жестом полез в карман за спичками; но карман был полон водой и спички совершенно размокли.

Энергичное ругательство вырвалось из уст маркшейдера, когда последняя спичка из коробки отказалась служить.

«Эх, хорошо бы иметь всегда в кармане, на всякий случай, электрический фонарик, как у экспертов!» — подумал он, бросая бесполезную коробку.

Ему предстояло теперь идти в полной темноте к выходу из рудника. Это было нелегко даже для человека, знавшего все выработки так хорошо, как маркшейдер. Кузьмин должен был напрячь все свои мысли, чтобы вспомнить, где он находится и куда ему идти. Подняв ружье, отброшенное при падении, он за-

кинул его за плечи и громко начал отсчитывать шаги от забоя.

— Раз, два, три, четыре... я сейчас на третьем горизонте. Пять, шесть, семь. До первого подъема на второй должно быть восемьдесят два шага. Восемь, девять, десять... По пути на тридцатом шаге будет люк на четвертый горизонт... Одиннадцать, двенадцать... в него бы, часом, не провалиться. Тринадцать, четырнадцать... он должен быть по правую руку от меня. Пятнадцать, шестнадцать...

Так, осторожно шагая, считая и разговаривая сам с собой, Кузьмин подвигался вперед, придерживаясь левой рукой крепи, чтобы не отклониться вправо и не провалиться в люк. Пройдя восемьдесят два шага, маркшейдер остановился и начал водить обеими руками по воздуху, чтобы нащупать лестницу во второй горизонт. Но она не попадалась.

— Что за черт! — воскликнул Кузьмин.— Неужто я обсчитался или запамятовал?

Он стоял, стараясь вспомнить, действительно ли китаец был у забоя третьего горизонта, а не выше или ниже, так как от точного определения исходного пункта зависел весь успех путешествия во тьме.

Когда стараешься в минуту тревоги вспомнить что-нибудь очень нужное, очень важное, то часто, несмотря на все напряжение памяти, ничего не выходит. Нужное слово вертится в сознании, кажется, что вот-вот удержишь его, но нет, оно опять исчезает, и вместо него выплывает что-нибудь другое, не идущее к делу, и чем больше напрягаешь мысль, тем больше все путается.

Так и Кузьмину теперь уже не казалось совершенно бесспорным, что он выслеживал хищника на третьем горизонте, и он полагал, что сцена у забоя скорее могла иметь место на четвертом. Но в таком случае впереди должен быть в двадцати шагах второй подъем в третий горизонт.

— Ну, попробую,— сказал себе маркшейдер.— Пройду двадцать шагов, авось встречу лестницу.

Он отсчитал шаги и опять начал шарить, но никакой лестницы не было и здесь.

— Фу ты, гадость какая! — пробормотал бедняга, у которого мурашки забегали по спине при мысли, что он заблудился и не знает, где находится.

— Уж не забрел ли я грехом в старые работы! — пришла ему в голову совершенно несуразная мысль.— Тогда без огня и не выберешься никогда, а так и пропадешь с голоду или угодишь в какой-нибудь гезенк.

Он энергично отплевывался от этой мысли, как от дьявольского наваждения, воскликнув негромко:

— Тьфу, отвяжись ты, нечистая сила, тьфу, тьфу! — И остолбенел от страха. Ему почудилось, что где-то во мраке какой-то голос повторил:

— Тьфу, тьфу!

— Кто это тут? — прерывающимся голосом крикнул он.

— То тут! — ответил невидимый собеседник.

Кузьмин прислонился к крепи и схватился руками за голову. Мысли у него путались, и он готов был бежать сломя голову, рискуя споткнуться в темноте, свалиться в люк, только бы бежать прочь от этого места, от этого ужасного незнакомца.

Он старался успокоить себя мыслью, что это, наверно, китаец, убежавший от забоя и также заблудившийся, а теперь передразнивающий его. Но в глубине мозга поднималось дремавшее суеверие о нечистой силе, о горном духе, в которого он в здравом уме не верил, а теперь, пожалуй, готов был признать его существование. И эта дикая мысль, он чувствовал, могла при малейшем новом поводе разрастись, обратить его в паническое бегство и погубить.

— Глупости! — успокаивал он себя.— Никого здесь нет, вот сейчас все тихо, мне только показалось. Ну-ка, крикну еще раз!

— Эй, кто там стоит, китайса, что ли?!

— Тайса, что ли! — ответил голос.

— Стрелять я буду!

— Я буду!

— Да он повторяет только мои слова! — мелькнула мысль, заставившая сердце забиться сильнее от радости.— Это просто отдается от забоя; должно быть, забой близко, надо посмотреть.

Кузьмин пошел вперед, считая громко шаги, останавливаясь после каждого и прислушиваясь. Голос повторял его счет.

Но вот после двадцати шагов ответный голос ослабел, а через пять шагов уже замолк. Пройдя еще несколько шагов, маркшейдер стукнулся ружьем в забой.

— Так и есть, это от забоя отдавалось! — прошептал бедняга и облегченно вздохнул, избавившись от страха.

— А ну-ка, какой горизонт имеет сто сорок семь шагов длины? На днях третий имел сто сорок пять, а два могли прибавиться за это время, значит, это третий, как я и думал спервоначала.

— Но почему же на всем пути не было подъема на второй горизонт? Как мог я его проворонить? Пойдем назад. Если он от того забоя был на восемьдесят два шага, то от этого должен быть на шестьдесят пять.

Прислонившись спиной к забою, чтобы начать считать точно, маркшейдер пошел назад по штреку, стараясь делать ровные шаги; теперь он держался крепи правой рукой. Отсчитав шестьдесят пять шагов, он стал шарить руками по воздуху. Но лестницы подъема все-таки не было! Мурашки опять поползли по спине несчастного. Он пошарил еще раз, вернулся пять шагов назад и прошел это расстояние обратно, широко расставив руки, так что лестница никак не могла миновать их, даже если бы стояла не совсем на месте. Затем он прошел еще десять шагов в обе стороны с той же предосторожностью, но также напрасно.

— Ей-богу, ничего не понимаю! — сказал он упавшим голосом.— Должен быть здесь подъем, а нет его. Ну, обсчитался я или запамятовал, пусть подъем не там, где я думал. Но ведь я прошел уже взад и вперед по штреку, и будь где-нибудь лестница, я бы на нее наткнулся. Пройду еще назад к забою, где этот проклятый желторожий хищничал, посмотрю, не миновал ли я подъем спервоначала!

Он пошел опять шагать, громко считая, но, чтобы не пропустить лестницы, вытянул и левую руку с ружьем, почти касаясь им крепи, тогда как правая рука скользила по крепи с другой стороны. Так он дошел до забоя и опять не встретил лестницы.

Прислонившись спиной к забою, он постоял некоторое время, вслушиваясь и всматриваясь напряженно в темноту, в трепетном ожидании новых проявлений нечистой силы. Сердце его сильно билось, и кровь стучала в висках.

Но все было тихо; только по временам где-нибудь далеко раздавался легкий стук камешка, оторвав-

шегося от забоя, или всплеск капли воды, падавшей в лужу. Эти звуки понемногу успокоили маркшейдера.

«Ничего больше не остается, как сесть у забоя и дождаться, пока в рудник не придут люди»,— подумал он и хотел уже нащупать местечко посуше и поровнее. Но тут же вспомнил, что люди, которые придут к забою, будут именно эксперты; ведь управляющий не велел начинать работ, пока эксперты не обойдут забоев и не возьмут проб; если бы раньше начали работы, то вся подсолка, конечно, пропала бы. И вот эти эксперты найдут его, служащего, с охотничьим ружьем в штреке и сразу догадаются, зачем он здесь.

— Нет, постараюсь еще раз найти выход! Проверю, есть ли люк вниз на тридцать шагов отсюда. Если есть — значит, горизонт именно третий.

Он пошел еще раз по штреку, но придерживаясь другой стороны крепи и при каждом шаге осторожно нащупывая ногой почву, чтобы не свалиться неожиданно в люк. Чем ближе счет подходил к тридцати, тем осторожнее двигался Кузьмин и, занеся ногу для тридцатого шага, даже дрожал от волнения.

Опускавшаяся нога не встретила почвы.

Со вздохом облегчения маркшейдер наклонился и рукой нащупал неширокое, в квадратный аршин, отверстие, а в нем два конца лестницы.

— Ну, слава богу! Хоть вниз выход есть, и от экспертов можно удрать туда!

— Но, значит, это действительно третий горизонт. Почему же нет выхода наверх? Не завалил же его проклятый китаец!

— Ах, я дурак, дурак недогадливый! — вскрикнул вдруг Кузьмин, топнув ногой.— Завалить-то он его не завалил, а лестницу, подлец, спер, чтобы я не мог его догнать!

Маркшейдер схватил за оба конца найденную лестницу, вытащил ее наверх и пошел опять отмеривать шаги до восемьдесят второго. Здесь остановился и начал шарить лестницей по потолку у левой крепи, чтобы наткнуться на отверстие.

О, радость, люк нашелся и ничем не был завален!

Приставив лестницу, Кузьмин быстро полез вверх и очутился на втором горизонте.

— Ну, слава богу, дело пошло на лад! — вздохнул

он.— Теперь дай бог памяти, где подъем со второго на первый! Да, двадцать два шага отсюда назад.

Он пошел по штреку, но в нескольких шагах от люка наткнулся на какую-то преграду, пребольно ударил себе колено и чуть не полетел. Ощупав рукой препятствие, он убедился, что это — лестница, положенная поперек штрека, очевидно, та самая, которую похитил бежавший китаец.

«Ну, и отплачу же я этому сукину сыну! — проскрипел Кузьмин, потирая колено.— Всю казарму переверну, а его найду. Посидит он у меня в казачьей за такие штуки, а потом в шею с рудника!»

Теперь маркшейдер благополучно дошел до следующей лестницы, поднялся на первый горизонт, затем на главный штрек и совершил остальное длинное путешествие по гезенкам, штрекам и штольне. В темноте на это понадобилось вдвое больше времени, чем при свете: приходилось подвигаться ощупью и все время считать шаги.

Но вот, за последним поворотом, впереди забелело устье штольни, и Кузьмин с восторгом приветствовал первые проблески дневного света. Часы показали четверть четвертого, и уже начинало светать. Маркшейдер провел в руднике всю ночь, а в полном мраке почти четыре часа.

Выйдя из штольни и заперев ее на замок, маркшейдер полез по склону наверх к устью Мокрой, где накануне оставил свою охотничью сумку с куропатками. Домой он хотел идти прежним путем по лесу, опасаясь встретить на большой дороге кого-нибудь из рабочих. Уже быстро светало. По небу плыли мелкие серые облака, которые на востоке слегка порозовели. Ветерок порывами проносился по горам и шумел в мелколесье. Было довольно свежо, но после подземного холода Кузьмину казалось совершенно тепло, он распахнул куртку и жадно вдыхал чистый воздух, взбираясь по склону.

Сумка с дичью оказалась на месте за решеткой штольни. Маркшейдер вытащил ее и присел на кучу камней, чтобы отдохнуть после многочасового хождения. Здесь он чувствовал себя уже в полной безопасности.

Отдохнув полчаса, он полез выше, перевалил через гриву и опустился в верховье небольшой долины, где

знал место выхода маленького ключа. Здесь он почистил свою одежду, помыл лицо и руки, напился чистой, холодной воды, жадно глотая ее пересохшими губами прямо из ямки в дерне. Освежившись, быстро шагал вперед, чтобы добраться до стана, пока не поднялся еще народ. Когда первые лучи солнца позолотили вершины гор, он был уже у своего дома, не встретив никого. Через окно он влез в свою комнату, быстро разделся и завалился спать.

VIII

В это же утро Борк и Грошев, захватив с собой своего служителя Матвея, отправились в рудник в сопровождении штейгера. Они взяли ряд проб, частью из забоев, подсоленных Кузьминым, частью из тех, которые он не успел посетить из-за столкновения с китайцем, частью же из таких, которые были не слишком бедны сами по себе. Но Василий Михайлович решил, что сравнительно с подсоленными эти последние могут показаться слишком бедными и возбудят подозрение экспертов. Поэтому он приготовил себе накануне десяток набивных папирос, в которые к табаку было подсыпано очень мелкое золото.

Подойдя к забою, из которого надлежало брать пробу, эксперты расстилали на земле у его подножия большую холстину и затем собственноручно посредством молотка и зубила выбивали из жилы кварц или желобком поперек нее в одном месте, или ямками в разных местах. Весь выбитый кварц падал на холстину, откуда Матвей ссыпал его в отдельный мешочек, получавший определенный номер для пробы. В записной книжке отмечалось, из какого забоя этот номер взят. При этой операции штейгер светил работавшим экспертам, а если данный забой требовал, по его мнению, улучшения, он закуривал папиросу и пепел с нее старательно ронял на холстину, в кучу выбитого кварца. Таким образом, все золото, бывшее в папиросе, попадало в пробу и, конечно, должно было значительно улучшить результаты анализа.

Этот способ был надежнее и дешевле, чем способ подсолки посредством ружья, так как требовал меньше золота. Затем, при этом способе золото целиком

попадало в пробу, тогда как выстрел разбрасывал его по большой площади, из которой только узкая полоска или отдельные куски брались для пробы. Нельзя было предвидеть, из какого места эксперты будут вырубать кварц, и в успехе известную роль играл счастливый случай. Зато папиросный способ требовал большой ловкости; у всех забоев его нельзя было применить, потому что бросилось бы в глаза, что штейгер курит каждый раз во время взятия пробы.

Таким образом Василий Михайлович подправил только четыре забоя. Но он, к несчастью, не знал, что Кузьмин не успел подсолить четыре забоя в верхней части жилы до сброса, из которых эксперты именно и взяли пробы; проспавший слишком долго после ночных похождений маркшейдер не успел его предупредить своевременно о своей неудаче. Поэтому из двенадцати забоев, которые эксперты успели обойти до обеда, восемь оказались подправленными, а четыре — нет.

После обеда были взяты еще двенадцать проб из глубоких горизонтов новых работ, где ночью побывал маркшейдер. Эксперты вернулись с рудника только в семь часов вечера, и прогулка Борка с Мариной Львовной опять не состоялась. Молодая женщина прогуляла полтора часа в одиночестве, ломая себе голову сначала над причиной неаккуратности англичанина, а потом и над причиной его отсутствия. Раздосадованная, в очень скверном расположении духа, она вернулась в сумерки домой. Михаил Петрович ждал ее с ужином. Голодный и сердитый, он встретил ее упреками. Разразилась крупная супружеская ссора.

А эксперты в это время спокойно ужинали у управляющего; Лидия Николаевна была более разговорчива в этот вечер и заинтересовала Борка, который обратил внимание на ее спокойную, невызывающую красоту, рассудительную речь, полное отсутствие кокетства и мысленно сравнивал ее с женой химика.

И еще целых три дня продолжалась та же история. Борк и Грошев с утра уезжали с Бубновым на рудник, где облазили все забои новых работ и из каждого брали пробу. Они обнаружили даже несколько из замаскированных бедных забоев, и штейгеру удалось подзолотить папиросой только два из них. Он понимал, что пробы получатся очень пестрые и в общем неваж-

ные. Повторить подсолку через ружье не было возможности, так как вторичное прекращение работ на ночь могло дойти до сведения экспертов и возбудить их подозрения. Грошев уже спрашивал, почему рудник не работал в ночь перед их первым посещением для взятия проб, и Бубнову пришлось соврать, что это было необходимо для того, чтобы маркшейдер мог исправить и закончить съемку плана рудника для точного нанесения мест взятия проб. Эксперт заметил, что такая точность им не нужна, и просил впредь не останавливать работы ради их посещений. Теперь Кузьмин мог пользоваться только обеденным перерывом и успевал подзолотить только два-три забоя в то время, когда гремели взрывы и его выстрелы не обращали на себя внимания.

Все эти дни Марина Львовна аккуратно ходила в лес в надежде встретить Борка в условленное время. Но англичанин вынужден был подчиниться желанию Грошева поскорее закончить взятие проб, и они возвращались с рудника лишь в сумерки. Марина Львовна приходила в отчаяние; так быстро и хорошо начавшийся флирт оборвался, и она не знала, чему приписать это. Она думала, что Борк мог бы вернуться с рудника раньше, если бы очень хотел ее видеть; ведь они условились так определенно. Она находила его поведение после всего, что было раньше, по меньшей мере странным и ломала себе голову над вопросом, что следует предпринять, чтобы возобновить флирт.

Закончив взятие проб, эксперты опять разделились. Грошев продолжал изучение новых работ, а Борк начал помогать Фернеру, заваленному пробами, чтобы скорее выяснить результаты анализов. Увлекаясь работой, он засиживался в лаборатории до тех пор, пока от управляющего не приходили звать ужинать. И еще два дня Марина Львовна гуляла в одиночестве.

На третий день она не выдержала; узнав от мужа, что англичанин проводит все время за пробами, она оделась для прогулки и около шести часов вечера подошла к открытому окну лаборатории, возле которого Борк перемешивал истолченные пробы.

— Яков Григорьевич, здравствуйте! Я жду вас уже шестой день для обещанной прогулки,— сказала Марина Львовна с упреком.

Англичанин вскочил и с видимым смущением ответил:

— Добрый вечер, Марина Львовна! Не знаю, как и оправдаться перед вами. Но Грошев затеял такую спешку, что я никак не мог вырваться все эти дни.

— И в лаборатории вас удерживает тот же Грошев до сумерек? — улыбнулась Пузикова.

— Ну, конечно, все он же! Ему нужно скорее знать результаты проб. Впрочем, мы сегодня кончаем, и через пять минут я буду к вашим услугам.

— Хорошо! Я буду ждать вас возле дома управляющего.

Но Марине Львовне опять не повезло. Когда Борк вышел из лаборатории, он неожиданно наткнулся на Михаила Петровича, направлявшегося тоже к управляющему и сейчас же затеявшего разговор о результатах проб, крайне его интерсcовавших.

При виде мужа Пузикова сообразила, что он теперь не отстанет от англичанина и что ей не удастся поговорить с Борком наедине.

— Михаил Петрович,— обратилась она к мужу,— мы собрались гулять до ужина, пригласи Николая Константиновича.

Но Репиков, услышавший голоса через открытое окно своего кабинета, появился у окна со словами:

— Я сейчас выйду, господа! Очень рад проветриться.

Прогулка вчетвером доставила Марине Львовне мало удовольствия. Ее супруг все время говорил о пробах, рассказывал о своих приемах опробования, убеждал Борка применить их, спорил, горячился и надоел остальным ужасно. Сославшись на усталость, Пузикова не пошла далеко и на обратном пути, пропустив мужа с Борком вперед, обратилась к Репикову с упреком:

— Николай Константинович! Я нахожу, что вы отступили от той программы, которую рекомендовали всем служащим по отношению к экспертам, и что дело страдает от этого.

— Как так? — удивился управляющий.

— Вы просили дам, в частности меня, ухаживать за экспертами, развлекать их, чтобы они поменьше занимались делами. А сами ни в чем не способствуете этому. Я не видела Борка уже целую неделю. Вы, оче-

видно, находите, что Лидия Николаевна в единственном числе составляет дамское общество, удовлетворяющее экспертов, и что нашей, например моей, помощи совсем не нужно!

— Нет, я этого не нахожу,— ответил Репиков.— Лида неразговорчива и ненаходчива, совсем не кокетка и заменить вас, милая Марина Львовна, не может. Но дело в том, что эксперты всегда торопятся, утром и за обедом не засиживаются, наскоро поедят и за работу. И просили меня званых обедов не устраивать.

— А вечера на что? После работы всегда найдется часа два-три свободных, чтобы поболтать за ужином. Вы ни разу, после первого вечера в день их приезда, не пригласили нас развлекать гостей.

— Они и вечером работают. Я боюсь помешать им...

— Пустяки! От общества красивых, молодых женщин ни один мужчина не откажется, как бы он ни был занят. У меня с Борком флирт за первые дни наладился великолепно, замороженный англичанин начал уже таять, нужно было только встречаться и дальше, хотя бы по вечерам у вас. И я, может быть, смогла бы выведать, где они берут пробы, каково их впечатление от рудника. А тут все оборвалось, и вы не догадались послать за мной раз-другой в течение недели.

— Действительно, я оплошал,— сознался Репиков.— Но мы поправим ошибку, времени еще много, и такой спешки, как в эту неделю, у них, кажется, не будет. Приходите, например, сегодня же ужинать.

— Благодарю. Это будет кстати. Я сегодня решилась наконец сама вызвать Борка из лаборатории и пригласила его на прогулку. Но тут, на беду, встретился муж и испортил все дело, привязался к англичанину, как банный лист, со своими пробами и не дает мне сказать ни слова.

— Но он будет надоедать Борку и за ужином.

— Посадите его между Грошевым и Фернером, пусть он спорит с ними о пробах, а мне предоставьте англичанина.

У порога своего дома Репиков, прощаясь с химиком, пригласил его с женой к ужину.

— Вот и отлично! — воскликнул Михаил Петрович.— Я никак не мог убедить Якова Григорьевича,

что Фернер пользуется для проб устарелым способом, дающим неточные результаты из-за угара золота. Нужно будет поговорить еще за ужином об этом.

Борк немного поморщился от этой перспективы и сказал:

— Ну, что же, попробуйте убедить Фернера, это его дело.

Через полчаса принарядившаяся Марина Львовна с мужем вернулись к Репикову. Лидия Николаевна была не особенно рада неожиданным гостям. За последние дни она свыклась с экспертами, находила темы для интересных разговоров. Ужины и час-другой после них проходили незаметно и мирно. Надоедливость химика, кокетство его супруги должны были внести диссонанс в их общество. Но по распоряжению отца ей пришлось посадить гостей так, как желала Марина Львовна.

Против ожидания Марина Львовна за ужином была очень сдержанна, даже холодна с Борком и больше разговаривала с Репиковым или вмешивалась в спор своего мужа с Грошевым и Фернером. Англичанин поглядывал на свою соседку с удивлением и наконец улучил удобный момент, чтобы задать ей вопрос:

— Марина Львовна, мне кажется, что вы на меня сердитесь; так ли это?

— Совершенно верно! И имею достаточно поводов для этого. После вашего поведения в руднике, после вашего вопроса в экипаже вы целую неделю не старались меня увидеть, и даже сегодня мы встретились исключительно по моей инициативе. А вы в довершение всего взяли с собой на прогулку, на которую я напросилась, моего мужа, явно показав этим, что встречаться со мной без свидетелей вы больше не желаете. Я так и записала.

— Годдам! — ответил Борк.— Я очень виноват перед вами, но не в такой степени, как вы думаете. Я действительно уклонялся несколько дней от возможности увидеть вас, но только с той целью, чтобы дать вам время спокойно обдумать ответ на мой вопрос. А сегодня Михаил Петрович совершенно случайно присоединился ко мне и испортил нашу прогулку. А если вы поняли мое уклонение в дурном смысле — я очень извиняюсь, хотя, с другой стороны, радуюсь тому, что вы, очевидно, интересуетесь моей особой...

Горячий спор химика с Фернером, позволивший Борку вести эту беседу с Мариной Львовной, внезапно оборвался, и им пришлось принять участие в общем разговоре. Но в конце ужина Борк еще раз нашел случай сказать своей соседке несколько слов по секрету:

— Чтобы искупить свою вину, я сообщу вам, что послезавтра мы собираемся осмотреть старые работы. Вы высказывали желание сопровождать нас туда, но Грошев очень просил меня ничего не говорить вам; он боится брать вас с собой.

— Как же быть? Я не могу навязаться против его желания и выдать вас.

— А сделаем так: утром вы явитесь прямо к управляющему в рудничном костюме и заявите, что случайно узнали от штейгера о предстоящем посещении старых работ и вспомнили мое обещание взять вас с собой. Грошев будет застигнут врасплох и не станет протестовать из вежливости.

— Отлично! Благодарю вас, Яков Григорьевич. А в руднике мы предоставим Грошеву с Бубновым лазить во все закоулки и можем поговорить наедине.

— Но в старых работах никакой пальбы не бывает,— заметил Борк с улыбкой.

— Свечи могут погаснуть и от простого сквозняка, и от капли воды,— пошутила Марина Львовна с красноречивым взглядом на собеседника.

IX

На следующий день на фабрике был организован контрольный перемол руды. Во время взятия проб Грошев наметил на разных горизонтах рудника ряд забоев, из которых руда доставлялась все эти дни отдельными партиями на фабрику. Теперь предстояло перемолоть все под строгим контролем. Подзолотить такое количество кварца в забоях или в кучах в амбаре не было возможности, и единственный подвох, которого могли опасаться эксперты, состоял в подсыпке золота под бегуны во время их работы. Поэтому кто-нибудь из них должен был все время дежурить на фабрике и присутствовать при съемке и взвешивании золота. С пяти часов утра дежурил Грошев, в девять

его сменил Борк, пробывший до обеда, а Грошев поехал на рудник, чтобы лично отправлять оттуда под надзором Матвея последние партии руды из самого глубокого горизонта. С обеда на фабрике находился Фернер, а остальные должны были подойти к шести часам вечера, чтобы видеть съемку из руды глубокого горизонта.

День выдался очень жаркий, безоблачный и безветренный. После обеда Борк сидел дома у открытого окна без верхнего платья, изнывая от жары, и лениво пересматривал контрольный журнал фабрики с записями перемолотой руды и полученного золота. Но работа подвигалась медленно. Англичанин часто отвлекался к мыслям о двух красивых дамах приискового общества — Лидии Николаевне и Марине Львовне — и сравнивал их друг с другом. У каждой были достоинства и недостатки. Дочь управляющего была не так красива, сложена довольно массивно, с большими руками и ногами, но зато была скромнее, добрее, представлялась хорошей, заботливой хозяйкой и должна была стать верной женой. Супруга химика была эффектна, вызывающе красива, прекрасно сложена, весела, остроумна, но, вероятно, неглубока и несколько легкомысленна. Впрочем, последнее Борк находил вполне извинительным и объяснимым невзрачной наружностью ее мужа, его неприятным характером и любовными похождениями, о которых англичанин уже был осведомлен. Он полагал, что она имеет полное право изменить мужу, и пришел к выводу, что помочь ей в этом деле будет очень приятно.

Размышления Борка были прерваны скрипом наружной двери. Англичанин взглянул на крыльцо дома. С него спускалась Лидия Николаевна, одетая в богато вышитую китайскую курму, с полотенцем через плечо. Она направилась мимо фабрики к купальне, находившейся на берегу речки, возле большого желоба, посредством которого вода направлялась на фабрику. Купальня состояла из двух дощатых клетушек; одна служила раздевальней, а в другой можно было принять хороший душ, спуская воду из желоба.

«В такую жару, действительно, очень приятно освежиться,— подумал Борк.— Последую ее примеру. А интересно было бы взглянуть на Лидию Николаевну, когда она разденется. Впрочем, вероятно, ничего

обольстительного не увидишь. Формы массивной молодой Юноны, здоровой производительницы детей в будущем».

Он закрыл журнал, оделся и сел опять у окна, чтобы выждать возвращение Репиковой.

Когда она, возвращаясь обратно, поднималась по крыльцу, Борк вышел ей навстречу.

— Освежились, Лидия Николаевна? И я хочу последовать вашему примеру, очень уж жарко сегодня!

— Да, очень жарко, а вода холодная, удивительно приятная,— ответила Репикова с ласковой улыбкой.— Но только поторопитесь, в это время Марина Львовна обыкновенно приходит купаться.

Борк вернулся к себе за полотенцем, но на крыльце его немного задержал Николай Константинович, возвращавшийся из конторы. Освободившись от него, англичанин быстро прошел к купальне, открыл дверь и остолбенел.

В клетушке, полуоборотом к двери, стояла нагая женщина. Она вытирала полотенцем лицо и, очевидно, не заметила, что дверь открылась. Волосы были скрыты под резиновым чепчиком, на скамье белели рубашка и кружевные панталоны, в углу стоял красный зонтик, на гвоздике висел желтый чесучовый капот. Англичанин скользнул взглядом по живой статуе, тихонько закрыл дверь и, взволнованный, отошел в сторону, к лесу.

— Великолепно сложена, положительно классические формы от шеи до кончиков пальцев,— пробормотал он.— Но кто это? Дочь станового, жена штейгера или Марина Львовна?

Он притаился за группой березок на берегу речки, откуда была видна дверь купальни. Немного погодя из купальни вышла женщина, оглянулась кругом, словно высматривая кого-нибудь, потом раскрыла зонтик и медленно пошла вниз вдоль речки, огибая фабрику с другой стороны. Это была Марина Львовна.

Когда она скрылась из вида, Борк вышел из засады и занял купальню. Раздеваясь и одеваясь, он все припоминал подробности телосложения, схваченные быстрым взглядом.

— И от такой красавицы химик бегает к разным рудничным бабам, грязным или развратным! Он стоит того, чтобы отнять у него эту женщину!

Приняв твердое решение продолжать флирт с Мариной Львовной и довести его до желанного конца, Борк вернулся домой, где застал только что вернувшегося с рудника Грошева, который быстро отвлек его мысли в другую сторону.

Марина Львовна была не совсем невинна в происшедшем. Она, конечно, не знала, что Борк придет в это же время в купальню, но, выйдя из-под душа, увидела через щелочку в стенке, что англичанин приближается. Недолго думая, она откинула крючок с двери и, став полуоборотом ко входу, закрыла лицо полотенцем, словно вытирая его. Она знала, что, показав Борку как бы невзначай свои красивые формы, она подогреет его чувства и заставит продолжать флирт. Она рассчитывала, что Борк после этого соблазнительного видения подождет ее вблизи купальни, и можно будет устроить прогулку в лес без свидетелей. В этом отношении она ошиблась и пошла домой несколько огорченная.

«Неужели я не понравилось ему в таком виде? — думала она.— Может быть, он предпочитает крупных женщин, вроде этой коровы Лидии Николаевны? А может быть, он и не догадался, кого застал в купальне, и даже не поинтересовался потом высмотреть? Впрочем, он смотрел на меня довольно долго, закрыл дверь не сразу. Завтра в руднике наведу разговор на эту тему. Вообще, завтра будет решительный день».

X

Утром, когда эксперты завтракали у управляющего, ожидая прихода штейгера, чтобы отправиться в старую часть рудника, в комнату вошла Марина Львовна в том же мужском костюме, как и в прошлый раз. Лидия Николаевна и Грошев посмотрели на нее с нескрываемым удивлением. Но она не смутилась.

— Господа, я вчера вечером случайно узнала от Василия Михайловича, что сегодня предстоит интереснейший осмотр старых работ. А так как в прошлый раз мне было любезно обещано, что возьмут с собой и меня, то вот я к вашим услугам.

— Простите, я что-то не помню, что давал вам та-

кое обещание! — заявил Грошев не особенно любезным тоном.

— Я не помню, кто именно обещал, вы или Яков Григорьевич, но твердо помню самый факт,— возразила молодая женщина с милой улыбкой.

— Это было очень легкомысленное обещание! — не сдавался инженер.— Там ходить и трудно, и опасно, особенно для неопытных.

— Но зато там можно увидеть настоящую прелесть подземного мира. Так говорит штейгер.

— Прошлый раз вы, кажется, не особенно были очарованы этими прелестями? — вмешалась Лидия Николаевна.

— С чего вы взяли, милая? Я, конечно, устала, но мне очень, очень понравилось. И на обратном пути я высказала это Якову Григорьевичу, не правда ли?

— О, да, вы были в восторге! — подтвердил англичанин.

— А где будет слишком опасно, я не полезу и подожду вас поблизости.

Эксперты отправились к себе переодеться, а управляющий и штейгер перешли в кабинет поговорить по делу.

Женщины остались одни в столовой.

— Я удивляюсь вам, Марина Львовна,— сказала Лидия Николаевна,— как вы напрашиваетесь в попутчицы к людям, которым это совершенно неудобно. Ведь Борк только из любезности не протестовал против вашего участия.

— А я удивляюсь вам, Лидия Николаевна,— насмешливо возразила гостья,— как вы совершенно не понимаете, что за экспертами нужно ухаживать не только за обедами, ужинами и чаями, но и в промежутках, пользуясь для этого всевозможными случаями.

— Но ведь в руднике вы будете отвлекать их от дела своим ухаживаньем.

— Я опять удивляюсь вам, Лидия Николаевна! Этим замечанием вы прямо показали, что совершенно не в курсе дела.

— То есть как это? — обиделась хозяйка.

— А так, что чем больше я буду мешать экспертам делать их дело, тем лучше это будет для нашего общего дела — продажи рудника.

— Вы хотите, следовательно, мешать им узнать истинное состояние рудника?

— Вот именно!

— Но ведь это же обман, мошенничество!

— Как вы резко выражаетесь! Я никого не обманываю, я только отвлекаю своей особой внимание экспертов от чересчур глубокого проникновения в крепи, забои, жилу, содержание золота.

— Все-таки это нехорошо, некрасиво! Я бы не могла так делать.

— Да вы лучше у своего отца спросите, какие меры он принимает, чтобы втереть экспертам очки!

— Что вы говорите, Марина Львовна? — вспыхнула хозяйка.— Папа втирает очки!

— И сам, и через других, все этим понемногу занимаемся, только вы ничего не знаете!

В это время управляющий и штейгер вернулись в столовую и тем положили конец разговору, принявшему столь неожиданный и столь неприятный для хозяйки оборот. Лидия Николаевна не захотела расспрашивать отца в присутствии посторонних.

У крыльца послышались переливы колокольчиков; все вышли на крыльцо, расселись по экипажам и поехали на рудник.

В старые работы всего удобнее было попадать через Мокрую штольню, в которую пытался проникнуть Кузьмин в ту злополучную ночь. Он предупредил штейгера, что штольня сильно заплыла льдом, почему Василий Михайлович взял из конторы двух рабочих с кайлами и топорами; они же несли мешки для проб.

Штольня зияла своей черной глубокой пастью на беленом склоне горы; из нее тянуло холодом и запахом сырости и плесени. Марина Львовна вздрогнула и спросила у штейгера, давно ли он был в штольне.

— С месяц тому назад,— ответил Василий Михайлович.— Пройти можно было хорошо, только в одном месте пришлось сильно согнуться, лед наплыл.

— Может быть, и на животе придется ползти? — не без ехидства по адресу Пузиковой сказал Грошев.

— Кто знает, мне Кузьмин сказал, что лед сильно нарос. Но у нас с собой инструмент, пробьемся.

— Слышите, Марина Львовна? — обратился инженер к Пузиковой.— Не лучше ли вам вернуться, пока

не поздно? Ползать на животе для дамы не особенно приятное занятие.

— А я, может быть, люблю ползать, почем вы знаете? — отпарировала молодая женщина.

— И во всяком случае, я пролезу там, где вы застрянете, не правда ли, Яков Григорьевич?

— О да, о да, без сомнения! — засмеялся Борк, сравнивая тонкую грациозную фигуру Пузиковой с довольно массивным телом несколько ожиревшего инженера.

— Дело не в толщине, а в мускульной силе! — возразил Грошев.— Но мне все равно, ваше дело.

Он быстро зашагал в глубь штольни вслед за Василием Михайловичем и рабочими.

По мере движения вперед в штольне становилось все холоднее и холоднее, и на столбах крепи заблистал иней; вскоре слой его сделался настолько толстым, что вся крепь покрылась как будто изморозью; ледяные пластиночки отражали пламя свечей, и мелкие искры бриллиантами засверкали со всех сторон. Топот ног гулко отдавался на мерзлой почве, а голоса шедших впереди словно исходили из бочки.

Крепь держалась отлично, очевидно, благодаря низкой температуре. Слой инея скоро сменился натеками льда. Начиналось место, где во время проведения штольни сильно протекала вода; ее постепенно остановили зимние морозы, проникавшие вместе с воздухом, и превратили в лед. Сначала льдом были заняты только промежутки между столбами, и штольня получила странный вид, точно ее подбили черно-белым грубополосатым тиком. Немного дальше лед появился и на столбах, сперва тоненьким слоем, словно глазурь на торте, как выразилась Марина Львовна, которой подземный мир начинал нравиться. Потом вся крепь исчезла под натеками льда, и с обеих сторон вместо темного дерева тянулись ледяные столбы с неровными кольчатыми выступами, а с потолка свисали сосульки разной длины и толщины. Ничего не стало видно, кроме льда, мутно-белого от воздушных пузырьков, тускло блестевшего под пламенем свечей; но сравнительно с той частью штольни, где крепь была на виду, здесь, в ледяной галерее, стало гораздо светлее, чище, свечи словно ярче горели. Зато пришлось идти осторожно; ледяные бугры и ко-

росты покрывали почву, ноги скользили, а голова часто задевала за сосульки потолка. Люди начали скользить и хвататься руками за ледяные колонны стен. Чуть не полетел Василий Михайлович, перелезая через упавшую стойку, превратившуюся в ледяной порог; звонкий смех Марины Львовны огласил штольню, когда Грошев, поскользнувшись, сшиб головой большую сосульку с потолка, а затем, не удержав равновесия, грузно сел на лед.

— Что за прелестная прогулка! — воскликнула молодая женщина.— А вы еще не хотели меня взять с собой! Вам просто не хотелось выдавать посторонним чудеса этого волшебного мира!

Всего хуже приходилось длинному Борку; хотя он все время шел, сильно согнувшись и втянув голову в плечи, но то и дело задевал за сосульки, и они срывались вниз, превращаясь на ледяном полу в сноп твердых брызг; по звуку казалось, что падает и бьется стекло.

Стало еще холоднее, и в сузившейся штольне чувствовался морозный ветерок, дувший навстречу. Вскоре штейгер остановился и сказал:

— Скоро лед кончится, господа, но напоследок заставит нас погреться — шагов двадцать придется ползти ползком.

Действительно, натеки льда все больше и больше стесняли штольню, надвигаясь сверху, сбоку и снизу.

Пришлось стать на колени и подвигаться по льду на четвереньках. Здесь Грошеву из-за его толщины пришлось хуже всех: он пыхтел, ворчал, проклинал мороз, а ползущая за ним Пузикова смеялась и злорадствовала.

— Дело не в толщине, а в мускульной силе! А почему же вы ворчите, а я смеюсь?

Вдруг рабочий, ползший впереди, крикнул:

— Дальше ходу нет, почти вся заплыла.

— Ну, беритесь-ка, продолбите! — сказал штейгер.

Рабочий полулежа начал долбить лед кайлой, а позади него, сидя на корточках, в тесной ледяной трубе вытянулись остальные. Это была странная картина: молочно-белый лед искрился огоньками от свечей; из ноздрей вырывался легкий пар; брызги льда летели из-под кайлы рабочего, отскакивая от стен трубы и заставляя всех отворачивать головы и закрывать лицо руками.

— Скажите, Иван Петрович, почему здесь столько льда? — обратилась Пузикова к инженеру, чтобы задобрить его своей любознательностью.— Воды и в других частях рудника немало, а лед только здесь.

— Это явление наблюдается только в холодном климате и там, где имеется усиленное движение воздуха. По этой штольне сильно тянет наружный воздух в старые работы, находящиеся выше по горе; благодаря этому, зимой здесь постоянно замерзает вода, капающая из породы, а за короткое лето она не успевает оттаять. Мало того, теперь даже и летом нарастает лед, потому что образовавшиеся массы настолько значительны, что и теплый летний воздух охлаждается до нуля и отдает всю свою влагу, осаждающуюся инеем на крепи или намерзающую на лед.

— А почему в нижней штольне льда почти нет?

— Там нет такой тяги воздуха, она упирается в длинный гезенк, тогда как эта — прямо в обширные выработанные пространства, из которых, наверное, есть ходы на поверхность — старые шахты, шурфы.

— Есть, есть,— подтвердил штейгер.— Туда и тянет, как в трубу.

— Готово,— объявил рабочий, пробивший во льду узкое отверстие, через которое приходилось протискиваться, вытянувшись во весь рост. Оба рабочих и штейгер пролезли довольно легко. Грошев полез и застрял. Ни взад, ни вперед. Василий Михайлович и рабочие взяли его за руки и стали тащить, Борк взял за ноги и начал толкать, а Марина Львовна запела «Дубинушку». При слове «ухнем» Грошев сразу проскочил через узкое место. Штейгер и рабочие потеряли равновесие и растянулись вместе с инженером по ту сторону. Все хохотали, а с Мариной Львовной от смеха чуть не сделалась истерика.

— Теперь ваша очередь, позвольте и вас протолкнуть в этот ледяной туннель,— обратился к ней Борк.

При этих словах Грошев, отдувавшийся по ту сторону отверстия, отпустил вполголоса какое-то замечание, вероятно нецензурное, потому что штейгер и рабочие захихикали.

— Благодарю вас, Яков Григорьевич! Я проберусь и без посторонней помощи,— сказала молодая женщина, вспыхнув.

Быстро растянувшись на льду, она скользнула в

ледяную дыру, словно змея, так что англичанин не успел даже схватить ее за ноги, чтобы помочь.

Когда все очутились на другой стороне, шествие возобновилось в прежнем порядке, но маленькое приключение служило еще темой для шуток.

Ледяная галерея быстро расширялась, и вскоре лед отодвинулся на крепи, потом спрятался в их промежутках и, наконец, совершенно исчез. Стало теплее, понемногу исчез даже иней. Штольня кончилась.

— Вот и старые работы начинаются! — заявил Василий Михайлович.— Пожалуйте сюда!

Он повернул направо по штреку, шедшему в обе стороны от штольни, и указал на черневшее вверху отверстие, к которому вела крутая лестница.

Начался утомительный подъем на тридцать метров вверх по жиле; этот промежуток между верхним и средним этажами был разбит на десять горизонтов неодинаковой высоты. Лестницы не было, и часто приходилось сильно тянуться с верхней ступени до люка, совершая гимнастические упражнения.

В обе стороны от лестницы тянулись старые выработки — узкие ходы по жиле, масса которой давно уже была вынута и истолчена на фабрике. Оставшаяся пустота частью была заполнена пустой породой — обломками камня из боков жилы вперемежку с обрезками крепи.

Поднимаясь с лестницы на лестницу, пролезая через люки, помогая друг другу в неудобных местах, шли понемногу вверх. Всего труднее приходилось грузному Грошеву в тесных люках и Пузиковой в тех случаях, когда лестница была слишком коротка; ее приходилось или подсаживать снизу, или вытягивать сверху. Первое исполнял Борк, шедший сзади, и ему доставляло большое удовольствие брать молодую женщину за ноги, форма и теплота которых чувствовались сквозь материю шаровар.

Наконец достигли верхнего этажного штрека, который не был заложен пустой породой, потому что служил в свое время для откатки руды. По нему штейгер повернул вправо, чтобы показать экспертам то место, где жила внезапно кончалась, обрезанная трещиной сброса. Это место находилось в ста метрах от подъема.

По штреку сначала было просторно и чисто, но

потом началось пространство, где сильно «давило», где каменные массы, оставшиеся над пустотой, после выемки жилы, постепенно оседали от своей тяжести и с страшной силой нажимали. Крепь была здесь усилена толстыми бревнами, проложенными вдоль по штреку под крепью потолка и покоившимися на столбах; но и они помогли только на время, и местами пришлось поставить второй ряд таких «подхватов»; поэтому просвет штрека настолько сузился, что оставался проход только для одного человека, которому приходилось протискиваться между столбами.

Под давлением каменных масс крепь гнулась и ломалась; горизонтальные бревна-огнива и подхваты местами были расплющены в лепешку в промежутке между камнем и верхним концом стойки или были надломлены в середине, точно спички, и выперлись в штрек, образуя над головой колючие, занозистые выступы. Стойки-столбы, поддерживавшие огнива и подхваты, также поддавались под тяжестью; одни были расколоты вдоль, и обе половины выгнуты дугой в разные стороны, другие были надломлены и выпирались коленом в штрек. Протискиваясь между крепью, приходилось смотреть в оба, чтобы не наткнуться лицом на острые щепки, торчавшие то тут, то там из поломанных бревен. Так и казалось при взгляде на эти толстые подпорки, изломанные и исковерканные, что вот-вот они сломаются окончательно, и каменные массы, нависшие над головой, рухнут вниз и раздавят пробирающегося по штреку человека, как давит комара захлопываемая тяжелая книга.

Жуткое впечатление усиливалось тем, что из-за поломанной крепи струилась и капала повсюду вода; благодаря обилию влаги, дерево крепей повсюду было покрыто грязно-белыми полужидкими массами какой-то особенной подземной плесени. Пробиваясь по этому штреку, дни которого, несомненно, были уже сочтены, все примолкли, охваченные жутью и занятые преодолеванием препятствий. Слышны были дыхание людей, плеск воды под их ногами, треск свечей, в которые то и дело попадали брызги с крепей; пламя часто тухло, и приходилось поворачиваться к своему соседу, шедшему сзади, чтобы разжечь свечу.

Но вот впереди послышался шум, делавшийся все

яснее; казалось, что там идет сильный дождь. Василий Михайлович остановился и сказал:

— Теперь, господа, берегите огонь, начинается самое мокрое место. Но зато дальше будет совсем сухо.

Прикрывая пламя свечей руками, все двинулись быстрым шагом, насколько позволяла переломанная крепь. Вода уже не капала то тут, то там из-за бревен, а лилась целыми струйками, так что, действительно, получался хороший дождь. Здесь появилась особого рода плесень — в виде тонких нитей, висевших с огнив и подхватов и покрытых, словно мелким бисером, капельками воды, отражавшими огонь свечей. Но любоваться сотнями этих сверкающих нитей, висевших над головой, было некогда, приходилось все время лавировать свечой на ходу то вправо, то влево, чтобы она не попала под струйку воды; все-таки это в конце концов случилось почти со всеми.

И вдруг это давленное, мокрое и опасное место сразу кончилось. Стало сухо, просторно и чисто, крепь стояла без всяких подхватов и нисколько не подгнила и не поддалась, словно была поставлена только на днях, а не пятнадцать лет тому назад.

Все были изумлены, и Марина Львовна выразила общее впечатление возгласом:

— Как здесь славно! Почему же это гнилое место кончилось?

— А мы сейчас вышли за трещину сброса,— объяснил штейгер.— Перед ней и давило так сильно, гора все время садится. А из самой трещины лила вода.

— Здесь, следовательно, жилы уже нет? — спросил Грошев.

— Кончилась, как обрезанная! Все шла с богатым золотом, хотя и не толстая, а за трещиной пропала.

— И что же, не искали ее?

— Как не искать — искали! Вот поглядите, тут и вправо, и влево, и вверх выработки идут по пустоте, сажен по десять пробиты, но безрезультатно.

— Та-ак! — протянул Борк.— Значит, здесь жиле — прощай!

— А может быть, только до свиданья? — воскликнула Марина Львовна.— Может быть, мы ее плохо, недостаточно упорно искали, а она тут недалеко сидит себе в горе, коварная.

— И над нами смеется! Ведь жилы капризны и ко-

варны, как женщины! — рассмеялся Василий Михайлович.— И я надеюсь, что пропавшее продолжение жилы найдется.

— Надежды только юношей питают! — заметил Грошев наставительным тоном.— А взрослые люди должны знать, сразу выяснить себе, в какой стороне искать, и вести эти поиски до тех пор, пока не найдут желаемого или пока не убедятся, что ошиблись.

— Как вы строго судите, Иван Петрович!

— А то как же! Вот и доказательство налицо. Если бы здесь своевременно выяснили вопрос, где жила за сбросом, вы бы, может быть, рудника не продавали или знали бы его настоящую цену! А так вы только надеетесь.

Василий Михайлович слушал речь Грошева бледный, со сдвинутыми бровями. Ведь это его, руководителя подземных работ, срамили, упрекали в небрежности, в потере жилы.

— Но ведь мы же искали,— попытался он возразить.— Вот поисковые выработки, вверх, вниз, в обе стороны...

— А почему же во все стороны? — горячился Грошев.— Разве нельзя было на самом сбросе выяснить, куда сдвинуло этот бок? Ведь признаки есть, всем горнякам известные. А выяснив, куда сдвинута жила, нужно было гнать не десять сажен, а хоть сотню, но жилу найти!

— На сбросе ничего не было видно, все передавлено, персбуторено,— ответил штейгер.— И вода хлещет, сваливает свечи, мешает смотреть. Я тут немало мок, разбираясь, да ничего не разобрал.

— Ну, ладно. Мы к этому вопросу еще вернемся. Я приду сюда с вами в другой раз без посторонней публики, тогда мы посмотрим. А теперь нам нужно за пробами в целики, время идет.

Снова пришлось идти назад через мокрое и давленное место к подъемам, чтобы проникнуть в ту часть старых работ, где остались еще целики — участки жилы, почему-то не выработанные. Эксперты хотели опробовать их. Все шли быстрее, освоившись уже с хождением под изломанной крепью и под дождиком.

Дойдя до подъемов, поднялись еще на несколько метров вверх и пошли в сторону, противоположную сбросу.

Здесь было совершенно сухо и сравнительно тепло; холодный воздух из штольни не проникал так далеко вверх благодаря тому, что в этой части старых работ остался только один ход по узким подъемам, другие были завалены, и сообщения с поверхностью не было. Воздух настаивался и согревался, здесь также почти не давило, и потому многие выработки не были заложены, а стояли свободными.

Быстро прошли по верхнему штреку и достигли места, где жила раздувалась внезапно до нескольких метров толщины и поэтому была вынута несколькими параллельными выработками; бревенчатые коридоры крепей шли не только друг над другом, как в узких местах жилы, но и друг возле друга в три, четыре и даже в пять рядов. Промежутки между этими соседними коридорами, находившимися на одном уровне, были закреплены не сплошными стойками, а подхватами, так что в общем получалась большая, но узкая зала, потолок которой поддерживался отдельными столбами. Несколько таких зал находилось друг за другом, в обе стороны по жиле они суживались и переходили постепенно в узкий штрек.

В этих залах было царство сухой плесени; на столбах, подхватах, огнивах, на каждом куске дерева виднелись снежно-белые наросты; они представляли то отдельные плоские подушечки, приросшие к дереву, то сливались по две и по три в группы, то образовывали длинные волнистые полосы. С подхватов и огнив белые наросты свешивались гирляндами и фестонами различной величины и формы. На ощупь эти наросты были нежны и пушисты, как заячий мех, и палец свободно уходил в их рыхлую массу вплоть до основания плесневой колонки — дерева крепи, покрытого только тонким, скользким слоем, на котором держались белые нити.

Казалось, что по зале только что пронеслась метель и забросала все пушистым белым снегом, насевшим прихотливыми пятнами.

— Но какая же это прелесть! — воскликнула Марина Львовна.— Разве не хорошо, что я напросилась к вам в спутницы, и разве не прав Василий Михайлович, восторгающийся чудесами подземного мира?

Все разглядывали белые наросты и трогали их, пока штейгер не напомнил:

— Господа, если угодно пробовать целик, то пойдемте дальше; но предупреждаю, что придется ползти через зал. Прошлой осенью штрек почти перегородило обвалом. Вам, Марина Львовна, ходить туда не стоит, мы вернемся сюда же. Поэтому подождите нас здесь.

— Остаться здесь одной?

— Я останусь с вами,— сказал Борк.— Мне также там делать нечего, Иван Петрович сам возьмет пробы.

— Ну, и отлично! — заявил Грошев.— Идемте, Василий Михайлович.

— Через четверть часа вернетесь, я полагаю? — спросил Борк.

— Нет,— ответил Грошев.— Раньше получаса не ждите, я хочу взять две или три пробы.

Борк и Марина Львовна прошлись потихоньку по залу и остановились, охваченные жутью окружающего. Во все стороны одна за другой тянулись колонны, покрытые пушистыми белыми наростами, исчезая постепенно во мраке; фестоны и гирлянды из плесени чуть-чуть колебались благодаря тому, что неподвижность воздуха была нарушена ходьбой и дыханием людей и огнями свечей.

— Как здесь жутко! — сказала, наконец, молодая женщина, понизив голос до шепота.— Если бы я осталась здесь одна, я не знаю, что бы сделалось со мной. Эта страшная тишина, эти странные грибы. Я боюсь даже говорить громко! Тссс... что это?

Тишина была нарушена. Где-то, не то бесконечно далеко, не то совсем близко, рядом, за стенкой штрека, слышались частые и резкие, но слабые звуки, похожие на тиканье каких-то особенных часов. Потом все замолкло.

— Что это было? — прерывающимся голосом спросила Марина Львовна.

Борк молчал. Тиканье опять началось.

— Но говорите же, мне страшно, Яков Григорьевич! Где эти странные часы, у вас в кармане, что ли?

— Какая вы пугливая, Марина Львовна! А еще хотите гулять под землей,— насмешливо сказал Борк, наслаждаясь испуганным лицом молодой женщины, ее расширенными от страха большими серыми глазами, в которых отражалось колеблющееся пламя свечей.

Спокойствие англичанина подействовало на молодую женщину, и она взяла своего спутника под руку.

— Но все-таки скажите мне, что это за звуки? Не задавленные ли рудокопы стучат так в своих каменных могилах? Может быть, с нашими спутниками что-нибудь случилось, и они стуком зовут на помощь?

— Ничего подобного! Это просто внизу в руднике, глубоко под нами, работает перфоратор, и его стук передается по каменным массам к нам.

— Перфоратор? Ах, понимаю, это та стучалка, которая сверлит дырки в скале и так оглушила нас в прошлый раз.

— Да, она самая.

— Уф!.. А я серьезно испугалась, и сердце бьется у меня до сих пор в такт этой стучалке. И мне стало даже жарко.

— В этом зале действительно достаточно тепло. Мы можем снять наши брезентовые куртки.

Он помог Марине Львовне освободиться от тяжелой, грубой куртки, и она осталась в легкой блузке, обтянувшей ее красивый бюст. Борк вспомнил вчерашнее видение, и его сердце учащенно забилось.

— Вы устали? — спросил он.

— И как еще! Вверх — вниз, вверх — вниз, и по льду, и через лед, и через мокрые места! Но только в этом красивом зале для нас не приготовлены стулья и сесть негде. А ждать на ногах, пока вернутся остальные, сил не хватит. Я готова сесть на пол.

— В таком случае сиденье найдется.

Борк отдал Марине Львовне свою свечу и разостлал на полу брезентовые куртки, на которые она и опустилась со вздохом облегчения.

— Место есть и для вас, Яков Григорьевич! Сидеть, конечно, неудобно, в особенности тому, у кого ноги длинные.

Англичанин сел рядом с ней, взял у нее свечу и вставил ее в щель между бревнами на полу.

— Я хотела просить вас, Яков Григорьевич, о большом одолжении,— сказала Марина Львовна, поднимая к лицу Борка свой лучистый взор.— Вчера ведь кончили все пробы и перемол. Скажите мне по секрету, каково ваше мнение о богатстве нашего рудника. Вы же знаете, почему это меня интересует.

— Пробы получились очень пестрые, Марина Львовна, есть богатые, но много бедных. А вчерашний перемол дал малоутешительные результаты.

— То есть наше дело плохо? Покупать рудник не стоит? — вздохнула Пузикова.

— Нет, такой приговор будет еще преждевременным. Экспертиза далеко не кончена, нужно еще и еще смотреть, искать, выяснять. Мы повторим некоторые пробы. Грошев исследует старые работы, где жила была так богата, осмотрит другие отводы владельца, а я буду изучать старые дела фабрики, старые планы рудника, отчеты.

— О, так что можно еще надеяться на благоприятный отзыв? Как я буду рада уехать отсюда!

— Но, мне помнится, вы очень расхваливали и местность, и климат, и веселую жизнь на руднике.

— Ну, теперь вы сами можете судить обо всем этом, Яков Григорьевич. Я, конечно, немного преувеличивала все по своей восторженной натуре,— ответила Пузикова немного сконфуженно.

Борк улыбнулся, наклонился к Марине Львовне и взял ее руку.

— Я ответил на ваш вопрос, Марина Львовна, выдал вам секрет, который прошу не разглашать. Теперь ваша очередь: мой вопрос — я люблю вас — все еще ждет ответа.

Вместо ответа молодая женщина охватила обеими руками голову Борка, притянула ее к себе, и губы их встретились в горячем поцелуе. Нечаянным или умышленным движением ноги она опрокинула и погасила свечу. Белый зал погрузился в мрак, но торжественную тишину его, установившуюся с тех пор, как перестали стучать по камню кайлы и балды и грохотать взрывы, нарушали не только обычные звуки — тиканье далекого перфоратора, потрескивание крепи, шорох камня, сорвавшегося с соседнего завала. В темноте слышались поцелуи, вздохи, страстный шепот.

Но вот из штрека донеслись глухие голоса, и в белом зале чиркнула спичка и вспыхнул огонь, осветив женщину, сидевшую на полу и оправлявшую свою растрепанную прическу.

Когда на куче завала загрохотали камни и на нависших глыбах заплясали отблески свечей, Марина

Львовна быстро вскочила. Отдавая Борку последний поцелуй, она прошептала:

— Теперь я уверена, что из любви ко мне ты дашь хороший отзыв о руднике!

— О, самый лучший, какой только смогу, моя дорогая.

Марина Львовна, уловившая иронию в этих словах, добавила:

— Дай мне честное слово!

— Честное слово джентльмена! Но я надеюсь, что мы увидимся еще в более удобной обстановке?

— Конечно, постараемся устроить это.

Когда Грошев, штейгер и рабочие с мешками руды появились в белом зале, Борк и Пузикова надели свои куртки и потихоньку пошли вперед к выходу. Проходя мимо того места, где они сидели, Грошев увидел на полу красную ленточку. Он ехидно улыбнулся, нагнулся мимоходом, поднял ленточку и сунул в карман.

Из старых работ спустились в новые и вышли, как в прошлый раз, по шахте на противоположный склон горы. Но для обратного пути вместо сидейки и трехшпанки был подан тарантас, и Пузиковой пришлось ехать не вдвоем с Борком, а вместе со всеми.

— Что же, довольны ли вы прогулкой, понравились ли вам чудеса подземного мира? — спросил ее Грошев.

— Я, конечно, устала от ходьбы, но очень довольна. Я видела много интересного, испытала новые ощущения.

— Например, в белом зале?

— Да, и в белом зале,— смело ответила Марина Львовна, не смущаясь намеком инженера.— Я слышала там какой-то далекий странный стук и очень испугалась, вообразив, что вас завалило и вы зовете на помощь. Яков Григорьевич разъяснил мне, что это стучит перфоратор. И давно я так не смеялась, как в ледяной галерее, когда вас протаскивали в узкое отверстие.

— Белый зал замечательное место в разных отношениях,— заметил Борк с улыбкой.

— Словом, были и сильные впечатления, и приключения, но все кончилось к общему удовольствию,— вставил Бубнов.— И если пробы, которые взял

Иван Петрович, окажутся богатыми, то этот день можно отметить в летописи «Убогого» рудника как особенно счастливый.

XI

Прошла еще неделя. Июль кончился, и по ночам становилось прохладно. Работы экспертов шли усиленным темпом. Борк ежедневно посещал фабрику и наблюдал съемку золота, а остальное время проводил в конторе или у себя в комнате, изучая старые журналы работ и отчеты предприятия; иногда ради отдыха он отправлялся в лабораторию и помогал Фернеру при анализах проб. Грошев закончил изучение рудника и ездил с Кузьминым или Бубновым на соседние отводы того же владельца, где осматривал старые разрезы, галечные и эфельные отвалы, разведочные штольни и шахты на золотоносных жилах, разработка которых почему-то не была начата, хотя жилы, по словам управляющего, были не бедные. Приходилось брать и здесь пробы, увеличивая работу Фернера, который был занят каждый день до позднего вечера. В промежутках между этими поездками Грошев совершенно неожиданно требовал лошадей, являлся на рудник и брал новые пробы то тут, то там, сбивая Василия Михайловича совершенно с толку. Не было никакой возможности подготовить забои. Иногда ему удавалось поспеть вовремя, чтобы подсолить пробу папиросой, но чаще он даже не знал, где проба взята. Грошев, уже отлично изучивший рудник, теперь не приглашал с собой штейгера, а брал только Матвея и у самого забоя кого-нибудь из рабочих, находившихся поблизости. Бубнов мог только случайно оказаться тут же. О результатах анализов проб эксперты не говорили. На вопросы Репикова и Пузикова давали неопределенные ответы.

За эту неделю Марине Львовне удалось увидеться с Борком только один раз. Несколько вечеров после посещения старых работ перепадали дожди и делали прогулки в лесу невозможными. Один раз после дождя прогулка все-таки состоялась, но в мокром лесу

негде было даже присесть. Михаил Петрович забегал домой чаще обыкновенного и в самое различное время, так что пригласить Борка к себе Марина Львовна не решалась. Репиков частенько сидел на крыльце своего дома, поэтому незаметно забежать к Борку в комнату тоже было невозможно.

Марина Львовна опять изнервничалась: она находила, что Борку легче было устроить свидание с ней; он знал, куда и на сколько времени уезжал Грошев, и мог послать ей весточку в удобное время. И она начала серьезно ревновать к Лидии Николаевне, с которой англичанин виделся ежедневно утром, за обедом и вечером.

Дочь Репикова, конечно, была не так обворожительна, как Марина Львовна, но не глупа, не кокетка, довольно начитанна и могла поддерживать серьезный разговор. Сравнивая свои быстрые успехи в первые три дня знакомства с последующей волокитой, Марина Львовна находила, что здесь дело не обошлось без влияния Лидии Николаевны на Борка.

«Я гожусь для случайных поцелуев и объятий в руднике,— с горечью думала Марина Львовна,— а с ней он проводит время веселее и интересно и, того гляди, женится и увезет ее с собой. А я останусь при своем Михаиле Петровиче».

В конце недели Пузикова не вытерпела и после ужина отправилась к управляющему, захватив в качестве предлога новый журнал с выкройками. В столовой она застала Репикова с Грошевым и штейгером за бутылкой вина и разговором о каких-то отводах, а в гостиной сидели Лидия Николаевна с шитьем и Борк, читавший вслух какую-то книгу.

При появлении Марины Львовны англичанин как будто сконфузился и через несколько минут под предлогом спешной работы простился и ушел к себе. Пузикова также не засиделась и ушла с усилившейся ревностью. Штейгер, вышедший вместе с ней, сообщил, что завтра, если погода будет хорошая, он поедет с Грошевым и Репиковым на целый день на самый дальний отвод, где нужно осмотреть и опробовать жилу, на которой когда-то были начаты работы.

Пузикова приняла решение:

— Если Борк завтра не назначит мне свидания, я сама пойду к нему после обеда и выясню, в чем дело.

На следующий день погода была отличная, и поездка состоялась. Борк провел все утро на фабрике вместе с Пузиковым, проверяя работы бегунов; после обеда его сменил Фернер, и англичанин был свободен. Он решил воспользоваться удобным случаем и написал Марине Львовне записку. Но с кем послать ее? Если послать с прислугой управляющего — это станет известно всему дому. Отнести ее самому — можно наткнуться на Михаила Петровича. Борк вышел на крыльцо в надежде увидеть какого-нибудь рабочего, проходящего мимо, и дать ему поручение. Но на площади, залитой солнцем, не видно было никого. Борк заглянул на фабрику в надежде, что химик уже там и что можно идти самому. Но Михаил Петрович еще не приходил с обеда.

Борк вернулся к себе и сел у окна, чтобы выждать, когда химик пройдет мимо. Минуты проходили, Пузиков не шел, и нетерпение Борка росло. Подвернулся редкий случай, и, если упустить его, Марина Львовна окончательно рассердится.

Вдруг Борк увидел мальчика, шедшего со стороны леса с лукошком. Он подозвал его и спросил:

— Мальчик, ты куда идешь?

— На стан, барин! Черницу, голубицу набрал, продать хочу.

— Ты знаешь квартиру химика Пузикова?

— Как не знать, мамка туды ходит белье стирать. Барыня добрая, конфет дает мне, если увидит. Ягоду часом покупает тоже.

— Так вот, ты снеси ей ягоды и заодно письмо от меня. А если она не купит, приди назад, я куплю твою черницу.

— Ну, что же, снесу. Давай письмо-то.

— Подожди тут, посиди на крыльце, я сейчас принесу.

Борк вернулся в комнату за письмом, но вспомнил, что у мальчика руки перепачканы в чернике. Нужно завернуть во что-нибудь. На глаза попался дорожный томик английского романа.

«Это еще лучше! — подумал Борк.— Пусть через прислугу передаст не письмо, а книгу. Но все-таки нужно завернуть».

Бумага нашлась, но веревочки, чтобы перевязать, не было под руками.

Взгляд Борка упал на брезентовую куртку инженера на вешалке. Из кармана торчала красная шелковая ленточка. Борк удивился.

— Ленточка из женской косы или рубашки. Ай да Иван Петрович, завел, наверно, роман с какой-нибудь Машей или Пашей. Но придется лишить его этой памятки.

Вложив письмо в книгу и обвязав пакет ленточкой, он вынес его мальчику.

— Вот, отнеси в квартиру химика, но отдай только барыне. А ягоды я куплю, если она не возьмет. Понял, не напутаешь?

— Понял, в аккурат исполню, живой ногой.

Мальчик помчался вприпрыжку по улице. Минут через десять он вернулся назад с тем же пакетом.

— Вот, нате, барыня наказала отнести тебе назад, только завязку себе оставила, очень уж ей понравилась, хорошая лента для косички, надо быть. А ягоду купила.

«Неужели она не вынула письма?» — подумал Борк и развернул пакет. Письма в нем не оказалось, а на обложке была свежая надпись карандашом по-английски: «Через четверть часа. М. Л.».

Борк дал мальчику горсть конфет и вернулся к себе. Он недоумевал, почему ленточка какой-нибудь горничной так понравилась Марине Львовне. Англичанин приготовил свою комнату для приема желанной гостьи, опустил штору на единственном окне, выходившем в маленький садик при доме, поставил на стол бутылочку ликера, рюмки, коробку шоколада и пачку бисквита.

Вот, наконец, появились в конце улицы красный зонтик и под ним желтое платье, знакомые Борку по случаю в купальне. Он следил за приближением с тревогой. В последнюю минуту химик мог выйти из фабрики на площадь, или Фернер забежать за чем-нибудь домой, или Лидия Николаевна могла появиться на крыльце.

Пузикова шла не торопясь, с полотенцем на руке, словно в купальню. Поравнявшись с крыльцом, она быстро оглянулась, площадь была пуста. Она взбежала на крыльцо и скрылась в комнате приезжих, где Борк принял ее в объятия и проводил в свою комнату.

— Здесь мы в безопасности,— сказал он, усаживая гостью к столу.— Грошев вернется только к ужину, а Фернер сегодня занят на фабрике до вечера вместе с вашим супругом.

— Да, я знаю все это! — ответила Марина Львовна.— И если бы вы не воспользовались этим редким случаем, я бы сама пришла к вам, даже с риском быть нежеланной гостьей.

— Что вы, Марина Львовна! Если бы была малейшая возможность, мы бы виделись ежедневно. Но ведь все условия жизни здесь препятствуют свиданиям, и даже небо было против нас. А кроме того, спешная работа.

— Положим, она не мешает вам проводить вечера с Лидией Николаевной.

— Вот в чем дело! Маленькая ревность. Но вы можете быть спокойны: если я и сижу с ней иногда после ужина, то лишь по долгу гостя.

— И читаете ей книжки!

— Потому что она неразговорчива. Поверьте, что, если бы на ее месте были вы, мне не пришлось бы прибегать к чтению.

— Охотно верю! — улыбнулась Марина Львовна.— Но скажите, с чего это вы вздумали завязать вашу сегодняшнюю посылку моей собственной ленточкой? Я чуть не обиделась. Я хватилась ее вечером после нашей прогулки в старые работы и подумала, что вы вытащили ее из моей рубашки на память о белом зале. И вот вы посылаете ее мне обратно. Не будь в книге письма, я приняла бы это за знак полного разрыва наших отношений.

Борк рассмеялся и рассказал, где он нашел ленточку.

— Если бы я знал, что это ваша ленточка, я бы поступил с ней иначе, моя дорогая.

— Вот как, она была в кармане Грошева! — протянула Марина Львовна.— Теперь я понимаю и задний смысл его вопроса о белом зале. Он поднял ее там и догадался, чем мы были заняты, Яков Григорьевич!

— Да, это показывает, как легко попасться в вашем милом гнезде, где все у всех на виду и под надзором.

Быстро пролетел час, в течение которого Марина Львовна показала англичанину, что она не только об-

ладает прекрасным телосложением, но и опытностью в любовных делах и страстным темпераментом. Борк не скрывал своего восхищения, и молодая женщина в душе торжествовала победу, а кроме того, сравнение этого любовника с ее мужем было далеко не в пользу последнего.

Вдруг в соседней комнате послышались шаги и громкие голоса. Марина Львовна только что встала и ходила по комнате, подбирая свое платье и белье, разбросанное по стульям и по полу. Услышав шум и узнав голос своего мужа, она застыла в прелестной позе испуга, взявшись рукой за сердце. Раздался стук в дверь.

— Яков Григорьевич! Вы можете выйти к нам? Михаил Петрович оспаривает правильность наших подсчетов работы фабрики, а я в этом деле не специалист,— это говорил Фернер.

— Что мне делать теперь? — прошептала Марина Львовна в ужасе, умоляюще глядя на Борка.

— Я сейчас выйду к ним и уведу их в комнату Грошева, так что ты сможешь уйти незаметно. А если нет — запрись здесь, пока мы все не уйдем на фабрику. Не бойся, дорогая, все устроится.

Стук повторился, и Борк подошел к двери и сказал:

— Простите, я одеваюсь, сейчас выйду к вам, подождите немного.

Он быстро оделся, освежил голову холодной водой и вышел; Марина Львовна заперла дверь на ключ и начала одеваться, прислушиваясь к голосам, доносившимся из гостиной. Там шел оживленный спор; Михаил Петрович, по обыкновению, горячился, и собеседники не уходили в другую комнату; молодая женщина оказалась под арестом. Она успела одеться, причесаться, затем присела к столу и покончила с ликером и конфетами. После этого она приподняла штору, открыла окно и отпрянула назад. На скамейке, в садике, против окна сидела Лидия Николаевна. При стуке задвижек она подняла голову от книги; хотя Пузикова сейчас же опустила штору, но девушка, вероятно, успела заметить, кто был в комнате англичанина.

«Ну, заметила так заметила! — подумала Марина Львовна.— И это даже к лучшему, пусть знает, что Борк мой».

Выходная дверь стукнула. В гостиной стало тихо; все, очевидно, ушли на фабрику. Пузикова открыла дверь и подбежала к окну; три спорщика шли уже через площадь. Она выглянула в сени и, убедившись, что они пусты, быстро вышла и спускалась уже с крыльца, когда в глубине сеней заскрипела дверь и появилась Лидия Николаевна с полотенцем в руках. Марина Львовна заметила ее и быстро скомбинировала план самозащиты. Подождав девушку у крыльца, она поздоровалась и сказала:

— Вы в купальню, и я туда же. Мы с Михаилом Петровичем по пути зашли на фабрику. Кстати, я еще не бывала у них в гостях. Англичанин показал мне свою комнату, и мы видели вас на скамье в садике. Какая вы счастливая, что у вас при доме есть уголок, где можно посидеть в жаркий день...

XII

Строгая проверка производительности фабрики, произведенная Борком и Фернером, обнаружила, что записи в книгах конторы за последние месяцы совсем не соответствуют действительности, в этих записях количество руды, переработанной бегунами за сутки, систематически уменьшалось, чтобы содержание золота выходило больше. После исправления записей оказалось, что содержание золота в руде получалось довольно убогое, несмотря на разработку только более богатых забоев и участков жилы. Пробы, взятые Грошевым в последнее время в разных местах, оказались в резком противоречии с результатами первых проб, подправленных штейгером и маркшейдером.

Посовещавшись, эксперты решили повторить первые пробы, взяв новый материал из тех же забоев.

И вот, на следующий день после свидания с Пузиковой Борк и Грошев совершенно неожиданно для управляющего отправились с раннего утра на рудник, не предупредив даже штейгера. Бубнов узнал об этом только от Репикова и поскакал вслед за экспертами в надежде подправить пробы курением «золотых» папирос. Но его постигла неудача: у первого же забоя, где начали брать пробу и где он предложил свои услуги посветить, ему вежливо, но решительно заявили, что

берутся проверочные пробы, и никого из администрации рудника не должно быть поблизости.

Василию Михайловичу оставалось только удалиться; он вернулся на стан и немедленно доложил управляющему о положении дела; вызвали химика и маркшейдера на совещание. Все повесили головы, так как новые пробы, несомненно, должны были подтвердить бедность жилы. После долгих дебатов решили применить последнее средство, правда, довольно рискованное. В случае удачи оно могло поправить все дело, а в случае неудачи только немного испортило бы репутацию управления. Но выбора не было. Исполнение было поручено Кузьмину, которого эксперты всего меньше могли бы заподозрить. Он получил от Репикова маленький пакетик с предписанием «действовать умненько и осторожно и, главное, не перестараться».

Михаилу Петровичу было поручено привлечь к содействию и Марину Львовну, от которой зависело многое,— она должна была пригласить всех трех экспертов в этот день на ужин под предлогом своих именин.

Борк и Грошев привезли к обеду пятнадцать новых проб и немедленно сдали в лабораторию для просушки и измельчения.

Марина Львовна, узнав от мужа о новом плане, с восторгом согласилась помочь и дала один очень практичный совет.

Сама она принялась за хозяйские хлопоты, а Пузиков отправился приглашать экспертов на ужин.

Борка и Грошева он застал после обеда дома; они занялись изучением самых старых книг и планов рудника, относившихся к тому счастливому времени, когда работались верхние богатейшие горизонты. Борк согласился прийти на ужин с удовольствием, Грошев — после некоторых отговорок. Фернера Михаил Петрович разыскал в лаборатории. Здесь, под его присмотром, четыре бабы толкли в больших чугунных ступках привезенные пробы, а служитель Матвей просевал истолченное и ссыпал в мешочки с номерами. Фернер отвешивал и отмеривал флюсы для предстоявшей завтра плавки.

Приглашение на ужин лаборант принял, так как его работа в этот день должна была кончиться к семи часам, и он мог уйти из лаборатории, оставив ее под

надзором Матвея, который здесь же и спал. Матвей имел строгий наказ держать лабораторию всегда в отсутствие Фернера под замком и не пускать туда никого постороннего.

Побеседовав с лаборантом, запомнив номера мешочков с новыми пробами и место, где мешочки стояли, Михаил Петрович отправился к становому и узнал у него фамилии баб, толокших пробы. Самая молодая из них и довольно красивая, Катерина, была дочерью нового амбарного караульного. Становой после разговора с Михаилом Петровичем отдал распоряжение послать Катерину, как только она вернется из лаборатории, на квартиру к Марине Львовне.

В семь часов бабы ушли, и через полчаса Фернер закончил свою работу: все пятнадцать новых проб стояли рядом на столе в занумерованных и завязанных мешочках. Матвей остался наводить порядок в лаборатории, а Фернер ушел домой, и к восьми часам все три эксперта отправились на именины.

Вскоре после того, как Фернер ушел из лаборатории, в ее дверях появилась миловидная Катя. Завязав разговор с Матвеем, она помогла ему убирать лабораторию и сообщила, между прочим, что сегодня все господа ужинают у химика и что даже инженер и немец, как звали Фернера, отправляются туда. Это известие сделало сурового Матвея более податливым,— он мог быть уверен, что никто из экспертов в ближайшие часы не придет в лабораторию. Поэтому он согласился на предложение Кати пойти погулять в лесочек за фабрикой. Но лабораторию он запер на замок и, прежде чем уйти, убедился, что все окна плотно закрыты и задвижки задвинуты. Солнце только что село, Матвей рассчитывал гулять не больше получаса и, во всяком случае, вернуться на свой пост прежде, чем совершенно стемнеет.

Не прошло и пяти минут после ухода Матвея с Катей, как к лаборатории скорым шагом подошел Кузьмин, отпер ее ключом, заготовленным уже давно «на всякий случай», и проник внутрь, заперев за собою дверь.

Забравшись во вторую комнату, где стояли пробы, он начал развязывать мешочки один за другим и подсыпать в каждый из них немного самого мелкого шлихового золота из пакетика, полученного от управ-

ляющего. После подсыпки мешочки опять завязывались. Развязывание тонкой бечевки в полутемноте было нелегко, и на каждый мешочек уходило довольно много времени. Наконец, Кузьмин с вздохом облегчения завязал пятнадцатый мешочек. Теперь оставалось только перетрясти в руках каждый мешочек, чтобы подсыпанное золото не осталось наверху, а перемешалось со всем содержимым и стало незаметным на глаз.

Кузьмин брал один мешочек за другим в руки, тряс и переворачивал его несколько раз, затем ставил на место. Он кончил уже девятый и... обомлел от страха: за дверью лаборатории послышался голос Матвея.

«Сейчас он войдет сюда, засветит огонь и все пропало,— с ужасом подумал бедный маркшейдер.— Позовут народ и поведут меня, словно вора, к экспертам на расправу. Пересмотрят пробы, узнают, зачем я прокрался в лабораторию».

Нужно было, не теряя времени, выбраться из лаборатории, пока Матвей был занят с Катей. Но путь отступления через дверь был отрезан, оставалось бежать через окно.

Кузьмин осторожно подошел к окну, выходившему на противоположную от двери сторону, в темный и пустынный переулок между лабораторией и фабрикой; он тихонько отпер его, вылез, затем припер окно снаружи и скрылся в сумерках за фабрикой. Зайдя домой и переодевшись, он отправился к Пузикову на именины, чтобы показаться экспертам на глаза.

У химика все общество было уже в сборе. В одном углу небольшой гостиной хозяин устроил винт, за который усадил Репикова, Грошева, Фернера и Бубнова. На столе возле дивана дымился самовар; возле него хлопотала Марина Львовна; ей помогал Борк. Лидия Николаевна и дочери станового сидели на диване, и Кузьмин присоединился к ним. Суетливый Михаил Петрович то присаживался к чайному столу и ухаживал за дамами, то заглядывал игрокам в карты и давал непрошеные советы, то выбегал в столовую, где накрывали стол для ужина и где он мог командовать горничной и по-своему расставлять бутылки и закуски.

Ужинать сели в половине одиннадцатого, потому

что эксперты приняли приглашение с условием, чтобы их не задержали дольше полуночи.

Марина Львовна была очаровательна, как всегда, и в приподнятом настроении, потому что Кузьмин успел шепнуть ей, что задуманное благополучно исполнено.

Она посадила Борка справа, Репикова слева от себя, подшучивала над управляющим, который проигрался в винт, удивлялась усердию экспертов и сожалела, что благодаря ему рудник скоро лишится их интересного общества. Борк уверял, что их усердие обусловлено желанием убедиться в богатстве рудника. Михаил Петрович смешил публику анекдотами из рудничной жизни, а Фернер разошелся до того, что произнес курьезную застольную речь, состоявшую из подбора немецких слов, сходных по созвучию с русскими, но имевших другой смысл.

Тем не менее, когда пробило полночь, эксперты стали прощаться; при этом Борку удалось в прихожей шепнуть Марине Львовне несколько слов, заставивших ее покраснеть и обещать что-то назавтра.

После ухода экспертов Кузьмин сделал подробный доклад о своем визите в лабораторию. Конец рассказа несколько умерил радость заговорщиков; их проделка чуть не раскрылась, и в успехе еще нельзя было быть уверенным.

— Окно после вас ведь осталось не закрытым на задвижку! — всполошился Михаил Петрович.— Легко может статься, что Матвей уже обнаружил или обнаружит завтра утром, что кто-то лазил в лабораторию. При малейшем подозрении эти проклятые эксперты выкинут пробы и наберут новые или просто разругаются с нами и уедут.

— Господа, нужно кому-нибудь из вас, всего лучше Михаилу Петровичу, который на правах химика часто захаживает в лабораторию, посетить ее завтра утром пораньше, сейчас же после прихода Фернера, и незаметно задвинуть хоть один засов этого окна или, наоборот, под каким-нибудь предлогом раскрыть окно.

Это предложение Марины Львовны встретило общую поддержку и одобрение.

— Ну и жена у меня, настоящий министр! — воскликнул Пузиков.— Через какое окно вы вылезли, Григорий Ефимович?

— Через одно из тех, которые выходят к фабрике, но какое именно — не помню; кажется, левое.

— Ну, так вот: я пойду в лабораторию, а вы будете прогуливаться вблизи нее, и я открою окно, чтобы дать вам поручение.

Заговорщики разошлись по домам, несколько успокоенные мыслью, что Матвей, наверное, осмотрел и закрыл все окна раньше, чем уйти с Катей, и поэтому не станет проверять их ни вечером, ни утром, так что Михаил Петрович успеет замести следы.

Но для Марины Львовны ее именины кончились слезами. Когда она раздевалась, чтобы лечь спать, ее муж, возбужденный происшествиями этого дня и выпитым вином, начал приставать к ней со своими ласками. Она отказала ему очень нелюбезно, а он разозлился.

— Я должен тебе заметить,— кричал он,— что ты слишком много позволяешь этому Борку. Он все время около тебя, беспрерывно целует ручки, а в прихожей сказал тебе что-то такое, от чего ты вспыхнула. Что это все значит?

— Ты, кажется, забыл наше условие, заключенное перед приездом экспертов, что должен быть мужем глухим и слепым, пока они здесь, во-первых, а вовторых, оставь меня в покое с своими нотациями. Я помогаю им, как могу, хорошо продать рудник, а они вместо благодарности следят за моим флиртом и высказывают гнусные подозрения!

И Марина Львовна залилась слезами.

— Кто подал вам идею напустить Катю на Матвея? — проговорила она, всхлипывая.— Если бы не мой совет — не попасть бы Кузьмину в лабораторию к пробам, и ничего бы вы не достигли.

Михаил Петрович должен был прикусить язык и извиниться за свои слова. Он обещал жене не обращать внимания на ее флирт с Борком.

XIII

На следующее утро Кузьмин уже часов в семь прошел мимо лаборатории по переулку, стараясь разглядеть через окно, что делается внутри. Но все было тихо, окна заперты. Матвей, очевидно, еще спал.

«Должно быть, баловался с Катей до полночи, а теперь дрыхнет,— подумал маркшейдер.— Напрасно я вчера поторопился удрать и не перетряс остальных мешочков».

Кузьмин, вернувшись домой, уселся пить чай, рассеянно просмотрел пришедшую накануне почту и все словно чего-то ждал, при каждом шуме на улице вздрагивал и бросался к окну.

— Черт бы побрал всех экспертов! — ворчал он.— Вот до чего изнервничался с этими тревогами и приключениями! И дернуло же меня согласиться на просьбы Василия Михайловича и Михаила Петровича! Пусть бы они сами и забои солили, и в мешки подсыпали, а мое дело — сторона. Ни тепло, ни холодно от продажи рудника мне не будет.

Но дома ему не сиделось, а на рудник нельзя было уйти, потому что было условлено, что после восьми часов он пройдет мимо лаборатории, чтобы химик мог окликнуть его через злополучное окно. Он пошел к больнице, откуда была видна лаборатория, и сел на крыльце, словно в ожидании открытия приемного покоя; из-за взятой для отвода глаз газеты Кузьмин следил за тем, что делается на улице. Вскоре он увидел, что все три эксперта вышли из дома управляющего, но на площади разделились, в лабораторию пошел только Фернер, а другие двое направились на фабрику. Немного позже из-за угла появился Пузиков и вошел в лабораторию. Кузьмин вскочил и поспешил вслед за ним, но только в переулок. Когда он поравнялся с окнами лаборатории, одно из них открылось, из него высунулся Михаил Петрович и закричал:

— Вы на фабрику идете, Григорий Ефимович? Скажите, пожалуйста, Якову Григорьевичу, что я сейчас приду туда.

«Слава богу, последний след заметен»,— успокоился Кузьмин и, обогнув фабрику, пошел домой.

В лаборатории Фернер, немедленно по приходе, занялся приготовлением проб к плавке; ему помогал Матвей, который в это утро был веселее, чем обыкновенно. Протолченная, просеянная и насыпанная в мешочки руда представляла количество вчетверо большее, чем нужно было для одной пробы. Поэтому содержимое каждого мешочка высыпалось на лист белой бумаги, из порошка руды формировался правиль-

ный конус, который затем разрезался жестяной пластинкой на четыре равные части; одна из них шла в плавку, а остальные три ссыпались обратно в мешок и оставались в запас на случай порчи или ошибки анализа и потом отправлялись в лабораторию в Екатеринбург для контрольных анализов.

Михаил Петрович застал Фернера уже за работой, поздоровался, спросил, как эксперты почивали после именин; поинтересовался, какие пробы сегодня делаются, увидел идущего мимо лаборатории Кузьмина, быстро открыл окно и крикнул ему что-то.

— Но нельзя же так, Михаил Петрович! — возмутился Фернер.— Вы делаете мне сквозняк, и в мои пробы черт знает что может попасть с улицы.

— Ах, извините, голубчик! Я и не подумал об этом. Но ведь у нас в воздухе золото не летает. Ну, не буду вам мешать и убегаю. До свидания!

Пузиков скрылся, а Фернер продолжал свою работу. Но вот дошла очередь до десятого мешочка, который Кузьмин не успел встряхнуть после подсыпки. Матвей развязал его и подал Фернеру. Фернер начал высыпать содержимое на бумагу — и вдруг остановился: в высыпавшемся грязно-белом порошке блеснуло несколько довольно заметных золотинок.

— Богатая проба будет! — заметил Матвей.

— Гм, богатая? — протянул Фернер и высыпал остальное на бумагу тонкой струей, следя внимательно за ней. Но больше золотинок на глаза не попадалось.

Разделив эту пробу, Фернер взялся за следующую, но сам развязал мешочек и стал высыпать порошок очень медленно; опять появилось довольно много мелких золотинок, выделявшихся на бумаге.

— Эта побогаче будет, я полагаю,— сказал Матвей.— Наконец-то у них забои пошли хорошие!

— А я полагаю, что дело тут не совсем чисто,— проворчал Фернер.— Ну, посмотрим дальше, а пока заметим себе, что десятая и одиннадцатая с видимым золотом.

Высыпав и поделив эту пробу, принялись за следующую, в которой тоже оказались золотинки. Матвей в этот раз промолчал, а Фернер подозрительно посмотрел на него.

— И двенадцатый под сомнением,— подчеркнул он, высыпая остальное из мешочка.

— Ну, тринадцатая, чертова дюжина, должна быть особенно богата! — пошутил Матвей, подавая следующий мешочек. Но Фернер не стал высыпать его на бумагу, а осторожно отвернул края и, взяв большую лупу, взглянул на порошок. Среди сероватой муки блестело множество мелких золотинок.

— Давай следующий! — приказал лаборант, отставляя мешочек осторожно в сторону.

В четырнадцатом тоже сверху сверкали золотинки, а в пятнадцатом, куда Кузьмин высыпал весь остаток из пакета, их было особенно много. Эти два мешочка Фернер тоже отставил в сторону.

Матвей стоял бледный, и руки его, в которых он держал жестяную пластинку для деления проб, заметно дрожали. Он понимал, в чем дело.

Фернер долго смотрел на него исподлобья и, наконец, спросил:

— Ну, брат, признавайся лучше сразу, сколько взял за подсыпку?

— Нет, Марк Наумович, вы меня в этом гадком деле напрасно подозреваете,— ответил Матвей сдавленным голосом.— Не я подсыпал. Если бы я подсыпал — вы бы не накрыли, недаром же десять лет при лабораториях толкусь. Я, точно, виноват, но только в том, что прозевал, не укараулил.

— А если не ты, так кто же подсыпал? Кто без нас приходил сюда?

— Без вас никого не было, Марк Наумович. А при вас вчера только этот вертлявый химик толокся и сегодня опять забегал.

— Ну, не выдумывай! Не мог же он у нас на глазах в пять-шесть мешочков подсыпать. Он хоть и проворен, но не фокусник индийский. А сегодня он к мешочкам и не подходил. Ночью не влез ли кто сюда? Ты где спал?

— Как всегда, здесь, на скамье. И ничего не слыхал, Марк Наумович. Окна с вечера были на засовах, я сам запирал их после вас. Но вот утром позабыл проверить. И если подсыпщик через окно залез, то ловкий был вор, что меня не разбудил.

— Постой, которое окно этот химик тут только что открывал? Это, кажется?

— Это самое!

Оба тщательно осмотрели окно, но на нем ника-

ких подозрительных следов не было, а так как его недавно раскрывали, то узнать, были ли утром засовы задвинуты, не было возможности. Фернер открыл окно, высунул голову и внимательно осмотрел землю под ним. Окно было на высоте около метра над землей, так что выскочивший человек должен был коснуться земли с некоторого размаха и оставить следы. На земле действительно был виден неясный отпечаток двух подошв.

— Теперь ясно,— сказал Фернер.— Ночной гость отсюда вылез, а господин Пузиков, открывая окно, концы в воду прятал. Но как он сюда залез? Стекла целы, замазка сухая, старая. Ты как запираешь дверь на ночь?

— На ключ и на крюк, а ключ в замке остается.

— Как же он попал сюда? Вечером ты никуда не отлучался? Признавайся, вспомни!

— Виноват, Марк Наумович. Я точно на полчаса отлучился, еще в сумерки. Понимаю я теперь, в чем дело. Вы, может, заметили,— вчера тут девка бойкая с бабами пробы толкла, черноватая, Катькой зовут. Так вот, она меня сманила прогуляться в лесочек.

— Ах ты, ловелас этакий, юбочник! Девка тебя сманила! — возмущался Фернер.— Уж не подослали ли эту девку господа здешние хозяева?

— Очень просто, что подослали! Она сама сюда вторично пришла, когда я лабораторию прибирал, разговоры завела и на прогулку вызвала. Мне и в голову не пришло, что такая милая девка и по заказу любезничает. Но я вам верно говорю, всего полчаса гуляли, пока не стемнело, а потом еще на крылечке немного посидели.

— Ну, теперь все понятно. Пока вы в лесочке гуляли, гость пришел через дверь. Ключ, небось, в дверях оставил, за девкой увязавшись?

— Никак нет! Дверь была заперта, и ключ с собой в кармане.

— Ну, ключ недолго подобрать, слесаря на фабрике есть. Так вот, гость пришел через дверь, а вышел через окно, пока вы на крылечке бобы разводили! И смеялся он, должно быть, над караульным, которого девкой обошел.

Матвей смущенно молчал.

— Интересно бы узнать,— продолжал Фернер, об-

ращаясь больше к самому себе,— все ли пробы подсыпаны или только последние шесть? Делать ли их или выкинуть за окно и просить Грошева взять новые?

— Ага, вот они идут! — прервал он свою речь, открыл окно и окликнул вышедших из фабрики Борка и Грошева, сопровождаемых Пузиковым.

— Яков Григорьевич, Иван Петрович! Зайдите, пожалуйста, на минутку сюда!

— В чем дело? — спросил Борк, когда они подошли к окну.

— Зайдите в лабораторию, дело спешное!

Эксперты повернули к дверям лаборатории, Пузиков также. Но Фернер прибавил с ехидной усмешкой:

— Вас я не приглашаю, Михаил Петрович, у нас тут частный разговор будет насчет проб.

Пузиков круто повернулся и пошел назад на фабрику. На душе у него стало неспокойно.

«Что за экстренное дело приключилось? — думал он.— Уж не обнаружил ли немец подсыпки? Этакий пентюх, этот Кузьмин, простую вещь не умеет чисто сделать!»

Когда эксперты вошли в лабораторию, Фернер рассказал им все, показал три мешочка с подсыпкой золота и спросил, что делать с остальными пробами, в чистоте которых теперь приходилось сильно сомневаться.

Грошев ругался и негодовал на Матвея и на администрацию рудника, Борк смеялся над обольщением Матвея, но в душе был смущен — сравнение Кати с Мариной Львовной напрашивалось само собой. Относительно проб решили так: из трех мешочков с обнаруженной подсыпкой снять осторожно верхнюю половину, а нижнюю пустить в пробу; из остальных двенадцати взять наугад также три. Если пробы последних окажутся богатыми, а первых — бедными, забраковать все и взять на руднике новые.

После ухода Борка и Грошева в лаборатории закипела работа, и к вечеру Фернер принес результаты: анализы проб трех мешочков, взятых наугад из двенадцати, оказались очень богатыми, а трех мешочков, у которых сверху была снята подсыпка,— бедными. Приходилось начинать работу сначала.

Когда на следующее утро Борк и Грошев потребо-

вали лошадей, чтобы ехать на рудник за пробами, и Николай Константинович удивился, инженер сказал ему многозначительно:

— Да, приходится брать пробы еще раз и терять опять два дня, потому что ночью в лабораторию кто-то залез и подсыпал нам золота в пробы.

Николаю Константиновичу пришлось симулировать удивление и возмущение и дать обещание расследовать дело. После отъезда экспертов на рудник он вызвал к себе Кузьмина, потребовал у него точного рассказа об его действиях, задал ему основательную головомойку и объявил, что, если эксперты забракуют рудник, он, маркшейдер, будет уволен в первую голову.

XIV

Новые пробы, привезенные экспертами, в тот же день были истолчены, причем среди баб, присланных становым в лабораторию, Кати, по распоряжению управляющего, не было. Во избежание же ночной подсыпки, не полагаясь уже ни на безупречность Матвея, ни на окна и двери лаборатории, эксперты унесли мешочки с пробами к себе на дом.

Эти пятнадцать проб оказались бедными, хотя и в разной степени, и выводы для рудника получались неутешительные; более глубокая часть жилы, достигнутая работами, содержала слишком мало золота, чтобы окупить все расходы по добыче, не говоря уже о прибыли и процентах на капитал, который нужно было затратить на покупку и переоборудование рудника. Но, ввиду настояний Борка, решили не ограничиваться этими пробами, и в течение нескольких дней Грошев ездил еще на рудник, появляясь неожиданно то в одном, то в другом месте, и всегда брал пробы только из тех забоев, которые при его посещении работались и которые, следовательно, не могли быть подсолены. Василий Михайлович безуспешно гонялся за ним в надежде поспеть где-нибудь вовремя и подправить пробу. Но Грошев брал с собой только Матвея, не подпуская к забою во время взятия проб даже рабочих, а в лаборатории Фернеру помогал Борк.

Атмосфера была наполнена подозрительностью и сделалась напряженной. Отношения между экспертами и хозяевами стали натянутыми, трапезы у Репикова проходили часто в тягостном молчании и оканчивались быстрее, чем прежде.

Марине Львовне со дня своих именин никак не удавалось увидеть Борка; все утра он проводил в лаборатории, а с обеда до позднего вечера просиживал с Грошевым у себя в комнате над старыми книгами, планами и журналами; они старались восстановить всю картину прежней разработки, когда шло богатое золото, чтобы проследить шаг за шагом обеднение жилы в глубину и подкрепить этим свои выводы, основанные на пробах.

Марина Львовна приходила в отчаяние от того, что не встречалась с Борком. Она видела и чувствовала, что дела идут очень неважно, ей хотелось узнать многое, а англичанин как будто перестал интересоваться ею и совершенно ускользал от ее влияния.

Марина Львовна, наконец, не выдержала, подстерегла Борка на площади, когда он возвращался из лаборатории обедать, и сказала, что ей очень нужно говорить с ним. Англичанин предложил ей встретиться после обеда в лесу.

День был тихий, ясный и теплый, но не знойный. Марина Львовна перешла через речку по мостику, который вел к химическому заводу, устроенному для переработки илов и эфелей. Но завод уже несколько лет бездействовал, потому что владелец находил, что извлечение золота из отбросов бедной руды не окупается.

Обогнув завод, Марина Львовна пошла по тропинке, извивавшейся среди мелкого березняка. Борк, шедший к этому же месту по другой дороге, уже издали заметил на зеленом фоне леса светлое пальто и красный зонтик молодой женщины.

— Здравствуйте еще раз,— сказал он, целуя ручку Марины Львовны.

— Кажется, дела идут у нас неважно? — спросила Пузикова, взяв англичанина под руку и направляясь по тропинке в глубь леса.

— Напротив! Наша работа подвигается успешно и на днях будет кончена.

— Да нет, не ваши дела, а вопрос о продаже рудника.

— Это всецело зависит от компании, командировавшей нас.

— Но ваш отзыв о руднике будет иметь решающее значение. Полноте играть словами, Яков Григорьевич! Я слышала, что анализы вашего Фернера показали бедность нашей жилы.

— Кто это вам сказал? Мы по правилу не рассказываем о результатах наших проб.

— Кто бы ни сказал, не все ли равно! Дело в том, что результаты неважные, не отрицайте. Да и все поведение господ экспертов за последние дни показывает, что дело неладно. Грошев так тот прямо волком смотрит, у Фернера физиономия, точно в уксусе вымоченная, а вы... почему вы избегаете встреч со мной... после всего, что было между нами?

Марина Львовна взглянула на своего спутника глазами, в которых блестели слезы.

Борк, смущенный, начал оправдываться обилием работы и постоянным присутствием Грошева.

— Это не совсем так! Каждое утро Грошев уезжал на рудник, и вы оставались одни, могли бы урвать час-другой от лаборатории. Между тем вы ни разу не сделали даже попытки вызвать меня, встретиться где-нибудь. Что же, поиграли, насладились мной — и довольно?

— Поверьте, милая Марина Львовна, мне очень совестно, но приходится просить вас о большом одолжении.

— А именно, Яков Григорьевич?

— Я прошу вас освободить меня от честного слова, которое я дал вам в белом зале.

— То есть как это, милостивый государь! — воскликнула Пузикова прерывающимся голосом и, остановившись, вынула руку из-под локтя своего спутника и отступила на шаг в сторону.— Разве честное слово дают, чтобы затем взять его назад? Ведь я же не могу взять, в свою очередь, обратно то, что дала вам!

— Вот потому-то я и прошу вас о большом одолжении! А причина та, что я не могу, даже со всякими натяжками и поблажками, дать хороший отзыв о вашем руднике. Если я его дам — я потеряю свою репутацию добросовестного эксперта.

— А того, что я пожертвовала вам своей репута-

цией порядочной женщины, вы не принимаете во внимание?

Лицо Марины Львовны пылало, брови сдвинулись, и глаза гневно сверкали; она была удивительно хороша в этот момент, и Борк, несмотря на свое смущение, не мог не заметить этого.

— Поверьте, дорогая Марина Львовна, сознание вашей доброты меня очень тяготит. Но я не вижу другого выхода из создавшегося положения. Если я дам ложный отзыв, об этом узнают все; ведь Грошев и Фернер прочитают его, и моя репутация погибла. Если я дам правильный отзыв, я сохраню свою репутацию, но обману вас, и вы будете иметь право называть меня подлецом. К счастью, о вашем... вашем увлечении мной не знает никто, кроме нас обоих, и ваша репутация нисколько не пострадает...

— Вы так думаете? — прервала его Пузикова насмешливо.— Ну, так я вам скажу, что вы очень наивны. В этом поганом гнезде ничего нельзя скрыть, и наши отношения не остались тайной для многих. В белом зале я потеряла ленточку из рубашки, и вы сами нашли ее в кармане Грошева. В тот раз, когда я пришла к вам, меня дважды видела Лидия Николаевна, один раз через окно в вашей комнате, потом в сенях, когда я уходила. Вы думаете, она не станет сплетничать? А ваше постоянное ухаживание за мной с первого же дня разве не было видно всем?

Борк молчал, смущенный.

— Если бы состоялась продажа рудника благодаря вашему отзыву,— продолжала Марина Львовна, волнуясь,— мы бы с мужем уехали отсюда немедленно, и мнение Репиковых, Бубновых и прочих было бы мне безразлично. Но если рудник не будет продан, мы должны будем остаться здесь, по крайней мере, до тех пор, пока муж не найдет другого места. Мое положение в этом обществе, которое видело, как я вам на шею вешалась, будет совершенно невозможно! Муж в конце концов узнает все... Я не вижу другого выхода и не могу освободить вас от данного слова.

— Есть еще один выход,— сказал Борк.

— Какой же? Уж не хотите ли вы сами купить рудник?

— К сожалению, у меня нет таких средств, да, сказать вам правду, я бы и не стал тратить их на гибну-

щее дело. Нет, мой выход в ином направлении. Но только вы не рассердитесь?

— Постараюсь, говорите скорее! — с волнением просила Марина Львовна.

— Не хотите ли предоставить рудник его судьбе и уехать со мной?

— Уехать с вами? — нервно рассмеялась Марина Львовна.— В качестве чего же... вашей любовницы?

— Пока любовницы, а впоследствии, когда разведетесь с мужем, в качестве жены.

Марина Львовна молчала, притворяясь смущенной. Она чувствовала себя накануне осуществления самого смелого из своих планов и не хотела выдать себя Борку слишком поспешным согласием.

— Марина Львовна! — продолжал Борк, взяв руку молодой женщины и поднося ее к губам.— Я еще в молодости дал себе слово жениться только на англичанке, и до сих пор ни одна из русских женщин и девушек, с которыми я встречался, не смогла заставить меня изменить свое решение. Но вы сумели это сделать. Вы мне очень нравитесь, Марина Львовна, и мне кажется, что и я вам не противен. Вы как будто уже доказали это! В самом деле, ведь не ради продажи этого дурацкого рудника вы мне отдавались с таким самозабвением!

Марина Львовна стояла, потупив глаза, и грудь ее часто вздымалась под легкой тканью пальто. Слова англичанина и радовали, и жгли ее стыдом, она краснела и бледнела. Борк ей нравился как мужчина и как любовник, но не будет ли он слишком тяжел по своему характеру в качестве мужа? С Михаилом Петровичем она чувствовала себя совершенно свободной, делала, что хотела, командовала им. В этом медвежьем углу она привыкла к роли царицы. Жизнь с англичанином будет совершенно иная; командовать собой Борк не позволит, а вести флирт с другими мужчинами — тем более. Страшно было решаться на такой резкий перелом всей жизни. Хотя она о нем не раз думала и мечтала, но это было еще нечто отдаленное, только возможное, а теперь оно сделалось вопросом данной минуты, и от ее «да» или «нет» зависела сейчас вся ее дальнейшая судьба. Мелькнула мысль о муже, с которым она прожила несколько лет, которого хотя не любила, но привыкла к нему. Ей было немно-

го жаль бросить его, хотя она знала, что он найдет утешение возле любой юбки.

— Ну, что же, Марина Львовна, нравится ли вам этот выход или нет?

Молодая женщина глубоко вздохнула, повела плечами, словно стряхивая с себя путы, удерживавшие ее на «Убогом» руднике. В конце концов она еще не связывала себя с Борком неразрывными цепями; до осуществления развода должно было пройти немало времени, и если бы англичанин оказался слишком тяжелым в роли мужа, то ведь она еще будет иметь возможность передумать. Вращаясь в столице, в его кругу, можно было присмотреть себе и что-нибудь лучшее.

— Я почти согласна! — сказала она, поднимая, наконец, глаза на своего собеседника.

— Почему же это «почти»?

— Потому что нужно выяснить некоторые подробности. Пойдемте дальше.

Она опять взяла Борка под руку, и они пошли по тропинке, все более удаляясь от стана. Англичанин рассказал ей о себе, о своих планах на будущее, своих средствах и связях, и она все тверже и тверже убеждалась, что судьба посылает ей неожиданное счастье. Потом они начали обсуждать подробности отъезда с рудника. Ввиду малого числа почтовых лошадей на тракте в Читу, эксперты предполагали разделиться: сначала отправить Матвея с тяжелым багажом лаборатории, через сутки — Грошева с Фернером и еще через сутки — Борка. Уезжать с ними прямо со стана Пузикова считала слишком скандальным и небезопасным,— мало ли что мог предпринять Михаил Петрович под горячую руку! Поэтому она предложила, чтобы отъезд состоялся днем, сейчас же после обеда; за час до выезда она отправится как будто на прогулку по большой дороге вниз по долине, отойдет версты три-четыре и сядет к нему в экипаж, когда Борк ее догонит. До вечера ее никто не будет искать, а когда схватятся,— догнать уже будет трудно.

— А вы не передумаете за остающиеся два-три дня? — спросил Борк.— Вы ведь так любите этот рудник, эту дикую природу.

— Нет, раз я решилась, то уже окончательно, характер у меня твердый... И я ведь люблю тебя! — при-

бавила она, охватывая обеими руками англичанина и пригибая его к себе.

Обнаженные руки касались щек Борка, трепетная грудь прижималась к нему. Мог ли он устоять перед искушением?

Отправляясь на свидание, Борк не имел намерения предлагать своей случайной любовнице сделаться его женой. Она ему нравилась физически как женщина, он испытывал наслаждение в ее объятиях, но относительно нравственных качеств у него были некоторые сомнения. Предложение выплыло само собой во время разговора, как лучший выход из затруднительного положения. Его самолюбие не дозволяло ему нарушить слово, а профессиональная честь не позволяла дать ложный отзыв. Борк был еще смущен, задумчив, но стоявший перед ним соблазн был слишком велик.

Солнце уже спустилось к горам, когда любовники, опять разными дорогами и не одновременно, возвращались в стан. Она была совершенно довольна своей прогулкой.

Он был задумчив и рассеян.

Часть III
ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

I

«Луидоры уезжают!» — разнеслась весть по стану «Убогого» рудника.

В лаборатории Фернер с Матвеем упаковывали оставшуюся посуду и реактивы. Борк и Грошев наносили на плане и разрезах рудника все пробы, в точности которых нельзя было сомневаться, подсчитывали запасы руды и содержание в ней золота и приходили к все более и более печальным выводам.

Такое дело не только покупать, но и даром брать не стоило.

Под вечер укатил Матвей с объемистым багажом, на рабочей улице мальчишки проводили его пронзительным «ура», потому что знали, что это не луидор, а простой служитель; они бежали толпой за телегой до выезда за околицу.

Эксперты устроили вечером последнее совещание, чтобы выработать текст длинной телеграммы, которую нужно было послать в правление общества и которая должна была в кратких, но точных выражениях представить результаты полуторамесячной работы по изучению дела. Грошев должен был отправить ее с дороги.

Под предлогом спешной работы эксперты отказались от прощального ужина, который хотел дать им управляющий; пришлось ограничиться ранним обедом, после которого Грошев и Фернер собирались уехать.

Утром эксперты укладывались, затем Грошев снял на прощание ряд фотографических снимков с построек стана для иллюстрации доклада о плохом состоянии сооружений. Наконец, все трое зашли попро-

щаться к старшим служащим, у которых бывали в гостях; так прошло время до обеда.

На обед к управляющему Грошев и Фернер явились уже в дорожных костюмах; из служащих был приглашен только штейгер. Обед прошел скучно, эксперты хранили полное молчание о выводах, к которым пришли насчет рудника, и на вопросы Репикова и Бубнова отделывались неопределенными фразами, переводя разговор на другие темы.

Отпустить гостей без шампанского, не выпить с ними «конную чашу» было бы противно приисковому этикету. Когда вино запенилось в бокалах, Репиков пожелал экспертам счастливого пути и выразил надежду, что они не очень скучали в течение пяти недель, проведенных на «Убогом», и что они имели возможность вникнуть глубоко в дело и вынесут ему оправдательный приговор.

В ответ на это Борк выразил благодарность за любезный прием, широкое гостеприимство и полную свободу, предоставленную им для изучения дела, но о впечатлениях от этого изучения, о выводах экспертизы — ни слова. Грошев, в свою очередь, благодарил за содействие при его работах в руднике и заметил, что хотя в иных случаях рвение любезных хозяев, желавших выставить богатство рудника в наилучшем свете, было несколько преувеличено и заставило экспертов исполнить лишние работы, но, в общем, это не повредило результатам экспертизы. В заключение он выразил надежду, что владелец предприятия, несомненно, оценит столь ревностную деятельность своих служащих.

Во время речи Грошева, говорившего без малейшей насмешки, Николай Константинович и Василий Михайлович переглядывались и чувствовали себя неловко, а Лидия Николаевна, вспомнившая слова Марины Львовны, с недоумением смотрела то на оратора, то на отца; Борк улыбался, а Фернер кусал губы, чтобы не расхохотаться.

Когда Грошев кончил, поднялся Бубнов и слегка дрожащим голосом произнес:

— Господа! Мы, служащие рудника, конечно, знаем золотоносную жилу не хуже уважаемых экспертов. Мы видим, что ее работающаяся часть небогата. Но мы видели также то, что теперь уже видеть нельзя!

Мы видели жилу и раньше, когда работалась ее богатейшая верхняя часть, давшая владельцу миллионы, которые он прокучивал в столицах и заграницах и из которых не уделил даже малой доли на разведки в длину и глубину. Вот чем объясняется печальное настоящее, заставившее владельца продавать дело, которое, я уверен, даст еще много миллионов! Сейчас мы работаем, господа, бедный пережим жилы, но глубже пойдет опять богатый раздув ее, а за сбросом лежит продолжение богатейшей верхней части. Его нужно только найти.

По мере того как Василий Михайлович говорил, голос его креп и становился громче, глаза засверкали, лицо зарумянилось от волнения. Он закончил, отчеканивая каждое слово:

— Поэтому я, господа, предлагаю тост за будущность нашего рудника. Купит ли его ваше общество или нет, я уверен, что дело не погибнет и что жила таит в себе еще десятки и десятки пудов золота и отдаст их тому, кто придет к ней с любовью, верой и надеждой, а не с недоверием и насмешкой.

Во время речи штейгера эксперты переглядывались, и Грошев шепнул Борку: «Какой фанатик, настоящий апостол этой жилы». Борк ответил: «А может быть, он и прав». Лидия Николаевна с восторженным удивлением смотрела на оратора, а Николай Константинович, сначала немного поморщившийся, в конце речи захлопал в ладоши. Эксперты поддержали его, и Василий Михайлович сел при всеобщих аплодисментах.

Но необходимо было ответить ему, и Борк опять встал и сказал, улыбаясь:

— Горячая речь Василия Михайловича, влюбленного в жилу, как отец в единственную дочь, произвела на нас глубокое впечатление, и мы очень жалеем, что владелец рудника не слышал ее. Но мы, эксперты, не имеем права верить даже самым вдохновенным апостолам. Мы должны видеть богатство жилы собственными глазами; выработанная часть дала миллионы, но она теперь не стоит ни копейки; неразведанная часть, может быть, также даст миллионы, но их еще нельзя нащупать, они слишком проблематичны. Жилы капризны, как женщины: то слишком щедры на дары, то скупы, как

скряги. Но есть и коварные женщины, которые обманывают. И поэтому я желаю вам, господа, чтобы ваша жила оказалась только капризной, но не коварной, и не подвела тех, кто в нее слишком слепо верит.

Своей речью Борк достиг желаемого результата: впечатление от слов штейгера потускнело. В словах Бубнова звучала уверенность, а в речи англичанина эту уверенность вытеснили сомнения и пожелания.

Как только у крыльца зазвенели колокольчики подкатившей тройки, все встали из-за стола, быстро вынесли и уложили чемоданы и подушки. Обмен рукопожатий — и тройка понеслась.

— Пустеет опять наш рудник! — печально промолвила Лидия Николаевна, глядя вслед укатившему экипажу.— Завтра и вы укатите, и мы опять будем одни, все пойдет по-старому.

— А может быть, по-новому? — улыбаясь, ответил Борк.

Николай Константинович понял это как намек на возможную продажу рудника и горячо поддержал словами:

— Дай бог, дай бог!

Он не терял надежды, все ждал, что с ним поведут деловую беседу, и теперь стал почти уверен, что Борк остался еще на день для того только, чтобы переговорить с ним об условиях передачи дела. Он прошел в свои комнаты и начал ждать приглашения в посетительскую или прихода англичанина к себе.

Но Борк, которому делать было нечего, сначала прилег отдохнуть после шампанского, затем прошел прогуляться по стану, зашел на фабрику, в лабораторию, где Михаил Петрович опять устраивался посвоему; убедившись, что химик очень занят, Борк отправился к Марине Львовне, пил у нее чай с поцелуями и переговорил окончательно о предстоящем похищении. От нее он прошел еще к штейгеру и становому и везде посидел, а Николай Константинович между тем все ждал и ждал, не отлучаясь из свой квартиры.

К ужину Борк, наконец, явился. Он был очень весел и рассказывал о жизни калифорнийских золотоискателей, среди которых провел два года во время своей молодости, но ни словом не заикнулся о деле,

которое так интересовало Репикова. После ужина англичанин попросил заказать лошадей к десяти часам утра и ушел к себе «укладываться и писать письма».

Управляющий от долгого ожидания совершенно изнервничался и не мог приняться ни за какую работу. Он сидел с дочерью в столовой, а затем перешел в кабинет, готовясь к приему гостя и обдумывая, какие условия поставить, если его пригласят остаться управляющим рудника.

Вечер выдался облачный и теплый, окна в гостиной экспертов были открыты, Борк сидел и писал за столом. Ночь уже наступила, но луна еще не показывалась, на дворе было совершенно темно.

Вдруг из этого мрака за окном раздался тихий окрик «берегитесь», и через окно один за другим в комнату влетели два небольших мягких узла. Борк подобрал их и унес в свою спальню, нисколько не удивленный странными подарками, а затем продолжал писать.

Через полчаса та же история повторилась — влетели еще два узла, и снова Борк унес их в свою спальню.

Наконец, в начале одиннадцатого часа на крыльце дома послышались легкие шаги и в комнату быстро вошла Марина Львовна в капоте, простоволосая и без пальто, с узелком и маленьким саквояжем. Борк сейчас же провел ее к себе в спальню, где горел огонь и ставни были заперты. Там оба занялись укладкой содержимого узла в чемодан и портплед англичанина.

Когда Марина Львовна хотела уйти, Борк задержал ее и начал целовать; она хохотала и сопротивлялась, предлагая отложить продолжение на завтра, чтобы Михаил Петрович не обратил внимания на ее долгое отсутствие. Но англичанин был настойчив, и ей пришлось уступить.

В это время Николай Константинович, истомленный ожиданием делового разговора, видя, что Борк не идет и не идет, решился постучаться к нему, вышел в сени и тихонько подошел к двери посетительской. Он уже поднял руку, чтобы стукнуть в дверь, и остолбенел: через дверь слышался негромкий женский смех, а потом голос, прерываемый хохотом, произнесший:

— Да не торопись же так! Дай мне хоть раздеться!

Николай Константинович не стал слушать дальше.

«Вот какими письменами занят господин эксперт,— подумал он удрученно.— Немудрено и забыть, что еще со мной нужно поговорить».

Женский голос показался ему знакомым: не то он принадлежал Марине Львовне, не то Кате амбарного караульного. Но Репиков отбросил первое предположение, как совершенно невероятное и подумал:

«Ишь ты, какая шустрая! От служителя Матвея уже к главному эксперту поднялась!»

Вздыхая, он побрел в свою спальню, но долго еще ворочался в постели, прежде чем забылся сном.

По случаю раннего отъезда Борка к утреннему чаю у Репикова был обильный завтрак, в том числе горячие пирожки различного рода, которые напомнили хозяину то утро, когда прискакал нарочный с вестью о приезде экспертов. С тех пор прошло всего два месяца с половиной, а сколько за это время пережито волнений, тревог и хлопот, надежд и разочарований! Лето кончается, а с ним, по-видимому, кончается и рудник.

Так думал Николай Константинович, сидя за столом в ожидании Борка, который прислал сказать, что сейчас придет.

— Придет, позавтракает, простится и уедет, не высказав своего мнения о руднике. Конечно, из вчерашних речей можно сделать вывод, что мнение это невысокое. Но кто знает, может быть, все это только с целью обескуражить нас и сбить цену при покупке дела. Эти эксперты, видно, тертые калачи и знают все приемы.

Борк явился веселый и хоть в дорожном костюме, но прифранченный, свежевыбритый и надушенный.

«Точно на бал собрался. Как рад, что уезжает»,— подумал Репиков.

— Извиняюсь, что опоздал! Хотел все уложить, чтобы потом не торопиться. Теперь все готово, от стола прямо в экипаж и марш-марш!

— Вы, очевидно, рады, что уезжаете? — спросила Лидия Николаевна, явившаяся разливать чай.

— И рад, конечно, и немного грустно, что приходится расставаться с местом, которое полюбил, и с людьми, с которыми сжился.

— А рудника вам не жалко? Вы, по-видимому, составили себе очень плохое мнение о нем?

— Для хорошего мнения мало оснований! — сказал Борк.— Но судить будет наше правление; может быть, ему все-таки понравится дело, может, оно возьмет рудник в аренду для разведки,— я не знаю. Бывает, что директора посылают экспертов, а затем поступают вопреки их отзыву.

— Из духа противоречия? — спросила девушка.

— Нет, по разным финансовым соображениям, а иногда благодаря связям продавца.

Беседа перешла на биржу, грюндерство и спекуляцию акциями. Борк был хорошо осведомлен в этих вопросах и сообщил много интересных вещей. Он нарочно старался протянуть время до отъезда, чтобы возможно больше сократить предстоящее неприятное объяснение с управляющим. Когда у крыльца зазвенели колокольчики, Борк встал, попрощался с Лидией Николаевной, приглашал ее к себе, если она приедет в Петербург учиться, а затем попросил Репикова на пару слов в кабинет.

Здесь он вкратце сообщил ему заключение экспертов о руднике. Полное отсутствие разведанных запасов руды, бедность работающейся части жилы, плохое состояние всех сооружений, устройств и машин не позволяли экспертам высказаться за приобретение этого дела.

— Ваш хозяин просит за него пятьсот тысяч, основываясь на прежнем богатстве и совершенно немотивированных надеждах на будущее. Приблизительно такую же сумму нужно затратить на основательную разведку и новое оборудование всего дела, следовательно, в общем выдать миллион, с большим риском потерять его.

— Значит, нашему руднику приговор подписан! — сказал Николай Константинович, побледневший и смущенный. Это категорическое мнение экспертов поразило его, так как в глубине его души таилась вера в старое дело, давшее столько денег.

— Не совсем еще! — ответил Борк.— Может быть, наше правление, не затрачивая миллиона на покупку и оборудование, захочет взять рудник на год в аренду и ассигнует некоторую сумму на разведки вглубь и на поиски потерянной части жилы, считаясь с риском

выбросить эти деньги напрасно. Может быть, оно ссудит вашему хозяину эту сумму для той же цели под своим руководством. Мы в своем докладе предложим несколько проектов.

— Это было бы хорошо! — воскликнул Репиков.— Я давно уже говорил хозяину, что нужно разведывать, чтобы обеспечить будущность дела, но он все надеялся, что богатство само объявится.

— А теперь позвольте вас поблагодарить за все хлопоты, вызванные нашим пребыванием, Николай Константинович. Часть этих хлопот вы, впрочем, затевали совершенно напрасно. Я подразумеваю производившуюся кем-то подсыпку золота в пробы и подсолку забоев. Мы люди опытные, все эти приемы знаем и делаем всегда проверку.

Борк быстро пожал руку Репикову и вышел, чтобы не дать озадаченному хозяину время оправиться и начать оправдываться и лгать. Сконфуженный Николай Константинович и его дочь вышли на крыльцо, где встретили прибежавшего из лаборатории Пузикова. Англичанин попрощался, и тройка покатила по стану и рабочей улице.

— Последний луидор уехал! — кричали ребятишки, собравшиеся в конце улицы и махавшие шапками и руками промчавшейся мимо них тройке. Борк выбросил в толпу горсть леденцов и, оглянувшись, видел начавшуюся свалку.

Потянулись кусты, перелески, старые разрезы и отвалы. Солнце ярко светило, пыль клубами неслась за экипажем, горы уже желтели высохшей травой и осенними оттенками березняков. Воздух был чист и прозрачен, и небо синело.

В трех верстах от стана впереди показалась женская фигура, которая при звуке колокольчиков остановилась, сошла с дороги и махнула платком. Поравнявшись с ней, экипаж остановился, Борк выскочил. Марина Львовна была в дорожном платье, голову повязала платочком, раскраснелась от прогулки. Они уселись, и тройка помчалась дальше.

Молодая женщина рассказала, что дома она заказала обед для мужа, велела прислуге передать ему, будто уехала с дочерьми станового в лес за малиной и вернется только к вечеру. На ее счастье, жена штейгера с сестрой действительно устроили поездку и при-

глашали ее. Мужу под подушку она положила письмо, которое он найдет, когда будет ложиться спать. В письме она сообщила ему о своем отъезде и просила выслать ей в Петербург паспорт.

II

Когда тройка умчалась, Репиков пригласил Михаила Петровича к себе и передал ему заключение экспертов о руднике и упрек в подсыпке золота.

— Помните, я говорил вам, Михаил Петрович, что таких вещей нельзя делать, что эксперты — люди опытные и провести их трудно, а скорее, можно попасться и испортить впечатление. Так оно и вышло! А вы ведь обещали устроить дело так чисто, что комар носа не подточит, помните?

— Так, так! — ответил Пузиков, удрученный известием о тщете всех усилий и хлопот.— Как же они заметили? Очевидно, плохо сделали, не нужно было поручать Кузьмину.

— Ну, придет приказ закрывать рудник, я его в первую голову к расчету.

— А вы думаете, Николай Константинович, что будет такой приказ, что не возьмут рудника в аренду для разведки, как рассказывал Борк?

— Это он нам в утешение говорил кислые слова, а отзыв даст отрицательный. Ну, поживем — увидим; думаю, к началу сентября от хозяина известие будет; ведь нужно знать, делать ли заготовки на зиму, нанимать ли годовых рабочих.

От управляющего Пузиков пошел к Бубнову, поведал ему о печальных результатах их стараний и жаловался на неумелость Кузьмина, испортившего все дело. Если бы он не торопился удрать из лаборатории, все было бы шито-крыто и пробы дали бы блестящий результат. Оба, раздраженные, пошли к маркшейдеру и пилили беднягу целый час, срывая на нем свое недовольство.

— Из-за вашей небрежности нас теперь всех к черту турнут,— кричал Михаил Петрович.

— Да, богатейший рудник закроют по вашей милости,— кипятился Бубнов.— Крышка ему и нам будет.

Несчастный маркшейдер оправдывался, но он был

неречист, чувствовал за собой несомненную вину, и оба противника его окончательно заклевали. Только урчание в желудках, напомнившее им, что давно пора обедать, заставило их прекратить истязание Кузьмина и разойтись по домам.

Пузиков, придя домой, удивился, что Марина Львовна отсутствует. Еще больше стало его удивление, когда он узнал от прислуги, что барыня с утра уехала в лес с штейгершей и становихой и вернется только к вечеру. Такое невнимание к мужу она обнаруживала в первый раз, и это сильно обидело химика. С горя и одиночества он изрядно выпил за обедом и завалился спать. Проснувшись, попил чаю и отправился к становому узнать толком, куда поехали дамы и отчего их так долго нет. Становой сообщил химику, что его дочери поехали за малиной на «Миллионный» прииск, но Марины Львовны с ними как будто не было; они ее приглашали, но она отказалась, разве что потом передумала и присоединилась к ним, когда они проезжали мимо ее квартиры.

Пузиков посидел у станового, поговорил насчет печального результата экспертизы и судьбы рудника; оба, пользуясь отсутствием дам, раскупорили бутылку вина и осушили ее к тому времени, когда подкатила трехшпанка, и из нее выскочила Надежда Поликарповна с корзиной ягод. Пошли расспросы, и оказалось, что Марина Львовна с ними вовсе и не ездила.

Михаил Петрович был поражен и не знал, что и подумать. Не пошла ли его жена на свою обычную прогулку в лес выше стана и не случилось ли там что-нибудь с ней? Солнце уже садилось за гору, не могла же она провести весь день без еды в лесу! Пузиков побежал домой, узнал, что барыня не приходила, и вернулся к становому, который сейчас же распорядился послать трех конюхов верхами по окрестностям стана на поиски. В ожидании известий химик остался у станового.

Солнце закатилось и сумерки уже сгустились, когда вернулись конюхи; один из них привез известие, что Марина Львовна прошла утром по рабочей улице и дальше вниз по большой дороге в Мангут; один рабочий видел ее в трех верстах от стана; она была без шляпки, «повязамши голову платочком, как баба».

Конюх ездил по этой дороге за семь верст, но никого не нашел.

Михаил Петрович страшно встревожился. Зачем ей было идти по дороге в Мангут, где не было ни порядочного леса, ни ягод, а старые разрезы и отвалы не представляли ничего привлекательного? Может быть, она вышла туда, чтобы проститься наедине с Борком, а потом сама сделала что-нибудь с собой, или на нее напали, и она лежит мертвая и истерзанная в старом шурфе?

Пузиков решил пойти к управляющему, чтобы посоветоваться с ним, как организовать поиски ввиду наступления ночи. Но по дороге он завернул домой узнать, не явилась ли, в конце концов, беглянка. У дверей квартиры он встретил прислугу, которая несла ему письмо, найденное ею под подушкой его постели, когда она стлала ее на ночь. Он догадался, что письмо от жены, и сердце у него сжалось; таким странным способом могли получаться только плохие вести.

Пузиков торопливо вскрыл конверт и тут же на улице при свете лампы, падавшем из окна, прочитал:

«Михаил Петрович! Я полюбила Борка и уехала с ним. Не преследуйте меня напрасно, я к вам все равно не вернусь. Мне надоели ваши бесконечные измены и жизнь в медвежьем углу без высших интересов. Пришлите мне отдельный паспорт по адресу Борка, который вам известен, и начинайте дело о разводе. Желаю вам найти себе очередное утешение у какой-нибудь Катьки, а меня забыть. Марина».

— Ах ты, дрянь этакая! — проговорил Пузиков сквозь зубы.— То-то она все к этому англичанину льнула, обошла-таки его!

Бомбой влетел химик в кабинет Репикова с письмом в руках:

— Представьте, Николай Константинович, что еще устроил этот проклятый англичанин: жену мою похитил!

— Не может быть, Михаил Петрович! Вы шутите!

— Какие там шутки. Вот письмо!

— Да, помилуйте, как же это? Борк ведь уехал один, мы с вами же видели собственными глазами.

— Еще бы она тут на моих глазах подсела к нему!

Я бы ее за косы с экипажа стащил, подлую! У них это все было подстроено: ее видели утром по дороге в Мангут в трех верстах от стана, там ее англичанин и подцепил.

Николай Константинович вспомнил смех и голос женщины, которые вчера невольно подслушал у дверей Борка. Очевидно, это была не Катька, а именно Пузикова. Он рассказал, что накануне, поздно вечером, слышал голос его жены в комнате Борка.

— Вот, вот, они и сговаривались насчет ее бегства! — кричал Михаил Петрович, бегавший по комнате, размахивая письмом.— Догнать нужно этого соблазнителя и пристрелить или избить, как собаку, чтобы чужих жен не крал!

— Где же вы его догоните! Они сейчас уже больше ста верст отмахали и будут ехать всю ночь без остановки. А у нас на конном дворе свежей тройки нет, одна их же увезла и еще не вернулась, вторая с почтой в Кыру уехала, а третья только что вернулась с «Миллионного» и не отдохнула.

— Верхом поеду! — кипятился химик.

— Ночью сорок верст до Мангута! Умеете ли вы еще верхом ездить? Ночью ехать нужно привычку иметь.

— Ну, так нарочного пошлите в Мангут с телеграммой в Акшу, чтобы беглецов задержали на почтовой станции.

— На каком основании? Они у нас ничего не украли, а из письма видно, что Марина Львовна уехала по доброй воле. Теперь жен нельзя насильно при себе удерживать, не те времена! Я бы на вашем месте плюнул на это дело и дал бы ей развод. Насильно мил не будешь!

Долго еще хорохорился Пузиков, а управляющий его урезонивал и сочувствовал его обиде. За это время настала полная ночь, небо заволокло тучами и пошел дождь. Ехать в такую темень было неблагоразумно. Михаил Петрович остался ужинать у Репикова. Лидия Николаевна вышла к столу, и отец сообщил ей о бегстве Марины Львовны.

Лидия Николаевна была рада скандальному исчезновению Марины Львовны, которая всегда относилась к скромной девушке свысока и снисходительно, задавала тон на руднике, всех других дам оттесняла на

задний план своей красотой, бойкостью и столичными манерами. Но к этой радости примешивалась и горечь ревности, потому что дочь управляющего за пять недель пребывания англичанина в их доме и постоянных встреч и разговоров за столом немного полюбила его, хотя сама не отдавала себе отчета в этом, и только когда он уехал и увез другую женщину, она почувствовала, что потеряла что-то дорогое, красившее ее жизнь в последнее время.

III

В ожидании решения хозяином судьбы рудника управляющий распорядился остановить все бедные забои и усиленно, в две смены, работать только самые богатые. Нужно было взять из жилы возможно больше золота. Поэтому оставшиеся недели августа прошли в усиленной работе рудника и фабрики.

Первого сентября от хозяина получилась длинная телеграмма. Извещая, что продажа не состоялась изза неблагонадежности жилы, он предписывал с десятого числа, когда кончался операционный год, прекратить все работы, рассчитать рабочих и служащих и оставить только караульных; к концу сентября рудник должен был закрыться.

Эту телеграмму Репиков прочел всем служащим и у конторы вывесил соответствующее объявление, положившее конец всяким сомнениям и надеждам. Несмотря на неблагоприятные результаты экспертиз, сделавшиеся известными всем, одни еще надеялись, что продажа состоится, другие предполагали возможность аренды, и почти все рассчитывали, что хозяин в конце концов не решится закрыть дело, а протянет еще некоторое время, может быть, чтобы найти других покупателей. Не клином же свет сошелся на этих англичанах!

Поэтому крутое решение хозяина поразило всех, начиная с Репикова и кончая китайцами. Теперь на руднике «Убогом» даже фабрика стучала как-то нехотя, дорабатывая остатки руды в амбаре и сжигая остатки дров. Покончив то и другое к десятому сентября, она замолкла, и на стану воцарилась жуткая тишина, словно в квартире покойника.

Михаил Петрович, просыпаясь ночью, тревожно спрашивал себя, почему фабрика стоит, и хотел было одеваться и бежать туда, как, бывало, бегал прежде, когда она внезапно останавливалась ночью из-за какой-нибудь поломки. Но, вспоминая, что фабрика остановилась навсегда, со вздохом поворачивался на другой бок, стараясь опять уснуть и отгоняя мрачные мысли. Бегство жены огорчило его меньше, чем остановка фабрики, но оба происшествия в совокупности подействовали на него так сильно, что он не находил себе места, слонялся по стану сумрачный и даже не заигрывал с встречными бабами и девками, вызывая этим их изумление.

Бубнов имел какой-то сосредоточенный вид, словно он задумал нечто важное, что бережет про себя до поры до времени. Он продолжал ездить каждое утро на рудник, будто бы для подготовки его закрытия, а после обеда вместе с химиком ежедневно приходил к Репикову для составления отчета за последний операционный год.

Всего хуже жилось Кузьмину, который чувствовал на себе враждебные взгляды одних, насмешливые — других и, преувеличивая свою вину, считал себя главным виновником закрытия рудника. Это действовало на него удручающе, а когда управляющий выдал ему десятого сентября жалованье за два месяца со словами, что он свободен и может ехать на все четыре стороны, он вышел из конторы совсем убитый. Другие старшие служащие оставались на своих местах, а ему предложили убираться.

Придя домой, он заперся, написал несколько писем, в сумерки сбегал в лабораторию, которая была еще открыта и никем не охранялась, а вечером пришел к становому прощаться. Здесь он был ненормально возбужден, много пил, играл на гитаре и пел песни, так что Надежда Поликарповна, до сих пор обращавшая мало внимания на невзрачного маркшейдера, стала поглядывать на него с интересом, соображая, не выйдет ли из него подходящий муж для нее.

Но лошадей для выезда с рудника Кузьмин у станового не просил и на следующее утро исчез, никому не сказавши, куда идет. Становой, зашедший к нему в комнату под вечер, чтобы узнать, когда он хочет

ехать, увидел на столе письмо на свое имя, прочитал его и ахнул.

«Я жить больше не могу,— писал Кузьмин.— Благодаря моей небрежности рудник закрылся, и все лишились хлеба. Не могу переносить укоров совести и всеобщего презрения и предпочитаю удалиться в лучший мир. Мое тело найдете на вершине рудничной горы. Не поминайте злом».

Поликарп Иванович поднял тревогу и через четверть часа выехал в сопровождении нескольких верховых и пустой телеги к перевалу на рудничной горе; здесь экипажи остановились, а верховые начали объезжать ближайшие вершины и гривы в поисках тела маркшейдера.

Искать пришлось недолго. В старом шурфе, давно уже завалившемся и превращенном в неглубокую яму с мшистым дном, лежал Кузьмин, уткнувшись лицом в мох. Возле него лежали бутылка с коньяком, опорожненная на две трети, рюмка, записная книжка и карандаш.

Всадники спешились; становой, пыхтя, подбежал к шурфу. Обстановка самоубийства его поразила,— не видно было ни огнестрельного оружия, ни крови. Он поднял записную книжку и прочитал на развернутой странице неоконченную фразу: «...мысли путаются, в глазах пошли огненные круги, нутро выворачивает... яд подействовал...»— и еще несколько каракулей, начертанных не повиновавшейся уже рукой.

— Отравился, несчастный Григорий Ефимович! Упокой его душу, господи! — произнес становой, снял шапку и перекрестился. Конюхи последовали его примеру.

Так как спасать человека, отравившегося утром, теперь, когда солнце уже садилось за гору, было безнадежно, то становой, не трогая труп, послал верхового за урядником, а сам присел поблизости на траве и от нечего делать стал перелистывать записную книжку в надежде выяснить причины самоубийства. Конюхи слезли с коней и стояли кучкой возле шурфа, не надевая шапок, и вполголоса обсуждали происшествие. Довольно сильный и прохладный ветер трепал их пиджаки и рубахи, ворошил их волосы и бороды. Заходившее за горы солнце озаряло их лица багровым отблеском. По небу мчались длинные

волокнистые тучи, подернутые снизу отдельными розовыми пятнами. Деревья, пожелтевшие уже совершенно, шумели и шуршали, мертвые листья часто срывались с них и неслись по воздуху вниз в долины. Далеко на северо-западе, позади целого ряда волнистых горных гребней, вздымался длинным горбом Сонодо, весь убранный свежим белым снегом, над которым щетиной стояли оголившиеся деревья.

Становой читал в записной книжке Кузьмина:

«Я решил отравиться. Вчера стащил в лаборатории из банки несколько кусков циан-кали. Знаю от химика, что это сильный яд. Чтобы было приятнее умирать, растворю его в коньяке и буду пить рюмку за рюмкой и записывать свои ощущения, чтобы люди узнали, как я умирал.

Я пришел сюда с утра, нашел это приятное местечко с мягким ложем, защищенное от ветра, устроился поудобнее, спустил яд в бутылку. Сейчас выпью первую рюмку.

Выпил! Рука изрядно дрожала, когда я наливал. Хотя я все основательно обдумал и крепко решил, что нужно умереть, но все-таки немного жутко. Кто знает, что ждет человека за гробом: жизнь вечная, как учит православная вера, или вечная ночь, безмолвие, ничто. Я не философ и не умею излагать свои мысли, даже не могу разобраться в них, как следует, не то бы написал много интересного, находясь на пороге добровольной могилы.

Ой, в желудке зажгло и в голову слегка ударило. А ведь на вкус ничего особенного не было заметно, хороший коньяк только, недаром же в амбаре пять рублей за бутылку взяли.

Выпил вторую. Хорошо здесь лежать на мягком мху; солнышко осеннее пригревает так славно, пожелтевшие березки шелестят, пичужка какая-то поблизости чирикает,— и больше ничего не видно и не слышно, точно я на сто верст отошел в тайгу. А между тем чуть ли не прямо подо мной в этой горе находятся все выработки рудника, и люди бродят, стучат, сверлят, точно червяки-могильщики, и всю жизнь в сырой тьме проводят из-за золота этого проклятого. И я там свои дни проводил, десять лет на этот рудник убил, а чем кончаю! А любил же я это кротовье дело,

любил лазить по ходам, мерить и снимать их и за жилой следить, ловить ее на ниточку, чтобы не убежала.

В голове немного неясно стало, и в желудке жарко, а больше никаких последствий от яду незаметно.

Выпил третью. В этой бутылке таких рюмок пятнадцать будет. Интересно, после которой я свалюсь. Ведь натощак пью, а рюмка большая.

У-у! Как закружилась голова. Хороший, мягкий коньячок, так по всем жилам теплота и разливается. А яд, должно быть, безвкусный, коньяка не испортил.

Интересно, скоро ли меня там внизу хватятся и что станут делать. Напрасно я написал, на какой вершине меня искать надо. Пусть бы пошарили, побегали по всем сопкам. И надо было написать, что мое последнее желание — чтобы Василий Михайлович, Михаил Петрович и Николай Константинович мое тело собственноручно снесли с горы в стан. Пусть бы попыхтели, попотели, подлецы, из-за них ведь я умираю... эх!

Выпил четвертую... как будто к вкусу коньяка что-то постороннее горьковатое примешивается. Неужели только теперь яд распустился?.. Ах ты, пичуга глупая, тоже напиться и отравиться хочет — подлетела и присела на край рюмки.

Голова здорово завертелась, и теплые волны по всему брюху пошли... А хорошо я надумал: так незаметно в нирвану и опустишься. Куда лучше, чем стреляться, топиться или вешаться. Это все грубая, безобразная смерть: или весь в крови, или мокрый, грязный, в волосах водоросли, во рту тина, или посиневший, с высунутым языком — брр, отвратительно! А я тут на травке усну незаметно, как живой буду лежать. Если кто невзначай из рабочих подойдет, вот скажет, Григорий Ефимович, бедняга, с утра уже нарезался, с горя, видно, что расчет ему дали! И пожалуй, бутылочку прикончит и тоже свалится рядом.

Пятую выпил. Горький, вяжущий вкус, несомненно, есть, и тошнить немного начинает. Закусил мятной лепешкой. Нет, не нужно оставлять коньяк в бутылке; как бы действительно кто случайно не отравился! Если не хватит сил допить все самому — вылью остатки.

Голова завертелась так, что на минуту раскрыл глаза и прилег. Буду теперь пить и писать лежа... в

желудке сейчас так полоснуло, что заохал. Неужели яд так жестоко действует? А химик говорил, что он очень мягкий, убивает быстро и без мучений.

Шестую пропустил... поднял голову, посмотрел кругом, но все завертелось, деревья словно танцуют вокруг меня, ветками машут, словно руками, женщины в желтых платьях... и дальше их ничего не различаю, только светлый туман колышется. А хороша была вчера вечером Надежда Поликарповна, тоже в желтом платье, словно осенняя березка. Я давно уже ее полюбил, только она меня не замечала, очень уж невзрачный я человек. И в этом мне в жизни не повезло!

Седьмую... налил с трудом, рука дрожит и не повинуется, порядочно мимо пролилось... и писать трудно стало... приходится медленно выводить каждую букву... опять тошнит и ворочает в желудке... солнце спину греет так хорошо и спать хочется... «умереть — уснуть»,— какой-то писатель сказал. Выпью еще... поскорее бы...

Пропустил одну за другой восьмую и девятую... мутный коньяк сделался и вкус противный, заел лепешкой... вывожу буквы подолгу... напишу два-три слова... прикурну... опять напишу и прикурну... в ушах шум и звон... сердце сжимается... мысли путаются... в глазах по... пошли огненные круги... все нутро выворачивает... яд подействовал... ох... я...»

На этом записи Кузьмина обрывались.

Опустив книжку, становой задумался.

— Зря погиб человек, преувеличил свою вину, не из-за подсыпки же отказались купить рудник...

— Поликарп Иванович, мертвец-то движется! — раздался возглас одного из конюхов.

Становой вскочил, подбежал к шурфу и остановился, всматриваясь в тело; конюхи столпились вокруг него.

— Чего врешь-то! Где же он движется? — сказал становой, не замечая ничего.— Он отравился самым сильным ядом, в вине распустил.

— Пра, ей-богу, он ногой дрыгнул и словно вздохнул! — уверял конюх.

Становой, кряхтя, опустился на колени и приложил ухо к спине мертвеца. Все притаили дыхание. Солнце уже скрылось, серые тучи сгустились на небе,

ветер трепал и гнул мелкие деревья на вершине, и эта группа, собравшаяся вокруг трупа в яме, в сумерки осеннего дня производила жуткое впечатление.

Поликарп Иванович не мог уловить ясного дыхания, так как свист ветра и шелест листьев мешали ему слушать. Но тело казалось теплым. Он засунул руку за воротник рубашки и ясно ощутил теплоту.

— Ребята, он жив еще! Тащите его скорее на телегу, может быть, отходим в больнице! — приказал становой, поднимаясь на ноги.

Мигом повернули мертвеца на спину и все убедились, что он жив и слабо дышит, хотя лежит без сознания. Подхватили его под руки и за ноги и понесли. Становой осторожно взял бутылку, закупорил ее и опустил в карман пальто, в другой сунул рюмку и записную книжку, подобрал шляпу Кузьмина и пошел вслед за остальными.

На стану телега с мертвецом подъехала прямо к больнице. Фельдшер, узнав, в чем дело, быстро расстегнул одежду, выслушал мнимого мертвеца и объявил, что он жив и что сердце бьется слабо, но явственно. Тело внесли и уложили на койку.

Весть о самоубийстве Кузьмина уже разнеслась по стану и к больнице собрались служащие, расспрашивавшие конюхов, стоявших еще вокруг телеги. В больницу урядник никого не впускал. Вскоре из дверей вышел становой и, заметив в толпе Пузикова, подозвал его, повел в сени и спросил:

— Кузьмин написал, что отравился циан-кали, который взял у вас в лаборатории. Может это быть или нет?

— Не думаю! Циан-кали у меня всегда под замком в шкафу. Впрочем, может быть, он взломал замок или разбил стекло. Сейчас узнаем, пойдемте вместе.

Пузиков и становой прошли в лабораторию. Химик осмотрел шкафик, в котором хранились более ценные реактивы. Он был заперт, стекла целы, и не было никаких признаков того, что кто-нибудь залезал в него.

— Видите, яд заперт, он не мог достать его! — сказал Михаил Петрович.

— А это что стоит? — спросил становой, указывая на несколько больших банок, стоявших открыто на столе и содержавших палочки и кристаллы разных бе-

лых солей. На одной из банок красовалась ясная надпись «Цианистый кали» и над ней череп с костями накрест.

Михаил Петрович расхохотался.

— Теперь я понимаю, почему он еще жив. В этой банке прежде на иловом заводе был циан-кали, а когда он вышел, я взял банку сюда и держу в ней буру для проб; от сырости она слиплась в комья. Видите, карандашом внизу написано «Бура». Только Кузьмин не обратил на это внимания.

— А бура не яд разве?

— Для тараканов яд, а для человека хотя и не безвредна, но отравиться ею насмерть мудрено, разве съесть всю эту банку. А в спирту она почти не растворяется.

— Ну, у меня гора с плеч свалилась! — вздохнул становой.— Теперь мы его отходим; он, очевидно, больше пьян, чем отравлен.

Пока Пузиков и становой ходили в лабораторию, фельдшер при помощи больничного сторожа раздел Кузьмина, уложил его и начал засовывать ему в рот резиновый рукав, чтобы начать промывание желудка. Но эта неприятная операция вызвала у маркшейдера сильные рвотные движения, и он пришел в себя, широко раскрыл глаза, быстро вырвал кишку изо рта и дико завопил, поднимаясь с кровати:

— Пустите, что вы со мной делаете? Я ведь умер, я отравился!

— Ну, если умер, так лежи смирно, а мы тебя очистим, здесь ведь у нас чистилище! — со смехом говорил фельдшер, стараясь удержать больного на кровати.

— А, мертвец ожил! — воскликнул Пузиков, вошедший в это время вместе с становым.— Ну, и слава богу! Закатите ему хорошую порцию касторки, чтобы его прочистило.

— Не надо мне касторки! — вопил Кузьмин, приходя в исступление.— Я отравился циан-кали и хочу умереть, оставьте меня в покое!

— Если хотели действительно умереть,— со смехом вставил Михаил Петрович,— так надо было другое средство употребить, а вы накушались только буры!

— Буры! — подхватил фельдшер.— Буры с коньяком... ох-хо-хо... матушки... словно таракан!..

Услышав, что он напился только буры, Кузьмин, сконфуженный, сразу притих; сидя на кровати, он низко опустил голову. Его стало тошнить, и он уже не сопротивлялся фельдшеру, который дал ему лекарство и уложил в постель до утра.

Весть о том, как и чем травился маркшейдер, быстро распространилась по стану. Всех поразила не трагическая, а комическая сторона происшествия, тем более что Кузьмин своей нескладной фигурой и лицом клоуна всегда возбуждал смешливое настроение. Поэтому, когда он на следующий день вышел из больницы и начал опять сталкиваться со служащими и их семьями, ему не было проходу от расспросов, шуток и насмешек. А мальчишки рабочей улицы сочинили частушку:

Наш макшнейдер огорчился
И бурою отравился
Словно таракан!
Тара-рака-кан!
Тара-рака-кан!

И распевали эту частушку во все горло, особенно когда видели, что Кузьмин идет или проезжает поблизости.

Григорий Ефимович, казалось, не обращал внимания на эти шутки, а от расспросов отмахивался, но весь как-то осунулся, пожелтел, не смотрел людям в глаза и старался их избегать. Становой, прочитавший его признание относительно своей дочери, тщетно приглашал его к себе в надежде, что девушка рассеет его мрачное настроение и поможет ему оправиться.

Прошла неделя, и в одно утро Кузьмин опять исчез, оставив лаконическую записку:

«Теперь ухожу от вас, зльдни, окончательно. Не ищите меня — не найдете».

Становой опять всполошился, разослал поиски по всем окрестностям; обшарили все сопки и рощи на несколько верст от стана, посылали в Мангут, Кыру и на соседние прииски. Нигде не нашли никаких следов, никто не видел Кузьмина, который словно канул в воду.

IV

После ветров, холодов и даже снега, выпадавшего не раз в первые недели сентября, с половины этого месяца установилась опять теплая погода, настоящее бабье лето. По ночам, правда, термометр падал до нуля и ниже, но днем солнце сильно грело благодаря неподвижности воздуха, и изо дня в день голубое безоблачное небо ширилось над волнистыми грядами гор, одевшимися в яркие краски. Желтые пятна березняков и более нежные желтые тона лиственниц чередовались с красными полосами осинника, а на безлесных склонах нежно-розовые купы и мазки выдавали кусты дикого персика. Помороженная буро-желтая трава лежала по дну долин и на склонах. В гаммы разных желтых тонов только местами врывались темно-зеленые пятна отдельных редких сосен, летом терявшихся в общей зеленой массе леса. Природа словно нежилась под лучами солнца, набирая в себя тепло на предстоявшую долгую зиму.

Но населению «Убогого» рудника теперь было не до природы. В былые годы бабье лето, совпадавшее с началом нового операционного периода, знаменовалось сплошным весельем. Закончив промывку рассыпного золота, производившуюся только в теплое время, подведя годовой итог деятельности рудника, все после усиленной работы предавались отдыху и развлечениям. В руднике и на фабрике шел ремонт, многие рабочие и служащие были свободны, устраивались пикники, вечеринки, и эти две-три недели конца сентября и начала октября бывали веселее, чем праздники рождества и пасхи, когда перерыв в работах был гораздо короче, а погода более или менее холодная.

Теперь же все были заняты ликвидацией. Через день приисковая тройка увозила кого-нибудь из служащих с семьей в Мангут; каждый день уходили холостые или уезжали семейные рабочие, заколачивавшие свои избушки и оставлявшие их на произвол судьбы вместе с более громоздкой мебелью. Каждый день можно было наблюдать тяжелые сцены прощания людей, сжившихся и сблизившихся за долгое время работы на руднике.

И вдруг печальная картина ликвидации и разоре-

ния была нарушена телеграммой хозяина. Хозяин предлагал управляющему передать рудник с постройками, машинами, конторой и частью припасов в амбаре штейгеру Бубнову, который брал предприятие в аренду.

Репиков не верил своим глазам и перечитал телеграмму три-четыре раза, перевернул, осмотрел со всех сторон, чтобы убедиться, что телеграмма подлинная, а не какая-нибудь злая шутка со стороны одного из уехавших служащих, недовольных расчетом. Но, убедившись в ее подлинности, он все-таки не мог верить ее содержанию. Он бы поверил, если бы не было прибавки на счет аренды. Хозяин, не желая ликвидировать дело совсем, а желая только сократить расходы, мог устранить его, Репикова, от управления и оставить одного Бубнова с несколькими служащими для разведки. Но поверить, что Василий Михайлович, который лучше, чем кто-нибудь другой, должен был знать убогость рудника, решился взять его в аренду, не имея своих средств, было слишком трудно.

Репиков немедленно послал за Бубновым и вспомнил теперь, что штейгер, в противоположность всем остальным служащим, не делал никаких приготовлений к отъезду, ездил по-прежнему на рудник и проводил под землей в одиночестве по несколько часов и вообще имел все время какой-то загадочный вид.

Вот и теперь горничная вернулась с ответом, что штейгер на руднике, но что его жена обещала прислать его, как только он вернется к обеду.

Пришлось управляющему прождать часа два, сгорая от любопытства.

Наконец Василий Михайлович явился, прочитал телеграмму и весь просиял.

— Вы не рехнулись ли, Василий Михайлович? — спросил Репиков с тревогой.

— Нисколько, Николай Константинович! Я не мог видеть равнодушно закрытие рудника и тотчас же после телеграммы хозяина о ликвидации послал ему просьбу сдать мне дело на льготных условиях в аренду.

— Почему же вы мне ничего не сказали?

— Во-первых, я не был уверен в успехе просьбы, а во-вторых, не хотел, чтобы дело разгласилось преждевременно. Узнав, что я беру рудник, многие служа-

щие и рабочие просились бы ко мне на службу, и было бы тяжело и неудобно им отказывать. А теперь многие уже разъехались, а нескольких нужных мне людей я выбрал и под разными предлогами задержал.

— Какой вы осторожный! Но что же вы думаете делать?

— Пока поведу только разведку с десятком-другим рабочих. Фабрику буду пускать изредка, когда накопится запасец руды.

— А на каких условиях вы выпросили аренду?

— Очень льготных, за попудную плату. Получу золото — буду платить, не получу — заплачу только подесятинную подать. Я даже не надеялся, что хозяин согласится на это. Впрочем, ему все равно пришлось бы бросить все или оплачивать самому караул и подать.

— И вы надеетесь найти золото?

— Не надеялся бы, не стал бы рисковать! Денег у меня таких нет, чтобы зря ими сорить.

— Кого же вы оставляете из служащих.

— Только станового с дочерью для стана и амбара и одного десятника для рудника, больше мне никого на первое время не нужно. А рабочих — всех китайцев и только двух русских — запальщика и машиниста.

— Что же, желаю вам всякого успеха,— сказал управляющий и попросил Бубнова прийти после обеда, чтобы выяснить, какие припасы и материалы из амбара он желает оставить за собой.

Весть о том, что рудник не закрывается, а отдается в аренду Бубнову, распространилась по стану, и на следующее утро к новому арендатору уже явилась целая толпа просителей: это были главным образом не уехавшие еще русские рабочие, преимущественно семейные, владельцы избушек на рабочей улице, которые все медлили со своим отъездом в надежде на то, что хозяин передумает, или вообще случится какое-то чудо. Теперь это чудо случилось, и все бросились к штейгеру наниматься.

Но Бубнов с раннего утра уехал на рудник, и толпа ждала его терпеливо до обеда; никто не хотел уходить, опасаясь не попасть в число нанятых, если опоздает к возвращению штейгера. К рабочим присоединились бабы, приходившие узнавать, почему мужья не воз-

вращаются домой. Становой два раза подходил к толпе и советовал не ждать, сообщая, что арендатору рабочих не нужно. Но ему не верили.

— Как же без рабочих-то? Чего врешь-то? Не будет же он сам и за забойщика и за откатчика робить!

Наконец Бубнов приехал. Его сейчас же обступили и все наперебой просились на работу. Задние напирали на передних, чтобы протиснуться к штейгеру; каждый надеялся, что именно он будет нанят, если попадет на глаза. Толкались и ругались, все говорили разом.

С трудом водворив тишину, штейгер объяснил, что рабочих, сколько ему нужно, он уже нанял.

— Где же, когда же, кого же? — послышались разочарованные голоса.

— Нанял я, ребята, китайцев, потому что денег у меня мало, а они рабочие дешевые и неприхотливые.

Поднялись опять шум и крики недовольства. Некоторые заявляли, что они пошли бы не дороже китайцев, лишь бы остаться на руднике в ожидании лучшего будущего. Другие прямо говорили, что негоже китайцев оставлять, а русских выгонять, словно здесь китайская земля.

— Я вас не гоню! — возразил Бубнов.— Живите себе, мне что! Избы ваши, а не хозяйские, мне не нужны.

— А харчиться-то на какие доходы будем? Небось у нас бабы, робята есть,— кричали ему из толпы.— Нет, вы, Василий Михалыч, пошлите лучше китайцев к черту, они все воры и по забоям шарят, а мы с вами поработаем.

— Уж извините, ребята, дело кончено, я с ними срядился. И не из-за того только, что они работают дешевле. Они народ трезвый, нет у них ни праздников, ни прогулов, как у вас. И насчет харчей проще: для вас в амбаре нужно держать и мясо, и масло, и крупу всякую, и капусту, и ситцы, и сукна, и сапоги, а мне это не по карману. Вот найду, бог даст, хорошее золото, тогда милости просим, для всех работа будет! — прибавил он, раздвигая рабочих и поднимаясь на ступеньки своего крыльца.— А теперь, извините, я с раннего утра на работе был, проголодался.

Медленно, нехотя толпа начала расходиться. И чудо случилось, да не помогло. Сидеть в своих избах без

заработка и ждать, пока штейгер найдет золото, никто, конечно, не мог. Заняться на собственный риск и страх хищничеством в старых разрезах тоже нельзя было из-за близких морозов. Приходилось все-таки бросать недвижимость и уезжать с рудника. Заработки за последние годы были плохие из-за убогости жилы и выработанности россыпей; видимое золото в кварце попадалось редко, так что и поживиться мало кому пришлось. Поэтому накопленных денег почти ни у кого не водилось, и положение для многих действительно было отчаянное, особенно для тех, кто не имел оседлости в деревнях или станицах Забайкалья, а являлся ссыльнопоселенцем или старым приискателем, всю жизнь проводившим на приисках. Им приходилось тащиться, почти побираясь, несколько сот километров в Читинский или Нерчинский округа, чтобы пристроиться там, потому что в окрестностях «Убогого» рудника все прииски влачили жалкое существование и зимой вообще не работались.

Рабочие шли группами через стан к своей улице, обсуждая отказ нового арендатора. Теперь рассчитывать было больше не на что, и в душе у многих, окончательно потерявших надежду остаться на руднике, накипала злоба против китайцев. Косоглазых, желтолицых «ходей» берут, предпочитают, а православных по миру пустили!

Бабы, узнавшие о безнадежности положения, в разговорах друг с другом и с мужиками весь этот день разжигали недовольство.

V

Следующий день было воскресенье. И хотя со времени прекращения работ каждый день был, в сущности, праздником, но все-таки то — будни, а это — воскресенье. Безвыходность положения не воспрепятствовала, а скорее способствовала тому, что многие рабочие под вечер были более или менее сильно под хмелем. Вдоль по улице визжали гармоники, раздавались пьяные песни, слышна была ругань. В одном месте мужики с бабами плясали на улице, в другом — пьяные пары целовались или ругались. Плясавшие постепенно стянули к себе почти все взрослое населе-

ние улицы, оставшееся еще на «Убогом»; подошли также несколько китайцев, которые вообще держались в стороне от русских рабочих.

Китайцев полупьяная толпа встретила косыми взглядами и насмешками. Посыпались замечания насчет того, что желтомордые отбивают хлеб у русских. Китайцы не понимали упреков, но поняли, что к ним настроены враждебно, и ретировались.

Пляски и пение продолжались до заката солнца, толпа была возбуждена вином и весельем и расходиться по домам не хотела. Кто-то предложил прогуляться с музыкой по стану — поскандалить на прощанье. Эта мысль встретила общее сочувствие. Быстро организовалась процессия с гармониками, с флагами, устроенными из женских головных платков, нацепленных на палки. Гармоники заливались, каждая по-своему, несколько человек несли чугунные сковороды и били в них палочками, как в бубны; бабы затянули визгливыми голосами рекрутскую песню:

Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья...

Процессия обошла весь стан с пением и музыкой и особенно усердствовала перед квартирой нового арендатора. Но никого из служащих, кроме станового, не было дома. Репиков в этот день устроил для них прощальный пикник, и все уехали за пять верст в лес. Поэтому эффект прощальной демонстрации в значительной степени пропал.

На обратном пути толпа проходила мимо китайской казармы, обитатели которой, привлеченные музыкой, частью высыпали на крыльцо, частью высунулись из окон. Пьяным людям, при виде китайцев, естественно, припомнилась вчерашняя обида, а добродушные улыбки желтолицых были приняты как насмешка.

Кто-то закричал:

— Смотрите, ребята, косоглазые выперли нас с рудника и еще смеются!

— Давайте-ка взлупим их в последний раз, чтобы нас помнили, сволочи!

— Ур-ра! В атаку на китайца! — завопил запасный солдат, бросаясь на крыльцо с поднятыми кулаками.

Его пример увлек и других. Крыльцо сразу очистилось от китайцев.

Часть атакующих ворвалась вслед за китайцами в казарму, где началась свалка. Перепуганные желтолицые прятались: кто залезал под нары, кто выскакивал через задние окна, пускаясь наутек к стану, искать защиты у служащих и урядника. Ворвавшаяся толпа вытаскивала спрятавшихся и лупила кулаками; китайцы отбивались, но перевес был не на их стороне, и они пострадали более или менее сильно.

Толпа постепенно зверела, и свалка могла бы перейти в побоище, если бы не помешала наступившая темнота. В казарме не было огня, а промежутки между нарами были узкие. Китайцы укрылись на верхних ярусах нар.

Оставшиеся на улице бабы и мальчишки, следовавшие за процессией, слегка помяли нескольких китайцев, которых столкнули с крыльца; оголив несчастных, женщины со смехом и непристойными шутками оплевывали их смуглые тела.

В казарме свалка кончалась; но толпа приступила теперь к погрому имущества китайцев. Тонкие войлочные матрасы и набитые ватой валики, заменявшие подушки, начали летать по казарме и вылетать из окон, когда со стороны рабочей улицы послышались крики и оставшиеся у крыльца увидели сноп пламени, поднявшийся над одной из избушек. Бабы заголосили: «Горим!.. Наша улица горит!»— и пустились вперегонку с мальчишками к месту пожара; вслед за ними один за другим из казармы повыскакивали и рабочие. Старые избушки, сарайчики, навесы и амбарчики, настроенные довольно тесно, могли дать обильную пищу огню. Пожар был устроен одним из китайцев, успевшим сразу же выскочить через задние окна казармы. Зная по опыту прежних погромов, что разбушевавшуюся толпу с трудом унимали служащие и казаки, и зная, что сейчас на стану нет почти никого из этих защитников, он придумал средство отвлечь внимание рабочих от своих соплеменников. Он быстро пробежал задами рабочей улицы к отдаленной части ее и поджег сарай возле одной из изб, уже брошенной ее владельцем. Возле сарая валялась щепа, остатки соломы и сена, хворост, и устроить хороший костер было делом нескольких минут.

Погромщики убежали, а к китайским казармам в это время подходили становой с единственным казаком, остававшимся на стану, и одним из служащих, собиравшимся назавтра уезжать и потому не поехавшим на пикник. Их вызвали успевшие бежать из казармы китайцы.

Увидев огонь и бегущую к нему толпу, становой послал служащего на конный двор за пожарной машиной, казака отправил на пожар распоряжаться, а сам зашел в казарму. Здесь было темно и тихо; притаившиеся на верхних нарах китайцы еще не решались подавать признаков жизни. Постояв в дверях, становой велел подошедшим с улицы китайцам запереться в казарме и не зажигать огня, обещав им поставить на ночь караульного и разобрать дело завтра.

Пока тучный Поликарп Иванович добрался от казармы до пожара, рабочие уже успели растаскать маленький и ветхий горевший сарайчик по бревнам, которые догорали и тухли порознь на земле. В толпе, окружавшей пожарище, шли разговоры о том, что пустой сарай, несомненно, кто-то подпалил, и что это, вероятно, дело рук желтолицых.

Но погромное настроение уже упало, каждый думал, что его изба или сарай также легко могут быть подожжены ночью; влияло также присутствие станового и казака, от которых зачинщики избиения старались держаться подальше, опасаясь расспросов с их стороны. Толпа быстро редела, мужики и бабы расходились по домам, и на пожарище вскоре остались только несколько холостых рабочих, живших в казарме рядом с китайской и не принимавших активного участия в избиении. Они рассказали становому, как и почему начался погром, не называя, впрочем, никого из участников.

На рабочей улице во многих избах зажглись огни, и сквозь открытые окна слышались еще разговоры и споры по поводу происшедшего; кое-где визжали гармоники и раздавалось пьяное пение. Некоторые рабочие переходили из дома в дом сговариваться, что показывать в случае допроса по поводу происшествия. В китайской казарме тускло светилось только одно окно; все обитатели собрались в кучу и совещались. Опасаясь ночного нападения, китайцы решили разделиться на смены, чтобы часть постоянно была насто-

роже; заготовили жерди и дубины, а также ведра с водой на случай поджога. Хотя вокруг казармы ходил и постукивал колотушкой караульный, назначенный становым, но китайцы ему не особенно доверяли.

Впрочем, с возвращением управляющего, урядника и служащих с пикника всякая возможность возобновления погрома исчезла, и Бубнов, явившийся в казарму, окончательно успокоил китайцев.

VI

На следующее утро, чуть свет, когда весь стан «Убогого» рудника был еще погружен в глубокий сон, с рабочей улицы тихонько выехали два воза с людьми, сундуками и узлами. Это поторопились уехать со своими семьями двое рабочих, бывшие зачинщиками погрома и опасавшиеся, что разбирательство и возмездие задержат их так долго на «Убогом», что они потеряют возможность пристроиться до зимы на другом деле. Они уже с вечера наняли себе подводы у золотничников, имевших собственных лошадей для работы в разрезах и промышлявших также перевозкой рабочих и припасов из Мангута на «Убогий». Беглецы заперли свои избы, оставив ставни открытыми, и уехали, не простившись ни с кем, чтобы не возбудить внимания и затруднить поиски.

Урядник Мокрых встал позже обыкновенного; после кутежа на пикнике у него трещала голова и мутило в животе; настроение духа, конечно, было скверное. Но пара рюмок, пропущенных натощак, помогла делу, и, напившись чаю, Иван Миронович приступил к расследованию вчерашнего происшествия.

Он прежде всего отправился в казарму, осмотрел место погрома и расспросил китайцев, знавших лучше других по-русски, как все произошло, на какую сумму у них изорвали и испортили имущества и одежды, кто из рабочих руководил избиением и кто участвовал в нем. Китайцы видели, кто шел во главе процессии, кто бросился к ним первый на крыльцо, кто особенно жестоко дрался, и потому могли назвать целый ряд имен.

Получив и записав нужные сведения, Мокрых вернулся домой, основательно позавтракал и затем уст-

роил обстановку для допроса рабочих. В комнате, которая служила ему приемной и канцелярией, он убрал лишнюю мебель, выдвинул письменный стол на середину, покрыл его старым зеленым сукном, взятым из конторы, поставил письменный прибор, выпросил у церковного сторожа распятие и положил его на столе рядом со своим экземпляром Евангелия и уложением о наказаниях. Затем надел парадную форму с двумя медалями, нацепил шашку и уселся с важным видом за стол, лицом к входной двери. Пока он убирал комнату, его подручный казак обходил рабочую улицу и рабочих, числившихся в списке виновных, и вызывал к уряднику для допроса.

Первый явившийся к уряднику рабочий был крайне поражен обстановкой допроса, и душа у него сразу же ушла в пятки. Он снял шапку, перекрестился и встал в смиренной позе у дверей.

Урядник повел допрос форменным образом: сначала выспросил и записал имя, отчество, фамилию, лета, вероисповедание, семейное положение, место приписки и затем произнес торжественным тоном:

— Теперя, обвиняемый Семенов, выкладывай по совести, без утайки, как на духу,— видишь, здесь на столе крест и святое Евангелие,— за что и по какой причине ты вчера в сумерки в скопище с другими лицами учинил разбой и погром на стану «Убогого» рудника?

— Помилуйте, Иван Мироныч, какой там разбой.

— Я тебе не Иван Мироныч теперя, а господин урядник! Так и говори.

— Виноват, господин урядник, не разбой был, а так только, маленько подрались с желторожими.

— Не ври, мне все известно! Ты в первом ряду с гармоникой шел?

— Ну, шел.

— «Ну, шел», невежа! Должен прибавлять при ответе: «господин урядник».

— Шел, господин урядник.

— Песни горланил?

— Пел, господин урядник.

— И здорово выпивши был?

— Не помню, господин урядник.

— Вспомнишь у меня! На крыльцо казармы одним из первых взбежал?

— Могло быть, господин урядник.

— Не могло, а было. Не отвиливай. Ван-ху-сяну, забойщику, тумака по затылку так дал, что тот кубарем с крыльца скатился?

— Ну, легонечко ткнул его, могло статься, господин урядник.

— Легонечко! Ах ты, сукин сын! Так легонько, что он в землю носом попал и морду в кровь себе расшиб!

— Не заметил я, господин урядник.

— Ткнул и не заметил? Ну, ладно, в этом во всем признался. А в казарме откатчика Лу-Гу-лина не ты ли за косу с нар стащил и лупил его по спине кулаком?

— Ей-богу, не помню, господин урядник, пьян был!

— Вот и вспомнил, что пьян был! А всего прочего не помнишь?

— Не помню, господин урядник.

— Хорошо, другие помнят и свидетелями будут. Еще тебя обвиняют, что тому же Лу-Гу-лину раскровянил губу и рубаху изодрал.

Семенов виновато опустил голову.

— В казачьей, может, вспомнишь? А вот что еще! Куда скрылся Петр Чубарыков, запасный солдат?

— Почем же я знаю, господин урядник?

— Живешь рядом, а не знаешь, что он на заре с бабой и ребятишками уехал в Мангут!

— Я ему не караульный, господин урядник.

— А кто после его отъезда ставни его запер и замок на дверь повесил? Не ты разве?.. А, молчишь! Свидетели тебя видели.

— Тьфу, окаянные! Чтоб их язвило!

— Ты мне тут не ругайся, потому здесь присутственное место и допрос, не то оштрафую! Ты соучастник в побеге обвиняемого Чубарыкова, главного погромщика.

— Никак нет, господин урядник, я с ним не бегал.

— Не бегал, а убежать можешь! Так вот что: в виду побега двух главных коноводов я должен посадить тебя под арест в предупреждение бегства и впредь до разбора дела.

— Помилуйте, господин урядник, явите божескую милость.

— Если же не хочешь сидеть, внеси десять рублей залогу. Если убежишь, залог в доход казны поступит, а от суда все равно не уйдешь, по этапу доставят.

— Зачем же мне залог вносить, господин урядник? Я ведь здешний рабочий, все меня на стану знают.

— Ты уже не рабочий, вы все расчет получили и должны быть выселены с рудника. А потому, что вы, уволенные, скопом, по взаимному уговору учинили избиение рабочих китайцев и грозились их перебить и выгнать со стана, вы считаетесь бунтовщиками и будете судиться по статье 1345 уложения о наказаниях.

Для пущей важности Мокрых поднял книгу и потряс ею в воздухе. Семенов молчал, совершенно подавленный.

— И как ты не рабочий больше, я тебя без залогу отпустить не могу. Как знаешь: или в казачью, или десять целковых на стол.

Семенов, кряхтя, достал кошелек из шаровар, вынул синенькую и подал уряднику.

— Еще одну! За пять целковых ты завтра же сбежишь. Подавай еще пять.

— Помилосердствуйте, господин урядник! Не на что хлеба купить будет, последняя у меня.

— У суседей займешь! Вчера небось пропил не одну ковригу. Выкладывай!

Рабочий выложил еще пятерку.

— Вот так! Видишь, пишу под протоколом допроса: десять рублей залогу от обвиняемого Семенова получено. Теперь можешь идти!

Совершенно подобным же образом, но с небольшими изменениями в зависимости от ответов рабочего и его вины, Мокрых допросил в течение дня всех тридцать трех русских, оставшихся еще на стану рудника, и со всех брал залог. Но только сумму он постепенно, по мере того как к допросу являлись рабочие, менее активно участвовавшие в избиении, понижал до восьми, семи, шести и даже пяти рублей.

Одного, упорствовавшего в заявлении, что он китайцев не бил и ничего не знает, Мокрых отправил в казачью; другой, отказавшийся внести залог, подвергся той же участи.

Закончив допрос рабочих, урядник принялся за баб: из них китайцы в лицо знали немногих и потому

могли указать уряднику только четырех. Но одна из них, жена солдата, скрылась вместе с мужем, и остались только три. Первой была вызвана уже под вечер Дарья Костолобова.

После обычного предисловия Мокрых начал:

— Ты обвиняешься в том, что в скопе с другими женщинами вчера вечером напала на безоружных китайцев и нанесла им оскорбление и побои. Признаешь ли себя виновной?

— Пустяшное это дело, Иван Миронович!

— Не Иван Миронович, а господин урядник, потому здесь присутственное место и допрос, видишь на столе крест и святое Евангелие! Ты должна говорить всю правду и только правду, как на духу в церкви, понимаешь?

— Поняла, господин урядник!

— Так вот, не ты ли забойщику Ван-ху-сяну, уже побитому рабочими, изорвала в клочья рубаху, штаны, действуя ногтями и зубами?

— Я не собака, господин урядник! — возмутилась баба.— Зубами я этого грязного желторожего не трогала!

— А ногтями одежду рвала, в этом ты признаешься?

— Что тут признаваться! Потрепали мы этих сволочей, зачем они у наших мужьев хлеб отбивают! Изза них нас разоряют, с рудника гонят. А кому из них от меня досталось, я не знаю. Все морды у них на один фасон, не разберешь, да и темно было.

— По случаю темноты вы, женщины, видно, и не постыдились китайцев оголить и их, обнаженных, оплевывать? Срамницы! Ну-ка, узнали, что у китайцев все, как у нас, устроено?

Мокрых прибавил нецензурный вопрос, от которого Дарья захихикала, конфузясь.

— Хорошо, в насилии над китайцами и в неприличном для женского сословия поведении ты призналась.

— Ни в чем я не признавалась! — воскликнула Дарья, спохватившись.

— Теперь не отречешься, тут уже твое показание записано. Что написано пером, того не вырубишь топором. А пока суд да дело, выкладывай три целковых залогу, чтобы не убегла, как иные прочие.

— Никуда я не убегу, Иван Миронович! У меня тут муж, детишки. Избавьте уж от залогу.

— Никак нельзя, милая! Твой муж в обвиняемых не числится, залогу не вносил, не сегодня завтра захочет уехать и тебя увезет.

— Откедова ж у меня деньги, Иван Миронович? Своих капиталов еще не завела.

— У мужа или у суседей займешь. Я тебе и так снисхождение делаю, с мужиков меньше пяти цалковых не брал.

— Муж не даст на тако срамно дело. Скажет, сама безобразничала, сама и добывай.

— Ты и заработай, по стиркам, что ли, у служащих. А пока что займешь, и через час чтоб деньги были здесь на столе, не то в казачью запру. Поняла? Ну, ступай!

Дарья Костолобова, красная, потная от волнения и страха, вышла, и ее место заняла Аграфена Постная, сухопарая, высокая старуха с злыми глазами и длинным носом.

Уряднику пришлось с ней изрядно повозиться; она категорически отрицала свое участие в деле и ссылалась на нескольких свидетельниц, видевших, что она только стояла возле крыльца; угрозы казачьей на нее не действовали, и внести залог она отказалась. Уряднику в конце концов надоело, и он отпустил ее с обещанием допросить ее свидетельниц и потом вызвать ее еще раз.

Последней в списке была Катерина Басова, дочь амбарного караульного, которая приняла участие в процессии и в истязании китайцев просто из озорства; она щипала и таскала за косы оголенных китайцев, визжала и хохотала без всякой злобы к ним.

С тех пор как Катя в половине лета появилась на руднике, урядник Мокрых стал преследовать ее своим вниманием; ему нравилась эта бойкая и смазливая девушка, тем более что ему было известно ее далеко не монашеское поведение. Но к приставаниям урядника она отнеслась очень сурово, может быть, просто из упрямства.

В комнату она вошла смело, хотя сердце у нее тревожно билось; она собрала все силы для этого неравного состязания, чувствуя, что на ней сорвут всю злобу за отвергнутые ласки.

Мокрых встретил ее иронической улыбкой и словами:

— Как это вы попали, Катерина Ивановна, в такую пьяную и грубую компанию? Совсем вам там было не место, тем более что вы лично ничего против китайцев иметь не можете. Ваш отец — не рабочий.

Катя молчала, не зная, как понимать эту вежливость и ласковое обращение.

— Но делать нечего,— продолжал урядник с глубоким вздохом.— Повинуясь строгому велению беспристрастного закона, равного для всех, я должен снять с вас показание. Вас зовут Катерина Ивановна Басова, православного вероисповедания?

Катя кивнула головой.

— А сколько вам лет?

— Восемнадцать минуло.

Мокрых опять вздохнул.

— Такая молоденькая, а приняла участие в этом непозволительном деле. Ваше звание?

— Дочь поселенца, приписанного к Читинскому мещанскому обществу.

— Городская, значит, образованная! Грамотная?

— Читать умею, а пишу плохо.

— Девица али замужняя?

— Девица.

— Еще девушка? — словно с изумлением протянул Мокрых.

Катя покраснела.

— Так вот, Катерина Басова,— строгим тоном сказал урядник,— вы обвиняетесь в том, что вчера в сообществе с другими женщинами учинили избиение китайцев у крыльца казармы, изорвали на них всю одежду и голых, позабыв свою женскую стыдливость, били и оплевывали. Что вы на это скажете?

— Что эти косоглазые хуже баб! Отчего они не защищались? С несколькими женщинами справиться не могли.

— Вы сознаетесь в своей вине? Отлично. Но я должен выяснить отдельные ваши действия. Вы изорвали забойщику И-фун-тану рубаху и били его по голой спине?

— Какого-то китайца схватили за рубаху, это правда, но чем же я виновата, что рубаха у него совсем

гнилая, сразу до пояса треснула! Но только я его не била, а ущипнула раз-другой.

— Так и запишем: щипала голое тело. Разве это так приятно или со злобы делали?

— Баловалась, Иван Мироныч!

— Плохое баловство это, до добра не доведет голых китайцев щипать. Вам, женщинам, полагается щипать гусей, курей, утей, а не китайцев! На них ни пера, ни пуха нет.

Катя засмеялась.

— Ничего смешного в этом нет, а очень печально, что молодая девушка (он подчеркнул это слово) позволяет себе такие непристойные действия. Это заставляет сомневаться в ее порядочности.

Катя покраснела, как мак, и на глазах ее показались слезы.

— Еще вы обвиняетесь, Катерина Басова, что, повалив вместе с другими женщинами бурильщика Лун-фу-сяо на землю, вы сорвали с него ватные шаровары и лупили по мягким частям тела, откуда ноги растут. Признаете себя виновной?

— Раза два-три ударила с размаху. Да только у него, желтого дьявола, совсем не мягкие части, я себе руку о них отшибла.

Мокрых подавил улыбку и заметил:

— Видите, какие эти китайцы жалкие и голодные, а вы их еще истязали. Небось, если вас самих по этим же мягким частям ударить, так руку себе не ушибешь — подушки!

Катя уловила игривость тона в последней фразе и немного ободрилась.

— Еще вы обвиняетесь, Катерина Басова...

— Господи, еще! — прервала Катя.

— Прошу не прерывать меня и всуе господа не призывать! Еще вы обвиняетесь в том, что вместе с Постной протащили откатчика Пи-фан-коу по земле, взявшись за его ноги, словно за оглобли, и издеваясь над его беспомощным положением. Было это?

— Виновата, Иван Мироныч, было.

— Совершивши разного рода насилия над беззащитными китайцами, вы теперь чувствуете угрызения совести и готовность искупить свою вину?

«Куда это он клонит?» — подумала Катя.

— Вы молчите? Так как у вас нет смягчающих ви-

ну обстоятельств, как у жен уволенных рабочих, то вам придется пострадать всего больше. Я должен посадить вас, к величайшему своему прискорбию, в казачью до приезда горного исправника.

Катя испугалась; сидеть в казачьей на хлебе и воде ей совсем не улыбалось.

— Я могу ведь внести залог, как другие, Иван Мироныч! — сказала она робко.

— С вас я залога не возьму, потому что вы деньгами не поскупитесь и зададите лататы, ищи потом ветра в поле! Что для вас значит какая-нибудь пятерка или десятка, вы ее за одну ночь заработаете!

Катя вспыхнула и попыталась протестовать.

— Мне ваше нескромное поведение отлично известно! — невозмутимо продолжал урядник.— И я мог бы вам назвать всех мужчин на руднике, с которыми вы были в сношениях. Поэтому для вас одна мера пресечения — под арест.

Катя молчала, удрученная.

Мокрых записал еще что-то, потом посыпал песочком свой протокол, ссыпал лишнее на пол, сложил бумагу в синюю обложку, встал, подошел к девушке и сказал ей тихо:

— А если хочешь, чтобы я переменил гнев на милость, Катенька, приходи сегодня вечерком ко мне чай пить! Побеседуем насчет залога.

— Так вот вы как, Иван Мироныч! — возмутилась Катя.— Вы этого только и добиваетесь от меня. Насильно хотите!

— А китайцам ты разве насилия не делала? За это и должна понести наказание. Но я тебя не насилую, можешь посидеть в казачьей.

Открыл дверь и сказал подручному, сидевшему еще на крылечке:

— Никонов, отведи эту женщину под арест, в темную. Это главная зачинщица.

Катя плакала и уже жалела, что была нелюбезна с урядником.

Когда она очутилась в темной, тесной конурке с голой деревянной скамьей вместо кровати и промозглым запахом, она села на скамью и дала волю слезам.

Закончив допрос и набрав двести пятьдесят три рубля залогов, Иван Миронович со вздохом удовлет-

ворения разоблачился и сел со своим подручным ужинать.

На рабочей улице царило уныние. Допрошенные рабочие передавали друг другу свои впечатления, почесывали головы и рады были бы выпутаться из заварившейся каши, тем более что жены, накануне подзадоривавшие мужей, теперь пилили их за погром.

После ужина Мокрых отправился с докладом о произведенном дознании. О полученных залогах он умолчал, а сообщил, что следственное дело отправит по почте горному исправнику для привлечения рабочих к ответственности за нарушение общественной тишины и спокойствия и устройство скопищем избиения мирных китайцев из мести.

Вернувшись от управляющего, урядник послал подручного в казачью спросить у арестованной Басовой, не желает ли она теперь дополнить свои показания. Катя, просидевшая больше двух часов в темноте, голодная, изъеденная клопами и блохами, выразила согласие. Когда она очутилась в светлой комнате урядника, где на столе кипел самовар, стояли два стакана, аппетитные булочки, вазочка с вареньем и графинчик с коньяком, она вздохнула облегченно. Допрос не должен был быть утомительным. Впрочем, до известной степени она ошиблась. Мокрых, отпустив казака, допрашивал Катю так долго, что оставил ее потом у себя ночевать.

Ввиду сокращения рабочих на руднике до двадцати человек, пребывание урядника на стану становилось излишним: достаточно было одного казака. Поэтому Мокрых со дня на день ждал приказа о своем возвращении в Акшу в казачью сотню. Залоговые деньги он собирал с рабочих с целью присвоить их себе. Через своего подручного он на следующий же день после допроса пустил слух, что пока суд да дело придется обвиняемым прожить на руднике два-три месяца, если не больше. Когда этот слух распространился и взволновал рабочих, тот же подручный как бы от себя давал каждому порознь добрый совет: уезжать потихоньку, плюнув на оставленный залог. На вопрос, а не притянут ли потом по этапу, подручный уверял, что залоговыми деньгами замажут рот китайцам, и те возьмут свою жалобу назад.

Слух и добрый совет возымели прекрасное дейст-

вие, и каждое утро чуть свет выезжало несколько семей; все наличные лошади были заняты и работали почти без отдыха; даже из соседних станиц приезжали на помощь казаки, чтобы увозить желающих скрыться.

VII

Приняв окончательно все дело от управляющего, Василий Михайлович прежде всего занялся тщательным исследованием старых работ. Большая часть их велась до его поступления на рудник. Хотя за время службы на руднике он ознакомился с ними довольно хорошо, но теперь ему надо было подробно изучить трещину сброса с самого верха до низу, чтобы выяснить себе точно, где искать потерянную часть жилы.

Захватив нескольких рабочих, Бубнов отправился в самые верхи старых работ, где давно уже никто не бывал, потому что выработки сильно заплыли льдом. Верхний штрек со стороны подъемов пришлось очищать от льда в течение нескольких часов; пробив узкий ход через ледяную стену, штейгер с рабочими пролезли в выработки. Здесь льду было меньше, но все-таки крепь скрывалась под ним, и приходилось идти согнувшись. Бубнов шел впереди, освещая путь. Перед самой трещиной сброса, влево шел короткий квершлаг, которым когда-то намеревались исследовать трещину, но потом, увлекшись другими работами, его оставили и совсем о нем забыли. Квершлаг не был закреплен, но забой, потолок, стены и почва покрылись слоем льда, превратившим выработку в настоящий ледяной грот со сталактитами. Штейгер давно уже решил, что этот квершлаг нужно продолжать, и вел рабочих именно сюда, чтобы его очистить.

Рабочие начали срубать лед со стенок, а Бубнов, изгибаясь между длинными сталактитами, полез к забою и вдруг отпрянул назад; он увидел впереди, на почве ледяного грота, как будто человеческие ноги, покрытые льдом.

— Это просто обрубки крепей! — успокоил себя Василий Михайлович и подвинулся дальше. Но за ногами показались туловище и голова; одна рука была прижата к груди, другая откинута в сторону. На земле

действительно лежала ледяная статуя, мертвец, опрокинутый на спину и покрытый слоем льда в палец толщиной.

— Ой, да не Григорий ли Ефимович сюда забрался? — пробормотал штейгер, холодея от ужаса.

Сдавленным голосом он подозвал к себе рабочих.

Когда осторожно освободили от льда одну из ног обледенелого тела, оказалось, что это действительно нога человека, обутая в сапог. Стало ясно, что здесь имело место самоубийство или преступление. Штейгер послал одного из рабочих за казаком, в ожидании которого велел очистить выход из квершлага, а также расширить верхний штрек, чтобы можно было вынести мертвеца из его ледяного убежища.

Пока ходили за полицейской властью, Василий Михайлович обсуждал с рабочими, как мог попасть человек в эти выработки, ход в которые уже несколько лет был загроможден льдом. Один из рабочих, служивший на руднике дольше, чем штейгер, припомнил наконец, что верхний штрек за трещиной сброса имел выход на поверхность горы, который потом завалили, чтобы хищники не могли забираться в рудник. Но было возможно, что они когда-нибудь расчистили завал и открыли себе лазейку. Последняя, впрочем, в последние годы была уже бесполезна, потому что могла служить только для прохода в давно уже выработанную, самую верхнюю часть рудника, отделенную льдом от остальных выработок.

Отправились проверять это указание. В штреке за трещиной лед начал убывать и наконец исчез. Крепь оказалась сильно поломанной и подавленной, но впереди виднелся слабый отблеск дневного света. Один из рабочих пролез между поломанными стойками и нависшими глыбами и убедился, что выбраться на поверхность можно, хотя с большим трудом и риском.

Вместе с казаком на место происшествия явился и Репиков. Все приступили к осмотру обледеневшего мертвеца. Поднять его не было возможности: он слился в одну массу со льдом почвы. Пришлось осторожно отбивать ледяную корку с тела и подрубать лед снизу; вскоре освободили ноги, обутые в хорошие сапоги, по которым можно было узнать, что это не рабочий. В откинутой руке оказался револьвер.

— Очевидно, самоубийца! Я полагаю, что это Григорий Ефимович! — высказал Бубнов вслух свою первую догадку.

— Наверно, он,— подтвердил казак.— Ведь он исчез бесследно уже почти месяц.

— И оставил записку: «Теперь меня не найдете, не ищите!» — вспомнил штейгер.

— И не нашли бы никогда, если бы Василию Михайловичу не пришло в голову сюда забраться! — сказал Репиков.— Какое местечко выбрал себе! Так бы и остался в ледяной могиле до второго пришествия. Ведь еще несколько лет, и весь квершлаг заплыл бы льдом.

Постепенно освободили и туловище, одетое в рудничную брезентовую куртку, и прижатую к нему руку, на пальце которой был перстень с бирюзой, известный служащим, знавшим маркшейдера. Так как сомнений в личности мертвеца не было, то лицо не стали освобождать от льда, а отделили труп от почвы, чтобы вынести его из рудника.

Тихо теплились свечи в руках людей, обступивших неподвижное тело товарища, покончившего свою жизнь таким необычным образом. Сверху, сзади и с боков нависали ледяные массы молочно-белого цвета, с странными выпуклостями и натеками, отражавшими пламя свечей. Легко клубился пар от дыхания. На ледяном ложе лежал мертвец, лицо которого представляло страшную ледяную маску.

— Поднимайте! — сказал наконец Репиков, надевая шапку.

Тащить труп, тяжелый и твердый, как толстое бревно, было очень трудно; откинутая и застывшая рука мешала в узких проходах старых работ; по подъемам труп пришлось спускать на веревке. Вообще, бились не меньше часа, прежде чем вытащили его кратчайшим путем через шахту на земную поверхность, где ждала уже телега.

В больнице мертвеца оттаяли и убедились, что это действительно маркшейдер. В правом виске была рана, но в ледяной могиле труп совершенно сохранился; он лежал на больничной койке, словно заснувший спокойным сном после тяжелой рудничной работы. В руке, сжатой в кулак, на груди, оказалась записка.

«Если, паче чаяния, вы меня найдете и извлечете

из ледяной могилы, которую я себе выбрал как место вечного упокоения, то прошу похоронить меня не на кладбище, а, как самоубийцу, в старом шурфе на вершине рудничной горы, откуда видны все окрестности, мои любимые синие горные дали. На кресте напишите: «Маркшейдер рудника «Убогого» Григорий Ефимович Кузьмин, 38 лет от роду, поставил последнюю точку 18 сентября 1908 г. Мертвые сраму не имут».

Но Бубнов восстал против того, чтобы хоронить маркшейдера на рудничной горе, считая это плохим предзнаменованием.

— Рудник еще не мертв,— заявил он.— В выработках будут ходить люди, а мертвец над их головами будет внушать им суеверные мысли. Если не на кладбище, похороним его на вершине нашей горы, над станом, откуда тоже все окрестности и горные дали видны.

Так и сделали. В сопровождении небольшой кучки людей, оставшейся еще на руднике, повезли тело Кузьмина по рудовозной дороге на перевал, а потом на руках унесли на вершину горы. Поставленный на могиле большой крест был ясно виден из стана.

Через два часа после похорон и прощального обеда, устроенного штейгером, с «Убогого» рудника уехал Репиков с дочерью, а на следующее утро Михаил Петрович с последним конторщиком. Им всем было очень тяжело расставаться с рудником. Только Лидия Николаевна была довольна: ее отец ехал в Петербург подвести все расчеты с хозяином, и она надеялась поступить наконец на курсы, а отца пристроить на службу в столичной конторе какого-нибудь золотопромышленного дела.

Когда колокольчики тройки, унесшей Репикова с дочерью, замолкли вдали, Бубнов, провожавший их верхом до первого брода, поехал прямо на рудник. Оставив лошадь у конторки, он поднялся по тропе на вершину рудничной горы. Выдался чудный день половины октября, какие часто бывают осенью в этой солнечной стране за Яблоновым хребтом. Солнце уже сильно спустилось к западу, и бледно-голубое небо пылало желтым огнем. Со всех сторон волнами тянулись горные хребты, взъерошенные желтыми рощами мелких лиственниц и берез, словно гривы косматых саврасых забайкальских лошадок. Они уходили один

за другим до самого горизонта, без конца, без числа. Между ними на западе, словно в глубокой яме, протекал Конгорок и виднелся стан соседнего прииска, над которым столбами прямо вверх в спокойном воздухе поднимался дым. Серели старые разрезы и отвалы, блестела серебром вода в пруде. По временам оттуда доносились лай собак и ржание лошадей.

Немного правее, на самом горизонте, километрах в ста или больше, позади таких же волнистых грив поднималась более высокая горная гряда, за которой лежала долина Ингоды. Эти горы тянулись длинной цепью плоских горбов, покрытых щетиной леса и уже одетых в зимний саван; свежие снега ярко блестели под лучами низкого солнца. Самый высокий горб, голец Сохондо, поднимался широкой и плоской вершиной выше лесов, и снега лежали на нем сплошной девственной пеленой, не прерываемой никакими пятнами.

Штейгер залюбовался этой снежной цепью. Не спуская глаз с Сохондо, он мечтал:

— Там, на этих высоких вершинах, уже зима. Там уже все заснуло и успокоилось до весны, и только ветры да солнце гуляют по бесконечным белым полям. Простор, чистота! Эх, взлететь бы туда птицей, покружиться над снегами, подышать легким морозным воздухом, пронестись стрелой, чуть касаясь гребней белых волн!

Как тянет к себе и манит эта даль! Хочется знать, что за этими снежными горами. Наверно, опять горы и долины, реки и леса, простор бесконечный, благодатный! Лик природы, не оскверненный истребителем — человеком!

А я тут прикован, сам себя приковал к руднику, словно крот к своей кротовине.

Я арендовал этот рудник наперекор мнению всех, Николая Константиновича, мудрых экспертов. Я верю в него. Я верю, что жила меня не обманет. Она скрылась, спряталась от хищников, которым нужно только вырвать жадными руками желтое золото из ее белого тела, вырвать и растратить на роскошь, пьянство и разврат. Но мне, мне одному она опять откроется, я найду ее потерянную часть, потому что я буду искать ее не ради золота, а ради интереса, потому что я люблю это дело.

Они думают: вот дурак Василий Михайлович, захотел закопать свои скудные сбережения, надел себе петлю на шею, растратит свои силы на это безнадежное дело и в конце концов уйдет с «Убогого» рудника нищим, с палочкой в руках, с проклятием на устах, с долгами на шее.

Нет, нет!

Бубнов вскочил с камня, на котором сидел, выпрямился во весь рост и поднял правую руку к небу, словно для присяги. Его глаза блестели, и голова была гордо поднята.

— Нет, я верю, что много золота лежит еще в этой горе под моими ногами, и я найду его, сумею найти! Не торопясь, шаг за шагом, упорным трудом и знанием. Год-другой пройдет, может быть, но я обнаружу, куда скрылась жила, и он отдаст мне свое золото за то, что я люблю и не потерял веры в ее богатство, как другие.

И когда я найду этот клад, скрытый глубоко в горе, я куплю рудник у Мишурина и дам ему новое имя: не «Убогим» будет он, а «Удалым».

Тогда люди скажут: Василий Михайлович Бубнов не дурак, он знал, куда золото скрылось, и нашел его. Пусть тогда господа эксперты чешут себе затылки: проворонили, мол, этакое богатое дело. Да здравствует рудник «Удалый»! Пусть он станет первым во всем Забайкалье, пусть во всей стране прогремит слава о его богатстве!

ТЕПЛОВАЯ ШАХТА

повесть

В бумагах Владимира Афанасьевича Обручева сохранилась рукопись — черновик научно-фантастической повести «Тепловая шахта». Повесть эта была начата еще в 20-х годах, и автор несколько раз возвращался к ней, переделывал и дописывал некоторые главы, но так и не закончил ее. В общем вполне законченной можно считать главную тематическую линию — проведение глубокой тепловой шахты. Но Владимир Афанасьевич хотел прибавить еще ряд глав о жизни обитателей городка Безмятежного. Он хотел ввести еще ряд действующих лиц, подробнее обрисовать их взаимоотношения, но все это осталось незавершенным.

Здесь мы печатаем главную часть повести. В обычной для его фантастических романов точной форме, с обилием научно-технических подробностей, автор рассказывает о проведении глубочайшей шахты так убедительно, что читатель ни на минуту не сомневается в возможности такого предприятия.

И действительно, теперь уже проведены в разных частях земного шара шахты, более глубокие, чем шахта города Безмятежного, но пока еще не в таких высокотемпературных условиях.

Вопросом об использовании тепла недр Земли Владимир Афанасьевич продолжал интересоваться и позднее. Перед Великой Отечественной войной редакция газеты «Правда» разослала крупнейшим советским ученым анкету, в которой был вопрос и о том, как они представляют себе область своей работы через пять-десять лет. Владимир Афанасьевич ответил, что «через пять-

десять лет будет практически разрешен вопрос об использовании тепла земных недр в качестве неистощимого источника энергии, и в приполярном поясе Союза будут строиться города, заводы и теплицы, обслуживаемые этой энергией».

В.В. ОБРУЧЕВ

1. СПЕЦИАЛИСТ ПО ГЛУБОКИМ ШАХТАМ

Василий Павлович Путилин, крупный финансист и директор Русско-Японского банка, только что пообедал и находился в прекрасном расположении духа. Не только потому, что обед был отменный,— это было обычное явление — нет, причина была более серьезная.

Сегодня состоялось годичное собрание акционеров банка. Правление доложило отчет с блестящими итогами; операции с хлебом, хлопком, сахаром и т.п., несмотря на войну или, вернее, благодаря войне принесли огромные прибыли; все отделения работали как никогда. Акционеры должны были получить прекрасный дивиденд и, благодушно настроенные, утвердили крупные наградные членам правления.

Правда, один из акционеров попытался испортить мед ложкой дегтя. Он начал говорить, что банк на ложной дороге, что все эти операции с хлебом, сахаром, хлопком — просто спекуляция, увеличивающая дороговизну в стране, что жирные дивиденды немногих оплачиваются из тощих карманов многих и так далее в том же духе.

Но ему не дали закончить. Поднялся шум, протесты — и он сел. Удивительный субъект! Ему предлагают выдать на акцию вместо прошлогодних 35 рублей целых 80. А он говорит, что это грабеж. Вероятно, владелец каких-нибудь пяти акций, дающих право голоса, так что разница для него не велика. Но ведь акции-то как пойдут в гору на бирже! Этого он не понимает очевидно.

Путилин, как и другие директора, знавшие годовые итоги раньше их оглашения, потихоньку уже ску-

пал на бирже акции банка, поступавшие в продажу, чтобы продать их с хорошим барышом после собрания. Сидя в мягком кресле своего кабинета и покуривая дорогую сигару, Василий Павлович мысленно уже слышал шелест тысячерублевых билетов, которые окажутся плодом этого прекрасного года.

Легкий стук в дверь прорвал нить размышлений Путилина. Появился камердинер Петр и, почтительно склонившись, подал на подносике визитную карточку.

— Очень просят принять их по делу.

Василий Павлович протянул руку с карточкой просителя к лампе, стоявшей поодаль на столе, и прочитал:

АРКАДИЙ ЕГОРОВИЧЪ ЕЛЬНИКОВЪ
Горный инженеръ
Специальность: глубокия шахты

Русско-Японский банк угольными и вообще горными делами до сих пор не занимался. Но Путилин привык встречаться по делам со всевозможными специалистами, и эта новая, неизвестная ему специальность не удивила его. Он спросил только:

— Приличный человек?

— Вполне-с. Хорошо одет, высокого роста, брюнет, под сорок, деловой.

Петр имел определенную инструкцию в отношении посетителей банкира и наметил глаз, оценивая их социальное положение и причину прихода. Разных просителей, искателей места он сразу различал если не по костюму, то по тону разговора, даже не спрашивая, зачем они пришли, и прямо заявлял им, что господина директора нет дома, а по делам принимают они в банке в такие-то часы.

— Ну, проси. Только намекни, что у меня сегодня еще заседание.

Путилин не любил сам обрывать разговор и выпроваживать посетителя, слишком засидевшегося. Он предпочитал предупреждать через Петра, что его время дорого. Если это не помогало, то почва для прекращения визита была все-таки подготовлена.

Отворилась дверь, и в кабинет вошел человек высокого роста, плечистый, в безукоризненном костю-

ме, с портфелем в руке. Путилин приподнялся ему навстречу и, быстро окинув его взглядом, увидел резкие черты лица, коротко остриженную бородку клином, умные глаза под густыми бровями и почти незаметный шрам поперек высокого лба над левым глазом.

Усевшись в кресло, предложенное хозяином, посетитель заговорил резким голосом, короткими фразами, словно командуя:

— Я один из ваших акционеров. Был сегодня на собрании. Слышал, что банк обладает крупными свободными средствами и намерен расширить свои операции. Могу предложить вам крупное и очень выгодное дело.

«По проведению глубоких шахт?» — подумал Путилин. И тут же он вспомнил, что утром, просматривая список акционеров, представивших свои акции для получения права голоса на собрании, он обратил внимание на фамилию Ельников, раньше не попадавшуюся ему, против которой стояло: 500 акций. «Не из мелких, и приобрел недавно! Имеет нюх или друзей в банке»,— подумал Василий Павлович и произнес:

— Я к вашим услугам.

— Я не задержу вас долго,— сказал Ельников.— И изложу только суть. Если вы заинтересуетесь,— расчеты, сметы, все детали здесь,— он слегка хлопнул рукой, крупной и мускулистой, по портфелю.

— Я слушаю вас.

— Вам, конечно, известно, что горючие материалы дорожают с каждым годом. Уголь, нефть, торф, дрова становятся предметами роскоши. Леса вырубаются, залежи угля и нефти истощаются. Пора подумать о новых источниках тепла для промышленности и для отопления жилищ.

Путилин поднял брови. О кризисе топлива он еще не думал. Если это верно, то на топливе можно хорошо заработать. «Проверим и займемся скупкой лесосек и копей!» — мелькнула у него мысль.

— Интересно,— заметил он,— какие новые источники тепла вы имеете в виду?

— Я думаю, вам известно также,— продолжал Ельников,— что недра нашей Земли хранят еще массы тепла?

Путилин кивнул головой, хотя о подземном тепле он помнил только очень смутно.

— Вы имеете в виду вулканы? — спросил он удивленно.

— В России действующих вулканов нет, если не считать далекую Камчатку,— ответил Ельников.— Кроме того, вулканы работают очень неправильно. С ними никакие технические расчеты невозможны. Опасно и ненадежно. Моя идея проще. Я хочу взять источник тепла верный, огромный и действующий непрерывно и равномерно.

«Какой-то фантазер!» — подумал Путилин и нахмурился. Но посетитель заинтересовал его, и он не протянул руку к часам, чтобы положить конец разговору.

— Наблюдения в глубоких шахтах («Ага!» — мелькнула мысль у Василия Павловича) и буровых скважинах доказали, безусловно, что запасы тепла под нами везде. Напомню вам, что такое геотермическая ступень (Путилин кивнул, хотя впервые услыхал этот термин). Это линейная величина, на которую нужно углубиться в землю, чтобы температура повысилась на 1 °С. Наблюдения показали, что в среднем эта величина составляет 30 м. Итак, если мы углубимся на 100 м, температура повысится на 3,3°. Углубимся на 1000 м — получим повышение на 33°. Углубимся на 3000 м — будем иметь 99°. А так как на поверхности Земли, откуда мы начали углубляться, средняя годовая температура также дает хоть 2—3° тепла даже здесь, в холодном Петрограде, то на глубине 3000 м будет 100° с лишним. Вы понимаете, что это значит?

Путилин поднял глаза к потолку, чтобы избежать пронзительного взора инженера, так и впивавшегося в его лицо, и произнес глубокомысленно:

— Собственно говоря, 100° — это еще немного. Вот если бы 500—600°...

— Немного? — прервал его Ельников.— 100° — это точка кипения воды, образования пара! И этого вполне достаточно. Поставьте на такой глубине котлы — и в них вода будет постоянно кипеть. Без малейшей затраты топлива!

Василий Павлович поднял брови.

— Да, это верно. Но что же дальше?

— Дальше? Поднимите этот пар на поверхность, проведите его здесь в паровые машины. Вы сможете обслуживать почти даровой силой огромные фабрики, целый город фабрик! Почти даровой, говорю, потому что

некоторые затраты на уход, смазку, ремонт будут. Но это пустяки в сравнении с главным расходом на топливо, который отпадает. Земля будет греть котлы день и ночь! Без кочегаров, без перерывов, из года в год!

— Это интересно! — воскликнул Путилин, очень оживившийся.— Но если все это так просто, то почему инженеры передовых стран, Америки, Англии, что ли, давно уже не воспользовались теплотой Земли? Ведь она уже давно известна и геометрическая ступень определена?

— Геотермическая ступень,— поправил его Ельников,— конечно, выдумана и определена не мной. Но все гениальные идеи просты, как яйцо Колумба, когда до них додумаешься. Очевидно, не додумались. В Америке, Англии много угля, в Америке еще нефть, в Канаде — леса и торф. Топливо пока дешево — не то что у нас теперь. Поэтому и не додумались.

— Допустим, что так! — с некоторым недоверием сказал Путилин.— Но как добраться до этих колоссальных запасов тепла на глубине?

— Это не так трудно, как кажется. Проводим глубокую шахту...

— Вот оно что! — не удержался Путилин и подумал: «Теперь я понимаю — специалист по глубоким шахтам!»

— Да, глубокую шахту,— и это моя специальность, как вы изволили видеть,— заметил Ельников, словно угадав мысли собеседника и указывал на свою карточку, лежавшую на столе под лампой.— Со дна шахты проводим штреки — горизонтальные ходы,— пояснил он, заметив, как поднялись брови банкира при этом горном термине.— В штреки помещаем котлы, прямо замуровываем их в горячий утес. И дело в шляпе. Остальное — пустяки.

— Гм! — произнес Путилин.— Вы сказали, кажется, что необходимая глубина составляет 3000 м? Это около трех верст?

— Да, почти три версты.

— А такие глубокие шахты уже есть?

— Нет, до сих пор не было. Наибольшая глубина, достигнутая шахтами в Западной Европе и Америке, 1500—1800 м. Но из этого не следует, что нельзя вести и глубже.

— Не додумались еще? — съехидничал банкир.

— Нет, додумались бы, если бы была надобность,— возразил Ельников, не обращая внимания на шпильку собеседника.— До сих пор еще не приходилось углубляться так далеко в землю из-за какой-нибудь руды или угля. Работа на такой глубине очень тяжела и стоит дорого. Извлечение груза также очень удорожается.

— Итак, если я вас понял, такая глубокая шахта обойдется очень дорого? Тогда стоит ли игра свеч?

— Безусловно, стоит. Мы ведь не будем вытаскивать уголь или руду с этой глубины. Мы будем спускать туда воду — она сама польется вниз. Бесплатно. И извлекать оттуда только пар. А он сам пойдет вверх. Тоже бесплатно. Спускать и поднимать придется только смену машинистов и смазчиков 3—4 раза в сутки — и только. Расходы на подъем и спуск — минимальные. И работать будет тот же пар — бесплатно.

Путилин задумался. Предложение Ельникова начинало интересовать его уже не только с теоретической, но и с практической точки зрения. В самом деле: получить вечный и даровой источник тепла и энергии и обслуживать целый промышленный город! Затратить только крупный капитал на шахту, а потом получать громадные барыши! А если еще купить заблаговременно землю вокруг шахты на большое расстояние по низкой цене и по десятинам, а потом продавать ее по саженям и дорого, то можно вернуть весь капитал, затраченный на шахту! И доход будет не с этого капитала, а прямо даровой. Целый фонтан денег из земли!

— Ваша идея мне нравится,— произнес он после минутного размышления.— Если только она осуществима с технической стороны. Впрочем, это вам как специалисту лучше знать. Но скажите, проведение шахты в три версты глубины потребует колоссальных средств?

— Да, не малых,— спокойно ответил инженер.— Но расходы можно значительно уменьшить...

— Неужели? — обрадовался Василий Павлович.— Каким же образом?

— Очень просто. Я доложил вам, что средняя величина геотермической ступени — 30 м. И подсчитал необходимую глубину шахты сообразно этому. Но есть места, где эта ступень больше, доходит даже до

50 и 70 м. Там глубина шахты была бы 5000 или 7000 м. Зато есть и такие места, где ступень меньше, например 25 или 20, даже 17 м. Заложив шахту в таком месте, мы должны углубить ее только на 2500 и, или на 2000, или даже на 1700 м. А это уже вовсе не так много. И несравненно дешевле, чем 3000 м.

— Великолепно! — воскликнул Путилин.— Неужели есть такие места на земле? Где же они находятся?

— В этом и состоит мой секрет. Я предложил вам идею, план предприятия. А выполнимость его без чрезмерных затрат и технических трудностей зависит от выбора места. Если вы согласны финансировать предприятие и заключите со мной договор,— я укажу вам место. И не одно, а несколько. На выбор, любое. Я давно интересуюсь этим делом. И годами собирал материалы о величине ступени в разных странах и местах. Сам делал разведки и наблюдения. И хочу осуществить свою идею. На благо человечества, которому грозит холод в недалеком будущем. И мое первое условие — я буду во главе технической части предприятия. Как директор-распорядитель.

— Вполне естественно,— согласился Путилин,— что вы хотите не только продать вашу гениальную идею, а сами осуществить ее, воплотить. Но, скажите, во что примерно обойдется такая шахта?

— Я предполагаю глубину в 2000 м и породы средней твердости. Умеренный приток воды до известной глубины. Замечу, что на большой глубине породы земной коры становятся сухими. При этих условиях стоимость шахты с полным оборудованием составит примерно 5 миллионов рублей. Накинем еще миллион на более твердые породы и сильный приток воды. И еще миллион на непредвиденные расходы — мало ли что бывает в новом деле. И скажем,— нужно капитал в 7 миллионов. А затем на постройку промышленного города. Ну, здесь все зависит от размаха, который вы захотите дать. Подсчитать нетрудно, получив соответствующие задания и выбрав место. Последнее, вы понимаете, очень важно для расчета. Стоимость рабочих рук, материалов, доставка их. Будем ли мы строить в России, Туркестане или Сибири — разница большая.

— Конечно, место очень много значит,— согласился банкир.— Что же касается расходов, то 7 мил-

лионов — это не так много. У нас, вы сказали, все подсчеты и планы готовы — относительно самой шахты?

— Все здесь! — ответил инженер и стал открывать портфель.

— Превосходно! — остановил его Путилин.— Но я в технике мало смыслю. Нужно пригласить нашего консультанта. Какой срок вы можете дать мне на переговоры с некоторыми лицами — с условием, что за это время вы к другим капиталистам не будете обращаться?

— Недели вам будет достаточно? Или две?

— Много! Я люблю делать дела быстро. Сегодня у нас,— он взглянул на календарь,— четверг. Завтра и послезавтра я повидаюсь с некоторыми приятелями и поговорю со своими коллегами по правлению — не выдавая деталей вашей идеи, а только суть. Хотите, в воскресенье в 11 часов утра в помещении нашего банка устроим ваш доклад перед узким кругом лиц, которые заинтересуются предприятием? Со сметами и планами, как следует. А в понедельник, если сойдемся, заключим договор, если нет — вы свободны предлагать ваши проекты другим лицам.

— Прекрасно. К воскресенью приготовлюсь. И думаю, что мы сойдемся. Идея слишком хороша, а средства не так велики. И мои требования также не чрезмерны.

— Очень рад слышать. Итак, воскресенье, 11 часов утра, в банке. Банк закрыт, но вы звоните — и прямо ко мне в кабинет. Адрес банка: Невский, 15.

— Знаю! — кивнул Ельников.— Буду аккуратен. Мое почтение.

Он поднялся, пожал руку банкира и крупными шагами пошел к двери. Путилин, нажав кнопку звонка, проводил его до прихожей. Это было большое внимание с его стороны. Специалист по глубоким шахтам произвел благоприятное впечатление.

2. СУДЬБА ПРОЕКТА РЕШАЕТСЯ

В назначенный день и час в большом кабинете Путилина, выходившем окнами на Мойку, собралось десять представителей плутократии северной столицы,

сумма личных капиталов которых, наверное, превышала 500 миллионов. Эти деньги были вложены во всевозможные предприятия, так что дать сразу 7 миллионов на новое дело они бы не могли. Зато при их содействии можно было пустить в ход любое предприятие, хотя бы железную дорогу к Северному полюсу или фабрику для превращения воздуха в топливо. В их руках были главные банки страны, столичные биржи, реклама, несколько газет, связи в различных правительственных учреждениях, от которых зависело разрешение предприятия. Противодействие одного из этих финансистов могло бы сильно повредить успеху дела, поэтому все они были приглашены Путилиным. Одиннадцатым членом собрания был инженер Фролов, технический консультант одного из банков, занимавшегося горными предприятиями, а двенадцатым — виновник всего, Ельников. Последний раскладывал на большом столе, за которым обычно заседало правление банка, свои чертежи, планы и сметы.

Когда все разместились вокруг стола на массивных дубовых креслах, Ельников, стоявший между Путилиным и Фроловым, начал свой доклад. Он предпослал ему несколько цифр о стоимости различных родов топлива, ложащейся тяжелым бременем на всякого рода технические предприятия, указал на малую вероятность понижения цен на горючие материалы в ближайшие годы, затем познакомил собрание в общих чертах с гипотезами о внутреннем состоянии Земли, законами повышения температуры при углублении в земную кору и, наконец, изложил план предлагаемого предприятия, закончив справками о его стоимости и вероятной доходности.

Банкиры слушали сначала рассеянно, затем заинтересовались, и конец доклада Ельникова, для них наиболее важный, был выслушан с полным вниманием. Некоторые делали заметки на бумаге, лежавшей перед каждым, или в своих блокнотах.

Когда Ельников кончил, Путилин сделал короткое резюме и предложил собранию высказаться. Сидевший напротив него Зегевольд, русский голландец неимоверной толщины, не помещавшийся в кресле и расположившийся на двух стульях, спросил жирным басом:

— А скажите, пожалуйста, почему такую простую

идею, обещающую такие выгоды, давно уже не осуществили американцы или англичане? Не говорит ли это о том, что ваше предприятие технически слишком трудно?

— Я думаю,— возразил Ельников,— что многие изобретения кажутся нам простыми, когда они уже осуществлены. И мы удивляемся, как это люди не додумались раньше! Например, электрическая лампочка — что может быть проще? Или телефон, кинематограф, аэроплан. Когда изобретение становится своевременным, необходимым, так сказать, носится в воздухе,— оно и является. Аэроплан изобрел еще Леонардо да Винчи, но это было несвоевременно, и только 400 лет спустя мы увидели его в воздухе. Вспомните, с каким недоверием были встречены первые пароходы, локомотивы! Идея использования земной теплоты, наверно, приходила в голову инженерам XIX века. Но топливо было дешево, запасы его казались огромными, и эта идея являлась несвоевременной. А теперь везде ищут уже белый уголь, то есть силу падающей воды, чтобы заменить им черный уголь, который становится все дороже. Запасы истощаются, требования растут. А теплота Земли имеется везде, даже под этим столом. И на глубине, доступной для современной техники. Я уверен, что если не у нас, то в Америке в ближайшие годы моя идея будет осуществлена кем-нибудь другим.

Пудерман, маленький и тощий, за 15 лет выдвинувшийся из биржевых зайцев в финансовые тузы, задал другой ехидный вопрос:

— Положим, шахту выкопали, котлы поставили. Но если извлекать из Земли тепло из года в год в одном месте, разве оно наконец не израсходуется? А тогда вода в котлах уже кипеть не будет, ваше предприятие лопнет, как мыльный пузырь.

— Сравнительно с величиной наших котлов запасы тепла в Земле можно считать неисчерпаемыми. К охлаждаемому месту тепло будет притекать со всех сторон из глубин и будет возмещать потерю. Но допустим, через много лет наступит даже охлаждение. За это время предприятие вполне окупится. Затем нужно будет углубить ту же шахту еще на 200—300 м и переставить котлы вниз. Только и всего.

Другие попросили еще некоторых разъяснений. За-

тем Фролов поставил ряд вопросов технического характера. Он интересовался, между прочим, тем, не будет ли пар, проводимый из шахты, слишком охлаждаться, проходя 2000 м по трубам вверх, даже если трубы будут хорошо изолированы.

Ельников заметил, что можно поставить в промежутках подогреватели, но лучше всего устроить силовую станцию не на поверхности земли, а в большой камере возле шахты, недалеко от котлов, и подавать вверх уже не пар, а электрический ток, который и будет приводить все машины промышленного города в движение. Это будет самое простое. Он разъяснил также, как люди будут работать при высокой температуре на дне шахты, когда последняя достигнет уже значительной глубины, а также при надзоре за котлами и машинами, когда все будет готово.

Наконец вопросы были исчерпаны. Фролов дал заключение, что предприятие осуществимо. Финансисты углубились в просмотр смет, некоторые передавали их друг другу, обмениваясь замечаниями. Выгодность дела казалась бесспорной. <...>

— Аркадий Егорович,— обратился Путилин к Ельникову,— имеете ли вы в виду место, пригодное для вашей шахты, вне русских пределов, где-нибудь в Азии, и притом подходящее для города-сада, не в пустыне или какой-нибудь тундре?

— К счастью для проекта, такое место имеется,— ответил инженер.— И даже не одно, а два, недалеко от русской границы.

— Великолепно! Я думаю, господа, выбор одного из этих мест мы предоставим вашей комиссии, которая также выяснит с Аркадием Егоровичем все условия передачи им своего проекта в наше распоряжение?

— Конечно, конечно! Разумеется! — послышались голоса.

— А в комиссию пусть войдут все желающие посвятить некоторое время разработке плана, не так ли?

С этим предложением все также согласились, и в комиссии пожелали принять участие Путилин, Зегевольд, Функельштейн и еще один из банкиров, а Фролов вошел в нее в качестве консультанта. Лист предварительной подписки, пущенный Путилиным по столу, сразу дал 4 миллиона с небольшим.

Когда лист вернулся к нему, Василий Павлович подсчитал и объявил результат, затем закрыл собрание, предупредив, что следующее будет созвано, как только комиссия разработает план. Члены комиссии решили собраться в тот же вечер на квартире Путилина, чтобы приступить и работе.

3. ОСНОВАНИЕ ГОРОДА БЕЗМЯТЕЖНОГО

В течение недели комиссия выполнила свою задачу. Из двух мест, которые предлагал Ельников, первое, находившееся в долине реки Или вблизи китайского города Кульджи, было забраковано из-за своей отдаленности от железных дорог и дороговизны доставки туда как людей, так и материалов. Второе место находилось на берегу Тихого океана в 120 км к югу от Владивостока у устья реки Тумень-ула, где близко сходились границы трех государств: с севера — русских владений, с юга — Кореи, в то время находившейся во власти Японии, а узкий промежуток между той и другой границами вдоль самой реки принадлежал Китаю. Можно было рассчитывать, что одно из двух правительств — японское или китайское — согласится продать достаточный участок земли. Благодаря близости моря можно было получить все нужные машины и материалы из Японии, Америки и Владивостока, судоходная река Тумень-ула обеспечивала сообщение с Маньчжурией для подвоза леса, хлеба и рабочих. Место имело мягкий климат и живописное положение в горной долине, открытой к морю. Словом, оно точно было создано специально для замышляемого экстерриториального города, приюта людей, ищущих спасения от политических бурь.

Через два дня Ельников, Фролов и юристы Черепанов и Шендль выехали с сибирским экспрессом во Владивосток. Досуг двухнедельного переезда они употребили на разработку целого ряда технических и юридических вопросов, связанных с осуществлением предприятия. Бухта Владивостока, куда они прибыли в половине марта, оказалась еще покрытой льдом. Пришлось переехать по льду на западный берег Амурского залива и следовать далее на лошадях по тракту вдоль морского берега до устья Тумень-улы. Остано-

вившись в русском поселке на самой границе, разведчики осмотрели местность, которая им понравилась. На левом берегу реки, в Маньчжурии, располагалась высоким уступом плоская возвышенность, защищенная от северо-восточных ветров лесистыми склонами хребта Чанбошань и достигавшая 3 км в ширину и 10 км в длину. Она являлась прекрасным местом для предполагаемого города, который, в случае надобности, мог растянуться еще по склонам хребта и в боковых долинах. Правый берег реки был менее удобен: он представлял собой низменность, частью занятую полями и огородами корейцев, селения которых виднелись у подножия гор и в боковых долинах. Эту низменность также необходимо было купить, чтобы осушить ее и занять разными складами, а со временем превратить в сады.

Объехав местность и определив площадь участка, необходимого для предприятия, Фролов и Шендль вернулись во Владивосток и оттуда по железной дороге поехали в Пекин. При содействии русского посольства, заинтересовавшегося постройкой этого города, в течение десяти дней удалось приобрести у китайского правительства участок земли по левому берегу реки площадью в 80 кв. км — за 1 миллион рублей, немедленно выплаченный отделением Русско-Японского банка. Китайское правительство разрешило основать вольный город на проданной территории, но взяло с покупателей обязательство не возводить никаких укреплений, не держать в городе постоянного войска и оплачивать таможенную стражу, необходимую для предупреждения провоза беспошлинных товаров через вольный город в глубь Маньчжурии.

За это время Ельников и Черепанов скупили у корейских селений низменность правого берега реки, около 20 кв. км, за 100 тысяч рублей, а потом юрист отправился в Японию, чтобы правительство Микадо санкционировало эту покупку и разрешило присоединить ее к вольному городу. Последнее удалось не без труда и только под условием не возводить на купленной земле никаких долговременных сооружений.

Вскоре на берегах Тумень-улы, недавно еще совершенно пустынных, кипела работа. На низменном правом берегу проводились осушительные канавы и строились склады и рельсовые пути. В устье реки

пыхтела землечерпалка и скрежетала своими черпаками, прокладывая фарватер через бар, чтобы морские суда могли входить в реку к пристаням. На возвышенности левого берега проводились просеки будущих улиц, нарезались участки, рылись канавы для водопроводных и канализационных труб, телефонных и электрических кабелей, для фундаментов домов. На склонах Чанбошаня против будущего города были найдены толщи базальта и песчаника, годные для построек, и в разных местах стучали молотки каменотесов, а по утрам гремели взрывы, рвавшие скалы. Тысячами рабочих — корейцев, китайцев и японцев — руководили техники и инженеры: мерили, снимали планы, нивелировали. В боковых долинах пыхтели лесопилки, к которым со склонов подвозили стволы из разрежаемых лесов, превращаемых в парки.

В центре возвышенности была огорожена большая площадь, совершенно очищенная от леса. Среди нее возвышалось наскоро воздвигнутое из досок здание над шахтой, к углублению которой уже приступили. Внутри его устраивали фундаменты для подъемных машин, заказанных экстренно в Америке и ожидавшихся уже в мае с первыми пароходами. В середине чернела огромная яма в 8 м диаметром; на дне ее при свете калильного фонаря копошились люди; слышались глухие удары кайл и скрежет лопат о гальку. За первые две недели шахта углубилась на 25 м по наносам — пескам и галечникам, очень древним отложениям Тумень-улы на поверхности уступа; благодаря их высокому положению над современным уровнем реки и рыхлости вода в наносе еще не появлялась, и работа подвигалась быстро. Она шла безостановочно днем и ночью, в три смены. Два ворота, установленные с разных сторон шахты, беспрерывно вертелись, поднимая железные бадьи с добытой землей и спуская пустые. В мастерской, расположенной по соседству, собирались звенья временной деревянной крепи, которая была необходима ввиду рыхлости наносов; ее должна была заменить каменная, как только шахта дойдет до твердых пород, способных выдержать тяжесть обмуровки. Звенья крепи постепенно спускали в шахту по мере ее углубления и подвешивали посредством железных скоб к ранее укрепленным; так крепь нара-

стала книзу, ряд за рядом, по мере того как шло углубление.

Вокруг временного деревянного здания над шахтой уже началось возведение постоянного каменного; оно состояло из стального «скелета», промежутки которого закладывались бетоном; части этого скелета также были заказаны в Японии и должны были прибыть с первыми пароходами; пока же клали фундамент и готовили бетон.

По соседству с огороженной площадью вытянулся ряд бараков, образовавших уже длинную улицу, шедшую от шахты к реке; в них помещались рабочие. Днем, когда все были на работе, а ночная смена спала, здесь было тихо и пустынно. Только в полдень, когда протяжные свистки лесопилок и землечерпалки возвещали об обеденном перерыве, сюда стекались со всех сторон ручейки и ручьи рабочих, спешивших в бараки; гортанный говор, смех и возгласы висели в воздухе, пока вся толпа не исчезала в дверях. Через открытые окна доносился шум разговоров, стук ложек; затем на некоторое время гул замирал — рабочие ложились на нары поспать полчаса, пока вторичные свистки не вызывали опять поток людей на улицу. Но на работу ручейки текли медленно, часто запруживаясь в озера. Под вечер из бараков выползали на улицу рабочие, собиравшиеся идти на ночную смену; их было значительно меньше, так как многие работы — на канавах, в лесах, в каменоломнях — производились только днем. На некоторых спешных постройках, где на небольшой площади сосредоточивалось много людей, были поставлены керосинокалильные фонари, здесь работали и ночью. В ожидании свистка ночная смена собиралась на улице в кучки; усевшись на корточках в кружок, рабочие курили свои длинные трубочки и обменивались новостями.

После свистка улица опять наполнялась гулом и говором, в многочисленных окнах загорались огни, но толпа не так спешила на ужин, и шум продолжался все время. После ужина через открытые окна еще долго доносились разговоры, монотонные песни, звуки струнных инструментов, а на улице сновали, бродили, стояли или сидели на корточках люди, отдыхавшие после трудового дня.

В шахте работали исключительно горнорабочие,

выписанные из Японии; они сменялись три раза в сутки — в восемь часов утра, в четыре часа дня и в полночь — и работали без перерывов. Им был отведен отдельный барак, возле которого всегда были люди из отдыхавших смен; но их было немного, и они не нарушали общей картины жизни улицы.

С другой стороны огороженной площади, по направлению к склону гор, были расположены бараки служащих и дома инженеров, также вытянувшиеся в улицу. Утром, в обед и вечером, когда служащие шли на работу или возвращались домой, эта улица значительно оживлялась. С третьей стороны площади находилась главная контора постройки и позади нее несколько больших складов. Здесь всегда было шумно и оживленно; приходили и уходили люди, привозили тюки и ящики, разгружали, нагружали, толпились нанимавшиеся или рассчитывавшиеся рабочие, сновали служащие, артельщики, подрядчики. В конторе щелкали счеты, стучали пишущие машинки, шли разговоры на различных языках.

Местность, еще в последних числах марта совершенно пустынная, в конце апреля, когда весна была в полном разгаре, представляла собой уже целое селение с несколькими тысячами жителей, росшее с каждым днем по мере развития работ.

4. В ЧИСТИЛИЩЕ

К середине мая шахта достигла уже 100 м глубины и врезалась на 50 м в скалу, залегавшую под толщей древних наносов речной террасы.

За каждые 20 м рабочим выдавалась премия, чтобы побудить их к наиболее интенсивному труду. Получив сведения, что сотый метр закончен, Ельников предложил Фролову спуститься вместе с ним в шахту. Последняя уже не была открытой зияющей ямой, как в начале работ. Она была скрыта под железным колпаком с тремя дверьми, открывавшимися в различные отделения — подъемных клетей, насосов и вентиляционное; в последнем были также лестницы. Рядом с колпаком расположилась, поблескивая гигантскими стальными шатунами, кривошипами и цилиндрами, огромная подъемная машина, установка которой

только что была закончена. До сих пор подъем добытой из шахты породы производился посредством конного ворота, а люди спускались и поднимались по лестницам, что с увеличивавшейся глубиной становилось все более утомительным и отнимало часть рабочего времени. Ночью ворот был убран, подъемная клеть, в которой помещалось два вагончика, заменила железные бадьи, и ждали только прибытия Ельникова, чтобы привести в движение части гиганта, покоившегося еще безмолвно на своем прочном фундаменте. Два стальных каната поднимались прямо вверх над колпаком шахты, перекидывались через большие шкивы, висевшие под крышей надшахтного здания, и спускались к огромному барабану, находившемуся в стороне, рядом с машиной; они навивались на барабан, словно кольца змей, блестевшие мелкой чешуей.

Ельников и Фролов осмотрели машину и затем, сопровождаемые дежурным инженером, направились к колпаку; перед ними открылась железная дверь, и они вступили на площадку клети, освещенную электрической лампочкой; вслед за ними рабочий вкатил по рельсам пустой вагончик, двери захлопнулись, инженер нажал кнопку звонка к машинисту, клеть слегка вздрогнула и стала падать вниз, бесшумно скользя по хорошо смазанным направляющим брусьям.

— Ух! — произнес Фролов, не привыкший спускаться в шахты и никогда не пользовавшийся лифтами из-за неприятного ощущения в сердце при стремительном движении вниз.

— Что, сердце обрывается? — засмеялся Ельников.— А между тем нас спускают со скоростью не более 2 м в секунду. Когда шахта достигнет 1000 м глубины, придется увеличить скорость до 5—6 м в секунду, чтобы не тратить слишком много времени на спуск и подъем.

— А что, если клеть оборвется?

— На этот случай у нее есть автоматические тормоза, которые впиваются в направляющие брусья и останавливают клеть на протяжении 1—2 м. Но толчок, конечно, будет чувствительный. Впрочем, при правильном уходе и тщательном надзоре за исправностью канатов это не может случиться.

Между тем клеть летела вниз, и через густую сетку, окружавшую ее и не позволявшую высунуть даже па-

лец, можно было различить, как с одной стороны мелькают кольца чугунной крепи шахты, а с другой — листы обшивки вентиляционного отделения. Во избежание пожара, грозившего самыми пагубными последствиями и для людей, и для успеха работы, внутри шахты совершенно не было дерева, за исключением обшивки направляющих брусьев, где оно было необходимо для успешного действия тормозов клети.

По мере спуска глухой шум, доносившийся снизу, становился все сильнее и наконец достиг таких размеров, что Фролов, хотевший что-то спросить, не расслышал собственного голоса.

— Мы прибыли! — прокричал ему на ухо Ельников.— Спуск продолжался ровно одну минуту.

Инженер отворил дверцы клети. Одновременно открылись двери железного ящика, внутри которого клеть остановилась.

— С благополучным прибытием! — поздравил штейгер, показываясь в дверях.

Все трое вышли и очутились на железной платформе, подвешенной на высоте 6 м над дном шахты; она играла роль щита, защищавшего клети, обшивку шахты и ее отделений от повреждения осколками камня, которые взлетали при взрывах со дна. По мере углубления шахты она опускалась вниз, а над ней наращивали крепь, насосные и вентиляционные трубы, так что работа шла одновременно и на дне шахты и над платформой. Возле люка в платформе стояла лебедка, посредством которой глыбы камня, добытые на дне шахты, поднимали вверх и нагружали в вагончики клети. Дуговой фонарь ярко освещал платформу и поднимавшиеся вверх брусья направляющих, которые вскоре, впрочем, исчезали во мраке ствола шахты. Вдоль стен два десятка слесарей заканчивали сборку звеньев недавно поставленного кольца крепи, соединяя их болтами.

Толстый резиновый шланг насоса и вентиляционная труба проходили сквозь пол платформы вниз. Лебедка вертелась взад и вперед, и то и дело в люке возле нее появлялись небольшие железные бадьи, из которых щебень и глыбы горной породы высыпались прямо в вагончик.

Когда поданный вагончик был заполнен и отведен в клеть, инженер нажал кнопку, и клеть поднялась на

два метра; в уровень с платформой стало нижнее отделение ее, в котором также помещался вагончик. По заполнении его кнопку нажали два раза, клеть быстро взвилась вверх и исчезла в темноте, унося свой первый груз из недр земли на поверхность.

Фролов хотел было посетовать, что пуск в ход новой машины не был обставлен более торжественно; он любил званые обеды и тосты. Но не было никакой возможности объясниться с Ельниковым, потому что грохот, раздававшийся из-под платформы, заглушал не только слова, но и стук камней, сыпавшихся в вагончик, визг лебедки и лязганье ее цепей.

Проводив взглядом клеть, уносившуюся вверх, Ельников сделал какой-то знак инженеру, а последний — рабочему у вагончика. Тот нагнулся и поднял крышку второго люка, в отверстии которого оказалась лестница, ведшая на дно шахты. Инженеры один за другим спустились вниз.

Здесь также было светло и сравнительно просторно. Кругом поднимались стены шахты, еще свободные от крепи и состоявшие из чередующихся толстых и тонких пластов различных песчаников красно-бурого и грязно-зеленого цвета, лежавших горизонтально друг на друге, словно гигантские листы разноцветного картона. Местами их пронизывали белые жилки известкового шпата и кварца, то разбегавшиеся сетью, то сливавшиеся в одно целое. По стенам каплями и целыми струйками стекала вода, блестевшая, словно кристаллы алмаза, под лучами электрического фонаря, подвешенного к платформе. На дне шахты в трех местах стояли какие-то железные ящики, к которым сверху спускались провода электрического тока. Это были буры, неустанно сверлившие горную породу дна своими стальными наконечниками, выдалбливая в камне глубокие скважины — «шпуры» для закладки динамитных патронов, взрывавших затем скалу. Вот эти-то три бура и производили тот ужасающий стук, который заглушал все остальные звуки в шахте.

Возле каждого ящика стояли двое рабочих и следили за работой бура: время от времени останавливали его, вынимали стержень и заменяли иступившийся наконечник новым. Между ящиками валялись груды обломков, которые рабочие лопатами или руками нагружали в бадью лебедки для подъема

наверх. Вдоль стен шахты несколько человек зубилами и молотками отбивали выдающиеся углы скалы, выравнивая ее до установленного диаметра. Вода, стекавшая со стен, сбегала в большую яму, откуда ее высасывал шланг насоса, спускавшийся сверху, словно поперечно-кольчатое туловище исполинской змеи. В другой шланг, не доходивший до пола, со свистом всасывался испорченный воздух, тогда как свежий поступал пока через люк лебедки прямо из ствола шахты. Со временем, при дальнейшем углублении шахты и повышении температуры горных пород, предполагалось нагнетать и свежий холодный воздух по трубе, которая устанавливалась рядом с высасывающей.

Углубление шахты подвигалось с точностью хорошо налаженного механизма. Каждая смена начинала с уборки породы, раздробленной предшествовавшими взрывами; когда рабочие спускались на дно шахты, оно представляло собой груды набросанных друг на друга крупных и мелких обломков, между которыми зияли ямы, отчасти заполненные водой. В течение первых двух часов все эти груды исчезали, поднятые лебедкой наверх, дно шахты становилось более или менее ровным, и на нем устанавливались перфораторы, которые в течение остального времени выбуривали необходимое количество шпуров, пока остальные рабочие доканчивали уборку обломков и выравнивание стен. Затем перфораторы поднимались на платформу, шпуры заряжались динамитом, и рабочие, закончив свою смену, выходили из шахты. В это время патроны взрывали посредством электричества, и когда следующая смена спускалась на дно шахты, густой дым от взрывов был уже высосан, воздух очищен, и все повторялось сначала. Каждая смена углублялась приблизительно на метр, так что в сутки шахта становилась глубже на 3 м.

Ельников и инженер Киото, ближайший руководитель по работам в шахте, обошли мастеров, стоявших у буров, и обменялись с ними рукопожатием; это было молчаливое поздравление с окончанием сотого метра, который был отмечен белой краской на песчанике стены.

Понаблюдав работу перфораторов, посетители опять поднялись на платформу, вошли в клеть подъ-

емника, где уже стоял вагончик с породой, и в одну минуту очутились на поверхности.

— Ух, как хорошо наверху! — воскликнул Фролов, выходя из надшахтного здания и вдыхая полной грудью теплый весенний воздух.— После грохота в шахте мне кажется, что здесь могильная тишина. Там настоящий ад!

— Пока еще далеко до ада! — рассмеялся Ельников.— Это только чистилище, если хотите. Вот когда внизу будет 50—60° тепла и вода станет горячей, тогда это будет настоящий ад, и придется сменять рабочих каждый час.

— Но как у них не лопается барабанная перепонка от стука этих проклятых машин? Мне кажется, что я уже наполовину оглох, хотя пробыл там только не больше десяти минут.

— Привыкают! Кроме того, уши у них забиты ватой. Конечно, в конце концов слух у них притупляется.

— Кстати, я хотел спросить, почему вы не обставили более торжественно пуск подъемной машины?

— Что вы, Семен Петрович! Если мы будем праздновать все подобные случаи, которых будет еще много, мы не поспеем к сроку. Мы ведь чуть не каждый день пускаем в ход какую-нибудь машину или закладываем новое здание. Все наше время проходило бы в молебнах и тостах! Вот когда выстроим первую очередь зданий или когда пройдем первую тысячу метров в шахте, тогда можно и отдохнуть денек, и попировать. А сегодня старший механик и инженер, которые сопровождали нас в шахту, будут у нас обедать — вот и все торжество.

5. ПЕРВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

В начале июня сооружением города Безмятежного был занят уже полный штат инженеров, техников и рабочих, и прибывавшим еще из Китая и Кореи приходилось отказывать. Появилась возможность делать выбор.

К середине месяца город уже значительно изменил свой облик; большая часть деревянных домов подводилась под крышу, а в каменных заканчивался второй

этаж; здания росли на глазах, и правильные, широкие улицы города уже не выглядели только просеками в лесу, как месяц тому назад; среди зелени оставленных деревьев и кустов повсюду желтели, краснели, серели или чернели дома.

На песчаной косе в устье реки уже поднимался временный деревянный маяк, а рядом возводился постоянный — из железа и бетона. Этой работой и улучшением фарватера заведовал инженер, производивший также наблюдения над приливом и отливом. Он жил в маленьком домике на берегу моря, возле которого стояла также станция радиотелеграфа для сношений с Японией.

Шахта в середине июня достигла уже 200 м глубины, и работа в ней шла тем же темпом. Температура на дне ее достигала 20 °С, что оправдывало предположения Ельникова, выбравшего эту местность, и позволяло надеяться, что глубина шахты, необходимая для достижения температуры кипения воды, окажется не более 2000 м.

Еще в начале июня было получено известие, что из столицы выезжают два члена правления акционерного общества, сооружавшего город, и комиссия из нескольких акционеров, выбранная общим собранием, чтобы убедиться, что город действительно существует, а не является грандиозным блефом в американском стиле, на что намекали некоторые газеты, пытавшиеся дискредитировать эту затею.

Хотя акционеры общества и не читали этих газет, но слухи доползали до их ушей и несколько встревожили одних, поколебали доверие других. И чтобы положить раз навсегда конец сомнениям, директора правления предложили собранию акционеров выбрать комиссию и послать ее на место работ. Выбрали трех человек, к которым из членов правления присоединились сам Путилин как главный организатор предприятия и Баранов — первоначальный противник его и вообще большой скептик, желавший увидеть все своими глазами.

В середине июня комиссия прибыла на пароход из Владивостока, уже подготовленная к тому, что на Тумень-уле она увидит не пустое место, а нечто чрезвычайное. По мере того как комиссия продвигалась по Сибири, рассказы о волшебном городе, растущем со

сказочной быстротой, становились все более определенными; конечно, в них было много неверного, фантастического, нараставшего по мере передачи рассказов из уст в уста. Поэтому члены комиссии относились с известным недоверием к этим рассказам, сильно возбуждавшим их любопытство, и стремились узнать, наконец, истину.

Во Владивостоке Путилин купил географическое описание края и с этой книгой в руках вышел на палубу, когда пароход подплывал к устью Тумень-улы. Комиссия не сообщила о дне своего приезда, чтобы нагрянуть неожиданно и увидеть город в качестве простых туристов, а затем уже показаться и конторе. Поэтому пароход никем не был встречен и причалил к пристани, как любой грузовой.

Уже увидев маяк в устье реки, землечерпалку, пыхтевшую на баре, фарватер, обставленный белыми и красными бакенами, члены комиссии поняли, что после диких и пустынных уссурийских берегов они приблизились к культурному центру. Затем перед ними развернулась грандиозная картина пристаней с их лихорадочной деятельностью, с разгружаемыми судами, огромными штабелями леса, кирпича, угля, ящиков, бочек, с плотами, лесопилками, складами. Город, раскинувшийся на высокой террасе, не был виден с берега реки, и путешественники, оставив багаж на пароходе, возбужденные всем виденным, поспешили наверх вместе с другими пассажирами. Они побродили по улицам, вскоре заблудились и увидели, что без проводника им не обойтись. Но все, что они успели рассмотреть, совершенно успокоило их, и они поспешили к конторе, чтобы заявить о своем приезде.

Они застали только Фролова. Ельников был вызван в шахту, где в этот день случилось несчастье: после взрывов, в промежутке между двумя сменами насосы внезапно перестали работать и шахту затопило.

— Но я уверен, что скоро все будет исправлено и Аркадий Егорович вернется. Здесь его ждут спешные вопросы и люди, приехавшие из Владивостока по делам,— прибавил Фролов, приглашая прибывших в приготовленное для них помещение.

— А не сходим ли мы к шахте, господа? — предложил Баранов не без ехидной мысли застать главного

директора в затруднительную минуту и понаблюдать его распорядительность.

Хотя все были утомлены переездом по морю и ходьбой по городу, желание увидеть знаменитую шахту перевесило усталость, и вся комиссия в сопровождении Фролова направилась через площадь к надшахтному зданию, которое прибывшие приняли было за балаган цирка. Возле здания толпились рабочие смены, не спустившейся из-за воды, и любопытные; все оживленно обсуждали происшествие.

— Аркадий Егорович в шахте,— доложил дежурный машинист.— Мы пытались уже пустить в ход запасный насос, но он работает впустую и воду не подает, хотя на днях еще был исправен.

— А зачем же директор спустился в шахту? — спросил Баранов.— Это ведь дело слесарей починить насосы.

— Аркадий Егорович там вместе с инженером Киото. Сами пожелали узнать, в чем дело, потому что слесаря не понимают, где порча,— ответил машинист.

— Странно! — заметил Фролов.— Но как же он спустился, если шахту затопило?

— Платформа еще не затоплена, Семен Петрович, вода поднимается медленно.

— Не желаете ли спуститься, господа? — спросил Фролов.— Увидите, кстати, шахту в спокойную минуту, когда там нет адского шума, от которого можно оглохнуть.

— А это не опасно? — спросил один из акционеров.

— Думаю, что нет. Впрочем, можно спросить самого Аркадия Егоровича.

Фролов подошел к телефону, соединявшему надшахтное здание с платформой, и позвонил; некоторое время ответа не было, но затем послышался звонок. Семен Петрович задал вопрос и получил ответ.

— Аркадий Егорович сообщает, что можно спуститься, но только немедленно, потому что вода поднимается и скоро затопит платформу,— сказал Фролов, возвратившись к остальным.— Он просит спустить вместе с нами два новых шланга для насосов,— обратился он к машинисту.

Последний отдал приказ принести запасные шланги и пустить машину, чтобы поднять клети, находив-

шиеся внизу. Плавно заработали шатуны, завертелись кривошипы, стальной канат побежал, наматываясь на барабан, и через минуту верхнее отделение клети появилось над колпаком шахты. Открыли дверцу, и из нижнего отделения вышел инженер Киото в брезентовой куртке, запачканной грязью и смазочным маслом. Фролов представил его посетителям.

— Ну, как дела? Что там случилось? — обратился к нему Путилин.

— Мы уже вскрыли камеры обоих насосов,— ответил Киото.— Они исправны, и единственное объяснение несчастия — внезапное засорение шлангов; поэтому мы хотим переменить их.

— Как же они могли засориться оба сразу! — вскрикнул Фролов.— Ведь запасный насос не работал.

— Это-то и непонятно! Понимаете ли, не подают ни капли воды.

В это время рабочие притащили два толстых шланга и сложили их в клеть.

— Пожалуйте! — предложил Киото.— Но поторопимся, иначе придется вам промочить ноги,— прибавил он, заметив нерешительность столичных гостей, никогда не бывавших под землей. Фролов, подавая пример, вошел в клеть, за ним последовали другие. Инженер запер дверцу, нажал кнопку, и клеть понеслась вниз.

— Работает, как хороший лифт! — заметил Путилин.— А какая глубина достигнута?

— Вчера, кажется, прошли 195 м,— сказал Фролов.

— Вы не совсем в курсе дела! — улыбнулся Киото.— Если бы не случилась неприятность с насосами, мы сегодня к вечеру отпраздновали бы вторую сотню. Вчера было уже 198,5 м.

— Они идут так быстро, что трудно уследить за ними. Каждые сутки прибавляют 3 м,— пояснил Фролов.

— Иногда немного меньше, часто больше, в зависимости от твердости породы,— сказал Киото.— Вчера с утра начался очень рыхлый песчаник, и мы подвинулись почти на 6 м. Но зато и воды прибавилось, и, может быть, рыхлостью песчаника и прослойками глины в нем объясняется быстрое засорение насосов. <...>

Остановка клети прервала беседу. Ельников встретил их вопросом:

— Привезли шланги? Вода уже вышла на платформу. Каждая минута дорога.

Все поторопились выйти из клети, и слесари вытащили шланги.

— Старые уже отвинчены и утонули,— заметил Ельников, обмениваясь торопливым рукопожатием с гостями.— Их нельзя было вытащить — вероятно, придавило породой. Если новые не помогут — будет большая задержка. Шахту сильно затопит, прежде чем мы установим новый насос на более высоком уровне. Вы приехали в трудную минуту. Извините, что я не мог встретить вас наверху.

— Какие тут извинения! — прервал его Путилин.— Но я очень рад, что представители акционеров собственными глазами увидят, с какими затруднениями вам приходится бороться. Я надеюсь, что шахта не погибнет?

— Конечно, нет! С водой всегда можно справиться. Вся неприятность в задержке. До сих пор все шло как по маслу.

Ельников говорил отрывистыми фразами, как всегда в минуты волнения.

— Вода прибывает быстро! — сказал Фролов, указывая на окраины платформы, несколько выпуклой к середине; по краям под лучами фонаря уже широкой полосой блестела мутная вода; с каждой минутой полоса расширялась. В отделении насосов слышалась возня и сдавленные голоса, но когда они замолкали, в шахте водворялась жуткая тишина, так что слышно было зловещее журчание воды по стенкам за крепью.

— Один шланг привинтили! — раздался голос слесаря.

— Спустите сопло под платформу! — скомандовал Ельников, подошел к телефону и дал сигнал наверх.

— Пустите запасный насос! — прокричал он в телефон, когда конец шланга, окруженный густой сеткой, препятствовавшей проникновению обломков породы и грубого сора внутрь, был просунут в отверстие платформы. В отделении насосов что-то загудело, и все взоры в трепетном ожидании стали следить за краем полосы воды — будет ли он наступать по-прежнему или остановится.

— Берет, берет! — послышалось из насосной.

Действительно, приток воды прекратился, и полоса вскоре стала отступать, медленно, но неизменно.

— Ну, слава богу! — сказал Фролов, а Ельников облегченно вздохнул,— опасность затопления была устранена.

— Навинчивайте-ка новый шланг на второй насос! — распорядился он.— Нужно пустить и его, чтобы поскорее откачать всю воду и возобновить работу. И так уже два часа потеряли,— прибавил он, взглянув на часы.

— А сколько времени продолжится откачка? — спросил Путилин.

— Около получаса, я думаю. А до тех пор нам здесь делать нечего, господа,— обратился Ельников к посетителям.— Поднимемся наверх, и пока я вам покажу машины и объясню все.

— Когда откачаете воду, выдайте старые шланги наверх, мы там расследуем порчу,— прибавил он, обращаясь к Киото, который остался руководить работой, тогда как остальные вошли в клеть.

Когда они поднялись, был пущен второй насос. Немного погодя все смогли убедиться, что и из второй трубы широкой мутной струей полилась вода.

— Сердечно поздравляю! — сказал Путилин, пожимая руку Ельникова.

— Благодарю! Теперь я могу спокойно объяснить вам, что засорение насоса случалось и ранее. На то и поставлен второй, чтобы откачка воды не прерывалась. Вся опасность этого случая состояла в том, что и второй неожиданно отказал.

Он повел посетителей по надшахтному зданию, объясняя им устройство подъемной машины, насосов и вентилятора; рядом с последним шла установка огромного компрессора, новой машины, которая должна была вскоре заменить вентиляторы и нагнетать в шахту охлажденный воздух, чтобы понижать температуру. Затем посетили соседнюю мастерскую, где подготовляли звенья кольцевой чугунной крепи, тщательно подгоняя их друг к другу, чтобы внизу оставалось только ставить их на место и соединять болтами. Здесь визжали электрические напильники и сверла, стучали молотки; клещи небольшого крана подхватывали готовые звенья и складывали на вагончики, которые должны были везти их к клети.

Незаметно минул назначенный срок, и когда посетители вернулись к шахте, из клети как раз вытаскивали старые шланги.

— Откачали воду? — спросил Ельников подошедшего Киото.

— Не совсем. Но очередная смена уже спустилась и начала уборку породы. Теперь подаем крепь.

Действительно, к клети уже подкатывали два вагончика с звеньями крепи. Один насос был уже остановлен, а из второго вода лилась небольшой струей — откачка кончалась.

— Ну-ка, исследуем шланги! — распорядился Ельников.

Рабочие отвязали сетки с сопл — в них было только немного мелкого сора, который не мог препятствовать воде подниматься в камеру насоса. Отвинтили и внутренние стенки — и здесь ничего. Шланги казались исправными.

— Что за черт! — воскликнул Ельников.— Принесите-ка длинный прут. Нет ли чего-нибудь внутри шланга? Я начинаю подозревать злой умысел,— прибавил он вполголоса, обращаясь к Фролову.

Шланги растянули на полу и стали вводить в них железный прут. Недалеко от верхнего конца шланга он наткнулся на препятствие.

— Там что-то твердое, гладкое, вроде камня! — сказал рабочий.

— А ну, попробуйте вытащить его рукой, он близко,— приказал Киото.

Рабочий засунул руку в шланг.

— Не поддается, должно быть, круглый валун, застрял крепко,— говорил он, стараясь вытащить препятствие.

— Теперь все ясно! — воскликнул Ельников.— Естественным путем такой камень не мог попасть в шланг ни снизу через сопло, ни сверху из камеры насоса. Кто-то нарочно засунул его туда. Очевидно, и в другом шланге будет то же.

Прут и во втором шланге нащупал препятствие. Рабочий с трудом вытащил круглый валун, хорошо подобранный по диаметру трубы и загнанный в нее не без усилий. Злой умысел становился несомненным.

— Негодяй мог засунуть камень в шланг действо-

вавшего насоса только сегодня во время взрывов породы, когда шланг поднимают и насос минут десять не работает. Запасный насос могли испортить и ночью,— сказал возмущенный Киото.

— Злоумышленник был не один,— заметил Ельников, побледневший от гнева.— Нужно, по крайней мере, два человека, чтобы отвинтить шланг и, придерживая эту тяжесть, забить туда валун. Они надеялись, что мы не сразу спохватимся переменить шланги, так что вода успеет затопить камеры насосов и проделка будет открыта спустя много часов, в течение которых они успеют скрыться.

— Так, так! — подтвердил Киото.

— Шланги еще и порезаны! — воскликнул Фролов, указывая на незаметные на первый взгляд разрезы, сделанные, очевидно, острым ножом в нескольких местах обоих шлангов.

Ельников отвел Киото в сторону и спросил у него тихо:

— Кого можно заподозрить в этой пакости? Это, скорее всего, кто-нибудь из слесарей при насосах, понимающих дело.

— Не думаю, слесари у меня надежные... А вот что! Вчера рассчитаны два крепильщика — Федорин и Долганов. Они раньше были при насосах, но переведены за небрежность и грубость на менее ответственную работу. Но сегодня в шахте я их уже не видел.

— Они могли спуститься по лестницам и притаиться в отделении насосов, пока все рабочие смены не ушли.

— А обратно тоже по лестницам? Почти 200 м! Впрочем, это возможно для молодых людей. И скрыться могли во время начавшейся суматохи.

— Сообщите полиции, чтобы их поискали по городу. И чтобы допросили рабочих второй смены, не видел ли кто-нибудь этих молодчиков сегодня возле шахты. А затем последите за слесарями. При малейшем подозрении, неаккуратности переводите из шахты на другую работу. В шахте должен быть народ абсолютно надежный. Иначе мы можем жестоко поплатиться. Пусть сегодняшний случай, кончившийся благополучно, послужит нам предостережением.

Во время этого разговора из первого шланга удалось, наконец, вытащить не один, а два валуна, кото-

рые оказались обмазанными каким-то липким веществом. Очевидно, это был шланг запасного насоса, над порчей которого злоумышленники могли поработать без помехи подольше. У Ельникова мелькнула мысль, что проделка была слишком хорошо задумана и что если уволенные рабочие и явились исполнителями, то руководил ими кто-то другой. Если эта догадка была верна, то можно было ожидать в будущем новых неприятностей и приходилось все время быть настороже. Поэтому он сказал Киото, прощаясь с ним:

— Обратите также внимание на мастеров, занятых в шахте, на штейгеров. Даже на инженеров, ваших помощников. Нет ли среди них человека, желающего вредить нам исподтишка? Я боюсь, что инициатива сегодняшнего случая исходила не от уволенных слесарей.

Киото кивнул головой и направился к клети. Ельников, Фролов и гости покинули место происшествия после того, как первый распорядился отправить шланги и вынутые из них валуны в контору.

Комиссия провела целую неделю в городе Безмятежном и детально познакомилась со всем, побывала вторично в шахте во время работы, посетила пристани, склады, даже маяк и радиостанцию. Ее вполне благоприятное заключение было передано в Петербург и положило конец кривотолкам.

К середине июля шахта достигла уже 300 м глубины, и температура на дне ее дошла до 26 °С. Это было уже довольно тепло, и пришлось пустить в ход компрессор, вдувавший свежий воздух, который понижал температуру рабочего пространства до 18°. На глубине 298 м свита песчаников, которую проходили все время после древних речных насосов террасы, кончилась, и под ней, совершенно неожиданно для Ельникова, оказался твердый базальт. Суточное углубление в нем сразу понизилось с 4—3 до 2 м. Чтобы поднять его хотя бы до 3 м, пришлось разделить сутки вместо трех на четыре смены, по шесть часов каждая; этим достигалась большая интенсивность труда. Зато базальт оказался не водоносным; вода проникала сверху, из свиты песчаников, только в верхние слои базальта, а через 4 м порода стала почти сухой. Поэтому, пройдя еще 4 м в сухом базальте, на этом

пространстве плотно забетонировали промежуток между железной крепью шахты и ее базальтовыми стенками, чтобы остановить приток воды сверху из свиты песчаников. После этого в шахте стало почти сухо — вода просачивалась только кое-где через незаметные скважины в крепи, и насос работал не более четверти часа в каждую смену.

Глыбы базальта, вынутого из шахты, обтесывались тут же на площади, так как они должны были пойти на постройку больших домов, предназначенных для служебного персонала города, и для общественных зданий. Но к постройке их, первоначально предполагавшейся зимой, пришлось приступить немедленно. <...>

6. РАНЬШЕ СРОКА

В середине августа дожди кончились, засияло яркое солнце, и работа вокруг шахты закипела. Глубина шахты в это время достигала 480 м, и температура на дне повысилась до 38°. Геотермическая ступень в толще базальта постепенно уменьшилась с 20 до 16 м. Ельников ликовал: если бы удержалась величина в 16 м, то шахта вместо 2000 м могла бы иметь всего 1500 м глубины.

Электрическая станция вблизи шахты, построенная с самого начала, теперь была расширена, чтобы обслуживать все дома первой очереди, а на окраине города возведен был газовый завод. Готова была и гостиница на 300 комнат, в которой приезжающие акционеры могли найти приют на короткое время, пока закончат постройку для них особняков и квартир.

Первые акционеры прибыли в конце августа, а с начала сентября стали приезжать уже ежедневно большими партиями на специально нанятых японских пароходах, которые установили регулярное сообщение между Владивостоком и Безмятежным. Город в своей достроенной части сразу оживился.

Шахта в это время углубилась уже до 580 м, прорезала весь базальт, окончившийся на глубине 550 м, и шла теперь по древним сланцам, очень трещиноватым, крошившимся в мелкий щебень на первых саженях, но глубже становившимся все более твердыми.

Если пласты пройденных ранее песчаников и толща базальта залегали горизонтально, то эти древние сланцы были смяты в сложные складки и пересечены поясами смятия и раздробления по трещинам сбросов и сдвигов. Из этих поясов в изобилии вытекала вода, уже довольно горячая, так как температура на достигнутой глубине дошла до 45°. Работа становилась более трудной и без вентиляции была бы совершенно невозможной. Атмосфера в нижнем отделении шахты уже напоминала хорошую баню и была наполнена парами воды с сернистым запахом. Насосы опять работали непрерывно, компрессор вдувал холодный воздух, и тем не менее температура держалась около 27°. Во время взрывов от стенок шахты нередко отделялись большие глыбы сланцев по поясам смятия, поэтому приходилось заполнять бетоном пустоты, остававшиеся за крепью. Взрывчатые вещества действовали в трещиноватых сланцах менее успешно. В общем, несмотря на меньшую твердость породы, суточное углубление редко превышало 3 м.

Ельников вынужден был раньше времени объявить о сюрпризе, который они готовили акционерам, и сообщить, что их жилища будут готовы не к декабрю, а к концу октября. Это стало возможным благодаря постройке домов этой очереди не с фундамента, а с крыши. Теперь, когда все было налажено, можно было рассчитывать, что третья очередь будет закончена уже к Новому году, а четвертая — к началу весны. Ускорив постройку новых гостиниц, Ельников и Фролов надеялись, что уже в начале ноября в них найдут приют еще 4 тысячи акционеров третьей очереди, о чем и телеграфировали правлению.

— Вы с Семеном Петровичем удивительные люди! — воскликнул Путилин, встретившись с Ельниковым.— Все у вас поспевает не то что к сроку, но много раньше. Я удивляюсь вашей энергии. Пожалуй, что и шахта будет готова раньше назначенного двухлетнего срока?

— Надеюсь, Василий Павлович, но не очень. При постройке города нам благодаря опыту, который учит нас ежедневно, становится все легче, так как внешние условия почти не меняются. Но в шахте условия становятся все труднее и труднее с каждой новой сотней метров, обнаруживаются неожиданные препятствия, и

быстрота углубления может не увеличиться, а, скорее, уменьшиться.

— Какая глубина достигнута сейчас?

— Сегодня утром закончен 709-й метр, а за последний месяц пройдено всего 88 м против 100 м за предыдущий. Древние сланцы, сквозь которые шахта проходит и сейчас, оказались хуже твердого базальта. Все трещины, сбросы, сдвиги, вода.

— Воды все больше и больше?

— Этого нельзя сказать. Мы в сланцах бетонируем через каждые 10 м весь промежуток между стенками шахты и крепью, так что большая часть воды из пройденных толщ в шахту уже не попадает. Но открываются все новые водоносные трещины.

— А какова температура у дна шахты?

— Вчера наблюдение показало 49°. В сланцах геотермическая ступень стала опять увеличиваться и дошла до 25 м.

— На какую же глубину шахты вы теперь надеетесь?

— Если удержится ступень в 25 м, то глубина шахты должна быть около 1980 м.

— Значит, опять те же две тысячи! — разочарованно воскликнул Путилин.— А в августе, помнится, вы надеялись сбавить несколько сотен.

— Да, надеялся. В толще базальта ступень так уменьшилась, что я был в восторге. А в сланцах опять стала возрастать.

— Чем же можно объяснить это?

— Тем, что базальт — порода, излившаяся некогда в расплавленном виде на поверхность земли. Она до сих пор сохранила немного своего прежнего тепла и подогрела как вышележащие, так и подстилающие породы. Но чем больше мы уходим вглубь от базальта, тем слабее становится его влияние.

— Может быть, глубже встретится еще какой-нибудь базальт?

— Возможно, что встретим если не базальт, то какую-нибудь другую изверженную породу, и она опять улучшит наши шансы. Благодаря пройденному базальту ступень для достигнутой глубины шахты в среднем составила только 18 м.

— Как вы рассчитали это?

— Глубина шахты 709 м, температура на дне 49°,

средняя годовая температура этой местности около 20°. Вычитаем ее из 49 и на оставшиеся 39 делим 709, получим около 18,18 м.

— Работать на дне, должно быть, трудненько?

— Да, нелегко. Скоро нам придется прибегнуть к охлаждающим смесям или к жидкому воздуху, чтобы понизить температуру рабочего пространства. Пока еще достаточно сильной струи холодного воздуха.

— Кстати, нашли ли виновников порчи насосов, помните, во время моего прошлого приезда?

— Одного из них, Федорина, арестовали, когда он собирался сесть на пароход, увозивший вас во Владивосток. Другой скрылся. Но инициатор порчи, если таковой был, остался неизвестен.

— Новых попыток не было?

— Пока нет.

Один Ельников не разделял общей радости по случаю успешной постройки города и был озабочен своей шахтой. Сооружение города всегда было для него на втором плане, тогда как шахта, ради которой он затеял все предприятие, поглощала все его внимание. Благополучное ее окончание, осуществление грандиозной идеи, которая должна была дать человечеству новый и неистощимый источник тепла и энергии, заботило его прежде всего. Сооружение города давало средства для проведения шахты, и только поэтому он занимался им. Если бы ему сказали, что акционерное общество удовлетворено успехом города и решило прекратить углубление шахты,— он бы немедленно подал правлению заявление о своем отказе продолжать службу и отправился бы куда-нибудь в другое место, чтобы искать средства для осуществления идеи, которая преследовала его уже 20 лет, со времен студенчества, когда он на лекциях по геологии услышал о жаре земных недр. Найти способ использовать это тепло — сделалось задачей его жизни.

А шахта начала его сильно заботить потому, что в середине ноября на глубине в 750 м температура оказалась всего 52°. Пройденные за месяц 85 м повысили ее только на 3°, и геотермическая ступень определилась на этом протяжении уже почти в 30 м. С тех пор как кончился базальт, эта ступень неуклонно увеличивалась. Даже если бы она удержалась на достигнутой теперь величине в 30 м, глубина шахты должна

была получиться 2300 м, уже на 300 м глубже, чем Ельников надеялся при составлении своего проекта. Но можно было с полным основанием опасаться, что ступень увеличится еще и что придется углубляться до 2500, 2700, даже 3000 м. С каждой лишней сотней метров затруднения и опасности должны были возрастать, стоимость работы страшно увеличиваться, окончание оттягиваться, и можно было опасаться, что акционерам, уже нажившим огромные барыши на сооружении города, наконец, надоест давать деньги на эту шахту, в успехе которой они начнут сомневаться.

В шахте все еще шли древние сланцы, раздробленные и смятые сбросами и сдвигами, богатые водой, борьба с которой становилась все труднее. Теперь уже беспрерывно действовали два насоса, выбрасывавшие каждый по 7 тысяч ведер в час. В течение суток 336 тысяч ведер высасывались из недр земли, образуя целый ручей, стекавший в Тумень-улу. На случай порчи насосов были поставлены еще два, потому что при таком притоке шахту могло бы затопить в короткое время. Это обилие воды также было непредвиденным; на основании данных из истории горного дела Ельников рассчитывал, что на более значительной глубине породы сделаются все менее и менее водоносными и, наконец, совсем сухими. Страшное давление вышележащих масс должно было не допускать существования многочисленных трещин, препятствуя проникновению воды сверху. Но эти сухие недра, очевидно, были еще впереди, может быть, очень глубоко!

20 ноября Ельников поднялся из шахты особенно озабоченный; в этот день закончили 766-й метр, и температура на протяжении последних 16 м повысилась не более чем на четверть градуса. Ступень возрастала еще больше. <...>

7. ОПАСЕНИЯ РАССЕИВАЮТСЯ

К середине декабря шахта достигла уже 894 м глубины, но температура горных пород на этом уровне повысилась только до 54°, всего на два градуса за месяц; геотермическая ступень для 90 м, пройденных за этот месяц, определилась уже в 47,8 м. Положение

становилось тревожным, так как даже если бы ступень только удержалась на достигнутой величине, глубина шахты, необходимая для того, чтобы она соответствовала своему назначению, оказывалась уже около 3200 м. Таким образом, достигнув в течение восьми месяцев глубины в 894 м, приходилось еще углубляться на 2300 м. Двухлетний срок, назначенный для окончания шахты, казался при таких условиях слишком коротким, стоимость сооружения с каждой лишней сотней метров возрастала в геометрической прогрессии, и расходы могли поглотить все колоссальные барыши общества. Кроме того, на такой огромной глубине, которой не достигала еще даже ни одна буровая скважина в мире, можно было ожидать таких препятствий и сюрпризов, что борьба с ними оказалась бы непосильной при современной технике.

Ельников стал плохо спать, похудел и осунулся. Его репутация была под угрозой, а грандиозная идея, осуществления которой он добивался столько лет, могла быть надолго дискредитирована.

Еженедельно он докладывал правлению о ходе работ в шахте и о перспективах, выяснявшихся при этом. С середины ноября он не мог уже скрывать своих опасений и в середине декабря был вынужден предложить правлению пригласить опытного геолога для консультации, так как сам не мог выяснить причину этого чрезмерного возрастания ступени на протяжении последних 200 м.

— Лучше остановить теперь же углубление шахты, если мы признаем поставленную задачу недостижимой,— заключил он свой доклад,— чем затрачивать огромные средства без надежды на успех. Пока еще шахта стоила не так дорого и уже может быть использована для получения горячей воды свыше 50°. Подогревание этой воды до точки кипения в котлах на земной поверхности потребует уже значительно меньше топлива, чем нагревание холодной воды, так что шахта окупится и всегда будет служить дешевым источником тепла и энергии, хотя и не в такой степени, как я рассчитывал.

Финансовый успех города сделал правление несколько равнодушным к осуществлению идеи Ельникова, и интерес к шахте ослабел. Скептик Баранов первый выразил это:

— Если так, то зачем нам тратиться на приглашение консультанта? Остановим углубление и приступим к немедленному использованию шахты, как предлагает Аркадий Егорович.

— С этим я не могу согласиться,— горячо возразил Ельников.— Это означало бы спасовать перед первым серьезным затруднением. Это слишком задевает мою честь как инженера, добившегося после многолетних усилий возможности осуществить идею, которая должна принести столько пользы человечеству. Специалист лучше сумеет выяснить это и, я надеюсь, все-таки докажет, что увеличение ступени временное; он объяснит его причины, для меня непонятные. Напомню вам еще раз, какие выгоды сулит нам осуществление шахты, если глубина ее не превысит или немного превысит 2000 м. Расход на консультацию — пустяки в сравнении с остальным.

После некоторых споров правление согласилось пригласить геолога. В ожидании решения вопроса постановили шахту углублять безостановочно, так как Ельников сумел убедить своих слушателей, что каждый лишний достигнутый градус дает большую экономию топлива.

В конце декабря приехал из Токио известный геолог Терияма, директор японского геологического бюро. Последнее с самого начала заинтересовалось шахтой Ельникова, который регулярно сообщал ему результаты наблюдения и посылал образчики горных пород, проходимых шахтой. Терияма ознакомился подробно с собранными данными; изучил коллекцию пород, в которой были представлены все пласты, пересеченные шахтой, рассмотрел детальный разрез этих пластов, составленный Ельниковым в масштабе 1:100, так что бумажная лента разреза имела уже более 9 м в длину; несколько раз побывал в шахте и сам произвел измерения температуры; наконец, он тщательно исследовал местность вокруг города в радиусе 20—25 км. Все это заняло время до середины января. Шахта к этому сроку достигла 997 м; температура повысилась до 57°, и геотермическая ступень для пройденных за месяц 103 м определилась в 34,1 м. Это было уже значительное улучшение против того, что наблюдалось месяц назад; Ельников начал оживать и надеяться, что заключение будет благоприятным.

Закончив свои работы промерами глубины моря против устья Тумень-улы, Терияма представил правлению общества подробный доклад, сущность которого сводилась к следующему. Шахта прошла сначала свиту меловых песчаников и затем мощный покров базальта; влиянию этой породы, излившейся в расплавленном состоянии на дно неглубокого мелового моря, можно приписать ту небольшую величину ступени, которая наблюдалась на первых порах в шахте. Но затем последняя врезалась в свиту триасовых сланцев, в которых влияние базальта на поднятие температуры уже все более слабело при удалении вниз от границы этого покрова. Ненормально большая величина ступени в триасовых сланцах объяснялась тем, что они выходят и на дне современного моря, на значительных глубинах в 800—1000 м, наблюдаемых сравнительно близко от берега; дно круто опускается к этим глубинам, а обилие трещин в свите сланцев позволяет холодной морской воде просачиваться вглубь; хотя в районе шахты, довольно далеко от берега, эта вода уже согрета внутренним жаром Земли до 50—60 °С, но, поглощая много тепла на это согревание, она тем самым влияет на ненормальное увеличение ступени в пределах этой водопроницаемой толщи. В шахте вода становится все более и более солоноватой по мере углубления в толщу сланцев, что подтверждает высказанное предположение о проникновении и влиянии морской воды. Последняя все-таки смешивается с пресной, идущей, вероятно, снизу, иначе вода в шахте была бы горько-соленой и охлаждающее влияние ее было бы еще больше.

На вопрос, насколько глубоко может еще продолжаться это вредное для успеха шахты влияние соседнего моря, Терияма ответил определенно. С углублением шахты более чем на 1000 м, то есть с достижением ею большей глубины, чем дно соседнего моря, вредное влияние последнего должно ослабевать все больше и больше, и геотермическая ступень должна приближаться к своей нормальной средней величине. Но есть основание думать, что это улучшение положения наступит и раньше, так как на дне шахты породы уже начали изменяться — триасовые сланцы приобретают признаки пород, измененных контактом с изверженной породой, например гранитом. Если

это изменение будет усиливаться, то шахта почти несомненно вскоре врежется в гранит, в котором геотермическая ступень может даже очень быстро уменьшиться благодаря запасам тепла, сохранившимся в этой породе, которая некогда проникла в расплавленном виде из недр Земли в толщу сланцев. Поэтому весьма возможно, что глубина шахты окажется даже значительно меньше предположенных 2000 м. Эти выводы подтверждаются последними наблюдениями температуры на дне шахты — ступень на протяжении последних ста метров уже значительно уменьшилась.

Этот доклад, поясненный геологической картой и профилями, на которых наглядно обнаруживалось влияние базальта и водопроницаемых сланцев на колебание величины ступени, вполне успокоил членов правления, косившихся все это время на Ельникова за его упрямство, вызывавшее бесполезную, как им казалось, трату денег. На заседании, где был сделан доклад, решили, безусловно, продолжать шахту еще метров на 500, на протяжении которых должно было выясниться, справедливы ли соображения эксперта.

В день доклада Терияма шахта достигла глубины 1001 м, и по случаю окончания первой тысячи метров правление устроило торжественный обед строителям шахты и эксперту. На обеде были произнесены речи; Терияма указал на громадное значение этой первой попытки использовать безграничные запасы тепла, таящиеся в недрах Земли. Он отметил, что как ни велики запасы других видов топлива — дров, каменного и бурого углей, нефти, торфа, но все они при возрастающем спросе со стороны техники, при сооружении все новых и новых железных дорог, фабрик и заводов, сильном развитии автотранспорта и авиации истощаются и в недалеком будущем должны кончиться. Белый уголь, т.е. сила горных потоков, имеется только в гористых странах, и количество энергии, которое он может дать, ограниченно и недостаточно для удовлетворения всех потребностей человечества. Пора уже думать об использовании таких источников энергии, как солнечные лучи, сила морских волн, сила ветра; но первые во многих странах имеются в изобилии только летом и вообще распределяются на земном шаре очень неравномерно, так что околополярные страны почти лишены этого возможного источника

энергии. Волны и ветер капризны и непостоянны и поэтому до сих пор используются недостаточно. В сравнении с этими источниками энергии тот, который находится в недрах Земли, имеет большое преимущество, так как является постоянным и доступным в любом пункте суши. Нужно выработать только наиболее дешевые способы достижения этого скрытого на глубине источника. Поэтому предприятие, задуманное Ельниковым и осуществляемое обществом постройки города Безмятежного, имеет громадное значение как первый опыт использования этого источника. И даже если бы этот опыт оказался неудачным, он все-таки принесет огромную пользу, так как научит технику многому, позволит выработать новые приемы и проложит путь для дальнейших опытов, которые уже увенчаются успехом.

Ельников, со своей стороны, пожелал японским ученым и инженерам первыми использовать опыт данного предприятия, отметив, что обилие вулканов на островах Японии указывает на близость могущественных источников тепла к земной поверхности, так что шахты должны иметь сравнительно небольшую глубину. Он выразил надежду, что в недалеком будущем использование тепла земных недр получит широкое распространение.

После обеда Ельников предложил всем присутствовавшим спуститься в шахту, где в этот день, по случаю праздника, не было адского шума: действовали только насосы и вентиляции. Некоторые члены правления еще не бывали в шахте, а другие были в ней в самом начале, когда она имела меньше 200 м глубины. Побывать на глубине тысячи метров под землей и осмотреть шахту без всякой помехи показалось всем очень интересным.

Было уже 11 часов ночи, и электрические фонари освещали совершенно безлюдную площадь, через которую направились участники обеда. Небо было покрыто тучами, сквозь них по временам проглядывала почти полная луна; с моря тянул легкий ветер и приносил шум прибоя. Многие дома, окружавшие площадь, уже погрузились в сон, в других еще виднелись освещенные окна. Надшахтное здание было освещено слабо. Из него доносились шум воды, лившейся из насосов, равномерное дыхание паровой машины и тя-

желые вздохи компрессора, гнавшего в шахту мощную струю воздуха, охлажденного в особых холодильниках до —25°. Временное деревянное надшахтное здание уже с начала осени было заменено постоянным, выстроенным из железа, камня и бетона и вполне застрахованным от пожара; оно было увенчано высоким куполом, который делал его похожим на собор, и вмещало все машины, обслуживавшие шахту, тогда как в более низких крыльях помещались с одной стороны сборочные мастерские, с другой — паровые котлы. У входа в здание стоял часовой; эта предосторожность строго соблюдалась, так как вредители, проникнув внутрь, могли испортить машины и погубить шахту. Часовой пропустил посетителей, только спросив у них пароль, который назвал Ельников.

Внутри был полумрак; электрические лампочки горели только над машинами, возле которых сидели дежурный машинист и его помощник, поднимаясь время от времени, чтобы подлить масла в подшипники. Подъемная машина отдыхала; стальной канат, окутывавший своими изгибами ее огромный барабан, поднимался к большому шкиву, черневшему в полумраке купола, и спускался к кожуху шахты.

По знаку Ельникова здание осветилось всеми огнями, и посетители обошли машины, выслушивая объяснения инженера. Потом все подошли к входу в шахту.

— Через четверть часа должны спуститься запальщики, потому что в полночь первая смена начинает работу,— доложил машинист.

— Ну хорошо, спустите нас, а клеть поднимите. Если угодно, мы посмотрим, как будут заряжать шпуры,— обратился инженер к гостям,— и поднимемся назад с запальщиками.

Посетители разместились в обоих отделениях клети, и машина заработала.

8. ЗЛОВЕЩИЙ ЗАМЫСЕЛ

Старшим инженером, помощником Ельникова по сооружению шахты, был японец Киото; но, несмотря на свою преданность делу, он не мог лично следить за всем и проводить в шахте целые сутки. Поэтому у

него было три помощника-инженера, дежурившие в шахте поочередно, и четыре штейгера — по одному на каждую смену рабочих. Инженеры наблюдали за всем ходом работ, проверяли исправность канатов, клетей, насосов и машин, штейгеры находились безотлучно внизу вместе со своей сменой, производившей бурение шпуров, уборку взорванной породы и крепление шахты.

Среди помощников Киото был инженер Борский, поступивший с самого начала работ по рекомендации одного из членов правления общества. Это был человек ограниченный и озлобленный. Будучи студентом, он выделялся крайне правыми убеждениями и потому подвергался насмешкам и преследованиям своих товарищей, настроенных в большинстве противоположно; эти преследования вызывали его на различные выходки. По окончании курса он служил в Донецком бассейне, где пользовался репутацией инженера, сурово относившегося к рабочим. Поэтому он и был рекомендован правлению как человек, не сочувствующий никакой революции. Он претендовал на должность старшего помощника Ельникова, но вместо того попал в помощники к Киото; это страшно задело его самолюбие. Мысль о возможности использования тепла земных недр он лелеял сам, и теперь его возмущало, что эту идею предвосхитил и осуществляет другой инженер, да еще с помощью японца. Мало-помалу он возненавидел обоих своих начальников и желал провала их предприятию. Он подговорил в самом начале работ двух слесарей испортить насосы и дал им указания в надежде на то, что после этого случая, который произошел во время дежурства японского инженера, последний вместе с Киото будет удален, а он займет место главного помощника. Попытка не удалась, и после нее Борский убедился, что за ним неустанно следят. Это еще больше озлобило его. Он затаил злобу в глубине души, внешне добросовестно исполняя свои обязанности и откладывая месть до удобного случая.

Проверяя по службе состояние склада взрывчатых веществ, он похищал их малыми количествами, сам изготовил жестяные коробки и приготовил разрывные снаряды. Прекращение работ на целые сутки по случаю прохождения тысячи метров, о котором говорили

давно, давало ему возможность беспрепятственно исполнить свой замысел — испортить насосы, затопить надолго шахту и дискредитировать все предприятие в глазах акционеров. Он знал о неблагоприятном отношении членов правления к делу, знал, что Ельникову с трудом удалось добиться приглашения эксперта и разрешения продолжать шахту в ожидании его заключения. Но он не знал, что эксперт закончил уже работы и сделал благоприятное заключение; плохо понимая по-английски, он из разговора с Терияма во время посещения шахты последним вынес впечатление, будто эксперт пришел к выводам не особенно отрадным. Поэтому Борский надеялся, что внезапное затопление шахты будет приписано прорыву подземного потока воды и ввиду огромных расходов на борьбу с ней предприятие будет остановлено, что Ельников будет дискредитирован окончательно, а Киото уволен. Таким образом, он будет отомщен.

Заблаговременно, день за днем, Борский стал приносить в кармане наполненные взрывчаткой жестянки в шахту, пряча их за толстыми воздухопроводными трубами на несколько пролетов выше камеры насосов, так как туда контролю незачем было заглядывать. Накануне праздника он после своего дежурства не вышел на поверхность, а остался ночевать в шахте, захватив себе пищу и питье, так как боялся, что Киото распорядится запереть шахту на время остановки работ и проникнуть в нее будет невозможно.

Когда последние рабочие поднялись, Борский хотел тотчас же заняться приготовлениями к взрыву, но затем отложил свое намерение. Он сообразил, что если шахта заперта, то выйти из нее незаметно после взрыва будет невозможно. Взрыв, несомненно, услышат дежурные машинисты наверху, и если после него насосы перестанут работать, то злой умысел сразу обнаружится, выход из шахты будет строго охраняться, спустившиеся люди начнут осматривать отделение насосов сверху донизу и его поймают; последнее ему не улыбалось. Если же шахта не заперта, то положение после взрыва не становилось лучше, так как будут приняты срочные меры и он все равно будет пойман; подняться в клети, оставшись незамеченным, было невозможно; вылезать же с глубины 1000 м по лестницам превышало человеческие силы и во всяком

случае потребовало бы столько времени, что нельзя было рассчитывать не встретиться с людьми, осматривающими насосное отделение для выяснения причин порчи. Но даже если бы ему удалось выйти незаметно, он был бы настолько разбит этим подъемом по лестницам, что не смог бы скрыться из города.

Обдумав все это, Борский решил отложить выполнение своего замысла до конца перерыва. Он знал, что первыми спустятся запальщики, чтобы зарядить приготовленные шпуры на дне шахты, и затем поднимутся опять наверх. Только через полчаса после этого спустится первая смена рабочих. Поэтому всего разумнее было подготовить взрыв насосов так, чтобы он совпал с взрывами на дне шахты и сначала остался незамеченным. С уходящими запальщиками можно было подняться наверх, не возбуждая ничьего подозрения, и немедленно скрыться из города. Для последней цели Борским был нанят человек с верховыми лошадьми, который должен был провести его ночью до первого русского селения, где можно было нанять экипаж и укатить во Владивосток.

Итак, ему приходилось ждать в шахте почти сутки, что при высокой температуре, господствовавшей внизу, было очень тягостно. Поэтому он поднялся по лестницам на 100 м вверх и расположился возле самой воздухопроводной трубы на полу отделения насосов; так как эта труба проводила воздух, охлажденный до —25, то около нее было не так жарко; местами даже влага, осаждавшаяся из воздуха шахты на холодной трубе, сгущалась в виде инея. Разложив на железном полу свою брезентовую куртку, Борский уселся; кроме электрического фонарика, у него с собой были свечи. Зажечь электрическую лампочку, имевшуюся возле каждой лестницы, он боялся, чтобы не привлечь внимания кого-нибудь из спускающихся в шахту. Борский знал, что время от времени дежурные слесари должны осматривать все камеры насосов для смазки и контроля; спускаясь в клети, они могли обратить внимание на свет, горящий в одном из ярусов, и открыть его убежище. Поэтому свечу он заслонил, а при всяком подозрительном звуке тушил.

Было около часа ночи, когда Борский устроился в своем убежище, которое занимало около трети поперечного сечения шахты, имея в плане вид сегмента

круга с хордой около 6 м длины и высотой в 3 м. Один угол сегмента был занят двумя воздухопроводными трубами, одна из которых всасывала горячий воздух из шахты, а другая нагнетала холодный. В противоположном углу проходили четыре менее толстые трубы насосов — двух постоянно действующих и двух запасных. В промежутке между теми и другими, то есть в самой широкой части сегмента, в железном полу был люк, ведущий вниз, в следующий ярус, а над ним поднималась наискось вверх железная лестница в следующий верхний ярус; ярус от яруса находился на расстоянии 10 м. По стенке, отделявшей сегмент от остального пространства шахты, в котором двигалась клеть, проходили кабели телефона, электрического освещения и тока для перфораторов и электромоторов. В каждом пятом ярусе, то есть через 50 м, находились камеры насосов и была дверца, через которую слесари входили в отделение для контроля и смазки, остановив клеть на этом уровне; это производилось четыре раза в сутки, в течение последнего часа каждой смены, когда уборка породы со дна шахты и спуск крепей оканчивались и клети освобождались. Для своего убежища Борский выбрал, конечно, ярус без камер, так как они посещались для контроля труб только раз в неделю и можно было думать, что в праздничный день этого обхода не будет.

Расположившись на полу, Борский подкрепил свои силы закуской и несколькими глотками коньяку. Он был совершенно один на протяжении целого километра, но мертвой тишины в шахте никогда не было; в трубах, возле которых он сидел, глухо шумел воздух, а в противоположных трубах еще отчетливее шумела вода, поднимавшаяся непрерывным потоком вверх; кроме того, по трубам передавалось из камер мягкое жужжание моторов. Прислонившись головой к железной крепи шахты, можно было слышать, как за ней журчала вода, выходившая из горных пород.

Борский смотрел на желтый огонек свечи, еле освещавший ближайшие предметы, тогда как остальное пространство терялось в полумраке; он думал о том, что в этот раз никто не помешает выполнению его замысла. Загорится, шипя, зажигательный шнур, потом, когда он будет уже наверху, с грохотом взорвутся снаряды, разбрасывая осколки чугуна и железа, обрывки

проволоки; остановятся насосы, и со дна шахты все выше и выше будет подниматься вода. Теперь приток не такой, какой был при первой попытке, а гораздо больше; за полчаса вода затопит не только платформу, но и взорванную камеру, которая станет недоступной; запасные насосы также будут попорчены. Пока установят новые — пройдут многие часы или даже дни и шахта будет затоплена на сотни метров, так что выкачивание воды продолжится недели. Ельников и Киото будут думать, что вода прорвалась со дна шахты из какого-то подземного резервуара. Правление, удовлетворенное успехом города, не захочет тратить деньги на восстановление шахты, окончание которой становится сомнительным и слишком дорогим.

«Если все удастся выполнить по плану беспрепятственно и так, что меня никто не сможет заподозрить,— думал Борский,— то, пожалуй, незачем бежать во Владивосток. Такое бегство сразу вызовет подозрение. Конечно, лучше остаться как ни в чем не бывало и наблюдать с удовольствием за Ельниковым и Киото, за их хлопотами. Бежать я всегда успею, если решат откачивать воду, и то только тогда, когда уровень ее понизится почти до взорванных камер. Только в случае неудачи взрыва или если кто-нибудь из инженеров увидит меня теперь в шахте,— нужно бежать немедленно».

Размышляя так, Борский задремал под однообразный шум в трубах, прислонившись к стенке шахты; неудобное положение вызвало беспокойный сон с кошмарными сновидениями. Один кошмар сменялся другим, и после каждого Борский просыпался наполовину, беспокойно ворочался и опять засыпал. Услышав над своей головой топот ног по железным листам, он в ужасе проснулся окончательно.

«Накрыли!» — пронеслось в его голове. Он потушил огарок свечи, тихонько поднялся и притаился, прислушиваясь.

Ходили в ярусе с камерой насосов, находившемся в 20 м над его головой; через два люка оттуда проникал отблеск света, зажженного вошедшими слесарями.

Борский колебался между страхом и надеждой, прислушиваясь с тревогой к тому, что делалось навер-

ху. Там возились у камер насосов — наливали масло в масленки и разговаривали. Он с тревогой вслушивался в разговор, но шум воздуха и воды в трубах мешал ему разобрать слова.

«Должно быть, не заметили света! А если с ними Киото и он потихоньку крадется вниз по лестницам, чтобы выяснить причину сразу погасшего света?»

Мурашки пробежали по спине Борского, и он нащупал в кармане револьвер, а затем, крадучись, чтобы не стучать сапогами по плитам железного пола, подошел к лестнице и взглянул наверх через люк, над которым виднелась следующая лестница, уже достаточно освещенная лампочкой, прикрепленной к стенке над ее концом. На лестницах не было никого.

«Уехали, слава богу! Но, значит, я проспал то время, когда они были в нижних камерах. Оттуда они тоже могли бы заметить свет. Впрочем, снизу он еще менее заметен, чем сверху». Он зажег свечу и посмотрел на часы. Была половина седьмого.

«Ну, теперь до двенадцати можно быть спокойным и поспать еще. А если Киото вздумает проверять насосы в промежутке? Если спать, то без свечи, чтобы не нарваться!»

Он снял куртку, свернул ее и положил себе в изголовье, хлебнув предварительно несколько хороших глотков коньяку; револьвер, спички и фонарик положил возле себя и лег, задув свечу. Сначала в абсолютной темноте шахты было немного жутко, но скоро действие коньяка и однообразный шум в трубах убаюкали его, и он спокойно заснул на своем жестком ложе. В этот раз кошмары не преследовали его.

Проснувшись от чувства голода после нескольких часов крепкого сна, Борский не сразу понял, где он, почему не в своей кровати, почему так темно, что за шум кругом. Наконец, очнувшись, он зажег спичку, взглянул на часы: было почти одиннадцать.

«Есть время спокойно позавтракать при свете, а потом переждать в темноте посетителей»,— подумал он, зажег свечу, достал сверток с бутербродами, флягу с коньяком и начал есть. Голова его совсем одурела от жары, в горле пересохло, и сухая еда проглатывалась с трудом.

9. УЖАСЫ ТЕМНОЙ ШАХТЫ

Легкий шум за стеной, отделявшей Борского от подъемного отделения шахты, прервал его мечты и заставил вздрогнуть. Он быстро потушил свечу, надел куртку, чтобы приготовиться на всякий случай к бегству по лестницам вверх или вниз, и стал прислушиваться. Приложив руку к стене, он ощутил легкое дрожание, постепенно усиливавшееся; клеть спускалась вниз; когда она проходила мимо него за стеной, он расслышал разговор и различил голос Киото.

— Японец спускается на ревизию! — прошептал Борский.— Но не станет же он подниматься по всем лестницам и заглядывать в каждом ярусе за все трубы! Это заняло бы у него целый день.

Дрожание прекратилось; клеть остановилась у нижней платформы. Чуть слышно донеслись снизу шаги тяжелых сапог по железным плитам, стук открываемой двери. Нагнувшись к люку, Борский различал далеко внизу свет загоревшейся лампочки. Он с тревогой следил за ним; если Киото вздумает подняться на три лестницы вверх и заглянет за трубы, он увидит жестянки и зажигательный шнур и поймет, в чем дело. Катастрофа будет предотвращена, начнутся поиски, придется спасаться.

— Живым я им не дамся! — прошептал Борский.— Если настигнут — буду стрелять. Два револьвера и две обоймы, две дюжины пуль — достаточно, чтобы свалить нескольких человек. Потом вызову клеть, поднимусь, сообщу, что в шахте несчастье, и в суматохе скроюсь.

В тревожном ожидании минуты протекали ужасно медленно, а страх возрастал. Борскому уже казалось, что осматривают ярусы выше камеры и вот-вот обнаружат снаряды; он инстинктивно сжал в кармане револьвер.

Но вот свет погас, хлопнула дверь, возобновилось дрожание стенки. Клеть поднималась к следующему ярусу с камерами, под самым его убежищем.

— Слава богу! Снарядов не нашли! — прошептал Борский.— Теперь могут случайно накрыть только меня.

Опять хлопнула дверь, зажегся огонь — уже гораздо ближе, всего в 30 м под ним; зазвенели шаги.

Слышны были и голоса, но слов нельзя было разобрать из-за шума в трубах. Нагнувшись к люку, Борский смотрел и слушал, затаив дыхание, готовый бежать вверх, если японцы вздумают подниматься по лестницам.

Его опасения были не напрасны. Пока слесари осматривали камеры насосов и наливали масло, Киото с нижнего яруса поднимался с фонариком в руках на два пролета вверх, осматривал площадку, заглядывал за трубы. И теперь, пока слесари были заняты у камер, Киото с фонариком полез, но не наверх, а вниз и осмотрел еще два яруса; не найдя ничего подозрительного в первом, он удовольствовался общим осмотром второго и не заглянул за трубы, за которыми как раз и лежали снаряды. Борский был на волосок от неудачи. Он задрожал, когда увидел через люки, что японец полез вниз, сначала на одну лестницу, потом на вторую. Сердце замерло в ожидании, что вот-вот Киото крикнет слесарей или подбежит к телефону, имевшемуся в каждом ярусе, чтобы поднять тревогу.

Но Киото спокойно поднялся обратно и вышел со слесарями; свет погас, клеть опять пошла вверх и остановилась на 20 м выше убежища Борского. Хлопнула дверь, зажглась лампочка, теперь совсем близко вверху.

«Если этот проклятый японец опять полезет вниз,— он накроет меня!» — подумал Борский, подхватил свою брезентовую куртку, валявшуюся на полу, и подошел к люку, чтобы при появлении Киото сверху заблаговременно уйти на ярус вниз. Но в этот раз Киото полез наверх и осмотрел только один ярус, ближайший к камере.

Когда он со слесарями поднялся в клети выше, Борский облегченно вздохнул; опасность миновала, и теперь можно было успокоиться до следующего посещения — через шесть часов, а за это время заняться окончательной подготовкой снарядов. Забрав свое имущество, он осторожно спустился к своему складу, зажег свечу, достал из-за труб восемь жестянок, сверток зажигательного шнура, а из кармана — коробочку с пистонами и маленькие клещи. Расположившись на полу, он осторожно открывал у каждой жестянки крышку с маленьким круглым отверстием; отрезав кусочек зажигательного шнура, он вставил его одним

концом в пистон, тщательно и осторожно зажал клещами края последнего, чтобы он не мог соскочить со шнура, затем вдавил пистон во взрывчатую массу внутри жестянки, продел второй конец шнура через отверстие в крышке и закрыл жестянку. Оставалось положить жестянку куда следует и зажечь конец шнура, чтобы через некоторое время, в зависимости от длины шнура, последовал взрыв. Эта работа заняла около двух часов. Закончив ее, Борский опять запрятал приготовленные жестянки за трубы, так как опасался, что Киото при следующем посещении снова будет шарить по ярусам. Но потом ему пришло в голову, что лучше найти другое место, подальше, так как один раз Киото чуть-чуть не обнаружил склад, а во второй раз мог его найти. Поэтому Борский спустился на дно шахты, чтобы посмотреть, нет ли там лучшего убежища. На самом дне некуда было спрятать жестянки — все было открыто взорам; разве засунуть их в воду — но шнур будет торчать, да и в горячей воде столько часов держать снаряды нельзя; могут размокнуть пистоны, шнур. На платформе же оказалось больше укромных мест; здесь стояли ящики перфораторов, под крышки которых Борский подумал было спрятать жестянки; но свободное пространство оказалось недостаточным. Наконец, его взгляд упал на вагонетку; она была наполнена мелкими обломками сланца только на треть и потому не поднята наверх. Схоронить жестянки в этом сланце было легко. Никто не станет подозревать, что что-нибудь спрятано в вагонетке, стоящей на глазах у всех.

Борский полез назад в свой склад и стал переносить жестянки вниз; приходилось брать сразу только по две в карманы брезентовой куртки, так как руки были нужны — одна для фонарика, другая — чтобы держаться при спуске.

Пришлось подняться и спуститься четыре раза, в общем на 240 м, что было довольно чувствительно. Но зато жестянки лежали теперь в сухом и безопасном месте, засыпанные слоем мелкого сланца.

На это занятие ушло более часа. Оно сильно утомило и взволновало Борского, так как каждый раз, выходя из отделения насосов на платформу, он рисковал столкнуться с неожиданно спустившимся в шахту Киото.

Был уже четвертый час, когда он запрятал последнюю пару жестянок. До очередного посещения слесарей оставалось почти два часа, которые следовало посвятить отдыху, чтобы быть опять готовым к бегству. Но где укрыться?

«Неужели Киото снова спустится со слесарями и будет лазить по ярусам?» — с унынием подумал Борский, медленно и неохотно взбираясь по лестницам. Ноги и руки у него ныли, колени не сгибались; его мучила жажда и голод.

«Ну, обход пройдет, тогда можно закусить и проспать часов пять перед окончанием дела!» — подбадривал он себя. Поднявшись на шесть пролетов и достигнув яруса, где раньше были спрятаны жестянки, он почувствовал, что дальше лезть не в состоянии. От высокой температуры и усилий он был весь в поту и тяжело дышал.

«Пережду здесь! Авось Киото не явится. Не думал я, что выждать в шахте сутки будет так трудно!»

Он сел, прислонившись спиной к стенке, чтобы почувствовать дрожание ее, когда клеть будет спускаться, и задремал.

Прошло около четверти часа, когда стук, раздавшийся очень недалеко, вернул его к сознанию. Он встрепенулся и заглянул в люк. Под ним в 30 м был уже свет; он не заметил, как спустилась клеть.

Да, слесари были уже у насосов. А по лестнице кто-то лез вверх с фонарем на груди. Вот он поднялся на ярус и скрылся из поля зрения Борского; очевидно, осматривал трубы. Вот он подошел уже к следующей лестнице. Нужно спасаться, пока он не слишком близко. Но приходится лезть в темноте и осторожно, чтобы не выдать себя, а он лезет с фонарем, быстро, со свежими силами! Это, наверно, Киото!

Такие мысли промелькнули в голове Борского, который видел себя уже обнаруженным, пойманным. И вместе с тем он медлил, парализованный страхом.

Борский осторожно полез наверх, прислушиваясь, чтобы уловить малейший подозрительный звук. Просунув голову в люк, осветил следующий ярус — никого.

«Теперь можно отдохнуть и поесть; осталось шесть часов до следующего контроля, а затем — трах-тарарах! — конец шахте Ельникова».

Он выбрался из люка, зажег свечу и, вынув остатки провизии и коньяк, стал подкрепляться с жадностью, не переставая поглядывать с тревогой то на верхний люк, то на нижний. Из того или другого внезапно мог показаться Киото.

Но все было спокойно, Борский благополучно окончил свой ужин и улегся на куртке, намереваясь основательно отдохнуть перед заключительным актом драмы. Его несколько тревожила мысль, что он может проспать до времени спуска запальщиков и тогда все предприятие не удастся. Поэтому он решился завести будильник своих карманных часов и положил их на пол возле себя. Благодаря резонансу от железа бой их должен был быть слышен, несмотря на шум в трубах. Он потушил свечу и уснул крепким сном после всех тревог длинного дня.

Будильник разбудил его в половине одиннадцатого, а через пять минут послышался стук двери и шаги внизу; это пришли уже слесари с последним обходом перед возобновлением работ. Через полчаса должны спуститься запальщики, и Борскому нужно было действовать быстро, чтобы перенести свои снаряды из вагонетки в камеру насосов до прихода запальщиков. Теперь весь успех зависел от того, не спустится ли опять Киото и не останется ли в камере до начала работ; в последнем случае пришлось бы отказаться от задуманного, оставить жестянки в вагонетке, а самому спасаться. Если снаряды не взорвутся от детонации при взрывах на дне шахты, то их выдадут вместе с вагонсткой наверх, в отвал, где их, конечно, могут заметить при дневном свете. Если же детонация будет — она разрушит платформу с лебедкой, перфораторами, повредит направляющие и вообще низ шахты; в том и другом случае необходимо бежать из города этой же ночью.

Борский следил через люк за слесарями, работавшими в камере на 30 м ниже его; на этот раз Киото с ними, к счастью, не было; по крайней мере, никто не шарил по лестницам с фонарем. Поэтому как только слесари вышли и клеть перенесла их выше, Борский стал потихоньку, не зажигая огня, спускаться, чтобы быть уже внизу, когда можно будет начать работу. Он пробирался очень осторожно, чтобы не делать ни малейшего шума и вместе с тем чтобы не оступиться на

лестницах и не свалиться в люк. Когда слесари поднялись настолько высоко, что уже не могли услышать слабый шум и различить слабый свет внизу, Борский зажег свечу в самом нижнем ярусе, открыл дверь на платформу и стал переносить снаряды из вагонетки вверх, в камеру насосов, ближайшую к платформе. Исполнив это, он приступил к установке снарядов. Механизм каждого насоса состоял из двух частей, помещенных в наглухо закрытых чугунных коробках; в одной был электромотор, в другой колесо с лопатками, которые загребали воду снизу и подавали ее вверх по трубе до следующей камеры с таким же устройством, находящейся на 50 м выше. Обе коробки стояли одна возле другой, на расстоянии дюйма. Снаряды же, изготовленные Борским, были плоскими, и их можно было плотно задвинуть в этот промежуток, по одному с каждой стороны общей оси мотора и колеса. Таким образом, взрыв двух снарядов должен был разрушить обе коробки с заключенными в них механизмами и сразу прекратить высасывание, воды. Насосов было четыре — два действующих и два запасных на случай порчи первых; поэтому Борский и изготовил восемь снарядов, чтобы одновременно уничтожить все насосы. Взрыв восьми сильных снарядов, расположенных близко друг от друга, должен был не только испортить насосы, но и повредить воздушные трубы, соседние лестницы, может быть, даже крепь шахты и направляющие клети, вообще произвести серьезные разрушения.

После переноса жестянок в камеру Борский вставил их в назначенные им места, расправил зажигательные шнуры и стал ждать прихода запальщиков. Длина шнуров была рассчитана на время горения их в течение десяти минут. Поэтому зажечь их следовало только тогда, когда запальщики кончат заряжать шпуры на дне шахты и начнут вылезать на платформу, чтобы войти в клеть и подняться наверх. Борский, присутствовавший многократно при этой работе, знал точно, сколько времени она занимает, и поэтому мог определить момент зажигания так, чтобы успеть затем спуститься на платформу одновременно с выходом на нее запальщиков. Нужно было только не пропустить прибытие клети, доставившей их вниз. Поэтому он, установив жестянки, потушил свечу, чуть приоткрыл

дверь из камеры в шахту, чтобы увидеть спуск клети, и стал ждать. Его тревога миновала, он был уверен, что все обойдется без помех.

Вот промелькнула освещенная клеть с людьми; затем внизу послышались шаги, голоса. Борский закрыл дверь, зажег свечу, вынул часы и стал следить за стрелкой; теперь сердце его билось учащенно — приближался решительный момент. Он стоял вблизи люка с часами в одной и свечой в другой руке, готовый в нужный момент зажечь шнуры.

И вдруг он услышал, что кто-то в темноте крадучись поднимается по лестнице к нему.

«Наверно, Киото! Спустился с запальщиками и лезет проверить насосы... Все пропало, нужно бежать!»

Один взгляд в люк показал Борскому, что человек уже совсем близко — на верхних ступенях последней лестницы. Борский погасил огонь и быстро полез вверх, рассчитывая увлечь преследователя подальше от снарядов, расправиться с ним и все-таки кончить свое дело.

Но при переходе с одной лестницы на другую Борский замешкался в темноте, преследователь же зажег фонарь и полез быстро, как обезьяна. На следующей лестнице Борский почувствовал, что его схватили за ногу; он обернулся и увидел под собой лицо Киото. Недолго думая, он выхватил револьвер, нацелился в эту ненавистную физиономию, нажал курок раз и второй. Но свет погас раньше первого выстрела, а после второго сильная рука сдернула его с лестницы, и в темноте началась отчаянная борьба.

10. ПОЙМАН!

Ввиду большой глубины шахты спуск продолжался уже четыре минуты при скорости более 4 м в секунду. Непривычным гостям казалось, что клеть оборвалась и они летят в бездну. Сквозь сетку в полумраке мелькали звенья крепи, перекладины, платформы; слышалось резкое пульсирование насосов и глухой шум воздуха, вдуваемого по трубам; становилось все теплее и теплее, воздух был насыщен влагой. Наконец, клеть остановилась и посетители вышли из нее на платформу, ярко освещенную дуговым фонарем, но совер-

шенно пустую. Лебедка неподвижно склонилась над люком в нижнее отделение; рядом стояли ящики перфораторов, лежали короткие и длинные буры, молотки.

Через второй люк и по лестнице спустились вниз. Здесь было еще более пусто. На неровном дне шахты в разных местах серели затычки из промасленной пакли, которыми были заткнуты шпуры — буровые скважины, приготовленные для вкладывания в них динамитных патронов. В одном месте чернела квадратная яма, в которую со всех сторон струйками и ручейками стекала вода; погруженные в нее своими соплами два толстых шланга жадно сосали эту воду, вздрагивая под ее напором. Казалось, что две огромные змеи, свесившись головами вниз, утоляют свою жажду. По черным стенкам шахты, щетинившимся тонкими плитками сланцев, повсюду стекала вода, капала в лужицы, сверкала огнями под лучами фонаря. Кое-где прихотливо извилистые снежно-белые прожилки известкового шпата и кварца резко выступали на мрачном фоне. От стенок и из ямы с водой шел легкий пар, и воздух в шахте был насыщен им, как в бане, и был так же горяч, несмотря на то, что из многочисленных отверстий по периферии платформы вдувался ледяной воздух, обвевавший стенки.

Гости невольно один за другим нагибались, щупали рукой дно шахты или пробовали пальцем воду в ручейках и отдергивали руку с возгласами «ого!» или «какая горячая!». С непривычки становилось трудно дышать, а капли пота появились на всех лицах.

— Ну нет, мы здесь долго не выдержим! — сказал Путилин, вытирая лоб.

— Как тут люди работают? — удивился Функельштейн.

— Если бы не было воды, было бы еще хуже,— заметил Баранов.

— Наоборот, было бы лучше,— объяснил Ельников.— Сухой жар переносится человеком гораздо легче, чем влажный. В сухой, накаленной пустыне вы ходите свободно, тогда как во влажном климате морского берега при той же температуре изнемогаете при каждом движении. Мы надеемся, что когда пройдем эти трещиноватые сланцы, прекратится приток воды и станет легче, хотя температура будет выше.

— Совершенно верно! — заметил Терияма.— Поэтому европейцы так плохо переносят влажный климат тропического пояса и хорошо приспосабливаются к сухой жаре Египта, Алжира, Аравии.

Он подошел к стенке шахты, вырвал из нее плитку сланца, осмотрел и передал Ельникову со словами:

— Взгляните, как изменилась порода вашей шахты! Вместо тускло-черного сланца, залегавшего выше, здесь слабо блестящий, слегка отливающий серебром, благодаря обильно появившимся мельчайшим блесткам белой слюды. А кое-где рассеяны мелкие, нерезко очерченные бугорочки; это уже, несомненно, узловатый сланец — порода, слегка измененная контактовым метаморфизмом от тепла, который выделял при остывании залегающий где-то внизу гранит,— прибавил он в пояснение присутствующим, не посвященным в тайны геологии.

— Вы полагаете, что шахта скоро достигнет этого гранита? — спросил Фролов.

— Почти уверен в этом и думаю, что она в нем же и окончится, достигнув желаемой температуры. Геотермическая ступень будет теперь уменьшаться, гранит сохранил еще часть своего жара и отдаст его вам.

— Он уже здорово греет нас сквозь эти сланцы! — воскликнул Путилин.— Я начинаю задыхаться и не могу ждать спуска запальщиков. Поднимемся наверх, Аркадий Егорович!

— Да, мне тоже становится не по себе! — подтвердил Функельштейн.— После обеда с винами сердце и так уже работает слишком сильно. А тут прямо банный поло́к.

— Ну что же, поднимемся. Вы видели достаточно, чтобы поверить в осуществимость моей идеи, узнали, как горячи земные недра.

Посетители один за другим вылезли через люк на платформу, где им показалось немного прохладнее.

— Это как бы предбанник! — пошутил Фролов.— Я убедился, что шахту, во всяком случае, можно использовать как великолепную баню; здесь раздеваться, а затем с веничком в руках спуститься по лестнице вниз; там и горячая вода, и накаленные камни.

— Идея! — воскликнул Путилин.— Когда шахта будет готова, нельзя ли будет приспособить часть ее, не слишком горячую, в качестве бани для горожан?

— Где же инженер Киото? — поинтересовался Терияма.— Он с нами спустился, а потом куда-то исчез, а я хотел бы пожать ему руку перед отъездом.

— В самом деле, его не было с нами внизу, нет и здесь! Куда он мог деваться? — спросил Фролов.

— Может быть, он поднялся к камерам насосов на несколько лестниц вверх? — предположил Ельников.

Он подошел к телефону, чтобы спросить, пришли ли запальщики, и если нет, чтобы спустили клети без них. Вдруг откуда-то сверху из мрака шахты раздались один за другим два выстрела. Все вздрогнули от неожиданности. Ельников бросился к маленькой двери, которая вела в насосное отделение и к лестницам. Фролов и Терияма последовали за ним, остальные, не умевшие ориентироваться в шахте, застыли в недоумении.

И вот сверху раздался громкий крик:

— Ко мне наверх! Скорее на помощь! Пять лестниц!

Ельников узнал голос Киото и поспешил вперед; поднимаясь по лестнице, он достал и засветил электрический фонарик. В отделении было темно, так как лампочки зажигались только в случае надобности. Фролов и Терияма лезли за ним.

Наверху слышалась возня, топот ног по железным листам пола, заглушенные голоса.

Ельников, более опытный в лазании по крутым лестницам шахты, намного опередил следовавших за ним и проник на площадку над пятой лестницей, когда оставшиеся в темноте Фролов и Терияма находились еще на четвертой. При свете своего фонарика он увидел Киото, сидевшего верхом на поваленном навзничь человеке и державшего его за руки, тогда как последний старался сбросить своего врага. Рядом валялись две шапки, какой-то мешок и револьвер.

— Держите его за ноги! — крикнул Киото, как только голова спешившего на помощь показалась из люка.— Я изнемогаю.

Ельников быстро вылез на площадку, поставил фонарик на пол и навалился на ноги отбивавшегося, который застонал под его тяжестью.

— Нет ли у вас веревки или ремня? Дайте скорее! — голосом, прерывающимся от напряжения, проговорил Киото.

Ельников быстро отстегнул ремень, стягивавший его брезентовую куртку. В это время из люка вылез Фролов и помог Киото скрутить руки пленнику, который, убедившись в бесполезности сопротивления, перестал бороться и лежал, тяжело дыша. Киото приподнялся и, шатаясь от изнеможения, прислонился к стенке; его лицо было в крови. Фролов поднял фонарик и осветил узкое пространство между люком, толстыми трубами насосов с одной, такими же трубами вентиляции с другой и лестницей, поднимавшейся круто вверх с третьей стороны, на котором только что происходила борьба двух людей не на жизнь, а на смерть. Теперь здесь лежал со связанными руками побежденный, а на его ногах еще сидел Ельников.

— Вы ранены? — спросил последний, увидев измазанное кровью лицо Киото.

— Нет, он расшиб мне кулаком нос. Пули, к счастью, прошли мимо,— промолвил японец.

Из люка показалось встревоженное лицо Терияма.

— Что здесь случилось? — спросил он по-английски.

— Этот мерзавец хотел взорвать камеры насосов, но я его вовремя накрыл! — ответил Киото, вытирая платком лицо.

— Видите, с какими препятствиями приходится бороться! — воскликнул Ельников, обращаясь к Терияма.— Не только природа, но и люди против нас.

— Но как мы доставим его по этим узким лестницам вниз? — спросил Фролов.

— Да, лестницы не приспособлены к подобным случаям! — улыбнулся Ельников.— Но он теперь обезоружен и можно развязать ему руки, чтобы он спустился сам. А кто же этот злоумышленник?

— Мой помощник, инженер Борский! — с негодованием воскликнул Киото.— Он у меня давно на подозрении.

— Неужели! Инженер решился на такое дело! Хорош гусь! — раздались возгласы.

Лицо пленника, измазанное сажей и кровью до неузнаваемости, искривилось в гримасу.

— Развяжите руки, я сдаюсь! — пробормотал он.

Ельников распустил ремень и встал с ног арестованного, который медленно приподнялся; руки у него дрожали.

— Господа! Что у вас там? — раздался голос Путилина снизу.— Не нужна ли вам помощь? Прибыли запальщики, у них есть фонари.

— Пошлите одного с фонарем нам навстречу! — ответил Фролов.— Мы спускаемся, все кончилось благополучно!

— Да ведь лампочки есть над каждой лестницей, мы второпях забыли о них! — воскликнул Ельников и, нагнувшись, нашел выключатель на стенке возле люка; площадка осветилась.

— Ну-с, господин Борский, вставайте и марш вниз! — скомандовал Фролов.— Терияма и я будем впереди, остальные за ним.

Борский поднял и нахлобучил свою шапку, затем встал на ноги. Терияма уже скрылся в люке, Фролов начал спускаться; Киото поднял свою шапку, а Ельников подобрал мешок и револьвер, валявшиеся возле насосной трубы. В это время Борский, быстро выхватив из кармана второй револьвер, выстрелил в спину Ельникова. Но Киото, следивший за его движениями, успел толкнуть его плечом, пуля отклонилась влево и прошла через руку Ельникова выше локтя. Ельников от неожиданного удара вскрикнул и упал.

— Мерзавец! — прошипел Киото, вышибая у Борского одной рукой револьвер, а другой хватая его за горло.

— Он попал в кого-нибудь? — испуганно спросил Фролов, выскакивая назад из люка.

— Я ранен в руку! — проговорил Ельников.

— Нужно обыскать этого негодяя! — крикнул Киото.

Фролов и Киото обыскали карманы пленника и вытащили из них кусок зажигательного шнура, электрический фонарик и обойму с патронами; оружия больше не было. Ельников в это время стаскивал с себя куртку, из рукава которой капала кровь; кость была цела, пуля прошла через мускулы, и рука, плохо повиновалась. Вернувшийся Терияма помог ему раздеться, а Киото сделал перевязку бинтом, который всегда носил с собой на случай ранения в шахте. Фролов караулил Борского, стоявшего с опущенной головой у стены.

— Что он вам сделал? За что вы хотели убить его? — спросил Фролов с негодованием.

— Сначала я хотел испортить его шахту, осрамить его перед всеми. Проклятый Киото помешал. Черт принес его не вовремя вниз!

— Не черт, а предусмотрительность! — отпарировал Киото.— Я давно слежу за вами, со времени порчи насосов, которая тоже была задумана вами, я теперь уверен.

— Да, я устроил ее! — сознался Борский.— Но мне не повезло и в тот раз.

— Ну, теперь марш вниз! — скомандовал Фролов, когда Ельникову помогли одеться.— Но при первом подозрительном движении я вас пристрелю.

Теперь все один за другим спустились по лестницам, которые уже осветил поднявшийся снизу запальщик. Сдав преступника под надзор рабочих и велев связать ему руки, которые при подъеме в клети были ему не нужны, Киото пригласил Фролова, Терияма и желающих членов правления подняться назад на три лестницы к камерам насосов, чтобы показать им, что подготовил злоумышленник.

После этого Киото вернулся с ними вниз, где ждали Ельников, арестованный и запальщики. Последние хотели было приступить к своей работе по заряжению шпуров, но инженеры запретили это. При взрыве на дне шахты могли взорваться также от детонации жестянки злоумышленника, которые нельзя было удалить до прихода следователя. Последний был уже вызван по телефону. В ожидании его прихода Киото рассказал, как он накрыл преступника.

— Я стал следить за ним со времени первой парчи насосов. Из всех инженеров и штейгеров шахты только Борский внушал мне подозрение, и я поручил одному из своих слесарей наблюдать за ним все время, пока он находился в шахте. Он чувствовал, что за ним следят, и вел себя очень осторожно. Так мы прожили благополучно семь месяцев, и я начал уже успокаиваться. Но сегодня мне донесли, что Борский не ночевал дома. Я спускался в шахту два раза вместе со слесарями и обходил все камеры насосов, но ничего подозрительного не нашел. Приближалось время возобновления работ, и я подумал, что нужно осмотреть насосы еще раз, так как для выполнения какой-нибудь гадости наступал крайний срок. Поэтому я, спустившись с вами в шахту, сейчас же полез наверх, не

зажигая огня. Уже снизу я заметил, что в камере горит почему-то слабый огонь и там должен кто-то быть. Когда я был почти уже у люка, тот услышал, что лезут вверх, потушил свой огонь и в темноте стал спасаться по лестницам, надеясь уйти. В камере насосов я зажег фонарик, увидел, что подготовлена катастрофа, и погнался за злоумышленником уже с фонарем; это дало мне преимущество, я настиг его и схватил за ногу на шестой лестнице. Он выхватил револьвер, но я успел потушить фонарь и переменить положение, так что в темноте он дал промах. Тогда я стащил его с лестницы, и в темноте началась борьба, закончить которую вы мне вовремя помогли.

Слушатели сердечно поздравили Киото, своей предусмотрительностью и неустрашимостью спасшего шахту и захватившего злоумышленника.

Прибыл следователь с тремя полицейскими для охраны арестованного; после осмотра места происшествия и опроса Киото, Ельникова, Фролова и Терияма жестянки были осторожно удалены из камеры и отправлены в лабораторию; все общество поднялось наверх, Борского отправили в тюрьму, и в шахте началась обычная работа.

11. ЛЕДЯНАЯ БАНЯ

К середине февраля шахта достигла 1118 м глубины и температура на дне ее повысилась до 61°, так что геотермическая ступень в среднем определилась в 29 м. Выводы Терияма как будто подтверждались, и можно было рассчитывать на дальнейшее уменьшение ступени, так как последнее повышение температуры на один градус произошло уже на протяжении 25 м. Кроме того, породы, которые прорезала шахта, становились все более и более измененными и представляли теперь уже блестящие слюдистые и гнейсовидные сланцы с частыми прожилками кварца.

В середине марта глубина шахты достигла 1203 м, температура на ее дне — 65°, и ступень определилась в 21 м. Теперь можно было уже сказать с достаточной уверенностью, что глубина шахты не превысит 2000 м, а вероятно, будет еще меньше. Породы представляли собой уже настоящие гнейсы с многочис-

ленными прожилками и жилами аплита и пегматита, которые, по мнению Ельникова, свидетельствовали о том, что массивный гранит уже недалеко. Это мнение было подтверждено Терияма, который остался консультантом по сооружению шахты и которому посылались образчики всех горных пород, данные о температуре, притоке и качестве воды и т.п. Приток воды уже с конца января начал постепенно уменьшаться, так что в середине февраля можно было остановить один из постоянных насосов, а с середины марта и второй насос мог действовать только периодически, причем промежутки между периодами работы, в течение которых в яме на дне шахты накапливалась вода, становились все более и более длительными. Одновременно с уменьшением количества воды улучшалось и ее качество — она становилось все менее и менее солоноватой и наконец сделалась даже пресной; очевидно, шахта вышла из области, в которую просачивалась вода из моря, так что предположения Терияма о причинах сильного увеличения ступени вполне подтвердились.

Был уже конец марта, и весна была в полном разгаре. 30 марта шахта достигла 1259 м и температура на дне была уже 67,5°. Теперь даже усиленное вдувание охлажденного воздуха помогало недостаточно. Для большего понижения температуры на дне шахты и на платформе, где производились главные работы, туда спускали жестянки с охлаждающими смесями, которые заменялись новыми по мере того, как отдавали свой запас холода. Завод для изготовления искусственного льда был построен еще осенью и за зиму наготовил лед для набивки всех ледников города, а с середины марта перешел на выработку охлаждающих смесей для шахты. Чтобы жестянки не мешали рабочим, их подвешивали на цепочках с нижней стороны платформы. Для нагрузки и выгрузки жестянок пришлось поставить специальных рабочих, и они составляли также лишний груз для спуска и подъема. Но в шахте с начала марта уже действовала вторая подъемная машина с двойной клетью, так как при постоянно увеличивавшейся глубине, а следовательно, и продолжительности подъема и спуска, одна машина уже не успевала обслуживать шахту.

Несмотря на все меры, принятые для охлаждения

воздуха на дне шахты, последний все-таки оставался еще настолько горячим, что пришлось сократить продолжительность рабочей смены сначала до пяти часов, а потом до четырех; но это сильно нарушало весь ход работ, приспособленный к шестичасовой смене. Поэтому последнюю восстановили, но так, что рабочие оставались в шахте всего три часа, затем сменялись другими и отдыхали три часа на поверхности, после чего возвращались в шахту еще на три часа. Благодаря двум машинам подъем и спуск лишних людей был вполне возможен.

[В седьмом часу утра 31 марта слуга Ельникова разбудил его и зловещим шепотом сообщил, что шахту вместе с рабочими затопило кипятком, в который «заехала смена и потонула»...]

«Что еще за история? — думал Ельников, одеваясь.— Откуда в шахте кипяток, в котором погибла смена? Вчера еще было почти сухо!»

Окончив наскоро туалет, он побежал к шахте; у входа в надшахтное здание уже собралась небольшая толпа любопытных, но часовой никого не пускал внутрь. Ельников протолкался и сразу наткнулся на ряд трупов.

В этот день в шесть часов утра, когда очередная смена рабочих спустилась в шахту, чтобы после произведенных взрывов приступить к уборке породы, нижнее отделение клети доверху погрузилось в горячую воду (70°), затопившую уже платформу и быстро прибывавшую. Шахта была наполнена паром, а воздух, который по трубам продолжал вдуваться под платформу, производил такое клокотание, что вода казалась кипящей.

Рабочие и штейгер в нижнем отделении клети, неожиданно погруженные в горячую воду, хлынувшую со всех сторон через сетку, захлебнулись, едва успев крикнуть о помощи. Рабочие, бывшие в верхнем отделении, услышав страшный крик, быстро замолкший, и видя вокруг пар и клокочущую воду, которая начинала уже заливать им ноги, растерялись и не знали, что делать. Телефон к машинисту, находившийся на платформе, был уже затоплен: выйти из клети и перебраться в отделение с лестницами было невозможно из-за кипящей воды. Видя неминуемую гибель, они стояли молча, с ужасом глядя на то, что

творилось вокруг под лучами дугового фонаря, пробивавшимися через пар. Им казалось, что в шахту прорвалась какая-то кипящая подземная река.

Наконец один из рабочих вспомнил, что в самой клети есть кнопка сигнала тревоги, посредством которого клеть можно было остановить в любом месте шахты. Он изо всех сил нажал на эту кнопку. Глаза погибающих обратились с тревогой вверх. Что если машинист, спустив их, отлучился на минуту или провода сигнала испортились?

Прошло несколько секунд ужасного напряжения — клеть дрогнула и понеслась вверх.

Наверху клеть встретил дежурный инженер, собравшийся спускаться в шахту и встревоженный сигналом.

— Шахта полна кипящей воды! Все затоплено! Прорвалась подземная река! — сообщили ему спасшиеся рабочие, выходя из клети.

Открыли нижнее отделение клети. В нем лежали грудой один на другом десять погибших людей; вода еще вытекала струйками из их одежды.

Весть о катастрофе разнеслась быстро. Через несколько минут прибежал запыхавшийся Киото, живший вблизи шахты, потом прибыли врач и Ельников, поднятые с постели. Попытки оживить погибших остались безуспешными; хотя они пробыли под водой только две или три минуты, но вода была слишком горяча.

Теперь нужно было думать о спасении шахты. В последнее время единственный действовавший насос работал только пять минут в течение часа — так мало было воды. Во время производства взрывов его всегда останавливали. Шахту потому и затопило так быстро, что ни один насос не боролся во время катастрофы с хлынувшей водой. Теперь пустили в ход все четыре насоса. Из них полилась вода с температурой 67°, так что о прорыве «кипящей» реки не могло быть и речи. Прорыв можно было объяснить тем, что взрывами в дне шахты была разрушена порода, отделявшая это дно от какой-либо большой трещины, по которой текла вода, вероятно под большим давлением.

Сначала следовало определить, как велик приток этой воды, могут ли справиться с ним четыре насоса, не остановится ли приток сам, если подземный резер-

вуар имеет ограниченные размеры. Или, может быть, шахта наткнулась на горячий источник с таким большим дебитом, что одолеть его невозможно? Тогда придется просто использовать эту горячую воду для города и считать предприятие не вполне удавшимся.

Когда все четыре насоса проработали час, Ельников и Киото решили спуститься в шахту, чтобы посмотреть, не убыла ли вода, а если нет, то сделать метки для дальнейшего наблюдения. Их сопровождали дежурный инженер и двое рабочих. Во избежание вторичного несчастья они велели спустить себя не до платформы, а до яруса на 200 м выше с тем, чтобы в зависимости от уровня воды сделать по телефону распоряжение о дальнейшем спуске.

На уровне 1050 м клеть остановилась; исследователи выглянули из нее, осветили глубину своими фонарями — вода еще не была видна, и даже пар не поднимался так высоко. По телефону отдали приказ медленно спускать еще на 50 м, но остановить при первом же сигнале тревоги. Так продолжалось еще три раза, пока не достигли уровня в 1200 м, где пар был уже довольно густой и ясно слышалось клокотанье воды в глубине.

Отсюда стали спускаться дальше по лестницам и, наконец, на уровне в 1220 м, дошли до поверхности воды. Таким образом, несмотря на работу четырех насосов, вода в течение часа поднялась приблизительно на 20 м, что составляло метр в каждые три минуты. Если бы приток снизу продолжался с той же силой, вся шахта в течение 61 часа должна была заполниться водой. Но, принимая во внимание возрастающее давление столба воды в шахте по мере ее наполнения, этот срок следовало увеличить в несколько раз.

С другой стороны, угрожала опасность постепенной остановки насосов вследствие затопления камер; оставляемые без смазки и работающие под все более увеличивающимся давлением горячей воды механизмы должны были испортиться и, остановившись, создавали бы препятствие для работы еще не затопленных камер. Поэтому прежде всего нужно было позаботиться о том, чтобы при приближении воды к каждому ярусу с камерами последние заменялись шлангами с сетками, защищающими насосы от засорения.

Ельников немедленно распорядился, чтобы на уро-

вень 1200 м, которому грозило затопление, были спущены слесари со шлангами.

Условия работы в шахте были теперь очень тяжелы. Охлажденный воздух, задувавшийся под платформу, проходил через толщу горячей воды, вызывая ее кажущееся кипение, но очень мало понижая ее температуру; из воды он выходил уже согретый, так что над водой атмосфера походила на очень горячую баню, наполненную парами, в которой люди не могли оставаться дольше четверти часа. Поэтому одновременно с выключением камер приходилось пробивать отверстия в обоих воздушных трубах, чтобы холодный воздух вдувался к месту работы, а горячий воздух с паром высасывались. При этом, конечно, портилась вся вентиляционная сеть.

Заметив уровень воды и время и сделав все необходимые распоряжения, инженеры поднялись наверх, совершенно мокрые и обессиленные пребыванием в горячей бане. На смену слесарей, заменявших камеры шлангами и пробивавших отверстия в воздушных трубах, через каждые четверть часа спускались новые. Тем не менее с некоторыми случались обмороки, и их приходилось отправлять наверх.

По истечении второго часа отдохнувшие инженеры спустились опять. За этот час вода поднялась на 15 м; работали одновременно только три насоса, так как каждый из них поочередно останавливали для замены камеры шлангом. Поэтому возникла надежда, что подземный поток, прорвавшийся в шахту, не так силен, как казалось вначале, и с ним удастся справиться. Теперь вода только на 5 м не доходила до камер насосов уровня 1200 м, а следующие насосы находились на 55 м над водой, с их заменой шлангами можно было обождать в надежде, что вода будет подниматься теперь все медленнее.

Еще через час вода поднялась только на 2 м при полной работе всех четырех насосов. Надежды на благополучный исход окрепли еще больше.

Прошел еще час; вода прибыла на один метр. Очевидно, приближался момент равновесия между притоком из подземного резервуара и отливом через насосы. Действительно, в течение следующего часа приток был почти незаметен — несколько сантиметров, а еще через полчаса совсем прекратился.

При этом известии, переданном снизу по телефону, лица у всех собравшихся на площади у входа в надшахтное здание просветлели. Здесь были и горнорабочие всех смен, и горожане, любопытные или соболезнующие, которых весть о катастрофе, распространявшаяся постепенно по городу, привлекала к шахте. Молва, как всегда, преувеличивала размеры несчастья и искажала его. Говорили о том, что на дне остались еще десятки рабочих, что в шахте начался пожар, для прекращения которого ее залили водой, не узнав, есть ли там люди, а теперь откачивают воду; передавали, что поймали опять человека, взорвавшего шахту и застрелившего Ельникова и Киото. Только экстренный выпуск местной газеты, вышедшей к полудню, положил конец фантазиям горожан, изложив точно все случившееся и сообщив, что насосы уже одолели приток воды и что шахта будет спасена.

Действительно, в этот час можно было констатировать совершенно точно, что уровень воды больше не повышается. Теперь нужно было предполагать одно из двух: или уровень будет оставаться постоянным, и тогда для освобождения шахты от воды придется установить новые насосы, что займет много времени; или же вода постепенно пойдет на убыль и с ней справятся имеющимися средствами.

До пяти часов вечера вода не убывала, но затем обнаружилось медленное понижение ее уровня — на метр в час. Перспективы становились благоприятными — можно было надеяться, что через двое суток шахта будет откачана.

Ельников и Киото, спустившиеся вниз при известии о начавшемся понижении уровня, заметили, что все находившееся с утра под водой — стенки шахты, трубы насосов и воздушные, направляющие клети, лестница — было покрыто беловатым слизистым осадком. Очевидно, вода была минеральная и содержала в растворе какие-то вещества. Немедленно проба осадка и бутыль воды были посланы в лабораторию, откуда вскоре сообщили, что осадок является кремнеземом и что вода — минеральная, богатая кремнеземом.

Теперь можно было опасаться, что на предметах, бывших долго под водой, этот осадок окажется очень толстым и его придется соскабливать.

— Но эта минеральная вода скоро засорит и испортит нам все насосы! — воскликнул встревоженный Киото.

— Я не думаю,— возразил Ельников,— в насосах она движется слишком быстро, так что образование осадка должно быть минимальное. А вот в трубах ниже камер, замененных шлангами, где не было движения воды, осадок будет наверное, и их придется прочищать.

К полуночи понижение уровня определилось в 7 м. Приходилось думать о возобновлении работы нижних камер насосов; но когда одну из них опять включили в сеть — она почти не подавала воды. Очевидно, на сетке ее шланга, находившейся у дна шахты, образовался такой осадок кремнезема, который уже не пропускал воду внутрь.

Поэтому пришлось, включая камеры в сеть, присоединять к ним новые шланги, сначала непосредственно, а затем, по мере понижения уровня воды, при помощи колен труб, освободившихся из-под воды. Последние предварительно прочищали, так как осадок становился тем толще и тверже, чем дольше труба была в воде.

Ночью освободился от воды пол яруса 1210 м. При взгляде в этот ярус сверху через люк можно было подумать, что в нем свирепствовала метель: железный пол, стенки, трубы, лестница — все побелело, словно покрылось слоем чистого снега. Иллюзия усиливалась еще тем, что на этом «снегу» ноги скользили; этому противоречила только высокая температура.

Метр за метром освобождалась шахта из-под воды. На третий день после катастрофы стала доступной уже платформа. Здесь имитация зимнего пейзажа была поразительна: вагончик, ящики перфораторов, лебедка, направляющие, фонарь, лопаты, стенки — все было покрыто белым осадком более 2 см толщиной и приобрело настолько фантастический вид, что при вспышке магния были сняты фотографии этой картины метели при 67° тепла. С фонаря, направляющих, выступов свешивались белые сосульки, но сбивать и счищать эти украшения было труднее, чем лед и снег.

К вечеру того же дня показалось из воды и дно шахты; наваленные последним взрывом обломки породы были похожи на ледяные глыбы; заглядывая

вниз через люк платформы, можно было подумать, что находишься где-нибудь в Ледовитом океане, среди торосов. Но отовсюду из промежутков между этими глыбами большими и малыми ключами била горячая вода. Лестница, ведущая вниз и перед взрывами поднятая к платформе, была неузнаваема от висевших на ней сосулек. Шланги насосов казались толстыми стволами деревьев, покрытыми снегом, а дуговой фонарь представлял собой большой снежный ком, прилипший к потолку. Все отверстия трубы, по которой прежде поступал охлажденный воздух, конечно, исчезли под толстым слоем осадка. Приходилось все очищать, а работа в этой «ледяной» бане до полного восстановления вентиляции была очень тяжела. Глыбы и щебень добытой породы были накрепко сцементированы кремнеземом, и пришлось их взрывать, чтобы удалять по кускам.

Только через неделю после катастрофы шахта была очищена, водоотлив и вентиляция налажены, но следы кремнеземистой метели виднелись еще везде; с крепи шахты осадок вообще не удаляли, так как здесь он никому не мешал и даже защищал железо от ржавчины.

Когда убрали всю взорванную породу, в дне шахты обнаружилась трещина в 5—8 см ширины, стенки которой были покрыты толстым осадком кремнезема; из нее и вырывалась горячая вода. Измерение показало, что трещина уходит метров на двадцать вглубь и продолжается в обе стороны от шахты. Теперь было необходимо поскорее пройти глубже и прочно заделать этот канал подземного потока, чтобы преградить последнему доступ в шахту и снова сделать ее почти сухой. Работы пошли усиленным темпом; сопла шлангов теперь всовывались прямо в глубь трещины и сосали из нее горячую воду, так что дно шахты оставалось сухим.

12. НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ

Образчики всех горных пород, прорезываемых шахтой, проходили через руки Анны Ивановны, жены Ельникова, которая составляла из них несколько одинаковых коллекций — для городского музея, для Те-

рияма и в запас, для продажи или подарков лицам, заинтересовавшимся шахтой. Анна Ивановна отбирала все образчики, нумеровала их, снабжала этикетками. В кабинете Ельникова в особой витрине на стене можно было видеть разрез земной коры, пройденный шахтой, со всеми обнаруженными там породами.

В эту коллекцию поступили образчики кремневого натека, покрывавшего стенки водоносной трещины, вместе с самой породой, на которой этот натек отложился из минеральной воды. Изучая их под лупой, Анна Ивановна обнаружила, что под натеком скрываются разноцветные кристаллы, образовывавшие красивые щетки и друзы. Освободив несколько щеток из-под натека, она показала их как-то мужу.

— Не находишь ли ты, Аркадий,— спросила она,— что эти цветные камушки довольно красивы, и если бы отдать их ювелиру для огранки, то из них вышли бы прелестные серьги? А вот этот большой кристалл годился бы даже для брошки, он очень похож по цвету на изумруд.

— Откуда ты взяла эти кристаллы? — удивился Ельников.— Наверно, Ван-Ю привел к тебе странствующего торговца, который может всучить какое-нибудь цветное стекло в качестве драгоценных камней.

— Эти цветные стекла добыты из твоей собственной шахты и так как их, по-видимому, очень много, то ваше правление не рассердится, если я возьму несколько штук и пошлю в Японию, чтобы посмотреть, каковы они будут в оправе.

— Что ты говоришь? В шахте? В каком же месте? Откуда ты знаешь, что их много? — забросал ее вопросами Ельников, рассматривая в лупу большой зеленый камень и пару темно-фиолетовых.

— Они сидят в камне под кремневым натеком в стенах той трещины, которая чуть не погубила шахту. Смотри, сколько их тут,— прибавила Анна Ивановна, показывая несколько кусков породы.

— Странно, очень странно! — пробормотал Ельников и вдруг бросился в соседнюю комнату, принес руководство по минералогии и начал лихорадочно перелистывать его. Найдя изображения кристаллов той же формы, какую имели фиолетовые, а в другом месте — той, какую имел зеленый камень, он воскликнул:

— Знаешь ли, что ты открыла? Это, по-видимому,

настоящие драгоценные камни, вот эти два — аметисты, а вот этот — изумруд!

— Да неужели? — воскликнула изумленная жена.— Мне тоже приходило в голову сходство одних с аметистами, а другого — с изумрудом, но форма у них совсем другая и они такие тусклые.

— Они еще отчасти покрыты натеком, а форма у них — естественных кристаллов. У покупных камней мы видим искусственные формы, которые получаются при огранке их ювелирами.

Ельников осторожно смыл и счистил остатки кремневого натека, протер грани кристаллов тряпочкой, и они стали гораздо красивее. Убедившись, что на всех кусках камня под натеком сидят кристаллы разной величины и цвета, он воскликнул:

— Шахта наткнулась на целое месторождение драгоценных камней! Нужно сейчас же распорядиться, чтобы весь натек из трещины, который пошел уже в отвал, собрали и доставили сюда. Ты очисти 20—30 штук разного цвета и величины, и я завтра покажу их правлению.

— А зачем им эти камни?

— Как зачем? Если их окажется много — это целый клад, который может окупить всю шахту, и не будет больше разговоров о том, что она стоит очень дорого.

К следующему дню Анна Ивановна приготовила целую коробку зеленых, фиолетовых, желтых, белых и голубоватых кристаллов и несколько красивых щеток, которые Ельников показал правлению, доложил, где и как они найдены, и сказал:

— Я бы предложил не заделывать эту водоносную трещину, как мы собирались, а проследить ее в обе стороны от шахты, добывая драгоценные камни. Это должно дать большие барыши.

— Неужели эти цветные камушки представляют такую ценность, чтобы окупить тяжелую работу в воде и в жару? — спросил Фролов, осматривая кристаллы топаза.— Я бы сказал, что это просто горный хрусталь, из которого делают брелоки, печатки и тому подобную мелочь.

— Нет, Семен Петрович! То, что вы держите в руках, не простой горный хрусталь, а настоящий топаз, или тяжеловес. Это доказывается и формой кристал-

ла, и его составом. Если хотите убедиться, отдайте его в лабораторию для анализа, который покажет, что это не кремнезем, а кремнекислый глинозем.

— Эти кристаллы довольно красивы,— заметил Путилин, перебирая насыпанные в коробочке бледнозеленые призмы аквамаринов и бериллов.

— А если огранить их для колец, серег или брошек — они будут еще лучше. То, что я вам показываю,— сырой материал, требующий обработки.

— Неужели мы будем заниматься этим? Нужно заводить мастерские и рабочих,— заявил Баранов.

— Гранильная не требует большого количества рабочих. Кроме того, мы можем сбывать необработанные камни в Америку, Китай и Индию, там есть гранильщики и спрос большой.

— А бриллианты среди наших камней имеются? — спросил Функельштейн.

— Бриллиантами называются ограненные алмазы, а алмазов здесь нет и едва ли они могут быть, разве в отдельных и мелких экземплярах, так как встречаются вообще при других геологических условиях.

— Эта парочка аметистов,— заметил Путилин,— была бы недурна в виде серег в женских ушах. Сколько они стоили бы?

— В ограненном виде — рублей пятьдесят вы бы заплатили за них по довоенным ценам. Вот этот желтый тяжеловес для брошки или браслета стоил бы не меньше двухсот. В общем то, что вы видите в этих коробочках, и в необработанном виде стоит несколько сот рублей, а все это набрано с нескольких квадратных метров трещины.

Убедившись, что разработка найденного месторождения, во всяком случае, окупится, правление согласилось произвести ее в виде опыта.

По мере углубления шахты количество воды, вытекавшей по трещине, все уменьшалось, и когда прошли 21 м и достигли дна трещины, приток совершенно прекратился. Теперь было ясно, что работы наткнулись случайно на канал подземного резервуара, наполненного водой, но имевшего ограниченные размеры. Судя по работе насосов, этот резервуар содержал от 6 до 8 миллионов ведер воды.

Одновременно с углублением дна шахты производились работы и в обе стороны по трещине; с ее сте-

нок осторожно снимался слой кремневого натека и выламывалась кусками боковая порода, на поверхности которой сидели драгоценные кристаллы. Эти куски доставлялись в специально устроенную мастерскую, где опытные мастера вынимали из них все имевшее ценность, сортировали по минералам, величине и качеству и упаковывали для отправки. Несколько шлифовальщиков занималось огранкой камней, и вскоре небольшая лавка, открытая правлением, могла удовлетворить никогда не угасающее желание женской половины горожан украшать свои пальцы, уши, шеи и платья цветными искрящимися камушками.

В одну сторону от шахты трещина, впрочем, кончилась на расстоянии всего 25 м; она постепенно суживалась и, наконец, превратилась в прожилок кварца, слишком тонкий и слишком бедный драгоценными кристаллами, чтобы стоило добывать их. Поэтому в этой стороне работы были остановлены; но в другую сторону трещина продолжалась, даже расширяясь, и здесь добыча камней становилась все более и более обильной. Правда, работа была очень трудна и обходилась дорого. В крепи шахты оставили отверстие, служившее входом в трещину; работы вдоль трещины производились ярусами по 2 м высоты; всех ярусов было десять, и они располагались уступами так, что самый верхний был дальше всего от шахты. Остававшееся позади выработанное пространство представляло собой галерею в 20 м высоты и 2 м ширины. Температура в трещине достигла 70°, так что пришлось провести на каждый уступ ветвь трубы, вдувавшей охлажденный воздух, доставлять жестянки с холодными смесями. Тем не менее рабочие не выдерживали более двух часов без смены; камни были горячи, как в хорошо натопленной печке, и их нельзя было трогать руками. За сутки подвигались вперед только на 2 м, тогда как шахта по-прежнему в среднем проходила 3 м.

В середине апреля из-за задержки, обусловленной прорывом воды, шахта достигла только 1275 м и температура на ее дне была уже 70°, как и в трещине, теперь оставшейся выше.

13. ПЕЩЕРА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ

Теперь центром всеобщего внимания стала шахта, и всех занимал вопрос — удастся ли довести ее до конца и получить на дне температуру кипения воды или опять разразится какая-нибудь катастрофа, которая сделает все усилия тщетными.

Вскоре после того, как трещина в дне шахты кончилась, изменилась и порода — слюдистые сланцы и гнейсы уступили место массивному граниту, и предположения Терияма вполне подтвердились. Но большая твердость гранита и высокая температура на дне шахты понизили суточное углубление с 3 до 2,5 м, и к началу мая глубина оказалась 1322 м. Термометры показывали уже 71°, и ступень определялась всего в 19,5 м.

В это время передовой забой работ по трещине ушел уже на 40 м от шахты, а нижний из уступов на дне трещины отодвинулся на 20 м. Трещина то суживалась, то расширялась, образуя неправильные раздутия, в которых добыча драгоценных камней оказывалась особенно обильной. На 42-м метре бур перфоратора во время работы внезапно попал в какую-то пустоту, как будто трещина сразу и очень сильно расширялась. Когда выломали породу в забое по обе стороны от трещины, Киото и Ельников, вызванные штейгером, могли с удивлением констатировать, что трещина кончилась и впереди находится огромная пещера, во мраке которой терялись лучи электрической лампочки, освещавшей работу на уступе. Свод пещеры возле начала трещины был покрыт грубым буроватым кремневым натеком, но дальше уходил куда-то вверх; дна также не было видно.

Теперь стало ясно, откуда взялась масса воды, прорвавшейся в шахту по трещине, которая служила сточным каналом этой пещеры. Но продолжаются ли там отложения драгоценных камней или они приурочены только к трещине?

Не дожидаясь, чтобы нижние уступы работ дошли до пещеры, инженеры решили ее исследовать. Заготовили лестницы и веревки и спустились с верхних уступов на дно. Оно было неровным, покрытым кремневым натеком, как стены и потолок.

Пещера имела до 70 м в длину и в ширину и до 25 м в высоту; под слоем натека повсюду были друзы

и щетки кристаллов тех же драгоценных камней, но более многочисленных и более крупных. При указанном объеме пещеры в ней могло вмещаться 9 миллионов ведер воды, да не меньше миллиона нужно было прибавить на трещину. А так как насосами из шахты было удалено не более 8 миллионов ведер, то из этого следовало, что пещера была наполнена водой не до верха и что приблизительно две девятых ее объема были заняты сильно сжатым воздухом или другим газом, расширение которого после того, как вода нашла выход в шахту, и обусловило такое быстрое поднятие уровня воды на высоту, даже несколько превышавшую горизонт свода пещеры.

После того как нижние уступы работ по трещине дошли до пещеры, то есть когда все отложения драгоценных камней по стенкам трещины были сняты и вся трещина от шахты до пещеры превратилась в грандиозную галерею в 40 м длины, 20 м высоты и 2 м ширины, началась разработка сокровищ, покрывавших стены самой пещеры. Для этого пришлось сооружать подмостки или леса, чтобы вести работу последовательно на различной высоте от дна, которое было вычищено и выровнено прежде всего. В пещеру, конечно, провели электрические провода и вентиляционные трубы. Так как подмостки и леса являлись временными и после очистки стен всей пещеры должны были быть удалены и так как пещера находилась далеко от шахты, то в качестве материала для них использовалось дерево, что облегчало и ускоряло работу по сооружению и перестановке и, кроме того, было значительно дешевле. Но это было отступлением от принятого правила — не допускать в шахте никаких горючих материалов, кроме облицовки направляющих подъемника.

Работы в этом огромном подземном пространстве, освещенном двумя дуговыми фонарями, производили сильное впечатление, и многие жители города перебывали в шахте. Человек, стоящий на дне пещеры, казался пигмеем. Озаренные красноватым светом фонарей, прикрепленных на двух высоких столбах, со всех сторон поднимались стены, покрытые белым кремневым натеком, который образовывал причудливые фестоны, гирлянды, выступы и колонны какого-то фантастического стиля — с поперечными желоба-

ми, карнизами и отростками. Со свода свешивались толстые, но короткие сталактиты, также покрытые желобками и карнизами и бросавшие резкие тени. Вдоль одной из стен на протяжении 20 м громоздились леса, доходившие до свода, на их ярусах копошились рабочие, которые сверлили и срывали толстую кору натека и затем выламывали глыбы из освободившейся поверхности гранита, покрытой драгоценными кристаллами. Куски натека и глыбы породы спускались лебедками вниз, нагружались в вагончики и вывозились по галерее в шахту. Слышался стук и скрежет молотков, зубил и буров, визг цепей, грохот глыб, вываливаемых в вагончики.

В первые дни, пока в пещере еще сохранялись остатки воды, покрывавшей каплями все выступы и впадины стенок и свода, зрелище было еще красивее, так как эти капли отражали лучи света и блестели повсюду, словно алмазы. Но постепенно благодаря высокой температуре и вентиляции вода совершенно испарилась, и воздух сделался сухим, как в гигантской печке. Рабочие были нагие, в сандалиях, но тело их для предохранения от жары было покрыто слоем жира, а на головы надеты маски.

Ельников и Киото часто посещали пещеру, наблюдая за работой, которая давала акционерному обществу огромные барыши, не предусмотренные сметой и позволявшие окончить сооружение шахты, сколько бы это ни стоило.

— Жаль будет бросить это подземное пространство, исчерпав запасы драгоценностей! — сказал Ельников однажды, когда уже половина площади стен была очищена от натека и своей желтой ровной поверхностью с блестящими зернами кварца, кристаллами полевых шпатов и крупными таблицами белой и черной слюды резко контрастировала с остальной частью, еще покрытой натеком.

— Зачем же бросать пещеру? — усмехнулся Киото.— Мы оставим ее для подземных балов и обедов в торжественных случаях.

— Идея! Но только много ли найдется охотников проводить часы в этой ужасной печке, в особенности из числа дам? Ведь им пришлось бы обходиться почти без костюма. Я думаю, пещера будет привлекать только туристов.

— А нельзя ли приспособить эту огромную площадь, которую мы получили так неожиданно, для какой-нибудь полезной цели?

— Я тоже подумывал об этом! — ответил Ельников.— Мы предполагаем проводить пар, получаемый в подземных котлах, на поверхность, где он и должен был обслуживать огромную электрическую станцию города. Но при этом пар неминуемо потерял бы часть своей температуры, и наверху пришлось бы ставить подогреватели.

— И вы задумались над вопросом, нельзя ли теперь устроить электрическую станцию в этой пещере, так как ток вести наверх легче, чем пар?

— Именно! Но меня затрудняет еще вопрос, как повлияет высокая температура на работу генераторов и можно ли устроить обслуживание машин в этой печке?

— Отчего же? В крайнем случае механики будут часто меняться и получать специальную одежду, резервуар со сжатым воздухом за спину, как водолазы или, вернее, как члены спасательных отрядов при рудничных пожарах или взрывах.

— Кстати, у нас должны быть эти аппараты на всякий случай. Возможно, что скоро и в шахте нельзя будет работать без них.

— Конечно! Когда температура будет превышать 90 или даже 80—85°, я опасаюсь, что никакая вентиляция и охлаждение не помогут. В Японии уже заказаны 50 таких аппаратов. Они должны прибыть на днях, и мы испытаем их пригодность.

— Отлично! А пока в пещере еще ведутся работы, мы займемся вопросом о возможности ее приспособления для будущей электрической станции. Обратимся с запросами к лучшим электротехникам.

14. ПОДЗЕМНЫЙ КОСТЕР

В начале июня шахта достигла глубины 1400 м, а температура на ее дне — 79°. Ступень упала почти до 10 м, и надежды на скорое окончание шахты все более упрочивались. Работа на дне становилась все более трудной, и приходилось менять рабочих каждые два часа. Менее выносливые из них работали в при-

бывших уже костюмах, состоявших из кожаной куртки на ватной подкладке, таких же брюк, сапог с толстой подошвой, шлема и ранца с резервуаром сжатого воздуха на спине. Но эта одежда стесняла свободу движений, поэтому многие старались еще обходиться без нее, пока было возможно.

В пещере леса покрыли последний участок стены с толщей натека и драгоценных кристаллов; после этого предстояло еще освободить свод, изменив конструкцию лесов. Пещера стала несколько мрачной, так как желтые стены отражали гораздо меньше света, чем снежно-белый натек; хотя он сохранился еще на своде, но потерял уже свою девственную белизну из-за пыли, насевшей за время работы.

В ночь на 5 июня разразилась катастрофа. По неизвестной причине — может быть, от соединившихся проводов тока или от особенно большой искры, вырвавшейся из-под какого-нибудь бура,— на одном из нижних ярусов загорелись леса. Бревна и доски, находившиеся уже больше месяца в этой сухой и горячей атмосфере, высохли до последней степени, и огонь распространился с чудовищной быстротой на все 15 ярусов; через несколько минут леса пылали, как гигантский костер, из которого доносились крики людей, захваченных врасплох во время работы. На 10 ярусах работало 150 человек; из них успела спастись только треть рабочих, находившихся на нижних пяти ярусах: они могли сбежать по лестницам или спрыгнуть вниз, да и то часть их получила довольно сильные ожоги, а некоторые расшиблись при падении с высоты 8—10 м.

Как исполинские факелы, горели столбы, а между ними на перекладинах, настилах, лестницах бушевали огненные волны. Клубы черного дыма и столбы искр вырывались отовсюду, поднимаясь к своду пещеры, который уже лизали огромные огненные языки. Вой и свист пламени, треск дерева, крики погибавших людей слились на короткое время в ужасающий гвалт. Дым, не находивший себе выхода, через несколько минут наполнил пещеру и повалил черной стеной по галерее и шахте.

На каждом ярусе был пожарный кран со шлангом и несколько огнетушителей, но все случилось так быстро, что их не успели пустить в действие. Охвачен-

ные ужасом рабочие растерялись, да никто и не мог думать, что огонь распространится так быстро. На полу пещеры работало человек двадцать, нагружавших и откатывавших вагончики; эти, конечно, спаслись первыми и с криками ужаса побежали по галерее к шахте. Вслед за ними, уже среди клубов дыма, ринулись спасавшиеся с нижних ярусов. Устье галереи находилось на высоте 138 м над дном шахты, и возле него в шахте была устроена площадка для впуска и выпуска рабочих и вагончиков в подземную клеть. Эта площадка теперь быстро заполнилась спасшимися рабочими, посылавшими тревожные сигналы наверх, так как дым валил уже клубами в шахту.

В самом начале пожара следовало немедленно остановить вентиляцию, подававшую свежий воздух на все ярусы и высасывавшую испорченный. Тогда огонь, быстро истощив запас кислорода в воздухе пещеры, начал бы затухать, а автоматические огнетушители на ярусах докончили бы подавление огня своей углекислотой. Но во время катастрофы в пещере был только штейгер, находившийся на одном из верхних ярусов и погибший вместе с рабочими. Дежурный инженер был на дне шахты, которая стала теперь заполняться дымом, тянувшимся густой пеленой вверх. Рабочие на площадке начали уже задыхаться. Никто из них не догадался закрыть клапаны в воздуходувных трубах к пещере, находившиеся в самом начале галереи.

Несколько десятков почти голых людей, еле помещавшиеся на площадке, с криками о помощи поднимали взоры и руки вверх, откуда должна была прийти спасительная клеть. Лица, обезображенные ужасом, у некоторых почерневшие, с опаленными волосами; глаза, покрасневшие и слезящиеся от дыма; раскрытые рты; серые волны, вырывавшиеся из галереи и улетавшие мимо дугового фонаря вверх; треск и свист, доносившийся из пещеры,— все это составляло ужасную картину. Иные уже лишились сознания и держались на ногах только потому, что были стиснуты в толпе.

Прошло еще несколько страшных минут, прежде чем появилась клеть, поднимавшаяся со дна шахты. В ней прибыл инженер со штейгером и десятью рабочими, одетыми в спасательные костюмы. Им с трудом

удалось уговорить обезумевших людей, напиравших на дверцу клети и давивших друг на друга, чтобы они выпустили отряд на площадку. Инженер растолковал им, что можно спасаться по лестницам вниз, так как дым туда не распространялся, встречая препятствие в виде тока горячего воздуха, всегда стремившегося вверх со дна шахты. Часть людей последовала его совету, и на площадке стало свободнее, так что он мог выйти из клети со своими спутниками. Вместо них в одно отделение набилось 15 здоровых рабочих, а в другое поместили всех обгоревших, раненых и лишившихся сознания. Клеть быстро скрылась из вида во мраке дымной шахты.

На площадке также становилось невыносимо; глаза застилало слезами, захватывало дыхание. Люди один за другим стали спускаться вниз, хотя никому не хотелось уйти с площадки, чтобы не опоздать во вторую клеть, которая уже спускалась сверху. Но дым вытеснял их.

В это время инженер распорядился закрыть клапаны в трубах и дверь из шахты в галерею, что сразу нельзя было сделать из-за теснившихся обезумевших людей. Затем, надев шлемы, инженер и спасательный отряд с фонарями в руках направились к пещере. В галерее дым был так густ, что в трех шагах уже не различался свет фонаря; люди шли цепью, держась каждый за пояс шедшего впереди, чтобы немедленно оказать друг другу помощь в случае потери сознания.

Пожар в пещере после прекращения притока воздуха начал уже затухать; сквозь дым, наполнивший все пространство, еле видны были раскаленные столбы, перекладины, помосты, по которым еще пробегали огоньки; с треском, выбрасывая снопы искр, то здесь, то там обрушивались участки настила. Но проникнуть на леса, чтобы спасать людей, нечего было и думать, так как все могло рухнуть ежеминутно. Кроме того, пещера была раскалена, как исполинская печка, и кожаная одежда на людях начала дымиться. Было немыслимо, чтобы кто-нибудь из застигнутых катастрофой оставался еще в живых, хотя с начала пожара прошло всего 15 минут.

Отряд вернулся к шахте, и дверь в галерею была плотно заперта; оставалось еще обмазать ее глиной,

чтобы прекратить всякий выход дыма в шахту и приток воздуха в пещеру.

На площадке отряд встретился с Ельниковым и Киото. Механик у подъемной машины, узнав от выскочивших из пещеры рабочих о катастрофе, немедленно сообщил страшную весть далее. Но так как это случилось среди ночи, любопытных или встревоженных людей почти не было, а главные инженеры, поднятые с постели, прибыли с некоторым опозданием. Они присутствовали при разгрузке клети и от спасшихся узнали подробности катастрофы. Из трубы вытяжного вентилятора валил еще густой дым, а из ствола шахты на их глазах также появился дымок. О размерах несчастья и числе погибших из рассказов рабочих можно было составить себе только преувеличенное представление. Ельников и Киото были очень встревожены. Дым мог спуститься и вниз по шахте и задушить рабочих на ее дне. Узнав от поднявшихся, что в шахте они также задыхались от дыма во время подъема, длившегося теперь более пяти минут, инженеры потребовали себе спасательные аппараты и взяли еще десять рабочих, также снабженных ими. Прежде чем надеть шлем, Киото сказал:

— Дорого обойдутся нам эти драгоценные камни! Не следовало применять деревянные леса!

— Железные были бы вообще невозможны,— возразил Ельников.— Для их установки и передвижения нам пришлось бы сооружать в пещере большой кран, заказывать все части лесов в Японии, ждать их прибытия и все-таки для настилов употребить доски. Если бы мы настаивали на железных лесах, правление, вероятно, совершенно отказалось бы от эксплуатации пещеры, так как этот крупный расход мог поглотить почти всю выгоду.

— Но теперь нам все равно придется заказывать железные леса, так как после этой катастрофы никто не захочет работать на деревянных.

— Нам осталось очистить только свод и небольшую часть стены, у которой стояли леса. Стену можно будет в значительной части очистить при помощи простых лестниц, а для свода применим железную передвижную платформу. Мы решили приспособить пещеру для электрической станции, и такая платформа нам все равно нужна.

— Работа по очистке пойдет очень медленно!

— Что же делать! Нам некуда торопиться, ко времени окончания шахты успеем очистить и пещеру.

Когда рабочие в спасательных аппаратах собрались, оба инженера надели свои шлемы, и клеть ринулась в глубь дымной шахты. Чем дальше, тем гуще становился дым, так что клеть мчалась, прорезывая как бы густой туман, который от ее движения приходил в волнение и метался струями и клубами вверх и вниз; внутрь клети из-за ее быстрого полета дым почти не проникал.

Но с уровня 1100 м дым стал редеть, и оба инженера вздохнули облегченно. Можно было надеяться, что с пожаром уже справились или, во всяком случае, изолировали его от шахты, и люди, бывшие на дне последней, не пострадали.

На площадке уровня 1270 м, то есть у входа в галерею пещеры, клеть остановилась. Ее встретили дежурный инженер и рабочие, возвратившиеся из пещеры. Дым разредился, но все-таки был еще настолько густ, что ел глаза и вызывал кашель, поэтому инженеры, оставив спасательный отряд на площадке, сами спустились на дно шахты, чтобы выслушать доклад о состоянии пещеры и отправить на поверхность уцелевших рабочих.

Часть спасательного отряда была также направлена по лестницам, чтобы подобрать лишившихся сознания.

На дне шахты дым был еле заметен. Здесь уже собрались рабочие, спустившиеся по лестницам и несколько пришедшие в себя. Несколько человек по дороге лишились сознания, но товарищи снесли их вниз и приводили в чувство.

Выслушав доклад дежурного инженера, посетившего пещеру, Ельников и Киото убедились, что все необходимое было уже сделано. Оставалось выждать полного прекращения пожара, что могло потребовать нескольких дней, после чего нужно было восстановить вентиляцию, чтобы высосать из пещеры дым и заменить его свежим и холодным воздухом. Из шахты дым должен был выйти постепенно сам благодаря движению клетей вверх и вниз, усиливавшему естественную тягу горячего воздуха со дна вверх.

С первой партией спасшихся рабочих, отправляе-

мых на поверхность, Ельников и Киото поднялись до уровня пещеры. Им хотелось своими глазами посмотреть на пожарище и убедиться, что в галерее не осталось людей, лишившихся сознания. В сопровождении взятых с поверхности рабочих они проникли в галерею и шаг за шагом осмотрели ее при свете фонарей. Хотя все были в толстой одежде, рукавицах и шлемах, но по мере приближения к пещере страшная температура давала себя чувствовать. Все пространство было заполнено дымом, густым, как серая жидкость. В пещере сквозь эту завесу еле-еле просвечивали еще тлеющие леса, но огненный переплет уже распался на отдельные куски. Ельников и Киото решились подойти к самым лесам, стоявшим слева, далеко от устья галереи. Пробираясь к ним, они наткнулись на три тела, лежавшие на полу пещеры ничком, со сведенными руками и ногами. Очевидно, это были последние успевшие выбежать с лесов, но затем лишившиеся сознания от дыма; а может быть, они спрыгнули с верхних ярусов и разбились. Если бы их товарищи не убежали в такой панике, то этих людей можно было подобрать и спасти, но ко времени прибытия первого спасательного отряда они, конечно, были уже мертвы.

Подобрав эти трупы, двинулись назад, потому что жар проникал уже сквозь одежду и шлемы на головах нагрелись так, что лицу стало больно. Проникнуть на леса, очевидно, было невозможно, да и бесполезно.

Распорядившись возобновить работу на дне шахты и отправив всех спасшихся из пещеры на поверхность, Ельников и Киото также поднялись. Дым в шахте уже разредился, но устье ее продолжало дымиться, подобно доменной печи, так что в надшахтном здании раскрыли все окна и двери, а механики у машин надели спасательные аппараты.

Через три дня инженеры опять пришли в пещеру и, убедившись, что огонь совершенно погас, велели возобновить вентиляцию. Так как трубы сильно погнулись, то освобождение пещеры от дыма и газов затянулось на несколько дней. Наконец в нее можно было проникнуть без риска.

Вошедшие были поражены — так изменился вид пещеры за короткое время пожара. Все было черно — и белый свод, и желтые стены скрылись под сплошные слоем копоти, осевшей также на дне. Так же чер-

ны были и обуглившиеся леса, частью стоявшие на месте, частью обрушившиеся. Перила, лестницы и настил местами сгорели совершенно, местами же обуглились и прогнулись. Ходить по ним было небезопасно, и, чтобы убрать трупы, нужно было обрушить все сооружение, что и было сделано при помощи крючьев и веревок. Сильнее всего прогорели, конечно, самые верхние ярусы, где торчали только вертикальные стойки и толстые перекладины.

Когда леса были превращены в груду черных обломков, ее стали разбирать и выдавать на поверхность. Попадавшиеся между бревнами и досками трупы были совершенно обуглены; от некоторых остались только черепа и более крупные кости. Но на нижних ярусах, осмотренных до разрушения лесов, нашли несколько наполовину обгоревших трупов. Это тоже были рабочие, застигнутые смертью на бегу, после того, как они успели спуститься со средних ярусов. В общем были собраны останки 62 человек.

Спасшиеся рабочие не захотели больше работать в пещере и взяли расчет; но из остальных двух смен, не бывших очевидцами катастрофы, бóльшая часть стала на работу по уборке лесов, а затем, когда последние следы пожарища были удалены, приступила к отбиванию натека и добыче драгоценных камней на последнем участке стены. Эта работа облегчалась тем, что слой натека, очевидно, благодаря страшной жаре, державшейся в пещере несколько дней после пожара, растрескался и легко отделялся от гранита.

15. ОБВАЛ

За время очистки пожарища в мастерских при шахте была изготовлена, спущена по частям и затем собрана в пещере высокая передвижная платформа, с которой Ельников намеревался очистить свод от натека и драгоценных камней. Так как свод не везде находился на одинаковой высоте над дном, достигая в центральной части 25 м и понижаясь к стенам до 18—20 м, то платформа была устроена так, что ее верхушка могла выдвигаться на 7 м вверх при помощи зубчатых колес и реек. Таким образом, перекатывая платформу по дну пещеры и выдвигая или спуская ее

верхнюю часть, можно было постепенно очистить весь свод. На верхней площадке находились 10 рабочих, которые, действуя ломиками, кирками и клиньями над головой, отламывали глыбы натека, а затем поверхностный слой гранита с драгоценными камнями. Работа требовала большой осторожности, так как нужно было следить за тем, чтобы подорванная глыба не оторвалась внезапно и не придавила стоявших под ней рабочих; кроме того, нельзя было допустить вообще, чтобы глыба гранита упала, так как при этом могли поломаться ценные кристаллы, усеивавшие их поверхность. По этой же причине нельзя было применять взрывчатые вещества.

Очистку свода начали от галереи, подвигаясь вдоль стен пещеры, так как натек и кристаллы с них были сняты и оставшуюся на своде толщу было удобнее подбивать наискось вверх. За смену очищали 4—5 кв. м, после чего платформа подвигалась дальше. При таком темпе работы понадобилось бы полгода, чтобы очистить весь свод, и инженеры решили построить вторую платформу, чтобы ускорить очистку вдвое.

Эта вторая платформа была поставлена к концу июня и пошла вслед за первой. Рабочие на ней очищали следующую по направлению к центру свода полосу в 2 м ширины.

В начале июля первая платформа приближалась уже к тому месту, где стояли сгоревшие леса. В пещере работало теперь одновременно только 20 человек на платформах и четверо под надзором штейгера на откатке добытого камня к шахте. По мере приближения работ к месту бывших лесов слой натека, достигавший в пещере 30—60 см толщины, отделялся от свода все легче и легче, так что приходилось подпирать его деревянными стойками, чтобы не отваливались слишком крупные куски, которые могли раздробить платформу.

И вот однажды, когда один из рабочих засунул конец лома в трещину между сводом и слоем натека, а другой начал бить по лому тяжелым молотом, громадный кусок натека сразу отделился от свода и рухнул вниз. В пещере воцарилась тьма, так как массы камня раздробили электрические фонари, стоявшие на столбах, и порвали провода. Одна из платформ с рабочими рухнула вслед за камнем, так как у нее были смя-

ты две опоры. Страшная волна воздуха повалила рабочих на другой платформе. Пыль от раздробленного камня наполнила воздух. В темноте раздавались стоны и крики. После обрушения главной массы отдельные глыбы натека продолжали еще отделяться от свода и с треском падали вниз.

Наконец, каменный дождь прекратился, и рабочие на уцелевшей платформе, полузадушенные пылью, начали приходить в себя. Штейгер зажег свечу, при тусклом свете которой, терявшемся в обширной пещере, можно было увидеть, что со свода обрушился слой натека длиной около 20 м шириной около 8 м. Перепуганные рабочие спустились с платформы и устремились было через наваленные глыбы к выходу из пещеры. Но штейгер остановил их; он послал одного в шахту к телефону, чтобы вызвать помощь, а сам с остальными девятью при тусклом свете свечи стал извлекать засыпанных.

Рабочие, упавшие вместе со второй платформой уже после обрушения свода, отделались сильными ушибами и переломами ног или рук. Но четыре человека, бывшие на дне пещеры у вагончиков, вероятно, погибли, задавленные рухнувшими массами. Пришлось ограничиться перевязкой ран двух-трех слегка ушибленных и переноской остальных с угловатых глыб камня, на которых они лежали, на ровное место.

Ельников и Киото вместе с рабочими, успевшими подняться, спустились в пещеру. Здесь шла уже разборка обвала, глыбы натека складывались в кучи в ожидании восстановления рельсов для вывоза их к шахте. Вскоре под этими обломками были найдены три трупа, совершенно раздавленные, четвертый же из бывших на дне пещеры рабочих спасся чудом — он успел спрятаться под вагончик, опрокинув его на себя в момент падения обвала; он лишился сознания и пролежал под вагончиком, пока его не освободили.

Причиной обвала, очевидно, был тот же пожар; под воздействием страшного огня, поднимавшегося с лесов, сильно накаленный слой натека отделился от гранита и поддерживался на своде только остальной массой натека, менее нагретой и потому не отслоившейся. Когда работы подошли к самому месту пожарища, и произошла катастрофа.

Шахта к началу июля достигла глубины 1470 м, и температура на дне ее была уже 89°, так что ступень определилась за последний месяц в среднем в 7 м. Нельзя было сомневаться, что дело близится к успешному завершению и через какие-нибудь 100—150 м будет достигнута температура кипения воды. Но работать становилось, конечно, все труднее. Спасала лишь толстая одежда и шлемы с резервуарами сжатого воздуха. Несмотря на усиленное вдувание охлажденного воздуха и широкое применение жидкого воздуха, температура у дна шахты держалась около 60°. До стенок нельзя было дотронуться, а глыбы породы, выломанные со дна шахты и доставленные на поверхность, были еще так горячи, что попадавшие на них капли дождя сразу испарялись, и над отвалами поднимался пар. Рабочие менялись каждый час, и каждая восьмичасовая смена состояла теперь из двойного их количества; проработав час в шахте, одна часть сменялась другой и поднималась для отдыха на поверхность, а через час возвращалась назад; следовательно, каждый проводил на работе только четыре часа из восьми. Таким образом поддерживалось непрерывное углубление шахты при сохранении работоспособности рабочих. Возле надшахтного здания был построен отдельный теплый барак, где отдыхавшая смена могла принимать душ и отдыхать. За каждые десять пройденных метров выдавалась особая премия всем работавшим в шахте, что увеличивало интенсивность труда.

16. КОТЛЫ ОСОБОЙ СИСТЕМЫ

В начале августа шахта имела 1537 м глубины и температура у ее дна достигла 98°. Гранит дна и стен излучал жар, словно исполинская печка; яйца, положенные на дно, варились всмятку в течение нескольких минут, картофель и хлеб пеклись за полчаса. Динамитные патроны, которые вкладывались в буровые скважины (шпуры), высверленные в скале дна, приходилось защищать асбестовой оболочкой от этого жара, действовавшего на них губительно. Пребывание рабочих на дне шахты пришлось сократить до получаса, так как и асбестовая одежда и шлем слишком быстро нагревались и люди начинали задыхаться. С от-

крытой головой в этой атмосфере можно было пробыть не долее нескольких минут, несмотря на струи холодного воздуха, со свистом вырывавшегося из вентиляционных труб. Жестянки с охлаждающими смесями и жидким воздухом приходилось менять через каждые полчаса, и каждая смена рабочих являлась с новыми жестянками.

Несмотря на эти затруднения, углубление шахты продолжалось с лихорадочной энергией; над платформой стучали молотки слесарей, соединявших звенья крепи, визжала лебедка и гремели камни, нагружаемые в вагончики. На дне шахты неумолчно стучали перфораторы, и их стальные жала с яростью вонзались в твердый гранит, выбивая искры. Люди в костюмах водолазов, напоминавшие чудовищных муравьев с большими круглыми головами, стояли у перфораторов, работали у гранитных стен молотками и зубилами, нагружали ящик лебедки обломками камня. Каждые полчаса из клети, спустившейся сверху, входили такие же странные молчаливые двуногие, на минуту замолкал стук перфораторов и молотков, прибывшие обменивались какими-то жестами с теми, кто возился в шахте, и становились на место последних. Снова начинался неистовый стук и грохот, а смененные муравьи стекались к клети, унося жестянки, и вместе с клетью исчезали во мраке шахты, чтобы через полчаса вернуться назад. Только три раза в сутки стук на дне шахты затихал на целых полчаса; вместо очередной смены рабочих появлялись запальщики, закладывали патроны в шпуры и быстро уходили, а спустя некоторое время тишина ненадолго нарушалась грохотом взрывов, шахта наполнялась приторным дымом, и дно ее, ровное за несколько минут до этого, превращалось в хаос наваленных друг на друга обломков. Дым быстро редел, жадно всасываемый трубами вентиляции, и через четверть часа после взрывов снова появлялись молчаливые двуногие и работа закипала по-прежнему; ни одна минута не пропадала даром, и казалось, что работают автоматы, руководимые какой-то невидимой силой. Это впечатление создавалось из-за полного отсутствия человеческих голосов — слышался только шум машин и инструментов.

6 августа на глубине 1553 м термометр показал в

породе на дне шахты температуру 100°. Ельникову сообщили об этом за утренним завтраком.

— Итак, конец? — воскликнул Фролов, поднимая рюмку с водкой.— Сердечно поздравляю вас, Аркадий Егорович, с успехом. Теперь остается поставить котлы, и вода в них закипит!

— Вы ошибаетесь, Семен Петрович,— улыбнулся инженер,— и ваше поздравление преждевременно. Мы должны углубляться еще.

— На какого же черта! Вам так нравится эта адская работа, что вы хотите вести шахту до центра Земли, что ли?

— Совсем нет! Вы забываете, что дно шахты находится уже на 1500 м ниже уровня океана.

— Так что же из этого?

— Если мы поднимаемся вверх от этого уровня, например лезем на высокую гору, то вода закипает при температуре ниже 100, и чем выше мы заберемся, тем больше разница. Вспомните курс физики, почтеннейший! На этом законе основано определение высоты гор кипячением воды в особом приборе, называемом гипсотермометром. Определяем температуру, при которой закипает вода, и по таблице находим высоту места.

— Представьте себе, совершенно позабыл. Но теперь понимаю, в чем дело. Если мы спускаемся ниже уровня океана, то точка кипения воды будет уже не 100, а выше?

— Вот именно. И по таблицам легко определить, насколько мы должны еще углубиться. Но кроме того, нужно иметь известный запас тепла. Если мы поставим котлы как раз на той глубине, на которой закипает вода, то мы рискуем, что через несколько лет вода уже не будет закипать в котлах, потому что наша шахта, словно насос, будет вытягивать тепло из недр. Как велика будет эта убыль и будет ли она вполне возмещаться притоком тепла из более глубоких слоев — мы не знаем точно. Опыта в этом отношении у нас нет, а вычисления могут быть не вполне точными. Поэтому лучше теперь же, когда все налажено, пройти вглубь лишних полсотни метров, чтобы иметь несколько градусов тепла в запасе, чем производить это углубление и сложную перестановку котлов через несколько лет. Да и вода в котлах будет закипать ско-

рее, когда температура скалы будет на несколько градусов выше точки кипения.

— Да, теперь я вижу, что мое поздравление преждевременно, и беру его назад! — засмеялся Фролов.— Пожалуй, оно будет уместно только через месяц?

— Приблизительно так. Но не хотите ли убедиться собственными глазами, что на дне шахты при 100° вода не кипит? Кстати, вы давно уже не были в шахте и не видели настоящего ада.

— С удовольствием.

— Для этого опыта мы захватим также Путилина и еще кого-нибудь из правления, чтобы они сами видели, что шахта должна быть глубже. Мы отправимся перед завтраком, а пока я велю сделать длинную жестяную трубку для нашего опыта.

Перед полуднем Ельников, Фролов, Путилин, Баранов и Функельштейн собрались у входа в шахту. Ельников принес жестяную трубку, длиной в метр и диаметром в 4 см, запаянную с одного конца. Так как на дне шахты давно уже не было ни капли воды, то трубку наполнили водой наверху и захватили с собой на всякий случай еще ведро воды. Ельников объяснил присутствующим, в чем будет заключаться опыт, прежде чем все облачились в костюмы и шлемы, не позволявшие разговаривать.

Спуск со скоростью 4 м в секунду продолжался теперь почти семь минут и казался бесконечным. Глядя на быстро мелькавшие одно за другим звенья крепи, каждое из которых имело метр высоты, посетители поняли, как велика эта глубина в 1553 м, которую они раньше не представляли себе реально. Наконец клеть остановилась. Понаблюдав работу слесарей, все спустились на дно шахты. Здесь заканчивалось выбуривание шпуров, и ряд последних был уже готов и заткнут пучками пакли. Открыв один из них, Ельников спустил в него трубку с водой. Все с интересом обступили ее. Вскоре из воды начали выделяться пузырьки воздуха, потом пошел легкий пар. Опущенный в нее термометр показал 100°, но вода не закипала — опыт был вполне убедителен.

Перед тем как подняться назад, посетители сняли с себя шлемы, чтобы «понюхать воздух в шахте», как выразился Путилин. Через полминуты все лица покраснели, рты раскрылись в инстинктивном стремле-

нии к свежему воздуху, глаза начали слезиться, все зачихали, и Фролов выразил общее впечатление словами:

— Мне кажется, что меня посадили в духовой шкаф, чтобы изжарить. Еще пять минут — и моя кожа начнет румяниться, как у поросенка!

Все поторопились войти в клеть и, поднявшись на поверхность, жадно вдыхали теплый воздух августовского дня, который казался им удивительно свежим и приятным.

В пещере после обвала на некоторое время работы были остановлены. Но когда прибыли горнорабочие, выписанные из Японии, Киото опять приступил к добыче драгоценных камней из свода. Только теперь, во избежание повторения несчастья, предварительно обрушивали толщу кремневого натека отдельными участками, применяя взрывчатые вещества, а затем уже прежним способом осторожно отделяли наружный слой гранита, содержавший ценные кристаллы. Но в своде пещеры этот слой оказался значительно тоньше, чем на стенах, так что добыча его не представляла особенных выгод, и было решено прекратить работу, как только пещера понадобится для установки электрических машин. Только кремневый натек нужно было отбить повсюду, чтобы он со временем не обрушился сам.

В первых числах сентября шахта достигла 1620 м глубины; теперь температура на ее дне повысилась уже до 107°, и опыты показали, что вода, налитая в шпуры, закипает почти моментально. Но на всякий случай решили углубиться еще на 30 м и довести температуру скалы до 110°. Это было достигнуто 14 сентября рано утром. По случаю окончания шахты на этот день все работы в ней были прекращены.

На следующий день приступили к проведению галерей, или штреков, для котлов. Каждый из четырех штреков имел по 2 м в ширину и в высоту, и они расходились от шахты в горизонтальном направлении под прямым углом друг к другу. На расстоянии 6 м от шахты каждый штрек делился на две ветви, также расходившиеся под прямым углом друг к другу, так что теперь работали уже восемь штреков. Последние через 6 м опять раздваивались, так что на расстоянии 12 м от шахты получалось уже 16 штреков, которые

врезались, подобно гигантским щупальцам или, скорее, подобно корням шахты, в горячий гранит, чтобы высасывать из него тепло.

Когда в конце сентября приступили к проведению этих штреков, Фролов однажды спросил Ельникова за обедом:

— Ваши котлы, вероятно, на днях прибудут из Японии? Но как же вы будете склепывать их в штреках? А целиком спустить их в шахту совершенно невозможно, я думаю.

— Совершенно верно,— отозвался Ельников,— поэтому я еще не заказывал котлов.

— То есть как же это? — вскричал Фролов, уронив из рук вилку.— Вы все время говорили: котлы, котлы, котлы, а теперь оказывается, что они еще не заказаны! Чего же вы ждете, объясните, ради бога? Ведь теперь шахта успешно доведена до надлежащей глубины и бояться, что котлы вообще не понадобятся, нечего.

— Заказывать их не нужно, мы их сами изготовим,— улыбнулся Ельников.

— Ничего не понимаю! Крепь для шахты все время выписывали готовенькую, а котлы хотите делать сами. Разве они будут такие особенные, что их в Японии не могли бы сделать? Не могу себе представить!

— Совершенно верно! Не только в Японии, но и в целом мире котлов моей системы не могут сделать. Это мой патент и мой секрет.

— Но мне-то вы можете сказать! Я не конкурент и не буду строить эти адские шахты. Все-таки я никаких подготовительных работ не видел, хотя бы подвозки материала для этих загадочных котлов. Они, что же, будут из алюминия?

— Нет, просто-напросто из гранита.

— Из гранита? Ну, это шутки. Я понимаю, что вы проводите штреки в граните, заменяющем вам и обмуровку котла, и топку, и топливо. Но в этот штрек-то вы должны вставить котел, содержащий воду, настоящий котел из какого-нибудь металла,— вещества, хорошо проводящего тепло, а не из гранита, пропускающего воду.

— Я сам так думал прежде. Но теперь решил отказаться от металлических котлов — лишний расход.

— Хоть убейте, Аркадий Егорович, я вас не понимаю. И Анна Ивановна, я уверен, также.

— Вы ошибаетесь, Семен Петрович! — засмеялась Ельникова.— Я поняла, или, вернее, догадалась, хотя муж мне ничего не говорил, кроме того, что вы сейчас слышали.

— В таком случае вам следует выдать почетный диплом инженера — специалиста по подземным котлам! — пошутил Фролов.— И вы, может быть, объясните мне, в чем суть?

— Да это очень просто, Семен Петрович! Я полагаю, что Аркадий Егорович хочет не ставить в штреки котлы, а прямо вливать в них воду.

— Вливать воду? Но ведь она уйдет, разольется по штрекам и уйдет в трещины.

— Анна Ивановна действительно поняла мою мысль,— сказал Ельников.— Металлические котлы нам нужны здесь, на земной поверхности, нужны были бы и в шахте, если бы она кончилась в каких-нибудь трещиноватых сланцах. Но мы наткнулись, к счастью, на сплошной крепкий гранит, и вместо того, чтобы вставлять в него котел, не проще ли, чтобы сам гранит исполнял роль и грелки и водоема. Каждый из моих штреков окончится гезенком, то есть вертикальным колодцем глубиной в 10 м. В этот колодец мы проведем воду, закроем его хорошо пригнанной крышкой с пароотводной трубой и предохранительным клапаном, вода в колодце будет себе кипеть, а пар по трубе уходить куда нужно.

— Действительно, просто, как колумбово яйцо! — удивился Фролов.— Но неужели из этих ваших каменных котлов-колодцев вода не будет просачиваться в глубь гранита? Ведь гранит водопроницаем, хотя и в слабой степени.

— Вы правы, немного воды будет уходить, но разве нам жалко ее? Провести воду вниз легко — она течет сама. И потом вообще все новые котлы немного текут,— засмеялся Ельников,— а стенки наших колодцев постепенно покроются слоем накипи, которая заполнит всякие трещинки, и течь прекратится. Я думаю, что придется эту накипь время от времени счищать, как во всяких котлах, хотя наши котлы никогда не взорвутся,— это их особенное достоинство.

— Я поражен простотой этой идеи,— воскликнул Фролов.— Вместо того чтобы заказывать котлы, во-

зиться с их спуском в шахту, склепкой и установкой,— выдолбить их в граните!

— А знаете, когда и как явилась эта идея? «Драгоценная» пещера, наполненная водой, подала мне ее. В ней сохранялась вода миллионы лет и только из одной седьмой объема пещеры, прежде заполненной доверху, судя по наличию натека на своде, вода куда-то исчезла. Этот сплошной гранит, лишенный трещин, очевидно, пропускает и впитывает воду в ничтожном количестве и даст нам котлы, так сказать, вечные, никогда не требующие ремонта.

— Но крышки к ним будут металлические?

— Конечно. Они уже давно заказаны и на днях прибудут. В устье каждого колодца они будут укреплены особыми зажимами, так что их нетрудно будет снять для чистки котла.

В начале октября каждый из 16 штреков, достигнув длины в 6 м, в свою очередь, был разделен на две короткие ветви, в дне каждой из них начали углублять гезенки, или колодцы; последние в верхней части имели только метр в диаметре, но глубже начинали постепенно расширяться, подобно гигантской бутылке, до диаметра в 3 м. От устья до дна они имели 8 м; стенки их были тщательно выровнены. Затем на дне штрека вокруг устья каждого колодца в граните прорезали желоб, дно и стенки которого также были выровнены и даже отполированы. В четырех местах с внешней стороны желобка выбурили по одному шпуру, глубиной в метр, спустили в каждый из них большой фундаментальный болт головкой вниз и залили цементом. Металлические крышки этих котлов в граните ложились своими краями в желоб, на подкладку из асбеста; зажимы, навинченные на болты, удерживали крышки.

В шахте за это время убрали платформу, довели направляющие клетей до дна, нарастили насосные и вентиляционные трубы и присоединили к ним разветвления, которые должны были подводить воду к 32 котлам и свежий воздух в штреки. От котлов проложили паропроводные трубки, соединявшиеся в шахте в общий паропровод, поднимавшийся на 400 м к пещере.

17. ОКОНЧАНИЕ ШАХТЫ

В пещере в это время устанавливали большие паровые машины и огромные генераторы электрического тока. Вверх от пещеры шли кабели, по которым ток поднимался на поверхность. Пещера превратилась теперь в огромный машинный зал, ярко освещенный большими фонарями, где десятки слесарей и механиков занимались сборкой машин, части которых были спущены в шахту. На желтоватых стенах зала и его своде крупные кристаллы полевого шпата и пластинки черной и белой слюды отражали огни фонарей, а рядом с ними тускло блестели зерна белого или дымчатого кварца. Огромный свод не нуждался ни в какой крепи — ни в подпорках, ни в балках; слой кремневого натека, который мог бы обрушиться, был удален, все подозрительные выступы и глыбы сбиты.

В середине ноября все было установлено, машины проверены и испытаны, в котлах кипела вода. По улицам города к давно уже готовым столбам были подвешены кабели, а в трамвайном парке ряды новеньких вагонов стояли в ожидании открытия подземной станции.

Торжественное открытие тепловой шахты было назначено на 20 ноября; этот день решено было праздновать ежегодно, пока существует город Безмятежный. С утра уже все здания расцветились флагами, гирлянды из хвои, мирта и других вечнозеленых кустов тянулись поперек улиц. Все огромное надшахтное здание было украшено флагами и венками, а площадь перед ним была запружена горожанами и рабочими, которым было интересно посмотреть, как сила тепла, взятая из скалы на дне темной и страшной шахты, стоившей таких трудов и погубившей десятки людей, завертит все машины, пустит в ход трамваи и осветит город.

День выдался пасмурный, но теплый и сухой. На площадь к надшахтному зданию прибыли все члены правления, инженеры, техники и все городские служащие. После молебствия и освящения шахты Путилин, Ельников, Фролов и один из рабочих произнесли речи. На флагштоке над зданием взвился флаг с гербом города, изображавшим разрез шахты, из которой вырывался пучок лучей. Девиз на гербе гласил:

«Из недр — сила». Одновременно с поднятием флага, по сигналу Ельникова, переданному по телефону в пещеру, заработали машины и сразу зажглись фонари на городских улицах, а трамвайные вагоны один за другим начали выходить из парка, разбегаясь по всем линиям и набирая на остановках пассажиров, платы с которых в этот день не брали.

После этого во всех залах гостиницы состоялся завтрак для строителей шахты — как инженеров, так и рабочих, на котором присутствовали все члены правления и представители горожан; после завтрака последние спускались в шахту и осматривали машинный зал и котельные штреки, и затем до позднего вечера спуск в шахту был разрешен всем желающим. Вечером в театре состоялся парадный спектакль для строителей шахты, городских служащих и рабочих.

На следующий день прибыл пароход с 50 японскими и американскими инженерами, ехавшими к открытию, но опоздавшими из-за тайфуна. Гости осматривали шахту и город, и вечером в честь их правление дало банкет.

Героями этих дней были Ельников и его главный инженер Киото — строители шахты, одной из новых мировых достопримечательностей, которая должна была привлекать в город Безмятежный туристов из всех стран земного шара. Часть освободившихся мастерских при надшахтном здании была превращена в музей, и в нем было собрано и выставлено для обозрения посетителей все, что касалось шахты: планы и разрезы, чертежи машин, разные фотографии, коллекция всех горных пород, пройденных шахтой, кремневого натека и драгоценных камней пещеры, данные о температуре разных слоев, обнаружившей такие колебания, о притоке воды и ее составе и т.п.

С началом действия котлов на дне шахты и электрической станции в пещере работы не были еще закончены. Пришлось приспособить шахту к ее новой деятельности. Прежде всего нужно было переделать вентиляционные трубы, высасывавшие горячий воздух из шахты, который до сих пор пропадал без пользы, так как был загрязнен пылью, дыханием людей и динамитным дымом. Теперь же он прежде всего должен был обогревать паропроводные трубы, шедшие от дна шахты до пещеры, чтобы предупредить остывание

пара на этом пути в 400 м длины. Поэтому соорудили новую вытяжную трубу, охватывавшую все паропроводы, словно большой футляр. Эта труба продолжалась и вверх от пещеры, но уже без паропроводов внутри; она выводила горячий воздух на поверхность, где им в холодное время года подогревались котлы городского водяного отопления и тем уменьшался расход электричества. В теплые месяцы, когда не было надобности в отоплении домов, горячий воздух из этой трубы направлялся в большую сушильню, устроенную для сушки плодов и овощей, которыми снабжался не только весь город, но и соседние районы.

Менее горячий воздух, высасываемый из пещеры, направлялся в старую вытяжную трубу и находил на поверхности другое применение: он попадал в расположенные по соседству с шахтой центральную городскую прачечную и столярную мастерскую, где им пользовались для сушки белья и дерева. Таким образом, ни одна калория тепла, извлекаемого из недр Земли, не пропадала даром.

Из четырех насосов, имевшихся в шахте, три были оставлены в полной исправности на случай несчастья — прорыва воды в шахту сверху или снизу. Четвертый насос подвергся полной переделке; он был превращен из сосущего воду снизу в подающий воду сверху и питал все 32 котла системы Ельникова. Питание было автоматическое, так что котлы не требовали постоянного надзора; только четыре раза в сутки на дно шахты спускался механик и обходил все котлы, чтобы убедиться в их исправности.

Электрическая станция в пещере, конечно, требовала постоянного надзора и ухода, поэтому дежурные машинисты и слесари находились в ней постоянно, но в пещере температура была значительно ниже, чем на дне шахты, так что при сокращенной продолжительности работы она производилась без вредных последствий и даже без дыхательных аппаратов, неизбежных на дне шахты.

Подъемная машина, компрессор, нагнетавший в пещеру охлажденный воздух, и вентилятор, высасывавший из нее горячий, ранее работавшие силой пара, теперь приводились в действие электромоторами, получавшими ток из подземной станции.

Все необходимые переделки и исправления были

закончены к концу зимы, и после испытания всей системы в течение марта Ельников мог сдать шахту акционерному обществу как вполне законченную и удовлетворяющую своему назначению «теплососа». Она доставляла большому городу все необходимое для его жизни: тепло, свет и силу; для получения их не сжигали ни одного фунта угля. Огромное надшахтное здание с его пристройками резко отличалось от фабрик и заводов тем, что не имело трубы, извергающей клубы черного дыма. Это здание отличалось чистотой и царившей в нем тишиной: подъемная машина, вентиляция и котлы, согреваемые электричеством, действовали почти беззвучно. В определенные часы входили и выходили чисто одетые люди, мало похожие на рабочих.

Отсутствием дыма и копоти отличался весь город Безмятежный. Во всех домах плиты были газовые, а отопление водяное; горячая вода из центральных котлов надшахтного здания, нагреваемых горячим воздухом шахты и электричеством, расходилась по трубам по всему городу; так как на пути она немного остывала, особенно к окраинам города, то в каждом доме имелись электрические подогреватели, действовавшие, впрочем, только в холодные месяцы. Таким образом, даже зимой трубы городских домов не дымили, за исключением труб немногочисленных каминов у любителей этого рода отопления. В прочее время вода была достаточно горяча для употребления в ваннах и кухнях. <...>

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Афанасьевич
ОБРУЧЕВ

СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 2

Редактор *И. Шурыгина*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Г. Шитоева*
Корректоры *Н. Кузнецова, И. Сахарук*
Компьютерная верстка *И. Понятых*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 21.03.95 г. Усл. печ. л. 30,24.
Уч.-изд. л. 32,1.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.